

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3985.151

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

5137
4

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпуски 3 и 4.

Одесса.

ТИПОГРАФІЯ Л. НИТЧЕ.

1868.

3054 Mo.

З А П И С К И

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ОДЕССА,

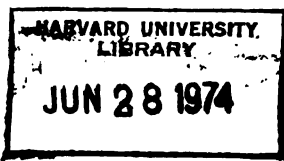
ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. НИТЧЕ.

1868.

Δ
2 Soc 3985.151 $\left(\begin{array}{r} 1868 \\ 1 \\ \hline \text{pt. 3-6} \end{array} \right)$

Печатано по определению Совета Императорскаго Новороссійскаго университета.

Секретарь Совета В. Орлов.

74 * 2

7694
12

Исторія славянскихъ законодательствъ принадлежитъ къ числу наиболее молодыхъ наукъ. До второй четверти текущаго столѣтія являлись только слабыя попытки въ дѣлѣ объясненія юридическаго быта различныхъ славянскихъ племенъ. Открытіе и изданіе множества памятниковъ славянскихъ законодательствъ, вмѣстѣ съ опытами систематической ихъ разработки, принадлежатъ послѣднимъ двумъ — тремъ десятилѣтіямъ. Въ это время явились замѣчательныя историко-юридическія изслѣдованія, возбуждшія большой интересъ къ предмету; явилась даже возможность широкаго сравнительно-историческаго изученія славянскихъ законодательствъ. Труды Мацѣйовскаго, Палацкаго, Шафарика, Ирѣчка, Губе, Лелевеля, обоихъ Бантке и другихъ изслѣдователей славянской старины обогатили науку важными открытіями, уяснили многіе темные вопросы по исторіи юридическаго быта Славянъ, вообще положили прочныя основанія для науки исторіи славянскихъ законодательствъ.

Предметъ, впрочемъ, далеко еще не исчерпанъ: исторія славянскихъ законодательствъ только что начинаетъ получать строго научный характеръ. Множество памятниковъ и отдѣльныхъ вопросовъ по внутренней исторіи права остается доселѣ почти безъ всякой научной разработки. Исторію славянскихъ законодательствъ можно считать во многихъ отношеніяхъ не початымъ полемъ для изслѣдованій.

Если исторія древняго польскаго и чешскаго права достаточно выяснена трудами новѣйшихъ дѣятелей, то далеко не то можно сказать о законодательствѣ южныхъ Славянъ. Опыты Палацкаго, Мацѣйовскаго, Рейца, Брстича и другихъ, если и уяснили многіе вопросы по исторіи сербскаго и хорватско-далматскаго права, то все таки не восполняютъ въ ней огромныхъ пробѣловъ. Масса драгоценныхъ памятниковъ, открытыхъ Букулевичемъ-Саницинскимъ, обоими Шафариками, Миллошичемъ, Пуцичемъ и другими, представляетъ доселѣ сырой матеріалъ, безъ всякой критической разработки, — матеріалъ, который раскрываетъ все богатство и разнообразіе юридическихъ институтовъ глубокой древности, удерживавшихся въ нѣкоторыхъ сербскихъ и хорватскихъ земляхъ до нашихъ дней.

Къ числу пробѣловъ по исторіи славянскихъ законодательствъ въ особенности нужно отнести хорватско-далматское право. Можно указать на немногія изслѣдованія по исторіи отдѣльныхъ памятниковъ или юридическихъ институтовъ. Но такія изслѣдованія рѣшительно не объясняютъ послѣдовательнаго историческаго развитія хорватско-далматскаго законодательства. Изслѣдованы только позднѣйшіе переработанные уставы далматскаго Приморья (и то далеко не всѣ), въ которыхъ уже до значительной степени замѣтны чуждыя вліянія (Рейцъ, Венцель и др.). Между тѣмъ, такіе уставы, какъ Винодольскіе Законы или Полицій Статутъ, весьма мало затронуты научной критикой, не смотря на то, что въ нихъ удержалась славянская старина во всей своей первобытной свѣжести и неприкосновенности. Объясняя древнее устройство общинъ хорватскихъ и далматскихъ, они могутъ служить также важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи другихъ славянскихъ законодательствъ, въ томъ числѣ и русскаго, коронящагося въ однихъ и тѣхъ же общеплеменныхъ славянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я желалъ бы хоть приблизительно дать понятіе о предметѣ, далеко не лишенномъ интереса въ отношеніи къ древнему русскому праву. Нисколько не рассчитывая изложить полную исторію хорватско-далматскаго права, — трудъ, едва ли исполнимый въ настоящее время, при рѣшительной недоступности многихъ хорватскихъ и далматскихъ уставовъ (напр. хоть уставовъ дубровницкихъ, доселѣ не обнародованныхъ въ печати), я поставилъ своей задачей разсмотрѣть въ особенности три типическіе устава: *Винодольскіе Законы*, *Законы града Загреба* и *Полицій Статутъ* — драгоценные памятники славянской старины, въ которыхъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ, по изстариннымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, при самомъ слабомъ вліяніи чуждыхъ источниковъ. Въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ общинная жизнь Славянъ представляется на различной ступени развитія. Винодольскіе Законы воспроизводятъ жизнь „кнежтва“, слагавшагося изъ нѣсколькихъ „обтинъ“, жупъ, — Законы града Загреба — жизнь отдѣльной жупы, съ ея центральнымъ мѣстомъ, градомъ. Въ обоихъ памятникахъ изслѣдователь находитъ уже довольно сложныя и развитыя формы общинной жизни Славянъ. Въ Полиціомъ Статутѣ мы, напротивъ, встрѣчаемся съ жупой, въ первичной ея формѣ, состоявшей изъ однихъ селъ, безъ всякихъ градовъ, весьма долго удерживавшей всѣ характеристическія особенности патриархальнаго быта старыхъ Славянъ. Изученіе законовъ винодольскихъ, загребскихъ и полиційскихъ представляетъ для насъ нѣтъ ли значительной важности: въ нихъ мы найдемъ удовлетворительное разрѣшеніе множества темныхъ вопросовъ по исторіи русскаго (въ особенности эпохи

III

Русской Правды и мѣстныхъ законовъ) и другихъ славянскихъ законодательствъ. — Изложенію избранныхъ мною памятниковъ я предпослалъ обзорѣніе другихъ важнѣйшихъ памятниковъ хорвато-далматскаго законодательства. Такимъ образомъ, начѣ очеркъ раздѣляется на слѣдующіе четыре отдѣла:

I. Общее обзорѣніе памятниковъ древняго хорвато-далматскаго законодательства.

II. Изслѣдованіе Винодольскихъ Законовъ.

III. Изслѣдованіе Законовъ града Загреба.

IV. Изслѣдованіе Полицкаго Статута.

Кромѣ исторіи самыхъ памятниковъ (съ указаніемъ на причины ихъ изданія, на источники, списки, порядокъ составленія памятниковъ, на существенныя ихъ отличія по внѣшней системѣ и содержанію), я старался изучить по источникамъ по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты внутренняго быта общинъ, обращая въ особенности вниманіе на учрежденія и порядки, по чему либо сходные съ учрежденіями по древнему русскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. При этомъ, имѣя дѣло съ отдѣльными юридическими институтами, я поставилъ главной своей цѣлью — изложить ихъ сущность и значеніе, на сколько они формулированы и затронуты въ самыхъ памятникахъ, обращаясь за объясненіемъ къ другимъ источникамъ лишь для болѣе отчетливаго пониманія и уясненія предмета. Сравнительное изученіе памятниковъ и отдѣльныхъ институтовъ по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ не входитъ въ нашу задачу, — иначе намъ пришлось бы излагать чуть ли не полную исторію славянскаго права.

Считаю не совсѣмъ лишнимъ привести здѣсь главнѣйшія *пособія и источники*, которыми можно пользоваться при изученіи древняго хорвато-далматскаго законодательства.

Печатные сборники хорвато-далматскихъ законовъ начинаются съ XVI столѣтія. Изъ древнѣйшихъ сборниковъ извѣстны въ настоящее время слѣдующіе:

Palatino, Libro, nel qual s'insegna a scriver ogni sorte lettera. Roma 1550.

— Compendio del gran volume dell'arte del bene et leggridramente scrivere tutte la sorti di lettere e caratteri. Venetia 1588.

Statuta Jadertina cum omnibus reformationibus in hunc usque diem factis, additoque indice locupletissimo, nunc primum typis excusa. Venetia 1564.

Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici, sum tabula rubricarum. Venetiis. 1608.

Statuta insulae Curzubae. Ven. 1614. Въ 1643 и 1693 г. вышло

IV

новое изданіе законовъ Корчулы съ добавленіями, подъ заглавіемъ: *Liber Legum et Statutorum civitatis et insulae Curzulae*.

Statuta civitatis Cathari. Ven. 1616 и 1715.

Statuta communitatis Pagi. Ven. 1637.

Statuta communitatis Lesinae. Ven. 1643.

Diversi publici Decreti, Terminationi, Privilegi et Indulti a favor della magnif. Communità della *Brazza*. In Udine. 1656.

Statuta municipalia ac Reformationes magnif. communitatis Brachiae. Utini. 1656.

Decreta communitatis Brattiae. Ven. 1656.

Ivan Lucio, Memorie istoriche di *Tragurio*. Ven. 1674.

Aloysio Pisani, *Statuta et Reformationis civitatis Tragurii*. Ven. 1708.

Privileggi della Provincia della *Cargna*. Ven. 1740.

Dolci Sebastiano, Monumenti storici della Provincia *Fracescana di Ragusa*. Napoli 1744.

Farlati, *Illiricum sacrum*. Venetiis. 1751—69.

Analecta Scepusia. W. Wiednu. 1774.

Epitome del Privilegio e Rolo di *Makarska, Primorje e Craine*. In Venezia. 1794.

Исчисленные сборники составляютъ теперь библиографическую рѣдкость. Впрочемъ, болѣе важные памятники извлечены изъ нѣкоторыхъ старыхъ сборниковъ и помѣщены въ новѣйшихъ изданіяхъ Миклошича, Букулевича и др. Въ настоящемъ столѣтїи открыто много новыхъ памятниковъ, мало извѣстныхъ въ прежнее время. Они помѣщены въ слѣдующихъ сборникахъ:

Kreglianovich, Memorie par la storia della *Dalmazia*. Zara. 1809.

Müller, Privilegium Regis Belae IV a 1258 Nobilibus de *Almissio* in Dalmatia. 1817.

Frajo Carraro Splitcanin, Archiv Capitolare di *Spalato*.

Brodtkmann, Memorie politico-economiche di *Trieste, Istria, Dalmazia e Ragusa*. Ven. 1822.

Stulli Luca, Monumento da inalzarsi alla sacra, zesarska, regia, apostolica maesto di *Francesco I*. Ragusa. 1826.

P. I. Safarik, Monumenta *illyrica*. Praeae 1839.

— Památky hláholského pisemnictví. V Praze. 1853. (12 хорватскихъ грамотъ XIV — XVI столѣт.).

Обреновичъ, Србскіи споменици или старе рисовуль, дипломе, повелѣ и сношенія босански, србски, херцеговачки, *далматински* и *дубровачки*, кралева, царева банова. У Београду 1840.

Solitto Vincenzo, Documenti storici sull'Istria e la *Dalmazia*, raccolti e annotati. Ven. 1844.

Franceschi, Statuti prime leggi in *Ragosnizza*. 1235. Въ журн. *Dalmazia* 1845. № 22.

Batto, Documenti inediti riportanti il prospetto politico-economico-geographico, delle *comunita dalmatiche* nell'anno 1553. Ibid. 1845 — 47.

Wenzel, Beiträge zur Quellenkunde der dalmatischen Rechtsgeschichte im Mittelalter. (Статуты острововъ *Ластова*, *Мльта* и пр.). Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. I — III.

— Codex diplomaticus *Arpadinus* continuatus. Pest. 1860.

Liber de ordinamenti et de le usance della universitade del Comun de *Medida* fate e ordinate per tuti li homeni de quela isola in pubblico reggimento dello popolo. Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen 1849. Bd. II.

Vercevic Vuko, Ustanova Gebraljska u Boki *Kotorskoj*. Въ Pravdonosa 1851. Zakoni i ustanove *dalmatinskih hradovah*. Ibid. 1851 — 52.

Ian Kukuljevic Sakcinski, Arkiv za povestnicu jugoslavensku. I — V knih. U Zargebu. 1051 — 59.

— Отрывокъ *Полицкаго Статута*. Въ соч. Кукулевича — Izvjestje o putovanju kroz Dalmaziju. 1857.

— Iura regni *Croatae, Dalmatiae et Slavoniae*. I — VI Vol. Zagrabiae. 1858 — 63.

— Conspectus monumentorum historicorum in manuscripto existentium, quae ad illustrandam historiam ecclesiasticam ac civilem *Slavorum meridionalium* tipis vulgari possent. Zagrabiae. 1859.

— Monumenta historica Slavorum meridionalium. Povjestnj Spomenice juznih Slavenah. Knjiga I. *Listine Hrvatske* (acta croatica). U Zargebu. 1863.

M. Банз. Статутъ острова *Мльта*. Въ III книгѣ сборника — Дубровникъ 1852.

Tafel und Thomas, Griechische Original-Urkunden des Freistaates *Ragusa*. Въ Sitzungsberichte d. Kaiserl. Akad. d. Wissensch. 1851, Mai-Heft.

Кнезь Медо Пучич, Споменци сръбски од 1395 до 1423. I — II. У Београду. 1858 — 62. (*Дубовницкија* грамоты и извлеченія изъ сборниковъ дубровницкихъ законовъ).

Fr. Miklosich, Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, *Ragusii*. Viennae 1858.

Ian Safarik, Пописъ акта приналежечи къ исторіи Срба и остали южно-славска, наодечи се у дес. кр. Млетачкогъ генералногъ архиву. Въ Гласникѣ дружт. сръб. словесн., св. X. 1858. Отдѣльно — у Београду. 1858.

Ian Saffarik, Србски исторійски споменици млетачкогъ архива. Ibid. 1859 — 62. Отдѣльно — Belgradi. 1860 — 62.

Theiner, Vetera monumenta Slavorum meridionalium. Romae 1863.

Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavoniae. U Zagrebu. 1862.

Споменици изъ дубровачке архиве. У Београду. 1862.

Макушевъ, Законодательные памятники Дубровника. Въ его изслѣд. объ историч. памятникахъ Дубр. Спб. 1867. (См. ниже).

Отдѣльные памятники помѣщены также въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ; Србско-далматинскомъ магавинѣ (у Зандру), Гласникѣ дружтва србске словесности (у Београду), Дубровникѣ, Коло (U Zandru), Sitzungsberichte der kaiserl. Akad. der Wissensch. (Wien), въ Чтеніяхъ въ Общест. истор. и древн. рос. и пр.

Наконецъ памятники, касающіеся хорвато-далматскаго законодательства, можно находить въ слѣдующихъ сборникахъ венгерскихъ и венеціанскихъ законовъ: *Schwandter* — Scriptorum rerum hungaricarum (Wien 1746); *Iony* — Facies juris Hung. (Iena 1756); *Kaprinai* — Hungaria diplomatica (Vind. 1767); *Werbosz* — Corpus juris Hungarici; *Engel* — Monumenta Ungarica (1809); *Fejer* — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis (Budae. 1829); Corpus decretorum juris Hungarici (1844 — 48); *Endlicher* — Rerum hungaricarum monumenta arpadiana (Sangali. 1848); *Szeremi Guörgy* — Monumenta Hungariae historica. (Pest. 1857 — 61); *Theiner* — Vetera monumenta historica sacram illustrantia Hungariam. (Romae. 1859); Volumen Statutorum, Legum ac jurium D. Venetorum (Venet. 1564, 1586, 1691, 1729); *Tafel u. Thomas* — Urkunden zur älteren Handels- u. Staatsgeschichte der Republik Venedig, mit Beziehung auf Byzanz und Levante (Wien 1856 — 58); Urkunden der Republik Venedig (Въ Fontes Rerum Austriacarum. Wien. 1857. III).

Изслѣдованія по исторіи хорвато-далматскаго законодательства, главнымъ образомъ, принадлежать настоящему столѣтію. Изъ старыхъ сочиненій, касающихся этого предмета, намъ извѣстны только два:

Bona de Nicolai, Praxis judiciaria juxta styllum Curiae ragusanae. Ragusae 1784.

Engel, Staatsrechtliche Untersuchungen über Dalmatien, Croatien und Slavonien. Въ 11 томѣ большаго его сочиненія: Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien u. Slavonien. Halle 1798.

Не раньше второй четверти текущаго столѣтія появляются въ собственномъ смыслѣ историко-юридическія изслѣдованія по славянскимъ законодательствамъ. Начало систематической ихъ разработки положено *Мацѣковскимъ*, въ двухъ извѣстныхъ его сочиненіяхъ:

Maciejowski, *Historya prawodawstw Stowianskich*. I — IV. Warszawa. 1832 — 35. Новое изданіе въ 6-ти томахъ появилось въ 1856 — 65. — *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Stowian*. I — II. Spb. 1839.

Исслѣдованія Мацѣйовскаго въ особенности важны, какъ первые обстоятельные опыты сравнительно историческаго изученія славянскаго права. Въ этомъ случаѣ заслуга автора несомнѣнна. Изложеніе его отличается впрочемъ большою неполнотою: авторъ имѣлъ предъ собою слишкомъ широкое и мало обработанное поле изысканій, не могъ притомъ воспользоваться многими источниками, обнаруженными только въ недавнее время. Въ особенности недостаточно и блѣдно изложена внѣшняя исторія славянскихъ законодательствъ; многіе весьма важные памятники даже вовсе не упомянуты авторомъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства Мацѣйовскій изложилъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о Винодольскихъ Законахъ, Крскомъ Статутѣ и городскихъ уставахъ далматскаго Приморья; почти только упомянуть Полицій Статутъ — одинъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ славянской старины, заслуживающій самаго внимательнаго и всесторонняго изученія. Полнѣе изложена внутренняя исторія. Авторъ съ большимъ успѣхомъ примѣнилъ здѣсь сравнительный методъ изученія памятниковъ, хотя далеко не исчерпалъ всего ихъ содержанія и не избѣжалъ многихъ совершенно произвольныхъ построеній и положеній по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи славянскихъ законодательствъ. (Главнѣйшіе недостатки сочиненія Мацѣйовскаго изложены весьма обстоятельно въ рецензіи неизвѣстнаго автора, помѣщенной въ „*Pismo zbiórowe, wydane przez Iosafata Ohryzko*“, т. I. Spb., 1859, стр. 374 — 490).

Почти одновременно съ Мацѣйовскимъ явились другіе изслѣдователи, обратившіе вниманіе на славянскую старину, старавшіеся объяснить древнѣйшіе памятники юридической жизни Славянъ. По исторіи хорвато-далматскаго законодательства въ особенности важны изслѣдованія профессора Рейца:

Reutz, *Die freien Landgemeinden von Zernohora, Poglizza und andere, ein Beitrag zur Kenntniss des südlichen Slavenstammes*. Вь Dorpat. Jahrb. I. 1833.

— *Verfassungs- und Rechts-Zustand der dalmatischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter*. Dorpat. 1841. Русскій переводъ, въ Сборникѣ историч. и статист. свѣд. о Россіи Валуева (II. 1845), подъ заглавіемъ: Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытыя изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ. Итальянскій переводъ, въ журн. *Dalmazia* (1845, № 25), — *Stato politico e giudiziario delle città marittime e delle isole dalmate nel medio evo, desunte dai loro statuti municipali*.

VIII

Последнее изслѣдованіе доселѣ не потеряло значенія въ наукѣ. Въ немъ Рейцъ довольно полно и обстоятельно изложилъ постановленія далматскихъ статутовъ, извѣстныхъ въ то время въ печати (Травы, Цары, Браццы, Себенико, Баттаро, Лезины и Корчулы), въ особенности разсмотрѣлъ государственное устройство, сословія, отношенія права гражданскаго, уголовнаго и процесса. Для насъ представляютъ особенный интересъ факты касательно чисто юридическихъ отношеній. Здѣсь большинство статутовыхъ постановленій — несомнѣнно славянскаго происхожденія. Изслѣдованіе Рейца тѣмъ болѣе важно, что самыя статуты для насъ рѣшительно недоступны и на Западѣ принадлежать къ библиографическимъ рѣдкостямъ: трудъ Рейца представляетъ для насъ главное пособіе при изученіи далматскихъ городскихъ статутовъ.

Кромѣ исчисленныхъ сочиненій по исторіи хорвато-далматскаго законодательства, намъ извѣстны еще слѣдующія:

Kussevich, De municipalibus juribus et statutis regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae. Zagrabiae. 1830.

Schindler, Darstellung des Colonen- und Contadium-Wesens im Ragusaner Kreise. Въ Zeitschrift für österr. Rechtsgelehrsamkeit 1837. Bd. II — III.

О безвластіи, бывшемъ у Далмаціи, после паденія республики шлетачке. Въ Србско-далматин. магазинѣ 1842, година 7.

Briglevich, De jure voti nobilibus in RR. Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae congregat. competente. Zagrabiae. 1843.

Delle femine dalmate e del loro rapporto coi maschi. Въ журн. Dalm. 1846, №№ 4, 35, 37.

Paton, Adriatische Briefe. Verwaltung Dalmatiens. Въ Allgem. Zeitung 1847, № 94.

Construzione di strade in Dalmazia. Въ журн. Dalm. 1847, №№ 4, 37, 40.

Fejer, De comitatibus R. Hungariae. Budae. 1848.

Wenzel, Studien über den Entwicklungsgang des Rechtslebens auf der Insel Curzola. Въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. 1849. Bd. IV и VII.

Chiudino, Statuto e regime municipale della città di Zara. Въ журн. Osservatore dalmato 1850, №№ 138, 148, 165, 171, 172.

Narcedba o ustrojenju Pirie. U Zagrebu. 1850.

Storia e legislazione municipale di Cattaro, nel medio evo. Въ Ossers. dalm. 1851, №№ 119, 123, 130.

Leggi ed uzi notabili del Comuni dalmati, nel medio evo. Ib. № 79 и 91.

Regime e statuto municipale di Curzola. Ib. № 17, 26, 39, 58.

IX

Legislazione municipale di Sebenico, nel medio evo. Ib. № № 95, 97, 102, 106.

Ivan Danilov, Knj'ga zakona poljickoga. Въ журн. Pravdonosa 1851 и 1852 г. Разобраны первыя 54 главы Полицкаго Статута.

P. Safarik, Krátka zpráva o Statutu Polickém. Въ Casop. cesk. 1854. Сербскій переводъ этой небольшой статьи помѣщенъ Поповичемъ въ Гласникъ дружт. сrb. словесн. IX. 1857.

Utišenovic, Hauskommunionen der Südslaven, eine Denkschrift zur Beleuchtung der volksthümlichen Acker- und Familienverfassung des Serbischen und des Croatischen Volkes. Wien 1859 Рецензія — въ Рус. Бесѣдѣ 1859. IV.

Вельковичъ, О поротѣ. У Београду. 1860.

Майковъ, Судъ присяжныхъ у южныхъ Славянъ. Въ Русск. Словѣ. 1861.

Racki, Odlomci iz drzanvoga prava hrvatskoga za narodne dynastie. Вес. 1861.

Pravny pomery a původ kolonů se zvlásntém obhledem na Iihoslovany v stredoveku. Въ Památky archeologicke a mistopisne, Prag. V. dil. ses. 2. 1862.

Vojtech Frühauf, Rolnictvi slovanske, thrako-illyrské a germanské v nejs-tarsi dobe. Въ журн. Ziva 1864, № 1.

Свѣдѣнія о хорватскомъ правѣ можно находить въ сочиненіяхъ по исторіи и системѣ венгерскаго и венеціанскаго права:

Belemen, Historia juris Hungarici privati. Budaе 1818.

Klein, Handbuch der Geschichte von Ungarn u. seiner Verfassung. Leipzig 1833.

Szlemenic, Elementa juris hungarici judicarii civilis. Posonii 1837.

Pusztay, Die Ungarn in ihrem Staats- u. Nationalwesen von 889 — 1842. Leipz. 1843.

Lustkindl, Das Ungarisch-Oesterreichische Staatsrecht. Wien 1863.

Déak, Ein Beitrag zum ungarischen Staatsrecht. Pest 1865.

Vrozsil, Das Staats-Recht des Königreichs Ungarn. Pest 1865 — 66.

Contarenius, De magistratibus et republica Venetorum. Parisiis 1523—44.

Bregoñni, Giurisprudenza civile secondo le leggi Venete. Vienna 1784.

Sclopis, Storia della legislazione italiana. Tor. 1840.

Hegel, Geschichte der Städteverfassung von Italien. Leipz. 1847.

Manin, Della Veneta Giurisprudenza. Ven. 1848.

Boza, I feadi e i Comuni. Berg. 1854.

Emiliani Giudici, Storia politica del Municipi Italiani. 1855.

Albini, Storia della legislazione in Italia. Vigev. 1856.

Baschet, Les Archives de la République de Venise. Pâg. 1858.

Есть также нѣсколько монографій по обычному праву хорватскихъ и далматскихъ общинъ:

Срблино, Обычаи мира при случаю убійства у общини рясаньской. Въ Магаз. далмат. 1844.

— Обычаи вѣртыбе у Рисну. Ib. 1845.

— О уговорѣ сватбе и сватова у Рисну. Ib. 1848.

Д. Василевич, Описаніе, како треба мирити за мртву главу. Ibid. 1845.

Persic, Dalmatinska zenitba i pigovanie. Въ журн. Zora Dalmatinska 1845.

Luka Lis, Narodni Slavonski obicaji. Zegreb. 1846.

Ljubic, Obicaji kod Morlakah u Dalmazii. U Zandru. 1846.

Raffaeli Urbano, Dei giudizj di sangue nel Circolo di Cattaro. Въ журн. Dalmazia 1846, № 17 и 18. Нѣмецкій переводъ — въ Illustirtes Familienbuch (Triest 1852).

Celakovsky, Slovanská právnická prislovi. Въ Casop. cesk. 1851.

— Mudroslovi národu Slovanského ve prislovich. V Praze. 1852 (Помѣщена и первая статья).

Vallazar Bogisic, Pravni obicaji u Slavena. Privatno pravo. U Zagrebu. 1867.

Важнымъ пособіемъ могутъ служить наконецъ сочиненія и монографіи по исторіи хорватскихъ и далматскихъ Славянъ:

Serafino Razzi, La storia di Raugia. Lucca 1596.

Lucius, De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. Amstelodami 1666.

— Historia di Dalmazia in particolare delle citte di Trau.

Frescot, Memorie storiche e geographiche de la Dalmazia. Bologna 1687.

Fresne, Illyricum vetus et novum. Pos. 1746.

Ferri Petri Barnabae, Commentarium in monumentum Arusianum. Patavii 1753.

Fortis, Dalmatien. Bern 1776.

Busching, La Dalmazia veneta. Della republica di Ragusa. Въ его сочин. Nuova geografia. Venn. 1777. Vol. XIII и XVIII.

Раучъ, Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Въ Виенѣ 1794. (Также въ Будиномъ Градѣ. 1823).

Engel, Staatskunde und Geschichte von Dalmatien, Croatien und Slavonien. Halle 1798.

— Geschichte des Freistaates Ragusa. Wien 1807.

XI

Bartenstein, Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen illyrischen Nation in den kaiserlichen Erblanden. 1802.

Historische Nachricht von der Republic Ragusa und ihrem gegenwärtigen Zustande. Berlin 1802.

Ciccarelli, Observationi sull'isola della Brazza. Ven. 1802.

Appendini, Notizie storico critiche sulle antichita storia e letteratura de'Ragusei. Ragusa 1802 — 1803.

Mikoczi, Otiorum Croatiae liber unus. Opus posthumum. Budae 1806.

Allegret Philippi, De ragusina nobilitate.

Fejér, Dalmatiae cum R. Hung. nexus. Budae 1834.

Sermage, Die ursprüngliche Vereinigung der Königreiche Croatien, Dalmatien und Slavonien mit der Krone Ungarns. ВЪ Oesterr. Zeitung für Gesch. 1836, № 1 — 3. Отдѣльно — Wien 1836.

Eusèbe Saloèrte, De la civilisation: Venise et Raguse. Paris 1837.

Harváth, Ueber Croatien als eine durch Unterjochung erworbene ungar. Provinz. Leipz. 1844.

Vukotinovich Farkas, R. Slavoniae erga Hungariam legalis correlatio. Zagreb. 1845.

Исторія общины Пастровичіо (Pastrovicchio). ВЪ Магаз. далмат. 1845.

Niseteo, Municipio de'Riditi. ВЪ журн. Dalmazia 1845.

Franceschi, La Poglizza. Ibid. 1846 — 47.

Fejér et Gyurikovits, Responsa ad opera de Croatia et Slavonia. Zagrabiae. 1847.

М. Банз, Zercalo povestnice Dubrovacke. ВЪ сборн. Дубровникъ. II. 1851.

Maylath, Dalmatiens Verhältniss zu Ungarn, oder, wie war Dalmatien organisirt, als es faktisch zu Ungarn gehörte. ВЪ его соч. — Geschichte der Magyaren. II. 1852.

Гильфердингъ, Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ. Москва 1855—59.

Dümmler, Ueber die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien. ВЪ Sitzungsberichte d. kaiserl. Akademie d. Wiss. 1856, XX Bd.

Пуцичъ, Pojestnica Dubrovnicka. U Zandru. 1856.

Майковъ, Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Москва 1857.

Ранке, Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Перев. Бартевель. М. 1857.

La Croatie et la confédération Italienne. Paris 1859.

La Hongrie et les Slaves. Paris 1860.

Kvaternik, Das historisch-diplomatische Verhältniss des Königreichs Croatien zu der ungarischen St. Stephans Krone. Agram 1861.

XII

Herm. Krecek, Aktenmässige Darstellung des Verhältnisse der griechisch nicht unirten Hierarchie in Oesterreich, dann der illirischen National-Congresse und Verhandlungs-Synode. 1861.

Tkalac, Hrvatska Povjestnica. Zagreb. 1861.

Déak, Denkschrift über das Verhältniss zwischen Ungarn und Croatien. Wien 1861.

Ladislav von Szalay, Zur Ungarisch-Kroatischen Frage. Pest 1863.

— Geschichte Ungarns. 1866.

Махушев, Исслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867.

Fessler, Geschichte von Ungarn. Leipz. 1867.

ОТДѢЛЪ I.

Общее обзорѣніе памятниковъ древняго хорватско-далматскаго законодательства.

Историческое положеніе Хорватовъ, особенно со времени разрыва ихъ съ Сербами. Хорватское право до подчиненія Хорватовъ Колѣману: древніе обычаи; первые письменные памятники — грамоты Терминара и Мутимира; вѣчевые уставы X вѣка и Бянга Законовъ Сильвестра. Хорватское право съ XII вѣка: вопросъ объ отношеніи права хорватскаго къ венгерскому; вѣчевые уставы и грамоты жалованныя, судныя и пр. Мѣстные хорватскіе и далматскіе законы, въ особенности уставы Сенья, Ерка, Дубровника и другихъ общинъ далматскаго Приморья.

Хорваты составляютъ отдѣльную отрасль Славянъ, носящихъ теперь названіе *южнѣе* или *задунайскіе*. До второй четверти X вѣка Хорваты вели съ Сербамъ общую историческую жизнь. Переселившись въ VII вѣкѣ изъ-подъ карпатскихъ горъ, они еще долго не оставляютъ дробной жизни мелкими автономическими союзами.

Столкновеніе и борьба Хорватовъ съ сильными сосѣдями (Франками, Болгарами, Византіей и пр.) рано оказываютъ вліяніе на исторію Славянъ хорватскихъ. Уже въ IX вѣкѣ, по словамъ Ранча, старыя «звѣрскіе» нравы Хорватовъ стали измѣняться къ лучшему. «Звѣрскія своя перемѣнившіе нравы, учтивѣйшія начала бывать, и толь добрыя порядки въ государство свое вводили, якоже и въ прочей Европѣ» (Ранча Исторія, кн. III. 59).

Разрывъ между Сербами и Хорватами начался вслѣдъ за подчиненіемъ Хорватовъ латинской церкви (со времени Сплѣтскаго собора 925 г. См. Гильфердинга Письма, I. 226—227). Оба народа пошли съ этихъ поръ по различнымъ историческимъ путямъ. Сербы еще долго, до второй половины XII вѣка, ведутъ малоизвѣстную историческую жизнь, — подъ главенствомъ Византіи они знаютъ только свои жупы, свои сходки съ жупанами, безъ мысли о высшемъ политическомъ единствѣ народа. Не то находимъ у Хорватовъ. Уже въ X столѣтіи они образуютъ довольно обширное государство; уже въ это время они вступаютъ въ тѣсныя связи съ западными сосѣдями, незамѣтно подчиняются западно-европейской цивилизаціи. Исторія хорватская отражаетъ на себѣ съ X и слѣдующихъ вѣковъ всѣ главныя движенія въ исторической жизни европейскихъ народовъ.

Не смотря впрочемъ на раннія вѣтшія вліянія, Хорваты X и слѣдующихъ вѣковъ, въ своемъ внутреннемъ бытѣ, немногичъ разнились отъ другихъ южныхъ Славянъ. Въ X вѣкѣ земля хорватская обнимала федерацію *жупаній* (*zupanias* по Порфирородному), соотвѣтствующихъ германскимъ *Gaue*, русскимъ волостямъ или жупамъ Сербовъ, Чеховъ и другихъ Славянъ. Во время Порфиророднаго, писавшаго между 925 и 959 г., Хорваты составляли 14 отдѣльныхъ жупъ. Пѣз нихъ 11 союзовъ непосредственно зависѣли отъ великаго жупана — племеннаго главы или старшины хорватскаго народа. Таковы были жупы: *Chlebiana* (теперешній Гливно), *Tzentzena* (Цетина), *Emota* (Имота), *Pleba* (Плева въ Босніи), *Resenta* (Везента тамъ же), *Parathalassia* (Приморье), *Brebera* (Брибирь), *Nona*, *Tnepa* (Квинь), *Sigtaga* и *Nina*. Остальныя жупы хорватскія — *Cribasa* (Крбава), *Litza* и *Gutzeka* (Гадска) — составляли отдѣльное владѣніе, подчинявшееся банамъ, подъ общимъ главенствомъ великаго жупана (См. Кукулевича *Iuga*. I: 9). Извѣстіе Порфиророднаго о жупахъ хорватскихъ подтверждается болѣе древними свидѣтельствами, въ особенности грамотами Терпиміра 837 и Мутиміра 892. въ которыхъ упоминаются 11 жупановъ, завѣдывшихъ отъ хорватскихъ *duces* — великихъ жупановъ Порфиророднаго (*Ibid.* 5 и 6).

Дробная система волостей господствовала вездѣ, во всѣхъ частяхъ хорватской земли. Нарента (часть теперешней Далмаціи) дѣлилась при Порфирородномъ на три жупы — Растоцу, Мокру и Далсну (Ранчъ, часть II. 31). Общины, разсѣяныя по берегамъ и островамъ Приморья (Задръ, Трогиръ и пр.), составляли съ своими областями самостоятельныя союзы, удерживавшіе или усвоившіе позже (напр. Дубровникъ) общинное устройство славянскихъ жупъ. По памятникамъ XI и XII вѣковъ, хорватская земля дробится на болѣе крупныя части, подъ названіемъ *банатствъ* (*Croatia*, *Bosnia*, *Slavonia*, *Posiga* или *Pozega*, *Podrmeta*, *Albania* и *Srema* или *Rama*); но въ каждой области удерживается по прежнему жупное устройство мѣстныхъ союзовъ и общинъ (См. въ *Arktiv* за *rovestn. jugos.* II. 4. грамоту Петара Гумая 1080 г., въ которой сохранилось извѣстіе о 7 хорватскихъ банахъ, избравшихъ князей для цѣлой земли хорватской. О такихъ же 7 банахъ имѣемъ другое свидѣтельство начала XII вѣка. См. *Kukul. Iuga* I. 31 ср. *Pauga*, кн. VI. 268).

Вся эта дробная система хорватскихъ жупъ представляла одно вѣтшее единство. Внутренняя рознь, преобладаніе областной жизни надъ государственной, по словамъ всѣхъ историковъ, изучавшихъ бытъ южныхъ Славянъ, составляло издавна и доселѣ составляетъ общее характеристическое явленіе въ жизни Сербовъ, Хорватовъ и другихъ южныхъ Славянъ (См. въ особенности сочиненіе Іована Хачича — *Духъ народа Србскогъ*, у Карловицы, 1858, гдѣ наглядно развита мысль объ исторической неспособности южныхъ Славянъ къ прочному сплоченію въ одно государственное тѣло). Хорватская исторія X — XI вѣковъ представляетъ много явленій, изъ которыхъ видно, что стремленіе хорватскихъ королей къ политическому объединенію Хорватовъ постоянно встрѣчало сильный отпоръ въ жупанахъ, въ самыхъ областяхъ и общинахъ (въ особенности приморскихъ) — *status in statu*, выработанныхъ средневѣковой жизнью Славянъ. Источники полны извѣстіями о борьбѣ общинъ и жупановъ хорватскихъ между собой и съ королями. Власть послѣднихъ часто была только номинальной; все значеніе въ государствѣ принадлежало магнатамъ.

управлявшимъ нѣрѣдко на наследственномъ правѣ своими жупами и областями. Еще въ IX вѣкѣ, говоритъ древній сербскій летописецъ, «иллирійскія жупанства и военачальства въ междоусобной брани забавляхуся, единъ другаго утѣсниваху, неколико князей воедино подчинаху» (См. Гласн. друшт. Серб. слов. V. 52). Жупаны, при всякомъ стремленіи хорватскихъ королей къ болѣе дѣйствительному главенству и власти, отказывали имъ во всякомъ подчиненіи, становились почти суверенными главами своихъ областей. Павлиміръ и въ особенности его сынъ Тѣшиміръ, по словамъ Ранча, всю жизнь свою провелъ «въ присовѣтованіяхъ отступшихъ бановъ, но весь трудъ ихъ суетенъ бѣ» (Ранчъ, кн. VI. 274, 275). Значеніе королей часто до того падало, что никто не хотѣлъ принимать ихъ званія. Иногда (напр. послѣ Сцислава) государство много лѣтъ оставалось безъ общаго главы, — жупаны, сидѣвшіе по областямъ, пользовались вполне самостоятельной властію, кромѣ своихъ мѣстныхъ общинъ и сходокъ не признавали надъ собой никакой высшей власти общаго главы государства (О внутренней неурядицѣ и смутахъ въ хорватской землѣ до прекращенія туземной династіи королей см. у Ранча III. 75, VI. 264, 267. VII. 355 и пр.).

Неурядица длилась до прекращенія туземной династіи хорватскихъ королей и подчиненія страны королямъ венгерскимъ. Въ 1102 г. Хорваты добровольно признали своимъ главою венгерскаго короля Коломана съ его потомствомъ. Они удержали непркосновеннымъ свое внутреннее управленіе, свои изстаринныя права и обычаи (См. присягу Коломана, *Iuga Kukul.* I, 22; тамъ же помѣщены грамоты Коломана и позднѣйшихъ королей на права и вольности хорватскаго народа, — См. *ib.* 27, 29, 31 и пр. Объ историческомъ значеніи факта подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ см. новѣйшія изслѣдованія одного изъ хорватскихъ патриотовъ — *La Croatie et le confédération Italienne Paris. 1859*, также указанная выше соч. Кваатерника и Гери. Ирѣчка. Тотъ же вопросъ составляетъ специальный предметъ изслѣдованій Фейера, Сермажа, Горвата, Вукотиновича, Деака и Шалая). Союзъ хорватской земли съ Венгріей имѣлъ характеръ *Personalunion*. Хорваты вошли въ союзъ съ Венграми только вслѣдствіе добровольнаго признанія однихъ и тѣхъ же государей, не слявшись съ ними въ одно цѣльное государство. Самостоятельное положеніе удерживали Хорваты до позднѣйшаго времени, не испытали такого сильнаго вишняго гнета и такихъ глубокихъ потрясеній и переворотовъ, въ народной жизни, какими подверглись Сербы подъ игомъ турецкимъ или Славяне Балтійскіе, подавленные господствующей нѣмецкой «культурой и цивилизаціей».

Таково въ главныхъ чертахъ развитіе общественной жизни Хорватовъ. Раннее подчиненіе народа *чуждымъ вліяніямъ* безъ потери національной самобытности, и долгое господство *внутренней розни*, при малой способности народа выработать изъ собственныхъ своихъ силъ и осуществить идею политическаго единства, — главные явленія, опредѣлившія всю историческую судьбу Хорватовъ.

Тѣже самыя начала неотразимо вліяли и на *исторію хорватскаго права*. Въ немъ рано начинается вліяніе чуждыхъ источниковъ, въ особенности права венеціанскаго и венгерскаго. Чуждыя вліянія отразились впрочемъ больше въ сферѣ публичныхъ, нежели строго юридическихъ отношеній. Здѣсь до новѣйшаго времени удерживалось много бытовыхъ началъ и порядковъ, возникшихъ изъ внутренней.

жизни хорватскаго народа. *Консервативность* — главная черта хорватскаго законодательства. Съ другой стороны, долгое господство внутренней розни въ общественной жизни Хорватовъ отразилось въ развитіи *партикулярныхъ началъ* въ ихъ законодательствѣ. Мѣстные законы отдѣльныхъ земель, часто небольшихъ жупъ и общинъ, становятся съ XII и XIII вѣковъ главными источниками хорвато-далматскаго права. Въ немъ долго преобладали обычаи и законы областные, партикулярные, надъ общимъ законодательствомъ.

О древнихъ хорватскихъ *обычаяхъ* дошло до насъ мало извѣстій. Извѣстно только, что «обычаи предковъ» дѣйствовали у древнихъ Хорватовъ вмѣсто законовъ. По свидѣтельству мѣстныхъ историковъ, старые хорватскіе обычаи удерживались въ жизни до позднѣйшаго времени, часто безъ всякихъ измѣненій (См. напр. Раяча, кн. III. 52, 53). Изстаринные обычаи послужили главной основой законодательныхъ памятниковъ позднѣйшаго времени. Уставы Полицы, Винодола и другіе древнѣйшіе памятники хорвато-далматскаго законодательства находили въ старыхъ обычаяхъ главную основу и источникъ для большинства содержащихся въ нихъ постановленій.

Первые дошедшіе до насъ письменные памятники законодательства Хорватовъ принадлежать IX вѣку. Сюда относятся *грамоты* хорватскихъ князей Терпиміра 837 и Мутиміра 892 г. (Kukul. Jura I. 3 — 7). Обѣ грамоты касаются льготъ и преимуществъ, какими пользовался монастырь Салоны. Кромѣ уясненія отношеній церковныхъ, грамоты даютъ весьма важныя указанія на положеніе древнихъ хорватскихъ князей, вѣчъ, жупановъ и другихъ народныхъ старшинъ и главъ (*primatez poruli*).

Вообще говоря, Хорваты въ дѣлѣ законодательства значительно опередили другихъ Славянъ. У нихъ законы въ собственномъ смыслѣ, даже сборники законовъ, являются очень рано: Хорваты имѣли свою Правду чуть ли не цѣлымъ столѣтіемъ раньше изданія Русской Правды. Есть даже указанія, что въ X вѣкѣ Хорваты обладали уже старыми законами и статутами. Этотъ вѣкъ былъ эпохой появленія первыхъ сборниковъ хорватскихъ законовъ. Намъ извѣстны три памятника этого времени: два устава хорватскаго вѣча и Книга Законовъ короля Сильвестра.

Вѣчевые уставы явились въ эпоху отдѣленія Сербовъ отъ Хорватовъ (См. Kukul. Jura. I. 8 — 12). Первый уставъ, изданный въ 914 г. на общей сходкѣ (*consilium*) въ Спалато, въ присутствіи хорватскаго князя Тамислава и римскихъ легатовъ, излагаетъ правила объ устройствѣ хорватской церкви, главнымъ образомъ трактуетъ о судѣ епископскомъ, также о личныхъ, имущественныхъ и другихъ правахъ духовенства; есть, кромѣ того, статьи съ общимъ характеромъ, напр. статья 14-я о порядкѣ наследованія имущества. Нельзя не замѣтить значительнаго сходства этого перваго хорватскаго устава съ русскими уставами о церковныхъ судахъ временъ Владиміра и Ярослава. Хорватскій и русскіе уставы изданы были съ одинаковой цѣлью — упрочить положеніе зараждавшейся церкви, опредѣлить отношенія ея къ обществу. — Дополнительнымъ уставомъ 927 — 928 г., изданнымъ при томъ же князѣ, на соборѣ въ Спалато, опредѣлены округи (*diocesi*), подвѣдомственные хорватскимъ епископамъ. Въ этомъ памятникѣ встрѣчается, между

прочить, несомненное указание на старые статутные законы и обычаи хорватской земли (*cunctas provinciae antiquae consuetudines juxta moderamine perseverano, firmavit, omnia secundum veterum Statuta in omnibus Ecclesiis Episcoporum privilegia redintegrari*).

Книга Законов короля Сильвестра не дошла до нашего времени. Въ дѣйствительности ея изданіа (до 985 г.) не можетъ быть большихъ сомнѣній. Ранчъ, одинъ изъ наибодѣ добросовѣстныхъ сербскихъ историковъ прошлаго вѣка, прямо говоритъ, что «Сильвестръ краль ХХХ убо съдъ на престолъ отца своего Болеслава, дабы у подданныхъ повѣренность и власть свою сохранилъ, всякимъ прилежаніемъ старался чрезъ полезная права замѣшательства и непорядки исправити, книгу законовъ сочинити повелѣлъ» (Ранчъ, VI. 280). Можно привести много грамотъ XII и другихъ вѣковъ, въ которыхъ въ одинаковой мѣрѣ упоминаются древніе законы, дѣйствовавшіе вообще въ хорватской землѣ или въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Есть даже извѣстія о статутахъ нѣкоторыхъ городовъ славянскаго Приморья, изданныхъ еще въ византийскій періодъ (т. е. до IX столѣтія). Венеціанскій дожъ Орделафъ, предоставляя грамотою 1118 г. городу Арбе различныя права и преимущества, вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилъ древніе его обычаи и статуты, составленные еще при византийскихъ императорахъ и венгерскихъ короляхъ (*sub Imperatore Constantinopolitano et sub Rege Ungarum*. См. Kukul. Jura. I. 28). Въ грамотѣ короля Гейзы 1143 г., данной всему хорватскому народу, находимъ слѣдующее мѣсто: «*lege antiquitas constituta cum vestro iudice uti permitam vos*», или въ грамотѣ Стефана III, 1169 г.: «*lege antiqua constituta vos uti permitam*» (Ib. 29, 31, 39 и пр.). Ничто не мѣшаетъ допустить, что здѣсь подъ старыми законами могла именно разумѣться законы Сильвестра, собраннаго въ одну книгу старые обычаи и законы, какъ это позже дѣлалось въ Винодолъ, Дубровникъ и другихъ общинахъ. Кромя обычаевъ, книга Сильвестра могла имѣть своимъ источникомъ и мѣстные статуты (хоть напр. Абре), въ особенности приморскихъ общинъ, жившихъ по своимъ законамъ уже въ періодъ зависимости ихъ отъ византийскихъ императоровъ.

Время внутреннихъ смутъ, наполняющихъ весь XI вѣкъ, не благоприятствовало развитію хорватскаго законодательства. Можно указать только на нѣсколько жалованныхъ грамотъ этого времени, дававшихся въ особенности церквамъ и монастырямъ. Таковы грамоты Крезимира 1071, Свимирира 1076 и др. (См. Kukul. Jura I. 15, 16 и пр.).

Неурядица завершилась, какъ мы знаемъ, подчиненіемъ Хорватовъ королямъ венгерскимъ. Соединеніе хорватской земли съ Венгріей естественно должно было выдвинуть на первый планъ вопросъ объ *отношеніи права хорватскаго къ венгерскому*. Историки, смотрѣвшіе на союзъ Хорватовъ съ Венграми, какъ на полное подчиненіе народа слабаго другому болѣе сильному, полагаютъ, что самостоятельное развитіе хорватскаго права прекратилось въ силу зависимаго положенія Хорватовъ, — что съ XII вѣка юридическій ихъ бытъ всецѣло проникается началами венгерскаго права. Эта мысль ясно проглядываетъ въ слѣдующихъ словахъ Ранча: во всемъ *едино* стало между ними (Хорватами и Венграми) *право*, тако, яко прави, одежды и языкъ общая обонимъ сдѣлалася, и фамиліи славныя Унгаровъ въ Хорвацію,

и взиавшъ Хорватовъ въ Унгарію преселились, *едино право употребляюще*» (Ранчъ, кн. III. 78).

Нельзя вполне отвергать вліянія венгерскаго права на хорватское. Оно безъ сомнѣнія было, въ особенности отразилось въ отношеніяхъ жизни публичной; но отсюда, очевидно, еще нельзя заключать объ объединеніи, а тѣмъ болѣе о полномъ подчиненіи хорватскаго права венгерскому. Не нужно забывать широкой сферы юридическихъ отношеній, гдѣ хорватское право развивалось вполне самостоятельно, почти помимо всякихъ внѣшнихъ вліяній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бѣгло просмотрѣть хорватскіе памятники: главной основой ихъ были не начала чуждаго права, но туземные законы и обычаи, изстари удерживавшіеся въ жизни хорватскаго народа.

Дѣло въ томъ, что вопросъ объ отношеніи хорватскаго права къ венгерскому порѣшенъ точно и опредѣленно въ моментъ самаго союза обоихъ народовъ. Послѣдующая исторія до новѣйшихъ временъ не представляетъ ни одного примѣра, чтобы этотъ вопросъ перерѣшался въ новомъ духѣ и направленіи.

Неприкосновенность туземныхъ обычаевъ и законовъ, гарантія изстаринныхъ вольностей Хорватовъ, были *conditio sine qua non* подчиненія ихъ венгерскимъ королямъ, — ради сохраненія и упроченія за Хорватами старыхъ ихъ привилегій, короли постоянно давали имъ жалованныя грамоты. Едва ли можно указать хоть на одинъ примѣръ стремленія венгерскихъ королевъ стараго времени къ введенію въ хорватской землѣ чуждаго права и къ отиѣнъ національнаго. Всѣ старыя памятники, напротивъ, говорятъ, что у Хорватовъ, на ряду съ мѣстными законами, постоянно и неизмѣнно дѣйствовали старыя обычаи предковъ, иногда замѣнявшіе собой законы, — «*consuetudo pro lege valuit*», какъ выражается грамота Беллы IV, 1252 г., говоря о далматскихъ обычаяхъ (Kukul. Jura. I. 68). Самъ Ранчъ признаетъ замѣчательную тождественность между юридическими обычаями древнихъ и новыхъ Хорватовъ: «Сербовъ и Хорватовъ обычаи мало въ чемъ отиѣнны отъ древнихъ суть» (Ранчъ. III. 53), — явленіе, которое совершенно не ирится съ признавіемъ сильныхъ внѣшнихъ вліяній въ исторіи хорватскаго права. Таже мысль, какъ нельзя больше, подтверждается позднѣйшими наблюденіями надъ народнымъ юридическимъ бытомъ современныхъ Хорватовъ, доселѣ удерживающихъ въ жизни изстаринные свои обычаи и порядки глубокой древности (См. въ особенности *Vogisica Pravni obicaji u Slavena*).

Вѣчевые уставы и грамоты разнаго рода — главныя формы общаго хорватскаго законодательства эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ.

Вѣчевые приговоры и постановленія, подъ общимъ названіемъ уставовъ и конституцій (*constitutiones*) хорватскихъ вѣчъ или соборовъ (*generale congregatio*), становятся главной формой общаго хорватскаго законодательства съ XII и особенно XIII столѣтій. Конституціи обнимаютъ множество вопросовъ по всѣмъ отраслямъ законодательства свѣтскаго и отчасти церковнаго. Многія изъ нихъ имѣютъ форму довольно объемистыхъ уставовъ или сводовъ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и пр. Открытіе и изданіе такихъ конституцій принадлежитъ въ особенности Кукулевичу. Въ Архивѣ южно-славянскаго исторіи онъ помѣстилъ нѣсколько соборныхъ

конституцій по церковнымъ дѣламъ, относящихся къ XIV—XVI вѣкамъ (Arkiv II. 79 — 90). Особенно интересны конституціи (съ XII вѣка), помѣщенные въ другомъ сборникѣ Кукулевича — *Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. Они восполняютъ одинъ изъ значительныхъ пробѣловъ въ исторіи хорватскаго права, содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для объясненія юридическаго быта древнихъ и новыхъ Хорватовъ.

Кромѣ конституцій, издавались по временамъ отдѣльныя законоположенія, въ формѣ грамотъ жалованныхъ, судныхъ и другихъ.

Грамоты жалованныя давались королями всему хорватскому народу и отдѣльнымъ общинамъ на различныя права и преимущества. Общій характеръ ихъ одинъ и тотъ же; кромѣ утвержденія старыхъ законовъ и обычаевъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала государственнаго устройства и управленія, касаются напр. выбора судей общинныхъ (городскихъ или сельскихъ, часто присяжныхъ), старшинъ (*majores, villici*) и другихъ должностныхъ лицъ; встрѣчаемъ положенія о податныхъ и другихъ льготахъ; есть статья, трактующія объ отношеніяхъ права частнаго, въ особенности о наследствѣ (Kukul. Jura I. 31, 39 и т. д.).

Очень важный источникъ для изученія древняго хорватскаго права составляютъ *судныя грамоты (sudovi)*. Они даютъ интересныя указанія на старое судоустройство и на процессуальныя порядки. Встрѣчаемъ также данныя по вопросу объ образованіи у Хорватовъ поземельныхъ отношеній, — дѣла по раздѣлу и отчужденію земель составляютъ главное содержаніе *sudovi* (Arkiv. I. 203 — 208).

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о *грамотахъ договорныхъ, уставныхъ* и другихъ официальныхъ актахъ и грамотахъ, дававшихся общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ, въ особенности при пожалованіи земель и въ другихъ случаяхъ. Сюда относятся также *частныя записи и договоры*, сходныя съ русскими юридическими актами. Любопытный сборникъ такихъ грамотъ сдѣланъ Кукулевичемъ, въ *Monumenta historica Slavorum meridionalium*, хотя къ сожалѣнію акты, въ большинствѣ отпечатанные глаголицей, не для всѣхъ доступны. Много интересныхъ грамотъ находимъ также въ сборникахъ Миклошича, Пицича, Яна Шафарика и пр.

Перейдемъ теперь къ законодательнымъ памятникамъ отдѣльныхъ земель и общинъ хорватскихъ и далматскихъ.

У Хорватовъ, какъ и вездѣ въ средніе вѣка, жили по своимъ *маркикулярнымъ* законамъ и обычаямъ, не только отдѣльныя области, но и часто небольшія общины, пользовавшіяся нерѣдко полной политической самостоятельностью. Многие изъ мѣстныхъ уставовъ и статутовъ доселѣ недоступны для научныхъ изслѣдованій; но и тѣ матеріалы, какіе можно теперь имѣть подъ рукой, даютъ довольно полное понятіе о древнемъ хорватскомъ правѣ.

Къ извѣстнымъ намъ памятникамъ мѣстнаго хорватско-далматскаго законодательства принадлежатъ: *Законы града Загреба*, уставы областей, подчинявшихся съ второй половины XIII вѣка князьямъ изъ фамиліи Франгепановъ (*Законы Винодолскіе; Statutum Segniae* и *Статутъ острова Брка*), *уставы далматскаго Приморья* и *Полицкій Статутъ*.

Основа неисчисленныхъ памятниковъ принадлежитъ глубокой древности. Существенныя положенія статутовъ и законовъ коренятся въ одномъ источникѣ — древнихъ хорватскихъ обычаяхъ и законахъ; въ нихъ сохранилось множество институтовъ, бывшихъ когда-то въ обычаѣ у всѣхъ Славянъ. Чуждыя влияния больше замѣтны въ позднѣйшихъ переработанныхъ уставахъ поморскихъ общинъ и мало встрѣчаются въ уставахъ внутреннихъ областей (Винодоля, Полицы и пр.).

Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній о Статутахъ Сеньскомъ, Кркомъ, также о законахъ Дубровника и другихъ общинъ далматскаго Приморья. Уставы Винодольскій, Загребскій и Полицкій мы рассмотримъ болѣе подробно въ слѣдующихъ отдѣлахъ.

1. *Statutum Segniae*. Статутъ града Сенья (Segnia, Segna, Scen, Zengh) принадлежитъ къ одному циклу съ Винодольскими Законами. Градъ Сень, вѣсть съ цѣлымъ Винодоломъ, островомъ Кркомъ и другими мѣстами, поступилъ во второй половинѣ XIII вѣка въ наследственное обладаніе отдѣльныхъ князей Франгепановъ (Frangepan), не переставая подчиняться верховной власти королей венгерскихъ (См. въ сборн. Кукулевича Jura, I. 71, и Arhiv, III. 169 — 171, грамоты короля Беллы IV, данныя въ 1260 г. двумъ братьямъ Фридерикъ и Варфомою Франгепанамъ съ ихъ потомствомъ на наследственное обладаніе Винодоломъ, Сени и Кркомъ). Подчиняясь однимъ и тѣмъ же князьямъ, Винодоль и Сень жили по своимъ отдѣльнымъ обычаямъ и законамъ, — не видно, чтобы Винодольскіе Законы, изданные въ 1288 г., дѣйствовали въ Сени, до изданія въ немъ отдѣльнаго сборника законовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать значительнаго влияния Винодольскихъ Законовъ на Сеньскій Статутъ, представляющій во многихъ положеніяхъ своихъ только дальнѣйшее развитіе институтовъ и началъ винодольскаго права.

Мы имѣемъ мало извѣстій о сеньскомъ правѣ до Статута. Въ Сени, какъ и въ другихъ хорватскихъ общинахъ, дѣйствовали обычаи; позже являются и мѣстные законы. Статутъ ссылается на *старые* законы и обычаи, какъ на главный свой источникъ.

Статутъ Сеньскій принадлежитъ 1388 г. Въ этомъ году, по желанію общины, поручено было пяти лицамъ, избраннымъ на вѣчѣ (congregatio), составить изъ старыхъ законовъ и обычаевъ Статутъ, который за тѣмъ и утвержденъ народомъ на общей сходкѣ, состоявшей изъ reotoris, consilarii et fide digni viri civitatis Signiae (Arhiv. III. 155). Во второй половинѣ XV вѣка прибавлено было къ старому Статуту еще до 40 новыхъ статей. Въ этомъ видѣ и дошелъ до насъ Сеньскій Статутъ, представляющій сводъ двухъ разновременныхъ уставовъ. (См. Arhiv. III. 141 — 170). Въ первой его половинѣ (§§ 1 — 130) собраны старые законы; статьи позднѣйшаго происхожденія изложены во второй половинѣ сборника (§§ 131 — 168).

Явившись спустя столѣтіе послѣ Винодольскихъ Законовъ, Статутъ Сеньскій представляетъ много особенностей, главнымъ образомъ, въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ государственное устройство и отношенія между различными классами общества. Въ составъ Сеньскаго Статута различаются слѣдующія группы статей съ однородными узаконеніями:

а) *О привиллегіяхъ nobiles viri*, ст. 1 — 17: о податныхъ льготахъ, правѣ отъѣзда и другихъ преимуществахъ племянчей.

б) *Объ общинныхъ учрежденіяхъ и должностяхъ, officialis communis*, ст. 18—22: о вѣчѣ, consilium (изъ rectoris, nobiles viri et hominis), собиравшемся по вѣчевому колоколу (sonitus campanae) для суда, общественныхъ выборовъ и пр.; объ общинныхъ судьяхъ, приставахъ (paucleri vel pristavi) и cancelarii (дьякахъ).

в) *О гражданскомъ правѣ*, ст. 23 — 26: о правахъ на вещи, о порядкѣ продажи племянчины, о выкупѣ по jus proximitatis aut vicinitatis и о давности.

д) *О судахъ и процессѣ*, ст. 27 — 42: о дворскомъ судѣ и officialis curiae (dovognici — тожъ, что русскіе дѣтскіе и дворяне, состоявшіе при князьяхъ, или сербскіе дворскіе; praeco, pristavus, puncius curiae); о вѣчевомъ судѣ, по звону, въ присутствіи судей стоящихъ и сядящихъ и пр.

е) *Объ уголовномъ правѣ*, ст. 43 — 95: о татѣбѣ, убійствѣ, ранахъ, личныхъ обидахъ, порчѣ вещей и пр. Система наказаній отличается особенной строгостью: Сеньскому Статуту извѣстны членовредительныя наказанія и повѣшеніе.

ж) *О государственныхъ повинностяхъ* и въ заключеніе о *преимуществахъ nobiles viri*, ст. 96 — 130.

Добавочныя статьи трактуютъ, главнымъ образомъ, объ общинномъ управленіи — о выборѣ vice-comites, vicarii, судей, приставовъ и т. п.

Простой просмотръ содержанія Сеньскаго Статута показываетъ все сходство и различіе его отъ Винодольскихъ Законовъ. Преобладаніе общинныхъ началъ въ администраціи надъ началомъ личнымъ, присутствіе старыхъ порядковъ (часто даже полнѣ развитыхъ въ сеньскомъ уставѣ, напр. jus proximitatis et vicinitatis) въ отношеніяхъ права гражданскаго, уголовного и процесса — явленія, въ одинаковой мѣрѣ характеризующія оба устава. Съ другой стороны, Сеньскій Статутъ отличается бѣльшей системой, обработанностью отдѣльныхъ узаконеній, содержитъ также новыя постановленія, въ особенности по государственному и финансовому праву. Строгая уголовная политика и сословныя привилегіи племянчей развились подъ влияніемъ чуждыхъ источниковъ. Viri nobiles, впрочемъ, не исключительно господствуютъ въ своей общинѣ: въ вѣчѣ участвуютъ на раду съ ними и простолюдины (hominis — кметы Винодольскихъ Законовъ). Сеньскому и винодольскому уставамъ равно не извѣстны люди зависимые. Община обнимаетъ всѣ общественныя классы, безъ исключительнаго господства однихъ и порабощенія другихъ. Высшіе классы не выдѣляются изъ общины и не преобладаютъ въ ней, какъ это было въ другихъ, особенно приморскихъ, далматскихъ общинахъ, — винодольскіе и сеньскіе племянчые люди составляли только главную земскую силу и опору общинъ.

2. *Статутъ острова Крка* (Krk, Veglium, Veglia, Velia, теперешній Cherso) — сборниковъ законовъ, изданныхъ въ различное время (Arkiv. II. 1852). Самые древніе законы принадлежатъ второй половинѣ XIII вѣка. Въ 1388 году кркскіе

законы сведены въ одинъ сборникъ, въ который вошли также постановленія князей и вѣчевые приговоры. Со времени присоединенія острова къ Венеціи (въ XV столѣтіи), являются уставы венеціанскаго правительства 1483 и другихъ годовъ. Они также внесены были въ сборникъ кркскихъ законовъ, извѣстный теперь подъ именемъ «Статута острова Крка». Онъ представляетъ значительныя отступленія отъ винодольскаго устава. Особенно много измѣненій потерпѣло крское законодательство при венеціанскомъ господствѣ, когда въ Кркѣ введены были нѣкоторые изъ учреждений венеціанскихъ. Публичная жизнь подверглась наибольшимъ вліяніямъ и перемѣнамъ, хотя и здѣсь многое осталось не тронутымъ, напр. устройство вѣча, учрежденіе соковъ, сословныя отношенія и пр.

Такимъ образомъ, по Крскому Статуту, во главѣ управленія стоитъ князь, мѣсто котораго обыкновенно заступалъ княжій намѣстникъ. Власть князя въ Кркѣ получала уже значительный перевѣсъ надъ властью вѣчевой, что показываетъ напр. пзданіе Статута по распоряженію одного князя, безъ согласія вѣча. Крское вѣче имѣло различный составъ. Иногда оно состояло изъ князя или его намѣстника, судей, вѣчниковъ и добрыхъ мужей; иногда же вмѣсто вѣчниковъ и мужей присутствуютъ на вѣчѣ князь, судьи и присяжники. Послѣдніе имѣли значеніе полицкихъ прокаратуровъ и чешскихъ соковъ; они вчиняли иски въ качествѣ публичныхъ обвинителей и являлись заступниками вдовъ и сиротъ. Крское вѣче до позднѣйшаго времени не теряло народнаго характера старыхъ славянскихъ сходокъ: на вѣчахъ присутствовали иногда и кмети — свободные простолюдины, допускавшіеся къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, въ противоположность общинамъ далматскаго Приморья, гдѣ преобладаніе племянчей рано придадо сходкамъ аристократическій характеръ. Много старыхъ славянскихъ учреждений и порядковъ удержалось также въ сферѣ отношеній строго юридическихъ. Словомъ, не смотря на значительныя виѣшнія вліянія, Крскій Статутъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ памятниковъ, объясняющихъ устройство далматскихъ и хорватскихъ общинъ и содержащихъ много постановленій несомнѣнно славянскаго происхожденія.

3. *Статуты далматскаго Приморья.* Сербы и Хорваты, занявшіе въ VII вѣкѣ Приморье, первоначально зависѣли отъ Византіи. Въ IX столѣтіи Далмація освободилась отъ этой зависимости. Особенно замѣтную роль рано начинаютъ играть свободныя общины Приморья большею частію римскаго происхожденія, каковы Дубровникъ, Трогирь, Сплитъ и др. Позже, съ наплывомъ славянскихъ элементовъ, старыя римскія муниципіи получаютъ во многомъ характеръ славянскихъ общинъ, — все Приморье слагается изъ свободныхъ общинъ и жупъ, по началу народоправства управлявшихся народными сходками и старшинами. Они подчиняются чуждымъ вліяніямъ, въ особенности со стороны Венеціи, когда стѣсненіе хорватскихъ королей принудило общины Приморья отдаться въ зависимость Венеціи. Съ XII вѣка — эпохи подчиненія Хорватовъ венгерскимъ королямъ — Приморье тянуло то къ Венгріи, то къ Венеціи, удерживавшей до новѣйшаго времени преобладающее вліяніе на дѣломъ Приморья. Съ кампоформійскаго трактата Далмація съ другими хорватскими землями вошла въ составъ Австріи на общемъ положеніи австрійскихъ провинцій.

Общины далматскаго Приморья, въ особенности римскаго происхожденія, съ

незапамятныхъ временъ жили по своимъ отдѣльнымъ уставамъ и обычаямъ. Выше мы привели указаніе памятниковъ на древніе статуты г. Арбе, составленные еще въ византійской періодъ (до IX вѣка). Тоже могло быть и въ другихъ общинахъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ XII вѣка, какъ показываютъ памятники, далматскіе города обладали уже *старыми законами и статутами*, которые постоянно подтверждались правительствомъ тѣхъ государствъ, отъ которыхъ зависѣли общины. Въ первой четверти XII вѣка утверждены древніе статуты и законы *Травы* (Traguria, 1108 и 1124), *Арбе* (Arbun, 1118), *Спалато* (1124 и позже — 1199, 1207, 1388) и пр. См. Kukul Juga I. 26, 28 и т. д. Особенно XIII и XIV вѣка богаты грамотами, дававшимися отдѣльнымъ общинамъ хорватскимъ и далматскимъ на право жить по своимъ законамъ. Въ Juga Кукулевича помѣщены грамоты всѣхъ важнѣйшихъ общинъ — *Varazd* (1209), *Walkow* (въ Славоніи, 1231), *Verewoe* (Verowitica, 1234), *Petrina* (1240), *Samobor* (Zumobor, 1242), *Cris* (Crisio, 1252 — 53), *Krapina* (1347), *Sibenik* (1357, 1358, 1383, 1390), *Kallaro* (1382), *Brachia* (1390), *Pagun* (1396) и др. вмѣстѣ съ утвержденіемъ старыхъ уставовъ и законовъ, грамоты опредѣляютъ основныя начала городского устройства, говорятъ о податныхъ льготахъ, общинныхъ выборахъ въ различныя должности, о правахъ по суду и т. д., — начала, развитыя въ подробностяхъ статутовыми законами отдѣльныхъ общинъ.

Древнѣйшіе статуты не дошли до нашего времени. Теперь известны только позднѣйшіе сборники законовъ, болѣею частію въ видѣ переработанныхъ статутовъ XIII и слѣдующихъ вѣковъ. Одни изъ такихъ сборниковъ обнародованы позже въ печати, другіе составляютъ доселѣ достояніе мѣстныхъ архивовъ или вовсе затеряны, известны по однимъ названіямъ.

Статуты, вошедшіе въ печатные сборники, принадлежатъ слѣдующимъ общинамъ :

а) *Рагосницъ* (Ragospizza). Ей принадлежитъ, сколько намъ известно, самый древній сборникъ законовъ, сравнительно съ другими дошедшими до насъ сборниками мѣстныхъ далматскихъ законовъ (кромя Статута 1214 г. острова Корчулы, принадлежащаго къ циклу дубровницкаго законодательства). Статуты Рагосницки собраны въ одну книгу въ 1235 г. Въ печати они изданы въ новое время, — помѣщены въ журн. Dalmakia 1845, № 23, подъ заглавіемъ : Statuti prime leggi in Ragospizza 1235.

б) *Сибенику* (Sibenik). Какъ видно изъ изслѣдованій Рейца, древній сборникъ статутовъ Сибеника принадлежитъ 1292 г. Другое собраніе законовъ, принадлежащее позднѣйшему времени и сохранившееся до сихъ поръ, отпечатано въ Венеціи, въ 1608 г., подъ заглавіемъ : Volumen Statutorum, Legum et Reformationum civitatis Sibenici. Законы начинаются съ 1319 г.

в) *Задру* (Zadar, Jadera). Сборникъ законовъ этой общины — Statuta Jaderina cum omnibus Reformationibus (Venet. 1564) — содержитъ въ себѣ статуты 1305 и 1316 г. съ позднѣйшими реформациями.

д) *Браццль* (Brattia, Brachia, Brazza). Эта община имѣла статуты раньше

1305 г., когда они были переработаны и изданы въ новомъ видѣ. Сборникъ 1305 г. отпечатанъ въ Утинѣ въ 1656 г. Въ томъ же году появился въ печати два сборника старыхъ декретовъ и другихъ законовъ (*decreti, terminazioni, privilegi et indulti*) Браццы. См. выше — источники хорвато-далматскаго законодательства.

е) *Catharo* (Catharo). Въ дошедшемъ до насъ сборникѣ, отпечатанномъ въ Венеціи 1616 и 1715 г., статуты начинаются съ 1316 г.

г) *Травь* (Trohir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Травы, отпечатанный въ Венеціи 1708 г., раздѣляется на три книги: Статутъ 1322, Законы 1420 и Реформаціи 1420 — 1581. Мы уже замѣтили, что Трава имѣла старые статуты еще въ началѣ XII вѣка; дошедшій до насъ сборникъ содержитъ позднѣйшіе статуты и законы, переработанные въ XIV — XVI столѣтіяхъ.

г) *Лезинь* (Lesina). Статуты принадлежатъ 1331; явились въ печати въ 1643 (въ Венеціи).

h) *Пагу* (Pag, Pagum). Древнѣйшіе статуты относятся къ 1396 г. (печатно изданы въ 1637 г., въ Венеціи).

Кромѣ печатныхъ сборниковъ, изданныхъ большею частію въ XVI — XVIII вѣкахъ, есть еще много другихъ сборниковъ и отдѣльныхъ статутовъ, доселѣ не обнародованныхъ въ печати. Извѣстны, напр., древніе статуты: *Баставскій, Трасчскій, Позланскій, Ирѣничскій, Ветриначскій*, составленные на старомъ хорватскомъ языкѣ и хранящіеся въ городскихъ архивахъ (См. *Arhiv I. 186*; *Гласникъ IX. 129*; *Мацѣйковск. Hist. I. 313*). Имѣемъ также указанія на существованіе древнихъ законовъ другихъ общинъ — *Алмиссы, Ноны, Арбе, Полю и Спалато* (См. Рейца *Политич. устр. 8*). Петеръ, въ своемъ сочиненіи — *Königreich Dalmatien (IV. 33)*, упоминаетъ объ извѣстномъ ему сборникѣ древнихъ законовъ Спалато: *Statuta Spalatinae civitatis edita 1322*. Наконецъ законодательство *Дубровника* остается доселѣ мало доступнымъ для научныхъ изслѣдованій. Кромѣ нѣстныхъ статутовъ *Ластова, Борчулы и Милта*, находящихся нынѣ въ печати, да небольшихъ извлеченій изъ старыхъ дубровницкихъ законовъ, помѣщенныхъ въ *Споменицахъ Сръбскихъ Пунича* и въ изслѣдованіяхъ *Макушева*, статуты и законы Дубровника доселѣ хранятся въ городскомъ архивѣ, безъ всякой возможности подвергнуть ихъ критической обработкѣ въ интересахъ научныхъ.

Источники упоминаютъ о слѣдующихъ памятникахъ дубровницкаго законодательства:

- a) *Liber Statutorum civitatis Rhacusii, 1272.*
- ✓ b) *Liber omnium Reformationum, 1335.*
- c) *Liber Legum civitatis Rhacusii dictus Viridis, 1357.*
- d) *Liber Croceus, 1460.*
- e) *Capitulare della Dogana grande (таможенный уставъ), 1272, 1418.*

f) Тетраги *вѣче* (особенно прегать).

g) *Diversa Cancellariae.*

h) *Diversa Notariae.*

i) *Testamento Notariae.*

k) Писанія, повели, записи и книги — грамоты и акты *дипломатическія* сношеній, грамоты *судныя*, *жалованныя*, *законецъ частныя* записи по различнымъ дѣламъ.

Болѣ подробный обзоръ дубровницкихъ памятниковъ мы сдѣлали въ статьѣ — о государственномъ устройствѣ стараго Дубровника (См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1867, декабрь.

ОТДѢЛЪ II.

Исслѣдованіе Винодольскихъ Законовъ.

Исторія составленія Винодольскихъ Законовъ. Общій характеръ ихъ по системѣ и содержанию. I. Государственное устройство по винодольскому уставу: значеніе общинъ и сословій — князей дружины и людей обкинскихъ (племенныхъ людей и кметей); основныя начала устройства винодольскихъ общинъ; общинныя учрежденія — купъ и вича обтинскія, сатники, граштики и бусовиты; князь и князіе люди — дворникъ, подкнежнъ и слуги; судоустройство — правда княжая и кметская, епископскій судъ; исполнительныя учрежденія — приставы и пр. II. Гражданское право: значеніе семьи и братчины (ближиковъ, племени, рода); вещное и наследственное право; обязательства. III. Уголовное право: сущность преступлений и наказаній; понятіе виѣненія; система преступлений и наказаній. IV. Процессъ: поклепъ, доказательства (привзаніе, акты, свидѣтели простые и поротники, присага, лицо и улики) и приговоръ.

Винодолъ, подъ собственнымъ именемъ, является въ исторіи съ XII вѣка. Впрочемъ, еще при Порфирородномъ, къ числу 14 хорватскихъ жупъ принадлежала отдѣльная жупа Вгебега — позднѣйшій Брибиръ, который во время изданія Винодольскихъ Законовъ составлялъ одну изъ винодольскихъ общинъ. Занимая приморскую часть хорватской земли отъ теперешняго города Фише до Нови, Винодолъ слагался изъ небольшихъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой градъ и управлялась автономически, по примѣру псковскихъ и новгородскихъ общинъ. Сюда относились: Нови Градъ, Леденице, Брибиръ, Грижаме, Дривенкъ, Хрелинъ (Хрилинъ), Бакаръ, Трьсатъ, Гробникъ, Бѣлградъ и Которъ. Въ началѣ XII вѣка Винодолъ, вмѣстѣ съ другими хорватскими землями, подчинился королямъ венгерскимъ. Въ 1185 г., при распредѣленіи епископскихъ округовъ (*pagochiae*), Винодолъ съ Новымъ Градомъ отчисленъ къ округу епископа Корбавскаго (Juga I. 33). Со второй половины слѣдующаго столѣтія Винодолъ, какъ мы видѣли, поступилъ въ наследственное владѣніе князей Франгепановъ.

До послѣдней четверти XIII вѣка Винодолъ не имѣлъ отдѣльнаго устава, жилъ по «*законамъ* своихъ отацъ и децъ и всихъ прѣвыхъ». Законъ у всѣхъ южныхъ Славянъ означалъ обычай; у теперешнихъ Сербовъ и Албанцевъ доселѣ удерживается значеніе закона въ смыслѣ обычая (См. Вука Стеф. Караджича Рѣчникъ и Миклошича — *Lexicon palacosloven. — graeco-latinum, Vindobonae, 1862 — 65, sub voce «законъ»*). Такіе обычай, «старе изкушене законе винодольске», послужили

главной основой устава 1288 г. Мы знаемъ также, что Хорваты, живя по дѣдовскимъ обычаямъ, уже въ X вѣкѣ имѣли книгу или сборникъ общихъ законовъ. Смуты слѣдующаго вѣка могли уничтожить непосредственное дѣйствіе устава; но самыя юридическія правила, развитыя старымъ уставомъ, могли долго удерживаться въ народномъ сознаніи, могли имѣть силу обычаевъ и такимъ образомъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ источниковъ позднѣйшихъ уставовъ, издававшихся въ отдѣльныхъ хорватскихъ земляхъ. Вѣчевыя рѣшенія можно также считать не маловажнымъ источникомъ мѣстныхъ хорватскихъ законовъ. Кромѣ общихъ хорватскихъ соборовъ, законодательная власть усвоилась у Хорватовъ также мѣстнымъ сходкамъ (купамаъ, вичамъ) отдѣльныхъ земель и общинъ. Если право издавать законы принадлежало винодолскому купу въ концѣ XIII вѣка, то очевидно тоже право, даже въ большихъ объемахъ, могло существовать гораздо раньше, когда области и общины пользовались почти полною политической самостоятельностью. Винодолскіе Законы упоминаютъ, кромѣ того, о вѣчахъ общинныхъ по отдѣльнымъ городамъ и «ниди». На такихъ вѣчахъ получали начало законы градовъ, на которые не рѣдко ссылается винодолскій уставъ (напр. въ § 76 и др.). Эти-то обычаи и законы винодолскихъ общинъ въ концѣ XIII вѣка собраны были въ одинъ уставъ, получили значеніе общихъ законовъ винодолскаго «кнѣства».

Переходя къ болѣе подробному обозрѣнію Винодолскихъ Законовъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ исторіи составленія памятника и рассмотримъ его систему и содержаніе.

А. Исторія составленія и система Винодолскихъ Законовъ. Законы Винодолскіе открыты въ Новомъ и изданы А. Мажураничемъ въ загребскомъ журналѣ «Kolo, slanci za literaturu, umetnost i narodni zivot (III. 1843), откуда перепечатаны Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ (№ 4, 1846). Кромѣ списка Мажуранича, теперь извѣстенъ другой, болѣе исправный списокъ Винодолскихъ Законовъ, открытый въ недавнее время на островѣ Черво (старомъ Кркѣ. См. Knjizevnik 1865. Rocn IV. 571).

Мажураничъ, руководясь неяснымъ указаніемъ открытаго имъ списка, относитъ изданіе Винодолскихъ Законовъ къ 1280 г. Мацѣйовскій, знакомый съ вновь найденнымъ спискомъ памятника, полагаетъ изданіе его между 1280 и 1288 г. (Hist. I. 313). Ближайшее знакомство съ памятникомъ по новому списку не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 1288 г. былъ дѣйствительно временемъ изданія Винодолскихъ Законовъ.

Введеніе къ памятнику знакомитъ насъ съ самымъ порядкомъ его составленія. Винодолскіе Законы представляютъ актъ одновременной законодательной дѣятельности народной сходки, купа или скупа. Люди винодолскіе, какъ говорится въ введеніи, желая старымъ своимъ законамъ «сохранити на пуни», составили въ 1288 г. въ Новомъ Градѣ купъ изъ церковниковъ и людей мірскихъ, для «здраваго света» о составленіи и списаніи винодолскихъ законовъ. Въ присутствіи князя, сходка для того выбрала, въ качествѣ представителей девяти главныхъ градовъ винодолскихъ, до 40 старѣйшихъ (стариншихъ), наиболѣе свѣдущихъ въ мѣстныхъ законахъ. Къ выборнымъ старшинамъ принадлежала: дворникъ, 9 сатниковъ (по одному

отъ града), 2 судьи, 12 духовныхъ (плованы, провады и попы) и 15 мирскихъ лицъ. Каждый градъ имѣлъ 3 — 6 представителей. Имъ поручено было собрать законы всѣхъ винодольскихъ общинъ и списать ихъ въ одну книгу. Законы, составленные выборными «по волѣ оптинске и единымъ пристаненемъ и нареенемъ», утверждены купожь цѣлаго Винодола. Положено было составить отдѣльные списки для каждаго винодольскаго града.

Мажураничъ раздѣлилъ весь уставъ на 76 статей. При видимомъ отсутствіи правильной системы въ распредѣленіи статей, можно однакожь различить въ уставѣ три большія группы постановленій. Въ каждой сведены статьи о предметахъ однородныхъ. Между такими группами, какъ и въ Русской Правдѣ, распредѣлены статьи, по своему содержанию не подходящія ни къ одной изъ трехъ большихъ группъ. Эти группы слѣдующія:

а) *Законы церковные*, ст. 1—5. Нужно замѣтить, что сборники средневѣковыхъ Славянъ по большей части представляютъ своды законовъ церковныхъ и свѣтскихъ. Таковъ Законникъ Душановъ, отчасти Полицій Статутъ и другіе памятники. Тоже самое видимъ и въ Винодольскихъ Законахъ: статьи, трактующія о церковныхъ дѣлахъ, обнимаютъ почти седьмую часть устава. Въ первыхъ пяти статьяхъ излагаются правила о порядкѣ взиманія и количествѣ судебныхъ и иныхъ пошлинъ и поборовъ въ пользу епископа съ церковей, монастырей, поповъ и мирскихъ людей. Сюда же относятся пять статей изъ слѣдующихъ группъ: о служебныхъ обязанностяхъ церковниковъ, о монастырскихъ и церковныхъ имуществѣхъ и людяхъ и о татѣбѣ церковнаго имущества (ст. 15 — 17, 36, 58).

б) *Законы уголовные*, ст. 6—37: о разбоѣ, убійствѣ, насиліяхъ и наездахъ, членоврежденіяхъ и личныхъ обидахъ, зажигательствѣ, татѣбѣ и портѣ вещей. Подобно Русской Правдѣ, уголовные законы излагаются большею частію виѣствъ съ процессуальными постановленіями. Сюда же относятся четыре статьи изъ третьей группы: объ изнасилованіи, отравленіи, зажигательствѣ и наѣствѣ (56, 59, 62, 72).

в) *Законы по судопроизводству*, ст. 38 — 76: вообще объ искѣ, доказательствахъ и пр.

Статьи смѣшаннаго содержания заключаютъ постановленія о наслѣдствѣ, братчинѣ, вѣчахъ и пр. (13, 14, 32 — 34, 55, 57, 58).

Винодольскіе Законы представляютъ сводъ постановленій, относящихся главнымъ образомъ къ уголовному праву и процессу. Ихъ можно назвать уставомъ *судебно-административнымъ*, служившимъ для руководства судей и правителей. Въ этомъ случаѣ Винодольскіе Законы вполне сходны съ Русскою Правдою и другими памятниками. Въ нихъ все содержаніе возводится къ суду и администраціи; что не имѣло ближайшей связи съ судомъ, то по большей части держалось въ однихъ обычаяхъ.

Есть и другое сходство Винодольскихъ Законовъ съ Русскою Правдою. Оба памятника имѣли матеріальной своей задачей — опредѣлить пошлины и поборы, въ особенности съ суда, въ пользу князя и княжихъ людей, по Винодольскимъ Законамъ также въ пользу общины или ея старшинъ.

В. Обзорніе содержанія Винодолскихъ Законовъ. Они относятся по своему содержанію къ драгоценнымъ памятникамъ славянской старины. Исследователь найдеть въ нихъ обстоятельную картину юридическаго быта старыхъ Хорватовъ, — картину, въ которой воспроизведемъ народный бытъ той исторической эпохи, когда народъ не успѣлъ еще усвоить себѣ болѣе развитыхъ формъ жизни, дробился на атомистическія части, продолжавшія изстаринную дробную жизнь мелкими союзами — общинами и жупами. Мы изложимъ государственное устройство, гражданское, уголовное право и процессъ, на сколько касается этихъ предметовъ винодолскій уставъ.

І. Государственное устройство. Въ Винодолскихъ Законахъ мы изучаемъ бытъ старыхъ славянскихъ жупъ, названныхъ въ Законахъ *обкинами*, *опитинами*. Винодолскія жупы уже потеряли крайности бытовой розни старыхъ славянскихъ жупъ: обтины сводятся къ болѣе полному единству, въ формѣ большой общины, носящей названіе *кметства* или *опитилы винодолской*. Каждая община имѣла свой градъ съ тянувшими къ нему селами. Общины — союзы съ характеромъ автономическимъ. Винодолскіе Законы и не заботятся о поддержаніи автономіи общинъ; она еще крѣпко держится въ обычаяхъ. Кромѣ законодательной власти, отправляемой народною сходкою, община имѣла огромное влияние на всѣ общественныя дѣла; общинныя органы дѣйствуютъ совмѣстно и на ряду съ княземъ (ст. 14, 16, 17 и проч.); иногда община обходится и вовсе безъ князя, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутреннихъ отношеніяхъ общины, напр. въ случаѣ споровъ между «обкинскими» людьми (31, 37, 48). Въ такихъ случаяхъ признавалось въ полной силѣ начало общиннаго самоуправленія, — по внутреннимъ дѣламъ общинъ ихъ органы являлись главными дѣятелями, безъ прямаго вмѣшательства князей. Въ пользу общины идутъ судныя пошлины съ общинныхъ людей, часто безъ всякаго участія въ нихъ со стороны князя. Вообще говоря, внутреннія основы жизни винодолскихъ общинъ коренятся въ старомъ славянскомъ общинномъ бытѣ. Система круговой поруки (кличъ — помогайте!) развита Винодолскими Законами весьма подробно, какъ изстаринный народный обычай. Полная солидарность между отдельными членами общинъ указываетъ на всю внутреннюю крѣпость связей и отношеній, изъ какихъ слагался внутренній бытъ винодолскихъ общинъ (о круговой поруцѣ см. статьи 7 — 9, 23, 24, 29, 31, 50, 62).

Въ составъ винодолскихъ общинъ входятъ *люди обкинскіе* — *кмети*, *орачи* (тоже, что ратаи Русской Правды, старыхъ сербскихъ и польскихъ памятниковъ, — см. Гласникъ XV. 98; Miklos. Mon. 123; Helcel Pomniki, 289) и *пасыри*; къ обкинскимъ людямъ относятся также *ялеменимы люди*, *вопы*, вообще *люди мирскіе* и *церковники*. Винодолскіе Законы не устанавливаютъ между ними рѣзкихъ различій съ сословнымъ характеромъ: «закону кметскому» подлежали одинаково всѣ, кто не причислялся къ княжескому двору.

Въ Винодолскихъ Законахъ фигурируютъ только два общественные разряда, съ болѣе замѣтнымъ сословнымъ характеромъ: *княжая дружина* (обитель) и *люди обкинскіе* (5, 17, 25, 36, 66). Княжіе люди, служабники, пользовались иными гарантіями, люди обкинскіе иными. Различныя порядки наблюдались напр. при

убійствъ, личныхъ обидахъ, татѣвъ и другихъ преступленійхъ, направленныхъ противъ княжихъ людей и кметовъ, людей общинныхъ (29 — 31, 35, 36, 50 и пр.); но не дѣлалось особенныхъ различій между людьми племенными, кметами и другими разрядами. Между послѣдними еще въ полной мѣрѣ господствуетъ идея общиннаго равенства, безъ рѣзкихъ сословныхъ разграниченій.

Племенные люди, подобно кметамъ, составляли собственно фактической разрядъ, имѣли въ своихъ общинахъ положеніе высшаго класса людей, но не пользовались никакими юридическими преимуществами предъ другими общинными людьми. Племенные люди упоминаются только въ трехъ мѣстахъ (5, 54, 75). Не видно, чтобъ съ званіемъ племенныхъ людей соединялись какія либо исключительныя привилегіи; одно вступленіе въ княжіе люди давало племищу болѣе льготное положеніе въ общинѣ.

Преобладаніе идеи общинной свободы и равенства высказывается по Винодольскимъ Законамъ и въ другомъ отношеніи. Имъ вовсе не извѣстно рабство: о челяди, въ смыслѣ рабовъ или зависимыхъ людей, нѣтъ ни слова въ Винодольскихъ Законахъ. *Кмети* составляли классъ вполне свободныхъ людей, — законъ положительно запрещалъ имъ, не только отдаваться въ частную зависимость, но даже вступать подъ обыкновенное покровительство монастыря или частныхъ лицъ (положити се за обарительника. ст. 17). Кмети — общее названіе городскихъ и сельскихъ жителей (орачей и пастырей). Замѣчательно, что въ уставѣ нѣтъ и намека на горожанъ, какъ отдѣльное сословіе: между жителями градовъ и *орачами* и *пастырлами*, жившими «вани из града» (66), не было никакихъ сословныхъ различій. Подъ общимъ названіемъ кметей, они подлежали одному и тому же кметскому закону, вообще пользовались правами обкинскихъ людей.

Внутреннее управленіе и устройство винодольской общины основывается на двойственности учреждений, изъ которыхъ слагалась винодольская *юспода*. Все управленіе цѣлаго Винодола и отдѣльныхъ общинъ построилось на двухъ различныхъ началахъ: *началь общиннаго народоправства*, проявлявшагося въ учрежденіи народныхъ сходокъ и народныхъ старшинъ, и на *началь личнои*, представителемъ котораго былъ князь и княжіе люди.

Винодольскій *купъ* (вкупъ) — общая народная сходка всѣхъ винодольскихъ общинъ (вспомнимъ литовскія купы или копы — учрежденія, вполне однородныя съ винодольскимъ купомъ). Купъ, на который сходились «винодольскіе люди» (народъ) изъ всѣхъ общинъ, имѣлъ значеніе, не только законодательнаго собранія, но и мѣста общиннаго суда, какъ это видно изъ 69-й статьи, говорящей о купѣ въ значеніи судебной сходки. Сходки мѣстныя, по городамъ и «инди», назывались просто *вѣчами* (вече). Рѣшенія такихъ вѣчъ, обыкновенно собиравшихся по дѣламъ, «ке би пристояле к обтнини», не имѣли никакой силы, если на нихъ не присутствовалъ «кнезовъ человекъ» (57). Дальнѣйшихъ деталей по устройству сходокъ Винодольскіе Законы не касаются. Впрочемъ, введеніе къ уставу знакомитъ насъ съ составомъ, если не полного купа винодольскаго, то по крайней мѣрѣ его части, которой было поручено собраніе законовъ и составленіе винодольскаго устава. Сходка такая составлялась по выборному началу: въ ея составъ вошли

старшинны, какъ представители отдѣльныхъ винодолскихъ общинъ. Въ устройствѣ винодолскаго купа, какъ и вообще сходокъ у другихъ Славянъ, не имѣло мѣста начало народнаго представительства въ современномъ значеніи этого слова. Всѣ источники говорятъ, что старья сходки Славянъ основывались на непосредственномъ участіи въ нихъ всѣхъ членовъ общинъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ участие такое имѣло даже обязательный характеръ, если не для всего народа, то для его старшинъ, какъ это было напр. въ Полицѣ, въ которой кнези или катунары (сельскіе старшины) должны были всегда являться на общіе сборы и вѣча Полицы (см. ниже). Можетъ быть, на томъ же началѣ устроился и винодолскій купъ, по всему видно державшійся строго изстаринныхъ славянскихъ обычаевъ и порядковъ.

Народные старшины (старіиши) составляли другой органъ народоуправства винодолскихъ общинъ. Винодолскіе Законы не ясно говорятъ, какія именно должностныя лица нужно относить къ разряду старшинъ. Изъ отдѣльныхъ статей устава можно впрочемъ съ достовѣрностью заключать, что значеніе народныхъ старшинъ имѣли, главнымъ образомъ, *сатники*, *граштики* и *бусовиты*. Они въ одинаковой мѣрѣ противопоставляются служабникамъ и княжимъ людямъ, какъ учрежденія, отличавшіяся отъ нихъ въ особенности тѣмъ, что подлежали «закону и правдѣ кметской», а не правдѣ служабниковъ, т. е. не относились къ должностнымъ лицамъ, непосредственно зависѣвшимъ отъ князя (ст. 25). Въ особенности о сатникахъ можно несомнѣнно говорить, какъ о старшинахъ общинъ: въ такомъ именно значеніи они участвовали на законодательномъ купѣ 1288 г. Эти три должности упоминаются въ уставѣ болѣею частію вѣсть (напр. въ ст. 25 и 26), изъ чего естественно заключать, что они разсматривались, какъ учрежденія однородныя. Видно также, что должности сатника, граштика и бусовита отправлялись временно, въ теченіи положенныхъ сроковъ, — уставъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ «изшастю ихъ изъ офиція» (26). Труднѣе рѣшить вопросъ о правахъ и обязанностяхъ, соединявшихся съ этими должностями, такъ какъ Винодолскіе Законы даютъ въ этомъ случаѣ очень мало объясненій.

Сатники, какъ и *граштики*, доселѣ удерживаются въ винодолскихъ городахъ, въ значеніи обыкновенныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Въ древнее время сатники несомнѣнно занимали совсѣмъ иное положеніе въ общинной администраціи. Изъ введенія къ Винодолскимъ Законамъ ясно видно, что сатники въ то время значили гораздо больше, чѣмъ простые полицейскіе чиновники. Они участвовали въ законодательномъ купѣ, какъ первые и главныя общинныя представители, — въ ряду выборныхъ, перечисленныхъ поименно, они поставлены выше судей, а извѣстно, какъ высоко цѣнилась должность судей у всѣхъ Славянъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ старое время сатники (сѣтники) встрѣчались у большинства славянскихъ племенъ, въ особенности южныхъ, и при томъ всегда въ числѣ главныхъ народныхъ старшинъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 69. III, 180; Крстича Разсматраня о старинѣ сръб. правама, въ Гласникъ IX. 124). Высокое положеніе сатниковъ у южныхъ Славянъ видно изъ одной грамоты 1254 г., данной жупаномъ Холмскимъ Радославомъ Дубровнику: въ числѣ властей холмскихъ, присутствовавшихъ при составленіи грамоты, упоминается Вонславъ Радосевичъ, сѣтникъ пмотьски, который «члель се за все лудие Радославлє» (Miklos. Mon. 45). Въ сказаніи Диоклейскаго

Пресвитера XII вѣка встрѣчаемъ интересное указаніе на бановъ, князей и сатниковъ, какъ на должности, существовавшія въ отдѣльныхъ жупахъ: «*satnike bise nad stolinu* (сотнею) *ljudi da budu receni satnici s bani ruku* (народъ) *suditi*» (Arkiv za pov. jugost I. 20). Здѣсь сатникъ является старшиной надъ сотней (учрежденіе, извѣстное и древнему русскому праву). Есть впрочемъ основаніе ставить сатниковъ (по крайней мѣрѣ винодольскихъ) въ параллель съ нашими старыми *посадниками*, въ особенности псковскими и новгородскими. Кромѣ замѣчательнаго сходства въ самыхъ названіяхъ (сатникъ = посадникъ), винодольскіе сатники и русскіе посадники сходны между собой и въ томъ отношеніи, что въ ряду общинныхъ должностей они играли въ равной мѣрѣ первенствующія роли: Винодольскіе Законы вовсе не упоминаютъ о другихъ народныхъ старшинахъ, которые бы стояли выше сатниковъ.

Значеніе *вратниковъ* и *бусовитовъ* неизвѣстно. Изъ приведенныхъ выше указаній можно только заключать, что они, подобно сатникамъ, зависѣли не отъ князя, но отъ общины, принадлежали къ числу общинныхъ должностей.

Таковы общинныя учрежденія Винодоля конца XIII вѣка. Не смотря на всю скудость данныхъ, объясняющихъ ихъ устройство, нельзя не замѣтить большаго сходства и сродства между ними и общинными учрежденіями старыхъ русскихъ уставовъ (Псковской судной грамоты въ особенности): внутреннее устройство винодольской общины во многомъ напоминаетъ старый Новгородъ и Псковъ, съ ихъ развитой системой народоправства, съ ихъ вѣчами, посадниками и другими народными старшинами.

Не меньше сходства найдемъ также въ положеніи *князя* и *княжизнъ людей* въ Винодолѣ и нашихъ сѣверныхъ общинахъ (Новгородѣ и Псковѣ). Хотя винодольскій уставъ далеко не исчертываетъ этого вопроса, но и того, что въ немъ говорится о князѣ, достаточно для уясненія его отношеній къ общинѣ винодольской.

Князь винодольскій — не столько государь, сколько старшина, въ лицѣ своемъ объединявшій отдѣльныя общины. Онъ на каждомъ шагѣ сталкивается съ сильной общиной, съ ея сходкой и старшинами. Князь присутствуетъ на купѣ; но главная роль принадлежитъ здѣсь цѣлой общинѣ, людямъ винодольскимъ. Главную дѣятельность винодольскаго князя составляли разъѣзды по общинамъ, для производства суда, въ особенности по преступленіямъ (напр. разбою и пр.), имѣвшимъ мѣсто главнымъ образомъ между членами различныхъ общинъ (См. ниже). Вообще винодольскіе князья на дѣлѣ сходны съ князьями новгородскими, полцкими или дубровницкими. Вліаніе князя на главнѣйшія общинныя дѣла весьма слабо; преобладаніе до значительной степени остается за общиной, народомъ. Но въ положеніи винодольскихъ князей есть одна сторона, съ которой они существенно разнятся отъ народныхъ князей: въ Винодолѣ князь выдѣлялся изъ ряда другихъ общинныхъ учреждений, какъ отдѣльная власть, пользовавшаяся по крайней мѣрѣ *de jure* самостоятельнымъ положеніемъ. Франгепаны получили въ 1260 г. наследственную власть на Винодолъ, съ правомъ «*tenendi et possidendi*», какъ прежде владѣли Винодоломъ короли Венгерскіе. Въ случаѣ смерти какого либо князя безъ прямыхъ наследниковъ,

право владѣнія Винодоломъ переходить къ другимъ родственникамъ изъ фамиліи франгепановъ (Жуга. I. 71). *Jus regium* винодольскихъ князей составляетъ капитальное различіе ихъ отъ выборныхъ князей новгородскихъ и другихъ, воплотившихъ отъ своихъ общинъ.

Княжіе люди, служабники, находились въ непосредственной зависимости отъ князя. Изъ нихъ составлялся *кметъ дворецъ* (или просто дворецъ), *обитель* — дружина, всегда сопутствующая князю въ его разъѣздахъ по общинамъ. Винодольскіе Законы говорятъ о дворникахъ, слугахъ и другихъ княжихъ людяхъ, не опредѣляя точно и подробно ихъ служебныхъ правъ и обязанностей.

Значеніе *дворника*, называющагося «дворникомъ всего Винодола», видно изъ самаго названія. Дворникъ соответствуетъ палатину (palatinus), означая главу княжатаго двора. Винодольскій дворникъ равнозначителенъ съ dvoŕnik'омъ сеньскимъ, дворьдържицею, дворскимъ приставомъ или просто дворскимъ сербскихъ памятниковъ (Miklos. Моп. 178, 189, 202 и пр.).

Княжіе люди, входившіе въ составъ двора, носили общее названіе *служабниковъ*, *слугъ*, *дворскихъ офиціаловъ* или просто *княжихъ людей*. Они состояли при дворѣ, для личныхъ услугъ князю, для исполненія его порученій по суду и пр. Такое же значеніе имѣютъ *перманы*, которыхъ можно сравнивать напр. съ княжими отроками и дѣтскими Русской Правды.

Изъ княжихъ людей избирались княземъ также *подкметны* — княжіе наместники въ отдѣльныхъ общинахъ, какъ это видно изъ позднѣйшихъ винодольскихъ грамотъ (См. Винод. Зак. въ Чтеніяхъ, стр. 40). Къ нимъ то нужно относить требованіе Винодольскихъ Законовъ, чтобы на обтинскомъ вѣчѣ всегда присутствовалъ княжій человекъ, въ значеніи представителя князя, блюстителя его интересовъ.

Двойственность администраціи общинной и княжей представляетъ полнѣйшую аналогію съ такимъ же явленіемъ въ устройствѣ нашихъ свободныхъ общинъ. И у насъ, и въ Винодолѣ, община и ея непосредственные органы, вѣча и старшины, заслоняли собой значеніе князя и княжихъ людей; но при всемъ томъ князь являлся уже отдѣльной властью, въ Винодолѣ даже наследственной, конкурировавшей съ властью общины. Винодольскій князь стоитъ выше народныхъ князей старыхъ Славянъ; въ немъ высказывается, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, глава государства, позднѣйшій русскій князь, смѣнявшійся московскимъ царемъ.

Слѣды подобной же двойственности началъ замѣчаются въ *судоустройствѣ*. Винодольскіе Законы строго различаютъ «правду» кметскую (общинную) отъ правды дворской (княжей), принимая вообще за правило, что одни винодольскіе люди судятся правдою и закономъ кметскимъ, другіе закономъ служабниковъ. Винодольскій уставъ признаетъ двѣ главныя формы суда: судъ или *правду княжую* и правду общинную или *кметскую*, допуская епископскій судъ въ значеніи особаго присуда (для дѣлъ церковныхъ).

Винодольскіе Законы очень часто говорятъ о *судебной власти князя*. Указанія на нее даетъ напр. 30-я статья (остани ва осуду оном, в ком га *кметъ доте*

осудити) и др. Дворъ — главное мѣсто княжого суда. Судебныя дѣла (пра, тужба), требовавшія разбирательства князя, производились «предъ дворомъ», въ княжей палатѣ, «на полачи» (вспомнимъ сѣни у князя — мѣсто княжого суда по Псков. судп. грам.), или въ другомъ мѣстѣ, особенно во время княжихъ разъѣздовъ по общинамъ (ст. 9, 22, 23, 47, 60 и пр.). Суду князя подлежали прежде всего служабники, *люди княжіе*, бывшіе въ непосредственной зависимости отъ князя. Князю принадлежало право мести (матекы) за убійство и обиды, наносимыя княжими людьми; онъ вообще былъ непосредственнымъ ихъ судьей (ст. 29, 30, 35). Князю подсудны были также особенно *важныя преступленія* — измѣна, поджогъ, разбой и пр., по которымъ съ извѣстными ограниченіями подлежали княжему суду люди племенитые, церковники, кметы и иные винодольскіе люди (ст. 6, 7, 9, 12, 56, 62, 70, 76). Ограниченіе княжого суда высказывалось, главнымъ образомъ, въ различіи подсудности преступленій, смотря по мѣсту ихъ совершенія. За татьбу или зажигательство хлѣба въ полѣ, вообще за преступленія *въ вѣра* или общины, пеня всегда назначалась въ пользу князя, т. е. другими словами, по такимъ преступленіямъ князь являлся главнымъ компетентнымъ судьей (ст. 8, 11); но тѣ же самыя преступленія, учиненныя въ градѣ, подлежали суду общинныхъ органовъ (14, 31, 37). Винодольскіи Законы вполнѣ извѣстны основными начала древняго славянскаго суда, — начала, въ силу которыхъ общины, по внутреннимъ своимъ дѣламъ, пользовались правомъ самосуда, предоставляя князьямъ судебную дѣятельность во внѣшнихъ отношеніяхъ общинъ, въ особенности при всякихъ столкновеніяхъ и спорахъ между членами различныхъ общинъ (когда настояла надобность въ посредничествѣ равно обязательной для всѣхъ власти князя). Судебное посредничество князя могло имѣть мѣсто и въ другихъ случаяхъ, когда судъ общины оказывался неудовлетворительнымъ. Судъ князя получалъ тогда значеніе высшей апелляціонной инстанціи (какъ увидимъ, такое значеніе и дается ему въ уставѣ загребскомъ). — Княжій судъ производился, не только лично самымъ княземъ, но и людьми княжими, по «заповиди» князя (40, 61).

Судъ общинный, какъ ясно видно изъ Винодольскихъ Законовъ, былъ самостоятельнымъ учрежденіемъ. Указаніе на него даютъ статьи, говорящія о судѣ «предъ дворомъ и *инди* (38, 51), о судебномъ *купѣ* (69), также о пеняхъ исключительно въ пользу общины (14, 31, 37, 48, 58). Главными органами *правды кметской* были *купы*. Для суда они собирались на «месту обычайномъ», въ особенности гдѣ обыкновенно производилась рота (присяга) по дѣламъ судебнымъ. На судебныхъ купахъ, какъ и на всякихъ «обтинскихъ вѣчахъ», всегда присутствовалъ дворскій человекъ (69. Ср. 57). Для суда въ общинахъ назначались въ особенности *судцы* (судацы), бывшіе въ числѣ общинныхъ выборныхъ на законодательномъ вѣчѣ 1288 г. (отъ града Хрилина — Живина судацъ, изъ Църсата — Доманикъ судацъ). *Сатники* также упоминаются въ числѣ учреждений, имѣвшихъ участіе въ общинной администраціи и судѣ (61).

Наконецъ, намъ кажется, Винодольскіе Законы даютъ указаніе на *присланныхъ судей* — «ротниковъ», производившихъ судъ предъ дворомъ, а можетъ быть, и на судебныхъ сходкахъ, какъ это было въ Дубровникѣ издавна. Дѣло въ томъ, что въ Винодолѣ позовники, т. е. лица, специально производившія позовы, раздѣлялись

на простых и присяжных (65, 73): первые позывали предъ обыкновенныхъ судей, вторые — предъ присяжныхъ. Объ этихъ-то послѣднихъ и говорить ст. 63: «И оште позованици имаю бити ротени и такое кмети имаю се позивати од всекога предъ дворомъ *предъ ротника*». Впрочемъ, зная испорченность списка устава (по изданію Мажуранича), мы не можемъ считать своего положенія несомнѣнно вѣрными. Очень можетъ быть, выраженіе «предъ ротника» принадлежитъ къ числу испорченныхъ мѣстъ устава. Измѣнивъ это выраженіе въ другое, именно «*чрезъ ротника*» (чрезъ ротника), мы дадимъ приведенной статьѣ иной смыслъ, далекій отъ указаній на присяжныхъ судей. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что Мацѣйовскій, въ переводѣ своемъ Винодолскихъ Законовъ (Hist. VI. 340), говоря, что «*kmetie wzywaja sie na dwór przed przysięznika*», совершенно произвольно объясняетъ значеніе послѣдняго, какъ урядника, «*któgu przysięgami kieruje*». Ни въ Винодолѣ, ни у другихъ Славянъ, сколько намъ извѣстно, никогда не было отдѣльныхъ чиновниковъ, специально назначавшихся для завѣдыванія присягами — дѣла, производившагося обыкновенными исполнительными лицами, напр. приставами, дѣтскими (по Русской Правдѣ) и пр. Ротниковъ, упоминающихся въ 73 статьѣ Винодолскихъ Законовъ, можно объяснить въ двоякомъ смыслѣ: какъ присяжныхъ судей и какъ «ротенныхъ» позовниковъ. Мы больше склоняемся въ пользу перваго объясненія. Общій строй винодолскихъ градовъ, удерживавшихъ всѣ существенныя принадлежности старославянской общинной жизни, вполне допускалъ существованіе въ Винодолѣ суда присяжныхъ — института глубокой старины, когда-то составлявшаго общую принадлежность всѣхъ Славянъ и очень долго удерживавшагося у большинства южныхъ племенъ въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ.

О *епископскомъ судѣ* упоминается только мимоходомъ (ст. 3). Ему подлежатъ «попы и жакни» (діаконы), — ихъ *дуги* или *зрешене* (собственно церковныя преступленія) судятся бискупомъ, имѣющимъ право на взиманіе съ нихъ судебныхъ пеней (осуд). Нужно замѣтить, что въ Винодолѣ духовенство не такъ рѣзко отдѣлялось отъ другихъ общественныхъ разрядовъ, какъ это было напр. у Сербовъ и другихъ Славянъ. Церковники допускались къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, могли являться на народныя сходки, подлежали общественнымъ повинностямъ, напр. обязаны были отправлять сторожевую повинность (15) и пр. Съ другой стороны, община и князь значительно ограничивали церковную юрисдикцію. По Винодолскимъ Законамъ, безъ воли общины и князя «ни един жакан не море приети стих реди кнежтва» (должности священника); за нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей (т. е. если не служить ежедневно «машу и свете други оѣнци»), погъ подлежатъ пени въ пользу общины и князя (о епископѣ нѣтъ ни слова), да и вообще люди церковные подлежатъ «правдѣ» князя, на равнѣ съ людьми племенными, кметями и другими винодолскими людьми (См. 16, 58, 75).

Къ *исполнительнымъ должностямъ* по суду и администраціи относились: *приставы, нарманы, слуш, послы, арсалы* (послы отъ двора) и *позовники*. Подобно отрокамъ, дѣтскимъ и другимъ сходнымъ учрежденіямъ Русской Правды, они состояли при князѣ и другихъ должностныхъ лицахъ, для исполненія различныхъ судебныхъ дѣйствій и другихъ порученій (5, 19, 30, 48 — 51, 53, 65 и пр.).

Винодолскимъ Законамъ извѣстно наконецъ учрежденіе, сходное съ чешскимъ

соками и ябедниками Правды. Имъ дается характеръ судебный и вѣсть фискальный. Соки не только размысливаемы пропаку и преслѣдовали частныя преступленія, въ качествѣ публичныхъ обвинителей, но и открывали злоупотребленія по службѣ, въ особенности тамъ, гдѣ дѣла касались княжихъ доходовъ и имущества. За «остачень» они получали особенную плату (цнву или лкуф), но съ тѣмъ, чтобы остачень было доказано; иначе клеветнику грозитъ та же пеня, которой подвергся бы обвиненный при дѣйствительности клепа (45, 46, 60).

II. *Гражданское право.* Винодольскіе Законы даютъ нѣсколько очень интересныхъ указаній на отношенія семейныя, имущественныя, наследственныя, также на обязательства. Вездѣ мы найдемъ учрежденія и порядки глубокой древности, во многомъ объясняющіе юридическій бытъ Славявъ. Мы приведемъ главнѣйшія изъ такихъ указаній.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе, ясно представляющееся въ Винодольскихъ Законахъ между простой *семьей* и *семейной общиной*, сходной съ сербской задругой и полицкой вервью, дружиной. Семья противопоставляется *ближникамъ, роду, племени, братчинь*. Отецъ съ своими *реди*, собственно наследниками, составляютъ семью въ тѣсномъ смыслѣ, *обитель* (обителью называлась и княжная дружина). Отецъ, сынъ, братья и другія лица могутъ также жить въ болѣе обширномъ союзѣ, — подъ общимъ титуломъ братчины, рода, племени или ближиковъ, могутъ сообща владѣть *зборомъ* — общимъ семейнымъ имуществомъ, или стоять «*есакъ по себи*», раздѣлиться «*мею собомъ*». До раздѣла удерживается между членами полная солидарность, — начало круговой поруки было главной основой союза ближиковъ. Ближники, племя, родъ винодольскаго устава, подобно верви Правды и Полицкаго Статута, играютъ главную роль въ ученіи о дикой вярѣ (вражбѣ Винодольскихъ Законовъ): обязанность платить дикую виру лежитъ прежде всего на ближикахъ преступника (если онъ уклоняется отъ наказанія). Наша вервь и винодольскіе ближики — въ этомъ случаѣ тождественныя учрежденія (13, 31, 29, 62, 67).

По *вещному праву* встрѣчаемъ только нѣсколько указаній. *Ричъ, благо* — общее названіе имущества. Винодольскимъ Закономъ извѣстно имущество движимое и недвижимое (*мибле* и *немибле*, собственно *имине*, т. е. земли, виноградники, кучи и другая недвижимость), благопріобрѣтенное и наследственное, въ особенности *блазо очино* и *материно*. Благо можетъ состоять на правѣ полной собственности и простаго владѣнія; *свое*, иногда и *пошишюна*, означало имущество, состоявшее на правѣ полной собственности; но подъ пошишюномъ иногда разумѣется и имущество, бывшее въ простомъ пользованіи (по залогу и пр.). Имущество общее, *зборъ*, противопоставляется частному. Упоминаются также вещи княжія, церковныя, племенитыхъ людей, кметей и проч. Изъ способовъ пріобрѣтенія правъ на вещи извѣстны находка и договоры (завези). Вещныя права строго охраняются закономъ отъ нарушеній; безъ суда нельзя брать насильно чужой вещи, но «*пошишюна та слободно и мирно уживай тере държи*». Ученіе о правахъ на вещи вообще коренится въ старыхъ обычаяхъ (14, 32, 45, 51, 55, 76 и пр.).

Наслѣдственное право имѣетъ строгій семейный характеръ. Право «аредитати»

усвояется «днцамъ», прежде всего сыновьямъ, а если ихъ нѣтъ, то дочерямъ. Этими лицами и ограничивался кругъ *реди* (наследниковъ), прямо отличающихся отъ ближиковъ и племенн: если вовсе нѣтъ реди, имущество считается выморочнымъ (*омаштно*), отходить къ князю, какъ и по Русской Правдѣ. Изъ винодольскаго устава видно также, что въ его время благо могло быть *за душу сусено*, что указываетъ по крайней мѣрѣ на зародышъ завѣщательнаго порядка наследованія имущества (31 — 37, 76).

Изложенный порядокъ наследованія имущества, очевидно, имѣлъ силу только въ такомъ случаѣ, когда «стое всак по себи и раздѣлени есу мею собомъ». Задружная жизнь, какъ она развилась у Хорватовъ, Сербовъ и другихъ Славянъ, обуславливала иные порядки въ отношеніяхъ имущественныхъ и наследственныхъ. «По закону вѣкожизныхъ боговъ, будета имъ оба въ *одно власти*, чи се *раздѣлится ровну мѣру*», — основной законъ задружной жизни Славянъ, такъ мѣтко формулированный чешскимъ сказаніемъ о судѣ Любуши. Въ задругѣ собственно нѣтъ мѣста наследственному праву. Раздѣлъ задруги — первый моментъ, съ котораго начиналось для расходившихся членовъ задруги дѣйствіе наследственного права на общемъ основаніи. На этотъ-то моментъ указываютъ Винодольскіе Законы, говоря о братчинѣ, которая «дѣли сбор мею собу, държана е дати десетину на пуни» (13). Сборъ, общее имущество братчины, дѣлится между ея наличными членами, при чемъ на нихъ лежитъ обязанность выдѣлить десятину, десятую часть имущества, вѣроятно — въ пользу церкви, а можетъ, и государства (десятина въ Полицѣ принадлежала къ числу государственныхъ доходовъ; тоже могло быть и въ Винодолѣ). Нѣтъ прямыхъ указаній на отношеніе къ сбору (при его раздѣлѣ) ближиковъ, вышедшихъ изъ союза, стоящихъ «всак по себи». Изъ самаго существа дѣла вытекало возвращеніе на нихъ, какъ на лицъ *чужихъ* въ отношеніи къ союзу, изъ котораго они вышли, — право на участіе въ сборѣ ограничивалось только *наличными* членами союза, состоявшими въ немъ въ моментъ его раздѣла. Въ свою очередь, братчина и отдѣльнѣе ея члены, ближики, не имѣли никакого дѣла къ имуществу лица, вышедшаго изъ союза, не причисляясь къ числу его реди, такъ что, если не было у него дѣтей, то по его смерти имущество становилось выморочнымъ, по Винодольскимъ Законамъ отходило не къ ближикамъ, но къ князю. Изложенныя начала въ старое время имѣли силу у всѣхъ Славянъ, а у южныхъ удерживаются доселѣ безъ особенно важныхъ измѣненій (См. Bogisic Pravnii obicaji, стр. 162 и слѣд.).

Ученіе объ *обязательствахъ* не развито Винодольскими Законами во всѣхъ его деталяхъ. Объ обязательствахъ личныхъ нѣтъ ни слова, — уставъ трактуетъ только объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ договоровъ по имуществу, именно о *куалѣ* — *продажѣ*, *дареніи* и такъ называемомъ *дулѣ*. Въ понятіе послѣдняго входятъ ссуда и заемъ вещей и денегъ, съ залогомъ и безъ него: въ послѣднемъ случаѣ дугъ называется *кърденче* (отъ итальянскаго *credenza*). Предметомъ договоровъ можетъ быть ричъ (собственно имущество движимое, вещь, *res*) и илліе — земля, виноградникъ, куча и другіе виды имущества, принадлежащихъ хозяину на правѣ пошнїона. Право вступать въ обязательства предоставлялось двору, дворскимъ людямъ и всѣмъ людямъ обикнскимъ. Главнымъ условіемъ дѣйствительности

договоровъ было совершение ихъ въ присутствіи «сведомовъ» (да то е было предъ они сведоки то е учинено); не видно, чтобы требовалось еще совершение ихъ на письмѣ, — упоминаются одни «квадрьни» — торговья книги, принимавшіяся за доказательство въ спорахъ между торговцами. Впрочемъ, и свидѣтели требуются только при большой цѣнности договоровъ (свыше 10 или 20 соддиновъ); по малымъ дѣламъ допускались договоры и безъ свидѣтелей. Въ случаѣ споровъ по нимъ, дѣло рѣшалось по присягѣ истца. Касательно взысканій по обязательствамъ встрѣчаемъ правило, запрещавшее искать судебнымъ путемъ долги съ дворскихъ людей раньше года со времени «изсшаста с тога офиція» (42—44 63 76).

III. *Право уголовное.* Оно развито въ Винодольскихъ Законахъ гораздо полнѣе и отчетливѣе другихъ отраслей права. И здѣсь, правда, встрѣчаемъ не рѣдко слѣды пачеки на институты, коренившіеся въ обычаяхъ и мало затронутые законодательствомъ; но за то есть пропасть вполне развитыхъ установлений, принадлежащихъ самой глубокой древности. Исследователь найдетъ въ этомъ случаѣ огромное сходство между винодольскимъ уставомъ и напр. Русской Правдой или другими старославянскими уставами, — сходство, которое нужно считать не дѣломъ простаго случая, но результатомъ правильнаго развитія однихъ и тѣхъ-же общеплеменныхъ порядковъ и обычаевъ.

1. *Преступленіе*, по ученію Винодольскихъ Законовъ, не вполне еще утратило частный характеръ. Въ понятіе преступленія входятъ прежде всего *школа* или *худоба* — дѣйствіе, соединенное съ матеріальнымъ вредомъ для отдѣльных лицъ; *кривина* — неправда прежде всего противъ правъ лица и потомъ уже общества. Винодольскіе Законы трактуютъ, въ большинствѣ своихъ статей, только о преступленіяхъ противъ правъ личныхъ и имущественныхъ; ученіе о преступленіяхъ государственныхъ почти только въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы Винодольскіе Законы рассматривали преступленіе исключительно съ частной точки зрѣнія: имъ уже извѣстна внутренняя преступность дѣйствій, идущихъ въ разрѣзъ съ нравственными началами, — дѣйствій, въ особенности характернаемыхъ названіемъ *зрешене, ду, крих*. Въ разбѣ или дѣйствіяхъ «предаваецъ» (измѣнниковъ) Законы видятъ *зло* (зло творене или створене) — правонарушеніе, вредное какъ для цѣлаго общества, такъ и для отдѣльных лицъ (7, 21. 24. 41. 56. 60. 66).

Подобно тому, какъ преступленіе не получило еще строгаго юридическаго понятія, опредѣлялось по отдѣльнымъ, болѣе вѣншнимъ, нежели внутреннимъ, признакамъ, такъ и понятіе о преступникѣ и *уголовномъ вѣнненіи* не сложилось еще въ строго опредѣленную и законченную формулу. Подъ преступникомъ разумѣется *шкодник* (шкодник), *кривецъ*, *сапрешени*, *злотворецъ* или *злочинаецъ* — терминъ, соответствующіе названіямъ самаго преступленія. Шкоднику вѣншалось преступленіе, школа, по нѣсколькимъ началамъ, составлявшимъ по крайней мѣрѣ въ зародышахъ ученіе Винодольскихъ Законовъ объ уголовномъ вѣнненіи. Злой умыселъ упоминается только мимоходомъ (27, 64). *Зла воля* шкодника мало принималась во вниманіе при опредѣленіи наказуемости его школы, — въ винодольскомъ уставѣ нѣтъ ни одной статьи, въ которой сколько нибудь опредѣленно говорилось бы о различіи между преступнымъ дѣйствіемъ случайнымъ (безъ злаго умысла) и преступленіемъ,

совершеннымъ въ злой волю. Подобно Русской Правдѣ, винодольскій уставъ принималъ главными моментами наказуемости и виѣненія преступленій, не столько внутренніе, сколько виѣшніе ихъ признаки. Такимъ образомъ, уставъ довольно категорически рѣшаетъ вопросъ о преступленіяхъ, учиненныхъ *перво* и *вете*, облагаетъ преступленія повторенныя болѣе тяжкими наказаніями, сравнительно съ преступленіями, учиненными впервые (59, 62). Не дѣлается различія между взрослыми и малолѣтними шкодникомъ, между главнымъ зачинщикомъ и простыми участниками (62). Съ другой стороны, винодольскому уставу извѣстно, по крайней мѣрѣ отчасти, ученіе о состояніи *необходимой обороны*: убійство разбойника или татя на шкодѣ оставалось безнаказаннымъ, если онъ сопротивлялся, не отдавался добровольно въ руки настигшихъ его на преступленіи (71). Преступленіе опредѣлялось также, смотря по характеру и свойству *нарушенныхъ правъ и интересовъ*, какъ и по общественному положенію въ особенности обиженнаго (25, 29 — 31, 25 и пр.). Есть и другія различія, напр. между преступленіями *ночными* и *дневными*, учиненными на полѣ или въ градѣ, — между преступленіемъ съ *ключемъ* (о помощи, со стороны обиженнаго) или безъ него. Наконецъ, отвѣтственность по преступленіямъ падала, не только на самаго виновнаго, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на *стороннихъ*: ближнихъ и община, въ силу круговой поруки, несли повинность платежа пеней, въ особенности при уклоненіи преступника отъ наказанія (напр. 29, 31). Всѣ такія явленія, въ болѣе или меньшей степени, повторяются въ другихъ старославянскихъ уставахъ, не достигшихъ, вообще говоря, до полного развитія ученія объ уголовномъ виѣненіи.

Въ ученіи о преступленіяхъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ, исчерпывающихъ по Русской Правдѣ всю область уголовного права, винодольскій уставъ не многимъ отличается отъ этого памятника. Убійство, разбой, членоврежденія, побой и другія личные обиды, татяба и порча чужихъ вещей — преступленія, развитыя винодольскимъ уставомъ рѣшительно въ духѣ Русской Правды. Къ новымъ явленіямъ, не извѣстнымъ послѣдней, относятся: измѣна, преступленія по должности, жесвиительство, изнасилованіе женщинъ, отравленіе и наконецъ преступленія церковныя.

а) *Убійство* (убойство). Винодольскій уставъ опредѣляетъ сущность этого института въ духѣ Правды, различаетъ убійство княжихъ людей и кметовъ, — людей, подлежащихъ правдѣ и закону кметскому, съ установленіемъ различныхъ наказаній за тѣхъ или другихъ. Статя Правды: «аще оубьють татя на своемъ дворѣ», вполне соответствуетъ статья Винодольскихъ Законовъ: «оште ако разбойника звѣрху мое шкоди нанду въ ноти» (71). Правда и Законы не подвергаютъ никакой отвѣтственности убійство по нуждѣ, напр. при поимкѣ и сопротивленіи татей и разбойниковъ. По словамъ Винодольскихъ Законовъ, если я найду разбойника на моей шкодѣ въ то время, когда «мне шкоду чинеть», и не могу взять его живьемъ, или его не знаю (чтобъ можно было послѣ звать его на судъ) и убью его, то ни въ какомъ случаѣ не подлежу за то суду (у виедной ричи ни мам се осудити) и никто не можетъ выступать противъ меня (съ обвиненіемъ). Вражда винодольская вполне соответствуетъ дикой вирѣ Правды, какъ и осудъ — простой вирѣ. Въ ученіи о наказаніяхъ мы скажемъ подробнѣе о сущности вражды и осуди.

Особые виды убійства составляютъ отравленіе и разбой.

а) *Тварници* (отравители), пойманные въ первый разъ на злодѣяніи, подлежатъ ответственности на равнѣ съ простыми убійцами. При вторичномъ обвиненіи они выдаются князю на потокъ, — «гда кнез ю каштигаи по нега воли» (59).

б) *Разбой* (рубани, иногда сила) отличается отъ убійства, какъ преступное дѣйствіе, нарушавшее личныя и имущественныя права, совмѣщавшее въ себѣ убійство и грабежъ, или отнятіе чужаго имущества. Разбой можетъ быть произведенъ «на пути и инди», безразлично называется рубани и сила. Иногда впрочемъ рубани и сила имѣютъ значеніе двухъ различныхъ институтовъ — собственно разбоя (рубани) и грабежа (сила). Въ такомъ значеніи говорится о нихъ въ 66-й статьѣ о свидѣтельскихъ показаніяхъ орачей и пастырей, допускаемыхъ въ свидѣтели «тако в рубани, тако въ силахъ». Значеніе силы объясняется въ особенности закономъ о личбѣ (*vadium*), имѣвшей мѣсто и при силѣ (39): личба допускалась только въ вещныхъ искахъ, когда какимъ либо образомъ — грабежемъ или иначе — нарушены имущественныя права отдѣльныхъ лицъ, — при убійствѣ и разбоѣ имѣли мѣсто другія процессуальныя дѣйствія (о рубани и силѣ см. 41, 39, 66, 71).

в) *Членоврежденія и личныя обиды* (уражене, ранене, біене, бранене, стучене и пр.). Винодольскіе Законы различаютъ, подобно Правдѣ, поврежденіе членовъ (ники уд усикал или схабил тако, да би од тога не могал прати на прьво здраве), нанесеніе ранъ, побоевъ и толчковъ (стучене) отъ простой брани (бранене, псость езика) и другихъ обидъ. Подобно убійству, членоврежденія и обиды различаются, смотря по общественному положенію обиженнаго. Напр., за уражене княжихъ людей положенъ потокъ, за другія обиды — 50 либръ общественной пени съ частною подувирой; напротивъ, за обиды кметей платится только 2 либра. Усленныя пени назначены также за обиды, наносимыя женщинамъ. Изнасилованіе, по количеству пени, уравнивается съ убійствомъ, сверженіе ховерлицы (женскаго головнаго убора) мужчиной — съ разбоемъ. Обиды послѣдняго рода между одними женщинами наказываются обыкновенной пеней (18, 25, 27, 28, 30, 56).

Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ упоминаются татьба, грабежъ, зашигательство и порча чужихъ вещей.

а) *Татьба* (татба). Винодольскіе Законы различаютъ татьбу, смотря по времени и мѣсту ея совершенія, также по состоянію обиженнаго.

Большой татьбой считается татьба, учиненная «в ноци», — татьба дневная наказывалась меньшими пенями. Съ дневной татьбой уравнивается впрочемъ и ночная, если, при открытіи татя на преступленіи или вообще при открытіи школы, не сдѣланъ былъ кличъ (помагайте). Тать «клицанный» равнозначителенъ съ татьемъ приличнымъ или лицованнымъ другихъ старославянскихъ законодательствъ (о татьбѣ дневной и ночной, съ кличемъ и безъ него, см. 7 и 8).

Различается, далѣе, татьба «в граду», въ особенности татьба градскаго «храма», отъ татьбы въ пристанищѣ (пристани) винодольскомъ, на полѣ и вообще внѣ града (украл в оснику ники скот, воля на гумну жито, воля ва улицы, в мести, гди се схраняю пчеле, мед). Градская татьба (кромѣ храма) считается малой татьбой и

оплачивается одинаковой пеней, будет ли она учинена днем или ночью, съ кличем или безъ клича; пенья съ градской татьбы идетъ общинѣ. Татьба вѣт града относилась къ роду большой татьбы, особенно если учинена ночью и былъ при ней кличъ о помощи, — пенья съ такой татьбы идетъ князю. Тать градскаго храма рѣшительно напоминаетъ «кромскаго» или «храмскаго татя» Псковской судной грамоты: въ винодольскомъ и псковскомъ уставѣ разумѣется здѣсь одинъ и тотъ же институтъ кражи, совершенной въ храмѣ — мѣстѣ храненія общинной казны (7, 8, 11, 37).

По принадлежности воровскихъ вещей, винодольскій уставъ различаетъ татьбу вещей, принадлежащихъ князю, двору и вообще службникамъ, отъ татьбы кметской. За послѣднюю назначается «школа дупла» (двойное вознагражденіе противъ стоимости вещей воровскихъ); татьба вещей княжихъ и дворскихъ оплачивается всеюро. Съ кражей дворской сравнена кража вещей церковныхъ и монастырскихъ (35, 36, 50).

б) *Грабежъ* (сила). Сюда относится отнятіе и насильное завладѣніе чужой вощю. Грабежъ выказывается на равнѣ съ татьбой (7, 71). Какъ мы видѣли, подъ силой разумѣется иногда и разбой. Она употребляется также въ значеніи чешскаго *hrdost* — *насилія безъ грабежа*; въ такомъ смыслѣ и извасилованіе женщинъ иногда называется силой (яко би ки учинил силу жѣни).

в) *Истребленіе и порча чужихъ вещей*. Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, отличаютъ зажигательство (пожгане) отъ другихъ видовъ истребленія и порчи вещей. Подъ пожгане разумѣется зажигательство дома, храма, скотнаго двора и пр. (яко би ки положилъ въ кутю огань или храмъ золя в ничіи осяк); за пожгане угрожаетъ высшая мѣра наказаній (100 лѣбрь или потокъ). Упоминается «разбіеніе» храма, вмѣстѣ съ кражей и отдѣльно отъ нея (7, 62).

Кромѣ преступленій противъ личныхъ и имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, Винодольскіе Законы говорятъ также о преступленіяхъ съ характеромъ *публичными*: измѣнѣ и преступленіяхъ по должности.

а) «*Предавацы* господина князя натуралскога» считаются лихими людьми. Въ ихъ дѣйствіяхъ проглядываетъ зло — правонарушеніе съ общественнымъ характеромъ. Впрочемъ есть основаніе думать, что Винодольскимъ Законамъ *еда* ли былъ дѣвственъ институтъ *измѣны* въ позднѣйшемъ значеніи политическаго преступленія. Въ дѣйствіяхъ предавацовъ нужно видѣть правонарушеніе, направленное прежде всего *лично* противъ самаго князя. Предавцы наказывались не строже отравителей и поджигателей: въ то время, когда послѣднимъ грозитъ сожженіе (за отравленіе), осужденіе на смерть, наказаніе предавцовъ зависить отъ воли князя. Онъ могъ ихъ наказать, но могъ и вовсе освободить отъ наказанія (70).

б) Такой же характеръ дается *преступленіямъ приставовъ* въ ихъ служебной дѣятельности. Уставъ говоритъ, во 1-хъ, о *вымогательствѣ* приставомъ съ тяжущихся судныхъ платежей, сверхъ установленной закономъ таксы, и во 2-хъ, о *ложивыхъ показаніяхъ* пристава предъ судомъ. Въ обоихъ случаяхъ приставъ наказывается прежде всего за «кривину», частную школу. *Фалсо* приставовъ

уравнивается съ *жжесвидѣтельствомъ* частныхъ лицъ, дающихъ на судѣ показанія въ качествѣ свидѣтелей (48, 51, 52).

Отдѣльный видъ преступленій по должности составляютъ *преступленія церковныя* (дуг, згрѣшене), въ особенности нарушеніе поповскихъ «офцій» (3, 58).

2. Сущность *наказанія*, какъ и преступленія, опредѣляется также прежде всего съ частной точки зрѣнія. Старый частный характеръ наказанія проглядываетъ въ самомъ названіи его — *матене* (29, 31, 70), что означенъ мсть, воздаяніе за «шкоду» равносильной шкодой, вредомъ. Общественная власть *мститъ* виновнику преступленія, на манеръ частныхъ отмстниковъ стараго времени. *Пена, осуд, банд, рачени*, употребляются также въ значеніи наказанія вообще, иногда только денежныхъ пеней (3, 24, 25, 30, 59, 74, 75 и пр.).

Матене — прежде всего общее названіе наказаній. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напр. 31) названіе *матене* дается и денежнымъ пенямъ. Но оно имѣетъ и болѣе спеціальныи смыслъ. относится къ наказаніямъ, касавшимся *личности* виновнаго; сюда въ особенности принадлежитъ наказаніе, въ существѣ своемъ вполне сходное съ потокомъ Правды. *Платежи денежныя*, спеціально называвшіеся осуд, пена, банд и пр., составляли второй видъ наказаній. *Матене* и осудъ — два основныя вида наказаній, на которыхъ построится все ученіе Винодольскихъ Законовъ о наказаніяхъ по преступленіямъ.

а) Къ наказаніямъ, поражающимъ *личность преступника*, Винодольскіе Законы относятъ въ особенности: осужденіе на животь и смерть, также выдачу преступника въ «пуну область» князя — тоже, что потокъ Правды. *Матене*, въ обоихъ видахъ, состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на смерть или выданнаго на произволь князя и другихъ лицъ.

а) *Осужденіе на смертную казнь* (осуд на живот и на смьрт). О немъ говорится въ двухъ статьяхъ: о тварницахъ и пожгаве (59, 62). Въ обоихъ случаяхъ преступникъ, впервые обвиненный въ преступленіи, подлежитъ осуди на смерть, если не имѣетъ средствъ для уплаты денежной пени, положенной въ законѣ за отравленіе и зажигательство: отравитель подвергается *сожженію* (се сажти), зажигатель — «осуди на животь». За вторичнымъ поджегомъ и отравленіемъ слѣдуетъ вмѣсто денежной пени смертная казнь (поджигателя) и выдача (отравителя) на произволь князя.

3) *Потокъ*. Значеніе потока имѣетъ выдача преступника въ «пуну область» (власть) князя, который могъ учинить надъ нимъ «матене на свою волю». Потокъ подлежатъ въ особенности предавацы князя и убійцы княжихъ людей; тоже наказаніе положено за членоврежденія, наносимыя княжимъ людямъ, иногда и за повторенныя преступленія (отравленіе); наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, когда присужденные къ денежной пенѣ не имѣли средствъ къ ея уплатѣ, князь «надъ нихъ животи море учинити волю свою, ча буде нему драго». Въ понятіе потока входило также изгнаніе въ чужую землю; съ «сгоникомъ» запрещалось имѣть никакихъ сношеній, давать ему «исти, или пити, или ину ку помощь, воля светъ». Сгоникомъ объявлялся въ особенности преступникъ, скрывшійся въ другую землю и этихъ заставившій

своихъ ближиковъ или общину платить вмѣсто него виру; при поимкѣ его, предоставлялось князю или *другому вмѣсто него* — учинить матене по своему желанію, «учинити когоди матене буге хотилъ» (12, 29 — 31, 59, 70, 74).

б) По Винодольскимъ Законамъ, потокъ всегда соединялся съ *грабежомъ*: матене распространялось на личность и имущество преступника, — вмѣстѣ съ выдачею его въ полную власть князя, все его имущество подвергалось конфискаціи въ пользу князя. Такимъ образомъ, предаваецъ выдавался на потокъ князю, который могъ учинить «матене звѣрху нега и звѣрху негова блага (имущества) на свою волю». Значеніе *самостоятельнаго* наказанія дается грабежу въ статьяхъ о «фалсѣ» (ложномъ показаніи на судѣ) пристава, также объ общинныхъ вѣчахъ, учреждавшихся безъ княжяго человѣка: въ обоихъ случаяхъ виновные «згубляю все свое благо, ча се гибле и не гибле». Конфискованное имущество отдается князю (51, 57, 70).

Осужденіе на животь и смерть, потокъ и грабежъ, составляютъ чрезвычайныя наказанія, поражающія особенно тяжкія преступленія. Между ними замѣчается самая тѣсная связь; они входятъ въ понятіе одного и того же института *матене*, суть которой заключалась въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго на животь и смерть или къ выдачѣ въ полную власть князя, вмѣстѣ съ грабежемъ всего его имущества. Различіе между ними заключалось только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ законъ опредѣлялъ родъ и характеръ матене, указывая видъ самаго наказанія (осудъ на животь и смерть, сожженіе), въ другихъ предоставлялось самому князю, въ каждомъ данномъ случаѣ, опредѣлить степень и видъ наказанія.

с) *Денежныя взысканія* были различны и назывались *пена, осудъ, рачети, бандъ, вражба, заговори* и *завези*. Ученіе Винодольскихъ Законовъ о композиціяхъ даетъ много интересныя указанія на общій характеръ и многія детали этого несомнѣнно изстариннаго общеславянскаго института. Въ то время, какъ напр. Русская Правда излагаетъ неясное и неполное ученіе о вирахъ и продажахъ, Винодольскіе Законы содержатъ вполне развитую систему композицій, въ главномъ не отступая отъ основныхъ положеній, однаково развитыхъ всѣми славянскими законодательствами.

Въ Винодольскихъ Законахъ строго опредѣлена система пеней *общественныхъ* и *частныхъ*, указаны начала, въ силу которыхъ устанавливаются различныя общественныя пени, слѣдовавшія князю, общинѣ и иной «господѣ» и взимавшіяся съ виновныхъ и людей стороннихъ (дикая вира, вражба), — «осуди, завези и заговори», или частныя пени и вознагражденіе за шкodu, кривину, вообще за частный убытокъ и вредъ, возникающій изъ преступленій.

а) *Пени общественныя*. Винодольскій уставъ ясно показываетъ, что пени общественныя вмѣстѣ съ частными составляли одинъ нераздѣльный институтъ: въ понятіе осуды, или пени, входило вознагражденіе, не только въ пользу князя или общины, но и лицъ обиженныхъ. Въ Законахъ говорится иногда, что виновный платитъ такую то пеню, а за тѣмъ уже она раздѣляется между княземъ и лицомъ

обиженныхъ (напр. 27). Иногда названіе осуди, въ значеніи главнаго платежа, дается по преимуществу частному вознагражденію, — цена общественная получаетъ характеръ платежа придаточнаго (31). Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не касается непосредственно частныхъ лицъ (измѣна), назначается не денежное взысканіе, но выдача виновнаго на потокъ (70).

Осудъ Законовъ рѣшительно напоминаетъ собой виру и продажу Правды. Подобно Правдѣ, различающей четыре отдѣльные вида виру — въ 80 (двойная вира), 40, 12 и 5 гривенъ, Законы также говорятъ о четырехъ видахъ осуди, назначавшейся въ количествѣ .р. (100), .м. (50), .кд. (24) и .в. (2) либровъ (либра — венеціанская монета, заключающая въ себѣ 20 солдиновъ, или вышедшихъ 12 крейцеровъ серебр.). Различіе между обоими порядками можно видѣть лишь въ томъ, что Правда назначаетъ свои четыре пени, главнымъ образомъ, за убійство, устанавливая впрочемъ соответственныя четыре пени (40, 20, 12 и 3 гр.) и за другія болѣе важныя преступленія (увѣчья, личныя обиды и пр.), Законы пошли дальше, приняли четыре пени за общія нормы денежныхъ взысканій (общественныхъ) по всѣмъ родамъ преступленій.

Винодольскіе Законы руководятся различными началами, при опредѣленіи количества пеней за тѣ или другія преступленія. Естественно требовать, чтобы преступленіе облагалось тѣмъ болѣе пенью, чѣмъ важнѣе и выше нарушенныя имъ интересы и права частныя и общественныя. Пени различались также, смотря по мѣсту и времени совершенія преступленій. Татьба въ градѣ, какъ и татьба «храма» (крошская татьба Пск. суд. гр.) въ градѣ, облагались высшими пенями сравнительно съ градской татьбой. По времени совершенія преступленій, татьба полевая или сельская, также татьба и разбіеніе (разрушеніе) градекаго храма, учиненныя днемъ, значительно разнились, по количеству пеней, отъ тѣхъ же преступленій, учиненныхъ ночью, — кража ночная вообще оплачивалась болѣе пенью, нежели кража дневная. Иногда и ночныя преступленія выказывались не одинаковыми пенями, смотря по тому: съдѣланъ ли былъ кличь о помощи (помогайте) при ихъ открытіи, или нѣтъ. Это начало не вполне выдержано: городская татьба подлежала одинаковой пени — съ кличемъ и безъ него. — Можно наконецъ замѣтить вліяніе сословныхъ различій на болѣе или меньшее количество пеней. Это начало, развитое до значительной степени въ Русской Правдѣ и другихъ старославянскихъ уставахъ, стоитъ далеко не на первомъ планѣ въ Законахъ Винодольскихъ. Вліяніе его отразилось главнымъ образомъ въ ученіи о наказаніяхъ за убійство, личныя обиды и татьбу; но и здѣсь дѣлается различіе только между служабниками (княжими людьми) и кметами, — другіе общественные разряды подводились къ тому или другому классу, смотря по подчиненію ихъ «закону и правдѣ кметской», или закону служабниковъ (25, 29 — 31).

На основаніи изложенныхъ началъ Винодольскіе Законы устанавливаютъ слѣдующій рядъ общественныхъ пеней:

1. *Столибровая пеня*, соответствующая двойной или 80-ти гривенной вирѣ Правды. Она назначена за закигательство и отравленіе — наиболѣе тяжкія преступленія, учиненныя въ первый разъ (59, 62).

2) *Пятидесятилибровая пеня* (40 — гривенная вира Правды): Она назначается за разбой, ночную татьбу виѣ града (съ ключемъ), за изнасилованіе женщинъ, за насиліе въ винодольской пристани, за побои и раны, наносимыя княжымъ людямъ (6 — 8, 11, 12, 30, 48, 56).

3) *24-хъ либровая пеня* (12 грив. вира Пр.) упоминается, какъ наказаніе за татьбу въ пристани винодольской (11).

4) *Двулибровая пеня* (5 грив. вира Пр.) — обыкновенная общественная пеня по остальнымъ преступленіямъ. Сюда относятся въ особенности: ночная (безъ ключа) и дневная татьба виѣ града, также градская татьба, безъ различія дневной отъ ночной; побои, раны и другія личныя обиды между кметями; личныя обиды, наносимыя женщинамъ; убійство кметей (7, 8, 25, 28, 31, 37).

Къ разряду общественныхъ пеней нужно также относить особую осудъ (въ 2 либра), платящуюся въ пользу епископа по дѣламъ церковнымъ (3).

Пени общественныя иногда идутъ одному князю, иногда одной общинѣ, или дѣлятся «наполь» — между княземъ и общиной, градомъ. Иногда просто говорится, что пеня «гре оптиви, а пол господи онога града, гди буде то учинено» (14). Различіе между пенями княжими и общинными встрѣчаемъ въ большинствѣ южнославянскихъ уставовъ стараго времени. Законы Загребскіе, какъ увидимъ, говорятъ только объ общинной пенѣ. По Статуту Полицкому, пени идутъ въ пользу тѣхъ учреждений и лицъ, которые рѣшали данное судебное дѣло — въ пользу общины, если судъ производился на вѣчь, или въ пользу князя съ его судцами, или наконецъ въ пользу судей — ротниковъ. Такое же правило имѣетъ силу въ Винодольскихъ Законахъ: осудъ получаетъ князь или община, смотря по тому, производилось ли дѣло предъ дворожъ, или на сходкѣ, предъ общинными судьями.

Право князя на пени ясно высказано въ двухъ статьяхъ Законовъ: надъ «банди, заговори и завези» имѣетъ князь полную «власть», т. е. право располагать ими по своей волѣ; всѣ завези, назначенныя княземъ властью своей или общиной, «будите лега и нему да имаю прити» (55, 75). Здѣсь утверждается одно изъ существенныхъ правъ князя — право суда, или, говоря точнѣе, право на доходы съ суда. Подлѣ такого права князя стояло также не менѣе самостоятельное право общины на судебные доходы, о которомъ говорится напр. въ 14 статьѣ: завези «оптивски воля навлашни» (частныя, установленныя самими сторонами) слѣдуютъ общинѣ, пополамъ съ господой (судцами, сатниками и пр.) того града, гдѣ учинено преступленіе.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ о границахъ между княжескимъ и общиннымъ правомъ на полученіе осуди, — вопросъ, съ которымъ тѣсно связаны другіе, не менѣе важные вопросы, напр. о судебной компетентности, о власти князя и объ отношеніи его къ общинамъ. Последнихъ вопросовъ мы уже слегка касались, говоря о судоустройствѣ по Винодольскимъ Законамъ. Здѣсь мы изложимъ нѣсколько соображеній о правѣ князя и общины на полученіе пеней съ преступниковъ.

Статьи, трактующія объ общественныхъ пеняхъ, даютъ довольно ясныя указанія на тѣ общія причины, по которымъ одни пени всегда отчисляются къ князю, другія — къ общинамъ.

Въ пользу князя идутъ пени, во 1-хъ, съ убійства *княжскихъ людей*, съ наносимыхъ имъ членоврежденій, личныхъ обидъ и пр. (29, 30). Законъ службниковъ, между прочимъ, состоялъ въ томъ, что они подлежали суду князя, въ пользу котораго и шли общественныя пени за наносимыя имъ обиды и оскорбленія.

Во 2-хъ, въ пользу князя идутъ пени съ татя, который «украл в оснку ники *скот*, воля гумну *жито*, воля ва улицы, гди се скраню пчеле, *медъ*» (8), также съ татбы въ *пристанищъ* винодольскомъ и въ *градскомъ храмъ*, тогда какъ татба *въ граду* вообще оплачивается пенями въ пользу «оптина града, гди се та татба учине» (37). Кража скота, жита, меда, т. е. вообще предметовъ *сельской* жизни, противопоставляется кражъ градской: первая составляетъ доходную статью князя, вторая — общины. Къ княжескимъ доходамъ относится также пеня съ татбы въ пристанищъ и храмъ — учрежденійхъ, составлявшихъ *общую* принадлежность общинъ и бывшихъ въ распоряженіи князя.

Въ 3-хъ, князей пеней облагались: *дорожный* разбой (рубани на пути или гди ниди) и другія преступленія, нарушавшія *земскій миръ* (каковы измѣна и зажигательство) или противныя *нравственнымъ интересамъ* (изнасилованіе) и пр.

Наконецъ въ 4-хъ, князь получалъ пени въ такихъ случаяхъ, когда обиженный, не удовлетворившись судомъ общины, обращался къ непосредственному суду князя.

Сводя приведенныя данныя къ одному знаменателю, мы видимъ, что преступленія, бывшія доходной статьей князя, имѣютъ слѣдующіе общіе признаки:

а) Принадлежность къ *княжеской дружинѣ* лицъ, противъ которыхъ направлено преступленіе, — преступленія людей «обинскихъ» могутъ облагаться княжеской пеней, если сами стороны обратятся къ княжескому разбирательству.

б) Совершеніе преступленія *въ граду* — на пути (разбой), въ оснку, пристанищъ и пр., также въ мѣстахъ, составлявшихъ *общее* достояніе общинъ.

в) Особенная *тяжесть* преступленія, безъ различія лицъ, противъ которыхъ оно направлено, и мѣста, гдѣ совершено.

Последнее начало всегда и вездѣ получало силу, чуть только возникала общая власть, представителями которой становились князья, обязанные охранять земскій миръ и наказывать направленные противъ него преступленія. Здѣсь проявляется важное значеніе княжеской власти, какъ объединяющаго элемента въ составѣ союзныхъ общинъ.

Первые два признака, напротивъ, говорятъ о силѣ и крѣпости самыхъ общинъ, куда въ обыкновенныхъ случаяхъ еще мало проникала власть князей, — имъ непосредственно подчинялись только лица, находившіяся въ ближайшихъ къ нимъ отношеніяхъ. Внутри себя общины пользовались полнымъ правомъ самосуда:

преступленія, совершенныя внутри общинъ и направленныя непосредственно противъ ихъ членовъ, вызывали реакцію самыхъ общинъ и потому составляли ихъ доходную статью (убійство кметей, городская татьба, — 31, 37). Ничто не мѣшало обиженному обратиться отъ суда общины къ суду князю, особенно если онъ не удовлетворялся первымъ; но это несколько не уменьшало общаго значенія самосуда общинъ.

По началу личному объясняются совмѣстныя права князя и общины на нѣкоторыя пени — съ приставовъ и поповъ, при обвиненіи ихъ въ нарушеніи служебныхъ обязанностей (48, 58). Какъ лица, не исключительно принадлежавшія къ общинѣ, они уплачивали пени на «пол» между общиной и княземъ.

Изложеннымъ началомъ противорѣчатъ, повидимому, нѣкоторыя статьи Винодольскихъ Законовъ, говорящія о пеняхъ въ пользу князя съ личныхъ областей и ссоръ «мею кмети» (25), съ оскорбленія женщинъ и другихъ маловажныхъ преступленій (27, 28), безъ всякихъ указаній на развитыя въ другихъ статьяхъ признаки личные и иные (различія по лицамъ, мѣсту и тяжести преступленій). Дѣло въ томъ, что Винодольскіе Законы наполнены множествомъ недомолвокъ и темныхъ мѣстъ, которыя чуть не въ каждой статьѣ и строкѣ попадаютъ въ Русской Правдѣ и требуютъ тщательнаго соображенія ихъ съ цѣлымъ уставомъ, въ особенности съ такими его положеніями, гдѣ яснѣе высказаны общія начала и воззрѣнія, пронизывающія собой всѣ отдѣльныя казуистическія статьи устава. Къ такимъ казуистическимъ статьямъ, безспорно, нужно относить и только что указанныя мѣста Винодольскихъ Законовъ. Въ статьѣ объ обидахъ «мею кмети» можно видѣть не больше, какъ извлеченіе изъ княжяго приговора на данный случай (когда кмети отъ своихъ судей обратились къ князю). Эта и другія ей подобныя статьи легко объясняются въ смыслѣ изложенныхъ мной началъ, лежащихъ въ основѣ ученія Винодольскихъ Законовъ, какъ о власти князя и объ отношеніяхъ его къ общинамъ по суду и управленію, такъ и объ общественныхъ пеняхъ за уголовныя преступленія, — не противорѣчатъ положенію о различіи пеней княжихъ и общинныхъ, смотря по общественному положенію лицъ, по мѣсту совершенія преступленій и по большей или меньшей ихъ тяжести.

Пеня общественная уплачивается самымъ кривцомъ. Но бываютъ случаи, когда обязанность платить пеню можетъ падать и на другихъ лицъ. Винодольскіе Законы относятъ сюда такіе случаи, когда виновный уйдетъ, «ако убигне и не могоа се ети». Такимъ образомъ, если скрывался убійца княжяго чловѣка, князь взымалъ *вражду* (дикую виру Правды) съ «племене» скрывшагося убійцы. Какъ наказаніе самаго убійцы предоставлялось вообще усмотрѣнію князя, такъ и вражда опредѣлялась княземъ, по «заговору» (соглашенію) съ племенемъ убійцы, обязаннымъ уплачивать только половину взысканія (другая берется изъ имущества преступника). Такимъ же образомъ князь получалъ вражду при закигательствѣ, если преступникъ скрывался и не могъ быть пойманъ (29, 62). Право на вражду усвоится и общинѣ — въ случаѣ убійства кмета или кого либо изъ «рода» кметовъ: половина вражды уплачивается ближиками, другая наследниками (реди) убійцы (31). Обязанность платить вражду лежитъ на ближикахъ и реди до поимки

преступника; впрочемъ, если преступникъ пойманъ послѣ совершенія «направы», т. е. постановленія приговора и взыскавія пени, то послѣдняя уже не возвращалась тѣмъ, кто ее уплатилъ (29, 31). Вражда обвиняла собой, не только пеню общественную, но и частную. Это ясно видно изъ постановленія о враждѣ за убійство кметей: Винодольскіе Законы, подобно Загребскимъ, вѣняютъ въ обязанность ближикамъ уплачивать и частное вознагражденіе, вмѣстѣ съ пеней общественной (31). Это правило рѣшительно въ духѣ старославянскаго права и не оправдываетъ вывода нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что общины никогда не вѣнялись въ обязанность уплачивать частное вознагражденіе (См. Ланге — Изслѣдов. объ уголов. пр. Р. Правды, 100). Правила уставовъ винодольскаго и загребскаго ясно показываютъ, что законъ уже въ старое время одинаково защищалъ права общества и частныхъ лицъ, — что, въ случаѣ нарушенія ихъ, считалось одинаково важнымъ и необходимымъ удовлетвореніе общества и обиженной стороны, все равно, слѣдуетъ ли удовлетвореніе со стороны самаго преступника, или (въ силу круговой поруки) его общины и семьи. Начало такое необходимо вытекаетъ изъ цѣлой системы уголовного права Русской Правды и вообще всѣхъ древнихъ славянскихъ законодательствъ. Оно только яснѣе и нагляднѣе развито винодольскимъ и загребскимъ уставами.

Повинность вражды была однимъ изъ проявленій *круговой поруки* — главной основы общиннаго устройства у всѣхъ Славянъ. Члены общинъ (семейныхъ и территориальныхъ — безразлично) обязаны были, въ случаѣ какой либо шкоды, идти на помощь, по первому требованію (кличу) обиженнаго, — обязаны были преслѣдовать и выдавать преступниковъ или платить вмѣсто нихъ виру. *Кличъ* (вапай) — помогайте — вполнѣ извѣстенъ Винодольскимъ Законамъ: «всяки море звати — помогайте, яко види делаютъ ники зло» (24). Съ обязанностью являться на кличъ, естественно, должна была также соединяться повинность дикой виры, при недѣлкѣ сосѣдей на кличъ или невыдачѣ ими виновнаго (о кличѣ см. 7 — 9, 23; 24). По Винодольскимъ Законамъ, повинность вражды падаетъ прежде всего на ближиковъ (вервь Правды) и реди, или семью виновнаго. Если этотъ не имѣлъ ближиковъ, или, что одно и тоже, не входилъ въ составъ семейной общины, стоялъ «сам по себѣ», то по общему началу круговой поруки, повинность вражды перелагалась на общину территориальную, къ которой принадлежалъ преступникъ. Впрочемъ, этотъ случай не предусмотрѣнъ Винодольскими Законами; но рѣшающее его правило — въ духѣ славянскихъ законодательствъ, въ особенности подробно развито Полицкимъ Статутомъ и Душановымъ Законникомъ — памятниками, основанными на изстаринныхъ общеславянскихъ обычаяхъ.

Замѣтитъ наконецъ, что вражда имѣла мѣсто, не только при убійствѣ, но и при зажигательствѣ, татьбѣ и другихъ преступленіяхъ (вличъ о помощи допускался при всякомъ «злѣ»), какъ это напр. было и по старочешскому праву. Чешская дикая вира, подъ общимъ названіемъ *venditio* (*venditio hominum*), раздѣлялась на *hlavu* (собственно дикая вира Правды), *svod* (при татьбѣ), *paok* (при разбоѣ и грабежѣ), *pedoregné* (при членоврежденіяхъ и ранахъ) и *hrdost* (при простомъ насилии, безъ грабежа).

β) *Пени частныя*. По всякимъ преступленіямъ противъ личныхъ и имуществ-

венныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, взыскивалось вмѣстѣ съ общественной пеней, также частное вознагражденіе въ пользу обиженнаго, а по убійству — въ пользу дѣтей убитаго пополамъ съ его ближиками (31). Частная пеня бралась, не только въ такомъ случаѣ, когда преступникъ былъ на лицо, но и, какъ мы видѣли, при взысканіи вражды.

Частныя пени раздѣлялись на нѣсколько видовъ, смотря по роду самыхъ преступленій. Преступленія противъ личныхъ правъ облагались иными пенями, преступленія противъ правъ имущественныхъ — иными: въ обоихъ случаяхъ устанавливалась различная система частныхъ пеней.

Пени за убійство, раны, побои и другія личныя обиды назначались самымъ закономъ въ точно опредѣленномъ количествѣ. Винодолскіе Законы устанавливаютъ здѣсь такую же постепенность взысканій, какъ и при опредѣленіи пеней общественныхъ:

1) *Столибровая пеня* — главнымъ образомъ, за убійство кметей. Пеня за княжихъ людей назначалась самымъ княземъ.

2) *Пятидесятилибровая пеня* — за изнасилованіе женщинъ. За сверженіе мужчиной ховерлицы (покрывача) съ головы женщины положена пеня въ 48 либръ.

3) *25-ти либровая пеня* — за побои и раны, наносимыя княжичь людьми.

4) *Двухлибровая пеня* — вообще за безчестіе: «кто неподобно рече или ствар буде говорити никому мужу воля никон жени».

Обиды уплачивались иногда *матурой*, вмѣсто уплаты деньгами. За побои, раны и другія личныя обиды между кметями, обиженный получалъ двухъ барановъ и «ликарию» (лѣчебное Правды); точно также двѣ овцы получала женщина, если другая сбрасывала съ нее головной покровъ (25, 27, 28, 30, 31, 56).

Отношеніе частныхъ пеней къ общественнымъ было различно. Одни пени, напр. за убійство кметей или безчестіе женщинъ, значительно превышали пени общественныя, составляли главную часть осуди или вражды; пеня княжая или общинная составляла какъ бы придаточный платежъ (за убійство кметей назначалась частная пеня въ 100 либръ, общинная — только въ 2 либра; за безчестіе женщина получала 48 либръ, при княжей пенѣ въ 2 либра). Другія пени (за изнасилованіе и «неподобну ствар») уравниваются съ вирой или составляютъ ея половину (полувиры Правды). Полувиры назначаются за раны и личныя обиды княжихъ людей (28, 30, 56 и др.).

Частное вознагражденіе по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ устанавливается на иномъ основаніи — соразмѣрно съ цѣною воровскихъ или испорченныхъ вещей, вообще смотря по шкодѣ, также по общественному положенію лицъ, которыхъ права нарушены. При татѣбѣ кметь беретъ «шкоду дуплу» (въ другомъ мѣстѣ — «од еднога .в.»), т. е. *двое* больше противъ личнаго; княжій дворъ и служабники — *всемеро* (од еднога .з.). Поджигатель платитъ вообще «шкоду» частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ поджога (8, 35, 36, 50, 62).

Винодольскіе Законы не опредѣляютъ «цѣны» за воровство и порчу вещей, какъ это мы видимъ напр. въ Русской Правдѣ, устанавливающей разъ навсегда опредѣленные нормы частнаго вознагражденія по преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ. Виновный, по Законамъ, платитъ вдвое или въ семь разъ больше противъ поличнаго, вообще «шкоду»; но при этомъ не опредѣляется, кто и какъ именно опѣняетъ шкоду и назначаетъ сообразное съ ней количество частной пени. Можно думать, что если дикая вира въ нѣкоторыхъ случаяхъ (за княщихъ людей) опредѣлялась судьей, именно княземъ, по договору (заговору) его съ тѣми, кто долженъ платить виру, то такой же самый порядокъ могъ быть общимъ правиломъ и при назначеніи татебныхъ и иныхъ пеней, не опредѣлявшихся точно закономъ. Къ такимъ пенямъ, количество которыхъ не опредѣлялось закономъ, нужно въ особенности примѣнять названія — *завези*, *заговоръ* и *рачели*, упоминающіяся въ числѣ судебныхъ пеней (14, 55, 75). Они имѣли значеніе пеней, опредѣлявшихся не закономъ, но договоромъ или соглашеніемъ (заговор, завез—отсюда и самое названіе пеней) сторонъ съ судьей. Какъ видно изъ указанныхъ статей, завези могъ назначать князь и общинные судьи, смотря по подсудности дѣлъ, подлежавшихъ суду княжескому или общинному.

d) Упоминаются наконецъ взисканія по преступленіямъ противъ *должности*. Приставъ, взявшій съ тяжущихся излишнюю плату за помощь на судѣ, лишается (въ видѣ штрафа) одного вола или платитъ осудъ (50 либръ), въ пользу князя и общины пополамъ; за ложное показаніе на судѣ онъ лишается всего имущества и удаляется съ должности (48, 51). Подобнымъ образомъ, попъ, не исполняющій своихъ «офицій», теряетъ вола въ пользу князя и общины (58).

Такова система наказаній Винодольскихъ Законовъ. Она складывается изъ матене и осуди — главныхъ наказаній, къ которымъ можно возвести всѣ отдѣльные ихъ виды.

Матене состояло въ полномъ отрицаніи правоспособности преступника, осужденнаго «на животъ и смерть» или къ выдачѣ на произволъ князя. Въ такомъ смыслѣ матене назначается, какъ возмездіе за особенно важныя преступленія — измѣну, убійство и членоврежденія княжихъ людей, за нѣкоторыя повторенныя преступленія — отравленіе и зажигательство; матене допускается также въ значеніи замѣны денежныхъ взисканій, при несостоятельности виновнаго къ ихъ уплатѣ.

Осудъ имѣла значеніе денежнаго выкупа за частную «шкоду» и общественное «зло». По количеству осуди общественной и частной, преступленія, не влекшія за собой матене, группируются въ три главные вида:

а) Отравленіе и зажигательство, учиненныя впервые; изнасилованіе женщинъ, убійство кметовъ и личныя обиды княжихъ людей;

б) разбой, грабежъ и ночная татьба внѣ града (съ кличемъ);

γ) личныя обиды кметей и вообще безчестіе безъ побоевъ; градская татьба вообще и татьба дневная (и ночная, безъ клича) внѣ града.

IV. *Процессъ*. Винодольскіе Законы, въ большинствѣ своихъ статей, представ-

ляютъ большую аналогію съ старорусскими судными грамотами, по преимуществу излагающими правила судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы имѣли главной своей цѣлью — установить точныя правила по преимуществу обвинительнаго суда (*правды, наравы, иногда осуди*), безъ особыхъ различій между процессомъ уголовнымъ и гражданскимъ. Законы не представляютъ такихъ рѣзкихъ особенностей въ процессѣ по отдѣльнымъ родамъ дѣлъ, какими вообще отличается процессъ Правды. Казуистическія статьи попадаются и въ Винодольскихъ Законахъ; по на ряду съ ними усиливаются общія положенія (напр. въ ученіи объ искѣ, доказательствахъ и пр.), дающія отдѣльнымъ процессуальнымъ дѣйствіямъ болѣе опредѣленный и законченный характеръ. Вообще процессъ Законовъ отличается еще патриархальной простотой и несложностью формъ: нѣкоторыя части процесса, напр. личба (*vadium*), могли производиться, между прочимъ, предъ сатникомъ или его женой, «ако би сатникъ онде не билъ». Самый судъ имѣлъ посреднической характеръ; судьи какъ бы только присутствовали на судѣ, — наиболѣе дѣятельная роль принадлежала самымъ тяжущимся.

Стороны носятъ различныя названія. *Страна* — общее названіе истца и отвѣтчика. Истецъ также называется *нарац*, отвѣтчикъ — супротив, *супротивник, страна супротивна, държан, осваен, остачен* (7, 28, 47, 48, 51 — 53, 56, 60, 68). Каждый могъ, не только лично явиться на судъ, но и послать вмѣсто себя *одвѣтника (одговорника)*. Послѣдній получаетъ, за свое *одговореніе*, отъ приглашенной его стороны плату по узаконенной таксѣ, — за большое дѣло не болѣе 10 солидиновъ, за малое — 5 солд. Отговорникъ долженъ принадлежать къ одному состоянію съ своей стороной: кметъ, безъ дозволенія двора, не могъ быть отвѣтникомъ племенитаго человѣка и на оборотъ (10, 54).

Винодольскимъ Законамъ не извѣстны ограниченія *права судебной защиты*, встрѣчающіяся въ Правдѣ и другихъ древнихъ уставахъ Славянъ. Не развивъ института холопства, винодольскій уставъ вовсе не касается вопроса о положеніи холоповъ въ сферѣ суда, — вопроса, отрицательно рѣшаемаго Правдой. Можетъ быть, право судебной защиты не было доступно для однихъ стонниковъ, стоявшихъ какъ бы внѣ закона, лишенныхъ всякой правоспособности.

Съ другой стороны, Винодольскіе Законы, подобно Правдѣ, допускаютъ «правду», не только противъ виновнаго, но и противъ другихъ лицъ. Ближники, иногда и община (территориальная), призываются къ суду, для отвѣта по дѣламъ своихъ членовъ, лично уклонявшихся отъ суда и наказанія (см. о дикой вирѣ).

Процессъ, какъ и въ Русской Правдѣ, могъ вчиняться, или вслѣдствіе поимки виновнаго на преступленіи, съ *знаменемъ, тратомъ* (лицомъ Правды), или въ слѣдствіе *тужбы, остаченія* (поклепа). Въ обоихъ случаяхъ устанавливались различныя процессуальныя порядки.

Поимка преступника съ знаменемъ должна была всегда сопровождаться *кличемъ — пожайте*. Людямъ, сходившимся на кличъ, показывалось лицо и самъ преступникъ, который вслѣдъ за тѣмъ представлялся въ судъ (по 14 статьѣ, не дальше трехъ дней должно представить поличное въ судъ). Дѣло рѣшалось на судѣ, безъ особеннаго изслѣдованія, по показаніямъ обиженнаго и «верованихъ

сведоковъ», которымъ послѣ клича дѣлалось объявленіе (*показаніе*) о шкодѣ. Показанія обиженнаго и сведоковъ были главной основой суда надъ лицами, пойманными съ знаменемъ (23, 41). Такой же самый порядокъ суда «лицованныхъ» преступниковъ, съ немногими исключеніями, былъ издавна въ обычаѣ у всѣхъ Славянъ. О немъ говорятъ Русская Правда, старые чешскіе и другіе памятники славянскихъ законодательствъ (Ланге Исслѣд. 256 Ирѣчка Slav. pr. I. 188. П. 223).

Тужба и *остаченье* (иногда притча, пра) соответствуютъ поклепу Правды, чешскому нарку или литовскому соченью. *Пра* и *притча* означали собственно иски и дѣла гражданскія; но иногда и акты вчинанія процесса по уголовнымъ дѣламъ называются пра. Большею же частію, уголовный поклепъ носить названіе тужбы и остаченья (9, 22, 23, 27, 48, 53 и пр.). Въ тужбѣ нужно видѣть первый актъ вчинанія процесса противъ нелицованнаго преступника, не пойманнаго съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія. По Винодольскимъ Законамъ, гдѣ нѣтъ тужбы, тамъ нѣтъ и суда (кади не би била тужба, ній едан осуд). Никого нельзя принуждать къ вчинанію тужбы: она предоставляется свободной волѣ каждаго (ш нега добру волю); начатую тужбу слѣдуетъ «на конац припелати» (38). Всякая тужба должна быть доказана; иначе за нее грозитъ пеня, какой подлежалъ бы обвиненный при дѣйствительности остаченья (60).

Винодольскій уставъ не говоритъ подробно объ отдѣльныхъ *покленихъ актахъ*. Изъ соображенія отдѣльныхъ статей видно, что къ такимъ актамъ относились: указаніе стороннимъ людямъ и суду шгоды и лицъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе и обвиненіе въ ея совершеніи, — осмотръ шгоды и вызовъ отвѣтника къ суду. Къ предварительнымъ судебнымъ дѣйствіямъ въ гражданскомъ процессѣ относится главнымъ образомъ позовъ; въ вещныхъ цѣкахъ допускается такъ называемая личба.

Указаніе соответствуетъ оповѣдъ (opoved) чешскаго права, заповѣди Правды, и состояло въ заявленіи стороннимъ людямъ и суду о шкодѣ. Если сосѣди созывались, посредствомъ клича, при поимкѣ виновнаго на преступленіи, то тѣмъ болѣе это необходимо было при шкодѣ безъ лица. Объявленіе такое, посредствомъ *клича* (заклича Правды) сосѣдей, было существенной принадлежностью процесса у всѣхъ Славянъ; указанія на него встрѣчаемъ также въ винодольскомъ уставѣ. Кромѣ клича сосѣдей, обиженный долженъ былъ заявлять о своей шкодѣ суду. «Я теби показую такова од такове ричи, или: тебѣ дим, да таков е учинил такову рич», — обыкновенная формула первоначальной тужбы истца или сока, заявлявшаго предъ судомъ о шкодѣ и ея виновникѣ (60).

Для *осмотра* шгоды, по заявленной тужбѣ и остаченью, судъ отряжалъ пристава; показанія его на судѣ принимались послѣ въ число основаній судебного приговора. Приставъ получалъ особое вознагражденіе за свой трудъ; если при осмотрѣ оказывалось, что личное малой цѣны (напр. мало говедо, мелкій скоть) не обрѣталось въ цѣлости, то оно отдавалось приставу, а хозяинъ «ишти свое правди» (48 — 50).

О *позвѣ* мало говорятъ Винодольскіе Законы. Извѣстно только, что для про-

изводства позововъ назначались особыя лица, подъ названіемъ позовниковъ (65, 73); но какъ и въ какихъ формахъ производился самый позовъ, — объ этомъ ничего не известно.

Винодольскіе Законы упоминаютъ еще о *личбѣ*, какъ объ отдѣльномъ процессуальномъ дѣйствіи, не указывая впрочемъ на сущность этого учрежденія. Личба можетъ имѣть мѣсто предъ княземъ и всякимъ его официаломъ, также предъ сатникомъ, а въ его небытность, — и предъ его женой. Лица, предъ которыми производится личба, получаютъ осудъ отъ сторонъ (не больше 6-ти либръ). Исследователи видятъ въ личбѣ сходство съ судебнымъ закладомъ — чешскимъ *vdání*, *vadium*, *traditio* или *assignatio* другихъ законодательствъ. (См. Винод. Зак. 39, 61. Объ общемъ значеніи этого учрежденія у Славянъ см. Ирвчка *Stav. pr. I. 178—181. II. 217 — 222*; Мацѣвскаго *Hist. I. 243. III. 275 — 279*; Шафарика *O Wzdání. в Casop. cesk. 1844, стр. 385 — 399*).

Богѣе подробно развито ученіе о *судебныхъ доказательствахъ* (показане). Винодольскіе Законы относятъ къ нимъ собственное признаніе, письменные акты, показанія свидѣтелей, присягу, полицное и улики, въ значеніи главныхъ и вспомогательныхъ средствъ судебной защиты. Въ особенности ученіе о свидѣтеляхъ (простыхъ сведокахъ и поротникахъ), ротъ и лицъ построено на началахъ, одинаково развитыхъ Русскою Правдою и другими памятниками славянскихъ законодательствъ. Собственно въ одномъ пунктѣ замѣтно значительное отступленіе Винодольскихъ Законовъ отъ Правды; въ нихъ нѣтъ ни слова объ *ордаляхъ*, развитыхъ въ особенности древнимъ законодательствомъ русскимъ, чешскимъ и сербскимъ. Изъ хорватскихъ памятниковъ мы встрѣтили указанія на божьи суды, впрочемъ какъ уже на отжившій свое время институтъ, только въ грамотахъ XIII вѣка (1231 и др. годовъ), отмѣнявшихъ вездѣ обычай судебныхъ поединковъ (*Kukuljevića Jura I. 57. 113 и пр.*). Нѣтъ сомнѣнія, что у Хорватовъ, какъ и у всѣхъ Славянъ, въ старое время были въ обычай и другіе виды ордалій (жельзо, вода); въ періодъ статутовъ XIII вѣка они уже потеряли практическое значеніе. Въ позднѣйшихъ уставахъ нѣкоторыхъ далмацкихъ общинъ, вмѣсто ордалій, упоминаются муки, въ общемъ значеніи пытокъ (*Рейца Политич. устр. 22, 193*).

Мы скажемъ объ отдѣльныхъ родахъ судебныхъ доказательствъ, насколько они развиты въ Винодольскихъ Законахъ.

а) *Собственное признаніе*. Сюда относится слѣдующее правило Законовъ: подсудимый, при допросѣ (пристава или истца) — «е тако, воля ній», можетъ сознаться въ своей винѣ, но можетъ и отречься, «повидати волянъ е, воля тайти» (21). Признанію дается вполне свободный характеръ; къ нему нельзя никого принуждать насильно.

б) *Письменные акты*. Упоминаются одни «квадръни», — торговыя книги, входившія въ число доказательствъ по спорамъ между торговцами. Книгамъ не дается, впрочемъ, полной доказательной силы; при нихъ требуются еще свидѣтели, а по долгамъ меньшей важности (до 50 либровъ) допускается подкрѣплять книги присягой (44).

в) *Свидѣтели* (сведоки, свидоци, свидочаство). Этотъ родъ судебныхъ

доказательствъ особенно подробно развитъ синодольскимъ уставомъ; придававшимъ свидѣтельскимъ показаніямъ весьма важное значеніе въ процесѣ по всевозможнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Показанія свидѣтелей, удовлетворяющихъ требованіямъ закона, имѣютъ полную доказательную силу: при нихъ не требуются другія доказательства, необходимыя только при недостаткѣ свидѣтелей. Въ уставѣ прямо говорится: кто представляетъ предъ судомъ доказательства, тотъ долженъ прежде всего сослаться (помакнути) на свидѣтелей и доказать, «да тако ест». Съ другой стороны, если сторона представляетъ другія доказательства, особенно не имѣющія полной силы, они должны быть подтверждены свидѣтелями (11, 22, 56, 64 и пр.).

Винодольскій уставъ, подобно Правдѣ, различаетъ сведоковъ и поротниковъ, устанавливая спеціальныя условія дѣйствительности показаній тѣхъ и другихъ.

а) *Сведоки*. Подъ ними разумѣются очевидцы, посторонніе знатоки дѣла. Отъ сведоковъ требуются слѣдующія условія:

1) *Доброе имя* (добрый гласъ). Винодольскіе Законы требуютъ, чтобы къ показаніямъ на судѣ, въ качествѣ сведоковъ, допускались «добрые, вѣрованые люди или подобные сведоки, добрые мужи, сведоки добра гласа». Только показанія добрыхъ людей, пользующихся хорошей репутаціей, принимаются за «веровано сведочаство». Добраго гласа, а съ нимъ и права быть свидѣтелемъ, лишаются въ особенности люди, изобличенные въ «фалсъ», лжесвидѣтельствѣ. (7, 18, 23, 27, 28, 30, 44, 52, 53, 59, 66).

2) *Знаніе дѣла*. Стороны (истецъ и отвѣтчикъ) доказываютъ своими свидѣтелями, «да тако ест». Ссылаясь на свидѣтелей, истецъ или отвѣтчикъ обращался къ судѣ съ словами: «та и таков *ви* (вѣдаетъ, знаетъ), да тако естъ» (22, 47). Кромѣ свидѣтелей, непосредственно знакомыхъ съ обстоятельствами, о которыхъ даютъ показанія, дозволялось въ вещныхъ и долговыхъ искахъ прибѣгать къ доказательству «*жртвими сведоки*», т. е. истцу дозволялось, если не было въ живыхъ свидѣтелей — очевидцевъ, сослаться на стороннихъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ *по слуху*, слышавшихъ о дѣлѣ отъ очевидцевъ при ихъ жизни. Свидѣтельство по слуху не имѣетъ полной доказательной силы; при этомъ требуется еще подтвердительная присяга стороны, ссылающейся на свидѣтельство по слуху (76).

3) *Число сведоковъ* опредѣляется различно. Иногда требуются просто «сведоци» или «веровани сведок». Въ большинствѣ случаевъ принимается minimum — три свидѣтеля по большимъ дѣламъ и одинъ свидѣтель — въ обыкновенныхъ случаяхъ (7, 23, 27, 28, 52).

4) Не видно, чтобъ отъ сведоковъ требовалась *присяга*. Она составляла главное условіе дѣйствительности показаній поротниковъ.

5) Въ некоторыхъ случаяхъ принималось во вниманіе *общественное положеніе* сведоковъ. Сатникъ, грашникъ и бусовитъ, по дѣламъ, имѣвшимъ связь съ ихъ службой, допускались къ свидѣтельству не иначе, какъ по прошествіи года со времени оставленія ими должностей (26). Собственно сословныя различія не имѣли

мѣста въ дѣлахъ свидѣтельскихъ показаній: пастыри, орачи и «ниги люди добра гласа» допускались въ сведоки на общемъ основаніи (66).

6) Способность являться на судъ въ качествѣ сведоковъ зависѣла въ значительной степени отъ различія *половъ*. Женщины «добра гласа» принимаются въ сведоки только по нуждѣ, когда «ниг вете сведоки», и то главнымъ образомъ — въ дѣлахъ между женщинами (18, 27, 28).

7) Значеніе сведоковъ зависѣло также отъ болѣе или менѣе близкихъ *семейныхъ связей* между ними и сторонами. Жена вовсе не могла быть свидѣтелемъ въ дѣлахъ мужа; отецъ, сынъ, братъ, сестра, допускаются свидѣтелями одинъ за другимъ только съ тѣхъ поръ, когда, по выраженію Винодолскихъ Законовъ, «стое всак по себи и раздлени есу мею собомъ» (20, 67).

Каждый свидѣтель, представленный тяжущимися, не прежде допускался къ показаніямъ на судъ, какъ послѣ предварительнаго разспроса пристава (шрьво питан од пристава), который долженъ былъ удостовѣриться въ томъ, удовлетворяетъ ли сведоки *всѣмъ условіямъ*, требуемымъ закономъ (19).

Тяжущіеся могли имѣть отдѣльныхъ своихъ свидѣтелей; но допускалась и *общая ссылка* на однихъ и тѣхъ же сведоковъ. Истецъ могъ сослаться на свидѣтелей въ томъ, что «та и таков ви, да тако е»; въ свою очередь, отвѣтчикъ могъ признать тѣхъ же свидѣтелей, утверждая, что «та и таков ви, да тако нигъ». Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшалось въ пользу того, на чьей сторонѣ будутъ свидѣтели (47).

Свидѣтели, въ показаніяхъ своихъ на судъ, не зависѣли отъ тяжущихся, могли быть «не справни» съ сославшеюся на нихъ стороной, могли дать показанія, противныя ея интересамъ. Свидѣтели являлись на судъ какъ бы въ качествѣ его *органовъ*; дѣятельность ихъ имѣла не столько частный, сколько публичный характеръ. Противъ «несправныхъ» свидѣтелей, тяжущіеся имѣли одно оредство — отводъ ихъ, посредствомъ уличенія въ «свалъ», *дресвидѣтельство*. Хотя винодолскій уставъ дозволяетъ сторонамъ «вонти супротъ своему сведочастну» не противъ ложнаго сведока нужно было представить не менѣе трехъ добрыхъ сведоковъ. Лицо, устраненное изъ числа свидѣтелей, вслѣдствіе изобличенія его въ дѣлѣ, подлежать играѣу, на равнѣ съ «кривимъ» приставомъ, безъ дозволенія двора не можетъ больше быть свидѣтелемъ ни ни по какимъ дѣламъ (52, 53).

8) *Поротниками* (ротники). Винодолскіе Законы говорятъ о поротникахъ, какъ объ изстаринномъ институтѣ, вполне сходномъ съ очистниками и помощниками старочешскихъ законовъ, Русской Правды и другихъ славянскихъ законодательствъ. Законы довольно точно опредѣляютъ суть института поротниковъ (истца и отвѣтника), дѣла, по которымъ они требуются, условія ихъ допущенія, порядокъ дрисити и показаній, наконецъ общее значеніе ихъ въ цѣломъ процесѣ.

Подъ поротниками *вообще* разумѣются сторонніе люди, которые, не касаясь обстоятельствъ суднаго дѣла, своей присягой только удостовѣряли справедливость присяги сторонъ. Поротники могли быть со стороны истца и отвѣтника. *Истецъ* поротники *подкрѣпляли* присягу истца, дававшуюся имъ въ подтвержденіе своей

жалобы или обвиненія (тужбы, остаченья). *Отвѣтчикъ очищаетъ* свою невинность, тоже посредствомъ своихъ поротниковъ: «осваени од нега има се *очистити* само педесет, найдуть своих поротники». Поротники, по выраженію чешскихъ источниковъ, подтверждали «*dobru aneb zlu povest*» (хорошую или дурную репутацию) отвѣтника или истца (о поротникахъ истца см. Винод. Закон. 41, 56; отвѣтника — 9 — 10, 68).

Поротники допускались только при тужбѣ въ *тяжкихъ* преступленіяхъ и устранились въ такихъ случаяхъ, когда требовались положительные доказательства, безъ помощи поротниковъ. Къ дѣламъ, по которымъ они допускались, Винодольскіе Законы относятъ: убійство, разбой, грабежъ и насилія всякаго рода, въ особенности изнасилованіе женщннъ, также татьбу и зажитательство (9 — 11, 56, 68).

Къ главнымъ условіямъ допущенія поротниковъ по исчисленнымъ дѣламъ относятся:

1) *Тужба (остаченье)*. Поротники допускаются только противъ и для «осваенихъ», т. е. лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но уличенныхъ, явно заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступленія (ако су в тон татби шкодни), особенно если противъ нихъ «клицано — помагай». Тужба голословная, ни на чемъ не основанная, не считается еще достаточнымъ поводомъ допущенія очистнянковъ, — для этого необходимы прежде всего явныя улики въ винѣ подсудимаго. Винодольскіе Законы считаютъ поротниковъ вполне «верованными», если истецъ, при своей тужбѣ, представитъ въ судъ положительное, какъ главную улику противъ подсудимаго: «оним ротником ни ма се веровати, него ако возму vsаки трат ки е прегринши за нега кривину знамене» (9. 41, 68).

2) Недостатокъ *сведочества* и другихъ *положительныхъ доказательствъ*. Истецъ могъ обращаться къ своимъ поротникамъ, если, при явныхъ уликахъ, онъ не имѣлъ свидѣтелей и другихъ прямыхъ доказательствъ: «ако се не буде могаи направити ш ню по ники закон, воли ако од речене сили ни ма сведоки», — или просто: «ако ни на свидоци свѣрху кривца». Въ тѣхъ же случаяхъ отвѣтчикъ долженъ былъ присягать съ поротниками, если истецъ откажется отъ своего довода, пустить противника на присягу, «пусти се на роту» (9, 11, 56, 68).

3) *Число* поротниковъ точно опредѣляется самымъ закономъ. Винодольскій уставъ призываетъ поротниковъ, назначая *минимумъ*, смотря по роду дѣла. Самое большее число поротниковъ требуется при разбой: криваць, пущенный истцомъ на роту, долженъ присягать «само .п. тер .к.». — съ 85 поротниками (въ параллельномъ текстѣ, по ошибкѣ, сказано: .к. тер .к.). Обвиненный въ убійствѣ очищается «само педесет». При изнасилованіи требуется 25 поротниковъ, при большой татьбѣ — 12, малой — 6 поротниковъ (9 — 11, 56, 68). Эти числа означаютъ только *минимумъ*; во уставѣ часто предлагаетъ истцу или отвѣтчику — «вади поротнике како болѣ море, како болѣ ви, како наиболѣ ви и море». При недостаткѣ требуемаго числа поротниковъ, сторона, ихъ представившая, обязана сама произнести очистительную присягу за каждаго изъ недостающихъ поротниковъ (10, 56, 68).

4) Поротники должны были удовлетворять также общим условиям наравнѣ съ простыми сведоками. По крайней мѣрѣ, поротники избирались изъ *добрыхъ* (верованныхъ) людей, пользовавшихся хорошей репутаціей; изнасилованная женщина представляла поротниковъ изъ *женщины же*, «како болѣ въ» (41, 56). Не видно, чтобы допущеніе кого либо въ поротники зависѣло отъ общественнаго положенія и семейныхъ связей съ тяжущимися.

Поротники собирались на купы, «на месту обычайномъ», всегда въ присутствіи дворскаго челоуѣка (пристава и пр.). Послѣ предварительнаго заявленія сходкѣ со стороны отговорника о готовности поротниковъ къ присягѣ, они присягали вѣсть съ своей стороны или отдѣльно отъ нея, каждый порознь касаясь рукой евангелія и произнося «роту» по установленной формѣ. Отъ поротниковъ требовалось, чтобы они произносили роту (форму присяги) безъ ошибки, «не уманькою»; иначе сторона, съ которой они присягали, терла свое дѣло: супротивникъ «буде одришен од гриха» (42, 44, 56, 69). При безукоризненномъ исполненіи роты, дѣло считалось окончательно порѣшеннымъ.

Замѣтимъ наконецъ, что показанія поротниковъ, какъ видно изъ Винодольскихъ Законовъ, почти уравнивались съ судебнымъ приговоромъ. Выраженіе: «люди ротници за *осудити* кривце», ясно указываетъ на важную роль поротниковъ въ процессѣ. Своими присяжными показаніями они осуждали виновнаго; для судей ничего больше не оставалось, какъ только формулировать приговоръ поротниковъ. Поротники такимъ образомъ сближались до известной степени съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ, въ значеніи не сторонниковъ тяжущихся, но судебныхъ органовъ.

d). *Присяга* (рота). Показанія сведоковъ и поротниковъ принимаются Винодольскими Законами, какъ главныя средства судебной защиты, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Рота выступаетъ на первый планъ только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ свидѣтелей. Въ Законахъ прямо говорится: «вапѹт убо помагайте (при ночной татьбѣ, безъ свидѣтелей), есу веровани, *ако реку с роту* (подъ присягой), да есу онога злоторца познали» (7); или еще яснѣе: «ако парац *ни ма свидочества* свѣрху кривца и пусти се на роту»; или «ако убо онде *ни су сведоци добри*, присези, ки таи» (9, 27). Подобнымъ же образомъ, истецъ или отвѣтникъ восполнялъ собственной присягой недостающее число поротниковъ (10, 56, 68). Во всѣхъ такихъ случаяхъ присяга имѣла значеніе *полнаго* судебного доказательства. Иногда присяга требовалась, только какъ *вспомогательное* доказательство, при другихъ не имѣвшихъ полной силы. Такимъ образомъ, «кърв (кровавыя раны, имѣвшія сами по себѣ не полную силу) му е верована, *ништар нишѣ има с роту потвѣрдити*, ако ну су онде сведоци» (64): при раввахъ необходимы еще дополнительныя доказательства — свидѣтели или присяга, восполняющія доказательную силу ранъ. Въ значеніи же вспомогательнаго средства допускается присяга въ долговыхъ и вещныхъ искахъ. Если цѣнность иска превышала положенную норму (50 либровъ — въ спорахъ между торговцами, 1 либрь — въ меньшихъ школахъ), то книги (торговны) нужно было еще «*притвѣрдити*» присягой (42 — 44).

Стороны присягали сами, а въ болѣе важныхъ случаяхъ — съ поротниками, которые, какъ мы видѣли, призывались въ важнѣйшихъ поклевныхъ дѣлахъ и подкрѣпляли въ данномъ случаѣ достовѣрность присяги истца или отвѣтчика. По различію сторонъ, приносящихъ присягу въ защиту своей правоты, присяга раздѣлялась на *подтвердительную* и *очистительную*. Подтвердительная присяга истца дозволялась предпочтительно предъ очистительной присягой отвѣтчика (о присягѣ истца см. 7, 42—44, 64; отвѣтчика — 9, 27). Истцу въ особенности давалось преимущественное право на присягу, если противъ отвѣтчика предъявленъ поклевъ или есть какія либо улики, напр. клячь, знаки или слѣды преступленія и пр. (7, 64). Въ такихъ случаяхъ зависѣло отъ воли истца — присягать ли самому, или «пустить на роту» отвѣтчика, возложить на него обязанность очиститься отъ обвиненія присягой, или наконецъ вовсе освободить его отъ присяги (добро простати или пустити роту), ограничившись лишь показаніями по совѣсти (9, 27, 69).

Присяга имѣла тѣ же послѣдствія, какъ и показанія свидѣтелей. Присяга имѣла вполне дѣйствительную силу, если произнесена «с роту сверхъ книгъ» («тапнут у свето евангеле»), «не уманькаю», безъ запяпки и ошибокъ (42, 44). Кто надлежащимъ образомъ исполнитъ присягу, тотъ «буди прост, одришен од тога гриха», — «од те правде (суда) ни ма се вете наприд брижити (прити, искать), на паче пошншон та (о которомъ шелъ споръ) слободно и мирно уживай тере дьжи» (27, 56, 76).

е) *Полчиное* и *улики* (знамене, трат, кьрв, знаки и пр.). Лицу Правды соотвѣтствуетъ *знамене* Винодольскихъ Законовъ, какъ и *клицованный* злотораць воплѣтъ напоминаетъ лицованнаго (prilicny, licovany, licny) преступника чешскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ. Понимка преступника съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія, если при томъ учиненъ клячь, сама собой изобличала его въ преступленіи, была такимъ же рѣшительнымъ доказательствомъ, какъ и показанія свидѣтелей (23, 71).

Подъ знаменемъ разумѣются въ винодольскомъ уставѣ также простыя *улики* (трат, слѣд, кьрв, знаки и проч.). Знаменіе, въ значеніи лица и простой улики, должно быть предварительно показано «верованнымъ сведокамъ» и представлено судьямъ, «приказано к правдѣ». Изъ статьи о кровавыхъ ранахъ (кьрви) видно, что простыя улики не составляли полного доказательства, восполнялись еще вспомогательными средствами — свидѣтели или присягой (23, 41, 64).

Ученіе о судебныхъ доказательствахъ, какъ главномъ основаніи цѣлаго процесса, очерчиваетъ собой почти весь постановленіи Винодольскихъ Законовъ по судопроизводству. Опредѣляя до подробностей средства судебной защиты, Законы замечиваютъ эти же свое ученіе о процессѣ, въ особенности почти вовсе умалчиваютъ о постановленіи и исполненіи *судебныхъ приговоровъ* (направа, осуд, осудь). Видно только, что правѣ *маломощити осуд* усвоится судьямъ. «Показане» (доказательства) сторонъ — главный основаніи приговора; въ немъ судьи оправдывали или обвиняли отвѣтчика, назначая пени по закону или «заговору» сторонъ. Обиженный, доиславшии своего права по суду, могъ требовать, чтобъ за обиду было ему «задоволе учинено» (25, 31, 40).

Винодолскіе Законы представляют сборникъ старыхъ обычаевъ, по которымъ издавна жили винодолскія общины. Подобно Русской Правдѣ, Псковской судной грамотѣ и другимъ древнѣйшимъ русскимъ уставамъ, Законы отличаются судебно-административнымъ характеромъ, главнѣйшимъ образомъ касаются отношеній права уголовного и судопроизводства. Тѣмъ не менѣе въ уставѣ винодолскомъ воспроизведенъ въ довольно полной картинѣ юридическій бытъ хорватскихъ общинъ. Любители славянской старины найдутъ въ немъ пропасть указаній на институты глубокой древности, берущіе свое начало чуть ли еще не въ эпоху общеплеменной жизни Славянъ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что Винодолскимъ Законамъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ законодательствъ, — ихъ нужно ставить рядомъ съ Русской Правдой, Душановымъ Законникомъ, Полицкимъ Статутомъ и пр.

Мы не совсѣмъ исчерпали богатое содержаніе Винодолскихъ Законовъ, только намѣтили богѣ крупныя явленія, указывающія съ особенной яркостью и очевидностью на сходство Законовъ со всѣми древнѣйшими памятниками славянскихъ законодательствъ. Полное объясненіе Винодолскихъ Законовъ въ настоящее время едва ли и возможно, при большой испорченности многихъ мѣстъ устава по изданію Мажураича. Можно пожелать, чтобы вмѣсто доступнаго доселѣ для научныхъ изслѣдованій стараго списка Законовъ, читающагося съ большимъ трудомъ, обнаружанъ былъ вновь открытый его списокъ, сколько извѣстно менѣе испорченный, сравнительно съ старымъ спискомъ.

Мацѣйовскій, переводомъ Винодолскихъ Законовъ на польскій языкъ (Hist. VI. 332 — 350), значительно облегчилъ пользованіе этимъ памятникомъ. Впрочемъ, переводомъ Мацѣйовскаго нужно пользоваться съ большою осторожностью: въ немъ нѣрѣдко допущены большія неточности и крайне произвольныя толкованія, извращающія настоящій смыслъ постановленій, — не вѣрно переданы, не только отдѣльныя слова и выраженія, но и часто цѣлыя статьи устава. Мы укажемъ здѣсь на главнѣйшія мѣста, не точно переданныя Мацѣйовскимъ.

Ст. 3. Оште свѣрху поп *оптине речене* та исти бискуп не море ниште заповидати, воля взети, *нере* *ида он сам пошле*, воля гре по кнезтву.

Nie może też Biskup Księżom jakowej gminy nakazywać lub odejmować im co, chyba gdy wprost od siebie da nakaz, lub uczyni to w czasie swego po księstwie przejazdu.

Въ переводѣ невѣрно передано значеніе «*оптине речене*». Здѣсь, какъ видно изъ самаго смысла статьи, говорится не объ отдѣльной общинѣ, входящей въ составъ Винодола, но о цѣломъ Винодолѣ, называвшемся также оптиной. Кроме того, переводъ цѣлой статьи просто не имѣетъ смысла, грѣшитъ явнымъ противорѣчіемъ между обѣими частями постановленія: если епископъ не могъ ничего приказывать, то не значить ли это, что онъ и «*wprost od siebie*» не могъ давать «*наказа*»? Дѣло въ томъ, что 2 и 3 статьи говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ — о запрещеніи епископу брать что либо у *церквей, монастырей* и *поповъ* самовольно, безъ согласія церковныхъ старостъ и поповъ. По второй статьѣ, «*епископъ не можетъ ничего налагать или брать у церквей, аббатствъ или монастырей,*

кроме того, что дадутъ церковные старосты по своей доброй волѣ». Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ переводить и третью статью:

«Епископъ не можетъ ничего приказывать, ни брать у мона упоминаемой общины (Винодола), кроме тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ (т. е. вѣдь) пошлетъ (епископу), или когда (епископъ) идетъ по княжеству».

Ст. 9. Ако буде пред двором од силн пра, воля од татби, свърху не буду ричи, и парац ни на сведоцства свърху кривца и пусти се на роту, *од рубань *)* *има кривац присет само .п. тер. .г., **)* и от татби именовани свержу само .vi., ако су в тои и татби шкодни, и ако онде в кличан — помази.

Gdy się spiera przed dworem (czyli księciem) o gwałt lub kradzież jakiej bądź rzeczy, a powód nie mogąc przeciwnika przeprosić świadkami puści się na przysięgę o rozboj, (ma wtedy) oskarżony (o tenże rozboj) przysiądź samo 20 lub 25, a powód samo 12 tylko: ów że nie słusznie oskarżony jest, a ten że skarfy go słusznie i że wolano pomagacie.

Мацѣйовскій рѣшительно не понялъ смысла статьи. Въ ней дѣло идетъ о томъ случаѣ, когда истецъ, въ дѣлѣ по разбою или татьбѣ, не имѣетъ свидѣтелей (простыхъ очевидцевъ) и пустить отвѣтника на присягу, т. е. предоставить ему очиститься отъ обвиненія собственной присягой съ поротниками. Пуская отвѣтника на роту, истецъ тѣмъ самымъ отказывался отъ своего права обратиться къ поротникамъ, — дѣло рѣшалось по одной очистительной присягѣ отвѣтника. Въ настоящемъ случаѣ говорится объ обвиненіи по двумъ различнымъ преступленіямъ (разбою и татьбѣ) и о поротникахъ одного отвѣтника. Естественно требовать, чтобы обвиненіе въ болѣе тяжкомъ преступленіи (разбоѣ) очищалось и болѣшимъ числомъ поротниковъ (85-ю, а не 20 или 25-ю по переводу), чѣмъ обвиненіе въ меньшемъ преступленіи (татьбѣ, — только 12 поротн.). — Окончаніе статьи, отъ словъ: «акон су въ тои и татби», также невѣрно понято. Дѣло въ томъ, что истецъ не всегда могъ пускать отвѣтника на роту, т. е., другими словами, не всегда могъ налагать на него часто хлопотливую и затруднительную обязанность отыскивать поротниковъ и присягать съ ними. Русская Правда допускаетъ очистниковъ только при поклепѣ, чешскіе законы — тоже только при соченьи или нарокѣ. Того же начала держатся и Винодольскіе Законы. Въ нихъ принято за правило — дозволять истцу пускать кривца на роту только въ такомъ случаѣ, когда кривацъ «в тои и татби шкодни», т. е. когда явно подозрѣвается или обвиняется въ совершеніи татьбы, и когда при томъ былъ кличъ о помощи. И такъ, настоящую статью слѣдуетъ переводить такимъ образомъ:

«Если предъ дворомъ будетъ разбираться дѣло по разбою или татьбѣ какой либо вещи и истецъ, не имѣя свидѣтелей, пустить виновнаго на присягу, то виновный долженъ присягать — по разбою самъ 85-ть, по татьбѣ самъ 12-ть, коль скоро онъ (виновный) подозрѣвается въ совершеніи татьбы и былъ при томъ кличъ о помощи».

*) Въ параллельномъ текстѣ не вѣрно поставлена запятая послѣ слова «од рубань». Ея нѣтъ предъ нимъ.

**) Въ паралл. текстѣ, по ошибкѣ, поставлено: „.п. тер .г.“

Ст. 10. И оште од татбе, од мошуне и отъ жита поггана, ко стои на поли, и од сена взета и на стогу в ноти од тога учинена¹, има се одприсети само шест. И ни ма имити одговорника тат през воле двора: ниште мане ом, ки присети има, наиди поротнике...

Także oskarżony o kradzież, o popalenie zboża będącego w więzce, lub żyta stojącego na polu, zżęcie w nosy stana na łące, lub w brogu złożonego, ma odprzysiądz się samo sześć, a złodziej nie ma odprzysiądz się też, chyba gdy dwór pozwoli na to; ten zaś który przysięga, to jest powód, może przywieść oczyszczeniow....

Сравнивъ эту статью съ только что разобранный, увидимъ, что въ обѣихъ развивается мысль объ одномъ и томъ же предметѣ, именно объ условіяхъ, при которыхъ допускается для отвѣтника (не истца) очистительная присяга. Статья девятая обязываетъ отвѣтника, пущеннаго на роту, нѣтъ въ дѣлахъ по татбѣ (большой) 12 поротниковъ. Дальнѣйшее развитіе того же правила представляетъ слѣдующая за тѣмъ десятая статья. Смысль ея слѣдующій: въ тѣхъ же случаяхъ, т. е. когда истецъ пуститъ на роту, обвиняемый въ малой татбѣ долженъ присягать самъ — шесть. «Безъ дозволенія двора, татъ не можетъ нѣтъ отговорника (который бы вѣсто него присягалъ); но тотъ, кто долженъ присягать (татъ), пусть наидетъ поротниковъ» и т. д.

Ст. 22. Оште ако се ки прикаже пред двором притче показане, има поманкнати свидоки и указати, да тако ест.

Gdy się kto przykaże ku rozprawie sądowej, slyli zobowiąże stanąc przed dworem i zapisze się na stawienictwo, ma też stawić świadków i pokazać że tak jest, nie nitrząc czasu, i nie nalegając na to ażaby drugi jeszcze dano termin dla stawienia świadków.

Здѣсь также допущено произвольное толкованіе. «Притча» встрѣчается въ древнихъ русскихъ и сербскихъ законахъ всегда въ одномъ и томъ же значеніи судебного дѣла, исна или тяжбы. Такой же смыслъ имѣетъ притча Винодольскихъ Законовъ, — въ другихъ статьяхъ она называется «пра», что значитъ судебный споръ, искъ. «Показане» — вообще доказательства, представляемыя въ подтвержденіе или отрицаніе притчи. Въ настоящемъ случаѣ говорится о доказательствахъ, которыя «приказываетъ» (заявляетъ, представляетъ) истецъ въ подтвержденіе своей притчи. О явкѣ на судъ здѣсь нѣтъ и помину. И такъ, 22 статья можетъ быть переведена такъ:

«Кто представляетъ предъ дворомъ доказательства по (своему) дѣлу, тотъ долженъ сослаться на свидѣтелей и доказать, что такъ есть (какъ утверждаетъ истецъ)».

Ст. 29. И оште ако би ки убил од подкнежинов или од слугу од обители кутне има, од перманов, шер би ушал и не манал се стни, да кнезь вазме вражбу... да ако се еме та злотворац и нега има та исти кнезь или никн место неса учинити когоди матени буде хотил.

Gdy zastępcza księcia lub sługa dworowy księcia pana czyli perman, zabójstwo popetniejszy zbiegnie, i zlapany być nie może, wtedy książę wezmie (zrobi) wroźbę... gdy się pojawi ów zloczyńca, może go książę, nikt zaś inny, męczyć jak zechce.

Выраженіе: «ки уби од подкнежиновъ», сходно съ слѣдующимъ мѣстомъ 31-й статьи: «ако би ки убилъ никогда кмета или од рода кметъ». Въ обоихъ случаяхъ употреблено одинаковое выраженіе и въ одинаковомъ смыслѣ: кто убилъ *кого изъ* подкнежиновъ; кто убилъ какого нибудь кметя или *кого изъ* рода кметовъ. Дѣло въ томъ, что въ 29 — 31 статьяхъ разбивается одно и тоже положеніе уголовного права. Винодольскіе Законы различаютъ преступленія, касавшіяся княжихъ людей и кметей, людей обтинскихъ. За убійство княжихъ людей вира берется («вазе» не вѣрно пояснено въ переводѣ словомъ «згобі») княземъ; ему же принадлежитъ и право мести (матене). Вира за убійство кметей платится общинѣ. Вражда равнозначительна съ дикой вирой Правды. Матене не точно переведено словомъ *пещубъ*: здѣсь нужно видѣть не больше, какъ выдачу преступника на произволь князя, — наказаніе, весьма близко подходящее къ потоку Правды. Право «матене» представляется здѣсь не одному князю, какъ говорится въ переводѣ, но и всякому другому, который, вѣсто князя, можетъ учинить матене.

Можно привести еще до десятка мѣстъ, не точно переведенныхъ Мацѣйовскимъ. Таково началъ 30-й статьи:

«И оште ако ки учини засаду од речемъ подкнежиновъ», т. е. если кто учинитъ засаду *вади кѣмъ изъ упомянутыхъ подкнежиновъ*. Въ переводѣ сказано: кто изъ подкнежиновъ учинитъ засаду.

Статью 32-ю о наслѣдствѣ нужно переводить такъ: «если по смерти отца и матери останутся сыновья и дочери, то къ наслѣдству призываются сыновья (братья тѣхъ дочерей); когда сыновья остались и умерли безъ наслѣдниковъ (рели), тогда имущество отцовское и материнское получаютъ дочери, съ обязанностію отправлять въ пользу двора всю ту службу, которой были обязаны ихъ отецъ и мать».

Въ 43-й статьѣ говорится о гавернарѣ и его подружникахъ, «ки вино продае», — о хозяинѣ корчмы и его товарищѣ, или прикащикѣ, отъ имени хозяина завѣдывавшемъ продажей вина. Переводъ говорить о «зупкагъ'в осядомъ и не осядомъ, развозящемъ вино по краю.

Не точно передана вся 45-я статья, изложенная въ текстѣ впрочемъ крайне запутано. Прежде всего слѣдуетъ исправить ошибки параллельнаго текста, затѣмъ являющія смыслъ закона. Вторую половину статьи мы читаемъ слѣдующимъ образомъ:

..., «схранено, ако би гдну кнезу видити вете дати знати за янки худ ояндій воля нуку ну рич (ка би видити пристояти истому тому кнезу) зверх тих .м. солдини. Има присет, како е дал, вола обетал е дати, он, ки говоря, да е ту исту цѣну дал. И да ю е изисная и знамал, двору за осуд од так .м. солдини нима ниште дат нере солдини .е., за всаку малу живину — солдини .в».

Т. е.: исключая тотъ случай, когда князь захочетъ дать больше 40 солдатъ, за открытіе какого либо злоупотребленія по службѣ или за иное дѣло, касающееся князя. Кто говоритъ (въ случаѣ спора о платѣ), что далъ цѣну или обещалъ ее дать, тотъ долженъ присягнуть (въ томъ), что онъ (дѣйствительно)

ее дать. И (въ такомъ случаѣ) тотъ, кто получилъ ее, долженъ дать двору осудъ (судебную пеню) изъ тѣхъ 40 солдиновъ не больше 5 солдиновъ, за всякое малое животное — 2 солдина.

Мѣсто 53-й статьи: «вола ако е ники сведок помакнен за нику рич пред двором, а ни(ка) од стран отела би поити супрот своему сведочаству, море учинити, ако има сведоке», слѣдуетъ переводить такъ:

«Или если какой либо свидѣтель призванъ предъ дворъ по какому либо дѣлу, а одна изъ сторонъ захочетъ пойти противъ своихъ свидѣтелей (т. е. будетъ отрицать ихъ показанія), то ей дозволяется это въ такомъ случаѣ, когда она имѣетъ (другихъ) свидѣтелей».

Мѣсто въ концѣ 56 ст.: «И вси не поротници маю бити жене; и ка се онде рота, да не одговорник има одговорити, да с ону-роту присегу, а она има присети, како е згора речено», переводится такъ:

«И всѣ ея (не) поротники должны быть женщины; и когда (наступитъ) присяга, ея отговорникъ (судебный защитникъ) долженъ заявить, что они (поротники) присягнутъ по ротѣ (формѣ присяги), а она (обиженная) должна присягнуть, какъ выше сказано».

Въ 62-й ст.: осудить «на живот и на смѣртъ» означаетъ осудить на смертную казнь, а не «на заключеніе въ тюрьму, а потомъ на смѣртъ» по переводу.

«Завези и заговори» 14, 55 и 75 статей означаютъ не «обязательства, противныя закону или заключенныя княземъ безъ воли вѣча», но обыкновенныя судебныя ясни, назначавшіяся не закономъ, но соглашеніемъ сторонъ съ судьями. Пени же слѣдуетъ видѣть въ «рачени, обранене, осуд и банд» 40 и 75 статей. «Банд» 25 статьи = не «гѣкоімі», но также осудъ.

Встрѣчаемъ и другія неточности. Напр., «бранене» (брань) 18-й статьи переведено, какъ «danie potosu znajdujasetu się w potrzebie obgonu». «Господа» 14-й статьи не вѣрно пояснена словомъ «рап». «Ротники» 73 ст. означаютъ не урядниковъ, завѣдывавшихъ присягами, но присяжныхъ нозовниковъ или, что еще вѣроятнѣе, присяжныхъ судей.

ОТДѢЛЪ Ш.

Исслѣдованіе Законовъ града Загреба.

Исторія памятника и обзоръ его содержанія. Указанія по государственному устройству: составъ заградской области; банъ, majores и jobagiones; convocationis. Судебныя учрежденія. Гражданское право. Уголовное право. Процессъ.

Заградскіе Законы — небольшой сборникъ, дающій интересныя указанія на учрежденія стараго времени. Мы скажемъ нѣсколько словъ о вѣдшей исторіи памятника и рассмотримъ содержаніе въ особенности древнѣйшихъ законовъ заградскихъ.

Сборникъ состоитъ изъ трехъ разновременныхъ уставовъ: Statutum 1242, Statuta nova 1405 и Statuta 1425 — 29. Для насъ интересенъ преимущественно первый Статутъ, излагающій постановленія по внутреннему устройству общинъ. Остальные два Статута трактуютъ спеціально о границахъ заградской области, о дѣлахъ торговыхъ и о различныхъ повинностяхъ жителей.

Первый Статутъ принадлежитъ къ числу наиболѣе древнихъ хорватскихъ памятниковъ. Составленный въ 1242 г. по желанію жителей и съ дозволенія короля Бела IV, Статутъ нѣсколько разъ подтверждался въ теченіи XIII — XV столѣтій. По позднѣйшей его редакціи 1425 г., онъ изданъ въ архивѣ южнославянской исторіи (I. 186—202; также въ Jura I.64 — 65), вмѣстѣ съ двумя позднѣйшими Статутами.

Къ главнымъ источникамъ Статута 1242 г. нужно относить прежде всего древніе обычаи, какъ это видно изъ первой статьи устава, опредѣляющей виру «*juxta ducatus Sclavoniæ consuetudinem*». Статутъ составленъ также на основаніи *уставовъ стараго времени* (Statuta et Privilegii), данныхъ Загребу въ различное время.

Статутъ 1242 г. раздѣляется на 15 отдѣльныхъ статей. Большинство статей имѣетъ заглавія и трактуетъ о предметахъ уголовного права и процесса. Статутъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ русскими уставными грамотами, напр. съ Двинской и Бѣлозерской. Кромѣ предметовъ уголовного права и процесса, есть нѣсколько указаній по государственному и гражданскому праву.

а) *Государственное устройство по Загребскому Статуту 1242 г.* Загребъ съ своей областью, *комитатомъ*, еще до значительной степени удерживаетъ характеръ старой славянской *жупы*, т. е. союза нѣсколькихъ сельскихъ общинъ (*vicus, villa* или просто *communitio*), съ центральнымъ своимъ мѣстомъ — *градомъ* (*civitas*). *Territorium* такой жупы слагается изъ *земель* (*terra*) — округовъ отдѣльныхъ общинъ.

Въ понятіе *consocium* входитъ вообще совокупность гражданъ цѣлаго Загреба; но иногда подъ *consocium* разумѣются только члены мелкихъ общинъ. Замѣчательно, что въ Статутъ 1242 г. вовсе не упоминаются сословія: ему известны только туземцы, собственно граждане (*civis, indigenae, incolae*) и чужеземцы (*hospitis, extranei*). Чужеземцы пользуются защитой закона, на равнѣ съ горожанами.

Король (*rex*) упоминается въ значеніи верховнаго судьи. *Банъ* (*banus*) — мѣстный правитель Славоніи; при немъ состоитъ *vicebanus*. Баны принадлежатъ къ древнѣйшимъ хорватскимъ учреждениямъ. О нихъ упоминаетъ еще Порфирородный. По извѣстіямъ XI — XII вѣковъ, хорватскихъ королей избирали, по обычаю земли, слѣдующіе семь бановъ: *banus Croatiae, b. Bosniae, b. Sclavoniae, b. Rosigae, b. Podgatae, b. Albaniae* и *b. Sremiti* (Журн. I. 21 Арх. II. 4). Какъ видно изъ старыхъ грамотъ, баны уравнивались вообще съ *comes, ducis, jupanis* (жупаны). Изъ позднѣйшихъ учреждений имъ соответствуютъ *spani, knezi*. Названіе бановъ удержали областные правители хорватскіе до новѣйшаго времени (Журн. I. 15, 46. II. 341. Арх. I. 203 и слѣд.). Баны известны также въ Босніи и другихъ земляхъ (См. Мацѣйов. Hist. II. 42. Кстича Разсматривая о старинъ сръбскимъ правителѣ, въ Гласн. IX, 106).

Общины загребской области управлялись старшинами — *majores* и *jobagiones*. Старшины городскіе носятъ общее названіе *majores civitatis*, сельскіе — *jobagiones de villis*. По грамотѣ 1298 г. загребскаго епископа Августина (сельскимъ общинамъ комитата Загреба) къ *majores civitatis* относятся *comes* града и *castellanus*, къ старшинамъ сельскимъ — *majores villae et senioris*. Старшинъ избираютъ общины (Журн. I. 488).

Названіе *jobadiones* перешло изъ венгерскаго права и означаетъ то же самое, что и славянская *господа*. *Domini terra* загребскаго устава, по нашему мнѣнію, нужно понимать именно въ смыслѣ *господы*. У всѣхъ южныхъ Славянъ, *господа* означала совокупность учреждений и властей, завѣдывавшихъ общественными дѣлами. Винодольскіе Законы говорятъ въ значеніи *господы* о купцѣ, князѣ и другихъ старшинахъ, иногда просто о «*господѣ* онаго града». Въ старыхъ грамотахъ часто упоминается «*господа сръбска, рашска, хумьска, дубровачька*» и пр. *Господа* извѣстна Полицкому Статуту, Псковской судной грамотѣ, древнимъ чешскимъ законамъ. Вездѣ *господа* означаетъ старшинъ, влстелей, главарей, *primates populi, prosegas* и пр. (Журн. I. 6, 8, 10 и пр.). Хорватскіе памятники, начиная съ XIII вѣка, говорятъ въ смыслѣ такой же *господы* о *jobadiones*, къ которымъ относятъ бановъ, князей, жупановъ, *majores villae* и другихъ народныхъ старшинъ, иногда и *palatini, comitis curiali regis* и пр. (Журн. I. 64 — 67, 80. III. 3 и др.). *Господа* и *jobadiones* соответствуютъ уряду и урядникамъ чешскимъ, польскимъ и литовско-русскимъ.

Въ обычаѣ были наконецъ сходки (*convocationis*) старшинъ и общія народныя сходки. *Fogum* (торгъ Русской Правды, *trh* чешскаго права) — главное мѣсто общихъ сходокъ для суда, торго и другихъ общественныхъ дѣлъ. Въ Статутъ 1242 г. положено учреждать *fogum* два раза въ годъ — *die Lune et die Jovis*.

Главная дѣятельность господа, т. е. сходокъ и старшинъ, проявляется въ сферѣ суда. Статутъ 1242 г. различаетъ слѣдующія судебныя учреждения.

1) *Judicium ad regis*. Король считается верховнымъ судьей; къ нему дозволяется апеллировать отъ другихъ (мѣстныхъ) судей.

2) *Судъ общинныхъ старшинъ*. Онъ учреждается на общей сходкѣ (*convocatio*), особенно когда стороны будутъ недовольны приговоромъ своихъ городскихъ судей и перенесутъ дѣло на разсмотрѣніе старшинъ (*maiores civitatis*).

3) *Судъ городской*. Община дозволяется ежегодно избирать *judicis civitatis*, по собственному усмотрѣнію, изъ среды гражданъ, для отправленія суда въ трибуналъ или иномъ мѣстѣ. Въ составъ городского суда входили: *judex* и нѣсколько судебныхъ помощниковъ или засѣдателей (*assessoris vel consilarii*). Нельзя точно опредѣлять значенія такихъ засѣдателей. Въ позднѣйшемъ Статутѣ 1425 — 29 г. часто упоминаются виѣсть *judicis et jurati* (см. *Ark. I. 198, 199*). Можно полагать, что *assessoris* стараго Статута и позднѣйшіе *jurati* — разныя названія одного и того же учрежденія. Ихъ значеніе объясняютъ до значительной степени старыя «*hrvatski sudovi*» (судныя грамоты). Въ нихъ говорится о судѣ (*stol* или *sud krale*), состоявшемъ изъ *главнаго судьи* (*knez, vran*), *присяжныхъ судей* (*sudci rotni*) и *vladania* — племенныхъ людей, присутствовавшихъ на судебной сходкѣ; приговоръ постановляется присяжными судьями по совѣту (*svit, dogovor*) съ *vladnem*. Такія сходки присяжныхъ судей и *vladania*, какъ и сходки загребскихъ *assessoris* и *jurati*, можно ставить въ параллель съ дубровницкимъ *slanicum* и сербской поротой. Нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, чтобы уяснить вполне значеніе *jurati* Загребскаго Статута. Замѣтимъ, что въ загребскомъ судоустройствѣ играли довольно замѣтную и, какъ видно, самостоятельную роль «*добрые люди*», которые еще ближе подходятъ къ понятію присяжныхъ. Добрые мужи представляются самостоятельнымъ учрежденіемъ, дѣйствуютъ независимо отъ судей городскихъ, или, говоря точнѣе, отправляютъ въ судѣ отдѣльную функцію присяжныхъ, тогда какъ *assessoris*, принадлежавшіе къ городскимъ судьямъ, больше напоминаютъ нѣмецкихъ *Schöffen* (постоянныхъ судебныхъ засѣдателей).

4) *Судъ добрыхъ мужей* (*boni vel fidedigni viri*). Въ нихъ есть много сходнаго съ славянской поротой. Добрые мужи избираются изъ гражданъ, для суда въ каждомъ данномъ случаѣ; они даютъ присягу (*vasamentum*), проносятъ на сходкѣ приговоръ съ характеромъ посредническимъ (*arbitrium*), касающійся фактическихъ и юридическихъ вопросовъ. По всѣмъ вѣщимъ признакамъ можно, какъ намъ кажется, сблизать добрыхъ мужей съ присяжными. О судѣ добрыхъ мужей упоминаетъ Статутъ 1242 г. въ трехъ мѣстахъ. Говоря въ первой статьѣ о дикой вѣрѣ, Статутъ принимаетъ за правило, что частное вознагражденіе каждый разъ опредѣляется по суду и присягѣ избранныхъ для того добрыхъ мужей, «*jurati*

arbitrium bonorum virorum et sacramentum et concisium ad hoc electorum. Точно также раздѣлъ выморочнаго имущества, послѣ владѣльца, не оставившаго наследниковъ, производится «*per viros fidedignos ad hoc consilio civium deputatos* (см. capit. de intestato). Указаніе на такихъ же добрыхъ мужей нужно видѣть и въ Capitulum de legationibus testamentariis. Здѣсь между прочимъ говорится, что лицо, не имѣющее наследниковъ (т. е. дѣтей), должно оставить недвижимое имущество другимъ роднымъ, по совѣту съ своими согражданами, «*suorum consilium habito consilio*».

Статутъ 1242 года не обвиняетъ всѣхъ судебныхъ учреждений, существовавшихъ въ Загребѣ и его комитатѣ. Въ одной изъ грамотъ конца XIII вѣка (1298 г.) перечисляются главныя учрежденія, которымъ подчинялось сельское населеніе по дѣламъ судебнымъ. Къ такимъ учрежденіямъ относятся: *судъ князя* (comes), *кастеляна* (castellanus) и *судъ сельскихъ старшинъ*. Major villae cum senioribus судятъ на мѣстѣ (очевидно, на сходкѣ) дѣла меньшей важности. Causes majoris, т. е. убійство, разбой, зажигательство, татьба и пр., подлежатъ суду князя или кастеляна (въ качествѣ намѣстника княжескаго) вмѣстѣ съ majores villae (Jura I. 488).

б) Къ *гражданскому праву* относятся статьи — Capitulum de legationibus testamentariis и Capitulum de intestato. Статьи эти замѣчательны по своей древней основѣ, въ особенности говорятъ о наследствѣ вообще въ духѣ старославянскаго права. Содержаніе обѣихъ статей слѣдующее:

Кто изъ гражданъ умретъ безъ наследниковъ (sine herede decesserit), тотъ можетъ свободно распорядиться движимымъ имуществомъ. Имущество недвижимое (домъ, дворъ, виноградникъ, землю и пр.) онъ долженъ, по совѣту съ своими гражданами, оставить своей женѣ «*vel alicui cognatorum suorum*». Безъ городского суда (a jurisdictione civitatis), никто не можетъ, ни самъ, ни чрезъ жену, ни per cognatos, ничего отчуждать, ни раздѣлять. Кто умретъ безъ завѣщанія (intestatus decesserit) и не оставивъ послѣ себя сыновей, жены или родныхъ (cognatos), тотъ долженъ, по совѣту съ добрыми мужами, избранными для того гражданами, раздѣять двѣ части своего имущества бѣднымъ и церквамъ, а третью часть предоставить городу, ad utilitatem civitatis.

Изложенныя постановленія различаютъ наследованіе имуществомъ по закону и завѣщанію, ставятъ оба порядка въ тѣсную связь между собой.

Прежде всего укажемъ на весьма важный фактъ, лежащій въ основаніи цѣлаго порядка законнаго наследованія имуществомъ, — на различіе *дѣтей* отъ другихъ *родственникововъ*. Naegedis считаются одни дѣти (собственно *fili*, сыновья); uxor et cognati не причисляются къ кругу наследниковъ. Участіе въ правахъ на имущество становится для нихъ доступнымъ только въ такомъ случаѣ, когда владѣлецъ имущества «*sine herede decesserit*». Когнаты получаютъ наследство только на *правѣ выморочномъ*, когда нѣтъ дѣтей, считающихся единственными законными наследниками. Такимъ образомъ, наследственное право, по Загребскому Статуту, какъ и по Винодольскимъ Законамъ, имѣетъ строгій семейный характеръ,

ограничивается тѣснымъ кругомъ семьи (съ рѣшительнымъ перевѣсомъ братьевъ надъ сестрами), — въ семьѣ для родственниковъ можетъ имѣть силу одно выморочное право.

Не меньше своеобразна система завѣщательнаго порядка наслѣдованія имущества. Право завѣщанія очень ограничено. Свободно распоряжаться можно только движимымъ имуществомъ (*de rebus suis mobilibus*), и то когда нѣтъ *haereditis*. Имущество недвижимое (*res immobilis*), безъ различія между благопріобрѣтеннымъ и наслѣдственнымъ, переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ, а если ихъ нѣтъ, то къ когнатамъ. Право завѣщанія не имѣетъ мѣста въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ и въ такомъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ никакихъ наслѣдниковъ и когнатовъ: имущество, въ значеніи выморочнаго, должно по закону отойти къ общинѣ (съ выдѣломъ двухъ частей бѣднымъ и церкви).

Все это показываетъ ясно, что порядокъ наслѣдованія имущества по загребскимъ законамъ развился подъ преимущественнымъ вліяніемъ *задружнаго* устройства славянской семьи. Изложенные порядки наслѣдованія имущества доселѣ держатся въ обычаѣ, безъ существенныхъ измѣненій, въ Славоніи, Кроаціи и другихъ южнославянскихъ земляхъ. Наслѣдственное право имѣетъ мѣсто только въ тѣсномъ кругѣ семьи, принадлежитъ однимъ дѣтямъ. Недвижимое имущество — общая принадлежность задруги; на него не распространяется личное право завѣщанія, отчужденія и пр. О такомъ же ограниченіи права отчужденія, раздѣла и завѣщанія недвижимости говоритъ Загребскій Статутъ. *Concivium*, согражданъ, по совѣту (*consilio*) съ которыми бездѣтный владѣлецъ оставляетъ свое имущество когнатамъ, и самыхъ когнатовъ иначе нельзя объяснить, какъ именно въ смыслѣ задруги, братчины, рода, словомъ — въ смыслѣ общины съ семейнымъ характеромъ, рѣзко отличающейся отъ семьи въ обыкновенномъ значеніи. — Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что изученіе по латинскимъ источникамъ такихъ своеобразныхъ учреждений, какъ задруга и основанныя на ней отношенія имущественныя, семейныя и наслѣдственныя, требуетъ особенной осторожности отъ изслѣдователя. Въ латинскихъ памятникахъ институты такого рода часто формулируются далеко не точнымъ образомъ: по недостатку латинскихъ названій, вполне соответствовавшихъ напр. понятію задруги, задругарей и пр., нерѣдко употребляется въ памятникахъ юридическая терминологія, мало подходящая къ дѣлу; часто одинъ терминъ обозначаетъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ понятій. *Concivium*, по Загребскому Статуту, означаетъ вообще совокупность гражданъ, иногда членовъ сельской общины (*vicius, communió*), иногда и задругу, когнатовъ. Впрочемъ, тоже нерѣдко встрѣчаемъ и въ славянскихъ памятникахъ (поротники, родъ и пр.). Избѣгать путаницы и смѣшенія понятій возможно только при всестороннемъ и внимательномъ изученіи памятниковъ, при сличеніи и уясненіи возможно-большаго круга однородныхъ фактовъ и явленій.

с) Въ ученіи объ *уголовномъ правѣ* Загребскій Статутъ касается главнѣйшихъ видовъ преступленій и наказаній, развивая также нѣсколько положеній по вопросу объ *уголовномъ вмѣненіи*.

Убийство считается наиболее тяжкимъ преступленіемъ. Особый его видъ составляетъ разбой. Извѣстны также другіе виды преступленій противъ личныхъ правъ: *увѣчья* и *членоврежденія*, нанесеніе *ранъ*, *побоевъ* и другихъ *личныхъ обидъ* — vituperium, orobgium, contumelium, alarra и пр. Изъ преступленій противъ имущественныхъ правъ упоминается одна *татьба*. Какъ видно изъ одной грамоты конца XIII вѣка, загребскіе законы раздѣляли всѣ преступления на *causae majoris* и *causae rescinialis*. Къ первымъ относились убійство, разбой, раненіе (въ торговый день), татьба и закигательство, подлежавшія суду князя съ старшинами (comes cum majorebus); остальные преступления, подъ общимъ названіемъ *causae rescinialis*, судились старшинами — majores villae cum senioribus (Kukul Jura I. 488).

Въ ученіи о вѣнненіи замѣтно явственнѣе (сравнительно съ Винодольскими Законами) различіе между преступленіемъ, учиненнымъ съ *злымъ умысломъ*, и преступленіемъ *не умышленнымъ* (in ludo sine premeditata malitia). Принимается также во вниманіе *мѣсто* совершенія преступления и *общественное положеніе* обиженнаго, какъ обстоятельства, усиливающія вину: за преступленіе, учиненное въ судѣ, полагается роена duplex; точно также наказаніе усиливается, если обида нанесена самому судѣ. Ответственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на виновнаго, но и на другихъ лицъ: въ Статутѣ говорится объ обязанности domini terrae выдавать преступниковъ или платить за нихъ пеню (дикую виру Правды).

Ученіе Статута 1242 года о *наказаніяхъ* во многомъ сходно съ ученіемъ Русской Правды. Различаются два главные рода наказаній — потокъ и денежныя пени.

Потокъ и *грабежъ* Правды удерживается въ загребскихъ законахъ, въ смыслѣ матене Винодольскихъ Законовъ. «Expellere turpiter de civitate» значитъ по Загребскому Статуту — изгнать преступника изъ общины, иногда же просто выдать его на произволь общины, вмѣстѣ съ грабежемъ его имущества. Потокъ и грабежъ назначаются за дѣйствія, соединенныя съ особенно преступнымъ обнаруженіемъ злой воли, и при томъ всегда совмѣстно: оба наказанія составляютъ въ совокупности одинъ юридическій институтъ. Самая сущность его одна и таже по Загребскому Статуту и Р. Правдѣ. Сюда относятся слѣдующія статутковыя постановленія. Если кто злобно убьетъ другаго и уйдетъ въ чужую землю, то, по обычаю земли, имущество виновнаго подвергается грабежу: двѣ части отдаются роднымъ убитаго, третья городу. Денежная пеня слѣдуетъ за убійство, безъ злаго умысла; но если виновный не имѣетъ средствъ для уплаты пени, то онъ выдается на произволь общины, «civium arbitrio reliquantur» (См. De poena homicidii). Подобное наказаніе грозитъ виновному въ нанесеніи личной обиды другому, если онъ не уплатитъ пени: все имущество его подвергается грабежу въ пользу общины, самъ виновный постыдно изгоняется изъ города, — «rebus omnibus in commune applicatis tamquam infamis de civitate turpiter appellatur» (См. De vetuperiis).

Статутъ 1242 г. удерживаетъ въ полной мѣрѣ систему *композицій*, именно въ духѣ Русской Правды различая пени двоякаго рода: пеню *общественную*, въ пользу города или вообще общины (civitas, communio), и пеню *частную*, въ пользу

обиженного или его родных (parentis, cognati), за обиду, на излеченіе и пр. Общественная пеня за убійство называется *poena homicidii* (вира Правды) и составляетъ двѣ трети всего взысканія, — треть шла въ пользу родныхъ (20 пенсовъ составляютъ виру и 10 — частное вознагражденіе). Право общины на виру позже замѣняется правомъ князя и старшинъ. По грамотѣ 1298 г., общественная вира идетъ въ пользу князя съ судившими съ нимъ старшинами (князю — двѣ трети, старшинамъ треть); но вира могла принадлежать и однимъ старшинамъ, если они сами рѣшали дѣло (Juga I. 488).

Пени общественныя и частныя не одинаковы. Обыкновенно частная вира значительно превышаетъ общественную; но возможны случаи, когда послѣдняя можетъ превышать частное вознагражденіе. За убійство неумышленное платится 10 пенсовъ роднымъ убитаго и 20 общинѣ. Напротивъ, частное вознагражденіе за членоврежденія и личныя обиды платится въ большемъ количествѣ, чѣмъ пеня общественная. При сильныхъ членоврежденіяхъ виновный платитъ за лекарство и, кромѣ того, за обиду 25 пенсовъ, вмѣстѣ съ общинной пеней въ 5 пенсовъ; за другія увѣчья, кромѣ платы на излеченіе, назначена частная пеня въ 10 марокъ и общинная въ 2 марки (См. De poena wilegum). Побой и другія личныя обиды оплачиваются частной пеней въ 10 пенсовъ, вмѣстѣ со взысканіемъ съ виновнаго 10 денаріевъ въ пользу общины (De vetereris). Poena duplex слѣдуетъ за преступленія, совершенныя въ трибуналѣ или въ другомъ судебномъ мѣстѣ. За обиду, нанесенную судью или судебнымъ засѣдателямъ, платится въ ихъ пользу 10 марокъ (См. Poena duplex).

Количество пеней не всегда впрочемъ точно опредѣляется самымъ закономъ; иногда допускается назначеніе взысканій по *обычаю или оцѣнкѣ добрыхъ людей и сходки*. Это нужно сказать въ особенности о дикой вирѣ. Господа или вообще община всегда платила пеню общественную и частное вознагражденіе (въ пользу родныхъ убитаго), если убійца не выдавался общиной или самъ скрывался и инымъ образомъ уклонился отъ наказанія. Въ подобныхъ случаяхъ частное вознагражденіе (rescupia) опредѣляется, какъ говорятъ Статутъ 1242 г., «juxta arbitrium bonorum virorum et sacramentum et concivium ad hoc electorum», собственно же дикая вира (poena homicidii) — по обычаю, «juxta ducatus Sclavoniae consuetudinem» (См. 1-ю ст. Quod si idem hospites и т. д.). Есть основаніе думать, что такой же порядокъ назначенія пеней имѣлъ мѣсто и по татвѣ и другимъ преступленіямъ противъ имущественныхъ правъ, вообще мало затрогиваемымъ въ Статутѣ. Точное опредѣленіе нормы имущественной шкody и ея вознагражденія, принятое напр. въ Руской Правдѣ, не можетъ считаться вполне цѣлесообразнымъ; потому что здѣсь многое зависитъ отъ отношеній каждаго даннаго случая, отъ свойствъ и цѣны вещей, отъ индивидуальныхъ отношеній къ нимъ владѣльца и пр. Винодольскіе Законы очень основательно говорятъ, что назначеніе мѣры взысканія, въ каждомъ данномъ случаѣ, предоставляется соглашенію самыхъ сторонъ съ судьями. Общее сходство законовъ загребскихъ и винодольскихъ допускаетъ возможность существованія подобнаго же правила и въ загребскомъ правѣ. Говоря вообще, точное опредѣленіе самымъ закономъ подробной таксы пеней по всѣмъ родамъ и видамъ преступленій, оплачивавшихся денежными платежами, принадлежитъ позднѣйшему времени. На первыхъ

порахъ, какъ не безъ основанія думаютъ изслѣдователи, здѣсь и во многихъ иныхъ случаяхъ дѣйствовали обычаи, измѣнявшіеся по времени и мѣсту, — такое или иное количество виръ зависѣло прежде всего отъ назначенія судей и соглашенія сторонъ. Установившіеся этимъ путемъ общія правила позже санкционированы законодательствомъ, въ особенности по вопросу о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, убійствѣ, членоврежденіяхъ и пр., оставляя старые обычные порядки, при назначеніи вознагражденія за имущественныя и другія меньшія чикоды; вопросъ о вознагражденіи въ такихъ случаяхъ правильнѣе всего можетъ быть обсужденъ судьями и сторонами. Въ такомъ видѣ вопросъ о пеняхъ и рѣшается Винодольскими Законами Загребскими Статутомъ. Они точно опредѣляютъ одни пени за преступленія противъ чужихъ правъ и почти вовсе не касаются вознагражденія за нарушеніе правъ имущественныхъ. Въ этотъ случаѣ Русская Правда пошла дальше: уже въ старой Правдѣ (XI вѣка) замѣтно стремленіе законодателя установить неизмѣнныя правила о количествѣ пеней за убійство, членоврежденія и другія преступленія и проступки. Правда XIII вѣка представляетъ самую подробную таксацію виръ, продажъ и частныхъ пеней, оцѣняетъ стоимость каждой вещи, не оставляетъ для судьи ни малѣйшаго простора и свободы руководиться условіями и отношеніями, до безконечности разнообразными въ отдѣльныхъ юридическихъ случаяхъ.

d) Статутъ 1242 г. не касается всѣхъ деталей *процесса*, содержитъ только нѣсколько правилъ о предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности о *calumpnia*, и даетъ общія указанія на судебныя доказательства и исполненіе судебныхъ приговоровъ.

Calumpnia, какъ показываетъ Статутъ, означаетъ тоже самое, что въ древнемъ чешскомъ правѣ извѣстно было подъ именемъ *нарока* или *соченья*, въ Русской Правдѣ — подъ именемъ *поклепа*. Здѣсь разумѣлось *обвиненіе безъ лица*, предъявлявшееся судебнымъ порядкомъ противъ лицъ, не пойманныхъ на преступленіи, но обвиняемыхъ въ его совершеніи на основаніи различныхъ доказательствъ. Въ Статутѣ требуется, чтобы клеветъ былъ доказанъ; уличенный въ ложномъ, не доказанномъ соченьи не допускается, наравнѣ съ лжесвидѣтелемъ, къ занятію должности судьи и судебного засѣдателя (*assessor*).

Изъ судебныхъ доказательствъ упоминаются: *судебныя поединки*, отмѣненные впрочемъ Статутомъ 1242 г. (*nulla causa ad duellum judicetur*), *свидѣтели* (*testis*) и *присяга* (*juramentum*).

Свидѣтели и присяга признаются главными судебными доказательствами, на которыхъ судья долженъ основывать свой приговоръ (*sententia*). Простые свидѣтели отличаются отъ присяжныхъ (*testis jurati*). Свидѣтели присяжные даютъ по казанію порознь въ положенный для присяги день. Къ нимъ же относится правило о томъ, что *testis* должны быть одного состоянія съ стороной, въ пользу которой они даютъ показанія: иностранецъ можетъ имѣть свидѣтелей изъ иностранцевъ же, какъ и туземецъ — изъ лицъ себя равныхъ. Требованіе разнаго состоянія, по всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ ученіи о поротникахъ и очистникахъ. Можетъ быть, и *testis jurati* Загребскаго Статута имѣли значеніе поротниковъ, — Статутъ не ясно опредѣляетъ ихъ юриди-

ческий характеръ (о calumnia и доказат. см. 8 ст. — Item si quis extraneus и Calumnia et falsum testimonium).

Въ заключеніе приведемъ указанія на мѣры и учрежденія, бывшія въ связи съ исполненіемъ судебныхъ приговоровъ. Сюда относятся: *correctio trina et applicatio*.

Applicatio состояло въ конфискаціи всего имущества подсудимаго, уклонявшагося отъ наказанія, вмѣстѣ съ изгнаніемъ его изъ общины. Оно было послѣднимъ заключительнымъ актомъ процесса.

Труднѣе опредѣлить юридическое значеніе correctio trina. По смыслу статьи, говорящей о немъ (de vetuperis), можно заключать, что подъ correctio разумѣлось простое *напоминаніе* или *требованіе*, обращенное къ подсудимому, по вопросу объ исполненіи приговора и удовлетвореніи противной стороны. Впрочемъ, сравнивая correctio trina съ сходными институтами другихъ славянскихъ законодательствъ, напр. чешскаго или польскаго, одинаково устанавливающихъ различныя принудительныя мѣры и взысканія, ради помужденія отвѣтчика къ исполненію приговора, можно съ полной вѣроятностью полагать, что correctio trina Загребскаго Статута имѣло такой же *принудительный* характеръ, какъ и *vzvod, panování odhádání* старочешскаго процесса (См. Ирвчка Stav pr. II. 248).

ОТДѢЛЪ IV.

Исслѣдованіе Полицкаго Статута.

Исторія составленія памятника : источники ; эпохи изданія ; списки ; вѣдущій составъ памятника. I. Государственное устройство. Значеніе полицкой жупы, катуней и вершей. Сословія : племенные люди (властели и дядичи) ; редовники (кметы, наймиты, влахи) ; суманъ и робе ; чужеземцы. Полицкая господа : сборъ и вѣча ; великій князь, воевода, прокаратуры и общинный канциларь ; сельскія вѣча и старшины — инези или катунари, приставы и добрые люди. Значеніе круговой поруки. Судоустройство : правда жупская — судъ сбора, князя и ротняковъ ; правда облублена ; суды вервные и господскіе ; приставы (общинные, княжіе, ротные, облубленные). II. Гражданское право : отношенія семейныя, имущественныя и наследственныя ; обязательства. III. Уголовное право : сущность преступленій и наказаній, ученіе о вишеніи ; система преступленій и наказаній. IV. Процессъ : поклень и другія предварительныя дѣйствія ; система доказательствъ ; приговоръ.

Исторія полицкой общины доселѣ не вполне выяснена. Шафарикъ полагалъ, что страна, носившая въ XIV вѣкѣ названіе Полицы, въ древнее время известна была подъ именемъ Цетинны, и что цетинскіе князья были предшественниками князей полицкихъ (См. Safar. Krotka zpr., въ Casop. 1854). Цетинна дѣйствительно является въ исторіи раньше Полицы. О ней упоминаетъ еще Порѣвородный въ числѣ 14 хорватскихъ жупъ, подъ именемъ Tzentszena (Жупа I. 9). Въ древнѣйшихъ грамотахъ хорватскихъ тоже встрѣчаемъ только цетинну и ея жупановъ или comitis : напр. ; въ грамотѣ 1069 г. упоминается Dragomir župan (жупанъ) de Cetina, въ грамотѣ 1076 г. — Pribino cetinensis comitis (Жупа I. 15, 20). Первые извѣстія памятниковъ о Полицѣ, сколько намъ извѣстно, принадлежать XII вѣку. Въ это время Полица представляла отдѣльную область, существовавшую независимо отъ Цетинны. Въ одной грамотѣ 1185 г. отнесенн къ числу волостей (parochiae) епископа сплетскаго : «Clissam, Scale, Sminam, *Cettinam*, totam Cleunam, totam Massagor et totum Polissam» (Ibid. 32). Въ числѣ 12-ти пословъ, отраженныхъ въ 1102 г. хорватской землей къ венгерскому королю Коломану съ pacta conventa, упоминается «comes Pribistavum de genere Politchorum (Жупа. 24). Въ XIV вѣкѣ Полица окончательно является подъ своимъ именемъ, но есть акты той же эпохи, говорящіе и о Цетинѣ, какъ объ отдѣльной области. Еще въ 1365 г. подтверждена грамота, данная въ 1210 году королемъ Андреемъ II Цетинѣ (Ib. 53). И позже упоминается Цетинна съ своими отдѣльными князьями : въ 1416 г.

цетинскій князь (ban, chnez cetinschi, chlischi gamschi, om'schi) Иванишъ утвердилъ старыя законы и права общины Алмиссы (Miklos Mon. 279).

Пользуясь выгоднымъ положеніемъ въ горной возвышенности (въ теперешнемъ округѣ Спалато), Полица развила общинное устройство на самыхъ широкихъ началахъ народоправства, долго ведя малоизвѣстную историческую жизнь. Въ XII—XIV вѣкахъ полчане извѣстны были, главнымъ образомъ, морскими разбоями и вѣшателствомъ (съ XIII вѣка) въ распри и войны сосѣднихъ хорватскихъ и сербскихъ жупановъ и князей. Подобно Дубровнику, Полица изстари была самостоятельной общиной, до самаго паденія своихъ вольностей (въ настоящемъ столѣтіи) мало завистля отъ иной «господы». Турецкій погромъ, поглотившій Сербію и другія южнославянскія земли, отчасти коснулся и Полицы. Она также подчинилась было вліянію турецкому, но безъ потери своей самостоятельности и внутренняго самоуправленія по своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ. Въ концѣ XV вѣка (по Шафаріку — въ 1483 г.). Полица добровольно отдалась подъ покровительство Венеціи, считавшейся съ этого времени «господою, присвитлимъ господствомъ» Полицы: въ Статутѣ упоминается Венеція, въ значеніи полицкой господы, впервые подъ 1485 г. (См. Стат. 25). Подчиненіе было чисто вѣшнее: Полица по прежнему удерживала полную внутреннюю самостоятельность. Самобытное положеніе Полицы продолжалось до начала настоящаго вѣка, когда она отошла къ Австріи въ значеніи простаго округа. Старая свободная община, Полица составляетъ теперь часть спалатскаго округа Далмація, подчинена управленію австрійскихъ чиновниковъ.

Полица долго жила по изстарившимъ обычаямъ и уставамъ замѣчательной древности. Защищенные своими горами, мало участвуя въ общей исторической жизни европейскихъ народовъ, полчане въ теченіи многихъ вѣковъ хранили старый бытъ, какъ предковское наслѣдіе, какъ поучительную для насъ окаменѣлость. *Статута Полички*, впервые возникшій чуть ли не одновременно съ Русскою Правдою или Псковскою грамотою, въ теченіи многихъ столѣтій разросшійся до размеровъ объемистаго сборника, представляетъ драгоценный памятникъ славянской старины. Коренясь въ славянскихъ обычаяхъ, удерживавшихся на ряду съ установленіями позднѣйшаго происхожденія, Статутъ обстоятельно знакомитъ насъ со многими институтами, извѣстными намъ доселѣ лишь по неяснымъ указаніямъ Правды и другихъ старыхъ сборниковъ. Изученіе его должно привести къ полезнымъ результатамъ, должно до значительной степени способствовать уясненію стараго юридическаго быта всѣхъ Славянъ.

Мы скажемъ о происхожденіи Полицкаго Статута, о вѣшнихъ его особенностяхъ и рассмотримъ его содержаніе, обращая вниманіе въ особенности на постановленія права государственнаго, гражданскаго и уголовного и процесса.

Обычай — древнѣйшій источникъ полицкаго законодательства. Много статей Статута непосредственно взято изъ народныхъ обычаевъ, — «обычай» и «законъ» легли въ основаніе большинства статутowych постановленій. Позднѣйшая законодательная дѣятельность полицкой общины не уменьшала значенія обычаевъ. Они удерживали силу и въ эпоху статутowych законовъ. Самъ Статутъ нерѣдко дозволяетъ

судьям руководиться старыми обычаями: «имаю видети и разгледати и проишлявши проципати ничь по закону и *обычаю*, зачь се немогу прем све сваке ствари напуно засвим законити, измирити и угонитити, ни се могу прем све ричи у штатутъ поставити» (64; ср. также 39, 42, 105. Обь обычаяхъ вообще см. также 95, 97, 115, 188 и пр.).

Старые законы были другимъ источникомъ Полицкаго Статута. Въ статутъ часто говорится: «хоѡ стари законь, — есть законь стари, — то е бно стари законь» и пр. (55, 78, 126, 173, 194). Старые законы входили въ Статутъ цѣликомъ или съ измѣненіемъ въ «полагли, милостивни законь» (70, 127, 194). Древнѣйшей формой закона были *листы, записи, привилежи* или *привилеи*. Подъ закономъ разумѣются также *новала, разлоь, увить, одлука, наредба, зарокъ*.

Старые обычай и законы дали главные элементы, изъ которыхъ сложился Полицкій Статутъ. Позднѣйшія узаконенія мало ввели въ него новаго, служили только дальнѣйшимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ старыхъ порядковъ.

Нельзя опредѣлить времени, когда впервые явилась у полицаявъ мысль собрать въ одинъ уставъ старые свои обычай и законы. Статутъ не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ; теперь извѣстны только позднѣйшіе переработанные списки, содержащіе собраніе разновременныхъ законовъ XV - XVIII столѣтій (1400 — 1725). Древнѣйшій списокъ, принадлежащій 1400 г., имѣетъ слѣдующее заглавіе:

«У име господина бога амень. с(тату)ть полиц(кн. и суѡн) статутъ и — с — *тарота* нови (чинимо на ли)та господина Исукрста .аб» *).

Здѣсь несомнѣнно указывается на *старый* сборникъ полицкихъ законовъ, существовавшій до 1400 г. и послужившій главнымъ основаніемъ новаго Статута.

Въ самомъ статутѣ находимъ указанія, по которымъ можно приблизительно опредѣлить исторію его образованія. Можно несомнѣнно полагать, что въ образованіи Полицкаго Статута было три главныхъ эпохи:

- а) Эпоха «старого» Статута, изданнаго до начала XV вѣка.
- б) Эпоха статута 1400 г.
- в) Эпоха статута 1485 г.

О третьей редакціи Статута прямо говоритъ 25 статья, встрѣчающаяся во всѣхъ спискахъ Статута:

«Лито господне. 1485г. (1585). 1. дань мисеца децембра. Ва име боже амень, овои Полица купно и договорно *учинише и узаконише штатутъ свои и законе свои*. наипри стриеѡи тврдеѡи законе и обычае, кое имаю у листих и записих од господе приде, а потврнене по садавему нашему присвитлому госпоцтву бнестанкому по привилежих».

*) Во имя Господа Бога, аминь. Статутъ Полицкій. Настоящій Статутъ яковъ со- ставленъ изъ старого, лѣта господня (отъ рожденія) Исуса Христова 1400.

Причиной, вызвавшей новую редакцію Полицкаго Статута, было, по всей вѣроятности, недавнее подчиненіе Полицы венеціанской господѣ (1483), когда понадобился пересмотръ старыхъ законовъ.

Позже упоминаются простыя переписки Статута, безъ систематической его разработки. Объ одной изъ такихъ переписокъ упоминается въ самомъ Статутѣ подъ 1665 г. (ст. 273):

«Ово нека се зна, како преписасмо ови поштовани статутъ изъ старога у оги вирю и право, *ни узмакнуе ни примакнуе* (ни убавивъ, ни прибавивъ), него да се боље разуми рвацки и латински, з договором сви поштовани властели и дидићи и са свим нуком».

Такія же переписки Статута предпринимались и позже. Известны, напр., списки конца XVIII столѣтія (1776 г. См. Данилова Књига зак. полѣс., въ Правд. 1851).

Статутъ не переставалъ развиваться до позднѣйшаго времени. Въ Полицѣ, Дубровникѣ и другихъ общинахъ, жившихъ по своимъ уставамъ, изстари было въ обычаѣ вносить въ нихъ новыя законы, не только при общей разработкѣ уставовъ, но и въ слѣдъ за изданіемъ каждаго закона въ отдѣльности. Такимъ образомъ, еще въ XV вѣкѣ — главную эпоху кодификаціи полицкаго законодательства, Статутъ часто дополняли вновь выходившими законами, не приступая къ общей его разработкѣ. Напр., законъ 1476 г. «од земаѣ у залогу» записанъ въ Статутѣ, при самомъ своемъ изданіи: «Будући Полица скупна примише и узаконише у свои статутъ записаше овако и по ови путь»... (71); точно также вѣчевой листъ 1482 г. «оппия полицка допустише и потврдише и рекоше овои *зависати у статутъ*» (195). Большинство новыхъ законовъ помѣщено въ спискахъ позднѣйшаго происхожденія. Законы вносились въ Статутъ ради практическихъ цѣлей, по времени ихъ изданія или безъ хронологическаго порядка, какъ приходилось. Таковы напр., законы 1566, 1603, 1605, 1623 и другихъ годовъ.

Въ настоящее время известны шесть списковъ Полицкаго Статута. Изъ нихъ 4 списка открыты Кукулевичемъ, одинъ принадлежитъ Каррарѣ, другой Стежичу. Они составлены на старомъ хорватскомъ языкѣ; доселѣ не отыскано латинскихъ списковъ, официально изданныхъ въ 1665 г. вѣсть съ хорватскими и жившихъ одинаковое съ послѣдними дѣйствіе на практикѣ. Одни изъ списковъ принадлежатъ краткой редакціи, другіе — пространной. Краткіе списки содержатъ 86 капитуловъ или главъ, подраздѣленныхъ на 244 статьи; въ пространныхъ спискахъ кромѣ того, помѣщено еще 27 новыхъ капитуловъ.

Отрывокъ Статута первоначально обнародованъ былъ Кукулевичемъ, въ его *Jzvjestje o putovanju kroz Dalmaziju и Napulji i Rim (u Zagrebu. 1857)*. Въ полномъ составѣ Статутъ помѣщенъ въ Архивѣ южнославянскій исторіи за 1859 годъ (Архив. V. 241—318), по краткому списку (первому Кукулевича), съ прибавленіемъ новыхъ главъ и вариантовъ по спискамъ пространнымъ. Къ сожалѣнію, издателя Полицкаго Статута не обратили вниманія на то, что, при изученіи памятниковъ, важно и необходимо непосредственное знакомство, не только съ

ихъ содержаніемъ, но и съ формою и порядкомъ изложенія входящихъ въ нихъ постановленій. Памятники, издававшіеся въ теченіи продолжительнаго времени (наша Правда и Полицкій Статутъ развивались въ теченіе столѣтій), такъ сказать въ вѣсколько пріемовъ, подвергавшіеся разновременнымъ переработкамъ, съ измѣненіями и дополненіями въ ихъ составѣ, требуютъ самаго тщательнаго изданія, если не по вѣсмъ, то по крайней мѣрѣ по главнѣйшимъ, типическимъ, спискамъ, въ которыхъ по преимуществу сохранилась та фizioномія памятниковъ, тотъ вѣншній ихъ составъ и распределеіе отдѣльныхъ законоположеній, какія представляли памятники въ каждую эпоху ихъ образованія. Этнмъ путемъ только и возможно ближайшее знакомство съ исторіей отдѣльныхъ памятниковъ и цѣлой системы законодательства данной эпохи. Издатели Полицкаго Статута обратили мало вниманія на подобныя требованія: помѣстивъ пространнй Статутъ въ различныхъ мѣстахъ своего изданія, переиѣшавъ статьи различныхъ (и, можетъ, разновременныхъ) списковъ, они лишили изслѣдователей почти всякой возможности ближе познакомиться съ Статутомъ въ позднѣйшемъ его видѣ. Въ прибавленіяхъ собраны статьи различныхъ списковъ и помѣщены въ такомъ видѣ и порядкѣ, что часто трудно опредѣлить, какая изъ нихъ принадлежитъ тому или другому списку. Между тѣмъ, многочисленныя варианты почти при каждой статьѣ и чуть ли не строки ясно говорятъ, что если не всѣ списки, то по крайней мѣрѣ главнѣйшіе, рѣзко различаются между собой; каждый имѣетъ свою особую фizioномію, различный составъ и распределеіе статей; есть особенности и многіе отѣнки въ самомъ смыслѣ и содержаніи отдѣльныхъ законоположеній.

Пользуясь Полицкимъ Статутомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ Архивѣ, трудно рѣшить, какія его части принадлежатъ той или иной эпохѣ его образованія. Судя по датамъ, встрѣчающимся въ спискахъ краткихъ и пространнхъ, можно думать, что краткій Статутъ древнѣе пространнаго. Въ спискахъ краткихъ встрѣчаемъ даты, по большей части принадлежащія промежутку времени между второй и третьей редакціей Статута, что даетъ поводъ относить краткіе списки къ XV вѣку: они явились, можетъ быть, при второй, или, что еще вѣроятнѣе, при третьей редакціи Статута, Новѣйшіе законы (XVI — XVIII вѣковъ) помѣщены, большею частію, въ спискахъ пространнхъ, въ которыхъ статутъ получилъ полное свое образованіе. Списки такіе мы относимъ къ послѣдующему времени. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ спискамъ, составленнымъ въ 1665 году оффициальнымъ путемъ по «рватски и лагнски».

Есть основаніе полагать, что первыя 24 статьи Статута, до закона о составленіи и утвержденіи новаго Статута въ 1485 г., принадлежатъ древнѣйшей, можетъ быть первоначальной его редакціи, до начала XV вѣка. Эти статьи стоятъ особнякомъ отъ послѣдующихъ; между ними замѣтна большая связь и послѣдовательность; основа ихъ — по большей части старыя обычаи и законы. Въ послѣдующихъ статьяхъ Статута можно, напротивъ, видѣть переработанный Статутъ позднѣйшихъ редакцій.

Первоначальныя статьи Статута, вообще говоря, во многомъ сходны съ древнѣйшей Русской Правдой, къ которой изслѣдователи относятъ первыя 17 статей краткой Правды. Въ обоихъ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, объ уголовномъ

правъ и процессъ; и тамъ и здѣсь, послѣдующія части памятниковъ служатъ дѣйствительнѣйшимъ развитіемъ первоначальныхъ статей уставовъ. Какъ въ Русской Правдѣ (краткой) вторая половина начинается статьей: «Правда оуставлена» и пр., такъ и въ Полицкомъ Статутѣ, 25-я статья, съ которой, какъ мы думаемъ, начинается переработанный Статутъ, трактуетъ о составленіи новаго Статута и объ общемъ утвержденіи законовъ и обычаевъ Полицкой общины. Быть можетъ и первоначальныя статьи потерпѣли значительныя измѣненія во время послѣдующихъ редакцій Статута; но, по всему видно, основа первоначальныхъ его статей древнѣе остальныхъ частей памятника.

Полицкій Статутъ состоитъ изъ 113 капитуловъ, подраздѣленныхъ на 282 статьи. Капитулы имѣютъ заглавія: «законъ први од княза, законъ од парне, капитулъ од башинь» и пр. Заглавія, впрочемъ, не всегда соотвѣтствуютъ содержанію статей. Напр. пятая глава титулуется — о робствѣ, а между тѣмъ въ ней находимъ постановленія о судѣ властелей и о позвѣ; точно также VII законъ о зарвѣ содержитъ статью о робствѣ. При всемъ томъ, Статутъ отличается гораздо бѣльшей выработанностью юридическихъ понятій, сравнительно съ Русской Правдой, Винодольскими законами и пр. Въ Статутѣ только изрѣдка встрѣчаемъ темныя мѣста, едва доступныя для пониманія, какими наполнены послѣдніе памятники. Въ немъ нерѣдко попадаются казуистическія статьи, въ видѣ простой выписки изъ судебныхъ и вѣчевыхъ дѣлъ, часто даже съ обозначеніемъ фактическихъ обстоятельствъ. Но на ряду съ статьями казуистическими, усиливаются статьи съ общиннымъ характеромъ, напр. XXVIII законъ — «ча е стабуло али гибуѣе», CXII законъ о родительской власти и пр.

Всѣ законоположенія Статута могутъ быть, по своему содержанію, раздѣлены на двѣ неравныя группы. Первая 168 статей (до LVI главы о невирствѣ) группируются между собой довольно правильно; остальные статьи имѣютъ самое разнообразное содержаніе. Въ составѣ Полицкаго Статута можно различать слѣдующія группы статей:

a) *Основные законы*, ст. 1 — 3: о выборѣ и доходахъ князя, общиннаго пристава и судей.

b) *Законы о процессѣ и судьяхъ*, ст. 4 — 16.

c) *Уголовные законы*, ст. 17 — 24: о робствѣ, убійствѣ и личныхъ обидахъ.

Эти три группы, какъ мы догадываемся, составляли Статутъ древнѣйшей редакціи. Послѣ закона 1485 г. о новомъ Статутѣ, слѣдуютъ другія группы статей:

a) *Законы церковные*, ст. 26 — 28: о церковныхъ имуществвахъ, отлученіи отъ церкви и пр.

b) *О племенщинахъ*, ст. 29 — 32.

c) *Уголовные законы*, ст. 33 — 70: о свадѣ, боѣ, ранахъ, убійствѣ и т. д.

d) *Гражданскіе законы*, ст. 71 — 120: о правахъ на вещи, о наследствѣ и обязательствахъ.

е) *Процессъ*, ст. 121 — 168.

ф) Остальные статьи (169 — 282) содержат смѣшанныя постановленія по гражданскому, уголовному праву и пр.

Содержаніе Полицкаго Статута мы рассмотримъ въ слѣдующихъ четырехъ отдѣлахъ: о государственномъ устройствѣ, о гражданскомъ, уголовномъ правѣ и процесѣ. Замѣтимъ при этомъ, что Статутъ, подобно нашей Правдѣ, развивался въ теченіи продолжительнаго времени, измѣнялся въ своемъ составѣ посредствомъ общей переработки старыхъ законовъ и одновременнаго внесенія въ него новыхъ законовъ, — словомъ, содержаніе Статута не всегда было одинаково. Начавшись съ немногихъ постановленій по суду и уголовному праву, Статутъ съ теченіемъ времени развилъ цѣлую систему законодательства, обнимающаго право государственное, гражданское, уголовное и пр. Правильнѣе всего было бы излагать содержаніе Статута исторически, по главнѣйшимъ эпохамъ его образованія. Къ сожалѣнію, доступный доселѣ матеріалъ не даетъ къ тому никакихъ прочныхъ средствъ. Статутъ древнѣйшій не дошелъ до насъ; списки же позднѣйшаго Статута (XV—XVIII вѣковъ) заключаютъ весьма немногія даты при отдѣльныхъ статьяхъ. Большинство статей изложено безъ малѣйшихъ указаній на время ихъ происхожденія. Изложеніе наше, такимъ образомъ, должно было по необходимости ограничиться лишь общимъ обзоромъ содержанія Статута по указаннымъ выше отдѣламъ.

1. *Государственное устройство Полици.* Прежде всего замѣтимъ, что Полицкій Статутъ составляетъ превосходный источникъ для изученія внутренняго быта славянской *волости* (жупы), удержавшей почти первобытныя формы общинной жизни старыхъ Славянъ. Въ этомъ нужно видѣть капитальное различіе Статута отъ другихъ славянскихъ памятниковъ.

Русская Правда или Душановъ Законникъ воспроизводятъ бытъ нѣсколькихъ большихъ союзовъ — земель, княжествъ, съ болѣе или менѣе общимъ политическимъ единствомъ частей, — мелкіе союзы, волости и жупы, стоятъ здѣсь на далекомъ планѣ. Въ Винодольскихъ Законахъ изслѣдователь изучаетъ бытъ «княжества» — союза нѣсколькихъ градовъ или обкинъ, старыхъ жупъ, играющихъ уже болѣе видную роль въ жизни цѣлаго княжества. Городовые Статуты далматскаго Приморья воспроизводятъ жизнь городской общины, возникшей изъ старой жупы или (какъ напр. въ Дубровникѣ) сдѣлавшейся «господою» цѣлаго союза жупъ. Вездѣ мы всурѣчасмъ уже до значительной степени развитыя и сложныя формы быта, часто съ значительными задатками широкой государственной жизни: старая волостная жизнь, когда-то господствовавшая у всѣхъ Славянъ, въ исчисленныхъ уставахъ стоитъ далеко не на первомъ планѣ.

Не таковъ характеръ Полицкаго Статута. Союзъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, или просто союзъ одной жупы, безъ всякаго намека на «грады» и городскую жизнь, — союзъ, удерживавшій полную самостоятельность, при самомъ слабомъ и отдаленномъ подчиненіи «иной господѣ», — устройство такого союза, отношенія его къ своимъ членамъ и т. д. — главные предметы, исчерпывающіе все содержаніе Полицкаго Статута. Его по всей справедливости можно назвать *сельско-общиннымъ уставомъ*. Въ немъ все возводится прежде всего къ жупѣ, общинѣ,

селу; онъ не знаетъ иныхъ интересовъ, помимо интересовъ своей жупы съ отдельными общинами. Полица изстарѣ чуждалась городовъ и городской жизни: Полицкій Статутъ положительно запрещаетъ учрежденіе «градовъ», видитъ въ нихъ «новщину, ча би проти олѣини» (гл. XXXVII).

Полицкій Статутъ, такимъ образомъ, рѣшительно опровергаетъ положеніе Гильфердинга, Ирѣчка и другихъ историковъ, которые утверждаютъ, что у старыхъ Славянъ каждая жупа, волость, непременно имѣла городъ, какъ *conditio sine qua non* своего существованія, — что жупа и градъ всегда соединялись неразрывными узами: не было града, не было и жупы (Гильферд. *Исторія Балт. Слав.* 126, 156. Ирѣчка *Slav. Pr.* II. 172, 177). Жупа полицкая (а такихъ жупъ въ старину могло быть не мало у Славянъ, въ особенности южныхъ) прожила безъ града цѣлые десятилетия вѣковъ, не только не видѣла надобности въ городахъ, но даже положительно отвергала городской бытъ, какъ форму жизни, не сродную съ изстародавней обычной жизнью своей «олѣины».

Явленіе такое нельзя объяснять неразвитостью и грубостью поличанъ, будто бы рѣшительно неспособныхъ къ болѣе широкимъ формамъ общежитія. Уже въ XIV, а тѣмъ болѣе въ XV и слѣдующихъ вѣкахъ, Полица стояла на довольно высокой ступени развитія, обладала правильнымъ и, по тому времени, значительно развитымъ и установившимся строемъ гражданственности. Это, какъ нельзя лучше, доказываетъ самъ Полицкій Статутъ — уставъ, который едва ли могъ явиться у дикаго народа, — созданіе котораго сдѣлало бы честь какому угодно народу. Вспомнимъ, что Статутъ, по распоряженію самаго вѣча, переведенъ былъ на латинскій языкъ, языкъ современнаго цивилизованнаго міра, — очевидно, ради практическихъ цѣлей: въ судебной и административной практикѣ латинскіе списки Статула несомнѣнно имѣли такое же дѣйствіе, какъ и списки хорватскіе.

Главную причину отсутствія въ Полицѣ городовъ нужно искать прежде всего въ мѣстныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, при которыхъ постоянно жила полицкая община. «Грады» у старыхъ Славянъ имѣли значеніе огороженныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, служившихъ убѣжищемъ для волостныхъ жителей на случай внѣшнихъ нападеній; грады были также мѣстомъ народныхъ сходокъ, для суда, торгова и пр. Грады были существенной необходимостью въ равнинныхъ, открытыхъ жупахъ, доступныхъ для внѣшнихъ нападеній: общины горныя, закрытыя, съ крѣпкими природными границами, мало нуждались въ искусственныхъ мѣрахъ для защиты и обороны союза. Такія общины не заводили у себя градовъ, жили по исконному обычаю предковъ, для которыхъ, вмѣсто градовъ, служили лѣса, горы и другія удобныя убѣжища отъ непріятелей. Въ такомъ именно положеніи постоянно находилась Полица. Защищенная своими горами, она не нуждалась въ городахъ, оставалась при однихъ селахъ и сельскомъ бытѣ. Въ то время, какъ въ общинахъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ и другихъ съ теченіемъ времени возникали изъ старыхъ градовъ часто обширные промышленные и административные центры и городская жизнь и промыслы входили въ привычку населенія, у южныхъ Славянъ многія общины и племена, жившія при условіяхъ, не вызывавшихъ необходимости въ городской жизни, продолжали по прежнему жить сельскими общинами, чуждаясь

городской жизни других народов. Такой характер издревле имѣла и доселѣ имѣетъ Полица. Историческая ея жизнь представляетъ послѣдовательное и правильное развитіе сельско-общиннаго быта, которымъ жили когда-то всѣ Славяне, — явленіе, которое, какъ нельзя больше, отразилось въ общемъ направленіи и характерѣ полицкаго законодательства. Статутъ Полицкій имѣлъ своей задачей — развитіе нормы общежитія, примѣнявныя къ быту сельскихъ общинъ. Положивъ въ свою основу древнеславянскіе обычаи, Статутъ, въ своихъ титулахъ и законахъ, объявляя всѣ проявленія сельскаго быта, мало или вовсе не касаясь отношеній, не вытекавшихъ изъ условій сельской жизни.

Полица носитъ въ Статутѣ названіе *жупы, опшны, опшны жупской, опшны полицкой, полицань*; иногда весь союзъ называется *опшина жупа полицка*. Съ XVII вѣка встрѣчаемъ, на ряду съ жупой, также названіе *провинціи* (273, 276 — 278).

Жупа полицкая представляла союзъ меньшихъ территоріальныхъ общинъ — *катуней* и *сель*. Въ составъ союза входило 12 катуней (См. напр. 250, 251). Въ законѣ 1662 г. они перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: Довни Доц (Довне. Дочане, теперешній Доный Долаць), Горѣни Доц (катунъ горѣни, теперешній Горный Долаць), Костаѣни (катунъ костански), Звечаѣн, Чичла, Гата, Дуброва, Ситное, Сриѣнни (катунъ сринаски), Дуѣ (катунъ дуѣски), Ђесенице (катунъ ѳесенички) и Пострана (Подстрана). Нѣкоторые изъ катуней имѣютъ нѣсколько сель, въ значеніи главной общины и ея приселковъ. Катунъ гатскій состоялъ изъ сель — Гата и Накѣлице, катунъ лучскій — изъ Дуѣ и Труше, катунъ горный — изъ Горнаго Доца, Тринбушанъ, Сриѣанъ и Путишчанъ, катунъ костанскій — изъ Костаѣвъ и Смоленъ (267). Въ другихъ мѣстахъ Статута, кромѣ того, упоминаются слѣдующія села: Враци, Мачинъ, Доне Поле, Застинъ, Гаѣине, Граць, Козѣакъ, Чажинъ Доць (71, 91, 175 и пр.).

Въ Полицѣ, по преимуществу горной странѣ, населеніе издавна привыкло жить разбросанно, небольшими селами, носившими часто одно имя и составлявшими одну общину — большое село, катунъ. Здѣсь не могли развитыя сплоченныя поселенія равнинныхъ и открытыхъ мѣстностей. Децентрализованныя общины, катуня, извѣстны были въ старое время и другимъ южнымъ славянамъ, напр. сербамъ времени Душана (См. Законникъ, по изданію Миклошича, 81, 124; также въ Гласникѣ XV, 288, 291 — 295, хрисовуль Душана Призренскому монастырю, въ которомъ катуня уравниваются съ селами). Они доселѣ удерживаются у Сербовъ. По словамъ Гильфердинга, деревень, въ русскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ горныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ сербскими народами; села состоятъ изъ 2 — 5 избъ. Иногда нѣсколько такихъ сель носятъ одно имя и составляютъ одну общину, имѣютъ одного «кнеза», старшину (Боснія, 90).

Катуня — общины съ исключительно земледѣльческимъ характеромъ. Отношенія поземельныя служатъ, по Статуту, главной матеріальной основой полицкой жупы. Почти пятая часть Статута наполнена постановленіями «од земаль, котаревъ, гаевъ и испашъ», о коловаяхъ (млинь), «звирьидъ и рыбьихъ» ловахъ, водахъ, путяхъ, межахъ и т. д. Хозяйственное устройство древней сельской общины

Славянь нигдѣ не изложено такъ обстоятельно, какъ въ Полицкомъ Статутѣ — этомъ сельско-хозяйственномъ уставѣ, тѣмъ болѣе драгоценномъ для насъ, что въ основѣ его лежатъ старыя обычаи, бывшіе когда-то общими для всѣхъ Славянь.

Села имѣтъ свои отдѣльныя земли пахатныя и лѣсныя, свои пастбища, ловы, коловаи и пр. «Котаре» селъ раздѣляются (оданове и одтесите) межами — «границами и меѣшами». Отдѣльное село живетъ на *опѣной, попоной* землѣ — общей собственности цѣлой общины, — въ безраздѣльномъ обладаніи селъ находится вся общинная земля. Допускаются по селамъ и передѣлы, *дилениа*, по жребіямъ (жрибове, дно, подворници), между членами общинъ — двониками, сусидами, главами. Тотъ же порядокъ принятъ по владѣнію гаями (лѣсами) и другими общими угодьями. Исключеніе составляли одни испашы (пастбища), оставшіяся всегда въ безраздѣльномъ обладаніи общинъ. — Общинность можетъ имѣтъ мѣсто, не только между членами одной общины, но и между «сумежными, сусидными» селами, въ особенности по обладанію лѣсами и пастбищами. Во всѣхъ такихъ отношеніяхъ Полицкій Статутъ устанавливаетъ подробныя правила хозяйственнаго устройства общинъ (Сюда относятся въ особенности статьи 95 — 120; ср. также 170 — 173, 187, 201 — 202, 204 — 207, 241 и т. д.).

Община слагается изъ *сусидь, двониковъ* или *лавъ*. Внутреннія связи между ними были самыя тѣсныя, основывались на началѣ круговой поруки, воплѣвъ развитой Статутомъ. Съ того времени, какъ отдѣльныя лица вступили въ союзъ двониковъ, цѣлая община и отдѣльныя ея члены несутъ повинность взаимной защиты и мести, вмѣстѣ съ отвѣтственностью за проступки каждаго изъ двониковъ. Обь обязанности общины защищать своихъ членовъ говорить, напр., 52-я статья: «ако ли би убио полицанинь изваньскога за кровь придну, за тои имаю *Полица стати*, ако ли би незаимито, тои е онога ствар, ки кровь учини» ¹⁾ (о мести и отвѣтственности общинъ за своихъ членовъ см. 47, 53, 57, 58, 65, 247, 256 и пр.).

Общины полицкія, подобно винодольскимъ, имѣютъ характеръ вполнѣ *автономическихъ* союзовъ. Въ главѣ общинъ стоятъ вѣча и выборные старшины — главные органы общиннаго самоуправления. Статутъ ясно говоритъ объ участіи общины въ дѣлахъ законодательныхъ (19 — 22, 25, 71 и пр.), административныхъ (напр. по 202 ст.: «и да ниткорь неима пута стисковати али га инамо одтиснути брезъ *допущениа опѣине* али суда» ²⁾), судебныхъ (напр. 143, 180, 248, 249, 256). Въ пользу общины идутъ всякія общественныя пени и конфискаціи; осудъ только изрѣдка дѣлятся пополамъ съ княземъ (2, 232). Нѣтъ ни одного случая, когда бы община заслонялась другимъ, не зависѣвшимъ отъ нея, общественнымъ дѣятелемъ.

Кромѣ общины территоріальной, Полицкому Статуту извѣстна также *вервь*

¹⁾ Если полицанинь убьетъ чужеземца (мстя) за прѣжнее убійство, то его (т. е. полицанина) должна защищать Полица; если же убійство совершено безъ прѣдыдущаго повода (не за прѣжнее убійство), то оно считается дѣломъ того, кто его учинилъ.

²⁾ Никто не долженъ уменьшать дорогъ или отводить ихъ въ другое мѣсто, безъ дозволенія общины или суда.

(вервь), *дружина верная*, подобная сербской *завругъ*, или *заедину*, имѣвшая значеніе семейной общины. Въ смыслѣ такой же верви, дружины, говорится о *племенн*, *куль*, *ближикахъ*, *братствъ*. Слагаясь изъ двониковъ и вервнхъ братьевъ, различавшихся отъ братьевъ «присныхъ и дальнихъ», вервь вообще организуется по типу общины территориальной, къ которой она относится, какъ часть къ цѣлому. Вервь живетъ на общей или вервной (вервитѣ) племенщиѣ, имѣющей для нее такое же значеніе, какъ попольная земля для общины территориальной. Племенщина вервная можетъ оставаться въ общемъ обладаніи союза, или вступать въ раздѣлъ по участкамъ (жрибенце, дио). Дружина вервная основывается, подобно территориальной общинѣ, на началѣ круговой поруки и равноправія членовъ, управляется господаремъ, съ правомъ собственнаго суда и расправы (о подробностяхъ см. мою статью о верви по Р. Правдѣ и Полиц. Стат.).

Въ составѣ полицкой жупы различаются два главные общественные разряда — *племенитые люди* и *редовники*, свободные простолюдины. Самый низшій классъ составляли *сужни* и *рабы*. Упоминаются также чужеземцы. Эти разряды носятъ общее названіе *врсте* (18, 19, 193).

а) *Племенитые люди* раздѣлялись на *властелей* (властелиновъ, властеличичей) и *дидичей*, иногда называвшихся *племенитыми властелями* и *племенитыми дидичами* (17, 250). Обоиъ классамъ принадлежало главное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Изъ нихъ избирались судьи и другія должностныя лица; вѣча и сборы, въ обыкновенныхъ случаяхъ, составлялись по преимуществу изъ властелей и дидичей. Они считались главнымъ землевладельческимъ классомъ, держали на своихъ земляхъ кметей (141). — Статутъ въ подробностяхъ не опредѣляетъ различія между обоими классами. Полицкіе властели и дидичи во многомъ напоминаютъ сербскихъ властелей большихъ и малыхъ (властеличиковъ). Замѣчательно, что дидичи могли составлять изъ себя особое вѣче, по дѣламъ, касавшимся спеціально дидичей. Въ 1670 г. созванъ былъ «зборъ дидичски», изъ главарей и дидичей, для разбирательства спора о «дидичствѣ» какого-то воеводы Стазича. Доказательствомъ дидичскаго состоянія его признано то обстоятельство, что изъ его «племени» издавна избирались судцы (275). — Слѣдуетъ наконецъ замѣтить, что племенитые люди, въ существѣ вещи, не многимъ отличались отъ другихъ свободныхъ классовъ (редовниковъ), пользовавшихся (хоть и въ меньшей степени) политическими правами и полной гражданской правоспособностью. Податныя льготы вездѣ становятся принадлежностью высшихъ классовъ, чуть только они начинаютъ пріобрѣтать привилегированное положеніе въ государствѣ, — между тѣмъ, полицкіе властели и дидичи никогда не пользовались исключеніемъ изъ числа податныхъ лицъ. Только занятіе болѣе важныхъ должностей соединено было съ податными льготами. Напр., воеводы и прокаратуры освобождались отъ податей, и то только отчасти: главнѣйшія дани — десетину, вражду, харачъ, они платили на общемъ основаніи (14).

б) *Редовники* (редовникъ) составляли отдѣльное «врсте», какъ объ этомъ говорится напр. въ 91 статьѣ: «тко би се годиръ нашао, али властелинъ, али дидиъ, али редовникъ, али ини кое хоъ *врсте* човикъ»... Они отличаются отъ властелей и дидичей, но и не обнимаютъ всѣхъ не — племичей; потому что есть еще

«ине врсте», стоящие ниже редовниковъ. — Другое указаніе на редовниковъ встрѣчаемъ въ законѣ 1670 г. о сборѣ поднимскомъ, на которомъ участвовали редовники (274). Люди зависимые никогда и нигдѣ не являлись на народныя сходки съ сколько нибудь дѣятельною ролью. Стало быть, въ редовникахъ, собиравшихся на поднимскіе сборы, нужно видѣть просто классъ свободныхъ людей, занимавшихъ средину между племицами и людьми зависимыми. — Въ нѣкоторыхъ южнославянскихъ памятникахъ дается редовникамъ другое значеніе. Въ вѣчевой грамотѣ Дубровника 1442 г. есть слѣдующее мѣсто: «кон буде уписано *прѣдъ редовници* рамьске вере или вере босанске» (Пуцича Спом. II. 105). Данячичъ называетъ ихъ *топачи* (Срб. рѣчн. III 47); но такое объясненіе не оправдывается другимъ памятникомъ того же времени, гдѣ редовниками названы свидѣтели, присутствовавшіе при составленіи акта, именно: *юсть* Раднягъ, митрополитъ Давидъ и *кнезь* Прибиславъ Вукотићъ (Пуцичъ. II. 126). Редовники грамоты 1442 г., присутствовавшіе при внесеніи въ вѣчныя книги листа босанскаго краля Твртка, имѣли значеніе свидѣтелей — «сведоковъ, ручниковъ, милостниковъ», иногда «ротниковъ», т. е. властелей, утверждавшихъ дѣйствительность грамоты своей присягой, ручательствомъ или простымъ присутствіемъ (см. напр. Обреновича Спом. 244, 249 и пр.).

Намъ кажется, что полицкихъ редовниковъ можно ставить въ параллель съ себрами Душанова Законника. Сербовъ обыкновенно противопоставляютъ властелямъ, какъ классъ непривилегированный, не пользовавшійся политическими правами (Крстича Разматрания, въ Гласн. VI. 122 — 123). Мы имѣемъ основаніе думать, что объясненіе такое не точно опредѣляетъ дѣйствительное положеніе себровъ въ ряду другихъ общественныхъ разрядовъ. «Сборы себровъ» отмѣняются только Законникомъ; значитъ, до него всѣ себры пользовались общими политическими правами. Политическія права, хоть и ограниченныя, признавались за горожанами и во время Законника (*Ibid.*, 126 — 127), а горожане относились къ себрамъ. Себровъ нельзя, стало быть, противопоставлять властелямъ: этимъ еще мы не даемъ точнаго опредѣленія юридическаго характера себровъ. Есть другое, какъ намъ кажется, вполне вѣрное объясненіе значенія себровъ, сообщенное намъ профессоромъ В. И. Григоровичемъ. Въ числѣ старо-славянскихъ рукописей, ему принадлежитъ весьма интересная вещь — старосербская кормчая, чуть ли еще не временъ Законника. Въ этомъ памятникѣ, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «аще ли *свободни* соу, *себри* соуше», — мѣсто, не требующее никакихъ объясненій, ясно говорящее о сути института себровъ. Эти-то себры и полицкіе редовники во многомъ сходны между собой, какъ классъ *свободныхъ простолюдиновъ*, занимавшихъ средину между властелями и людьми зависимыми.

Къ редовникамъ въ указанномъ смыслѣ относились въ особенности кмети и въ частности селяне, наемники, торговцы и пр.

Кмети (кметићи, кметовићи) означаютъ вообще свободныхъ крестьянъ, жителей сель, «селянъ», — разрядъ, подходившій нѣсколько подъ понятіе обшнскихъ людей винодольскаго устава. Они пользуются общей гражданской правоспособностью, могутъ владѣть собственнымъ имуществомъ, вступать въ договоры и пр. (17, 18, 143). Кмети, на равнѣ съ племицами, пользуются общими юридическими гарантіями. Въ Статутѣ мы нашли нѣкоторыя различія между обоими классами только касательно

личныхъ обидъ: за обиду, нанесенную кметемъ племичу, платится «душло», а за обиду господина, на землѣ котораго сидитъ кметь, грозитъ послѣднему урѣзаніе языка или «искупъ» — платежъ денежный, равный осуди за убійство (68).

По занятіямъ кмети раздѣлялись въ особенности на «селань, трговац и наѣмниковъ».

Кмети могли жить на своихъ земляхъ или на земляхъ племичей. Селяне, занимавшіеся обработкой чужой земли, называются въ Полицкомъ Статутѣ *юстоцки подложники*, кмети, люди (109, 141, 151, 237 — 238). Имъ предоставляется полное право выхода, безъ ограниченія опредѣленными сроками. Отъ подложника только требовалось, чтобъ онъ не уходилъ воровскимъ образомъ, но «затворивши у двору своему и у кући все ча нма иманья, или живине, или ннога блага гибуѣга, или иѣоще ако би башине, ку би под ним стекао, тере нма призвати свога юстодъра, тер му рећи: господине, то е све боже и твое, волянъ си ча оставити, волянъ неостави. и тоту такои учинивши, ако бы му ча узео, волянъ би или све или ники дно; пу ли му онди ослободи, юр му посли ние волянъ господарь оноган вазимати, ча годи му е едночь ослободно» ¹⁾ (189; ср. 190 — 191). Пока кметь «подложан» господарю, до тѣхъ поръ онъ подчиняется его суду и расправѣ; жаловаться на несправедливый судъ господина дозволяется кметю только въ такомъ случаѣ, когда господинъ не «дастъ правды» или кметь перейдетъ отъ него въ другое мѣсто. Въ обонхъ случаяхъ кметь пользуется общими правами судебной защиты (16, 237, 238).

Торювцы (трговац) упоминаются въ Полицкомъ Статутѣ только мимоходомъ (259). Они не составляли отдѣльнаго разряда, который можно было бы уравнивать съ «гражданами» Законника Душана. Полицкій Статутъ разумѣетъ подъ торговцами тѣхъ же селянъ, «ки се наѣе (находятся, живутъ) у ком селу», которые между прочимъ занимались и торговымъ промысломъ.

Наймичи (наѣмники) — кмети, служившіе по найму (наѣму), для дворовыхъ и иныхъ работъ. Наемъ назначался на годъ и на большіе сроки. Наймичъ получалъ условленную плату (ципу). Старые законы не дозволяли наймичу оставлять хозяина, безъ причины, до истеченія срока найма, — иначе наймичъ не могъ требовать уплаты цѣны; точно также господарь, выгнавшій наймича до срока, долженъ былъ вполне съ нимъ разсчитаться. Статутомъ принятъ «милостивни законъ»: дозволено уходить и до срока, при чемъ цѣна должна уплачиваться по расчету времени службы. Наймичъ долженъ уходить отъ своего хозяина, «липо поклонивъ се» и получивъ отъ господаря «прощенье» (168, 193, 194).

Отдѣльный отъ кметей классъ составляли *влази* (влашци). Они принадлежали

¹⁾ Затворивши въ своемъ дворѣ и домѣ все, что имѣеть нвъ (хозяйскаго) имуществва, или скота, или другаго имуществва движимаго, или даже наследственнаго имуществва, бывшаго въ его пользованіи, (кметь) долженъ призвать своего хозяина и такъ ему сказать: господинъ, все вто — Боже и твое, можешъ что либо оставитъ себѣ, можешъ и не оставитъ. Послѣ этого (хозяинъ) можетъ взять все (имущество), или какую либо часть; если же онъ оставитъ его (за кметемъ), то послѣ не можеть отобрать у него ничего, что первоначально было ему подарено.

къ сельскимъ жителямъ (17) и пользовались личной свободой. Статутъ положительно запрещаетъ «држати влаха у Полицихъ ни на полицкомъ, одложе тко га море држати на свомъ и о свомъ, одложе добре воле, на чемъ би стали» (20). Мы объясняемъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что никто не можетъ держать влаха на общинныхъ земляхъ (на полицкомъ), — ихъ допускается селить только на частныхъ земляхъ, и то по доброй волѣ, на чемъ уговорятся. Влахи издавна встрѣчаются у всѣхъ южныхъ Славянъ и уравниваются съ *арбанасами* (албанцами), *париками* и другими «*тоуюземлянами*», пришлыми людьми, жившими между Славянами въ числѣ поселенъ (Miklos Mon. 60, 208, 353. Пуцичъ II. 159). Въ латинскихъ источникахъ влахи называются *vlashi vel villani* (Kukul Juga I. 126). По сербскимъ памятникамъ, влахомъ называется «*настоузь, настирь*, ки пасоу кобиле», переходившій съ своимъ «станомъ» съ одного мѣста на другое, — отсюда и названіе — *станицы, станянинъ* (встрѣчаются въ Законникѣ и другихъ памятникахъ), т. е. человекъ, ведшій жизнь кочевника (Пуцичъ I. 94. 149. Гласн. XV. 306. Miklos. 208, 434 и пр.). Въ Полицѣ влахи не причислялись къ настоящимъ членамъ общины, считались собственно «изванскими», людьми пришлыми, которыхъ можно было «држати», селить только на частныхъ земляхъ. Нигдѣ не говорится, чтобъ влахи, подобно кметямъ, участвовали на вѣчахъ или пользовались другими правами людей «обкинскихъ». Впрочемъ, какъ люди свободные, они не лишались общихъ гражданскихъ правъ, могли напр. владѣть своимъ «пманьемъ, добиткомъ» (Пол. Ст. 17. Ср. Пуцича Спом. I. 91).

с) Самый низшій классъ въ Полицѣ составляли такъ называемые сужанъ и робе, челядь.

Подъ именемъ *сужанъ* разумѣлись въ Полицѣ люди, состоявшіе «у сужавству» — временной личной зависимости, по долгамъ и преступленіямъ. Подобно закупамъ Русской Правды, они обязывались отслуживать свой долгъ или имущественный вредъ, нанесенный другому. По Статуту, полицане могутъ держать «своего брата» (поличанина) не въ «робствѣ», но только временной зависимости, до выслуги и отработки (трудъ, ризикъ, плаћа. 174, 198). Дѣтямъ дозволялось выкупать своихъ родителей изъ сужанства или отслуживать вмѣсто нихъ долгъ и пр. (281). Учрежденіе сужнихъ, бывшихъ «у сужавстви», извѣстно и другимъ южнымъ Славянамъ (Miklos. 170, 171, 369. Пуцичъ I. 46, 49, 76, 85, 96. Закон. Душ., по изд. Miklos. 98, 99).

Робе и *челядь* находились въ «робствѣ» — личной крѣпостной зависимости, сходной съ холопствомъ Русской Правды. Рабы (*servi, ancillae*) упоминаются въ самыхъ древнихъ хорватскихъ памятникахъ (Juga I. 3, 6, 19). «Робове, робье, робья откупована, плѣнная челядь», извѣстны также старымъ сербскимъ памятникамъ (Miklos. 47, 219, 529, 530. Пуцичъ I. 40, 173). Боснія въ старое время славилась людской, челядиной торговлей (Пуцичъ I. 31, 146). Есть даже жалованныя грамоты, дававшіяся кралями монастырямъ и частнымъ лицамъ на людей, бывшихъ въ частной зависимости, иногда цѣлыми сотнями домовъ и семействъ (напр. у Miklos. 481). Всѣ эти факты ясно говорятъ, что рабство составляло у большинства южныхъ Славянъ древнее учрежденіе, въ противность положенію Крстича, отвергающаго существованіе рабства въ старой Сербіи (въ Гласникѣ VI. 140 — 144).

У поличанъ морскіе разбои, которыми они славились въ старое время, не обходились безъ «робства», безъ взятія плѣнныхъ и обращенія ихъ въ рабы. Запрещеніе такого промысла принадлежитъ еще старымъ законамъ, угрожавшимъ за морскіе разбои строгими наказаніями (Пол. Ст. 17 — 18), — запрещеніе, имѣвшее силу и въ періодъ Статутовъ. Зависимость челяди и рабовъ возникаетъ, по Статуту, только изъ плѣна (воисци плинь). Въ старое время (стари е заковъ био) плѣнные принадлежали тому, кто ихъ взялъ; но дозволялось брать за нихъ выкупъ (приашину). Статутъ вовсе запретилъ обращать поличанъ въ рабовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ, чтобы «робе» могли отслуживаться за «трудъ или ризакъ», сравнивая такимъ образомъ челядь съ обыкновенными кабалными людьми. Что касается отношеній челяди къ своимъ господарямъ, то извѣстно только, что рабъ не могъ уходить отъ господара, имѣвшего право вездѣ его искать, и что, по старому обычаю, запрещалось «продавать и покупать челядь, како ѣе од старине обичаѣ» (17, 175, 197 — 199, 266).

d) Упомянуты наконецъ *чужеземцы* (ванко, извански). Въ отношеніи къ нимъ допускается мечь (право тирати) по уголовнымъ дѣламъ, въ особенности по убійству. Изванскіе не допускаются поротниками (очыстниками) въ дѣлахъ между поличанами. Видно впрочемъ, что изванскіе пользовались общими юридическими гарантіями; по крайней мѣрѣ, убійство изванскаго наказывалось общими пенями, развѣ оно будетъ учинено за «придану кровь», когда Полица должна была «стати», защищать своего поличанина (22, 52 — 54).

Таковъ составъ полицкой жупы. Катуня и вервныя дружины — основныя формы общественной жизни поличанъ. Въ теченіи долгихъ вѣковъ поличане сжились съ своей общиной, съ ея интересами и нуждами, мало знакомые съ другими, болѣе сложными интересами и формами общежитія. Простота и непосредственность отношеній замѣтна въ организаціи общественныхъ разрядовъ — племичей, кметей и пр. Ихъ нельзя называть сословіями въ теперешнемъ смыслѣ; это не болѣе, какъ фактическіе классы, безъ особенно рѣзкихъ различій между собой. Полицкихъ племянныхъ людей нельзя сравнивать съ шляхтой польской или чешской, возвысившейся до огромнаго привилегированнаго положенія въ государствѣ; нельзя сравнивать съ племячами далматскаго Приморья, пріобрѣтшими преобладающее положеніе въ своихъ общинахъ. Властелей полицкихъ скорѣе всего можно ставить въ параллель съ нашими древними боярами: оба класса занимали въ общинахъ служебное положеніе, играли почетную роль главныхъ силъ земства. Изъ властелей и бояръ избирались вожди и старшины общинъ; властели были главными народными судьями, вообще мало заключали въ своей средѣ аристократическихъ элементовъ, цѣлкомъ принадлежали къ своимъ общинамъ, какъ лучшія и наиболѣе дѣятельныя ихъ части. Съ такимъ характеромъ остаются полицкіе властели до позднѣйшаго времени. Полицкіе кмети, наймиты, сужни и челядь рѣшительно напоминаютъ древне-русскихъ смердовъ, наймитовъ, закупней и холоповъ. Разницу можно видѣть лишь въ томъ, что полное господство общины съ ея вывелирующими порядками не дозволило развиться въ Полицѣ холопству въ такой сильной степени, какъ это было у насъ уже въ эпоху Русской Правды: полицкая челядь не составляла наследственнаго состоянія, какимъ является наше холопство въ Правдѣ. Такъ на двухъ крайнихъ

точкахъ славянскаго міра долго развивались одни и тѣже соціальные порядки. Здѣсь не было заимствованій и подражаній: сходные порядки представляютъ только результатъ послѣдовательнаго развитія общихъ началъ славянскаго быта. Русское общество позже вступило на иной историческій путь; его бытъ быстро сталъ проникаться новыми началами, — эпоха Судебниковъ и Уложенія мало уже связуется съ эпохой Правды. Полиця надолго осталась вѣрной старымъ порядкамъ. Ея бытъ такъ сроднился съ этими порядками, такъ мало освѣжался сторонней прихью, что вѣкъ, слѣдовавшій за эпохой Статута, не представляютъ почти никакого движенія въ общественной жизни Полицы.

Полиця имѣла весьма простой и несложный механизмъ *государственную устроившаго*. Слова Прокопія о народоправствѣ древнихъ Славянъ (*et vero hi populi, Sclaveni inquam et Antae, non uni parent viro, sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt: ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent*) находятъ буквальное подтвержденіе въ данныхъ, сообщаемыхъ Полицкимъ Статутомъ о системѣ управления полицкой жупы. О полицанахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ можно съ полной справедливостью сказать, что они, какъ всѣ Славяне времени Прокопія, «не повинуются одному властителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи». Въ то время, какъ въ другихъ хорватскихъ и сербскихъ земляхъ рано появляется раздвоеніе въ администраціи, повторившееся и у другихъ Славянъ и окончившееся болѣе или мѣнѣе полнымъ торжествомъ князей, Полиця до позднѣйшаго времени управлялась по изстаринному порядку народоправства славянскихъ общинъ, безъ малѣйшихъ признаковъ раздвоенія между властью общины и князя. Община съ своей сходкой и старшинами (къ нимъ относился и великій князь) была въ Полицѣ главнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Къ Полицѣ можно въ полной мѣрѣ прихънить слова древняго сербскаго лѣтописца объ устройствѣ Котора (въ началѣ XII вѣка): онъ никому не повиновался, «но граждане въ немъ повелѣваху» (Гласн. V. 27). Общегражданства, стояща у лѣтописца рядомъ съ жупанствами хорватскими (ib. 23), означали свободныя общины, каковы Полиця, Дубровникъ, Которъ и др.

Господа и поглавица — общія названія учреждений и лицъ, завѣдывавшихъ въ Полицѣ общественными дѣлами. Во главѣ Полицы стоитъ народная сходка, отъ которой зависятъ главари — старшины полицкой жупы: великій князь, воевода и прокаратуры; позже является общинный канцляръ. Катунн имѣли свои сходки и своихъ старшинъ — катунарей, князей. Были особыя учрежденія по дѣламъ судебнымъ и исполнительнымъ. Между управленіемъ цѣлаго союза и отдѣльныхъ общинъ была самая тѣсная и неразрывная связь. Старшіе главари, завѣдывавшіе дѣлами всей Полицы, избирались болѣею частію изъ старшинъ отдѣльныхъ общинъ, — Полиця не знала рѣзкаго разграниченія между центральными и областными учреждениями. Всѣ главари и сходки дѣйствовали именемъ и въ интересъ общины.

1) *Народная сходка*, по Полицкому Статуту, носитъ различныя названія. *Зборъ, виће*, иногда просто *опћина* — самыя употребительныя названія сходокъ въ Полицѣ. Хорваты доселѣ называютъ свои сходки вѣчами: *odgovorno drzavno vjese, regimentsko vjese* и *okuzno vjese* — главныя учрежденія современныхъ Хорватовъ. *Зборъ* иногда называется въ Полицкомъ Статутѣ *купан* или *опћени*

зборъ. Сюда же относятся куп, станак, саям, садане, пук — различныя названія одного и того же учрежденія народной сходы.

Бупъ (вкуп, скуп, окуп) находимъ въ уставѣ винодольскомъ и въ нѣкоторыхъ грамотахъ сербскихъ и дубровницкихъ (Обренов. Спом. 120. Пуцича I. 79). Полицкій и винодольскій купъ вполне напоминаетъ литовскую купу (копу), имѣвшую значеніе народной сходы.

Станакъ означаетъ въ Полицкомъ Статутѣ тоже, что и зборъ, више (250). Въ значеніи же сходы станакъ извѣстенъ памятникамъ сербскимъ и дубровницкимъ. Дубровницкій *stanicim* имѣлъ значеніе судебной сходы и раздѣлялся на *stanicim parvum* (учиначье, схода третьей) et *sacramentum vel generale* (схода присяжныхъ).

Саям соответствуетъ чешскому *zjem'у*, польскому сейму или литовско-русскому съезу, сойму (отъ сонматься, сходиться).

Пук употребляется въ Статутѣ иногда въ значеніи части збора, именно народа, присутствовавшего на сборѣ; иногда и вся схода называется пукомъ (напр. 261, 274). Въ сказаніи Діоклейскаго Пресвитера (XII вѣка) народъ названъ пукомъ: «*da budu receni satnici s bani puka siditi*» (Arkiv.I. 20. О значеніи пука у Славянъ см. Ирѣчка St. pr. I. 70).

Полицкое вѣче, по своему составу, раздѣлялось на большое и малое. Ихъ можно видѣть напр. въ зборѣ и саямѣ, составлявшихъ по нѣкоторымъ статьямъ два различныя учрежденія (154 — 156).

Вѣче большое, подъ названіемъ общиннаго збора, скупа или виша, составлялось изъ главарей «са свями Полици», съ «осталою опшиною», со всѣмъ «пукомъ», народомъ (13. 17, 19, 265, 273 и пр.). На такихъ сходкахъ участвовали: главари, т. е. великій князь, воевода, прокураторы, судьи и катунари, властели и дидичи, съ остальнымъ народомъ. Иногда просто говорится, что на сходкѣ были «сви полицане» (19 — 24). Законъ не всегда опредѣлялъ, кто именно долженъ былъ являться на общія сходы. По изстаринному обычаю, *вѣчникомъ* (вѣчникъ — членъ вѣча) могъ быть вообще свободный членъ общины, — правило, имѣвшее силу очень долго у всѣхъ южныхъ Славянъ. Положеніе Крстича о составѣ сербскаго собора по Душанову Законнику рѣшительно не вѣрно: Законникъ только отмѣнилъ «сербовы съборы», отдѣльные отъ общихъ, вѣсколько не устраняя себровъ отъ участія въ послѣднихъ. По Полицкому Статуту, исключаются изъ числа вѣчниковъ одни измѣнники (традитуры) и лица, лишенные за преступленіе права быть вѣчникомъ, не иначе однакожъ, какъ по приговору самаго вѣча (276 — 278). Обязанность являться всякій разъ на вѣче лежала на однихъ главарахъ, въ особенности на катунарахъ (270). Весь народъ рѣдко собирался на сходы, на которыя въ обыкновенныхъ случаяхъ сходился *ямци* и *одговорници* — выборные отъ катуней и сель. Такимъ образомъ, на зборъ 1662 г. явилось до 60 одговорниковъ, для принятія мѣръ «на злеѣ люде». Въ числѣ ихъ были всѣ полицкіе главари и по вѣсколькѣ «селянь» (отъ 3-хъ до 12-ти) изъ каждаго катуны (267).

Вѣче малое составлялось изъ однихъ главарей. Разъ только упоминаются

«капелани» (духовные), въ числѣ вѣчниковъ, на ряду съ главарями (91, 250, 252, 269, 282). Малое вѣче Полицы сходно съ старымъ великимъ вѣчемъ или позднѣйшимъ малымъ Дубровника. Въ маломъ вѣчѣ сосредоточивалось управление менѣе важными дѣлами, не требовавшими созыва общей сходки.

Въ Полицкомъ Статутѣ упоминается, кромѣ общаго сбора (большаго и малаго), еще два рода сходокъ: *збор дидиѣски* (дидиѣски), созданный изъ дидиѣч по одному частному случаю, именно для подтвержденія дидиѣчства какого-то воеводы Стазича (275), и *зборъ подимски* (подимни), созданный въ 1670 г. изъ главарей и редовниковъ, для принятія мѣръ противъ нарушителей земскаго мира (274). На такія же сходки намекаетъ Статутъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о *вѣче братинско* и *сиромашко*, какъ объ учрежденія, существовавшее отдѣльно и на ряду съ зборомъ: «и од ѣнегове куѣе да се нима никад примит у збор ни у ниѣдно вѣче братинско ни сиромашко» (282). Такія вѣча и сборы, очевидно, имѣютъ связь съ «станами», или отдѣльными сходками властелей, дидиѣч и кметей, которыя, по словамъ Энгеля, собирались въ Полицѣ до позднѣйшаго времени. Ежегодные сборы, учреждавшіеся въ особенности для выбора старшинъ, позже раздѣлялись на станы по каждому сословію отдѣльно (Engel Staatskunde и Gesch. von Daln. etc.).

Въ Статутѣ нѣтъ категорическихъ постановленій объ устройствѣ вѣчъ: встречаемъ только нѣсколько указаній на порядокъ сходокъ, время, мѣсто, предметы вѣдомства и пр.

Такимъ образомъ, находимъ указанія на то, что на вѣче собиралась *сама община*, безъ предварительной инициативы со стороны князя или другихъ главарей. «Овога истога годища *сташе се Полица*, племенити властели и племенити дидиѣи, на станку... нове садане, *ку жуна учини*» (250); или: «*скупивши се ми сви* полицани, — будући скупан збор *учинисмо сви*, — ово нека се зна, како се састаше сви поштовани властели» и пр. (265, 269, 275 и пр.). Впрочемъ, есть прямое указаніе, что, по старому закону, «кнез велики и воевода учинише збор» (274). Можно допускать, что по крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ случаяхъ право созывать зборъ могло принадлежать старшимъ главарямъ.

Законъ не опредѣлялъ также времени сходокъ. Все могло зависѣть отъ обстоятельствъ и потребностей минуты. Судя впрочемъ по тому, что въ Полицѣ существовали опредѣленные «оброки» — судебныя періодическія сессіи, и третьимъ оброкомъ считался зборъ, можно думать, что и вѣчевыя сходки учреждались періодически, въ разъ навсегда опредѣленное время. Кромѣ того, великіе князья и другіе главари избирались временно, при чемъ выборы всегда производились на сходкахъ, — обстоятельство, которое могло поддерживать періодическіе созывы вѣчъ. На частые соборы указываетъ законъ о переносѣ судебныхъ дѣлъ съ одного собора на другой, какъ и законъ объ «оповиди» отчуждаемой племенщины на трехъ зборахъ (78). Да и вообще мы знаемъ, что соборъ завѣдывалъ чуть ли не всѣми общими дѣлами Полицы, а при такомъ его значеніи, онъ необходимо долженъ былъ часто собираться. Въ Статутѣ находимъ нѣсколько датъ, которыя указываютъ на соборы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, иногда и недѣль (ср. 13, 25, 71, 72, 269, 272, 273).

Также не видно, чтобъ полиціа вѣча собирались въ разъ навсегда назначенныхъ мѣстахъ. По Статуту, вѣча собирались «на Врацкихъ, на Мачину, Донежъ Полу» и пр. (71, 95, 195, 265, 269, 274). Вѣча могли собираться на «путяхъ» князя, когда онъ ходилъ по Полицѣ «правде питаючи по законихъ полицкихъ»; напр., въ первый путь Папалача, собралась вся Полица для опредѣленія границъ (262). Вѣча нерѣдко собирались при храмахъ, какъ это было въ обычаѣ и въ старой Сербіи (Пол. Ст. 195, 250, 282. Ср. Крстича Разматрания, въ Гласн. IX. 70).

Полиціа вѣча собирались для различныхъ цѣлей. Къ главнымъ предметамъ ихъ вѣдомства относились: изданіе законовъ, судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, выборы въ общественныя должности и множество другихъ административныхъ дѣлъ.

Законодательная власть несомнѣнно принадлежала збору. Въ Статутѣ говорится почти въ каждой статьѣ: «приаше Полица, праше свои полицаве, будући заедно на окупу» и пр. На сходкахъ издавались отдѣльные законы и наредбы (распоряженія); самъ Статутъ былъ актомъ исключительной дѣятельности вѣча. Право изданія законовъ принадлежало общинѣ и «братинскимъ» вѣчамъ («наше се по статуту и по знаше закону свега збора дидинскога» — 274). Изъ Статута ясно видно, что составленіе законовъ на вѣчахъ, при участіи всего народа, было пзстариннымъ обычаемъ Полицы. Община считалась до позднѣйшаго времени главнымъ дѣвателемъ въ сферѣ законодательной; о законодательной власти князя, помимо общины, нѣтъ нигдѣ ни слова. Только въ немногихъ мѣстахъ говорится ясно объ участіи князя въ законодательствѣ вмѣстѣ съ народомъ (13, 195).

Выборы въ общественныя должности составляли другой важнѣйшій предметъ вѣчевыхъ сходокъ. Общинѣ предоставляется право «взимати» великаго князя, «станити» прокаратуровъ, судцевъ и другихъ главарей (1, 15, 19, 72, 234), — право, которымъ община могла пользоваться не иначе, какъ на сходкахъ — главныхъ органахъ общинной власти.

О судебной власти вѣча, какъ сейчасъ увидимъ, Статутъ говоритъ почти въ каждомъ законѣ, касающемся судоустройства и процесса.

Къ предметамъ вѣдомства вѣчевыхъ сходокъ относились наконецъ всѣ общія административныя дѣла, касавшіяся цѣлой Полицы. Важнѣйшія дѣла финансовыя, полицейскія и иныя рѣшались большимъ или малымъ вѣчемъ. Община, на своей сходкѣ, опредѣляетъ полиціа «меѣшани и границы», наблюдаетъ за ихъ сохраненіемъ и цѣлостью; безъ дозволенія вѣча (общины) запрещалось «стикивати путь опѣни велики крозь жупу»; община разрѣшаетъ учрежденіе новыхъ путей и заведеніе лѣсовъ, предпринимаетъ мѣры ради общаго благосостоянія в земскаго мира, напр. устанавливаетъ цѣны припасовъ, побуждаетъ жителей «поутити сву жупу на помоѣ на злеѣ люде» и пр. На сходкѣ принимается осудъ и другія пошлины и взысканія по суду и управленію. Сходка контролируетъ дѣйствія должностныхъ лицъ: Статутъ предписываетъ вести пристава «придѣ опѣнину», если онъ не исполняетъ своихъ обязанностей. При недѣятельности главарей, община вступаетъ на ихъ мѣсто, сама приводитъ въ исполненіе какую либо административную мѣру или судебный

приговоръ: «кога наѣ село или жупа, да га се одличе през милосрѣа и да га предаду господи; ако му шта господа (собственно главари, старшины) неучине, пушлѣмо опѣни, да нан руке ставе»¹⁾. (180, 202, 235, 252, 256, 262, 265 — 268).

Разнообразная дѣятельность народной сходы, имѣвшей огромное влияние на всѣ общественныя дѣла, должна была рано установить въ обычай постоянныя порядки вѣчевыхъ совѣщаній. Впрочемъ, Полицкій Статутъ мало касается этого вопроса, даетъ только не полныя указанія на отдѣльныя дѣйствія сходы.

Вѣчевыя совѣщанія называются *договоромъ*: «одлучише вирами и душами, з договоромъ и с волюом (волею) свега пука»; «договоривши се властели са сви пукомъ» (265, 274). Въ такомъ договорѣ участвуютъ всѣ вѣчники «заедно и скупно», не только главари и властели, но и весь народъ, присутствовавшій на сходкѣ. Нельзя точно опредѣлять, постановлялся ли вѣчевой приговоръ большинствомъ голосовъ, или всегда требовалось единогласіе. Принимая во вниманіе строго-демократическій характеръ всѣхъ учреждений полицкой жупы, слѣдуетъ полагать, что единогласіе скорѣе всего могло господствовать въ полицкихъ вѣчахъ. На обычай единогласныхъ рѣшеній указываетъ впрочемъ самъ Статутъ, говоря очень часто, что сборъ постановилъ свое рѣшеніе, свою наредбу и одлуку, «складно, еднѣбно, вирно, купно или опѣно» (20 — 22, 91, 247, 265 и пр.).

Рѣшенія (*одлука, законъ, наредба*) сбора утверждались «вирами и душами» вѣчниковъ. Обнародованіе (оповидъ) законовъ и вѣредбъ вѣчевыхъ дѣлалось на общемъ сборѣ и сходкахъ отдѣльныхъ общинъ. Новый законъ прочитывался всему «пуку», который его принималъ или отвергалъ. О законахъ, окончательно принятыхъ сходкой, Статутъ говоритъ: «своимъ би драго и угодно, и рекоше, да ѣе добро»; или: «и бише кунтенти о истоѣ наредби сви; сви га примише доброволно, и сви рекоше, да ѣе добро и право». Вѣчевой приговоръ излагался въ листъ — вѣчевой грамотѣ, подписывавшейся вѣчниками. Составленіе и храненіе такихъ листовъ, также внесеніе новыхъ законовъ въ Статутъ, лежало позже на обязанности общиннаго канциліра (91, 92, 188, 247, 261, 265, 267, 274).

Таково было устройство полицкой народной сходы. Сборъ составлялъ въ Полицѣ верховное учрежденіе, стоявшее во главѣ цѣлаго союза. «Невирикномъ и традитуромъ полицкимъ» считался тотъ, кто «проповѣдао виѣе полицко». Вѣчевое рѣшеніе имѣло для всякаго полицчанина силу обязательнаго закона. Кто противился вѣчевому приговору, тотъ строго наказывался; законъ, «ча зборъ одлучи», долженъ оставаться въ полной силѣ и дѣйствіи (93, 94). Полицкое вѣче напоминало не сеймы польскіе или чешскіе съ ихъ аристократическимъ устройствомъ, но демократическія сходы старыхъ Славянъ или позднѣйшія вѣча Новгорода и Пскова. Пукъ, народъ, община — главная сила, заправлявшая всѣми дѣйствіями вѣча новгородскаго и полицкаго.

¹⁾ Кого поймаеть на (преступленіи) село или жупа, того да осудить безъ милосердіа и да предасть (для наказанія) господъ; если господа ничего надъ нимъ не учинять, то доволяемъ общинѣ налагать на него руку.

Народоправство старыхъ общинъ нигдѣ не сохранилось въ такой свѣжести и цѣлости, какъ въ Полицѣ съ ея сборомъ и вѣчами — главными органами общинной власти. Ни у одного изъ южнославянскихъ народовъ сходка не пользовалась такими широкими правами, какими издавна обладало полицкое вѣче. Винодольскій купъ и вѣча, въ эпоху законовъ, во многомъ разнятся отъ полицкихъ вѣчъ: наряду съ купомъ, является въ Винодолѣ почти равносильная власть князя; уступая во многомъ общему купу Винодола, князь посылаетъ на вѣча отдѣльныхъ градовъ своихъ людей, безъ которыхъ не можетъ имѣть мѣста ни одна сходка, — явленіе, вовсе не извѣстное въ Полицѣ. — Еще болѣе пали народныя сходки въ городахъ далматскаго Приморья. Въ эпоху городовыхъ статутовъ XIII вѣка народъ окончательно перестаетъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. Сходки Сибеника, Травы, Задра и другихъ городовъ представляли аристократическія собранія племеней. Подобно польскимъ сеймамъ, они были недоступны для простонародья; городская аристократія ревниво устранила его отъ всякаго участія въ управленіи общинами (См. Рейца Полит. устройство и права прибрежныхъ далмат. острововъ и городовъ). Въ одномъ Дубровникѣ долго удерживалось демократическое устройство. Хотя вѣча (виѣна веде или велико, виѣе умолено или прегать и виѣе мало) устроились безъ народнаго участія; но тѣмъ не менѣе народъ сходился на «съборъ» (*generale consilium*), по вѣчевому колоколу, не только для выслушиванія, но и для «*laudatio*» статутовъ — основныхъ законовъ вѣчевой госпды. Только къ началу XVI вѣка падаютъ дубровницкіе сборы, уступивъ мѣсто аристократическимъ сходкамъ племеней (См. Пуцича Спом. Срб. II отд. прибавленіе — извлеченіе изъ дубровницкихъ Статутовъ). — Сербскіе соборы также рано начинаютъ ограничиваться въ своихъ правахъ. Крали и цари заслоняли собой народныя сходки. Соборы созывались только въ чрезвычайныхъ случаяхъ: царь съ своимъ дворомъ и «царевыми» властелями — главные дѣятели по всѣмъ общественнымъ дѣламъ старой Сербіи. О многихъ проявленіяхъ вѣчевой власти по Полицкому Статуту, напр. въ сферѣ суда и администраціи, вовсе не говорятъ сербскіе источники. Иногда, какъ напр. при Неманѣ I, соборы имѣли значеніе простыхъ семейныхъ совѣтовъ кралей (См. Крстича, въ Гласн. IX. 89). Замѣтимъ здѣсь, что Крстичъ дѣлаетъ отсюда произвольное заключеніе о полномъ преобладаніи власти уже первыхъ сербскихъ кралей, говоря напр., что «воля государя была общеобязательнымъ закономъ, — что «воля и желаніе властелей на столько имѣли значенія, на сколько согласовались съ желаніями государя». Изучая ближе источники, мы приходимъ къ противоположному выводу, что такого значенія никогда не имѣли ни старые сербскіе крали, ни самъ Душанъ Сильный: и при немъ, а тѣмъ болѣе до него, властели, сидѣвшіе по областямъ, пользовались чуть не суверенными правами, имѣли напримѣръ право войны, право вступать въ дипломатическія сношенія, держать свое войско, дворъ и т. д. Вообще говоря, Крстичъ черезчуръ идеализируетъ старую Сербію, называя ее государствомъ «совершенно устроеннымъ», чуть не конституціонной монархіей, и рѣшительно не обращая вниманія на тотъ фактъ, что въ Сербіи, какъ и у всѣхъ южныхъ Славянъ, областная жизнь рѣшительно господствовала надъ общей, государственной. Старая Сербія представляла государство, сплоченное изъ нѣсколькихъ почти самостоятельныхъ частей, имѣвшихъ между собой одни внѣшнія связи, безъ всякаго, сколько нибудь прочнаго, внутренняго единства. Въ Сербіи, какъ и вездѣ

въ старое время, все брело врознь; вездѣ и во всемъ видна разъединенность, рознь общинъ и областей. Старая Сербія — государство, какнхъ много являлось въ патриархальныя среднѣ вѣка, весьма смутно сознававшіе идею государства, не возвысившіеся до широкихъ политическихъ воззрѣній нашего времени.

Полицкій зборъ представляетъ народную сходку, собиравшуюся по временамъ, для обсуждения общинъ дѣлъ цѣлой Полицы. Управление текущими дѣлами было въ рукахъ *господы* въ собственномъ смыслѣ, слагавшейся изъ общинныхъ старшинъ, главарей. Статутъ разумѣетъ подъ господой, не только всю совокупность властей, т. е. вѣча и главарей, но и однихъ главарей, непосредственно «господствовавшихъ», управлявшихъ общинами (256, 266). Къ старшимъ главарямъ, завѣдывавшимъ дѣлами всей Полицы, относились: великій князь, воевода, прокаратуры, судцы и каччирирь; въ катуняхъ были отдѣльныя сходки и старшины — кнези или катуари. Въ вѣчевыхъ листахъ, помѣщенныхъ въ Статутѣ, старшіе главари обыкновенно перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ (очевидно по старшинству): великій князь, воевода, прокаратуры; послѣднее мѣсто занимаютъ катуари. Въ такомъ порядкѣ мы и рассмотримъ каждую должность въ отдѣльности.

1) *Великій князь* — первое должностное лицо полицкой жупы. Въ Статутѣ онъ называется «*велим* или *велики кнез полицки*», также «*кнез велики присвитли*», «*кнез велики поштовани*», иногда просто *кнез* или *господин*. Титуль великаго князя находимъ въ Статутѣ впервые подъ 1603 г.; первоначальныя статьи говорятъ просто о князѣ. Первое упоминаніе о полицкихъ князьяхъ принадлежитъ началу XII вѣка: *Pribislavus comes de genere Politchogum* упоминается въ числѣ хорватскихъ пословъ, отраженныхъ къ Коломану, для заключенія съ нимъ *pacta conventa* (Jura. I. 24). Какъ видно изъ старыхъ хорватскихъ грамотъ, названія *comes*, *juranus*, иногда и *banus*, употреблялись для обозначенія одной и той же должности (См. напр. *ibid.* 15). Въ такомъ смыслѣ и Райчъ объясняетъ значеніе жупановъ и *comes*: славянскій жупанъ, по его словамъ, соотвѣтствуетъ латинскому *comes*, великій жупанъ — *supremus comes* (Исторія. VII. 363). Самое названіе Полицы жупой показываетъ, что въ древнѣйшее время главный ея старшина носилъ названіе жупана, замѣнившееся позже титуломъ великаго князя. Въ старое время старшины жупъ у всѣхъ югозападныхъ Славянъ назывались жупанами. Жупаны были повсемѣстнымъ учрежденіемъ въ хорватахъ далматскихъ общинахъ, въ старой Сербіи и Босніи, также у Славянъ чешско-моравскихъ, силезскихъ, балтійскихъ и польскихъ (См. Мацѣйов. *Ramiet.* II. 148, 152, 153; *Hist.* IV. 106. Палацкаго Сравнен. Заков., гл. 2, Гильферд. Письма, I. 234 — 236, II. 130; исторія Балт. Слав. 155—159. Кавелина юрид. бытъ Силез. 20 — 21. Ичняскаго *Vyvin ceského právn.* 29. Ирѣчка. *Slov. pr.* I. 73. II. 181 — 183). Позже учрежденіе жупановъ подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Въ однихъ мѣстахъ они замѣнены другими учрежденіями, въ другихъ (какъ въ старой Босніи) получили значеніе самостоятельныхъ государей или удержались въ значеніи простыхъ сельскихъ старшинъ, какъ это было еще въ XV вѣкѣ въ Польшѣ (См. *Pismo zbiórowe Ohryzko*, 457). Въ Полицѣ удерживалось старое значеніе жупановъ (народныхъ старшинъ) до позднѣйшаго времени, — въ великомъ князѣ Полицы цѣлкомъ проглядываетъ типъ стараго славянскаго жупана.

Званіе великаго князя имѣло въ Полицѣ издавна характеръ выборной должности. «Први законъ полицки (говоритъ Полицкій Статутъ) есть *vazimati* княза господина, ки е *господину* *виранъ*, а *Полицем* *угоданъ*. а законъ га е *до* *юдища* *обирати*». Отъ князя требуются два главные условія: онъ долженъ быть вѣренъ Господу и угоденъ полицанамъ. Последнее условіе прямо указываетъ на выборъ князя всѣми полицанами, а не одними катунарями, какъ говоритъ Энгель (по Шафарыку, князь избирается общинами). Должность князя отправлялась каждымъ избраннымъ въ теченіи года. По истеченіи «кнежтва или кнежиѡа», избирался новый князь, но дозволялось «потврдити» стараго. Статутъ не указываетъ на сословія, изъ которыхъ можно было избирать князей. Въ 1662 г. назначенъ великимъ княземъ Юрій Синовчичъ — катунаръ Дубровы; въ званіи великаго князя, онъ не переставалъ числиться между катунарями. Въ другой разъ (1677 г.) избранъ княземъ такимъ же образомъ катунаръ Пáva Сучий (268, 282). Можетъ быть, въ Полицѣ вообще принято было за обычай избирать въ великіе князья кого либо изъ катунарей. Одно лицо могло быть княземъ нѣсколько разъ, какъ показываетъ примѣръ Юрія Синовчича, бывшаго княземъ въ 1662, 1665 и 1677 г. (268, 273, 274). Слѣдующій обычай, записанный Энгелемъ изъ позднѣйшей исторіи Полицы, показываетъ, что въ Полицѣ выборы князей зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ, нерѣдко отъ произвола партій и отдельныхъ лицъ. «Если во время выборовъ произойдетъ разногласіе и цѣль выборовъ не будетъ достигнута, то часто случается, что какой либо смѣльчакъ захватываетъ ковчегъ законовъ (гдѣ хранился Статутъ), вручавшійся обыкновенно великому князю, и съ этою драгоцѣнностью спѣшитъ въ домъ того лица, кого желаетъ избрать княземъ. Каждый могъ бросаться за нимъ въ погоню съ мечемъ или инымъ оружіемъ, — какимъ правомъ многіе и пользуются. Если смѣльчаку удастся передать ковчегъ избранному имъ лицу, то оно считается съ этихъ поръ законнымъ княземъ Полицы».

Права и обязанности князя не опредѣлены точно и подробно въ Статутѣ. Князь участвовалъ въ законодательной власти, только какъ составная часть сбора; ни откуда не видно, чтобы князь могъ, помимо вѣча, издавать законы собственной властью. Княжеская власть больше всего проявлялась въ сферѣ суда и администраціи. Статутъ вмѣняетъ князю въ обязанность — «походити три кратъ по Полици правде питаюѣи (чинеѣи) по законихъ полицкихъ». (1, 195, 262). Каждый вновь избранный князь ходилъ въ *путъ* съ своими судьями и дворомъ, главнымъ образомъ для производства суда на мѣстѣ, въ общинахъ. Пути такія должны совершаться три раза въ годъ. При всякомъ прибытіи (пришасте) князя, общины, по Статуту, даютъ ему продовольствіе (30 овецъ, въ теченіи года — 90). На путяхъ князь давалъ людямъ *правду* — судъ и расправу, постановлялъ одлуки (судебные приговоры), вмѣстѣ съ административными распоряженіями по менѣе важнымъ дѣламъ. Предъ княземъ дозволялось дѣлать объявленія о продажѣ племенщинъ и пр. Дѣла, касавшіяся ближайшихъ интересовъ общинъ, напр. заведеніе новыхъ лѣсовъ или учрежденіе дорогъ, разсматривались княземъ не иначе, какъ «зборомъ», на народной сходкѣ (напр. 235). Замѣтимъ наконецъ, что, при выборѣ князя изъ катунарей, онъ не переставалъ нести старую должность и слѣдовательно отправлялъ соединенныя съ ней обязанности, являлся непосредственнымъ старшиной своей общины и старшимъ главаремъ цѣлой Полицы.

При князѣ состоятъ *дворы* (98, 195, 262). Шафарикъ относитъ къ нему, не только судцевъ, избравшихся въ «полагъ» (помощь) князю, но и прокаратуровъ и канчилира. Есть основаніе считать положеніе Шафарика невѣрнымъ. Судцы представляются въ Статутѣ учрежденіемъ самостоятельнымъ, отличавшимся отъ двора и дворскихъ должностей. Въ нихъ нужно видѣть, не столько надворныхъ судей, сколько представителей общинъ, участвовавшихъ въ княземъ судѣ прежде всего ради контроля суда въ интересахъ общинныхъ. Прокаратуровъ еще меньше можно причислять къ княжескому двору. Они равнозначительны съ соками, клеветниками и ябетниками другихъ Славянъ; учрежденіе прокаратуровъ принадлежитъ къ вполнѣ самостоятельнымъ органамъ общинной власти. Ихъ избираетъ община, «да отежу *оплѣны* дугована». Въ вѣчевыхъ листахъ прокаратуры стоятъ послѣ воеводы (268 и пр.). Такое же значеніе имѣетъ *оплѣны* канчилирь. — Самъ Статутъ отчасти указываетъ на составъ княжого двора, говоря напр. о приставахъ, состоявшихъ при князѣ, въ значеніи русскихъ дѣтскихъ, позднѣйшихъ приставовъ. При князѣ были, безъ сомнѣнія, слуги и другіе дворскіе люди: они ходили съ княземъ по Полицѣ, исполняя при немъ различныя должности и порученія. Нужно замѣтить, что въ Полицѣ дворъ имѣлъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ то время, какъ Душановъ Законникъ и другіе хорватскіе и сербскіе памятники довольно точно опредѣляютъ составъ и очень широкую дѣятельность двора, что зависѣло отъ усилившагося значенія самыхъ князей, Полицкій Статутъ только мимоходомъ касается двора, вовсе не говоря о его положеніи въ общей администраціи. Самъ князь не выдѣлился изъ состава общинныхъ должностей, не игралъ такой преобладающей роли, какую приобрѣтали князья въ другихъ славянскихъ земляхъ; оттого и дворъ полицкій имѣлъ весьма мало значенія въ ряду другихъ общинныхъ учрежденій.

Вотъ все, что можно сказать по Статуту о положеніи полицкаго князя. Въ немъ является не больше, какъ общій народный старшина, старшій главарь общинъ, безъ всякаго намека на суверенное значеніе княжеской власти. Полицкій князь зависитъ отъ общины на такомъ же основаніи, какъ и другіе главари, нисколько не выдѣляется изъ состава общинныхъ должностей. Не имѣя почти ничего общаго съ сербскими кралями и царями, съ русскими, польскими и другими славянскими князьями эпохи позднѣйшей государственности, полицкіе князья больше всего сходны, по своему положенію и правамъ, съ князьями винодольскими, новгородскими, псковскими и въ особенности съ дубровницкими. Псковская судная грамота, запрещающая князю, наравнѣ съ другими должностными лицами, брать посулы, ограничивая его дѣятельность сходкой и другими старшинами, очевидно, держится далеко не тѣхъ воззрѣній на княжескую власть, какія начинаютъ высказываться въ Судебникахъ (въ нихъ запрещеніе посулъ слѣдуетъ уже отъ имени князя, — о посулахъ съ его стороны нѣтъ и помину). Но въ Псковѣ, какъ и въ Винодолѣ, замѣтно, раздвоеніе администраціи, — власть князей конкурируетъ съ властью общинной сходки, стоитъ рядомъ съ ней; между вѣчемъ и княземъ идетъ борьба изъ-за главенства; они являются почти равносильными общественными элементами, — явленія, рѣшительно неизвѣстныя государственному строю Полпы и Дубровника. Полицка съ своимъ вѣчемъ, княземъ и другими главарями тянетъ къ старому порядку, къ эпохѣ полнаго господства народныхъ сходокъ у всѣхъ Славянъ, которые, по словамъ

Прокопiя, «не повиновались одному властителю, но жили *in populari imperio*». Титъ патриархальскихъ народныхъ князей и жупановъ стараго времени цѣлкомъ прогладывается въ учрежденiи полицкихъ князей. Въ нихъ нужно видѣть не «государей» русскихъ XVI и XVII вѣковъ, но старыхъ славянскихъ жупановъ, игравшихъ простую роль народныхъ старшинъ, безъ малѣйшихъ притязанiй на главенство и преобладанiе въ своихъ общинахъ.

3) Второе мѣсто послѣ великаго князя занималъ *воевода*. По своему положенiю въ общинѣ, воевода почти равняется съ княземъ. Въ Статутѣ нерѣдко поименно обозначаются князья, при которыхъ изданы отдѣльные законы, при чемъ всегда указываются и бывшiе въ то время воеводы (247, 273 и пр.): обѣ должности считались равно важными, — воевода, подобно великому князю, относился къ числу старшихъ главарей Полицы.

Воевода принадлежалъ къ выборнымъ должностямъ. Незвѣстенъ срокъ и порядокъ воеводскихъ выборовъ. Судя по тому, что всѣ главные должности въ Полицѣ замѣщались на «годвише», можно допустить такой же срокъ службы и для воеводъ. Старый воевода, оставивши дѣйствительное воеводство, иногда не переставалъ носить прежнiй титулъ. Въ 1662 г. дѣйствительнымъ воеводою былъ Иванъ Беоѳвичъ изъ катуня гатскаго; въ то же время прокаратуръ Степанъ Башничъ изъ катуня Дубровы носилъ такой же титулъ воеводы, хотя больше и не отправлялъ этой должности (267, 268). Воеводы избирались изъ влаетелей и лидичей (275).

Воеводы полицкiе, подобно сербскимъ временъ Душанова Законника, всегда удерживали значенiе военачальниковъ, отличались въ особенности отъ старыхъ боснийскихъ воеводъ, собственно означавшихъ областныхъ правителей (князь Боснии носилъ титулъ великаго воеводы; другiе правители назывались просто воеводами). Полицкiй воевода имѣетъ при себѣ *товаришество* (дружба) — очевидно военную дружину, надъ которой онъ былъ главнымъ начальникомъ. Съ такимъ товаришествомъ воевода посылался въ помощь судебному приставу, когда кто либо сопротивлялся приговору суда (140). Особой привилегiей воеводы было освобожденiе его отъ податей, кромѣ десятины, вражды (дикой вры) и харача (14. О значенiи воеводъ у Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. II. 35 — 38. IV. 108; Pamiętn. II. 145, 158. Ирѣчка Slov. pr. I. 72. Крстича Разматрања, въ Гласн. IX. 100 — 102).

4) *Прокаратуры* принадлежали также къ старшимъ главарямъ Полицы. Въчленные листы перечисляютъ ихъ въ слѣдъ за воеводою, ставятъ выше катунарей. Замѣчательно, что Полицкiй Статутъ обращаетъ особенное вниманiе на прокаратуровъ, довольно точно опредѣляетъ порядокъ ихъ назначенiя, въ особенности подробно говоритъ о правахъ и обязанностяхъ, соединенныхъ съ должностью прокаратуровъ, касаясь почти только мимоходомъ воеводъ, катунарей и другихъ должностныхъ лицъ. Полицкая община, по всему видно, дорожила учрежденiемъ прокаратуровъ, составлявшихъ чуть ли не одно изъ самыхъ существенныхъ учрежденiй въ сферѣ суда и управленiя. Защитники правъ общины и отдѣльныхъ ея членовъ, прокаратуры возвышались почти до значенiя народныхъ трибуновъ: при своей судебно-обвинительной дѣятельности, прокаратуры являются главными оберегателями

и защитниками правъ и интересовъ общины, занимаютъ не маловажное мѣсто въ ряду другихъ учреждений Полицы. Высокое общественное положеніе прокаратуровъ видно изъ того, что ихъ должность отправляли высшіе сановники — князи, старые воеводы и др. (267, 268, 282).

Въ прокаратурахъ полицкихъ нужно видѣть полнѣйшее развитіе старославянскаго института соковъ, ябетниковъ. Принявъ чуждое названіе, прокаратуры являются чисто славянскимъ учрежденіемъ, берутъ свое начало въ изстаринномъ устройствѣ славянскихъ общинъ. Въ то время, какъ въ другихъ земляхъ соки оставались при одномъ частномъ значеніи публичныхъ обвинителей (у Чеховъ и другихъ Славянъ), раньше или позже исчезли подъ влияніемъ неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ, въ хорватскихъ и далматскихъ общинахъ соки возвысились до огромнаго политическаго значенія, заняли почетно мѣсто въ ряду общинныхъ влестелей и главарей, сдѣлались главными оберегателями правъ общинъ. Съ такимъ характеромъ являются соки въ Полицѣ и другихъ хорватскихъ земляхъ, въ особенности въ городахъ далматскаго Приморья, удерживавшихъ до позднѣйшаго времени въ бѣльшей или меньшей степени общинные порядки городского устройства.

Избраніе прокаратуровъ Полицкихъ Статутъ предоставляетъ общинѣ: «да стави опѣина полицка три прокаратура од три племена, по ѣдан од свакога племена, како и суце, на годишће, да они отежу опѣна дугована»¹⁾. Судцы, состоявшіе при князѣ, избирались изъ племенъ — Тишемиричъ, Лимийъ и Кременичанъ (3). Изъ этихъ же племенъ избирались и прокаратуры. Число ихъ позже то уменьшалось, то увеличивалось; въ 1662 г. было только два прокаратура (одинъ изъ нихъ — старый воевода Стипанъ Башичъ, другой — князь Иванищъ), въ 1677 г. избраны четыре, всѣ изъ князей (268, 282). Прокаратуры, въ своей совокупности, составляли одинъ институтъ, всегда дѣйствовавшій въ виду охраненія общинныхъ интересовъ («опѣна дугована»): плата слѣдовала всегда всѣмъ прокаратурамъ вмѣстѣ, хотя бы въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ одинъ прокаратуръ (8, 9).

Сущность должности прокаратуровъ Статутъ опредѣляетъ, вмѣняя имъ въ обязанность — «да отежу опѣна дугована». Они обязаны «искати и прити се на свакога, ки учини кривину», — являлись обвинителями въ особенности по убійству, разбою, насилію и другимъ преступленіямъ, если обиженный «тужить» чрезъ посредство прокаратуровъ, или сами прокаратуры видѣли собственными глазами бой или иное преступленіе (они видѣли очима таи бой). Во всѣхъ такихъ случаяхъ прокаратуры обязаны «питати и позивати». На обязанности прокаратуровъ лежало также открытіе и преслѣдованіе злоупотребленій, соединенныхъ съ прямымъ вредомъ для интересовъ общины, напр. когда кто либо, безъ дозволенія общины, заградить старый путь и учредить новый, заведеть гай и пр. Прокаратуры являлись здѣсь ближайшими стражами и защитниками правъ общины. Имъ дается наконецъ значеніе обыкновенныхъ адвокатовъ, ходатаевъ по чужимъ дѣламъ. Они могутъ

¹⁾ Община полицкая должна избирать трехъ прокаратуровъ изъ трехъ племенъ, по одному отъ каждаго, какъ и судей, на годъ, для отправленія общинныхъ дѣлъ (234).

«помогать» тяжущимся на судѣ искать или защищать свое право, въ особенности когда истецъ или отвѣтчикъ, по болѣзни или другой причинѣ, не можетъ лично явиться въ судѣ, или явится, но покажетъ — «неумим сам говорити». Выборъ прокаратуровъ въ такихъ случаяхъ предоставляется самымъ сторонамъ (7, 8, 15, 137, 234, 235).

Прокаратуры, подобно чешскимъ сокамъ, получали особое вознагражденіе за свой трудъ — *десетину* (десятую часть судебной пени), когда поклепъ поднять собственной властью прокаратуровъ, и *четвертый дио* (4-ю часть пени) — при поклепѣ, по порученію обиженной стороны. Прокаратуры не получаютъ послѣдней платы, если подсудимый принадлежитъ къ господскимъ кметямъ, — четвертый дио принадлежитъ его господину (8, 9, 234).

Въ Полицкомъ Статутѣ не встрѣчаемъ особенныхъ ограниченій правъ прокаратуровъ вчинать противъ кого бы то ни было поклепъ, какъ это было у Чеховъ и въ нѣкоторыхъ далматскихъ общинахъ, гдѣ соки должны были основывать свой поклепъ на свидѣтельствѣ общины (*testimonium vicinorum*) или на обыкновенныхъ поручителяхъ, иногда же подкрѣплять свой поклепъ собственной присягой. Отъ полицкихъ прокаратуровъ требуется свидѣтельство общины только въ одномъ случаѣ, именно когда они хотятъ поднять новое обвиненіе въ высшемъ судѣ по дѣлу, уже рѣшенному въ низшей инстанціи. Въ такихъ случаяхъ прокаратуры, безъ общины, не могутъ вчинать дѣла «из силе али зле воле»; они должны «остати по закону самошест лудя» — представить шесть стороннихъ людей, подкрѣпляющихъ своимъ свидѣтельствомъ законность поклепа прокаратуровъ (236).

Учрежденія, сходныя съ полицкими прокаратурами, встрѣчались въ старое время у вѣсѣхъ южныхъ Славянъ. Мы видѣли, что соки извѣстны загребскому и винодольскому уставамъ. Сеньскій Статутъ также говоритъ объ «*examinatores nobiles jurati, qui debent examinare omnia maleficia confecta in civitate Segnie*» (Арх. III. 168). Такое же значеніе имѣютъ вѣрские *присяжники* — публичные обвинители, бывшіе также защитниками вдовъ и сиротъ, оберегавшіе подобно полицкимъ прокаратурамъ права самыхъ общинъ. По грамотѣ общины Crisio 1252 г., *calumniator*, противъ котораго община сдѣлаетъ свидѣтельство (*contra quem communis populus faceret testimonium*), лишается всего имущества и со стыдомъ изгоняется изъ общины (Jura I. 70). Публичные обвинители, подъ названіемъ *accusatores communis, defensores communis, advocati, procuratores*, извѣстны средневѣковымъ общинамъ далматскаго Приморья. Въ Травѣ каждые три мѣсяца избирались два обвинителя, «*qui in omnibus capitulis debeant superesse et accusare contravenientes*». Подобнымъ образомъ въ Корчулѣ назначались четыре адвоката «*contra omnes malefactores et maledictores*». Въ другихъ далматскихъ городахъ были также публичные обвинители и доносчики: они слѣдили за преступленіями, доносили о явныхъ преступникахъ и являлись на судѣ въ качествѣ обвинителей, получая за трудъ особое вознагражденіе. Иногда (какъ въ Браццѣ) должность публичнаго обвинителя и защитника общины соединялась въ одномъ лицѣ (*syndici communis*) иногда же (какъ въ Травѣ) были особые *defensores communis* (См. Рейца 45, 190, 191). Въ Дубровникѣ избирались *парци* (прци, *accusatores*) *градьци* и *олжмьски* (для

жупъ), сходные съ прокаратурами полицкини (См. Mikl. Mon. 39, 379. Цудича Спом. II. 149, 150, 154, 155, 158). *Парцы* Душавова Законника (парци, кои исходе на соудь царевъ, да кою рѣчь изговоре прьвоу, и те речц да соу вѣроване,— 169), имѣють вообще значеніе дубровницкихъ парцовъ, хотя въ другихъ мѣстахъ говорится о нихъ и въ смыслѣ тяжущихся (О сокахъ у Чеховъ и другахъ Славянъ см. Мацѣйовскаго Hist. III. 270. Ирѣчка Slov. pr. I. 177. II. 216).

5) Съ конца XVII вѣка является въ Полицѣ *опѣни ротни канцилар*, какъ учрежденіе, общее для всей Полицы. Въ его завѣдываніи находится *канциларна*, въ которой изготовлялись всякіе оффиціальныя акты — листы, письма и пр. Канциларъ былъ также хранителемъ государственной печати. Въ его пользу идуть опредѣленные поборы и пошлины; подобно другимъ старшимъ главарямъ, канциларъ лично свободенъ отъ податей, кромѣ харача. Должность канцилара отправлялась иногда другими главарами; напр., въ Статутѣ упоминается какой-то Марко Баричъ, бывшій въ одно и тоже время прокаратуромъ и канциларомъ (72, 277).

Разсмотрѣнными нами учрежденія раскрываютъ всю простоту и несложность государственнаго устройства Полицы. Вездѣ является главнымъ дѣятелемъ община съ своей сходкой и старшинами. Такой же простотой отличается устройство отдельныхъ *катуней*, управлявшихся подобно цѣлой Полицѣ своими сходками и старшинами.

1) *Сходки* (пук, виче) собирались въ отдельныхъ общинахъ для тѣхъ же цѣлей, какъ и общіе полицкіе сборы. Село съ своимъ катунаремъ ставитъ выборныхъ людей; сельскому пуку предъявляются наредбы полицкаго вѣча и т. д. На общинныхъ сходкахъ присутствуютъ катунары; упоминается о канелланѣ, который по праздникамъ (у светацъ зановидни) прочитываетъ сходкѣ наредбы. Кромѣ оповѣди законовъ и наредбъ главной господы, мѣстныя сходки собирались для общинныхъ выборовъ; быть можетъ, и другіе предметы подлежали совѣщаніямъ на мѣстныхъ сходкахъ (указанія см. въ зак. ХCVIII).

2) Главныя мѣстныя старшины катуней и сель полицкихъ носятъ названіе *катунарей*. Они титулуются также *кнезами*, но князьями называются иногда и другія должностныя лица, напр. прокаратуры. Неизвѣстно, какъ избирались катунары. Если выборъ старшихъ главарей принадлежалъ общиннымъ сходкамъ, то тѣмъ болѣе сами общины могли избирать своихъ непосредственныхъ старшинъ. Не встрѣчаемъ также подробныхъ постановленій о правахъ и обязанностяхъ катунарей. Они обязаны являться на общіе сборы, присутствуютъ на сходкахъ своихъ общинъ и вообще управляютъ дѣлами своего катуна на томъ же основаніи, какъ и великій князь заправляетъ дѣлами цѣлой Полицы (о катунаряхъ см. 250, 251, 261, 267, 268, 270, 282). Катунары извѣстны также другимъ южнымъ Славянамъ. Въ Босніи напр. сельскіе старшины издавна назывались катунарами (напр. у Miklos. 485). Катунарамъ полицкини соответствуютъ сербскіе старѣйшины, везез, прѣмникирье, владальци, приставники и челници (начальники). Впрочемъ, юридическое значеніе этихъ учрежденій доселѣ не довольно выяснено въ литературѣ; поэтому мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности по этому вопросу, изложимъ нѣсколько соображеній, пользуясь указаніями памятниковъ, въ особенности издаваемыхъ

въ новѣйшее время, — указаніями, вполне выясняющими юридическій характеръ сербскихъ кнезовъ, владальцевъ и пр.

Старѣйшины (старѣшина) упоминаются въ двухъ хрисовуляхъ сербскихъ кралей 1292 и 1348 г. (Обренов. 44. Miklos. 135). О *кнезяхъ, прѣмикиряхъ* и другихъ лицахъ говоритъ Душановъ Законникъ и современныя грамоты. Историки, старавшіеся опредѣлить ихъ значеніе и руководившіеся при этомъ почти однимъ Законникомъ, приурочиваютъ ихъ по большей части къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Такимъ образомъ, Мацѣйовскій сравниваетъ прѣмикирія (primicerius) съ польскимъ и венгерскимъ маршаломъ, считаетъ его первымъ сановникомъ въ государствѣ, отправлявшимъ высшую придворную должность (Pamiętn. II. 158. Hist. II. 49). Въ слѣдъ за Мацѣйовскимъ, и Крстичъ относитъ прѣмикиріевъ къ высшимъ должностнымъ лицамъ Сербіи (Гласн. IX. 118). Въ такомъ же духѣ объясняютъ историки значеніе чельниковъ, владальцевъ и приставниковъ, вѣдая въ чельникахъ — дворскихъ чиновниковъ, въ владальцахъ — областныхъ правителей и т. д. (Жб. 119, 124). Всѣ подобныя объясненія не вполне оправдываются источниками. Вотъ что говоритъ Душановъ Законникъ объ исчисленныхъ учрежденіяхъ :

«Кнезовъ и прѣмикиріе и владальци и прѣставници и чельници, кои се обрѣтають селъ и катуони обладающе, тизи вси да се кажоуть образомъ выше писаннымъ, аще се обрѣщеть од нихъ тать или хоусарь. Аще ли соу владальци отовдалъ юстодаремъ, и господаріе се поневадали, да се тизи господаріе кажоуть како хоусарь и тать» (Зак. 124, 125).

Дѣло въ томъ, что Законникъ вѣнчаетъ въ обязанность селамъ и господарямъ (владѣльцамъ селъ) объявлять и выдавать правительству явныхъ татей и разбойниковъ. Въ приведенной статьѣ таже самая повинность возлагается на кнезовъ и другихъ, управляющихъ (обладающихъ) селами и катунами; если они (въ текстѣ — владальци) донесутъ (о татяхъ) господарямъ, то эти должны объявить (правительству). Уже изъ смысла статьи видно, что кнези и другіе владальци стоятъ въ связи съ сельской жизнью, управляютъ селами, имѣя надъ собой господарей, которымъ прямо и могутъ доносить о татяхъ. При ближайшемъ изученіи приведенной статьи, мы приходимъ къ несомнѣнному заключенію, что какъ подъ господарями нужно разумѣть вообще землевладѣльцевъ (будетъ-ли это частное лицо, монастырь или царь), такъ и въ кнезахъ, прѣмикиріяхъ, владальцахъ, приставникахъ и чельникахъ, нужно видѣть прежде всего общинныхъ старшинъ и управителей имѣній властельскихъ, монастырскихъ и царскихъ. Наше мнѣніе вполне подтверждаютъ различныя сербскія грамоты стараго времени.

Кнезы, по словамъ самаго Крстича, имѣли въ старой Сербіи различное значеніе и, между прочимъ, означали сельскихъ старшинъ въ имѣніяхъ церковныхъ и властельскихъ (Гласн. IX. 110). При Душанѣ монастырь Призренскій получилъ въ «башню» нѣсколько селъ и катуней власскихъ. Въ данномъ по этому случаю хрисовулѣ поименно обозначаются крестьяне, принадлежавшіе къ пожалованному имѣнію: въ каждомъ катунѣ упоминается прежде всего его старшина, а за тѣмъ и остальные крестьяне, — во главѣ катуни Голубовци стоятъ «Гюргъ кнезь з братномъ и своия» (Гласн. XV. 292). Точно также въ грамотахъ первоначальнаго

краля Стефана монастырю Жичи и краля Милутина Хиландарской церкви встрѣчаемъ въ числѣ крестьянъ «*кнеза Грьдъ с дѣтию*» и «*кнеза Вонху съ дѣтию*» (Шафарика Рамѣткы. 7. Аврамовича Опис. древн. сръбски, № 6). Князь, въ значеніи сельскаго старшины, доселѣ встрѣчается въ сръбскихъ селахъ (Гильферд. Боснія. 90. 437). Такое же значеніе князей извѣстно было и другимъ Славянамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши сельскіе старшины назывались *kniaziowie*, *knyass*, еще въ XV вѣкѣ (См. кн. Любомирскаго *Jngysdykcyu partimon. w. Polsce*, 22, 28, 42).

Примикирье (прѣмйкириѣ, примикюрѣ) упоминаются также въ числѣ крестьянъ жалованныхъ имѣній. Въ хрисовулѣ царицы Евдокии 1379 г. Хиландарскому монастырю находимъ слѣдующее мѣсто:

«Людемъ же прѣковнѣмъ устависьмо законь, да есть сии по нихъ, да дае всяки нихъ у годиши три дни ораниа, *по сельхъ же примикюрѣ кои су*, да послѣдуютъ с кони игумна, якоже хочеть, а прочи да повошь црѣкви принашаю на Струму, носель (гонецъ) же црѣкви *примикюрѣ* на конихъ да исправляю» (Miklov. 191)

Въ приведенномъ выше хрисовулѣ Душана Призрѣвскому монастырю примикюрѣ, подобно князямъ, означаютъ также сельскихъ старшинъ: въ катуиѣ Блатчане-Байславъ *прѣмикюръ* з братіомъ и синовѣ, въ катуиѣ Добрушици — *прѣмикюръ* Воихна, въ кат. Костръчане — Богданъ *прѣмикюръ*. Прѣмикюрѣ исчисленныхъ катуей соответствують князу катуна Голубовци (Гласн. XV. 288, 291 — 295).

Владальци имѣли различное значеніе. Они означали, во 1-хъ, вообще княжескихъ чиновниковъ, носившихъ въ старой Сербіи и Босніи общее названіе *властелей*, владущихъ, *владальцевъ* (Обренов. 13, 38, 43, 128 и пр.). Во 2-хъ, Законникъ Душановъ специально называетъ владальцами (*владаляцъ градски*) лицъ, предъ которыми судились жители городовъ, — ихъ судъ и назывался городскимъ судомъ. (См. Законникъ, ст. 173). Наконецъ, въ 3-хъ, владальцы упоминаются въ приведенной выше статьѣ Законника, какъ лица, «обладавшія» селами и катунями и бывшія въ какой то зависимости отъ господарей. Ирѣчекъ совершенно вѣрно уподобляетъ градскихъ владѣльцевъ Законника *княжимъ тиунамъ* Русской Правды и чешскимъ *vladar*'ямъ, управлявшимъ пригородными королевскими имѣніями со вѣтми служебными людьми, доходами (Ирѣчка Slov. pr. II. 183. Ср. также Мацѣйовскаго Раміет. II. 159). Еще бѣльшая аналогія замѣтна между сръбскими владальцами, жившими по селамъ, и *сельскими тиунами* Правды. Тѣмъ и другимъ можно давать значеніе обыкновенныхъ сельскихъ старшинъ, въ особенности правителей владѣльческихъ общинъ, жившихъ на земляхъ княжескихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ. Сельскіе владальцы Законника коренятся въ одномъ источникѣ съ старопольскими *vladars*'ами и *tywon*'ами — старшинами сельскихъ общинъ, жившихъ по польскому праву и управлявшихся своими владарями и тивунами на томъ же основаніи, какъ и нѣмецкія осады управлялись своими солтысами (Любомир. Jurisd. patrim. 17).

Челникъ (чеоникъ, начелникъ) имѣлъ также различное названіе. Подобно

русские тунань — дворскимъ, огнишнымъ, сельскимъ и пр., сербскіе челники находились при дворѣ (*челники великіе, челники ризничіе*), въ значеніи дворскихъ чиновъ, и жили по селамъ и катунамъ на общемъ положеніи сельскихъ старшинъ (о челникахъ, какъ дворскихъ чинахъ, см. Mikl. 69, 85, 102, 152 и пр.; сельскіе челники упоминаются въ Душ. Зак. 124).

Наконецъ, *приставными* вполне сходны съ нашими *приставами* и *приказчиками*, приставленными къ заведыванію волостями и селами. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ сербскіе приставы прямо отождествляются съ челниками (Мацѣйов. Hist. VI. 407 — 408).

Изъ сказаннаго нами выводимъ заключеніе, что Душановъ Законникъ даетъ одинаковое значеніе кнезамъ, примикирямъ и другимъ лицамъ, «кои се обрѣтають селя и катуни обладающе». Они означаютъ вообще сельскихъ старшинъ, стоявшихъ во главѣ селъ и катуней, — учрежденіе, вполне аналогическое съ полиціями кнезами и катунарами.

Кромѣ катунарей, находимъ въ полиціяхъ селамъ и катунямъ другія общинныя должности. Сюда относятся: сельскіе приставы и выборные люди, подъ названіемъ добрыхъ людей, ямцовъ, одговорниковъ, цинцевъ и пр.

3) *Приставы* имѣли въ Полицѣ самый обширный кругъ дѣятельности. Они «сидятъ на судѣ»; при ихъ участіи совершаются всякія «ствари и дугованья меу людьми». Приставы раздѣлялись на *общинныхъ* (опѣени пристав), избравшихся цѣлой Полицей, въ значеніи главныхъ исполнительныхъ лицъ по суду и управленію (по правдѣ жупской), и *сельскихъ приставовъ*, состоявшихъ въ связи съ общиннымъ судомъ и расправой. Приставы судебныя отличались отъ приставовъ съ полицейскимъ характеромъ. Здѣсь мы скажемъ только о послѣднемъ значеніи приставовъ, — судебной дѣятельности ихъ коснемся въ отдѣлѣ о судоустройствѣ.

Приставы назначаются въ каждой общинѣ. Села должны имѣть двухъ приставовъ, въ особенности для надзора за исполненіемъ наредбъ и законовъ и для открытія и преслѣдованія преступленій. Подобно полиціимъ прокаратурамъ или *advocati juris communis* другихъ далматскихъ общинъ, приставы играли по селамъ роль оберегателей общинныхъ правъ. Полицій Статутъ вѣнчаетъ приставамъ прямую полицейскую дѣятельность, только касаясь «содомскаго или неподобнаго грѣха» и истребленія дѣтей; но нѣтъ сомнѣній, что обязанность предупрежденія и пресѣченія преступленій лежала на приставахъ и въ другихъ случаяхъ. Приставы подлежатъ значительному штрафу, если не будутъ «вапити» — открывать преступниковъ и вести ихъ предъ общину (179 — 181, 261).

4) Въ *выборныхъ людяхъ* полиціихъ общинъ мы встрѣчаемся съ весьма интереснымъ учрежденіемъ, уясняющимъ значеніе *добрыхъ людей*, нашихъ судимыхъ мужей и цѣловальниковъ, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ «вѣщателей» народнаго обычнаго права (Морошкинъ). Полицій Статутъ говоритъ о *добрыхъ и праведныхъ братахъ* — выборныхъ людяхъ, которыхъ всякое село, «складно» съ своимъ катунаромъ, избирало (да поставе) подъ присягою, въ числѣ двухъ, «да имаѣу добру помну за ову наредбу, да се има

обслужити» ¹⁾. Сельскіе приставы, ежегодно, чрезъ каждые два мѣсяца, обходили общины, для наблюденія за выборными, съ правомъ «оповиди» жувѣ, при неисполненіи ими своего дѣла, «ако бы неимали помне за ове наредбе» (261).

Въ нашей литературѣ давно уже высказано довольно вѣрное мнѣніе о славянскихъ добрыхъ людяхъ, какъ народныхъ представителей въ дѣлахъ законодательныхъ и земскихъ (Майкова Судъ присяжи., въ Рус. Сл. 1861, 34 — 34). Такихъ народныхъ представителей можно видѣть въ выборныхъ людяхъ — хранителяхъ и вѣщателяхъ обычаевъ и законовъ. Къ нимъ можно въ полной мѣрѣ примѣнить названіе *вѣщавъ людей*, какъ иногда назывались въ старой Сербіи добрые мужи (Mikl. 144). Вѣщавіе, добрые люди имѣли важное юридическое значеніе въ общественной жизни Полицы и другихъ южнославянскихъ общинъ. Общины отряжали добрыхъ мужей, подъ названіемъ *ямцовъ* (ѣмци) и *одговорниковъ*, на общій сборъ; добрые люди принимали участіе во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, особенно если требовались при этомъ особенныя свѣдѣнія или рѣшеніе по совѣсти (по домысли и кушенци). Добрые люди являлись *оцѣнщиками* (цнци достойни), при отчужденіи племенищавъ и въ другихъ случаяхъ; напр., они оцѣнивали раны и убытки, понесенныя обиженными, определяли цѣну воровскихъ вещей и пр. (61, 64, 80, 249, 261, 267). Словомъ, добрые мужи принимали весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ административныхъ, законодательныхъ и судебныхъ. Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ рѣдко участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ (только на сходкахъ), удерживалъ доступъ къ нимъ чрезъ посредство выборныхъ мужей, отряжавшихся общинами въ каждомъ данномъ случаѣ, для отправленія тѣхъ или иныхъ обязанностей, или игравшихъ роль вѣщавъ людей, присяжавъ хранителей и вѣщавъ людей обычаевъ и законовъ. Поддерживая въ народѣ юридическое сознаніе, вѣщавіе или добрые люди, ямцы и одговорники, являлись на законодательныхъ сходкахъ главными проводниками юридическихъ воззрѣній народа, какъ и въ сферѣ административной и судебной играли роль оберегателей народныхъ интересовъ (о добрыхъ людяхъ у Славянъ вообще см. Мацѣйовскаго Hist. III. 180, 262, IV. 97; Рейца Политич. устр. 73, 74, 107; Майкова судъ присяжи. 31).

5) Замѣтимъ наконецъ, что *круговая порука* была одной изъ главныхъ основъ администраціи полицкихъ общинъ. Это начало съ полной силой выступало въ особенности по вопросу о внутренней и внѣшней безопасности общинъ. Общественный строй Полицы до позднѣйшаго времени обходился безъ болѣе организованныхъ средствъ общественной безопасности и защиты правъ всѣхъ и каждаго въ отдѣльности. Платежъ дикой виры — главное проявленіе круговой поруки — составлялъ повинность общинъ, несшихъ отвѣтственность за своихъ членовъ: въ Полицкомъ Статутѣ вражда (дикая вира) прямо отнесена къ числу общественныхъ «данакъ», стоитъ рядомъ съ харачемъ (турецкою данью), десятиною и другими государственными повинностями (14). Неся отвѣтственность за своихъ членовъ, община обязана была «стати», защищать ихъ отъ нападеній и обидъ, пользовалась широкимъ правомъ мести (тирати) противъ чужихъ и своихъ. Противъ нарушителей

¹⁾ Т. е. съ тѣмъ, чтобъ она имѣла строгій надзоръ за соблюденіемъ законовъ.

земскаго мира Статутъ дозволяетъ самоуправство толпы: «пушћано опчини, да нан руку страве»; или «да му иде поштована опчина на кућу и да му розвали кућу и негове све ча годи има да се узме у опћину полицку» (186, 247, 256 и др.). Въ свою очередь, члены общинъ, въ силу солидарности отношеній, обязаны были содѣйствовать своими частными средствами общественному порядку и благочинію. Противъ злыхъ людей «да има бити ъдан другому у помоћи гди буде потреба». Всякій долженъ «чувати», открывать и преслѣдовать явныхъ преступниковъ и нарушителей земскаго мира, иногда подъ угрозой значительныхъ штрафовъ (зарокъ). Круговая порука высказывалась наконецъ въ общей повинности «путити сву жупу на помоћ на злеѣ луде». Охраненіе дорогъ было издавна у всѣхъ Славянъ главной повинностью общинъ. Въ Полициѣ былъ «путь опћени велики крозь жупу» и меньшіе «гоняки» между селами. Охраненіе такихъ путей «своѣмъ рукомъ» отъ разбойниковъ и другихъ лихихъ людей было повинностью всѣхъ полицинихъ общинъ (266, 267). Здѣсь нужно видѣть учрежденіе путевой стражи, существовавшей въ старое время у Сербовъ и другихъ Славянъ. (О подробностяхъ см. мою статью объ устройствѣ Дубровника).

Обозрѣніе государственнаго устройства Полицы заключимъ нѣсколькими замѣчаніями о *судоустройствѣ* по Полицкому Статуту.

Прежде всего замѣтимъ, что Статутъ различаетъ двѣ формы судебной расправы: судъ чрезъ посредство органовъ общественной власти и самосудъ, самоуправство, помимо всякихъ судебныхъ органовъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ общинъ, по дѣламъ между полицанами, дѣйствуетъ главнымъ образомъ начало общественного суда и только по исключенію допускается самосудъ (частная расправа, месть); самосудъ въ полной мѣрѣ господствуетъ въ отношеніяхъ полицанъ къ «изванскимъ» (чужеземцамъ).

Самосудъ въ дѣлахъ съ чужеземцами признается въ слѣдующихъ статьяхъ Полицкаго Статута: «Ако ли би убио полицанинъ изваньскога за *крвѣ придну* (за прежнее убійство), за тои имаю Полица стати (защищать); ако ли би *незаимито*, тои е оно га ствар, ки крвѣ учина. Ако ли би изваньски полицанина, тои имаю тирати (мстить) Полица брацки, ако е *крезъ заимито*; ако ли е *за придну пизму* (месть), неимаю га Полица тирати. Ако ли би убио али обранио извани изванега у Полицих, за то се Полица неимпачац» (52 — 54). Частная расправа допускается при «придной крви или пизмѣ»: — убійство полицанина чужеземцемъ вызываетъ кровную месть цѣлой общины или близкихъ убитаго, какъ и чужеземецъ можетъ «за придну пизму» воспользоваться правомъ мести относительно полицанина. Въ обоихъ случаяхъ дѣло обходится безъ посредничества общественной власти, — при придной крви не имѣетъ мѣста «правда» — судъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Общественный судъ вовсе не вѣдѣвается въ дѣла между чужеземцами.

Полицкій Статутъ допускаетъ также случаи злѣйны судебной расправы самосудомъ въ дѣлахъ между полицанами. Сюда относится главнымъ образомъ поимка преступника «лицемъ», на мѣстѣ преступленія: «ако би стигао и ухитио лицемъ, гди лунеж (тать) негово води или носи», — обиженный можетъ распорядиться немедленно, не прибѣгая къ суду, а при сопротивленіи виновнаго, можетъ *убити отъ на мѣстѣ* (21, 58, 162):

Въ внутреннихъ отношеніяхъ общинъ частная расправа, помимо суда, допускалась только въ крайнихъ случаяхъ — въ состояніи необходимой обороны и при сопротивленіи преступника, застигнутого на преступленіи «лицемъ». Въ обыкновенныхъ случаяхъ Статутъ принимаетъ основное правило: «чеина човикъ сам себе плаћати и одвазети» (162). Полное и абсолютное отрицаніе самосуда высказано Статутомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. «*Да нме волянъ силе у силу чинити*» (32) — правило, буквально сходное съ положеніемъ Душанова Законника: «сила да нѣсть никоу ни за единъ дльгъ въ земля царьской» (ст. 89). Никто не можетъ самовольно взыскивать (самосегом плаћати) своихъ долговъ, по основному правилу — «*ниткоръ нима сам себи правде чинити*» (134. Ср. 114). Запрещая самосудъ, Статутъ очень часто говоритъ: «пони к правди, на судъ», ищи «*правдомъ закономъ*; свакому правда на мсту; сваки питаи свога по закону; сваки нма с миром и у миру свое ствари чинити с правдом и закономъ» (119, 161, 168 и пр.).

Судоустройство полицкой общины сложилось исторически, подъ главнымъ влияніемъ *автономическаго* развитія составныхъ ея частей и союзовъ, изстари пользовавшихся самостоятельнымъ правомъ суда и расправы. Дружина вервная и община территориальная — *status in statu* средневѣковой жизни Славянъ — выработали свои независимые органы суда, компетентные по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ общинъ. Статутъ Полицій говоритъ о *правдѣ жупской и вервномъ судѣ*, какъ объ учрежденіяхъ изстародавнихъ (од искони), первоначально обнимающихъ всѣ отдѣльные органы общественнаго суда и расправы. Позже къ нимъ примыкаетъ *господскій судъ*, компетентный для челяди и кметовъ, жившихъ на господскихъ земляхъ. Компетентность правды жупской, вервной и господской опредѣляется лишь однимъ началомъ — принадлежностью лицъ къ верви, опѣннѣ и «господскимъ подложникамъ» и характеромъ судебныхъ дѣлъ, затрагивающихъ интересы и права цѣлой Полицы или ея меньшихъ союзовъ. Другія начала судебной компетентности (мѣсто совершенія преступленій, внутренняя ихъ тяжесть и пр.) вовсе не извѣстны Полицкому Статуту. Вся его система судоустройства, въ особенности ученіе о правдѣ вервной и жупской, остается вполнѣ вѣрной старославянскому праву, чуждому сложнымъ и искусственнымъ порядкамъ и учрежденіямъ римскимъ и германскимъ.

1) *Правда жупская* (см. напр. 249) была компетентной для всѣхъ свободныхъ членовъ общинъ. Къ органамъ жупской правды относились: судъ предъ полицкимъ *зборомъ*, предъ *великимъ княземъ* и предъ *судцами-ротниками*. Въ этихъ учрежденіяхъ Статутъ видитъ органы суда, «ча се пита с *правдомъ закономъ*», и противопоставляетъ имъ *правду облюблену*, производившуюся предъ *суци облюблеными* (133).

а) *Правда законная* обнимаетъ учрежденія общинныя, предназначавшіяся для суда *по закону*, въ отличіе отъ органовъ правды облюбленной, судившихъ по совѣсти (бравшихъ судное дѣло на свою душу). Правду по закону отправляетъ *судъ, столь полицки* (4, 119), состоявшій изъ оффиціальныхъ судей; органами правды облюбленной, напротивъ, были частныя лица, избранныя (облюблены) самими сторуками.

Общія указанія на правду жупскую, въ особенности по закону, Полицій

Статутъ даетъ въ статьяхъ, говорящихъ объ *опћинахъ* и *Полицѣхъ*; какъ судебныхъ органахъ. Таковы слѣдующія мѣста Статута: «ако би му се невидна *одлука у Полицихъ*; ако ли е (правды господарь) не учини, а оны кому е дужно, има понти *придѣ Полица*; ако бы тко нехотно хявати и везати те такове (преступникы) и повести ихъ *придѣ опћину*» (5, 143, 180). Въ другихъ мѣстахъ опћина или Полицы замѣняются судомъ предъ княземъ, судами или зборомъ. Напр., по 143 статьѣ истецъ, не довольный господскимъ судомъ, долженъ ити на судъ предъ Полицу, а по 16 и 237 статьямъ — предъ судей-ротниковъ, или къ князю, или на зборъ; судъ предъ Полицей, очевидно, обозначаетъ специально судъ предъ однимъ изъ этихъ органовъ общиннаго суда. Такое же значеніе имѣетъ опћина 65-й и 151-й статей, въ которыхъ усвоается осудъ общинъ пополамъ съ стороной (оправданной по суду): подъ общинной разумѣются вообще органы общиннаго суда, — право ихъ на осудъ и опредѣляется ближе и точнѣе въ 153-й ст.

Подъ полицкимъ столомъ нельзя разумѣть учрежденія, предназначавшагося для постоянныхъ судебныхъ засѣданій, въ родѣ сеньскаго трибунала, континъ балтійскихъ Славянъ или судебни Псковитянъ. Полицкій столъ скорѣе всего соотвѣтствуетъ чешскому и русскому торгу (trh), также копѣ и громадѣ литовско-русской. Общественный судъ въ Полицѣ отличался патриархальной простотой судебныхъ сходокъ у древнихъ Славянъ, собиравшихся *подъ открытымъ небомъ*, безъ особенныхъ торжественныхъ формальностей. Какъ полицкіе сборы, такъ и судъ предъ княземъ, бывшимъ «на пути у Полицихъ», учреждались, гдѣ и какъ придется. Судъ подъ открытымъ небомъ былъ общимъ обычаемъ Полицы, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста Статута: «тер би една страна купна дошла на рокъ своимъ правни, а друге не било, има ова страна *чекати до мрака и наложити огань и звати другу страну*»¹⁾.

а) *Судъ вѣчевой*. Статутъ очень часто говоритъ о позвѣ «придѣ зборъ полицки», объ «одлукѣ, ча осуди (допита) купанъ зборъ Полицъ», и пр. (8, 9, 121, 153). Судебной властью пользовался *опћени* зборъ цѣлой Полицы и «братински» зборы и вѣча. Въ Статутѣ записанъ одинъ случай суда на *зборѣ дядичскомъ*, по дѣлу князя Ивана Сивовича, обвинявшагося въ «непристойныхъ рѣчахъ» противъ дядичства воеводы Стазича (275). Не видно, чтобы судъ могъ производиться на сходкахъ отдѣльныхъ общинъ. — Статутъ не опредѣляетъ дѣлъ, исключительно подлежащихъ вѣчвому суду: каждому свободному человѣку дозволялось обращаться за судомъ къ князю, ротникамъ или збору, по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ (8, 235). Исключеніе составляли споры по племенщинамъ, входившіе въ компетентность князя и судей-ротниковъ (15, 115, 239). На зборѣ разсматривались и рѣшались нерѣдко дѣла небольшой важности. Въ 1675 г. зборъ судилъ какого-то Ивана Сучича, который «одсиче на светога Арнира нос Марку Кухачицу, брез узрока, с коѣга носа изгуби жупа поѣлчика велико благо» (276). Судъ на зборѣ не означалъ высшей судебной инстанціи. Всякое дѣло могло, правда,

¹⁾ Если бы одна сторона явилась на срокъ съ своими доказательствами, а другой не было, то явившаяся сторона должна ожидать до сумерекъ, разложить огонь и звать другую сторону (148).

начаться предъ княземъ и за тѣмъ, при недовольствѣ сторонъ, перейти на судъ предъ зборомъ (122); но тѣже самыя дѣла могли вчинаться на зборѣ и послѣ по апелляціи перейти на княжій судъ или на другой зборъ (121). Судъ на зборѣ имѣлъ по преимуществу характеръ суда общиннаго, доходы съ котораго шли всегда въ пользу общины (153 и др.).

β) *Судъ княжій*. Основной характеръ княжяго суда въ Полицѣ выработался прежде всего подъ вліяніемъ общаго положенія князя, не выдѣлявшагося изъ состава общинныхъ учреждений. Русская Правда и Законникъ Душановъ даютъ князю преобладающее значеніе въ сферѣ суда, упоминаютъ лишь вскользь объ органахъ общиннаго суда. Рѣче обозначается судебное значеніе общины въ Винодольскихъ Законахъ, устанавливающихъ двѣ самостоятельныя системы судоустройства, по различію правды кметской отъ княжяго суда. Не то видно въ Полицкомъ Статутѣ: судъ предъ княземъ считается въ немъ такой же жувской правдой, какъ и судъ предъ зборомъ или судами — ротниками. Полицкій князь отправлялъ судъ, не въ видѣ самостоятельнаго права русскихъ князей — вотчиниковъ, но прежде всего какъ обязанность, лежавшую на немъ, въ значеніи старшаго гаваря Полицы, судившаго отъ имени и въ интересѣ общины. — Статутъ ограничиваетъ судебную дѣятельность князя учрежденіемъ выборныхъ отъ общинъ, участвовавшихъ въ княжьемъ судѣ. Въ «полагѣ» (помощь) князю община ежегодно избираетъ трехъ *заклетвенныхъ судцевъ*, ходящихъ съ княземъ по Полицѣ, «правде питаюћи по закону». Судцы не равнозначительны съ дворскими судьями и вообще не принадлежатъ къ двору, отъ котораго Статутъ ясно ихъ различаетъ. Выборъ ихъ принадлежитъ общинѣ; они пользуются судными пенями наравнѣ съ княземъ; мало завися отъ князя, заклетвенные судцы отправляютъ свою должность и послѣ того, какъ князь «промину», оставить свою должность (3, 4, 153, 195, 234). Обычай приставлять къ князю выборныхъ людей, ради контроля за его дѣйствіями по суду и управленію, особенно распространенъ и долго держится въ автономическихъ общинахъ, пользовавшихся политической самостоятельностью. Въ Дубровникѣ роль заклетвенныхъ судцевъ играло малое вѣче; въ другихъ далматскихъ общинахъ всегда находились при князьяхъ *consiliarii*, или судьи, выбранные изъ народа, безъ которыхъ князь не могъ почти ничего предпринимать. Заклетвенные судцы отчасти напоминаютъ также судныхъ мужей — цѣловальниковъ и лучшихъ людей древняго русскаго судоустройства, въ эпоху Судебниковъ удержавшихъ одно контрольное положеніе на судѣ. Полицкіе судцы, помимо контрольной дѣятельности, принимали на судѣ самое дѣятельное участіе, являлись въ полномъ смыслѣ судьями, имѣвшими одинаковое съ княземъ право на доходы съ суда. — Князь производилъ свой судъ преимущественно на *путѣ*, «гдѣ иде, гдѣ гре около, ходѣи у путь по Полицкихъ» (115, 121, 122, 195, 262). Разъѣздною судъ князей и судей извѣстенъ былъ въ старое время у большинства Славянъ. О немъ говорятъ Винодольскіе Законы, Душановъ Законникъ (соудіе идоу по земли, коуде моу іестъ область), Польскіе Статуты (*wiesowe sądy, walmę гоку*) и русскіе источники. Тотъ же самый обычай путевыхъ судовъ держался до позднѣйшаго времени въ Полицѣ. Онъ устранялъ необходимость въ учрежденіи мѣстныхъ судовъ по отдѣльнымъ общинамъ, о которыхъ въ Статутѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека. Князь не меньше трехъ разъ въ годъ, или, лучше, въ теченіи своего княженія, обходилъ катуни и сѣда въ

судами землевладельцами и съ поманымъ дворянъ, «справде чинейи (питаючи) по законихъ полицкихъ» (или просто — по закону). Во время путей князь съ судцами, какъ видно изъ Статута, разбиралъ и судилъ *всѣ дѣла*, представлявшіяся на его судъ мѣстнымъ жителями, давалъ людямъ правду по законамъ полицкихъ (8, 236). Статутъ предоставляетъ княжему суду въ особенности разбирательство споровъ по племенщинамъ: «се немогу уложити у племенщину или него кнезь (и) судци, не будући вола обию странъ»¹⁾. Здѣсь можно бы спросить: почему Полицкій Статутъ выдѣляетъ въ компетентность княжяго суда въ особенности дѣла по племенщинамъ, предоставляя въ остальныхъ случаяхъ самымъ сторонамъ обратиться, по своему выбору, къ суду збора, ротниковъ или князя? Причину нужно искать, какъ намъ кажется, прежде всего въ самомъ существѣ и старомъ процессуальномъ характерѣ спорныхъ дѣлъ по племенщинамъ (наслѣдственному недвижимому имуществу, въ особенности землевладѣнію). Ни одинъ родъ процесса не требовалъ до такой степени разбирательства дѣлъ на мѣстѣ, какъ процессъ по поземельнымъ дѣламъ: въ старое время онъ всегда велся на самыхъ межахъ, — судьи выѣзжали на мѣсто, сюда являлись стороны, показывали межи и т. д. При особенномъ характерѣ полицкаго судоустройства, не дававшего мѣста учрежденію мѣстныхъ судовъ, подчинившаго всѣ судебныя дѣла общимъ органамъ жупской правды, поземельные процессы всего удобнѣе могли производиться, не столько на сборѣ или предѣ ротниками, не ходившими въ путь, сколько предѣ княземъ, «кад он гре оноло». Въ этомъ смыслѣ Статутъ и говоритъ, что «уложити у племенщину» можетъ только князь съ судцами — единственный, если можно такъ выразиться, подвижной органъ жупской правды, отправлявшій судебную дѣятельность на мѣстѣ и въ средѣ обстоятельствъ, требовавшихъ судебного разбирательства. — Судъ въ Полицѣ, какъ и вездѣ, былъ доходной статьей князя. Въмѣстѣ съ обязанностью производить судъ на мѣстѣ, во время путей, Полицкій Статутъ предоставляетъ князю право на «осуди» — судебныя пени, какъ это вообще принято за правило во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ. По древне-русскому праву судъ имѣлъ строгій вотчинный характеръ, составлялъ главную доходную статью князей: уже Правда усволяетъ князю взысканія и продажи, не оставляя никакого слѣда и намека на участіе общины въ пользованіи общественными пенями. Тоже самое нужно сказать о Душановомъ Законникѣ, предоставляющемъ общественныя пени царю и «царевымъ» судьямъ и властелямъ. Винодольскіе Законы строго различаютъ право князя и общины на судныя доходы. Перевѣсъ общины особенно замѣтителенъ въ Полицкомъ Статутѣ. По первоначальнымъ его статьямъ, община беретъ осудъ, не только съ суда на сборѣ, но и съ суда княжяго: «осуди, ча осуди кнезь и судци, кнезу половица, оиѣини половица» (2). Въ другой статьѣ вѣроятно позднѣйшаго происхожденія пеня предоставляется вообще тому, кто судить, — пеня съ княжяго суда дѣлится между княземъ и судцами (153). — Отъ суда князя полицкаго дозволяется апеллировать на сборъ, а «од потрибе». — къ князю сплитскому. Судъ послѣдняго очевидно, имѣлъ только посреднической характеръ (122, 239).

γ) Судцы — ротники. Въ Статутѣ они положительно отличаются отъ суда

¹⁾ Т. е. безъ воли обѣихъ сторонъ, никто не можетъ разрѣшать споровъ по племенщинамъ, кроме князя и судей (115).

княжого и вѣчеваго, являются вполнѣ равною имъ судебной коллегіей, къ суду которой каждый могъ обратиться на такомъ же основаніи, какъ и къ суду на зборѣ или предъ княземъ (6, 8). О ротникахъ говорятъ слѣдующія двѣ статьи Статута, которыя Майковъ весьма основательно относитъ къ двумъ разновременнымъ редакціямъ :

«И приаше Полица, да *четыри властеле и деветь* (въ заглавіи — *десет*) *дидиць*, да ка коли тужба *прид те суце* доходи, што би се тко тужио прокаратуром, или би сами тко тужио вим се, да *они питаю у благо од свега, а од племенцине тко би што хотио новщину учинити, да ти суци уставлаю и разгледаю* ¹⁾.

«А овои приаше поличане будући сви заедно, сви властеле и сва опѣина поличка, овако и по ова путь: учините по *четыри властеле и четири дидице* за *три мисеце; наконъ три мисеце да се друзи промине, ли такое у диле по осамтихъ е згора писанихъ*. ако му буде криво, да позива *прида не* (т. е. предъ нихъ) за три дни у свакому мисецу» ²⁾.

Обѣ статьи говорятъ объ однихъ и тѣхъ же судьяхъ. Въ 15-й статьѣ они названы *судци*. Значеніе ихъ полнѣе опредѣлено въ слѣдующей (16-й) статьѣ: если по дѣлу кметей господинъ не дастъ суда, «правду задоволну неучини», то истецъ «волень апелати *прид ове суце и ротнике*, да греде *прид ротнике*». Тѣ же самыя судцы перечисляются въ 153 статьѣ въ числѣ поличкихъ судей, пользовавшихся правомъ на доходы съ суда, — судцы 15 статьи названы здѣсь *судци — ротници*.

Полицкій Статутъ далеко не касается всѣхъ деталей устройства коллегіи судей-ротниковъ. Вотъ все, что можно сказать объ этомъ интересномъ институтѣ поличкаго судоустройства. Община избираетъ ротниковъ изъ племичей и дидичей. Коллегія состояла изъ 4-хъ властей и 9 или 10 дидичей; но, можетъ быть, позже ротники назначались поровну изъ обоихъ сословій (четыре властеля и четыре дидича). Впрочемъ, коллегія 13 ротниковъ могла существовать и независимо отъ 8-ти ротниковъ. Здѣсь можно видѣть аналогію съ устройствомъ сербской пороты, слагавшейся изъ 24, 12 и 6 поротцевъ, по различію дѣлъ «большихъ, манихъ (среднихъ) и меньшихъ». Можетъ быть, большая коллегія судила и большія дѣла, въ отличіе отъ 8 ротниковъ, избравшихся для дѣлъ менѣе важныхъ; хотя, вообще говоря, различіе между большимъ и малымъ «дльгомъ» не имѣло вліянія на устройство поличкихъ судовъ. Всего вѣроятно, что 13 и 8 поротниковъ — одно и то же учрежденіе, упоминающееся въ Статутѣ въ разные эпохи его развитія. Коллегія

¹⁾ И приняла Полица: 4 властеля и десять дидичей разрѣшаютъ всѣ споры по движимому имуществу, если представлена жалоба тѣмъ судьямъ (будетъ ли кто жаловаться чрезъ прокаратура или лично самъ); а если будетъ учинено насиліе по племенцинь, то тѣ же суды уставляютъ и разсматриваютъ (дѣло). Ст. 15).

²⁾ Поличане, будучи всѣ вмѣстѣ, всѣ властели и вся община поличкая, приняли слѣдующее: избрали 4-хъ властелей и 4-хъ дидичей на три мѣсяца; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ они смѣняются другими, (такъ чтобы) въ каждомъ отдѣлѣ было по 8-ми вышеисказанныхъ (властелей и дидичей) Кто будетъ обиженъ, тотъ пусть позываетъ предъ нихъ не далѣе 3-хъ дней до начала всякаго мѣсяца (19).

состояла изъ однихъ ротниковъ; ни откуда не видно, чтобъ на ихъ судъ присутствовали князь или княжій человекъ. Приставы, находившіеся при судѣ ротниковъ (6), нѣбли значеніе обыкновенныхъ исполнительныхъ лицъ, производившихъ напр. позы и пр. Самое названіе судцевъ ротниками показываетъ, что они производили судъ по присягѣ. Ротники избирались на короткое время — на три мѣсяца (заклетвенные судцы, какъ и другіе чиновники, отправляли должность въ теченіи года); по истеченіи срока службы старыхъ ротниковъ, коллегія обновлялась въ своемъ составѣ назначеніемъ новыхъ судей. Судъ ротниковъ учреждался не для однихъ племенныхъ людей, но вообще для всѣхъ свободныхъ людей; къ суду ротниковъ могли обращаться и кметы, если ихъ господинъ не давалъ имъ суда (16). Касательно дѣлъ, подлежащихъ суду ротниковъ, Статутъ просто говоритъ, что «они (ротники) питаю у *благо ода свега*, а од *племенци* ле тко би што хотио *новцину* учинити»; или въ другомъ мѣстѣ: «ки учини *кривину*, наиме тко учини *кво*,... и тко бы кога *било*.... или по ки путь коли тко учини *силу*.... и кто ли би се наша *лупеж меусобацъ*, племенять човикъ али кметийъ, да га они могу позвати и прити прид кнезомъ, али *прид суци* (ротники), али пред зборомъ» (8, 235). Изъ этихъ мѣстъ ясно видно, что компетентность суда ротниковъ распространялась на всѣ дѣла гражданскія и уголовныя. Исключеніе составляла одна племенщина: ротники судятъ только силу или новцину, — другія дѣла и споры по племенщинамъ, какъ мы видѣли, подлежали суду князя, который одинъ имѣлъ право разбирать и утверждать своимъ приговоромъ законныя права на племенщину (уложить у племенщину). Ротники имѣютъ значеніе настоящихъ судей. Они производятъ «судъ и питање»; въ своей коллегіи они «питаю, разгледаю и усталаю». Нѣтъ нигдѣ намека, чтобъ отъ ротниковъ дѣла переходили къ другимъ судьямъ. По всему видно, приговоръ ротниковъ считался окончательнымъ, не допускалъ перевершенія дѣла въ новой инстанціи.

Институтъ полицкихъ судей — ротниковъ несомнѣнно коренится въ одномъ источникѣ съ сербскою поротою. Порота и судцы-ротники въ одинаковой мѣрѣ судили по присягѣ, представляли *коллеию присяжныхъ*, взятыхъ на время изъ народа, — коллегію, противопологающуюся судамъ должностнымъ (вѣчвому и княжему) и посредническимъ (душникамъ и облublеннымъ судцамъ). Съ другой стороны, судцы-ротники представляютъ весьма существенныя отличія отъ сербскихъ поротцевъ. Они различны между собой въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

- 1) Полицкихъ присяжныхъ избирала община, сербскихъ и дубровницкихъ — большею частію сами стороны.
- 2) Полицкая община выставляла присяжныхъ изъ сословій, указанныхъ въ самомъ законѣ, — должность ротниковъ была привилегіей властелей и дидичей. Поротцы сербскіе всегда избирались изъ «дружины» истца и отвѣтчика, т. е. изъ лицъ равнаго съ ними состоянія.

- 3) Полицкіе ротники отправляли должность въ теченіи законнаго срока (трехъ мѣсяцовъ); поротцы сербскіе назначались одновременно. Первые судили въ теченіи цѣлой судебной сессіи; вторые призывались только въ одно судебное засѣданіе.

4) Въ Полицѣ одни и тѣже ротники судили всѣ дѣла, поступающія на ихъ разсмотрѣніе въ теченіи сессіи, на которую они призваны. Сербскіе поротцы призывались только для рѣшенія даннаго случая, послѣ чего они слагали съ себя должность поротцевъ. входили въ разрядъ простыхъ гражданъ.

5) Полицкая коллегія ротниковъ имѣла вполнѣ самостоятельный характеръ, слагалась изъ однихъ ротниковъ. Въ составъ пороты сербской и дубровницкой входили должностные судьи, — *ius* и *judicium* отправляли здѣсь различные органы.

6) Полицкіе поротцы не только оправдывали или обвиняли подсудимаго, но и «устанавливали судъ и питающе», судили въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поротцы сербскіе, напротивъ, только оправдывали или обвиняли, «да оправе или да окриве».

Въ послѣднемъ пунктѣ мы рѣшительно расходимся съ Майковымъ, ограничивающимъ дѣятельность полицкихъ ротниковъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго (см. Судъ присяжныхъ, 57). Въ этомъ случаѣ Майковъ вполнѣ отождествляетъ полицкихъ ротниковъ съ сербской поротой, что положительно невѣрно. Майковъ говоритъ, что, обяывая присяжныхъ оправданіемъ или обвиненіемъ и желая «избавить ихъ отъ окончательнаго исполненія приговора, уставъ самъ уже опредѣляетъ пеню, подробно говоритъ о наказаніяхъ за извѣстныя уголовныя преступленія, такъ что самъ уже законъ опредѣляетъ наказаніе и примѣняетъ его къ различнымъ случаямъ уголовныхъ дѣлъ». Положимъ даже, что Полицкій Статутъ дѣйствительно подробно опредѣляетъ наказанія; но значить ли это, что уставъ тѣмъ самымъ устраняетъ судей отъ окончательнаго исполненія приговора? Спрашивается, кто же опредѣлялъ наказаніе и исполнялъ приговоръ: ротники избавлены отъ этой обязанности; должностные судьи не имѣли права вмѣшиваться въ это дѣло; выходитъ, что приговоръ присяжныхъ просто — на просто всегда оставался безъ исполненія. Утверждать, что наказаніе назначалось и приговоръ исполнялся безъ посредничества и власти судьи, что *самъ* законъ заботился о примѣненіи наказанія къ данному случаю, не вѣряя этого дѣла какому либо органу общественной власти, значить высказать рѣшительное незнакомство, ни съ основными началами ученія о процессѣ, ни съ духомъ развитія юридическаго быта у Славянъ и въ частности въ Полицѣ. По основному правилу, равно извѣстному всѣмъ законодательствамъ, если дѣло вступило на процессуальный путь, то, вмѣстѣ съ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, было не менѣе важнымъ дѣломъ — примѣненіе наказанія, а оно, по самому существу своему, могло не иначе совершаться, какъ при посредствѣ власти дѣйствительнаго судьи. По Майкову выходитъ напротивъ, что Полицкій Статутъ оставлялъ на произволъ судьбы самую главную часть уголовного процесса, отправленіе которой всегда и вездѣ принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ судей, дѣйствовавшихъ *ex officio*. Если законъ точно и подробно опредѣляетъ наказаніе, то едва ли это значить, что онъ желалъ избавить судей отъ одной изъ ихъ служебныхъ обязанностей — отъ исполненія приговора и пр. Здѣсь скрывается иной умыселъ: точное опредѣленіе наказаній, въ особенности пеней, слѣдовавшихъ судьямъ или князю, можно объяснять, какъ угодно, но только не такъ, какъ объясняетъ Майковъ. Кромѣ финансовыхъ расчетовъ, законодатель могъ при этомъ

руководиться желаніемъ устранить лишь произволь судей въ назначеніи наказаній и исполненіи приговоровъ. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ основаній говорить, что Полицій Статутъ отличается точнымъ опредѣленіемъ наказаній на всѣ возможные случаи: этотъ вопросъ составляетъ самую трудную и капиталную задачу уголовного права, не всегда и не вполне удовлетворительно рѣшаемую даже современными намъ законодательствами. Полицій Статутъ, напротивъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прямо говоритъ, что законъ не можетъ опредѣлить до подробностей ни преступленій, ни самыхъ наказаній. Для примѣра приведу статьи о ранахъ и назначенныхъ за нихъ наказаніяхъ. Опредѣливъ пеня за главные виды членоповрежденій и за простые раны и побой, Статутъ далѣе говоритъ вотъ что:

«И бошь гди би се те такове ствари згодили, ке би такои веле сметене (сиртне), има се *процинити* по циньцихъ (свидоцихъ), ничъ по закону, а ничъ по мисли и кушенци, и паке *разабравши*, зачь е тои учинено и по чеми» ¹⁾.

«И толикое се има *цинити* веће еданъ (палець) од другога, колико е ки од кога вриди. и паке се има процинити, або би сасвим неманькао кон годи удь; тоту има бити *разледъ*» ²⁾.

«Има се видити, гди е и у ком мисту учинено, и на ком догованью, и с кога узрока; *зач се немогу све ствари напуно исписати, да има се по кушенци николико судити*» ³⁾.

«Они, ки буду равам цинци, имаю видити и разгледати и промисливши процинити ничъ по закону и обычаю, а ничъ по доисли и покушенци; зачь зе немогу преж све сваке ствари напуно сасвим законити, измирити и угонитити, *ни се могу преж све ричи у штатуть поставити*; да има се прозрити и *процинити*... све има сагнути и примирити, ере се немогу све ствари именовати, како е згора речено» ⁴⁾.

Эти мѣста ясно показываютъ, на сколько Статутъ желалъ освободить судей отъ опредѣленія наказаній: судьямъ, напротивъ, вѣнчалось въ обязанность назначать наказанія *по закону и обычаю*, даже по собственной *домисли* и *кушенци*. А что ротинки *судили* въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ объ этомъ положительно говорится въ слѣдующемъ мѣстѣ:

¹⁾ Если бы случилась такія дѣла (раны), которыя грозили бы смертью, то должно оцѣнить (ихъ) посредствомъ оцѣнщиковъ (свидѣтелей), отчасти по закону, отчасти по усмотрѣнію и совѣсти, разсмотрѣвши, изъ-за чего и какъ то учинено (39).

²⁾ И на столько одинъ (палець) долженъ цѣниться больше другаго, на сколько онъ важнѣе этого. И опять слѣдуетъ (иначе) оцѣнить, если бы совѣтъ не доставало какого либо члена. Во всѣхъ такихъ случаяхъ долженъ имѣть мѣсто осмотръ (40).

³⁾ Должно разсмотрѣть, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ учинено, на какомъ дѣлѣ и по какой причинѣ; потому что невозможно вполне опредѣлить (въ законѣ) всѣхъ дѣлъ, но должно судить по совѣсти (42).

⁴⁾ Оцѣнщики ранъ должны видѣть и смотрѣть (ихъ) и, обсудивши, оцѣнить, отчасти по закону и обычаю, а отчасти по усмотрѣнію и совѣсти; потому что невозможно всѣхъ дѣлъ вполне опредѣлить въ законѣ, измѣрить и установить, ни записать ихъ въ Статутъ; слѣдуетъ разсмотрѣть и оцѣнить... во все должно вникать и обсудить, потому что нельзя именовати всѣхъ дѣлъ, какъ выше сказано (64).

«И тако тогда осуда и свакога осуда гре по страни, а друга по оних судцем, ки тои буду судили: ако е о кнезу, тада кнезу и судцем; ако ли су (судани) судци-ротници, тада ним; ако ли е придь збором, тада оћани» ¹⁾.

Значеніе ротниковъ, какъ судей, несомнѣнно видно изъ этого мѣста. Они вполнѣ уравниваются съ зборомъ и княземъ, наравнѣ съ ними производятъ судъ и питање — дѣло, не ограничивавшееся однимъ оправданіемъ или обвиненіемъ обжалованнаго, но главнымъ образомъ обнимавшее назначеніе наказанія и исполненіе приговора.

Полиціе судцы-ротники, такимъ образомъ, отличались отъ сербской пороты во многихъ существенныхъ пунктахъ. Но ихъ нельзя также уподоблять нѣмецкимъ Schöffen'amъ — постояннымъ судебнымъ засѣдателямъ, избравшимся самымъ правительствомъ какъ бы въ помощь къ главнымъ судьямъ. Судцы-ротники занимали среднее мѣсто между поротой и скабинами. Ихъ нельзя выводить изъ вѣдѣнныхъ вліяній; на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на «уступку въ пользу сосѣдняго устроа»: уступка могла быть здѣсь лишь въ пользу собственнаго внутренняго устроа полицкой общины. Полица вовсе не знала чиновниковъ въ теперешнемъ смыслѣ. Вся должностная лица — главари и судьи Полицы, отъ малыхъ и до большихъ, служили общинѣ, имѣли въ большей или меньшей степени характеръ добрыхъ или лучшихъ людей, временно приставлявшихся общиной къ администраціи и суду, — во всѣхъ главаряхъ проглядывало такъ или иначе значеніе людей «заклетвенныхъ», ротниковъ. Общественный строй полицкой общины условливалъ не противоположеніе присяжныхъ чиновникамъ, какъ это напр. было въ Сербіи, но обоюдное вліяніе и сближеніе главарей и присяжныхъ судей. Оттого можно вѣдѣть съ Майковымъ сказать, что учрежденіе судей ротниковъ возросло «на славянской почвѣ подъ славянскимъ воззрѣніемъ: въ немъ, какъ учрежденія домашнемъ, высказалась своя распорядительность и особенность со стороны народа, которымъ оно было выношено и воспитано».

6) Правдъ законной, обнимавшей судъ предъ зборомъ, княземъ и судцами-ротниками, противопоставляется *правда облублена*, имѣвшая мѣсто «придь суци облублени» (133). Статутъ упоминаетъ объ этихъ судьяхъ почти только мимоходомъ. Имъ соответствуютъ русскіе трети, польскіе и мазовецкіе *jednascze* или *skladzce*, чешскій *soud slibny* (позднѣйшіе *roky domáci, rokovníci* или *práteleké uhlivce*), сербскіе душники или душевники, дубровницкіе *учиначье* и *ragum stanisim*. Общій строй посредническаго суда всегда былъ одинаковъ. Третьей избирали стороны, для рѣшенія дѣла въ каждомъ данномъ случаѣ. Они не присягали, брали дѣло на свою душу, судили по совѣсти. Трети только обязывались «оумирити», въ отличіе отъ поротцевъ, которые «да оправе или да окриве». Полицкій Статутъ не опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ имѣла мѣсто правда законная и въ какихъ —

¹⁾ И такимъ образомъ, вотъ и всякій осудъ идетъ (въ пользу) стороны, а другая (половина) судьямъ, которые то (дѣло) судили: если судилъ князь, то (осудъ идетъ) князю и судцамъ; если судцы-ротники, то имъ; если (судъ производился) предъ зборомъ, то (осудъ идетъ) общинѣ (153).

облюбленная. По словамъ Палацкаго и Ирѣчка, сербскіе душевники и чешскій *slibny soud* призывались только по менѣе важнымъ дѣламъ. Изъ дубровницкихъ законовъ о *stancium pactum et sacramentum* видно, что судъ третей (*pacv. stan.*) въ обыкновенныхъ случаяхъ предшествовалъ суду присяжныхъ, — порога и имѣла мѣсто, главнымъ образомъ, въ такомъ случаѣ, когда не состоится миролюбное соглашеніе, или когда затруднительность и важность дѣла требовали учрежденія *stancium sacramentum* (См. Палацкаго Сравни. Закон. Душ. 8 гл. Ирѣчка *Slov. pr.* II. 199. Рейца Политич. устр. далмат. город. 180. Мацѣйовскаго *Pamiętn.* II. 294).

2) Отдѣльныя формы суда, развивавшіяся рядомъ съ правдой жупской, составляли *суды вервные* и *господскіе*.

а) *Судъ вервный*. На него указываетъ постановленіе Статута «од племеньщины», гдѣ между прочимъ разбирательство споровъ между братьями вервыми предоставляется верви. Ей принадлежитъ судъ по кривдамъ вообще (гдѣ се кому криво види) и въ особенности судъ по спорамъ изъ за племенщины, принадлежащей верви (114. См. мою статью о значеніи верви сравнительно съ задругою).

б) *Судъ господскій*. Господинъ (господарь) — *подобан суцац* надъ зависѣвшими отъ него кметями и людьми. Въ значеніи судьи, господинъ получаетъ на общемъ основаніи судныя пени съ провинившихся людей; если они, напр. по апелліаціи истца, судятся въ другомъ мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ господинъ удерживаетъ право на пеню. Всякій, имѣющій спорное дѣло съ чужимъ человѣкомъ, долженъ прежде всего просить суда у его господина; при отказѣ истецъ можетъ обратиться къ сбору и вообще къ Полицѣ, съ просьбой принудить господина дать судъ. Послѣ вторичнаго отказа истецъ можетъ обратиться къ жупскимъ судамъ на общемъ основаніи. Къ нимъ же дозволено «апелати», когда истецъ останется недовольнымъ господскимъ судомъ: отвѣчать на судъ обязанъ самъ отвѣтчикъ. Взысканіе по судебному приговору обращается на виновнаго, а не на его господина. Съ другой стороны, всякій кметъ пользуется правомъ лично искать на другихъ, обращаясь съ искомъ или жалобой въ жупскіе суды на общемъ основаніи. Не видно, чтобъ при этомъ требовалось посредничество господина. Пока кметъ находится въ зависимости отъ господина, онъ долженъ безпрекословно исполнять всякій его судебный приговоръ; подложному человѣку, недовольному господскимъ судомъ, дозволяется возобновить дѣло въ жупскихъ судахъ только послѣ выхода его отъ прежняго господина: «да ако би кад пошаѣо од нега, волав би с правдомъ питати, ако би му ча криво али неподобно учиниѣо» (8, 9, 16, 122, 143, 151, 237 — 240).

Главными *исполнительными органами*, въ особенности правды жупской, считаются *приставы*. Статутъ различаетъ приставовъ *опѣениац*, *кметичац* и *имѣац*, состоявшихъ при сборѣ, князѣ и судахъ-ротникахъ. Приставы полагались также при правдѣ *облюбленной*. Одни приставы присягали на должность, почему и назывались *ротными*, въ отличіе отъ простыхъ приставовъ, не обязанныхъ присягой. Изъ Статута видно, что при каждомъ судѣ могло находиться нѣсколько приставовъ, — иногда одно судебное дѣйствіе (напр. позовъ) производилось цѣлой коллегіей приставовъ того суда, въ которомъ рѣшалось данное дѣло (1, 2, 6, 124, 126, 128, 131, 133, 135).

Судебная дѣятельность приставовъ опредѣляется въ Статутъ довольно точнымъ образомъ. Они *приставую*, чинятъ *приставщину* (124, 125, 129, 133), которая состоитъ въ производствѣ различныхъ судебныхъ дѣйствій — позововъ, шестыхъ разсѣдованій и осмотровъ, привода къ присягѣ сторонъ и поротничковъ (очистяниковъ) и пр.; исполненіе приговора принадлежало къ существеннымъ обязанностямъ приставовъ. Они дѣлятъ спорную землю, взыскиваютъ долги, если самъ должникъ добровольно не расчистается съ своимъ кредиторомъ, и пр. (6, 83, 116 и пр.). Сущность приставщины опредѣляетъ Полничій Статутъ слѣдующимъ образомъ:

«Пристави су, по кихъ се чине позови по закону, и правде питаю, и поротья, и продае, и такмине, и свидочаства и сваке ине ствари и дугованья меу людьми»¹⁾.

Приставщина возбуждается частной просьбой сторонъ, обращенной къ суду, о назначеніи и посылкѣ пристава, для исполненія напр. позова или другихъ судебныхъ дѣйствій. Въ понятіе приставщины входятъ въ особенности всѣ отправленія приставовъ, производившіяся ими вѣдъ суда, когда они «*приставую стоеши на мѣстѣ*». Послѣ того, какъ приставъ доведетъ суду о результатѣ исполненныхъ имъ дѣйствій, онъ *сиде у суду*: въ судѣ приставщина ограничивалась въ особенности допросомъ свидѣтелей и заклинаніемъ поротничковъ (124, 125).

Приставщина означала собственно *помощь*, которую приставы оказывали на судѣ сторонамъ. Сторона, приобретающая что либо по суду (ки допре и добуде племенщину, — ки пита терь добуде с правдом, — ки веѣе добива и ки се веѣе прппита, ча ине приа инила али држала), платила судьямъ опредѣленную закономъ осудъ. Десятая часть (*дил десети*, или просто *десето*) такой осуды слѣдовала всегда въ пользу приставовъ; приставы при облюбленной правдѣ получали только половину десятины. Статутъ, кромѣ того, постановляетъ, что и другая сторона, «ки ине хотню презъ парне (безъ суда) добровольно платити, ина пристава куньтати од себе». Приставничья плата взымалась всегда въ одинаковомъ размѣрѣ, хотябы въ данномъ дѣлѣ приставщина производилась нѣсколькими приставами: десятый дѣль осуды слѣдовалъ имъ по равнымъ частямъ. Если въ приставщинѣ участвовалъ приставъ ротный съ нѣсколькими простыми приставами, то одна половина осуды слѣдовала ротному приставу, другая дѣлилась между остальными (2, 128—133).

Приставы, въ особенности ротные, считались «подобни и достоини вири», пока не будутъ уличены въ «фалсо и хитрости» — незаконномъ исполненіи приставщины. Пристава дозволялось «нарекать» предъ судомъ. По старому закону, *кривой* приставъ терялъ довѣріе: вѣстѣ съ удаленіемъ отъ должности, ему грозило изувѣченіе (насыиѣ три ребра). Статутъ принялъ «милостивни» законъ: кривой приставъ «дужанъ иртвомъ враждомъ», т. е. старое наказаніе оплачивалъ денежнымъ выкумомъ въ пользу общины и оправданной стороны (124 — 127).

¹⁾ Приставы суть тѣ, посредствомъ которыхъ производятся поввы по закону, разсѣдывается правда и совершается присяга, продажа и договоры, свидѣтельство и всякіи инни дѣла и смощенія между людьми (123).

Полиціе приставы представляют изстаринное учрежденіе, встрѣчавшееся въ прежнее время у всѣхъ Славянъ. Они равно извѣстны всѣхъ древнѣйшимъ памятникамъ славянскихъ законодательствъ.

Старія хорватскія *sudovi* показываютъ, что *rotni pristavi* состояли при старыхъ хорватскихъ судахъ (*sudacki stol*) въ значеніи главныхъ исполнительныхъ учреждений. Они производятъ позы, исполняютъ приговоръ и пр., сидятъ на судѣ, вообще считаются одной изъ составныхъ частей суда (Arkiv. I. 203 — 204). Съ такимъ же значеніемъ извѣстны приставы (*pristavi*, *pristaldi*, *praecones* и пр.) средневѣковымими статутами приморскихъ далматскихъ городовъ (См. Рейца. 42—46).

Приставы Винодольскихъ Законовъ было общимъ названіемъ *слузъ*, *служабниковъ*, *позовниковъ* и другихъ лицъ, находившихся при князѣ и другихъ судьяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. позовники, назывались *ромени* (присяжные). Винодольскіе приставы отправляли тѣже обязанности, какъ и полиціе. Законы опредѣляютъ таксу платы, получавшейся приставами отъ сторонъ, смотря цѣнѣ иска (одъ нанвете и мане пре) и спорныхъ вещей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приставъ отряжался на мѣсто, напр. для осмотра поличнаго (убитаго животнаго и пр.), отъ получалъ вознагражденіе натурою (пару подошвъ). Если предметомъ поличнаго было мертвое «говедо» (скотъ, животное), то приставъ бралъ часть (если говедо было цѣло) или все поличное, а истецъ «ишти свое правде». Показанія пристава на судѣ считались достойными вѣры, пока приставъ не окажется *кривымъ*. Приставъ кривой, кромѣ удаленія отъ должности, подвергался конфискаціи имущества (19, 48 — 51, 65, 73).

Сеньскій Статутъ говоритъ о приставахъ (*pristavi*) и равнозначительныхъ съ ними *дворникахъ* (*dovornici*, *officiales curiae* = старорусскіе дворяне). Они производятъ позы, вводятъ во владѣніе и проч., получая за трудъ десятину, *desena soldinorum* (Ark. III. 159, 160).

Подобныя же учрежденія извѣстны старосербскому судоустройству. Законникъ Душановъ говоритъ о приставахъ (*прѣставъ*, *приставъ*); къ разряду приставовъ относились *дворяне* и *посланицы*. Приставы раздѣлялись на *дворскихъ* или *царевыхъ* и *судимыхъ*. Ихъ отряжали судьи на *работу*, однозначашую съ полицкой приставщиной. Приставы всегда дѣйствовали по «книгѣ царской или судивой»: вышедши изъ предѣловъ книги, особенно при исполненіи судебного приговора (если «иначе прѣтворить судъ»), приставъ считался *кривымъ*, какъ и въ Полицѣ подвергался изувѣченію (уръзанію языка и отсѣченію руки или ушей). Приставничье вознагражденіе, соответствующее полицкой и сеньской десятинѣ, носитъ названіе *издава*. Законникъ упоминаетъ, кромѣ того, объ отдѣльномъ родѣ приставовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *глобарей*, представлявшихъ къ сбору «глобы» (тоже, что вира Р. Правды). Глобари доселѣ держатся у Черногорцевъ. Быть можетъ, они соответствуютъ русскимъ вирникамъ, тоже представлявшимся къ виражъ.

Южнославянскимъ приставамъ соответствуютъ чешскіе *komornici*, *puhonci* и *posly* (*camegarii*, *bedalli*). При судахъ чешскихъ, какъ и полицкихъ, состояла цѣлая коллегія судебныхъ приставовъ. Главнымъ считался *starý komorník*, называвшійся также *komornícu starosta*, который завѣдывалъ всей коллегіей *коморниковъ*

(или коморничьихъ *drub'ovъ*). Въ старое время главный коморникъ иѣлъ при себѣ по найму (на *pajme*) нѣсколькихъ приставовъ; позже коморники сдѣлались постоянной (*stáli*) должностью (Archiv. cesky. I. 450, 451, 474, 476, 478. II. 78, 510. Ср. Ирѣчка Slov. pr. II. 183).

Старопольскіе *pristaldi* (*przystawy*) имѣли общее значеніе славянскихъ приставовъ. Изъ Вислицкаго Статута видно, что въ старое время польскіе приставы носили названіе *дѣтскихъ*, — по Статуту судебныя дѣйствія служебниковъ и возныхъ называются вообще *dzieckowanie* (См. Wojcicki Wisl. Stat. 7; ср. Статутъ въ Акт. Зап. Рус. I. 25). *Служебники* и *возные* (*sluzebnicy, woźni, ministeriales, officiales*) Вислицкаго Статута отправляютъ тѣ же обязанности, какъ и приставы другихъ славянскихъ памятниковъ. Они берутъ положенную закономъ плату и, въ случаѣ неисправности по службѣ, наказываются удаленіемъ отъ должности (Lelewel Polska wiek sr. III. 21, 39, 69. и др. Bandtkie Stężinski Hist. pr. pol. 134, 467. О приставахъ вообще см. Мацѣйов. Hist. I. 172. II. 66. III. 210. Палац. Сравни. Зак. гл. 6. Крстича, въ Гласн. IX. 124).

Наконецъ русскіе *дѣтскіе, отроки* и другія исполнительныя учрежденія Русской Правды коренятся въ одномъ источникѣ съ славянскими приставами. Въ періодъ московскихъ законовъ они объединяются въ одномъ учрежденіи *приставовъ*. *Помочное* Русской Правды (напр. Троиц. сп. 16 и 19) вполне соответствуетъ славянской *дѣсятинѣ* и *издавѣ*.

II. *Гражданское право*. Полициій Статутъ излагаетъ очень подробно постановленія объ отношеніяхъ имущественныхъ и наследственныхъ; есть также нѣсколько отдѣльныхъ постановленій о главнѣйшихъ родахъ обязательствъ (куплѣ — продажѣ, мѣнѣ и пр.). Ученіе объ отношеніяхъ семейственныхъ изложено весьма неполно, — одни вопросы вовсе не затронуты Статутомъ, по другимъ встрѣчаемъ только общія указанія.

а. *Семейственныя отношенія*, по Полициіому Статуту, слагаются изъ отношеній троякаго рода: отношеній между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми и между ближиками (верными братьями). Первые два рода отношеній обнимаютъ союзъ *челади* — семьи въ строгомъ смыслѣ; отношенія между верными братьями возникаютъ изъ союза *верви* (вервной дружины) — общины съ семейнымъ характеромъ.

1) *Челядь*. О челади, въ смыслѣ семьи, говорится въ двухъ мѣстахъ устава — о робствѣ и проклетствѣ. Запрещая робство подъ угрозой смертной казни, Статутъ прибавляетъ: «той се разуми, тро гредѣ (на войску с Турци или с Марьтодоси) главом, да е дужань (главом), а ина челадь да ни дужна главомъ»¹⁾. Точно также проклятымъ, т. е. наказаннымъ церковнымъ отлученіемъ, запрещается «опѣити ни живити с ними людьми, одложе челади од оне куѣ, гди стоя» (27). Челядь, живущая въ одномъ домѣ (куѣ), представляетъ союзъ мужа, жены и дѣтей. Въ отличіе отъ верви, имѣющей двусторонній характеръ, живущей по началамъ

¹⁾ Это разумется, когда кто идетъ самъ на войну съ турками или марьтодосами, — тотъ и отвѣчаетъ головой (своей), а другой чладь (его) семьи лично не отвѣчаетъ (17).

государственного и гражданского права, челядь означает семью въ тѣсномъ смыслѣ, цѣликомъ относится къ институтамъ права гражданского. По самому существу своему, челядь, подобно всякой семьѣ, обнимаетъ семейныя отношенія двоякаго рода: отношенія, возникающія изъ союза между мужемъ и женой и изъ союза между родителями и дѣтьми. Въ обоихъ случаяхъ Статутъ даетъ довольно интересныя указанія на тѣ обычаи, какихъ Полница изгари держалась въ сферѣ отношений семейныхъ. Указанія такія попадаютъ въ особенности въ статьи по наследству и имущественнымъ отношеніямъ.

а) *Отношенія между мужемъ и женой.* Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Статутъ оставляетъ въ полной силѣ старыя народныя обычаи, мимоходомъ касаясь только имущественныхъ отношеній между мужемъ и женой. Последняя, при замужствѣ, получаетъ отъ своей семьи только «*рухо* и *оброк* на одазу» (280), т. е. одежду и имущество, назначенное ей при выходѣ въ замужство, какъ это доселѣ въ обычаѣ у всѣхъ южныхъ Славянъ (См. Bogišić Pravní običaji i Slovena, стр. 120 и слѣд.). Имущество, вносимое невѣстой въ домъ жениха, называется *дотой* и отличается отъ *мужевьлы*, или *добра* мужа, которому дозволяется записать женѣ по завѣщанію часть своего добра, подъ названіемъ *багетель*. Вдова, имѣющая дѣтей, можетъ остаться на мужниномъ добрѣ, но, при вступленіи въ новый бракъ, беретъ съ собой только доту и багетелу (263).

б) *Отношенія между родителями и дѣтьми.* Въ понятіе *привъ* и *старшици* входятъ отецъ и мать, вообще *родители* и другіе восходящіе. Къ челяди принадлежатъ *остатки*, *порода*, *ближніе* или *присные*, — *дица* или *наследники*, къ которымъ относятся: *синове*, *хѣри* (пері), *унуки* и т. д. *Ближніе братья* и *сестры* по преимуществу называются дѣтьми и наследниками. Статутъ не говоритъ точно и подробно о родительской власти, главныхъ образомъ касается отношеній дѣтей къ *башинь*, т. е. отцовскому имуществу, которое можетъ перейти въ явѣ въ качествѣ наследниковъ. По Статуту, ближнимъ всегда «гре» *племенщина* (родовое имущество семьи), — здѣсь отцовскія права ограничиваются правами дѣтей, ближнихъ. Въѣствъ съ тѣмъ, уставъ признаетъ также нѣкоторыя права дѣтей и на благопріобрѣтенное имущество отца. Предоставляя ему полное право распоряжаться своимъ имуществомъ при жизни, какъ угодно, законъ ограничиваетъ отцовскій произволъ въ моментъ посмертныхъ распоряженій и дѣлежа семейнаго имущества между дѣтьми: «ниче триби, да одному (дица) мимо другога прем све на смрти оиде, а другога са свим ухили, него онако, како в достоино и подобно»¹⁾. Только въ определенныхъ закономъ случаяхъ отецъ можетъ «по души уилити» (устранить завѣщаніемъ) своихъ сыновей, дочерей и внуковъ отъ участія въ наследствѣ (башинь). Такимъ правомъ пользуется отецъ въ слѣдующихъ случаяхъ: когда сынъ подниметъ руку на родителей, окажетъ имъ неуваженіе (непошевѣ), обвинить ихъ въ какомъ либо преступленіи (помагъванъу), не касающемся вѣры и правительства (кое ние протива вири оли поглавици свитовному); когда сынъ

¹⁾ Не дозволяется одному мимо другаго отдавать все при смерти, а другаго вовсе устранять, но (слѣдуетъ дѣлать имущество) такъ, какъ (требуется) безпристрастіе и справедливость (75).

явный преступникъ или имѣеть сношенія съ «злочинцами»; когда покушался отравленіемъ или инымъ образомъ на жизнь родителей; когда осквернить отцовское ложе; когда изъ мести (по осваѣненію) причинить родителямъ большія утраты (тешке тратѣн); когда не хочеть вѣсто отца вступить въ «сужанство» (закупничество Р. Пр.); когда препятствуетъ родителямъ сдѣлать посмертныя распоряженія (наѣпокоѣну наредбу), когда занимается промысломъ безчестнымъ (напр. будеть шутомъ или дудочникомъ — «глумцемъ или цавомъ»); когда дочь или внука, не достигши 25 лѣтъ и имѣя возможность выйти замужъ, ведутъ распутную жизнь; когда дѣти не помогаютъ родителямъ, впавшимъ въ бѣдность; наконецъ когда не заботятся о выкупѣ ихъ изъ сужанства (281. Ср. 29, 47 — 50, 75, 114, 144, 200, 280).

Статуту вовсе неизвѣстно различіе между дѣтми законными, незаконными и усыновленными, какъ и мало говорится о положеніи *сиротъ*, оставшихся въ *сиротинствѣ* послѣ смерти родителей. Статутъ только запрещаетъ «с правомъ поприйти га или здвигнути нань нове парбу, кога би сиротинство затекло»¹. Обязанность отвѣчать по суду лежитъ на сиротахъ только со времени достижения совершеннолѣтія, начинавшася съ 18-ти лѣтнаго возраста (200).

2) *Верьь*. Отъ братьевъ ближнихъ и присныхъ Статутъ отличаетъ *братьевъ дальныхъ* (даони) или *не премъ присныхъ*, вообще *ближиковъ*, состоящихъ въ *братствѣ*. Братство такое опредѣляется, смотря по близости или дальности степеней родства, какъ это показываютъ слѣдующія статьи устава:

«Ако ли би тко убио брата не премъ присного, толпко има бити тиран, *колько му е био близу у братству*»²).

«Ако ли се иоще кои ближии нанде *ближе* од онога... ако ли ста (су та) *оба поеднако близкиа*, али би ихъ веѣе било, ки му су *еднако близу*»³).

Ближніе и дальные, кромѣ того, отличаются отъ *верныхъ* (врвни), называющихся *верными братьями*, *вервью*, *вервной дружиной* и *племенемъ*. Вервь, дружина, племя — различныя названія одного и того же учрежденія семейной общины. Если ближніе и дальные соединены между собой братствомъ, единствомъ происхожденія отъ одного лица, то вервные сближены сосѣдствомъ, принадлежностію къ одному союзу, живущему на одной племенщинѣ, «ка е *врвительа* (врвна). Членами (*лаве*, *дионици*, *братья*) верви могутъ быть, не только ближии, соединенные между собой братствомъ, но и другія лица, по своему происхожденію чуждыя между собой, безъ всякихъ кровныхъ связей. Названіе вервной дружины одинаково примѣняется ко всѣмъ, кто бы ни жилъ на вервной племенщинѣ. Въ сферѣ юридическихъ отношеній вервь имѣеть значеніе *юридическаго лица*, пользуется общими

¹) Т. е. искать на нихъ по суду и вчинать новый искъ противъ того, кого постигло сиротское состояніе.

²) Если бы кто убилъ брата не роднаго, то онъ на столько долженъ быть наказанъ, на сколько онъ близокъ былъ къ нему по братству (48).

³) Если какой либо ближній найдется еще ближе онаго... если тѣ оба одинаково близки, или еслибы много было такихъ, которые одинаково близки къ нему... (79).

гражданскими правами лицъ физическихъ. Вервинъ союзъ основанъ на началѣ равноправія членовъ и солидарности интересовъ союза и отдѣльныхъ его братьевъ. Вервиная племенщина имѣетъ значеніе общаго семейнаго имущества, составляющаго ответственность не вервинаго главы (господаря), но цѣлаго союза. Пока братья живутъ на общей племенщинѣ, до тѣхъ поръ для нихъ все *заедно*: «и добро и зло, и користъ и щета, и дузи, кому су дужни и тко е нимъ дужанъ, то им е *заедно отъ лено* докле се раздѣле, а када се раздѣле, тада е свакому свои дно» ¹⁾. Послѣ раздѣла теряется юридическій характеръ верви: на своихъ «особитыхъ дноницахъ» братья живутъ безъ общихъ повинностей и солидарности вервиной дружины (о верви см. 29, 47 — 49, 79, 114, 263, 264).

б) *О правахъ на вещи*. Полицій Статутъ развилъ очень подробное ученіе о правахъ на вещи. Въ немъ встрѣчаемъ точныя понятія о различныхъ родахъ имущества; дѣлается различіе между правомъ полной собственности и простымъ владѣніемъ, между частнымъ и общимъ имуществомъ; наконецъ говорится о способахъ пріобрѣтенія и актахъ укрѣпленія правъ на имущества.

1) *Роды имущества*. Имущество имѣетъ нѣсколько общихъ названій. Сюда относятся: *ричь, благо, иманье, добро* и *стварь* (4, 11, 12, 17, 22, 26, 271 и др.). Хозяиномъ (*господарь, глава*) вещи считается тотъ, кто владѣетъ ею, кому она принадлежитъ, — «ови, ки ю држи, кому пристое» (29, 47, 71, 73, 87, 90, 144). Кромѣ имущества общественнаго (иманье *полчишко*), бывшаго въ распоряженіи господа, упоминаются *ствари црковне*, благо и иманье *племенитыхъ людей, плетей, влашничей*, вообще лицъ, принадлежавшихъ къ свободнымъ состояніямъ (4, 17, 18, 21, 26, 29).

Статутъ точно опредѣляетъ различіе между движимымъ и недвижимымъ имуществомъ въ канитулѣ — «ча е *стабуло* али *шбулѣ*»:

«Зове се гибуѣе, *ча се шбле* или *ча се море ласно шбати*, а зове се стабуло али негибуѣе оно, *ча се с миста нешбле*» ²⁾. Къ вещамъ недвижимымъ отнесены: земля, кућа и полача («у ѣпно али у подѣ»), сельская полипа (мазанка), церковь, замокъ или пещера, «ка е становита» (неподвижна), также вода «жива», которая никогда не высыхаетъ. Напротивъ, вода «рваница (копанка), на е руками учинена», также кућа — гошноница (гумно), покрытая соломой, считаются вещами движимыми (76, 77).

Иманье, благо и *стварь шбуча* имѣютъ спеціальное значеніе благопріобрѣтеннаго имущества и въ этомъ смыслѣ противоплагаются *племенщинѣ*, имуществу наследственному (15, 17, 18). Имуществомъ благопріобрѣтеннымъ считается: «ча годн човикъ *примаиде* и *привави*, али *прижунѣ*, али *издвори*, али инако како годн

¹⁾ И добро и зло, корысть и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ долженъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлится; послѣ раздѣла всякій знаетъ только свою часть (31).

²⁾ Движимымъ имуществомъ называется то, что двигается или что можетъ легко двигаться, а недвижимымъ — что не двигается съ мѣста.

достинне собом и своимъ трудомъ ча би принашао ¹⁾). Въ особенности благоприобрѣтенымъ имуществомъ отдѣльныхъ лицъ считается все приобрѣтенное или послѣ раздѣла племенщины, или, что одно и тоже, послѣ выхода изъ союза верви: «ча е оны *особито* нашао и добио или прибавно *посли дила*, с ким дно има у племенщины» ²⁾). Последнее правило указываетъ на существенное различіе задружной и вѣв-задружной жизни по отношенію къ имущественнымъ правамъ отдѣльныхъ лицъ: пока они находятся въ союзѣ верви, до тѣхъ поръ все, что бы они ни приобрѣли, считается «опѣно засдно». По Статуту, о частной собственности можно говорить только касательно лицъ, не принадлежащихъ къ верви, — *прѣла* специально означаетъ благоприобрѣтенное имущество такихъ лицъ, отличавшееся отъ племенщины и дидинства (281). Позже смягчается строгая общинность южнославянской задруги; отдѣльные ея члены получили возможность, не выходя изъ задруги, имѣть свое отдѣльное благоприобрѣтенное имущество. Въ Славоніи доселѣ *ргсѣја* означаетъ отдѣльный ресуліумъ задругарей (Богшичъ, 37).

Имущество наследственное носитъ общее названіе *племенщины*, *дидинства* или *башини*. Племенщина, по опредѣленію Статута, «есть *стара башина*, ка е ошаста (остала) од првнихъ» (73). Значить, была еще *новая* башина, которая не доставалась отъ предковъ и вообще различалась отъ старой башины. Различіе между племенщиной и башинной видно и изъ другихъ мѣстъ. Напр., въ 47 статьѣ говорится: «племенщина, неговъ дно, ако ю има, (идеть) ближнему, кому *простои* (племенщина) *по башини*, како да би умро»; или въ 49-й статьѣ: «ако ли би тво убно ближнега али врнога за циѣа племенщине, да нему остане, ка (племенщина) би га има *простоати по башини*». Здѣсь пристоятъ по башинѣ, очевидно, значить принадлежать *по праву наследства*. По закону о причинахъ, по которымъ отецъ можетъ устранить своихъ сыновей отъ башини, башина обвиняется, не только *дидинство*, равнозначительное съ племенщиной, но и *прѣлю*, имущество благоприобрѣтенное (287). Прѣла отца, переходя по наследству къ его дѣтямъ, становилась для нихъ новой башинной, обращавшейся въ слѣдующемъ поколѣніи наследниковъ въ старую башину, племенщину въ собственномъ смыслѣ.

Отъ имущества благоприобрѣтеннаго и наследственнаго отличается имущество жалованное и дарованное частнымъ владѣльцемъ и господомъ, подъ названіемъ *даровщины* (*провижинуя*), *бенефиций* и *очестья* (очинства, очиства). Бенефиции и очестья отнесены къ стварямъ церковнымъ; даровщина — имущество, приобретаемое частнымъ лицомъ по пожалованію отъ правительства (26, 29), но тоже названіе могло отнестись и къ частному дару.

Есть также различія между имуществомъ общиннымъ, вервнымъ, семейнымъ (мужнинымъ и женнымъ) и частнымъ. Имуществомъ общиннымъ (*опѣно, попомо*) считаются въ особенности пашбища, земля, лѣса, пути и «жива» вода; изъ нихъ

¹⁾ Что либо человекъ приобрѣтетъ и прибавитъ, или прикупитъ, или произведетъ, или иначе какъ либо получитъ самъ и своимъ трудомъ приобрѣтетъ...

²⁾ Что оны отдѣльно нащелъ и добылъ или прибавилъ послѣ раздѣла съ тѣми, съ кѣми имѣлъ участіе въ племенщинѣ (74).

земли и лѣса могутъ также причисляться къ частнымъ и инымъ имуществамъ (95, 96, 99, 101, 104, 172, 201, 205). Названіе первой (*орвитъла*) носить племенщина, на которой живетъ верная дружина, а все ея имущество называется *оплено заедно* (31, 114, 171). Въ семьѣ имущество мужа, подѣ называется *мужевельми*, или просто *добра*, отличается отъ женной части — *домы* (собственно приданого) и *баиталы* (имущества, полученнаго женой по завѣщанію мужа. См. 263). Частное имущество называется *свое*, *особито*, *дио*, *особитъ дио*, *диошца*, *ждрибове* и *ждрибенице*; впрочемъ *дио* и *ждриб* означаютъ также части общинной или верной племенщины, бывшей въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ (20, 74, 75, 97, 102, 171, 172, 206).

2) *Суцность правъ на вещи*. Полицкій Статутъ устанавливаетъ различіе въ правахъ на племенщину и прѣю въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ:

«Они, тко ю (племенщину, стару башину) држи, има ю *радовати* и *уживати* и об нон *живити*; да ние подобно, да ю камо страти ни обратн брезъ велике *швоте*, него како вели старн законъ и обичай, *да ю онде онде* (по другому списку — *да ю онде*), *иди е и застае*» (73). Ховяину племенщины принадлежитъ право распоряжаться и пользоваться ею. Отчужденіе племенщины не дозволяется безъ великой нужды; но, какъ велитъ старый законъ и обичай, она должна оставаться тамъ, гдѣ и застагъ ее владѣлецъ.

«Ча би принашао, тои сваки законъ хоше, да с тимъ *волянъ* и *слободанъ* и у смртъ и у животь, или му за путь или му за душу, или ча му годн угодно о-т-оган учинити... то е нему слободно; *како е стекао, тако море наредити тои слободно куд ми годи драго*» (74). Благопріобрѣтеннымъ имуществомъ каждый можетъ, по закону, свободно распоряжаться при жизни и смерти, можетъ отчуждать, отдать за душу (по завѣщанію) и какъ угодно имъ распорядиться: какъ пріобрѣтено (имущество), такъ и можно имъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Мы уже видѣли, что полицкіе законы ограничивали право отца на *семеиное* имущество, — не только племенщина, но и прѣя, должны переходить къ дѣтямъ, «*како е достоинъ и подобно*», и только по особеннымъ причинамъ отецъ могъ «ухватити» ихъ отъ башины.

Право полной собственности отличается отъ простаго владѣнія. *Држанье од давна, од вика, закономъ вуковичнимъ*, существенно разнятся отъ простаго држанья (напр. по залогу), безъ полного права собственности. «Тко е у држанью од давна, *велику правъ* има, да е у *вике твердо и добро*, држи *мирно у вике*, — не може изъ тоган усилovati ни прити» (искать по суду). Простое држанье обращается въ великое право только въ такомъ случаѣ, когда владѣлецъ «е држао мирно през оповида» въ теченіи законной давности (114, 144, 271, 279).

Предметомъ правъ имущественныхъ могутъ быть *котаре*, *зай*, *испаша* (испасища), *мливи* и *коловае* (мянске и ступне), *кући*, *ловица* (рибаки и заточи), *лови зверьби* и *птичьби*, *пути*, *воды*, *живила*, *жито*, *виноградъ*, *рухо* и пр. Одни предметы могутъ быть только въ обществѣ владѣнія (*оплено, заедно, пополно*), другіе подлежатъ также частному усвоенію. Въ особенности интересны постановленія о правахъ на землю, лѣса, пастбища, мельницы и ловы — главнѣйшіе предметы

сельской жизни : основанный на изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ, полиціей уставъ даетъ вѣрную картину хозяйственнаго быта сельскихъ общинъ, державшагося въ старое время у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Земля находится въ отдѣльномъ обладаніи сельъ. Сельскіе *котарь* (пахатныя поля) отдѣляются межами, «оддионе и одтесите по границахъ». Котарь каждаго села составляетъ общую (*оидено*) принадлежность всѣхъ сельчанъ, обрабатывается ими по отдѣльнымъ участкамъ, называвшимся *дио*, *ждрибове* и *пополма земля*. Владѣльцами такихъ участковъ могутъ быть верви, отдѣльныя семьи и подворничы (дворы). *Дионикъ* (участковый владѣлецъ общинной земли) можетъ обрабатывать одну или нѣсколько попольныхъ земель. Земли попольныя, въ свою очередь, дѣлятся на *мыси*, или *тесаки* (тези), соответствующія нашимъ нивамъ или польскимъ рѣзамъ. Всѣ такіе поземельные участки отдѣлялись *мелашами*. Учреждать новыя межи, съ уничтоженіемъ старыхъ, можно было только съ согласія общины (95, 101, 104, 106, 111, 241).

Общинное обладаніе землей не было обязательнымъ для сельчанъ. Каждому дозволялось заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати» землю и просить для себя «дила»; общій раздѣлъ земель допускается, «ако би све село било кунтенто, хотило меу собом раздѣлити ган али котарь, рекуди ако немогу али нете заедно пасти али држати» ¹⁾. Въ селахъ, раздѣляющихся на верви и дио (изъ которыхъ каждый участокъ имѣетъ право на свою племенщину), земли и ган дѣлятся по числу вервей и участковъ, а въ нихъ — по хозяевамъ, дворамъ и племенщинамъ (собственно хозяйствамъ), смотря по тому, сколько каждой верви идетъ въ башину. Въ селахъ со многими участниками, безъ отдѣльныхъ вервныхъ племенщину, дѣлежъ производится по обычаю (почело од искони), — земли дѣлятся на «старе и законите ждрибове» (102).

Въ общинномъ владѣніи сельъ находятся, дагѣ, *сеоски лѣса* (сельскіе лѣса). Общинныя лѣса (*старе и законите ган*) находятся въ безраздѣльномъ пользованіи сельчанъ : каждому селу дозволяется «свое гае ганти и понмати добитакъ», съ запрещеніемъ пасти въ нихъ скотъ, не только сосѣднимъ (сусуднимъ, сумежнимъ, субляжнимъ) селамъ, но и «самимъ од себе и од селамъ своихъ». Право входа въ общинныя лѣса, для пастбища, предоставляется только во время обработки по полной земли (95, 97, 104). — Наряду съ законитыми гаями, принадлежавшими отдѣльнымъ селамъ, допускаются *особити дио*, бывшіе въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, выдѣленные изъ общиннаго обладанія сельъ. Каждому селу предоставлялось съобща владѣть лѣсами, или раздѣлить ихъ на участки, по числу вервей и дио, наконецъ, предоставить отдѣльныя ждрибове въ собственность сельчанъ. Въ такомъ случаѣ лѣса дѣлятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и общинныя земли (97, 101 — 103).

Испашы и испашница (пастбища) — главный предметъ общиннаго пользованія сельъ. Полиціей Статутъ положительно запрещаетъ раздѣлъ пастбищъ : «тон

¹⁾ Т. е. если бы все село было согласно, хотѣло раздѣлить между собою лѣса или поля, говоря, что не могутъ или не хотятъ вмѣстѣ пасти или владѣть (101).

(испани) се не море дилити жеу собом, ере се и тако ли неби могло од селанина бранити пасти; не такам од свога селанина, но и од сусиднега села неима се бранити по закону пасти по испани»¹⁾. Испани составляютъ общую принадлежность «сумежнихъ или сусиднихъ» селъ; «третье село», не ивиющее съ ними общихъ межъ, не доускается къ пользованію пастбищемъ. Сельчане ближайшихъ селъ и называются *сусидлами* въ томъ смыслѣ, что имъ предоставляется исключительное право на испани. Испани были мѣстомъ *стамоов* — временныхъ стоянокъ пастуховъ (по преимуществу влаховъ), переходившихъ съ одного становища на другое. Статутъ запрещаетъ учреждать стаи близъ чужаго «меаша» (межи), чтобъ удобнѣе пользоваться пастбищемъ на чужихъ земляхъ (95, 96, 99).

Дороги, подобно испашамъ, принадлежали къ предметамъ, не подлежащимъ частному усвоенію. «*Пути опѣени* имаю бити *слободни свакому*, како е законъ». Въ Полицѣ былъ «путь опѣени велики крозь жупу» и сельскіе «гонники». Путь великій долженъ быть шириной «въ одну розгу» (какая-то мѣра); гонникъ полагается достаточно широкимъ, если по немъ могутъ ходить два вола въ ярмѣ. Безъ дозволенія общины или суда, запрещалось уменьшать и переводить (стисковать или инамо одтиснути, одврати) пути въ другое мѣсто (201, 202).

Точно также *вода жива* считалась *опѣена*, на чьей бы землѣ она ни протекала. Напротивъ, вода *рваница* (рваница, — напр. копанка, колодезь и пр.) составляетъ частную собственность (особито), принадлежитъ тому, «тко ю на свомъ изрве». Вода *даашева* можетъ быть частнымъ «добромъ и кормыстю» того, кто собереть ее на своей землѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда вода не течетъ на чужую землю (205 — 206).

Млины и *коловаи* (млиanske и ступне) составляютъ принадлежность земли, на которой они устроены. На частныхъ земляхъ они принадлежатъ землевладѣльцамъ. На вервныхъ участкахъ мельницы строятся съ общаго согласія братьевъ, ивиющихъ равное право на доходы съ мельницъ. На «опѣеномъ» устроеніе мельницы дозволяется только съ согласія общинъ; но если, при ея постройкѣ безъ вѣдома общины, никто не противился и мельница устроена мирно, безъ всякой «противщины», то ее никто не можетъ отобрать отъ владѣльца, — она оставляется «у дно неговъ». Но при этомъ требуется, чтобы мельница не строилась «у тин, ни ласно али брзо», т. е. тайно и въ теченіи самого непродолжительнаго времени (170 — 175).

Отдѣльный предметъ имущественныхъ правъ составляютъ, по Статуту, *ловища*, *рибнаки* и *заточи*, *ловы звирь* и *птичь*. Рыбная ловля на живой водѣ составляетъ свободный промыслъ. Въ частномъ владѣніи, гдѣ устроены особыя заведенія для ловли (заточи, рибнаки), запрещалась ловля безъ воли хозяина (187). Ловы звирь и птичь каждый можетъ устроить на своихъ и чужихъ земляхъ. Всякій звѣрь принадлежитъ поймавшему его «заводнику»; медвѣдь и лисица — тому,

¹⁾ Испани нельзя дѣлать между собою, чтобъ чрезъ то не возобранитъ селянамъ пастбище. По закону не должно воспрещать пасть на испани, не только своему селянину, но и сосѣднему селу (101).

кто ихъ убьетъ. «Потонники и ловцы», помагавшіе заводнику, получаютъ *потоцно* — известную часть добытка, смотря по большому или меньшему труду ловцовъ. Если зверьи ловы перейдутъ на чужую землю, то ея хозяинъ получаетъ въ «очестье» четвертую часть лова (222 — 225).

3) *Способы приобретения правъ на вещи.* Статутъ указываетъ на *находку*, *присвоеніе* вещей, никому не принадлежащихъ въ собственность (зверьи лова и пр.), на *договоры*, *приращеніе* и *давность*, какъ на главные способы, путемъ которыхъ каждый можетъ приобретать вещи въ свою собственность. О первыхъ четырехъ способахъ говорится только мимоходомъ: «ча годя човникъ *принанде и прибави*, али *пржкуни*, али *издвори* (произведеть), али инако како годя *достинил собом и своимъ трудомъ* ча би *принашао*», тѣмъ каждый «волянъ и слободанъ» распорядится, какъ своей собственностью (74, 144).

Гораздо точнѣе опредѣляется юридическое значеніе *давности*, какъ одного изъ главныхъ способовъ приобретенія имущественныхъ правъ. Давность носитъ названіе *закона вѣковнаго* (законъ вуюковичи). Простое држанье, въ силу такого закона, обращалось въ «велику правъ». 30-ти-лѣтній срокъ считается въ Статутѣ общей гражданской давностью по дѣламъ о племенщицахъ и всякихъ стварахъ. Въ некоторыхъ случаяхъ допускается годичная давность. Она имѣла мѣсто по вопросу о выкупѣ племенщины, перешедшей въ чужія руки по продажѣ или мѣнѣ: по истеченіи года новый владѣлецъ племенщины въ правѣ отказаться отъ выкупа. Такижъ же образомъ мельница, усуровенная на общинной или чужой землѣ и не осуровенная въ теченіи года, остается въ вѣчномъ владѣніи ея хозяина. Иногда просто говорится о владѣніи «од давна, од вижа, од только давна времена, како у непомну запустила». Давность получаетъ законный характеръ, когда она протекла «мирно, безъ оповида, утиска или противщины, безъ парницы» (парны, суда), когда никто «не противно, уставлао, ни оповидао». (32, 79, 84, 114, 144, 172, 271, 279).

4) *Укрѣпленіе правъ на вещи.* Ученіе Полицкаго Статута о правахъ на вещи касается вопроса, не только о приобретеніи, но и объ укрѣпленіи имущественныхъ правъ. Запрещая самоуправство, Статутъ принимаетъ за правило, что никто не можетъ лишиться своего права безъ суда (неморе се из држанна изнети безъ правде), — каждый въ правѣ защищать свое држанье законными средствами судебной защиты (4, 114, 170). Но для того, чтобы држанье имѣло за собой «велику правъ», оно должно основываться на давности или актахъ, установленныхъ закономъ ради укрѣпленія имущественныхъ правъ, — на *листахъ*, *письмахъ*, *сентенціяхъ* и другихъ письменныхъ актахъ. Со времени учрежденія канцлирии, составленіе главнѣйшихъ актовъ получило оффиціальныи характеръ. Изъ книгъ (*канцирына*) канцлирии выдавались письма, *столачки* листы и пр., со взысканіемъ за нихъ положенныхъ пошлинъ въ волю общинаго канцлира. Болѣе важные акты, напр. *сентенція*, печатались на «буньяжии». Листы законные, «достинил и подобни», отличались отъ листовъ *кривилъ*. Въ случаѣ предъявленія по одному и тому же дѣлу нѣсколькихъ актовъ, Статутъ требуетъ «видити и разгледати, кои су листове *болы* и *подобницъ* и *старильи* и с *болымъ редомъ* учинени». Болѣе действительными актами считаются тѣ, по которымъ «улизено у држанье», послѣдовало действительное

вступление во владѣніе имуществомъ. Право, укрѣпленное законнымъ актомъ, приобретаетъ строгій юридическій характеръ, считается «у вѣки право и добро», — владѣлецъ приобретаетъ на свое имущество «велику правъ», никто «неморе из тогача условати ни прити» (72, 144, 145, 271). — Учрежденія, сходныя съ полиціи кватрирами и листами, находимъ въ другихъ славянскихъ памятникахъ. Душановъ Законникъ говоритъ о *хрисовуляхъ* (царскихъ грамотахъ, дававшихся городамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ), *книгахъ царевоыхъ* и *судинихъ*, въ которыя записывался «судъ», т. е. всѣ судебныя дѣла и акты, въ особенности приговоры судей; *книга* (приговоръ) выдавалась судьей также тому, кто по суду былъ оправданъ (русская правая грамота). Книги и хрисовули считались не действительными, если неправильно составлены и «разоряютъ» Законникъ (См. Законникъ, 39, 93, 114, 116 — 118, 141, 184). У чеховъ *dsky* и *listiny* (*zakladaci*, *dogovaci*) принадлежатъ очень древнему времени. Листы (частные акты) являются съ конца X вѣка; они очень долго были главными актами укрѣпленія имущественныхъ правъ. *Dsky* — официальные книги, составлявшіяся при надворномъ и земскомъ судахъ первоначально для записки всякихъ официальныхъ актовъ; съ конца XIII вѣка въ *dsky* стали записывать все, что ни происходило на судѣ, вмѣстѣ со всякими частными записями по дѣламъ гражданскимъ. *Dsky* раздѣлялись на *doorske* и *zemské*, послѣднія — на *menšie* (для записки актовъ по меньшимъ дѣламъ) и *velikie* (по дѣламъ, касающимся большихъ панскихъ имѣній, въ особенности по отчужденію, *trham*, и такъ назыв. *spolkam*). По различію актовъ, *dsky* раздѣлялись также на *rbogonné* (для записки судебныхъ позвововъ), *trhové* (или просто *dsky*, для записки всякихъ частныхъ листовъ и договоровъ) и *ramalné* (въ нихъ вносились для вѣчной памяти дѣла, касающіяся всей земли). *Vypisy* — извлеченія изъ книгъ, выдававшіяся частнымъ лицамъ (Palacky Archiv. I. 56. II. 510. Wiktorin Kogn. ze Wsehrd Knihy dewateru, 356 — 360. Ирѣчка Sl. pr. I. 151. II. 230 — 232). Подобнымъ образомъ, въ Польшѣ урядовые и частные акты становятся извѣстными уже въ X вѣкѣ. Съ XIII вѣка являются *книги*, соответствующія *дскамъ* чешскимъ. Къ такимъ книгамъ принадлежали: *metryka*, составлявшаяся въ королевской канцеляріи, *akta* или *kniagi wiesowe* (для внесенія приговоровъ вѣчевыхъ или вальныхъ судовъ), книги *zemskія* и *городскія*. (Bandtkie-Stezyński Hist. pr. pol 453 — 460. Мацѣйов. Pamięt. 303 — 305). У насъ также изстарѣ извѣстны были акты укрѣпленія имущественныхъ правъ. Интересныя указанія на нихъ находимъ въ особенности въ Псковской грамотѣ, различающей акты частные (*грамота*, *рядница*, *порядня* или *подрядня*, *рукописаніе*, *запись*, *доска*) и судныя, (*судница* — позднѣйшая правая грамота, — *грамота безсудная*, *приставная* и пр.). Псковская доска (по мнѣнію изслѣдователей — теперешняя бирка) представляетъ много аналогіи съ чешской *дской*. *Ларь* — архивъ для храненія правительственныхъ актовъ и болѣе важныхъ частныхъ грамотъ, въ особенности *рядницъ* (письменныхъ договоровъ) и *рукописаній* (духовныхъ завѣщаній). Внесеніе въ *ларь* частныхъ актовъ придавало имъ силу какъ бы крѣпостныхъ актовъ.

с) *Наслѣдованіе имущества*. Полицій Статутъ допускаетъ открытіе наслѣдства въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: въ случаѣ преступленія или смерти владѣльца имущества, также въ случаѣ раздѣла верви. Вопросъ о наслѣдованіи можетъ

возникнуть, кромѣ того, при отчужденіи племенщины въ чужія руки. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ устанавлиются различныя порядки наслѣдованія имущества.

1) Вопросъ объ открытіи наслѣдства можетъ возникнуть въ слѣдъ за обвиненіемъ владѣльца имущества въ совершеніи тяжкаго преступленія. Сюда относятся убійство, невірство (измѣна), рабство и другія публичныя преступленія, когда виновный объявлялся лихимъ человѣкомъ. Въ большинствѣ случаевъ имущество движимое переходило къ общинѣ, племенщина къ ближнимъ (17, 18, 51, 188, 266); по одному закону о невірствѣ, общинѣ отдается вообще все имущество преступника — движимое и племенщина (231). Позже ближніе освобождены отъ ответственности, получили право на весь «дио» преступника, безъ различія племенщины отъ движимаго имущества (169). Изложенныя правила касаются имущества племенчей, — имущество кметей и влашней дѣлилось между общиной и господиномъ, съ полнымъ устраненіемъ ближнихъ отъ наслѣдства (17, 18). Племенщина убійцы брата приснаго, по Статуту, переходитъ къ ближнему, къ которому она должна перейти и при обыкновенномъ порядкѣ наслѣдованія. Кто убьетъ ближняго или вервнаго, съ цѣлью завладѣть его племенщиною (которая при обыкновенномъ порядкѣ перешла бы къ нему по наслѣдству), тотъ теряетъ свою наслѣдственную часть, — она отдается другому ближнему «по разлогу од племена». Если убитый оставить однихъ дочерей, то племенщина достается имъ (47, 49, 50).

2) Самый обыкновенный случай открытія наслѣдства — *естественная смерть* лица, послѣ котораго имущество вступаетъ въ раздѣлъ между наслѣдниками. Статутъ различаетъ въ этомъ случаѣ два порядка — завѣщательные и законные, на которыхъ основана система наслѣдованія имущества послѣ смерти ихъ владѣльцевъ.

Статутъ говоритъ о *тастаментъ*, предметомъ котораго можетъ быть одна *црѣна*, т. е. имущество благопріобрѣтенное. При жизни каждый можетъ свободно распоряжаться имуществомъ, добытымъ собственнымъ трудомъ, можетъ отдать его «за душу» и пр. Если, по выраженію Статута, человѣкъ находится при смерти (ако би био човикъ на смрти) и имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей или наслѣдниковъ, «кому него остае, тада е воланъ све од тога учинити». Тоже самое положеніе Русская Правда выражаетъ такимъ образомъ: «аже кто оумирая раздѣлитъ доль свои дѣтемъ, на томъ же стояти» (Троиц. ст. 87). Отцу предоставляется Статутомъ и Правдой право сдѣлать распоряженье между дѣтьми, указать — какою частью наслѣдства каждый изъ нихъ долженъ владѣть. Въ то время, какъ Правда, по видимому, предоставляетъ все дѣло произволу отца, Статутъ прибавляетъ къ предъидущему положенію слѣдующее замѣчательное мѣсто: «него само ние триби, да одному мимо другога прем све на смрти оиде а другога са свим ухили, него овако, како е достопно и подобно». Выше мы показали смыслъ этого мѣста. Обычай, несомнѣнно общій для всѣхъ Славянъ, устранилъ произволъ отца въ минуту посмертныхъ распоряженій, да и вообще свобода завѣщаній и посмертныхъ распоряженій долго не имѣла мѣста въ старыхъ славянскихъ законодательствахъ. Если и допускались завѣщанія, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ всѣ распоряженія дѣлались въ нихъ съ согласія и при самомъ дѣятельномъ участіи законныхъ

наследниковъ. Въ одной старой хорватской *sudovi* (судной грамотѣ) прямо говорится объ обычаяхъ составлять завѣщанія по соглашенію съ наследниками: «*ki testament est usinil buduci v mali moći a v plni svoei pameti, ki testament e usinil s moju dobru volju i dopuscenost svih ki koli ns i nase hase* (кући, дома) *pristoe, blisnih i dalnih*» (Arhiv za pov. jngosl. I. 207). Завѣщательные порядки наследованія имущества развились у Славянъ, по справедливому замѣчанію Ирѣчка, изъ «*rgáv sızich*», — у насъ подъ влияніемъ права византійскаго, у Славянъ западныхъ — права римскаго и германскаго (Ирѣч. Sl. pr, II. 280).

Подъ *башинной* Полиціей Статутъ, какъ мы видѣли, разумѣть не одну племеницу, собственно родовое имущество, *дидинство* или *стару* башину, доставшуюся отъ предковъ (првихъ), но и *прѣлю*, собственное имущество отца, приобретенное имъ собственнымъ своимъ трудомъ. Допуская личное распоряженіе отца при раздѣлѣ между дѣтьми своей прѣли, даже позволяя отдать ее чужимъ, Статутъ говорить, что старая башина «да ъе онде, гдѣ е и застаю», т. е. должна остаться въ семьѣ, перейти къ ближнимъ по самому закону. Право устранить ихъ отъ башины (т. е. дидинства и прѣли) предоставляется отцу въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ (73, 75, 281).

Самый порядокъ законнаго наследованія имущества Полиціей Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Подобно Русской Правдѣ, Статутъ прежде всего опредѣляетъ положеніе вдовы, затѣмъ уже переходитъ къ дѣтямъ. Вдова (удовица), оставшаяся «пощено» (т. е. не выходя замужъ) съ дѣтьми на добру мужа, можетъ (до смерти) жить и распоряжаться «*мужевѣлюю*» вмѣстѣ съ дѣтьми. Если она вступить въ другой бракъ, то ничего не беретъ съ собой изъ имущества мужа, кромѣ своей доты (приданого) и багатыли, т. е. части, завѣщанной ей мужемъ, — правило, почти буквально сходное съ статьями Правды: «Аже жена сядеть по мужи» и «Аже жена ворчеться съдѣти по мужи» (Тр. сп. 88 и 95). Мужниное имущество дѣлится между дѣтьми. Если умереть сынъ вдовы, вышедшей замужъ, то его имущество переходитъ не къ матери, но къ его братьямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ сестрамъ и ихъ ближнимъ (263, 264). Статутъ ничего не говоритъ о дальнейшей судьбѣ наследства, когда вымрутъ все члены семьи. Въ этомъ случаѣ, очевидно, имѣли силу старыя обычая народныя, одинаково развитыя у всѣхъ Славянъ и перешедшія въ большинство законодательныхъ памятниковъ другихъ Славянъ (напр. Винодольскихъ Законовъ, Р. Правды и пр.).

Русская Правда и Винодольскіе Законы даютъ наследству строгій семейный характеръ: если нѣтъ дѣтей — законныхъ наследниковъ, то имущество переходитъ къ князю, считается выморочнымъ. Загребскіе Законы пошли дальше: признавая законными наследниками однихъ дѣтей, они призываютъ къ наследству когнатовъ на томъ же основаніи, какъ Правда призываетъ князя, т. е. на «правѣ выморочномъ», — если нѣтъ когнатовъ, то имущество отходитъ къ общинѣ.

По древнему чешскому праву, наследство дѣлится между братьями поровну; сестры, не выданныя замужъ, живутъ при братьяхъ, а выданныя получаютъ отъ нихъ приданое. Вдова можетъ жить съ дѣтьми, или поселиться на своей части. Дочери призываются къ наследству, когда нѣтъ въ живыхъ сыновей и ихъ нисходящихъ.

Если случится, по выраженію Книги Товачовской, что «отдѣлившійся братъ не распорядится своимъ имуществомъ и *bez orbinov* (безъ наследниковъ, т. е. дѣтей) умереть, то его имущество переходитъ къ другимъ братьямъ и къ нисходящимъ, — порядокъ, рѣшительно сходный съ порядкомъ наследованія по Законамъ Загребскимъ. Выморочное имущество окончательно отходитъ къ князю (Иръчка Sl. pr. II. 278 — 280).

Тѣже самыя правила развиваетъ Душановъ Законникъ. «Ако ли (властелинъ) немна сына а има *дыщъръ*, да има дѣщи оузети или продати или отдати свободно. Кои властелинъ имать *дѣтъцоу*, или не имать, и оумреть, и по нѣгове смрти бащина поуста останеъ, аще се обрѣщеть отъ нѣгова рода до третiego братоу чеда (племянника), ть да имать нѣгову бациноу» (40, 136). Бащина пуста Законника соотвѣтствуетъ «одумрти, пуццзѣнѣ, пустовщизнѣ» или «кадуку» другихъ Славянъ, а эти учрежденія, по вѣрному замѣчанію Мадѣйовскаго, вездѣ означали выморочное имущество (Hist. v. 130), первоначально переходившее у всѣхъ Славянъ къ князю или общинѣ, позже къ боковымъ родственникамъ, на одномъ и томъ же выморочномъ правѣ.

Съ такимъ значеніемъ выморочное имущество доселѣ удерживается у Черногорцевъ. Даниловъ Законникъ развилъ очень подробно систему наследственнаго права, большею частію основанную на старыхъ народныхъ обычаяхъ. Только въ постановленіяхъ о завѣщаніи Законникъ подчинился вліянію новаго времени, значительно расширилъ свободу завѣщанія. Вотъ главныя постановленія Законника по наследственному праву. У Черногорцевъ доселѣ все наследственное имущество раздѣляется на двѣ главныя части: «отчизнство», соотвѣтствующее полицкой прѣип (благопріобрѣтенное имущество отца); и «дядизнство» — имущество предковское, полицкая племищина, дядизнство или старая бащина. Отчизнство можетъ быть раздѣлено между дѣтми, собственно сыновьями, самымъ отцомъ, по собственному его усмотрѣнію, — отецъ можетъ дать одному сыну больше другихъ. Его распоряженіе должно оставаться ненарушимымъ. Но отецъ можетъ, по завѣщанію или другимъ образомъ, передать свое имущество чужому, вовсе минуя близкихъ. Если не будетъ отцовскаго распоряженія по имуществу, то оно, послѣ смерти отца, раздѣляется поровну (по еднакомъ дѣловима) между сыновьями. Вдовѣ принадлежитъ до смерти или до втораго брака пользованіе мужнинымъ имуществомъ, — раздѣлъ наследства между сыновьями на указанныхъ основаніяхъ имѣетъ мѣсто только послѣ смерти матери или выхода ея замужъ. Дочери, при братьяхъ, получаютъ одно призаное (если выдутъ замужъ). Они призываются къ наследству, когда нѣтъ братьевъ; между сестрами дѣлится наследство тоже поровну, кромѣ отцовскаго оружія, отдающагося ближайшему родственнику (нейближшиму прибужену). Если внѣстѣ съ дочерьми остались и сестры лица, оставившаго наследство, то дочери получаютъ двѣ части, сестры — одну. «Ако ли *остане пустошь*», т. е. если вовсе не будетъ наследниковъ, то имущество (очевидно, на выморочномъ правѣ) получаетъ «*наиближа ближика*», а если такового не окажется, то имущество отходитъ въ казну (См. Зак. §§. 48 — 57).

3) Семейное наследственное право Славянъ имѣло до такой степени строгій характеръ, семейное имущество такъ тѣсно связывалось у нихъ съ семьей и

отдѣльными ея членами, что считалось почти немислимымъ дѣломъ выхоть его изъ семейнаго круга. Оно было главнымъ хозяйственнымъ элементомъ старой славянской семьи, — безъ своей племенщины семья терала подъ собой почву: удержаніе племенщины во владѣніи семьи было капитальнымъ интересомъ всей общественной жизни Славянъ. Оттого во всѣхъ древнихъ законодательствахъ Славянъ замѣчаемъ одно и тоже стремленіе къ удержанію племенщины въ предѣлахъ семьи, къ которой она принадлежать отъ предковъ. Польскій Статутъ допускаетъ отчужденіе племенщины въ стороннія руки только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: «да нис подобно, да ю камо страти ни обрати *брезъ велике мволе*, него како вели стари законъ и обичан, да ю онди онде (по другому списку — *да не онде*), *иди е и застао*» (73). На случай отчужденія племенщины Статутъ устанавливаетъ *право выкупа*, предоставляетъ ближнимъ *искупили* племенщину, воротить ее такимъ образомъ опять въ свою семью. Съ этой цѣлью продажу, залогъ или мѣну племенщины запрещается совершать тайно, «у тми, отав» (отаѣно), мимо ближнихъ, — договоръ должно совершать «свитло, билодано, понудати прво ближнега свога». Продавецъ долженъ сдѣлать о своемъ намѣреніи *оповѣдь* (оповидати) на трехъ зборахъ или предъ княземъ (три раза), говоря: то-то хочу продать, — если хочеть какой ближній купить, приступи (78). Право выкупа удерживало силу въ теченіи года. Если послѣ одного выкупа (конечно, до истеченія срока) явится претендентъ, который еще «ближе» того, кто выкупилъ племенщину, то этотъ обязанъ уступить ему свое право. Если будетъ нѣсколько лицъ «поеднако» ближнихъ, то выкупъ долженъ производиться по частямъ, дію, какъ и при раздѣлѣ племенщины (79). Тоже право выкупа имѣеть мѣсто и при мѣнѣ племенщины. Къ пріобрѣтателю племенщины можетъ явиться ближій, говоря: брать, я хочу дать тебѣ такой-же участокъ, сдѣлай мѣну со мной, — отъ такого предложенія нельзя было отказываться (82 — 84). Право выкупа ясно указываетъ на равноправіе членовъ семьи. Другіе памятники идутъ еще дальше, полагая что отчужденіе племенщины дѣйствительно только съ *согласія всѣхъ ближнихъ*. Старыя хорватскія грамоты нерѣдко говорятъ о такомъ характерѣ семьи и племенщины. Я приведу нѣсколько примѣровъ. По одной грамотѣ, какой то Иванъ Рачичъ, желая продать племенщину, явился къ судьямъ. Судьи отвѣчали: *nudi svojih bliznih i dalnih i kih pristoi*, и только послѣ того, какъ никто не захотѣлъ «*prohititi*», дозволена продажа племенщины (Архив. I. 202). Слѣдующій примѣръ показываетъ, что продавать племенщину вообще запрещалось безъ согласія и *дозволенія* собственной семьи. Павелъ Славковичъ просилъ судей дозволить ему продажу племенщины, говоря при этомъ, что она «*otdilena i slobodna ot brata moga i vsih ki mene pristoe*». Судьи отвѣчали: «*nudi bliznih i dalnih... ti dopuste blizni i dalni i kih pristoi, prosii nih da ti dopuste uciniti ta dar*» (Ibid. 205 — 206). При такомъ порядкѣ становится излишнимъ самое учрежденіе выкупа, потому что отчужденіе племенщины вовсе не зависитъ отъ отдѣльныхъ членовъ семьи. — Подобные же порядки были въ обычаѣ у другихъ Славянъ. Мы видѣли, что Сеньскій Статутъ говоритъ о *jus proximitatis aut vicinitatis* (Архив. III. стр. 158, §§, 23, 26). Дозволеніе братьевъ и прател'ей на отчужденіе дѣдннѣ воплнѣ известно старочешскому праву; о немъ упоминають еще акты XVI вѣка (Палац. Archiv. I. 339, 341, 347, v. zřiz. zem. 517). И у насъ, по старымъ купчимъ, имѣнія переходили нерѣдко отъ стараго владѣльца *съ его дѣтьми* къ новому владѣльцу, при чемъ

имѣнія записывались на имя послѣдняго *вмѣстѣ со дѣтьми*, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что у насъ, въ старое время, семья имѣла тоже устройство, какъ и у югозападныхъ Славянъ, т. е. допускала равныя права на вотчину для всѣхъ членовъ семьи, безъ существеннаго различія между отцомъ и дѣтьми. — Выкупъ, сходный съ полицкимъ искуномъ, отчетливо развѣтъ Черногорскимъ Законникомъ (Данила): кто хочетъ продать домъ, землю или иное движимое, тотъ долженъ предварительно предложить покупку своимъ близкимъ въ присутствіи свидѣтелей, а при ихъ отказѣ слѣдуетъ сдѣлать тоже предложеніе «мергипашѣ», т. е. своему сосѣду (*ius vicinitatis* Семейскаго Статута), и только послѣ его отказа дозволяется продать имущество кому либо изъ своей деревни или «племени». Лица, согласившіяся на выкупъ, платятъ выкупную плату, соразмѣрную съ той, какую даютъ сторонніе покупатели (Зак. §§ 45, 46).

4) Старая задружная жизнь Славянъ имѣла въ своей основѣ законъ вѣко-жизненныхъ боговъ: «будета (дѣдина) имъ в *едно власти*, чи се *роздѣлита ровну мѣру*». Задружное имущество могло оставаться въ общемъ, безраздѣльномъ обладаніи задруги, или вступить въ равный раздѣлъ между ея членами. Полицкій Статутъ предоставляетъ раздѣлъ вервной племенщины свободному усмотрѣнію вервныхъ братьевъ, «кимъ се *подоба* раздѣлити». Порядокъ раздѣла опредѣленъ въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ закона «од *диленья*».

«Гди се диле братья близкиа или двоа (дана), или синови од оца, или ини близика, кимъ се *подоба* раздѣлити: тада, ако е благо гибуѣе, тои е малко право раздѣлити; него само ако би сода али провижнушь (даровщина) од господа, тои гре ономъ глави, кому е писано» ¹⁾.

«Ако ли е племенщина, има понти на главе, и има бити мласму старо огнище. и када се раздѣле право, тада има свакъ свое држати. и ако би се када посли подиливали али помиревали, воланъ е свакъ подиливати взда и примиревати кад му годи драго, него само свакъ е воланъ стати на своенъ жирбенице» ²⁾.

«И да братья али ини двоници докле се годиръ не раздѣле, тада имъ е све заедно: и добро и зло, и користь и щета, и дузи, кому су дужни и тко е имъ дужанъ, то имъ е заедно опѣно докле се раздѣле, а када се раздѣле, тада е свакому свонъ дво» ³⁾.

¹⁾ Когда дѣлается братья близкіе или дальніе, или синови съ отцомъ или другимъ близкими, желающими раздѣлиться, тогда всѣ имѣютъ равное право при раздѣлѣ движимаго имущества; а если будетъ имущество, подаренное или пожалованное правительствомъ, то оно переходитъ лично къ тому, кому записано (29).

²⁾ Племенщина должна пойти (въ раздѣлѣ) между хозяевами, а младшему должно принадлежать старое огнище. Послѣ законнаго раздѣла всякій владѣетъ своимъ (участкомъ). И если бы когда либо послѣ раздѣла или размѣрла (племенщину), то всякій воленъ всегдѣ дѣлать и размѣрять, когда ему угодно; но всякій также воленъ оставаться на своемъ участкѣ (30).

³⁾ И пока не раздѣлится братья или другіе участники, до тѣхъ поръ для нихъ все общее: и добро, и зло, и користь и убытокъ, и долги (кому они должны и кто имъ долженъ) — все для нихъ общее, пока не раздѣлится. Послѣ раздѣла всякому принадлежитъ его часть (31).

Въ пространныхъ спискахъ Статута законъ о дилени оканчивается слѣдующей статьей:

«А сестре немлаву дил, над имау брати или од ни остатке, него рухо и оброк на одаву» ¹⁾).

Изложенныя статьи представляютъ не больше, какъ дальнѣйшее развитіе положенія: «будета в іедно власти, чи се раздѣлита ровну мѣру». Члены верви могутъ владѣть семейнымъ имуществомъ «заедно опѣно», имѣя его «въ іедно власти», но могутъ и выйти изъ общаго обладанія племенщиной. Изъ первой статьи ясно видно, что Полицкій Статутъ допускаетъ, не только общій раздѣлъ племенщины между всѣми ближиками, по и частныя выдѣлы отдѣльныхъ братьевъ, ближиковъ или сыновей отъ отца и другихъ ближиковъ. Въ этомъ случаѣ ближики пользуются такимъ же правомъ на племенщину, какъ и сельчане, члены опѣны, на землю общинную (опѣну, пополу): каждый ближикъ, какъ и каждый сосѣдъ въ общинѣ территоріальной, могъ заявить о своемъ нежеланіи «заедно држати», могъ просить для себя «дила». Точно также общій раздѣлъ имущества между всѣми ближиками зависитъ единственно отъ свободной ихъ воли. Статутъ устанавливаетъ для такихъ случаевъ только общія нормы, держась въ главномъ старыхъ народныхъ обычаевъ. Имущество движимое дѣлится по взаимному соглашенію братьевъ; даровщина идетъ тому, кому лично дана господой. Племенщина раздѣляется между хозяевами (главами) по равнымъ участкамъ (дио или ждрибенице). Младшему члену союза предоставляется старое *онище*, или, какъ говорить Русская Правда, «а дворъ безъ дѣла отень всякъ меньшему сынови»: на старомъ огнищѣ — жилищѣ раздѣлившихся ближиковъ, заводилась новая семья или вервь младшаго брата, выдѣленного изъ старой отцовской верви. Право на жеребьи имѣютъ одни братья; сестры остаются при братьяхъ, обязанныхъ выдать ихъ замужъ, или по Русской Правдѣ: «аже будетъ сестра въ домоу, то той задницъ не имати, но *отдидати ю замужь братил* како си могутъ». Послѣ раздѣла всякій держитъ свое, воленъ «стати» на своемъ, жеребѣ, подлежащемъ послѣ раздѣлу, на основаніи обыкновенныхъ семейныхъ порядковъ наслѣдованія имущества. вмѣстѣ съ раздѣломъ племенщины, съ выдѣленіемъ ближиковъ на «дионици особита», прекращалось юридическое значеніе распавшагося союза ближиковъ. Съ этихъ поръ каждый знаетъ только свой дио, безъ общихъ повинностей и солидарности «заедина».

Рѣшительно тѣ же порядки держались въ чешскихъ задругахъ, называвшихся еще въ XVI вѣкѣ *rodove*, *bratady* и *spolky* (familiae aut uniones) и состоявшихъ подъ управленіемъ отца или выборнаго зрговсу (rector) изъ братьевъ, друзей и сподечниковъ (bratru, prateli, spolecnici, socii, amici и пр.). Въ старыхъ сборникахъ, напр. въ книгѣ Андрея съ Дубы, въ особенности въ *Zřízení zemské* 1500 г., находимъ много интересныхъ указаній на устройство чешскихъ задругъ. *Zřízení* говоритъ въ особенности подробно о порядкѣ раздѣла семейнаго имущества задругъ.

¹⁾ А сестры не получаютъ участковъ (изъ племенщины), когда имѣютъ братьевъ или ихъ нисходящихъ, но (берутъ) одежду и имущество, дававшееся при выходѣ въ замужество (280).

Постановленія этого устава тѣмъ болѣе важны для насъ, что они взяли изъ народныхъ обычаевъ много подробностей, мало затронутыхъ въ другихъ славянскихъ законодательствахъ. Мы приведемъ главнѣйшія положенія старочешскаго права по наследству въ задругахъ.

Выдѣлъ задругарей изъ союза предоставляется свободной волею каждого. Въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличались задруги, имѣвшія во главѣ отца, и задруги съ выборными справцами. Еще Андрей съ Дубы намѣкалъ на право сына требовать выдѣла своей части при жизни отца: отецъ *dlusen* дать сыновьямъ *diel* изъ наследственного и благопріобрѣтеннаго имущества, кромѣ *sedenie* (старое огнище Полицкаго Статута), женнаго вѣна, постели и другихъ вещей, взятыхъ за женой (Archiv. II. 504), которыя вступаютъ въ общій раздѣлъ по смерти родителей. По *Zrizeni zemské*, требовать выдѣла не въ правѣ одни не женатые сыновья, — женатыхъ отецъ долженъ во всякомъ случаѣ «*slusne opratiti*» (Zriz. § 516). Задруги, состоящія изъ братьевъ и сполечниковъ, обязаны дѣлиться по первому требованію одного какого либо члена; кто противится раздѣлу, того можно принудить по суду (521). Все семейное имущество дѣлится поровну между сполечниками; въ общій раздѣлъ вступаетъ даже и то, что лично пріобрѣтено каждымъ сполечникомъ въ отдѣльности (кромѣ имущества, внесеннаго въ задругу женами, — § 493, 519). Сполечники и братья не могутъ «*od zebe odbyti*» (a se emancipare) не отдѣленныхъ сестеръ, ни сестры не въ правѣ требовать для себя выдѣла. Они должны жить при братьяхъ или сполечникахъ, на которыхъ лежитъ одна обязанность — выдать сестеръ замужъ, назначивъ имъ вѣно (*veno, dos*) по своему усмотрѣнію. Если сполечникъ умретъ бездѣтнымъ, не распорядившись судьбой сестеръ, т. е. не выдавши ихъ замужъ, то къ сестрамъ переходитъ все его имущество; но если у него останется сынъ, то на немъ лежитъ обязанность выдать замужъ отцовскихъ сестеръ. Если съ сестрами останутся дочери сполечника, то имущество дѣлится пополамъ между тѣми и другими. Сыновья нѣсколькихъ сполечниковъ дѣлятъ между собой общее имущество не поголовно, но по праву представительства, т. е. сколько бы ни было дѣтей у одного сполечника, они всѣ вмѣстѣ получаютъ часть, какая слѣдовала ихъ отцу (§ 489). Несовершеннолѣтніе члены раздѣлявшейся задруги остаются съ своими частями при старшемъ братѣ. Въ этомъ случаѣ удерживаются задругные порядки, — въ случаѣ смерти кого либо изъ неотдѣленныхъ братьевъ, его часть отходить къ тѣмъ, при комъ онъ жилъ до своей смерти (§ 523).

д) *Обязательства и договоры.* Полицкій Статутъ относитъ сюда «увить, уговоръ, рокъ». Обязательства носятъ также общее названіе «такнине, дугованье, дуг и вообще стварь» (81, 123, 129, 130). Болѣе важные договоры, напр. мѣна или продажа племенщины, совершаются письменно, предъ судьями или на зборѣ. Въ особенности обязанности приставовъ состояли, между прочимъ, въ томъ, что они «чине и справлаю продае и такнине и сваке ине ствари и дугованья меу людьми». Если не при всѣхъ договорахъ, то по крайней мѣрѣ при важнѣйшихъ, полагались свидѣтели, которые иногда въ качествѣ оцѣнщиковъ (цянца) опредѣляли стоимость предмета договора и пр. (83, 78, 80, 123, 129). Въ отдѣльности упоминаются въ Статутѣ слѣдующіе виды обязательствъ и договоровъ:

1) *Даровщина*. О ней упоминается только мимоходомъ. Изъ статей объ имуществѣ наследственныхъ и благопріобрѣтенныхъ видно, что дарить можно только пріио, напр. «за душу», по завѣщанію или инымъ образомъ. Особый видъ даровщины составляетъ *просиасмунъ* — пожалованіе господомъ какого либо имущества частному лицу; оно совершается письменно, на имя того, «кому е писано». Въ задругѣ пожалованіе было однимъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія имущества въ личную собственность (29, 74, 263).

2) *Замина*. Договоръ мѣны считается въ Статутѣ вполне дѣйствительнымъ, если предметомъ мѣны служить вещь, принадлежащая хозяину на правѣ собственности, также если стороны вступаютъ въ договоръ по добровольному согласію и не окажется при этомъ никакого подлога (небудући ке приварке, — не будучи ке хиньбо, али вале, валсе, невоће вола приварке). Дозволялось мѣняться вещами съ «придавкомъ» и безъ него, доплативая «пинези али циномъ». Договоръ различно совершался при мѣнѣ движимыхъ вещей и племенщины. Движимыми вещами (скотомъ, лошадьми, платьемъ и пр.) дозволялось мѣняться безъ особенныхъ формальностей: если обѣ стороны помѣнялись вещами и, ушедши за тѣмъ домой, удержали ихъ у себя до слѣдующаго дня, то договоръ считался окончательно заключеннымъ. Племенщины мѣнялись «свитло и билодано»; договоръ утверждался «письмомъ али приста-ви»; при томъ, до истеченія давности, допускался при мѣнѣ, какъ и продажѣ, выкупъ племенщины ближними (81 — 84).

3) *Купованье — продажа*. Статутъ различаетъ продажу племенщины и другихъ предметовъ. Племенщина продается на сборѣ или предъ княземъ. Въ этомъ случаѣ Статутъ строго держится старыхъ славянскихъ обычаевъ, по которымъ всякій торгъ (trh у Чеховъ было названіемъ самой сходки и договора купли — продажи) долженъ производиться на сходкѣ сосѣдей (Ирѣчка Sl. pr. II. 287 — 288). Въ Полицѣ, какъ мы видѣли, дѣлалась предварительная оповѣдь о продажѣ племенщины; съ вызовомъ ближиковъ, желавшихъ выкупить племенщину, — обычай, извѣстный древнему чешскому, русскому (напр. Псковской судн. гр.) и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Продажа считается «права и законята», если она произведена по предварительной оцѣнкѣ добрыхъ людей, — «по цинцихъ достоиняхъ, ки процине и стимаю по своѣюй кушенциѣи (усмотрѣнію, совѣсти) оном, ча е таи племенщина вридна» (78 — 80. См. примѣч. къ 67 ст.). Полицкимъ цинцамъ вполне соотвѣтствуютъ чешскіе prostredníci или odhadníci (mediatores, taxatores. Ирѣч. II. 285). Продажа вещей движимыхъ предоставляется свободному договору сторонъ. Исключеніе составляли съѣстные припасы. Ихъ продажа допускалась не по договору, а по законной таксѣ, установленной Статутомъ за скотъ, козъ, свиней и другихъ животныхъ, за пшевицу, рожъ и т. д. Торговля припасами производится на *торю* (маса — у бикарию), съ допущеніемъ вольныхъ цѣнъ только въ большіе праздники (по три дня — о божичу и о покладихъ. 210 — 215, 253).

4) *Наемъ*. Договоръ найма можетъ заключаться для работъ дворовыхъ и иныхъ. *Господарь* — хозяинъ, нѣмющій у себя *наѣманниковъ* (наѣманниковъ), *кметей* и *славоевъ* (168, 189 — 191, 193 — 194). Извѣстенъ также наемъ имущества. Статутъ упоминаетъ о виноградникѣ на чужой землѣ; наемщикъ обязанъ

за землю давать хозяину «доходакъ» и торговать продуктомъ съ «повидабья» хозяину (204).

5) *Дуь, застава (залогъ, закладъ, заставленье)*. Этотъ договоръ соответствуетъ долгу Русской Правды, долгу Душанова Законовика или рицка, *licha, základ, zastava* и *dluh* старочешскаго права. Подъ дугомъ разумѣть Полицкій Статутъ заемъ чужой вещи, съ обязанностью возратить ее въ срокъ, вмѣстѣ съ условленнымъ вознагражденіемъ, а подъ заставою и залогомъ — ссуду, обеспеченную закладомъ движимой вещи или «заставленіемъ» недвижимой. Должникомъ (*дужникъ*) считается тотъ, «тко е дужанъ», кредиторомъ — «кому су дужни». Закладу и заставѣ назначается всегда срокъ (рокъ). Въ заставу дозволяется обращать землю, вообще племенщину. Владѣлецъ, заставившій свою землю, удерживаетъ право на «доходакъ» съ нея, именно на половину «очества», т. е. всѣхъ поземельныхъ платежей и поборовъ, уплачивавшихся кметями въ пользу господина. При этомъ Статутъ соразмѣряетъ доходакъ съ такой или иной системой обработки земель, существовавшей въ Полицѣ. Если земля обрабатывается *на по*, т. е. по системѣ половничества, то положено давать хозяину заложенной земли четвертую часть (четверто) всѣхъ доходовъ; при обработкѣ «на третье» — давать «шесто» и т. д. Долгъ, не обеспеченный заставою, по истеченіи срока взыскивается изъ движимаго имущества должника, а при его недостаткѣ — изъ племенщины; должникъ вправѣ удержать за собой одно оружіе и одежду (халинь) жены (71, 78, 134, 137 — 139).

6) *Зарука, изступъ*. Полицкій Статутъ, подобно древнему русскому праву, раздѣляетъ поруку на два рода: заруку *судебную*, имѣвшую мѣсто въ дѣлахъ по убійству и другимъ дѣламъ и состоявшую въ ручательствѣ за другаго, обязаннаго явиться на судъ въ положенное время, — и *изступъ*, имѣвшій мѣсто въ другихъ случаяхъ, напр. при уплатѣ долга и пр. Разъ поручившись за другаго, нельзя было отказываться отъ поруки и соединявшихся съ ней обязанностей (иступъ неима одступа); но никто не можетъ ручаться «од неузможнога» (112, 113, 129).

7) Наконецъ договорное начало лежало въ основаніи вервнхъ дружинъ, имѣвшихъ характеръ *товариществъ*, поземельныхъ ассоціацій. Происхожденіе верви изъ взаимнаго договора диониковъ одного села ясно доказывается слѣдующимъ мѣстомъ Статута: «яко би дионичи од села, снѣ се ставини, *договорили се опѣно заедно* (заедниъ), и тако би могли учинити у своему селу ча имъ драго» (100). Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не объ учрежденіи новой территоріальной общины опѣина): дионичи и до договора жили въ общинѣ; стало быть, имъ не для чего договариваться о своей опѣинѣ, тѣмъ болѣе, что Статутъ, какъ мы уже видѣли, рѣшительно не допускаетъ полнаго разрушенія общинъ. Договорный характеръ товариществъ имѣли задруги и у другихъ Славянъ. Ирѣчекъ весьма основательно относитъ къ ученію о договорѣ товарищества (*spolek*) старочешскія *zstupky, spolky* и *hromady*, соответствующія полицкимъ дружинамъ или сербскимъ задругамъ (Slov. pr. II. 280). Вся ошибка Ирѣчка заключается въ положительномъ невѣрномъ воззрѣніи его на происхожденіе такихъ громадъ и сполковъ. По мнѣнію Ирѣчка, они являются

главнымъ образомъ при королѣ Янѣ, при которомъ много имѣній начало отходить въ казну по праву выморочному; какъ бы въ предупрежденіе этого дѣла, клонившагося къ ослабленію старыхъ родовъ (семей), послѣдніе стали соединяться въ задруги (въ нихъ не имѣеть мѣста выморочное право). Объясненіе Ирѣчка кажется намъ не совсѣмъ основательнымъ. Въдѣ роды, которымъ грозило выморочное право короля, всегда были подъ рукой много другихъ, болѣе подручныхъ средствъ, вовсе не прибѣгая къ хлопотливому дѣлу товарищества: бездѣтный владѣлецъ могъ свое имѣніе продать, могъ по завѣщанію передать его въ другія руки или инымъ способомъ не допустить его до передачи въ казну князя. Дѣло въ томъ, что Ирѣчекъ смотритъ на старочешскую задругу съ точки теоріи родового быта и, встрѣчая позже факты, не подходящіе къ этой теоріи, старается увѣрить, что сполки и грошды XIV — XVI вѣковъ принадлежатъ новому времени, живутъ мало общаго съ родами стараго времени. Напротивъ, памятники ясно говорятъ, что вся разница между старыми и новыми задругами Чеховъ состояла лишь въ томъ, что въ прежнее время они свободно развивались, путемъ однихъ обычаевъ, — въ новое время законодательство стало налагать на нихъ руку: опредѣливъ болѣе точно основной характеръ задругъ (по началамъ договорнымъ, имѣвшимъ силу и въ прежнее время), законодательство подчинило ихъ контролю общественной власти, наир. поставило учрежденіе и раздѣленіе родовъ и сполковъ въ зависимость отъ правительства и пр. (См. напр. въ Zgig. zem. § 62, гдѣ говорится о родахъ, учреждавшихся по договору и съ королевскаго «revolenia»). Самая суть дѣла одинакова въ старыхъ и новыхъ родахъ и сполкахъ. Можно говорить, что съ Яна сполки умножаются (въ слѣдствіе политическихъ и иныхъ причинъ), но имѣть никакихъ оснований отвергать тождественность ихъ съ старыми родами.

III. *Уголовное право.* Полцикій Статутъ даетъ богатый матеріалъ для изученія старой системы уголовного права Славянъ. Встрѣчаемъ институты позднѣйшаго происхожденія; но рядомъ съ ними удерживаются и институты глубокой древности, какова мечь, потокъ и пр. Мы сдѣлаемъ общій обзоръ ученія Статута объ уголовномъ вѣнненіи, о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

A. Преступленіе имѣеть различныя названія. *Кривина, узрокъ и створъ* — самые употребительные термины, соответствующіе понятію преступленія. Сюда относятся также *криль* или *зриха, худоба, нечистола*; наиболее тяжкія преступленія обозначаются въ особенности терминами *зло* и *позлобца* (8, 17, 21, 27, 39, 52, 62, 67, 99, 129, 169). Преступникомъ считается *криваць*, «онъ, кн е кривъ». Иногда преступникъ называется *непослуха, злой човиць*. Лихимъ людямъ древняго русскаго права соответствуютъ *злой луде, невірникъ, очить музувирь* (вѣдомый лихой человѣкъ). Находимъ и спеціальныя названія — гусарь, разбойникъ, дупежь и т. д. (10, 16, 21, 24, 169, 256, 266, 267).

Ученіе объ уголовномъ вѣнненіи гораздо полнѣе развито сравнительно съ Венгдольскими Законами. *Злой узрокъ* принимается, какъ главный признакъ вѣннености преступленія (62). Убіенство въ свадѣ отличается отъ убійства предвѣтреннаго, совершеннаго «закономъ ашашискимъ (разбойнически), вола на прпварке, али му аседани» (56); шкода случайная, учиненная «нехотѣ», отличается отъ шкоды

умышленной, произведенной «хоте али заквалив се» (182). Въ учении о личныхъ преступленіяхъ, въ особенности объ обидяхъ, считается важнымъ обстоятельствомъ, — за кѣмъ былъ первый пощипъ: «да ли ови, ки жочиме, негова е приина»; «они, кон наприа чини затачъ», тотъ и платитъ пеню (23, 33, 34, 62); впрочемъ, если обиженный, на котораго сдѣлано нападеніе, отвѣчалъ такой-же обидой, то это засчитывалось ему «у занжу» (62). Дѣлается различіе между покушеніемъ и исполненіемъ злаго умысла. Въ некоторыхъ случаяхъ наказывалось одно покушеніе, если при этомъ были другія обстоятельства, усиливавшія виновность лица; напр. поднятіе руки, палки или оружія для боя на зборѣ или предъ княземъ (155, 156). Въ повторенномъ преступленіи Статутъ видитъ болѣе тяжкое дѣйствіе, чѣмъ въ преступленіи, учиненномъ впервые (246). Съ другой стороны, не вполне выяснено различіе между главнымъ зачинщикомъ и простыми помощниками, какъ это видно напр. изъ постановленій объ измѣнѣ: «ако би тко у томъ (измѣнѣ) помогаво али занъ стао за брацтво, али за ину приазанъ, да му е дружь», подлежить одинаковому наказанію съ главнымъ преступникомъ. Точно также при ушибаньи (похищенія жевъ), помощникъ наказывается наравнѣ съ главнымъ преступникомъ, — «только ономе, ки би ту умака, толико оному, ки би му помага». Различіе между зачинщиками и пособниками принимается во вниманіе только въ учении о татѣбѣ: «ко за лупежа (тата) узговори, ко лупежу у чомъ поможе ричѣу али дипломъ», тотъ подлежить меньшей пенѣ сравнительно съ самымъ татемъ (92, 247, 258). Статутъ опредѣляетъ степень наказуемости преступленій, смотря во ихъ причинанъ (оачъ е тонъ учинено и почемъ, с кога узрока и на комъ дугованью, — 39, 42 65 и пр.), мѣсту ихъ совершенія (гдѣ е и у комъ мисту учинено, — 42), по личнымъ отношеніямъ преступника къ обиженному (47, 48, 218) и свойствамъ и тяжести самыхъ преступленій. Статутъ предписываетъ — при назначеніи наказаній «прозрити и процинити, ка е рана од кое жеща (жесточе), али луца (лутѣе), али од сирти сумненна, али од кое се приме веѣе болести и тешкоѣе и траѣнна (утрачъ), вола лнкарие (лѣкарствъ) али шкоде, али пакѣ гдѣ се згоди, да се виде кости, али плуѣа (легкія), али можчани (мозгъ), али ине ствари од живота», — «ниа се разабрати, како е и по кон начинъ, и с конимъ узрокомъ и тко е чловикъ (преступникъ) и ке вротѣ, и жевска гдава (обиженная) од ке е прави и од кога гласа и од кое работѣ» (64, 218; ср. 36, 38 — 40).

Полицкому Статуту извѣстны случаи полной невинности преступленій. Сюда относится поимка преступника на мѣстѣ преступленія, когда онъ не отдавался добровольно, или для обиженного настояла необходимость личной обороны. Такии образомъ, остается безнаказаннымъ убійство тата, пойманнаго на кражѣ, «кон креде али силомъ води», — убійство гусара (разбойника), «ки га хоѣе дерати, а ови, ки се брани, убие га» (21, 23, 65). Въ учении объ убійствѣ и обидяхъ имѣетъ важное значеніе различіе между преступленіями, учиненными «защито и незащито»: *придна кровь* безнаказанно допускала кровную месть, какъ и за обиду дозволялось отплатить равной обидой (52, 53, 57, 62).

Отвѣтственность по преступленіямъ можетъ падать, не только на самого виновнаго, но и на другихъ лицъ. Община отвѣчала за своихъ членовъ, семья — за дѣтей. Въ случаѣ преступленія члена семьи и задруги, послѣднія теряли право

наследованія въ движимомъ имуществѣ преступника, а иногда и недвижимость, — наказанія личныя не касались другихъ членовъ семьи: «тко греде главоць, да е дужань, а има челадь да ни дужна главоць» (17).

Слѣдуетъ замѣтить наконецъ, что Полицкій Статутъ допускаетъ возможность преступленій и со стороны животныхъ. Въ немъ упоминается слѣдующій случай: если чья либо собака ранитъ человѣка на дорогѣ, такъ что раненный умретъ или какой либо членъ его останется искалѣченнымъ, то хозяинъ собаки, приведя ее къ «щетнику» или его дѣтямъ, съ словами: «ото ти твои криваць», можетъ этимъ «бити простъ» отъ всякой отвѣтственности. Если хозяинъ собаки не дѣлаетъ этого, то раненный можетъ обратиться къ нему съ словами: «твое ъе брашно, учини ми тов зло», требуя отъ него вознагражденія. Тоже самое касается коня и всякаго другаго животнаго (208, 209).

В. Система преступленій имѣетъ довольно законченный видъ. Ихъ можно свести въ слѣдующія шесть группъ:

- 1) Преступленія съ публичнымъ характеромъ: неvirство, разврха, застава, робство, новщина (проти опѣлни) и преступленія по службѣ.
- 2) Преступленія церковныя (и волшебство).
- 3) Преступленія частныя — противъ права на жизнь: убійство и разбойство (ацашиньство).
- 4) Преступленія частныя — противъ правъ личныхъ: заря, раны, свада, бой, заточь, модрица, скубаяя и срамота.
- 5) Преступленія частныя — противъ правъ семейственныхъ: разбаванне жейске, грихъ неподобни (содомски) и умиданіе жемъ.
- 6) Преступленія частныя — противъ правъ имущественныхъ: креа и лупещина (меусобщина); сила, надворе, новщина, самосегъ, сича, по паша, щета и шкода.

Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ родѣ исчисленныхъ преступленій. Начнемъ съ публичныхъ преступленій.

1) *Преступленія публичныя.* Сюда относятся три главные рода преступленій и проступковъ: преступленія съ государственнымъ характеромъ (неvirство, разврха, застава и робство); преступленія и проступки, входившіе въ понятіе «новщины, ча бѣ проти опѣлни» (учрежденіе града, царинь, торговинь, уничтоженіе путей, незаконный торгъ виномъ, припасами и пр.); преступленія по службѣ (кагунарей, приставовъ и пр.).

а) Подъ *государственными преступленіями* въ собственномъ смыслѣ Статутъ разумѣетъ преступныя дѣйствія противъ «господы и мѣста нашего», куда относятся: изгнѣва, нарушеніе земскаго мира, сопротивленіе власти и такъ называемое робство. Постановленія о государственныхъ преступленіяхъ, большею частію, принадлежатъ позднѣйшему времени.

Неvirство. Малѣйшимъ (*неvirиньомъ* и *традичурами* *поллицкимъ*) считается

того, кто «проповидае више полично, — тко разбито али противно ца учини и одличн кушае зборъ Полицъ, — тко придава сам себе и мисто наше иному господину, него оше (хочеть) ниин племенити люди поличанинъ». Поличанинъ обвиняется невриникомъ и въ такомъ случаѣ, когда онъ, будучи на службѣ въ Полицы, «учини господару кою невиру али срамоту, али га ображо, али му ино кое зло учини». Съ главнымъ невриникомъ вполнѣ уравниваются и его помощники: «ако би га тко у томъ помагао али занъ стао за брацтво али за иву приазанъ, да му е другъ». Измѣнникъ наказывается сожженіемъ; имущество его подвергается грабежу въ пользу общины. За простое неповиновеніе вѣчевой одлукѣ грозитъ денежная пеня (въ 25 либрѣ). Скрывшійся преступникъ наказывается потокомъ, «да се изрече ванъ, веће да ни поличанинъ». Законами XVII стол. положено было вписывать измѣнниковъ въ Статутъ: «да ъе невриник, и да има главомъ платити, и од вѣгове куће да се нима никадъ примит у зборъ ни у ниѣдно више братинско ни си ромашко», — самъ измѣнникъ наказывался смертною казнью, его семья лишалась права посылать своихъ кушниковъ на зборъ и вѣча (91 — 94, 169, 231, 276, 282).

Невриниками «госпоцкими» считаются по закону 1576 г. лица, производившія смуту — *разерзу* (смету, лиге, парте), изъ которой можетъ возникнуть нарушение земскаго мира. Домъ виновнаго сжигается (да му се ѣмуча ужеме); самъ преступникъ предается смерти (188).

Застава — насиліе въ присутствіи князя и судей, въ особенності сопротивленіе ихъ власти (тко би помену ю силу пруйи се придъ княземъ и судци). Застава наказывается наравнѣ съ неврствомъ (231 — 233).

Въ понятіе *робства* входятъ слѣдующіе случаи: «ако ки коли би с Турци пошли на войску али с мартолосои, — ки годи би поличанинъ, ке хоѣь врсте буди, робно с Турци али с мартолосои, али се придао Туркомъ, али у Турке пошшо хоте, од свое воле, али да поѣде у Турке али у аѣдуке, али да би се нашло, до коѣми поможе продавати али куповати чѣляд, али друге коѣе му драго врсте, ке би могли наудати пуку али господи»¹⁾.

§) Къ преступленіямъ *противъ общины* относятся: учрежденіе новыхъ гаевъ и путей, также уничтоженіе старыхъ дорогъ безъ дозволенія общины; введеніе и взиманіе данины и торговинны (русское мыто); заведеніе градовъ. Сюда относится также продажа вина, хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости сверхъ положенной таксы и не въ установленныхъ для того мѣстахъ; особенно строго запрещается продажа на торгу мяса «немоѣнаго» и мертвечины, или ирлины (100, 202, 212, 215, 235, 251 — 252). Постановленія, опредѣлившія исчисленные предметы, болшею частію принадлежатъ позднѣйшему времени.

¹⁾ Т. е. если бы кто пошелъ на войну съ турками или мартолосои, — если бы какой либо поличанинъ какого-бы то ни было сословія разбойничалъ (производилъ морскіе разбои) съ турками или мартолосои, или передался туркамъ, или наѣтривался пойти къ туркамъ по своей волѣ, — или если-бы поѣхалъ къ туркамъ или гайдукамъ, или если-бы открылось, что кто либо помогалъ продавать или покупать челядь или людей другихъ сословіи, что могло бы повредить народу или правительству (17, 18, 20, 266).

γ) Изъ преступленій по *случаю* Статутъ упоминаетъ о пощлѣ катушара на зборѣ безъ законной причины и неисполненіи приставомъ своей приставщины (127, 270). Безъ сомнѣнія, и другіе главаря подлежали изыманіямъ, при неисполненіи ими своихъ обязанностей.

2) Подъ *проклятыми* разумѣются люди, находящіеся «у проклецтву», отлученные отъ церкви и общенія съ людьми, преимущественно за преступленія противъ вѣры. На ряду съ проклятыми стоятъ «очити ожурники» — лица, не бывшіе у исповѣди и св. таинъ, также «вишницы, чаровницы и вражарицы» (вражальцы, ворожен) — люди, занимавшіеся волшебствомъ. Проклятые и ожурники, въ случаѣ смерти, лишаются христіанскаго погребенія; чаровницы, впервые обвиненныя, подлежатъ обыкновеннымъ наказаніямъ, а при вторичномъ обвиненіи сожигаются (27, 28, 246).

Невирство, заставка и другія преступленія съ публичнымъ характеромъ принадлежатъ къ институтамъ позднѣйшаго происхожденія. Въ этомъ случаѣ Статутъ многое могъ заимствовать изъ чуждыхъ источниковъ. Не то нужно сказать о преступленіяхъ частныхъ: большинство относящихся сюда статутowychъ постановленій несомнѣнно коренится въ старыхъ народныхъ обычаяхъ. Разсмотримъ прежде всего сущность убійства и другихъ преступленій противъ правъ личныхъ.

3) Изъ частныхъ преступленій Статутъ ставитъ на первомъ планѣ убійство и отдѣльные его виды — самоубійство, удушеніе дѣтей и разбой.

Убийство (крвъ). Статутъ представляетъ въ ученіи объ убійствѣ капитальное различіе отъ Русской Правды и большинства другихъ славянскихъ памятниковъ въ томъ отношеніи, что въ немъ убійство не опредѣляется сословными началами, нѣвшими мѣсто въ ученіи объ убійствѣ почти по всѣмъ средневѣковымъ законодательствамъ. Статутъ положительно говоритъ: «ако ли би грихом убио поличанивъ поличанина у Полицихъ али инди, *еднако носм*» (51), т. е. убійца подлежитъ одинаковому наказанію, гдѣ бы ни былъ убитъ и къ какому бы составу ни принадлежалъ убитый. Въ то время, какъ напр. Русская Правда устанавливаетъ различную виру за убійство княжихъ мужей, людиновъ и т. д., Статутъ Полиций одинаково наказываетъ убійцу, не смотря на то, принадлежитъ ли убитый къ племенитымъ людямъ, или къ кметямъ и другимъ общественнымъ разрядамъ. Нужно вообще замѣтить, что въ уголовномъ правѣ Статута весьма мало развиты сословныя различія. О нихъ говорится въ статьѣ — о срамотѣ, соответствующей вполнѣ статьѣ Правды объ усъ и бородѣ: срамота, нанесенная племичу, наказывается различно, смотря по тому, кто ее нанесъ — племенитый ли человекъ, или кметичъ (62). Впрочемъ, и здѣсь Статутъ далеко не такъ точенъ въ таксаціи пеней, какъ это мы видимъ въ Правдѣ, — говоря о пенѣ за срамоту, нанесенную племичу, онъ просто говоритъ — «томуи вече иде» (тоѣ подлежатъ большому наказанію). Кроме того, вліяніе сословныхъ различій отчасти замѣтно въ ученіи о кражѣ, именно о кражѣ, произведенной зависимымъ человекомъ у своего господина (162, 166, 190).

Статутъ различаетъ въ убійствѣ различные признаки и основанія виновности или безответственности преступленія и большей или меньшей тяжести самаго

наказанія убійца. Такииъ образомъ, въ Статутъ обращается вниманіе на *братство*, т. е. болѣе или менѣе близкія семейныя связи между убійцей и убитымъ. Иное рассматривается убійство, учиненное *изванскимъ* (чужеземцемъ) и *получачиломъ*, и при томъ въ *свадь* (ссорѣ) или въ *разбоѣ*; дѣлается различіе между такъ называемой *мертвой кровью* (мртва кровь), т. е. убійствомъ на мѣстѣ ссоры, и *кровью живою* (когда прибитый умреть послѣ ссоры), — между убійствомъ по злему умыслу и въ состояніи *необходимой обороны* (убійство разбойника и грабителя), также при *поимкѣ татя* на мѣстѣ преступленія и вообще при поимкѣ всякихъ *дѣлать людей* (невирниковъ, лицъ, учинившихъ робство и пр.). Статутъ говоритъ наконецъ объ *удавленіи дидяти* матерью и о *самоубійцахъ*. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Статутъ даетъ указанія на множество институтовъ глубокой древности. Общинное устройство Поллицы, съ его нивелирующими порядками, не дало развиться сословнымъ влияніямъ въ дѣлѣ гарантіи жизни отдѣльныхъ лицъ. Тамъ же нужно искать корни такихъ институтовъ, какъ убійство, учиненное *изванскимъ* и *получачинномъ*, братомъ вервнымъ, дальнимъ или близкимъ, — институтъ общинной и семейной вражды (дикой вьры Правды), кровной мести и т. д. Вліяніе новаго времени можно видѣть лишь въ постановленіяхъ о самоубійцахъ и удавленіи дѣтей.

У народовъ, стоящихъ на ступени патриархально — родового быта, убійца отца, матери, главы рода, наказывается гораздо строже, чѣмъ убійца братьевъ и другихъ членовъ рода. Подобное же различіе, хотя и на иныхъ основаніяхъ, строго развито въ уголовномъ правѣ эпохи позднѣйшей государственности. Не то видимъ тамъ, гдѣ семья развивается въ формѣ задругъ, по типу общинъ территориальныхъ. Ничѣмъ не отличая юридическаго положенія семейнаго старшины отъ другихъ братьевъ и задругарей, законодательство одинаково гарантируетъ ихъ на случай убійства и другихъ обидъ. Поллицкій Статутъ, воплотившій ученіе о семейной общинѣ, не даетъ ни малѣйшаго намега на то, чтобы законъ дѣлалъ различіе между убійствомъ и обидами, наносимыми отцу или господарю вервной дружины и другимъ вервнымъ братьямъ. Законъ «од синов и отацъ» (281) говоритъ только о частной дисциплинарной мѣрѣ, которою *можетъ* воспользоваться отецъ, въ случаѣ обиды со стороны дѣтей; въ случаѣ поднятія на него рука, при неуваженіи и пр., отцу предоставляется напр. завѣщаніемъ устранить такихъ дѣтей отъ наслѣдства, и только. Здѣсь, очевидно, нисколько не идетъ дѣло объ уголовномъ наказаніи, назначавшемся общественной властью. Говоря въ 47 — 50 статьяхъ объ убійствѣ *близкиахъ* и *вервныхъ, братьевъ* присныхъ и *непрехъ присныхъ*, Статутъ разуметь здѣсь вообще близкихъ (отца, сына, брата и т. д.), или просто братьевъ, т. е. членовъ семьи въ строгомъ смыслѣ и членовъ вервной дружины. Убійца брата приснаго, говоритъ Поллицкій Статутъ, «ча недан бог, нема веће бити поличанинъ». Онъ подвергается потоку; племянница его отходить къ другому близнему, которому она можетъ принадлежать по наслѣдству. Здѣсь говорится о скрывшемся убійцѣ; если онъ послѣ показывался въ Поллицѣ, то «га нмаю тирати сва Поллица у негову главу», — убійца подлежитъ общинной мести. Напротивъ, убійца брата «ве премъ приснаго» подожить мести, смотря по тому, на сколько онъ близокъ къ убигому по братству (коликому е бно близу у братству), т. е. смотря по тому, убить ли дальній, или вервный братъ (47 — 50).

Статутъ различаетъ, даже, убійство *изванскою полицаномъ* и наоборотъ, также убійство *изванскаю изванскимъ* или *поличчю поличчаниномъ*.

Въ дѣлахъ между изванскими и полицанами допускается кровная месть, какъ общее правило, въ дѣлахъ же между одними полицанами — только въ крайнихъ случаяхъ. Если полицанинъ убьетъ изванскаго «за приду кровь», т. е. мстя за прежнее убійство, то «за тои имаю Полица стати», — община защищаетъ своего полицанина — отместника. Напротивъ, убійство «незанимто», безъ предыдущей причины, «е ствар онога, ки кровь учини» (община не въ правѣ его защищать). Точно также изванскій можетъ убить полицанина «за приду низму» и община не въ правѣ за то ему мстить (тирати). Если изванскій убьетъ или ранитъ изванскаго въ Полицѣ, то община не вмѣшивается въ это дѣло (за то се Полица неимпачаю), — убійство судится и наказывается по національному праву изванскихъ (52 — 54).

Что касается убійства между полицанами, то въ обыкновенныхъ случаяхъ кровная месть закрывается системой денежныхъ выкуповъ и другихъ наказаній. Местъ допускается только въ видѣ исключенія изъ общаго правила.

Если бы случилась, говорить Полицкій Статутъ, «мртва кровь *од нас мю намаи*», т. е. между полицанами, то хочетъ старый законъ, чтобъ была тому цѣна 240 либаръ (55). Местъ допускается только въ особенныхъ случаяхъ и противъ «очитыхъ музувири» (явныхъ лихихъ людей). Убійство остается безъ всякихъ послѣдствій, если вынуждено состояниемъ необходимой обороны: не считалось преступлениемъ убійство разбойника, «ки га хоѣ дерати, а ови, *ки се брани*, убие га» (21, 57). Не подвергалось никакой ответственности убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступления, — право мести въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, при *сопротивленіи* вора, не отдававшагося добровольно въ руки настагшихъ его на кражѣ; при томъ, право такое предоставляется, не только обиженному, но и всякому другому полицанину (21, 58). Наконецъ не вѣдалось въ вину убійство *явнихъ михихъ людей* (очити музувири, злѣи люди), напр. измѣнниковъ, уличенныхъ въ робствѣ и пр. (напр. 24 и др.).

Убійство въ *свадѣ* (ссора), «свадив се и скарав се» (ако би се тко с ким свадио, тере убио един другога), отличается отъ убійства въ засадѣ, по злому умыслу, въ разбоѣ. Убійство въ первомъ случаѣ наказывается денежной пеней, во второмъ — смертной казнію (21, 55, 56). Въ свою очередь, убійство въ свадѣ можетъ быть *мртва* или *жива кровь*, смотря по тому, убитъ ли кто либо на мѣстѣ (ако ли би га убио на мисти), или смерть послѣдовала вскорѣ послѣ свады (жива кровь). Мртва кровь оплачивалась двойной пеней, или такъ называемой мртовой враждой (или дви вражди); кровь жива — пеней одинарной, живой враждой (55, 57, 58, 65), — институты, напоминающіе виру Правды, платившуюся вслѣдствіе поимки убійцы при трупѣ и отличавшуюся отъ такъ называемой поклепной виры.

Статутъ напоминаетъ наконецъ объ особыхъ видахъ убійства: объ *удавленіи дитяти* матерью и о самоубійствѣ. Мать, виновная въ удавленіи дитяти, какъ бы это ни случилось (ка би дите удавила волом како годирь хоѣ на свиту али ким хоѣ путем али начином), должна быть «по сваки путь огнем сажгана» (178). Са-

моубійцы (кто би сам себи учинилъ смерть), подобно проклятымъ, лишаются христіанскаго погребенія (28).

Разбойство (ашашинство). Подобно Русской Правдѣ, Статутъ опредѣляетъ сущность разбоя, какъ особаго вида убійства. Подъ разбойствомъ разумѣется убійство, соединенное съ насильнымъ отнятіемъ чужаго имущества. Въ понятіе разбоя входятъ слѣдующіе случаи: «ако ли би убио тко кога закономъ *ашашинскимъ* (разбойнически), вола из приварке, али му *заседиши* (изъ засады); али га убио при комъ благу, али за кою користь, али га одрю (ограбить) убивши» (56); «ако ли би тко кога убио *нашад на негову кулу*» (59); вообще если кто убьетъ другаго при грабежѣ — «разбитво и *дерао на пугу* (на дорогѣ) вола *инди*, али му *зассо*» (65). Разбой изъ засады отличается отъ разбоя дорожнаго (*сила*) и разбоя, учиненнаго при нахождѣ на домъ или дворъ (*надворе*). Свои *разбойники* (*ашашинь*, *очить музувирь*) отличаются отъ *гусарь* (*гуси*) — разбойниковъ, нападающихъ извѣтъ, ночью и днемъ, воинскимъ образомъ (*гуса почла* и *очила*, *воиска*, — см. 21, 196). Убійство разбойника дозволяется вездѣ и во всякое время, особенно если онъ будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; въ другихъ случаяхъ онъ наказывается повѣшеніемъ и четвертованіемъ. Гусары воиска наказываются по обычаямъ военнымъ (21, 56, 196).

4) *Членовреденія, побои и другія личныя обиды*. Статутъ допускаетъ увѣчья и побои въ дракѣ (*зарель*, *кисель*), ссорѣ (*свадь*), также во время грабежа и находа на чужой домъ. Зарва и свада могутъ происходить съ нанесеніемъ ранъ и обидъ или безъ нихъ (23, 33, 65, 66). Наибольше тяжкими преступленіями считаются увѣчья — *сича* и *трубота*: изувѣченіе цѣлой руки, ноги, глаза; отсѣченіе или поврежденіе пальцевъ ручныхъ и ножныхъ, зубовъ и другихъ членовъ (37 — 46). *Раны* опредѣляются самымъ подробнымъ образомъ: раны большія отличаются отъ малыхъ ранъ и простыхъ царапинъ (*модрица*); обращается вниманіе на свойство оружія, которыми произведены раны; раны подъ одеждой отличаются отъ ранъ на открытомъ мѣстѣ, въ особенности на лицѣ (*на образу*), или на *срѣдохрѣчу* (т. е. мѣстѣ, полузакрытомъ платьемъ). Статутъ требуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъплатить увѣчий и ранъ чрезъ добрыхъ людей и цинцевъ (23, 34 — 36, 39, 61, 64). Отъ груботы и ранъ отличается *бой* — нанесеніе простыхъ побоевъ. Побои женщинъ оплачиваются возвышенными пенями, какъ и поднятіе руки или оружія на господина, также побои на зборѣ и въ присутствіи князя (35, 61, 63, 66, 155, 156). Изъ другихъ видовъ личныхъ обидъ упоминаются: *скубана* (ако би тко ухитно и скубао за власе), наносимая плечамъ и лицамъ другихъ сословій, — *затачь* (толчки) и *исость* (ругательство). Всѣ обиды считаются болѣе тяжкими, если они нанесены кому либо на зборѣ и предъ княземъ (33, 34, 62, 154). Увѣчья и обиды носятъ общее названіе *груботы* и *срамоты*. Самыя большія пени назначаются за сичу и груботу, въ особенности за поврежденіе руки и другихъ главныхъ членовъ: назначенная за нихъ «живая вражда» (120 лб.) вполне соответствуетъ полвири Правды, — живая вражда составляетъ половину мертвой (240 лб.), т. е. простой виры Правды. Кромя денежныхъ пеней, допускаются и членовредительныя наказанія; напр. кметю, виновному въ поднятій руки на господина, грозитъ лишеніе правой руки (37, 64, 82, 156).

5) Къ преступленіямъ противъ *правъ семейственныхъ* относятся: убиеніе разбитыя женщины и неподобный грѣхъ.

Подъ *разбитыемъ женскимъ* разумѣется изнасилованіе женщинъ («яко бы тво рабиабо и силова женьску главу прежь не воле»). Изнасилованіе наказывается *мертвой кровью*, т. е. обиженная можетъ потребовать головы разбойника, или ограничиться однимъ выкупомъ, равнымъ вирѣ за убійство. Если будетъ изнасилована женщина замужняя или обрученная (мужата или рукована), то мертвая кровь платится мужу и самой обиженной. Незамужней женщинѣ предоставляется право требовать отъ своего разбойника, чтобъ онъ женился на ней, или (если онъ женатъ) доставилъ ей всѣ средства къ жизни, приличной ея состоянію. За изнасилованіе блудницы платится, за обиду, меньшая пеня (въ 25 либрѣ). См. 176, 217 — 224.

Подъ «неподобнымъ» грѣхомъ Полиціи Статутъ разумѣетъ *крихъ содомскы*. Виновныхъ въ такомъ «нечистомъ» грѣхѣ предписывается сожигать безъ всякаго помилованія (177).

Умизанье — насильное дохищеніе женщинъ. Закономъ 1605 г. предоставляется общинѣ право мести надъ виновными: «да му иде опина на куфу и да ну развали куфу». Имущество виновнаго подлежитъ грабежу въ пользу общины (247).

6) Изъ преступленій противъ *имущественныхъ правъ* упоминаются: кража, грабежъ и другіе виды насильнаго присвоенія чужаго имущества, истребленіе и порча вещей.

Кража (лупество, лупецана, меусобица). Кража Полиціаго Статута соответствуетъ татбѣ Русской Правды. Татба имѣетъ, по Статуту, характеръ вполне развитаго института. Въ немъ находимъ очень интересныя данныя по отдѣльнымъ деталямъ этого института, — опредѣлительно рѣшаются главнѣйшіе вопросы касательно *лица* преступника, *предмета*, *мѣста* и *времени* совершенія татбы. По всѣмъ этимъ вопросамъ Статутъ преслѣдуетъ одну главную цѣль — опредѣлять условія большей или меньшей *наказуемости* преступления. Сравнительно съ Правдой, Статутъ излагаетъ ученіе о татбѣ въ болѣе объобщенномъ видѣ; въ немъ меньше казуистическихъ постановленій, составляющихъ отличительную черту Правды и другихъ старославянскихъ законодательствъ.

Лупежь (татъ Правды) — общее названіе вора. Ученіе Статута о лицѣ преступника весьма важно для насъ, потому что Статутъ въ этомъ случаѣ даетъ указанія на порядки глубокой старины, когда вся общественность первычныхъ народовъ построилась на розни и враждебности автономическихъ союзовъ — родовъ, общинъ, семей. Лицо, не принадлежавшее къ союзу, считалось въ немъ безправнымъ, чуть ли даже не врагомъ; только свой пользовался въ общинѣ юридическими гарантиями. Въ уголовномъ правѣ это отражалось въ признаніи мести противъ лицъ, не принадлежавшихъ къ общинамъ, въ случаѣ совершенія ими какихъ либо проступковъ противъ чужаго союза и отдѣльныхъ его членовъ. Съ ослабленіемъ общинной розни, начало мести сдвигается и вовсе устраняется, уступая мѣсто

новыягь началъ и порядкѣ, соотвѣтствовавшимъ измѣнившимся условіямъ общегия. Полицкій Статутъ въ ученіи о татьбѣ, какъ и объ убійствѣ, представляетъ слѣды стараго порядка, ясно указываетъ на старую рознь общегия, съ ихъ местью и самоуправствомъ во взаимныхъ между собой отношеніяхъ. Все ученіе Статута о татьбѣ построено на различіи между *изванскими* и *поличчанами*, уличенными въ совершеніи татьбы. Объ изванскихъ Статутъ немного распространяется: лупежъ «*од имуде*» (т. е. изъ другаго мѣста, изванскій, не поличчанинъ), пойманный и уличенный въ совершеніи татьбы въ Полицѣ, «ниа се ли по сваки пут обясити» (165). Въ отношеніи къ изванскому Статуту не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на условія, при которыхъ совершено имъ преступленіе; достаточно съ его стороны самое незначительное воровство для того, чтобы онъ подвергся полной мести полицкой общины, — явленіе, которое нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что Полица относилась къ не-членамъ своей общины съ точки старой розни и враждебности союзовъ.

Болѣе подробно говорится о татьбѣ *поличчана*. Правда, и въ отношеніи къ нимъ дѣлается различіе между татьбой, совершенной виѣ и въ самой Полицѣ; но здѣсь мечь и смертная казнь, болѣею частію, замѣняются денежными выкупами. Статутъ вынакаетъ во всѣ подробности предмета, опредѣляетъ разнообразныя условія совершенія преступленія, виѣсть съ системой соотвѣтственныхъ имъ наказаній.

Статутъ, во 1-хъ, дѣлаетъ различіе между обыкновеннымъ воромъ и *воромъ по ремеслу*, относя послѣдняго къ разряду явныхъ ляхихъ людей (256). Главнымъ преступникомъ отличается отъ *помощниковъ* (ко за лупежа узговори, — ко лупежу у чемъ поможе ричѣу али дилом), которые подлежатъ меньшей отвѣтственности сравнительно съ главнымъ кововодитомъ (258).

Во 2-хъ, отвѣтственность за татьбу можетъ быть различной, смотря по *покрепъ* — предмету татьбы. Различается кража домашнихъ вещей, инанья, — кража скота (живины), огородныхъ овощей, винограда, жита и проч. (11, 58, 163, 257).

Въ 3-хъ, иначе отвѣчаетъ за татьбу свободный и зависимый человекъ: кмети и наймиты, за кражу у своихъ господъ, подлежатъ болѣе отвѣтственности, чѣмъ за кражу у другихъ лицъ (168).

Въ 4-хъ, поличчанинъ подлежитъ различному наказанію, смотря по *времени* и *мѣсту* совершенія татьбы. Татьба ночная отличается отъ дневной: «ча се отме у *ночи*, то е една стварь, а ча се отме у *дне*, то е друга стварь» (203). Различная отвѣтственность падаетъ на преступленія, совершенныя поличчаниномъ виѣ Полицы и въ ней самой, и при томъ — въ своемъ селѣ или чужомъ, изъ «прага», дома (клѣтная татьба Правды), двора, огорода или въ виноградникѣ и на полѣ (жита и пр.). Кража въ своемъ селѣ по преимуществу называется *меусобицкой*, какъ и самъ тать — *лупежъ* — *меусобаць*, или просто *меусобаць*; кража виѣ своего села носить специальное названіе *лупецины* (*лупецтва*), — самый воръ называется *лупежемъ* (8 — 11, 21, 58, 163 — 166).

Наконецъ въ 5-хъ. татьба имѣетъ различныя послѣдствія, смотря по тому,

пойманъ ли преступникъ въ моментъ совершенія преступленія, или противъ него **предъявленъ поклепъ** (21, 58), — начало, воплотивъ известное Русской Правдѣ и другимъ славянскимъ законодательствамъ.

На основаніи исчисленныхъ началъ, Статутъ устанавливаетъ слѣдующую систему **наказаній** за различные виды татбы поличныхъ. Ихъ можно свести къ тремъ главнымъ группамъ:

а) Тать, пойманный при лицѣ, можетъ быть тутъ же убитъ (во пса мѣсто, по выраженію Правды), если овъ сопротивляется, — и подвергается повѣщенію, если добровольно отдается въ руки того, кто его настигъ на преступленіи.

б) За лупещину (кражу въ чужомъ селѣ) назначается **приамшина** (или **нособа**) — вознагражденіе обиженному за «щету», состоявшее въ дачѣ «за кокошь (курицу) козы, за козу вола и т. д., при чемъ цѣнность пособы возвышается тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе и цѣннѣе воровская вещь; если цѣнность поличнаго превыситъ положенную норму (100 либровъ), то виновный наказывается повѣщеніемъ. Кроме приамшины, тать платитъ «господскую и сельскую глобу», т. е. денежную пеню въ пользу общины и господы, смотря по цѣнѣ поличнаго. Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ поличничья, уличенный въ татбѣ въ Полицы, какъ и наймитъ, обокравшій своего хозяина, платитъ дуплицу (двойную пеню). Помощники при татбѣ платятъ только господскую глобу (163, 164, 168, 203, 257, 258).

γ) За меусобшину, безъ различія между лицомъ и поклепомъ, назначается повѣщеніе, — наказаніе, угрожающее вообще явнымъ татамъ, также кметамъ, обокравшимъ своихъ господъ (166, 168, 256).

Грабежъ (*сила, надворе*) и **присвоеніе чужихъ вещей** (*новщина, самосеть*) составляютъ второй видъ преступленій противъ имущественныхъ правъ отдельныхъ лицъ.

Сила и *надворе* означаютъ вообще насильное отнятіе, или **грабежъ чужаго имущества**. Обозначая всякаго рода насиліе, сила специально входитъ въ понятіе грабежа, произведеннаго *на дорожъ* или въ другомъ мѣстѣ, изъ засады, или открытымъ нападеніемъ на чужое имущество («яко ли би тко кога разбиѣао али *дерао* на путу вола нъди, али му засео, небуѣи му кривъ»). Сила въ этомъ смыслѣ воплотивъ соответствуетъ чешскому нарочу (*nárok, laurez*. См. Ирѣчка Sl. рг. II. 257). Отъ силы, или грабежа дорожнаго (въѣ дома), отличается такъ называемое *надворе*, т. е. грабежъ, произведенный посредствомъ находа или наѣзда на чужой дворъ или домъ («нашад на куѣу»). Сила и надворе оплачиваются различными пенями. За грабежъ въѣ дома полагается денежная пеня (100 либръ общины и столько же обиженному); напротивъ, надворе по старому закону наказывалось «крвью» (смертной казнью). Статутъ принявъ «полагли законъ», установивъ денежную пеню, какъ и за дорожный грабежъ. Виновный обязанъ также возвратитъ хозяину все пограбленное имущество (59 — 60, 65, 70).

Новщина, позлобница и *самосеть* означаютъ вообще вторженіе въ чужія права. Новщина можетъ быть противъ общины и частныхъ лицъ. Въ отношеніи къ имуществу, здѣсь можно разумѣть институтъ, сходный съ чешскимъ *hrdost a vyboj* —

насильное вторженіе въ чужой добытокъ, соединенное съ растратой и порчей (hrđost) или грабежемъ (vuboj) чужаго имущества. Новщиной называется, напр., пастьба скота въ чужомъ лѣсу или на полѣ, вѣсть съ истребленіемъ лѣса и клѣба. Самосегомъ и вообще позлобцей, новщиной, называется также насильственное пользованіе чужой племенщиной или другимъ имуществомъ, съ устраненіемъ отъ него законнаго его хозяина. За новщину по имуществу назначается денежная пеня — 25 либрь. (15, 32, 97, 99).

Послѣдній родъ преступленій противъ правъ имущественныхъ составляютъ: «сяча, поаша, щета и шкода» — истребленіе и порча чужихъ вещей.

Въ ученіи Статута объ истребленіи и порчѣ вещей стоитъ на первомъ планѣ уничтоженіе границъ и межъ (ки би границу «истукаѣ» туфу отаѣнимъ начномъ, али границу «истлачиѣ» през допушѣна правде, али шаке толикоѣ ако би тко «сикаѣ» и чиняѣ границе нове отаѣно по своѣѣ воли през допушѣна правде). Виновный въ такой «худобѣ» лишается руки и части своей племенщины, равной присвоенному имъ участку чужой земли (241).

Подъ «щетою и шкодой» разумѣется вообще порча и уничтоженіе чужихъ вещей. Полицкій Статутъ говоритъ въ особенности о шкодахъ, произведенныхъ скотомъ и другими домашними животными и птицами въ чужомъ огородѣ, виноградникѣ и на полѣ (особственно *иоаша*). Малая шкода отличается отъ большой, ночная — отъ дневной, какъ и шкода большаго животнаго отъ шкоды малаго (дробнаго). Малое животное, занятое на шкодѣ и поашѣ, дозволяется убить на мѣстѣ; за большое платится его хозяиномъ цѣна за каждую шкоду. Ночная щета оплачивается вдвое противъ обыкновенной. Что касается шкоды, учиненной человекомъ, то по Статуту виновный вообще долженъ сдѣлать за нее вознагражденіе — «да му вѣсти и учини задовольно». Если шкода произведена случайно (шехоте), то она удовлетворяется по согласію сторонъ (има му бити разумакъ); за шкоду, учиненную съ умысломъ, «хоте али захвалив се», виновный несетъ большую пеню, «има тежу покуру поднести» (85 — 90, 106 — 107, 182 — 185, 216).

С. Система наказаній Полицкаго Статута представляетъ замѣчательную смѣсь институтовъ различныхъ порядковъ и временъ. Удерживая кровную месть, имѣвшую мѣсто главнымъ образомъ въ дѣлахъ между изванскими и полицянами, Статутъ допускаетъ бандъ или «покуру» (159, 182, 188), въ двойной формѣ: денежныхъ выкуповъ (*вражда* и *осудь*) и наказаній публичныхъ (*лава*, *сича* и др.) въ строгомъ смыслѣ этого слова. Композиціи исключали собой публичныя наказанія и на оборотъ: кто подвергался смертной казни или членовредительному наказанію, тотъ не платилъ ни осуди, ни вражды. Послѣднія имѣли значеніе денежныхъ «выкуповъ». Статутъ иногда выражается такимъ образомъ: «тко ли би кметиѣ опсовао свога господина, дужанъ е да му се езикъ уриже али «се пскупи» либаръ .р.» (68); 110 ли: «тере се ови одстао и правъ се нашао, тада му се има они «искупити пуномъ враждомъ» (159). Всѣ сколько нибудь важныя преступленія преслѣдуются, по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ законодательствъ, самыми строгими наказаніями — смертной казнью, членовредительными наказаніями или огромными денежными выкупами, — начало устранившаго уже много извѣстнаго

Полицейскому Статуту. Назначение наказания иногда мотивируется такими образом: «я том зато, нека се ипкорь жеучини такове худобе и нечистоје чпнтити» (чтобы на то смотря иным исповядно было такъ дѣлати, какъ выражается наше Уложение XVII вѣка). — О мести мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ. Теперь сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о наказаніяхъ публичныхъ и денежныхъ пеняхъ.

а) *Публичные наказанія* касаются лица и имущества преступника. Сюда относятся слѣдующія наказанія:

1) *Смертная казнь* (глава). Преступникъ, осужденный на казнь, «дужанъ главом или обинешѣем», — «има га обисити али разквартати, — преза свакога милосрѣба али умоления има бити сажганъ огнемъ». Сожженіе было тягчайшимъ видомъ смертной казни и назначалось за измѣну, вторичное изобличеніе въ волшебствѣ, за содомскій грѣхъ и удушеніе дѣтей. Четвертованіемъ преслѣдуются по преимуществу разбойники и лихіе люди. Обыкновенная казнь, въ видѣ повѣшенія, назначается за разврху, заставу, робство, убійство присныхъ братьевъ, изнасилованіе женщинъ и за болѣе тяжкіе виды татьбы — меусобщину, надворе я лупещину, совершенную изванскимъ вообще, а поличаниномъ въ другомъ селѣ (если дѣна поличаниго превышаетъ 100 либровъ). Обинеше грозитъ поличанину и въ другихъ случаяхъ, когда оны пойманъ на мѣстѣ татьбы, а кметю, — за татьбу у своего господина (17, 18, 47, 56, 58, 91, 163, 165, 166, 168, 177, 178, 188, 217, 246).

2) *Лишеніе политическихъ правъ*. По законамъ позднѣйшаго времени, въ особенности XVII вѣка, нѣкоторые преступленія, главнымъ образомъ измѣна, влекли за собой недопущеніе въ судьи и вѣчники, не только самаго преступника, но и лицъ, принадлежавшихъ къ его кулѣ (276 — 278, 282).

3) *Членоредительныя наказанія* (сича). Статутъ упоминаетъ объ отсѣченіи руки (за поднятіе оружія для боя на зборѣ или предъ княземъ, за порчу мѣжъ и за побой господина кметемъ) и урѣзанія языка (за ругательство господина кметемъ). Прпставъ, оказавшійся кривымъ, лишался по старому закону трехъ ребръ, «васьсиди три ребра» (63, 68, 126, 156, 241).

4) *Изманіе* (изречене, прогнане). Преступникъ, особенно уходишій въ другую землю, извергался общиной изъ своей среды. Измѣнникъ, убійца роднаго брата и всякій явный злодѣй (музувиръ), по выраженію Статута, «да изрече ванъ, неима веће бити подчанимъ». Измѣнники такіе называются *сослуже*, тко би прогванъ за свои узрокъ». (47, 129, 231).

5) *Грабежъ*. Смертная казнь и другія личныя наказанія болышою частію соединялись съ конфискаціей имущества преступника въ пользу общины. Иногда подвергалось грабежу только движимое имущество, иногда и недвижимое. Грабежъ имѣетъ также самостоятельное значеніе выдачи преступника на полный произволъ общины (потокъ Правды: «пушѣамо опѣини, да ванъ руку ставе, — иде опѣина на кућу и да развали или ужеже му кућу» (17, 18, 166, 188, 247, 256).

6) *Проклятіе* (ароклецтво). Это наказаніе назначалось по церковнымъ дѣламъ

и состояло въ запрещеніи сообщества (опити и живити) съ людьми, кромѣ своей собственной семьи. Лица, умершія въ проклятіи, лишались христіанскаго погребенія (27, 28).

б) *Денежныя пени* носятъ общее названіе *глобы* и *цѣны* (цѣна) и раздѣляются на два главные вида — *вражду* и *осудъ* (о глобѣ и цѣнѣ см. 55, 251, 257; о враждѣ — 14, 37, 38 и др.; объ осудѣ — 2, 9, 15 и пр.). Объ пени назначаются въ различномъ количествѣ и за различныя преступленія. Вражда соотвѣтствуетъ вирѣ Русской Правды и означаетъ по преимуществу пеню за убійство; осудъ равнозначительна съ русской продажей — пеней по другимъ преступленіямъ личнымъ и имущественнымъ.

Подобно Правдѣ Ярославовой, допускающей однообразную виру (40 гривенную) безъ различія по состоянію убитыхъ, Полицкій Статутъ устанавливаетъ за убійство въ свадѣ однообразную «цѣну» въ 240 либровъ. Въ другихъ статьяхъ такая цѣна спеціально называется *мртва кровь* или *мртва вражда*. Кромѣ убійства въ свадѣ, мертвая вражда назначается за разбой и отсѣченіе или поврежденіе обѣихъ рукъ, ногъ или глазъ (38, 55, 65). Огъ мертвой вражды отличается *живая вражда или кровь* (120 либр.), которой оплачивалось увѣче руки и другихъ главныхъ членовъ тѣла, также скубана между плеичами (37, 62). Живая вражда, очевидно, соотвѣтствуетъ полувирию Правды, назначавшемуся также за увѣчье. Половина живой вражды платится за палець ручной или ножной (40). Наконецъ Статутомъ положено наказывать криваго пристава, вмѣсто членовредительнаго наказанія, полагавшася по старому закону, платежемъ двойной мертвой вражды (127).

Осудъ платилась за остальныя преступленія, не влекушія за собой публичныхъ наказаній. Она раздѣляется на слѣдующіе семь видовъ:

- 1) *Осудъ* въ 200 либровъ — за грабежъ, безъ убійства (65).
- 2) *Осудъ* въ 150 либровъ — за отсѣченіе и изувѣченіе носа и другихъ членовъ, если послѣдствіемъ будетъ обезображеніе лица, «огрубленіе образа, грубота и рана» (44, 45).
- 3) *Осудъ* въ 100 либровъ — за отсѣченіе ушей, если послѣдствіемъ будетъ глухота, — за бой на зборѣ или предѣ княземъ, — за побой, наносимые женщиѣ при находѣ на домъ, — за псость господина со стороны его кметя и за надворе (46, 66, 68, 70, 155).
- 4) *Осудъ* въ 50 либровъ — за обыкновенныя раны на лицѣ или рукъ, за поврежденіе зуба или ушей (безъ глухоты), за побой женщиѣ и за поднятіе руки или палки для боя на зборѣ и предѣ княземъ (36, 43, 46, 66, 155).
- 5) *Осудъ* въ 25 либровъ (такъ назыв. *сиомъ осудъ*) — за раны въ мѣстахъ, покрытыхъ одеждой, за сваду, затачъ, изнасилованіе блудницъ и за всякую пощину въ чужомъ имуществѣ (15, 33, 34, 36, 68, 176). Такая же пеня платится за неповиновеніе вѣчевымъ приговорамъ (94).
- 6) *Осудъ* въ 10 либровъ (*осудъ езични*) — за псость на зборѣ (68, 154).
- 7) *Осудъ* въ 5 либровъ — за маловажныя побой, раны и царапины, за псость, также за незаконную продажу състныхъ припасовъ (35, 68, 212).

Исчисленные пени уплачивались самым преступникомъ. *Дикая вира*, вполне известная Статуту, имѣла мѣсто главнымъ образомъ при платежѣ вражды, именно въ такихъ случаяхъ, когда самъ преступникъ скрывался или инымъ образомъ уклонялся отъ наказанія. Община платитъ виру по преступленіямъ, обложеннымъ не только враждой, но и смертной казнью (напр. по разбою и мусобищамъ). Платежъ дикой виры не снималъ ответственности съ преступника: пойманный послѣ платежа виры, онъ подвергался заслуженному наказанію (9, 14, 56 — 58, 65, 68).

Вражда и осудъ слѣдовали пополамъ оправданной сторонѣ и общинѣ или судьямъ. Подъ общинной иногда разумѣется вся Полица, иногда же отдѣльное село. Нѣкоторыя пени, напр. съ сельскаго лупежа, производившаго кражу въ огородѣ, виноградникѣ или на нивѣ, дѣлились между селомъ, господой и обиженнымъ. Въ части, слѣдовавшей князю, имѣлъ опредѣленную долю ($\frac{1}{4}$ часть) общинный приставъ (9, 127, 151, 200, 257). Въ 153-й статьѣ, опредѣляющей общій порядокъ раздѣла всѣхъ пеней, вообще говорится, что одна половина осуди платится оправданной сторонѣ, другая — судьямъ, т. е. князю съ (заклетвенными) судцами, если дѣло судилось предъ ними, — судцамъ-ротникамъ, общинѣ (если судъ производился предъ зборомъ) и т. д.

IV. *Процессъ*. Полициій Статутъ положительно противопоставляетъ частной (въсудебной) расправѣ *правду и оправу*, которую «питаю, уставляю и разгледю» судьи по законамъ полицкимъ (6, 15, 16, 32, 143, 195 и пр.). Кромѣ немногихъ случаевъ, указанныхъ нами выше, частная месть и расправа считалась кривдой, не допускаемой закономъ. Никто не могъ «самъ себѣ правде чинити». Статутъ отсылаетъ обиженнаго къ суду: «пойди къ правди» Статута тождественно съ положеніемъ Душанова Законника — «да иже правдомъ по закону» (Зак. Душ. 127, 128). — Въ основѣ статутныхъ постановленій по судопроизводству лежатъ несомнѣнно старыя народныя обычаи и порядки. Подобно всѣмъ старославянскимъ законодательствамъ, Статутъ не устанавливаетъ большаго различія между процессомъ гражданскимъ и уголовнымъ, одинаково построеннымъ на *обвинительныхъ началахъ*. Процессъ Статута, какъ и Винодольскихъ Законовъ, отличается замѣчательной простотой и несложностью формъ. Нѣкоторыя особенности старославянскаго процесса, напр. ордалин, сводъ и слѣдъ, неизвѣстны Полицкому Статуту. Ничто не мѣшаетъ впрочемъ допустить, что эти учрежденія, встрѣчавшіяся въ старое время у южныхъ Славянъ (Законникъ Душановъ говоритъ напр. объ испытаніи водою и желѣзомъ, также о сводѣ, какъ объ изстаринныхъ народныхъ обычаяхъ), были когда-то въ обычаяхъ и у Полицанъ; быть можетъ, ихъ касался древнѣйшій, не дошедшій до насъ Статутъ. Въ Статутъ XV вѣка сгладились старыя рѣзкія особенности процесса по отдѣльнымъ дѣламъ; напр., мѣсто ордалинъ заступила рота съ очистниками — учрежденіе, получившее въ Статутъ самое широкое развитіе, безъ ограничений, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ, Законникѣ или Винодольскихъ Законахъ. — Мы разсмотримъ главнѣйшія постановленія Полицкаго Статута, относящіяся къ судопроизводству, скажемъ о сторонахъ, предварительныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, доказательствахъ и постановленіи судебныхъ приговоровъ. Вездѣ мы встрѣтимъ множество положеній, въ одинаковой мѣрѣ развитыхъ другими

славянскими законодательствами, — постановлений, несомненно коренящихся въ общеславянскихъ обычаяхъ и порядкахъ.

а) *Стороны*. Статутъ даетъ тѣмъ же общимъ названіемъ «странъ» (125, 133, 144 и пр.). Истцомъ считается тотъ, «ки позва или пре, — ки добыва правду, — кому е криво» (6, 7, 16, 132); отвѣтчикъ — «ови, кога позываю, ки одговара, ки е кривъ, узреченъ», — вообще «криваць» (7, 15, 24, 158). Каждая сторона, въ отношеніи къ другой, называется «супроѣ» (противникъ), «супарияжъ» (113) — *szpierz, sùper, супоръ* и сугаьца другихъ славянскихъ памятниковъ. Подобнымъ образомъ старосербское право говоритъ вообще о парцахъ и странъ, въ частности объ истцѣ — «ки се пре или зове на соудъ», объ отвѣтчикѣ — «кои е позванъ или сьгрѣшино»; истцаъ означаетъ иногда отвѣтчика, а иногда и истца (Николичъ Спом. 13, 129. Пущича Спом. 79. Mikl. Моп. 29, 411). По старочешскому и польскому праву *róvod* и *stogona powodowa* — истецъ, какъ *rohánny (otpowiedac)* и *stogona wianna* — отвѣтчикъ (Arch. I. 450. 460).

По вопросу о допущеніи отдѣльныхъ лицъ на судъ въ качествѣ истца и отвѣтчика, Статутъ выставляетъ слѣдующее основное правило: «правда се свакому има *еднако* дилити» (120), т. е. другими словами, предъ судомъ всѣ равны, — право судебной защиты одинаково для всѣхъ. Каждый племянъ, кметъ и лица другихъ состояній могутъ отыскивать свои права общими судебными порядкомъ: «да га ови могу позвати и прити прид кнезомъ, али прид суци, али прид сборомъ» (8). Все различіе людей зависимыхъ отъ племянныхъ и редовниковъ заключалось въ томъ, что они, въ значеніи отвѣтчиковъ, подлежали прежде всего суду господскому, отъ котораго могли за тѣмъ обратиться къ правдѣ жупской (см. ниже, объ апелляціи).

Статутъ говоритъ о судебномъ положеніи сиротъ, также отдѣльныхъ союзовъ (семей, задругъ и общинъ), рѣшительно въ духѣ всѣхъ славянскихъ законодательствъ.

Сироты, находящіяся въ «сиротничествѣ», только съ совершеннолѣтія (18 лѣтъ) вступаютъ въ общее положеніе по вопросу о судебной защитѣ. До того времени сиротъ «ниткоръ неморе с правдомъ поприти га али здвигнути нанъ нове парбе, кога би сиротничество затекло»; имъ предоставляется на волю — дать ходъ дѣлу, или отложить его до своего совершеннолѣтія (200). Почти буквально сходное правило развило чешское право. По закону Вацлава 1395 г., до возраста сиротъ никто не можетъ «*vdavati*» (Archiv. I. 58). Нѣсколько иначе говорится о томъ же предметѣ въ Душановомъ Законникѣ: «сирота, коя нѣсть яка прѣти или отпирати, да дае прѣца (уполномоченнаго), кон къ отпирати за ню» (62).

Задруга призывается Статутомъ на судъ, какъ юридическое лицо, владѣющее племянной, и какъ союзъ, несущій судебную отвѣтственность за своихъ членовъ. Въ такихъ случаяхъ господарь считается представителемъ цѣлаго союза, обязаннымъ являться на судъ по всякому позву, обращенному къ задругѣ (137). У Сербовъ времяя Душана на судъ являлся господарь дома или одинъ изъ братьевъ; позвы подавались обыкновенно на ния «старіега брата» (Душ. Зак. 56).

Интересныя указанія на судебное положеніе чешскихъ задругъ даютъ старыя чешскіе сборники, въ особенности Zgizeni zemske 1500 г. Kniha stareho pana z Rozstberka говорятъ: если будетъ много истцовъ «s jednoho chleba», то они разсматриваются «jakoby jeden rŏvod» (Archiv. I. 452). Въ качествѣ истца и отвѣтчика можетъ, по Zgizeni, являться отецъ съ дѣтьми; rodove, prateli и spolecnici посылаютъ отъ себя на судъ своихъ старшинъ, — zpravca (rector) имѣетъ въ этомъ случаѣ значеніе простаго уполномоченнаго со стороны своей задруги (Zgizeni. §§. 61 — 63, 66).

Полицій Статутъ иногда призываетъ на судъ территориальную *общину*. Село и жуна выступаютъ обвинителями противъ татей и лихихъ людей: «кога нађе село али жуна, да га придаду господи» (256, 257). Въ силу круговой поруки, община могла явиться также отвѣтчикомъ по дѣламъ своихъ провинившихся членовъ, — могла вмѣстѣ съ тѣмъ защищать на судѣ свои собственные права и интересы (по землевладѣнію и пр.). Такіе же порядки равно извѣстны сербскому, чешскому и другимъ славянскимъ законодательствамъ. Законникъ Душановъ говоритъ о селахъ и околинахъ, несущихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебную отвѣтственность за отдѣльныхъ лицъ; общины являются также истцами и отвѣтчиками во взаимныхъ спорахъ «мею собомъ» (52, 68 и пр.). На такихъ же основаціяхъ старочешское право иногда призываетъ на судъ «mesta a obce» (Zgiz. §§ 70, 71, 161, 162).

Стороны могутъ лично являться въ судъ, но могутъ и посылать вмѣсто себя уполномоченныхъ, подъ названіемъ *прокаратуровъ*, соответствующихъ сербскимъ и дубровницкимъ парцамъ, виводольскимъ одговорникамъ (одвѣтникамъ) или чешскимъ поручикамъ и речникамъ (rogusnik, gesnik). Полицій Статутъ допускаетъ уполномоченныхъ по судебнымъ дѣламъ, въ особенности въ случаѣ болѣзни истца или отвѣтчика, или когда тяжущійся, явившись на судъ, покажетъ — «не умим сам говорити» (7 — 9, 15, 118).

б) *Предварительныя судебныя дѣйствія*. Въ Полиціомъ Статутѣ, подобно всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, дѣлается строгое различіе между двумя главными актами вѣнчанаго процесса: понижкой преступника при лицѣ, на мѣстѣ преступления, и тужбой — простымъ обвиненіемъ, безъ понижки подсудимаго при лицѣ.

Полицій Статутъ даетъ огромное процессуальное значеніе факту понижки преступника при лицѣ. Наказывая лицованнаго преступника безъ особеннаго изслѣдованія дѣла, Статутъ принимаетъ въ этомъ случаѣ за основаніе одно изъ главныхъ положеній славянскаго процесса — признаніе понижки при лицѣ полнымъ доказательствомъ вины преступника. Положеніе такое особенно ярко выступаетъ въ Статутѣ: запрещая самосудъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, онъ считаетъ его дозволеннымъ, когда преступника «стигао и ухитро лицемъ». Сюда относятся слѣдующія статьи:

«Ако ли е чловикъ, ки има господара, оношму е правда, да жена човикъ сам себе плаћати и одвазети, *нею само ако би стигао и ухитро лицемъ, иди лужезъ негово води или носи, волањ би свое вазети*». «Ако ли би се крео отан,

гди годи га господарь *стине*, волань му е све вазети и нега свезати како неврна;
«Бре ли сваковако ако би се лупежъ *улитио у крви*, има се обсити»¹⁾.

Частная расправа допускается, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ людямъ зависимымъ, пойманнымъ при лицѣ. Лицованный преступникъ изъ племячей немедленно отводился предъ судьей, которые безъ особеннаго изслѣдованія дѣла и при-суждали виновнаго къ наказанію. Статутъ не говоритъ, чтобъ при этомъ необходима была предварительная оповѣдь лица сосѣдямъ (ключъ Винодольскихъ Законовъ). «Оповиданье» имѣеть мѣсто только при открытіи какой либо шкоды со стороны животныхъ (87 — 90). Поимка при лицѣ вообще имѣеть одинаковое значеніе во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ, — считалась «обличеніемъ» виновнаго; судебный приговоръ опирался на показанія истца, предъявлявшаго преступника съ полными сосѣдямъ или просто однимъ судьямъ (Ирѣчка Sl. pr. I. 183 — 185).

Если преступникъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія, то процессъ установлялся путемъ *парны* или *тужбы*. Оба термина иногда обозначаютъ не больше, какъ синонимы, примѣняются къ гражданскимъ искамъ и уголовнымъ обвиненіямъ; иногда же подъ парной разумѣется одинъ искъ или тужба по гражданскимъ дѣламъ, какъ и подъ тужбой — собственно обвиненіе въ уголовномъ преступленіи лица, не пойманнаго при лицѣ (6, 8, 10, 15, 16, 69 и пр.). Въ послѣднемъ смыслѣ тужба Полицкаго Статута равнозначительна съ тужбой Душанова Законника и Винодольскихъ Законовъ, съ нарочкомъ или соченьемъ чешскаго права и поклономъ Правды. Значеніе тужбы имѣеть, по Полицкому Статуту, также *узрече* и *узрокъ* (158, 159). Для дѣйствительности тужбы требуется, чтобъ она была «права». Кто «неправо тужно, узрекао (порекано), озлогласно, или зло урекао», и не докажетъ (не достигаю) поклепа, тотъ по общему правилу подлежитъ тому же наказанію, какое грозило обвиненному при дѣйствительности поклепа. Если въ данномъ случаѣ послѣдній подлежалъ смертной казни, то ложный обвинитель долженъ былъ отъ нее выкупиться (се искупити) уплатой полной вражды (69, 126, 127, 159). — Есть еще нѣсколько общихъ положеній, ближе опредѣляющихъ сущность парны и тужбы. Таковы положенія: разъ начатой искъ слѣдуетъ довести до конца (достигнути); до истеченія одного дѣла (докле се онои прва правда неврни) нельзя поднимать новаго иска: «да вне подобно, да правда узореть гре, али да една парна другу смета». Статутъ дозволяетъ вчинать тужбу (уголовное обвиненіе) въ теченіи гражданского иска, если одна сторона въ это время совершила какое либо насиліе надъ другой (32). Наконецъ Статутъ положительно запрещаетъ «прити» во всякимъ дѣламъ по истеченіи земской давности, какъ и возобновлять парну, когда

¹⁾ Если воръ есть человекъ, нѣтущій господина, то онъ подлежитъ суду, — никто не можетъ самъ собою требовать удовлетворенія и наказывать. Исключеніе представляетъ тотъ случай, когда (воръ) достигнуть и пойманъ при лицѣ, когда онъ ведетъ или несетъ (воровскую вещь); тогда (обиненный) можетъ взять свое. — Если бы кто кралъ тамъ, гдѣ настигъ его хозяинъ, то (хозяинъ) можетъ взять у него все и связать его, какъ неврнаго (нзмѣнника). — Во всякомъ случаѣ, если воръ пойманъ на крадѣ, онъ подлежитъ повѣщенію (58, 162, 190).

она пришла уже въ полное забвеніе, — «ако би се прва парна од толико давна врмена како у непому запустила» (32, 114).

Изъ предварительныхъ судебныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ формальному суду, Полицкій Статутъ упоминаетъ объ оповѣди, осмотрѣ и позвѣ, опредѣляя сущность ихъ рѣшительно въ духѣ славянскаго права.

1) *Оповѣдь* равнозначительна съ винодолскимъ указане, чешскимъ *oproveni* (*oprovidání*) и *nárok*, заповѣдью и заклинчежъ древняго русскаго права, поволаньемъ польскимъ и литовскимъ. Статутъ упоминаетъ объ оповѣди только въ статьяхъ о порчѣ чужихъ вещей, напр. о пошашѣ, щетѣ и пр. Но нѣтъ сомнѣнія, что она имѣла мѣсто въ процессѣ и по другимъ дѣламъ, въ особенности уголовнымъ. У всѣхъ Славянъ изстари было въ обычай — въ случаѣ какой либо шкody и преступленія немедленно заявлять о томъ общинѣ, звать сосѣдей на мѣсто шкody, для предьявленія имъ объ учиненномъ преступленіи. Показанія сосѣдей принимались послѣ въ число главныхъ судебныхъ доказательствъ, на которыхъ опирался истецъ поклепъ. Тотъ же обычай записанъ и Полицкимъ Статутомъ. Господарь поля или огорода, замѣтивъ у себя шкodu, долженъ былъ «оповѣдити га придъ свидочболъ», или — «инимъ (т. е. стороннимъ людямъ, сосѣдямъ) усвидочити», и за тѣмъ искать удовлетворенія за шкodu (87 — 90, 110, 161). Свидочба и ине, очевидно, соответствуютъ чешской *osadъ* и литовской *kopъ* — сходкѣ сосѣдей и добрыхъ (стороннихъ) людей, созванныхъ обиженнымъ для объявленія имъ о понесенной имъ потерѣ и убыткахъ (Ирѣчка I. 182. II. 22).

2) *Разгледъ* — другой процессуальный актъ, слѣдовавшій за оповѣдью. Сущность его одна и таже съ чешскимъ *ohlédání* или *oprárení* (Ирѣч. II. 233). Разгледъ означаетъ судебный осмотръ, составлявшій существенную часть, въ особенности уголовного процесса, до наступленія окончательнаго разбирательства дѣла со стороны судей. Для осмотра истецъ испрашивалъ у судьи пристава, который и отправлялся на мѣсто съ тужущимися и добрыми людьми (осадою чешскаго права). Разгледъ полагалась при имущественныхъ шкодахъ, особенно при тужбѣ объ увѣчьяхъ, ранахъ и пр. Главная роль на разгледѣ принадлежала истцу, указывавшему — «изъ чеса га пре», и добрымъ людямъ, производившимъ на разгледѣ въ особенности оцѣнку шкody и убытковъ. При осмотрѣ ранъ добрые люди, въ качествѣ плицецъ (оцѣнщиковъ) и свидокъ, должны были «процинити» (промыслили, видѣли, разгледѣли, сагнути и примирити) раны по закону и обычаю, какъ и по своему усмотрѣнію и совѣсти (ничъ по закону и обычаю, ничъ по домысли и кушенци). Добрые люди опредѣляютъ: зачь е той учинено и по чемъ, гди е и у комъ мѣсту», — «ка е рана од косъ жеща (жесточе), али луѣа (лютѣе), али од смрти сумненна (смертельна), али од кое се приме веѣе болести и тешкоѣе и траѣена, вола ликариѣ али шкode, али паке гди се згоди, да се виде кости, али плуѣа (легкія), али можѣани (мозгъ), али ине ствари од живота, — той се све ине сагнути и примирити» (36, 39, 40, 42, 61, 64). Подобнымъ образомъ, при тужбѣ въ насилуваніи, слѣдуетъ предварительно «разабрати» — какъ учинено преступленіе, «по конъ начинъ» и при какихъ обстоятельствахъ, — кто преступникъ и обиженная, какого «врсте, гласа и работе» (218). При пошашѣ и другой щетѣ должно также «стимати»

(оцѣнять) убытки (108). Добрые люди, въ присутствіи пристава, производятъ по совѣсти оцѣнку (процѣну и стѣблю) отчуждаемой племенщиной, опредѣляютъ дѣйствительную ея цѣнность (80, 123). Показанія на судѣ пристава, присутствовавшего при осмотрѣ, уравниваются съ письменными доказательствами (124).

3) *Позовъ* состоялъ въ формальномъ вызовѣ отвѣтчика въ суду. Въ старое время вызовъ у всѣхъ Славянъ былъ частнымъ дѣломъ истца. Онъ самъ заботился о привлеченіи отвѣтчика къ суду, съ правомъ при его сопротивленіи налагать на него руку. Такой порядокъ извѣстенъ былъ у старыхъ Чеховъ; его слѣды найдены въ Русской Правдѣ и древнихъ литовскихъ памятникахъ. Частный характеръ позова не совсѣмъ также утратился въ Полицкомъ Статутѣ. Въ немъ позовъ производится самымъ истцомъ; приставъ присутствуетъ при этомъ какъ бы для того, чтобы придать больше силы и дѣйствительности позву истца. Впрочемъ, присутствіе пристава считалось необходимымъ только при строго формальныхъ позовахъ (законныхъ), имѣвшихъ мѣсто по болѣе важнымъ дѣламъ. — Статутъ излагаетъ очень подробныя постановленія о порядкѣ позововъ, о срокахъ судебныхъ явокъ по позовамъ, о законныхъ причинахъ неявки и о самыхъ послѣдствіяхъ неявки истца или отвѣтчика. Ученіе о позовѣ заключается статьями о причинахъ отсрочки формальнаго суда.

Статутъ различаетъ позовъ *простой* и *законный* (позовъ по закону и обычаю). Первый имѣлъ мѣсто по маловажнымъ дѣламъ, когда мѣсто и время суда опредѣлялось самими сторонами (116). Въ искахъ по племенщинамъ и другимъ важнымъ дѣламъ позовы обыкновенно производились по *закону и обычаю*, т. е. предъ извѣстными судьями, по установленнымъ въ законѣ срокамъ и съ соблюденіемъ другихъ формальностей (32, 123 и пр.).

Въ большинствѣ случаевъ предоставлялось самому истцу вызывать отвѣтчика предъ тѣхъ или иныхъ судей, приглашать его на тотъ или иной *образъ*, — предъ ротниковъ, князя или на зборѣ: судъ на зборѣ и назывался *простымъ оброкомъ* (7). Только въ двухъ случаяхъ самъ Статутъ точно предѣляетъ оброки позововъ: въ искахъ по племенщинамъ всегда слѣдовало вызывать отвѣтчика на судъ предъ княземъ, во время сто путей (115), какъ и кметы, нѣтъшіе своихъ господъ, всегда вызывались на судъ владѣльческой (16).

При позовѣ по закону, истецъ испрашивалъ у судей пристава и отправлялся съ нимъ къ отвѣтчику для объявленія ему судебного позова. Позовъ могъ имѣть мѣсто на дому отвѣтчика, какъ и при князѣ или на зборѣ, гдѣ истецъ приходилъ своего отвѣтчика. Въ послѣднемъ случаѣ истецъ могъ и безъ пристава объявить свой позовъ и тутъ же просить у князя или збора немедленнаго суда (134). Если позовъ нужно было объявить на дому, то истецъ предварительно обращался къ судьямъ съ просьбой: «дайте ми пристава». Судьи отряжали пристава ротнаго или простаго; если дѣло подлежало суду нѣсколькихъ судей, то истецъ бралъ пристава отъ каждаго судьи (135, 136). Въ искахъ по долгамъ дозволялось предварительно послать пристава къ отвѣтчику, съ простымъ напоминаніемъ ему о долгѣ; если отвѣтчикъ тутъ же не платилъ его, то послѣ устанавливался формальный позовъ (136). Не видно, чтобы позовы совершались въ присутствіи стороннихъ людей, какъ это требовалось по старочешскому и литовскому праву.

Порядокъ объявленія позва былъ слѣдующій. Явившись съ приставомъ къ отвѣтчику, истецъ объявлялъ ему позовъ, говоря: «позивамъ те на таи оброкъ, именовавши, да ми имашь одговорити на оно, ча буду на те говорити». Отвѣтчикъ долженъ былъ «одговорити» на позовъ, или же могъ сказать: «позивая мене по закону», т. е. могъ потребовать назначенія законнаго срока для явки въ судъ (116). Если отвѣтчикъ былъ въ отсутствіи, то позовъ объявлялся остальнымъ членамъ кући. Позовъ долженъ быть заявленъ своевременно, чтобъ позванный могъ «приспяти на правду» (137).

Вмѣстѣ съ объявленіемъ позва, истецъ назначалъ *рокъ* (срокъ) явки на судъ. Позывать по закону дозволялось «три кратъ», не больше трехъ оброковъ (6, 116). Третій срокъ назывался *отворни*; на него стороны непременно должны были явиться, подъ угрозою потери «справды» (7). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Статутъ точно опредѣляетъ время судебной явки. Звать предъ судей-ротниковъ можно было за три дня до начала каждаго мѣсяца; для апелляціонныхъ позововъ назначался мѣсяцъ со времени объявленія апелляціи (13, 19).

Обезпеченіемъ явки отвѣтчика на судъ въ назначенный срокъ служила *зарука* (наступъ) сторонняго лица, ручавшагося за другаго въ своевременной явкѣ его въ срокъ. Порука давалась въ присутствіи пристава (112, 113, 129). Полиціе заручники вполнѣ соответствуютъ еицамъ Русской Правды и старыхъ сербскихъ памятниконъ (Зак. Душ. 75. Пуича Спом, I. 99. 100. 101. II. 112).

Истецъ, назначившій срокъ судебной явки, самъ долженъ былъ непременно явиться на мѣсто суда и ждать (устои) здѣсь отвѣтчика; въ противномъ случаѣ позовъ считался недействительнымъ. По другой статьѣ, сторона, прибывшая на мѣсто, должна «чекати до мрака (ждать до сумерокъ) и наложити огань и звати другу страну» (6, 148). Отвѣтчикъ, за каждую неявку безъ законныхъ причинъ, подлежитъ штрафу; послѣ самовольной неявки на третій позовъ, онъ «губи правду», — дѣло рѣшалось по доказательствамъ одного истца (6, 11, 19, 138). Къ законнымъ причинамъ неявки на судъ Статутъ относитъ: немощность, собственно болѣзнь при смерти (въ обыкновенныхъ случаяхъ отвѣтчикъ могъ вмѣсто себя послать прокаратура), также нахождение въ далекомъ пути, когда отвѣтчикъ не могъ во время явиться на позовъ. Статутъ допускаетъ, кромѣ того, другіе «подобни узроки» неявки сторонъ на судъ (127, 138, 148).

Результатомъ позва была явка сторонъ къ суду. Отвѣтчикъ могъ немедленно «одговорити» на заявленіе истца о предметѣ суда (из часа га пре), но могъ и просить *отсрочен* формальнаго разбирательства дѣла. Къ причинамъ, по которымъ дозволяется отсрочивать судъ, относятся: 1) присканіе отвѣтчикомъ прокаратура; если онъ не найдется къ назначенному сроку, то запрещалось отлагать судъ на другой срокъ, — вести дѣло долженъ былъ самъ отвѣтчикъ; 2) необходимость собрать доказательства, не бывшія въ рукахъ отвѣтчика при первой явкѣ въ судъ; 3) вообще «назвнть, ѡдлн или хитрость» — какое либо незаконное дѣйствіе противника, приостанавливавшее немедленное открытіе суда. Судьямъ дозволяетъ Статутъ отсрочивать судъ и въ другихъ случаяхъ (7, 117, 119, 120, 147).

с) *Судебныя доказательства*. Судебный приговоръ долженъ основываться на

тѣхъ *прави* (доказательствахъ), которыя представляютъ сами стороны. Доказательства могутъ имѣть полную силу, могутъ считаться «врдни, веровани, боли или подобни»; представивъ такія доказательства, тяжущійся «добывалъ себѣ правду». Сторона, которая не будетъ «справна и купна с правми своими», теряетъ правду. Великимъ правомъ считались письменные акты и показанія свидѣтелей — очевидцевъ и поротниковъ; улики считались малымъ правомъ, требовали еще подтвержденія другими доказательствами (119, 144 — 147, 230 и пр.). Статутъ говоритъ о слѣдующихъ родахъ судебныхъ доказательствъ: о письменныхъ актахъ, свидочбѣ, ротѣ, лицѣ и простыхъ уликахъ.

1) *Письменные акты (прави письмени)*. Мы уже сказали выше объ отдельныхъ родахъ актовъ. Здѣсь сдѣлаемъ замѣчаніе только о процессуальномъ значеніи листовъ, писемъ и другихъ актовъ и записей. Акты считаются въ Статутѣ полнымъ доказательствомъ, причисляются къ числу «врднихъ и верованихъ правъ». Никто не въ правѣ представлять противъ листовъ другія доказательства, «неухиливъ прво и неразбивъ листа за *кривою*». На ряду съ законнымъ актомъ, всякое другое доказательство можетъ имѣть одну подкрѣпительную силу, или, какъ выражается Статутъ напр. о присягѣ, рота можетъ быть только «в полагъ листа, а не проти листу правому». Если тяжущіеся будутъ имѣть одинаковые акты, то ихъ нужно «видити и разгледати», — дѣло судей опредѣлить — какіе листы «боли и подобни и старити и с боли редом учинени и улизено ли по нихъ у држань» (72, 83, 119, 124, 144, 145).

2) *Свидочба (свидочаство)*. Въ понятіе свидочбы входятъ показанія свидокъ и поротниковъ.

Свидоки — простые свидѣтели — очевидцы, которые «видили очима» обстоятельства, требовавшія разбирательства на судѣ. Замѣчательно впрочемъ, что Статутъ далеко не съ такими подробностями говоритъ о свидѣтеляхъ, какъ это дѣлаютъ напр. Винодольскіе Законы. Объ обыкновенныхъ свидѣтеляхъ въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. о частныхъ сторонникахъ истца или отвѣтчика, въ Статутѣ нѣтъ нигдѣ ни слова. Свидоками, дающими свидочбу или свидочаство, въ немъ называются только *добрые люди*, сосѣди, которымъ дѣлалась оповѣдь о преступленіяхъ и шкодахъ и которые также призывались для разгледу и дѣнки ошкоды, ракъ и пр. Въ значеніи такихъ же свидокъ являются въ Статутѣ и приставы: предъ судьями они производили свидочаство, по приглашенію сторонъ давали показанія по каждому дѣлу въ значеніи тѣхъ же добрыхъ людей и свидѣтелей (8, 39, 61, 110, 123, 124, 144, 161, 230). Такимъ образомъ, Полицій Статутъ вполне удерживаетъ воззрѣніе на свидѣтелей, какъ на судебныхъ органовъ, — воззрѣніе, вообще лежавшее въ основѣ ученія славянскаго права о свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ болъшей или меньшей степени развитое во всѣхъ старославянскихъ законодательствахъ.

Гораздо подробнѣе говорится о другомъ родѣ свидѣтелей, называвшихся *поротниками* (иногда *поротою*, *поротъемъ*, *луды* и *човики*) и соответствовавшихъ чешскимъ помочникамъ и очистникамъ (10, 11, 22, 146 и пр.). Существенное отличіе поротниковъ отъ свидокъ состояло въ томъ, что они не были очевидцами,

не касались никакихъ обстоятельствъ суднаго дѣла, но, подобно очистникамъ другихъ законодательствъ, присягали вмѣстѣ съ сторонами, подкрѣпляли ихъ присягу, утверждая этимъ справедливость тужбы истца или очищая своимъ словомъ невинность обвиненнаго. Частіе, — назначеніе поротниковъ полиціихъ состояло въ присяжныхъ показаніяхъ на судѣ по вопросу о личности сторонъ: подобно чешскимъ очистникамъ, утверждавшимъ «dobru aneb zlu povestъ» сторонъ, поротники могли показать противъ подсудимаго, «да иже честанъ ни бистанъ» (158), и этимъ придать полную достовѣрность тужбѣ истца.

Ученіе Статута о поротникахъ не представляетъ такихъ ограниченій, какія установлены напр. Русской Правдой и Винодольскими Законами. По всему видно, что Статутъ излагаетъ ученіе о поротникахъ въ томъ первичномъ его видѣ и тѣхъ формахъ, въ какихъ оно въ старое время развивалось въ правѣ всѣхъ Славянъ. Поротники допускаются по всѣмъ возможнымъ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ — по крови, татѣбѣ, личнымъ обидамъ, по спорамъ и тяжбамъ изъ-за племенщизнъ и движимыхъ вещей, по долгамъ и всякимъ другимъ стварямъ (10, 11, 22, 150). Поротники не имѣютъ мѣста — по уголовнымъ дѣламъ, когда преступникъ пойманъ при лицѣ, а по дѣламъ гражданскимъ, когда представлены положительными доказательства, въ особенности листы, не признанные «кривыми». При неавѣкѣ отвѣтчика на позовъ, истецъ вообще не имѣлъ надобности представлять другихъ доказательствъ, кромѣ однихъ поротниковъ (10, 144).

Въ качествѣ поротниковъ могутъ быть призваны на судѣ *люди, човики* — стороннія лица, тѣже добрые люди, которые, какъ выражается точнѣе Статутъ, «ниѣ од его (истца или отвѣтчика) кући али прѣвѣтелъ» (11), не находятся въ близкихъ или пріятельскихъ связяхъ съ сторонами. Такое же положеніе вполнѣ извѣстно чешскому праву: Zřizení допускаетъ въ очистники тоже только лицъ, не жившихъ съ сторонами въ одной семьѣ и задругѣ и не бывшихъ у нихъ въ числѣ служебниковъ (Zřiz. §§ 36 и 279). Съ другой стороны, поротники, какъ и добрыя люди, могли быть въ Полицѣ только дѣйствительные члены общины; на этомъ основаніи Статутъ положительно запрещаетъ, въ дѣлахъ между полиціанами, призывать поротниковъ изъ изванскихъ (22).

Число поротниковъ было различно, соразвѣрялось съ важностью дѣла, по которымъ они призывались въ судѣ. По убійству или кражѣ домашней (изпод прага) рота производилась самъ — 12-ть; по полевой татѣбѣ призывалась порота «самшестъ». По маловажнымъ дѣламъ считались достаточными три и даже одинъ поротникъ (4, 146).

Лица, призванные поротниками, собирались вмѣстѣ съ сторонами на «перномъ мѣсту», назначенномъ для пороты. Здѣсь, какъ говоритъ Статутъ, «една страна води поротнике, а друга носи моћи с пристаи и заклетвомъ», или по другой статьѣ — «ови, ки носи моћи, има ихъ дати приставу, ки заклина» (147, 149). Майковъ видитъ здѣсь тотъ случай пороты, когда поротниковъ представляетъ только одна сторона, а другая приноситъ съ собой свои «моћи», т. е. документы, подлинность которыхъ подтверждается клятвенно приставомъ (Судъ присяжн., стр. 54). Толкованіе Майкова намъ кажется рѣшительно произвольнымъ. Дѣйствительно,

въ приведенныхъ статьяхъ говорится о поротникахъ, «водимыхъ» одной стороной; во моѣи и заклетву нельзя объяснять такъ, какъ объясняетъ Майковъ. У него дѣло представляется какъ-то странно: одна сторона приносила документы, а другая приводила поротниковъ, — для судей, значить, предстоялъ выборъ — признать ли правой сторону съ документами, или сторону съ поротниками. Ничего подобнаго не могло быть въ дѣйствительности. Мы видѣли, въ какія отношенія ставить Статутъ «письмени правн» къ другимъ доказательствамъ, въ особенности къ ротѣ (слѣдов. и къ поротникамъ): противъ актовъ никто не могъ выставять пороту и вообще опровергать акты можно было только актами. Дѣло въ томъ, что Майковъ не понялъ смысла статутныхъ статей о поротникахъ. Статутъ развиваетъ въ нихъ одну изъ деталей института поротниковъ, показываетъ, въ какихъ формахъ и съ какими обрядами производилась порота. Моѣи, очевидно, не документы, выставлявшиеся одной стороной противъ поротниковъ другой. Порота вовсе не имѣла мѣста при документахъ противной стороны; значить, въ моѣяхъ нужно видѣть не документы, а нечто иное. Моѣи упоминаются, не только въ Полицкомъ Статутѣ, но и въ старыхъ сербскихъ грамотахъ. Въ одной грамотѣ 1400 г. говорится объ обычаѣ «ставить роту на моѣхъ». Сербскіе краи имѣли привычку — при всякомъ пожалованіи нѣкѣи частнымъ лицамъ испрашивать у мѣстныхъ жителей (оснашниковъ) удостовѣреніе о принадлежности земель краю, — удостовѣреніе такое и утверждалось ротою на моѣхъ (Miklos. Mon. 248). Порядокъ исполненія такой роты и опредѣляется Полицкимъ Статутомъ въ приведенныхъ выше статьяхъ. Обрядъ пороты начинался тѣмъ, что стороны и поротники съ приставомъ являлись на мѣсто роты; здѣсь одна сторона «води» поротниковъ, другая «носи» моѣи. Когда наступало время роты, тогда моѣи, принесенныя сторонами, передавались приставу, который и заклиналъ поротниковъ, т. е. тѣхъ, кто становился на роту (присягу). Въ моѣяхъ, на которыхъ ставилась рота, очевидно нужно видѣть не больше, какъ одну изъ обрядовыхъ принадлежностей пороты, равнозначительной въ этомъ случаѣ съ стариннымъ русскимъ цѣлованьемъ (собственно крестоположеньемъ). Лучшее объясненіе полицкихъ моѣей можно находить въ книгѣ Винодольскихъ Законовъ и въ крестоположеньи Псковской судной грамоты. Винодольскіе поротники, какъ мы видѣли, давали клятвенныя показанія, въ присутствіи дворскаго челоуѣка (пристава Полицкаго Статута), касаясь рукой книги (евангелія). Въ Псковѣ также извѣстенъ былъ очень сходный обычай — крестное цѣлованье или крестоположенье: спорная вещь полагалась у креста, предъ которымъ ротившіеся и произносили свою клятву. Въ такомъ же смыслѣ мы объясняемъ и полицкую пороту съ моѣями. Въ моѣяхъ нужно видѣть книгу, крестъ, или, что еще вѣроятнѣе, мощи или иной священный предметъ, предъ которымъ присягали поротники.

Заклетва также не означаетъ клятвеннаго подтвержденія приставомъ подлинности документовъ, какъ думаетъ Майковъ. Значеніе заклетвы, какъ нельзя лучше, объясняется слѣдующимъ весьма интереснымъ мѣстомъ одной сербской грамоты 1325 г.: по случаю спора о принадлежности земли между игумномъ Леонскою Горы и братьями Гардамилами, краи порѣшилъ: «да поведу 12 стариниць жуплянъ достоверныхъ члоуѣкъ, да се закляну страшнымъ заклетіемъ». И посла кралевскими (говорить грамота) Градислава Воишака пристава и придоше стариници на меду (межу) и закля изъ пристава тако: «да нѣсте пролетети од Господа

Бога и пречистіе Матере Божіе и ваши домове и дѣтца ваша, како не кете криво, куде е медіа». И они се заклеше страшнимъ заклетіемъ вси въедино и указше медіу (Мацѣйов. Historia. VI. 407). Заклетва Полницкаго Статута означаетъ собственно форму присяги (роты), произносившейся поротниками. Ихъ заклиналъ предъ могами приставъ, какъ ясно говорятъ 147 и 149 статьи Статута. По заклетвѣ ротился, давалъ присягу *вошка* (вошка), т. е. сторона, которая «води» поротниковъ (вожакъ — тотъ, кто ведетъ пороту); за нимъ присягали и всѣ поротники. Дѣло рѣшалось, смотря по тому, какъ исполнена присяга, т. е. согласно ли съ заклетвой пристава, «ватакмили по заклетви у правъ», или нѣтъ (149).

Полницкій Статутъ записалъ еще другую, весьма оригинальную подробность, объясняющую юридическое значеніе поротниковъ. Въ только что рассмотрѣнныхъ статьяхъ трактуется о поротѣ одной стороны. Но Статутъ допускаетъ также *обоюдную пороту* тяжущихся, даетъ въ одно и тоже время истцу и отвѣтчику возможность отцѣловаться, т. е. очиститься отъ обвиненія или подтвердить дѣйствительность поклепа. Пороту одной стороны можно было «узврути, вратити»; т. е. если напр. истецъ представилъ шесть поротниковъ и присягнуть съ ними, то иногда дозволялось и отвѣтчику обратиться къ своимъ поротникамъ, своей поротой какъ бы возвращая пороту истца, дѣлая ее недействительной. Статутъ не во всѣхъ случаяхъ допускаетъ обоюдную пороту. Возвращать роту вообще запрещается въ дѣлахъ по татѣбъ: «И неморе се из покреѣ рота узврути. И лупежъ, ки би приа поротникѣ (представленныхъ истцомъ), ние законъ, да море узврути роту виткоре пзъ лупещине» (10, 160). Можетъ быть, обоюдная порота не допускалась также по убійству и другимъ болѣе тяжкимъ преступленіямъ; но объ этомъ нѣтъ нигдѣ ясныхъ указаній. Въ случаяхъ, когда допускалась обоюдная порота, она считалась дѣйствительной только тогда, когда давалась въ слѣдъ за поротой противника: «тко неврати роте на парном (првом) мисту, послѣ е неморе вратити по закону» (10). Кроме того, самымъ сторонамъ дозволялось отказаться отъ своего права обоюдной пороты, говоря одинъ другому: «возми себи роту или ю мени пусти» (145, 149). Во всѣхъ случаяхъ, когда не имѣла мѣста обоюдная порота, дѣло рѣшалось по односторонней присягѣ той или другой стороны съ поротниками. Напротивъ, вопросъ усложнялся при допущеніи пороты обоюдной. Статутъ упоминаетъ о ней въ двухъ мѣстахъ. Въ искахъ вещныхъ (из блага) истецъ можетъ отприсягнуть самъ-шесть, а если рота опять возвращена, то истецъ присягаетъ самъ-треть (11). Еще болѣе сложнымъ представлено дѣло въ другой статьѣ — о поротникахъ процесса по племенщинамъ. Если одна сторона присягнетъ съ 12-ю поротниками, то другая можетъ воротить роту, т. е. тотчасъ же присягнуть съ столькими же поротниками; первая сторона опять должна присягать, но уже съ «половицомъ» поротниковъ (съ шестью); если порота опять будетъ возвращена, то присяга идетъ снова съ половицомъ — самъ-треть; при новомъ возвратѣ — самъ-другъ. И эта порота можетъ быть возвращена; тогда первая сторона, съ которой началась порота, обязана сама присягнуть безъ поротниковъ; если противникъ въ свою очередь присягнетъ, то первая сторона можетъ «виром рѣни, т. е. произнести обыкновенную божьбу, безъ строгихъ формальностей роты; если тоже самое сдѣлаетъ противникъ, то дѣло рѣшалось «простомъ ричью» первой стороны (146).

Порота соединялась съ соблюденіемъ различныхъ формальностей присяги.

Дѣло рѣшалось въ пользу того, кто съ поротниками исполнялъ присягу по заклетью правильно: «ако ли присегу сви, и वोика и поротницаи, по заклетюу у правь, тои о таи правда добита». И наоборотъ — дѣло считалось проиграннымъ, если не только всѣ, но и даже одинъ поротникъ не присягнулъ, или хотя бы и присягнулъ, но съ ошибками, вообще не согласно съ заклетвою пристава (149). Въ другомъ мѣстѣ просто говорится, что тотъ теряетъ дѣло, кто не «одстои» наложенной на него пороты, особенно если заклетва обнаружитъ, что онъ «ниче честаи ни вистаи» (158, 159). Замѣтимъ въ заключение, что показанія поротниковъ имѣли огромное процессуальное значеніе. Кто согласился на пороту и результаты ея оказались въ пользу противной стороны, тотъ не могъ больше прибѣгать къ помощи никакихъ другихъ доказательствъ, — дѣло рѣшалось въ пользу его противника. Еще больше: подобно приговору присяжныхъ судей, приговоръ, основанный на показаніяхъ свидѣтелей — поротниковъ, считается въ Полицкомъ Статутѣ окончательнымъ. Дѣла съ поротниками, разъ оконченныя, не подлежали новому перевершенью, путемъ апелляціоннаго переноса ихъ въ другую судебную инстанцію, — приговоры по такимъ дѣламъ немедленно приводились въ исполненіе. Все это, какъ нельзя больше, вытекаетъ изъ слѣдующаго положенія Статута: «када из чеса зур приже поротнике, ли неморе се апелати» (236). Такимъ образомъ, о полицкихъ поротникахъ мы должны повторить сказанное нами выше о поротникахъ виводольскихъ: безапелляціонно осуждая или оправдывая подсудимаго, они сближались съ присяжными судьями, являлись въ процессѣ не сторонниками тяжущихся, но добрыми людьми, игравшими роль очень важныхъ судебныхъ органовъ. Осужденіе и оправданіе поротниковъ—свидѣтелей существенно разнилось отъ приговора поротниковъ—судей лишь тѣмъ, что первые не касались вовсе даннаго дѣла, подлежащаго судебному разбирательству, давали свидѣтельскія показанія лишь о личности сторонъ, утверждая «добри анев зли ровест» ихъ (личе честаи ни вистаи), — поротники судьи, напротивъ, выкажи въ самое существо суднаго дѣла, указывали на правоту или виновность подсудимаго въ каждомъ данномъ случаѣ.

3) *Рота*. Полицкій Статутъ раздѣляетъ присягу на подтвердительную, дававшую истцомъ въ подкрѣпленіе своей парны или тужбы, и на очистительную, посредствомъ которой обвиненный свергалъ съ себя тужбу, оящцаъ свою невинность. Въ обрѣхъ случаевъ рота могла производиться съ поротниками и безъ нихъ. Полную доказательную силу имѣла рота, когда не было другихъ положительныхъ доказательствъ, въ особенности письменныхъ актовъ. Кроме того, рота могла имѣть значеніе вспомогательнаго доказательства, допускалась напр. въ подтвержденіе листовъ, если они не считались «задовольни», не вполне удовлетворяли требованіямъ полныхъ доказательствъ. Статутъ, какъ мы видѣли, допускаетъ роту обоюдную и одностороннюю. Последняя имѣла мѣсто въ такомъ случаѣ, когда на предложеніе одной стороны: «возьми дѣло себѣ на роту (на душу по сербскимъ грамотамъ), или пусти ее мнѣ», соглашалась другая, — дѣло въ такомъ случаѣ рѣшалось по одной присягѣ послѣдней стороны. Наконецъ, тяжущіеся могли вовсе отказаться отъ роты, ограничиваясь другими доказательствами или просто показаніями по совѣсти (144, 115, 149, 159, 230).

4) *Лицо и улыки*. Лицо, какъ мы уже замѣчали, считалось вполнѣ рѣшитель-

нить доказательствомъ, явно изблнчавшимъ виновность обвиняемаго при лицѣ, на мѣстѣ преступленія. Отъ лица отличались простыя уляки — знаки отъ побоевъ, рамы, поличное (покреѣа) и пр. При улякахъ необходимы были еще другія доказательства. Статутъ вообще требуетъ омовѣди и разгледн поличнаго со стороны добрыхъ людей и свидѣтелей (см. выше).

d) *Судебный приговоръ*. Статутъ даетъ нѣсколько указаній на порядокъ судоговореній, вмѣстѣ съ постановленіемъ и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ:

Говорене — судоговореніе, словесное препирательство тяжущихся предъ судьей. Говорене состояло въ томъ, что истецъ предъявлялъ свой искъ, на который давала отвѣтъ противная сторона, — истцу предоставлялось право *говорити* противъ отвѣтника, а этотъ долженъ былъ ему *одговарати*. Судоговоренія начинались тотчасъ послѣ явки сторонъ на судъ. На спросъ позваннаго: «ча е и гди е тон, из часа на не говорити», истецъ долженъ былъ «повидати, из часа говори». Путемъ такихъ переговоровъ стороны «улизу у парну». Порядокъ судоговореній Статутъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Явившись на судъ, стороны должны «едавъ другому одговарати, сваки отинарѣи и отежуѣи правн (доказательства) свое. Ови, ки нѣта (истецъ), говори: држишъ мое, али моихъ правихъ, ча пристом мене, хотио бихъ е правдом да би были мени мои племенщина: а ови, ки држи, тон одговара: ваче ѣа држимъ племенщину мою и моихъ старивихъ, кою самъ инно и држао од вѣка, али говоре: да самъ купно али изворно заковомъ вуковичини, а не држимъ ни носудуемъ твога ни твоихъ правихъ, ведамъ бог!» (7, 118, 134, 144). Стороны «допирали» предъ судьей одна другую доказательствами, представлявшимися въ подтвержденіе или отрицаніе показаній сторонъ. Дѣятельность судей, присутствовавшихъ при говореніи и допираніи сторонъ, состояла въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ (читая и разгледая) доказательствъ обѣихъ сторонъ и въ постановленіи *одлуки, семмемци* (судебнаго приговора). Статутъ ни слова не говоритъ, какъ постановлялась одлука. Видно только, что въ своей одлукѣ судьи объявляли подсудимаго оправданнымъ или виновнымъ (правъ или кривъ) и подвергали его соответственному наказанію. Сторона, оправданная по суду, «добуде или достигне правду»; кто на судѣ «не одстом, не допре», тотъ считается кривымъ, губить правду (8, 13, 15, 72, 94, 130, 134, 159).

Одлука судей вылавалась оправданной стороной. Противникъ долженъ былъ исполнить (напунити и извршити) приговоръ (13, 238). Исполненіе приговора (*милочислеме*) зависѣло прежде всего отъ уговора (чешская *uhtuva*) сторонъ. Если уговоръ не состоялся, то оправданная сторона могла обратиться къ принудительнымъ иврамъ (129, 130, 134), могла испросить у судьи пристава, который и принуждалъ отвѣтника къ исполненію приговора. *Закладъ* былъ главной мѣрой исполненія одлукъ и вообще соответствовалъ чешскому *vzvodu* и рапованію или польскому *zkładu*. До окончательнаго удовлетворенія истца, имущество (движимое, а при его недостаткѣ — и племенщина) отвѣтника оцѣнвалось и отдавалось во владѣніе истца; съ истеченіемъ сроча закладъ обращался въ полную его собственность. Статутъ допускаетъ также со стороны виновнаго *одбой* — открытое сопротивление приставу, отраженному судомъ для исполненія приговора. Въ этомъ случаѣ виновный платитъ штрафъ (*осудъ одбойни*); кроми того, въ помощь при-

ставу отрягается воевода съ таваришствомъ (дружбомъ). Иногда противъ сопротивлявшейся стороны выходила вся община, которой дозволялось грабить провинившагося, даже развалигъ и сжечь его домъ (130, 134, 139 — 141, 247, 248, 256 и пр.). Участіе воеводы и общины въ исполненіи судебныхъ приговоровъ вполне сходно съ повѣтовымъ взрушеніемъ старопольскаго процесса, установившимся при явномъ упорствѣ отвѣтника и состоявшимъ въ грабежѣ его имущества, съ цѣлью принудить его къ удовлетворенію судебного приговора. Подобныя же принудительныя мѣры были въ обычаѣ у другихъ Славянъ. По старосербскимъ памятникамъ, кромѣ грабежа, дозволялось лишать свободы (связати и држати) провинившагося, пока онъ не удовлетворитъ истца (Николичъ. Спом. 128).

Приговоръ приводился въ исполненіе, коль скоро стороны не заявляли сулу о своемъ недовольствѣ приговоромъ. Сторона, считавшая приговоръ не правильнымъ (ако би му ча криво или неподобно учиниѣо, -- ако му ние задовољно напуна правду учинио), могла объявить судьямъ, что ихъ одлука «не угодна, не би куптенътао». Въ такихъ случаяхъ Статутъ допускаетъ апелляцію (*апела, апео*), переводъ дѣла къ другимъ судьямъ для новаго его перевершенья. Въ Статутѣ находятъ слѣдующія правила объ апелляціи. «Завигнути и апелати» предъ другихъ судей можно только послѣ постановленія приговора. Апелляція считается недействительной, если пропущенъ апелляціонный срокъ (мѣсячный, со дня постановленія приговора). Нельзя апеллировать «из силе али зло воле». Общинный прокаратуръ не можетъ апеллировать безъ общины, т. е. не представивъ «самошест луди», подкрѣпляющихъ справедливость апелляціи. Апела не имѣетъ мѣста въ процессѣ по лупещинаѣ, а по другимъ дѣламъ, когда приняты были свидѣтели — ротники. Подложные кметы пользуются правомъ апелляціи отъ господскаго суда не иначе, какъ послѣ выхода отъ господина. Апеллировать дозволяется отъ суда княжаго и вѣчеваго; но нѣтъ и намѣка на возможность апелляціи отъ судей — ротниковъ. Отъ збора идетъ апелляція на другой зборъ, также къ князю или къ судьямъ — ротникамъ; точно также отъ суда княжаго можно переносить дѣла предъ ротниковъ или на зборъ, а въ нуждѣ и къ князю сплитскому (5, 13, 16, 121, 122, 237 — 240).

* * *

Сочиненіе мое въ бѣльшей части своей было уже отпечатано, когда я получилъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ сочиненій по хорватской исторіи и литературѣ. Нѣсколько данныхъ относительно стараго хорватскаго права, сообщаемыхъ въ особенности въ сочиненіи *S. Ljubic'a Ogleđalo književne poviesti jugoslavjanske* (Riecki. 1864), я изложу здѣсь въ видѣ дополненія къ общему обзору хорватскихъ памятниковъ. Кромѣ того, глубокой знатокъ славянской старины, профессоръ В. И. Григоровичъ дозволилъ мнѣ помѣстить въ своемъ сочиненіи сообщенныя имъ указанія и замѣтки о значеніи нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ и терминовъ, встрѣченныхъ имъ въ Виллодольскихъ Законахъ и Полиционномъ Статутѣ.

Говоря на 5-й стр. (по Райчу) о книгѣ законовъ Сильвестра, я слѣдовалъ показаніямъ одного изъ мѣстныхъ знатоковъ южнославянскаго права, именно Крстича,

который, въ своемъ обзорѣни старосербскаго права, считаетъ вполне достовѣрнымъ извѣстіе Ранча о древнѣйшемъ сборникѣ хорватскихъ законовъ, составленномъ при Сильвестрѣ. Между тѣмъ, Шварцъ, въ своей исторіи Хорватовъ (*Io. Svecar, Ogledalo Iliruma, iliâi dogodovstina Ilirah, Slavinah, straznji put Horvatalah zvanih. I — IV. U Zagrebu. 1839 — 42*), перечисляя старыхъ хорватскихъ князей, нигдѣ ни слова не говоритъ ни о какомъ Сильвестрѣ. Обстоятельство это, впрочемъ, нисколько не можетъ служить опроверженіемъ сказаннаго мной о сборникѣ или книгѣ законовъ X вѣка. Дѣйствительное существованіе этого памятника, къ сожалѣнію не дошедшаго до нашего времени, вполне подтверждается показаніями стараго хорватскаго лѣтописца (*metodios*). Кромѣ указаній памятниковъ IX и X вѣковъ на древнѣйшіе хорватскіе законы и статуты (*leges, statuta et privilegii*), Любичъ приводитъ изъ хорватскаго лѣтописца очень любопытное извѣстіе о томъ, что «*na soboru hlievanskom mnoge dobre zakone postavise, ke bi mnogo govoriti, da ako tko hoće napuno znati naredbu, ku ucinise... vazmi knjige, ke pri Hroakih ostase i pri njih se nahode*» (*Ljubic Ogledalo, 104; ср. 114*). Это извѣстіе относитъ Любичъ къ концу IX вѣка, именно времени Мутимира.

Любичъ, далѣе, касается позднѣйшихъ уставовъ хорватскихъ. Кромѣ сборниковъ, указанныхъ мной въ введеніи, ему извѣстны еще слѣдующіе статуты далматскаго Приморья:

- Statuta Civitatis *Fluminis*.
- Statuta Civitatis et insulae *Vegliae*.
- Statuto di *Cherso* et *Ossero*.
- Statuta Civitatis *Arbae*.
- Statuta Civitatis *Scardonae*.
- Statuta Civitatis *Budae*.
- Statuta *Tersactensis*.

Кромѣ Статутовъ *Cherso*, отпечатанныхъ въ Венеціи въ 1640 г., остальные доселѣ хранятся въ городскихъ архивахъ и частныхъ бібліотекахъ. Составленные на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ въ теченіи XIII и XIV столѣтій, они по словамъ Любича имѣютъ въ основѣ своей по большей части славянскіе источники.

Винодолскимъ Закономъ посвящаетъ авторъ нѣсколько общихъ замѣтокъ. По словамъ Любича, этотъ памятникъ составленъ старѣйшими Винодола и особенно важенъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о демократическомъ духѣ винодолскихъ князей и о силѣ и свободѣ общинъ. Вліяніе общины простиралось въ значительной степени даже на церковь и духовенство (католическое) и, что не мѣнѣ замѣчательно, отражалось въ общинномъ устройствѣ рода Франгепановъ — старыхъ народныхъ князей, жившихъ по народному обычаю въ задругѣ, на манеръ всякихъ частныхъ лицъ. Члены задруги носили общее названіе князей (*knezi*) и, въ качествѣ обыкновенныхъ задругарей, подчинялись старшему князю, управлявшему своей задругой въ значеніи ея старшины (*domacina*). Владѣтельныя права и частное имущество Франгепановъ находились въ общемъ, безраздѣльномъ обладаніи княжеской задруги. На такихъ же основаніяхъ Франгепаны владѣли со второй половины XIII вѣка Винодоломъ, Кромѣ и другими хорватскими землями. Замѣтимъ

кстати, что задружные порядки вообще были въ обычай во всѣхъ слояхъ хорватскаго народа. Даже дворъ старыхъ хорватскихъ кралей (напр. Крезимира Великаго) устроился по образцу простой задруги: дворскій *ded* или *djad*, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ общее значеніе задружнаго старосты, *domasina*. Указанія на подобные же порядки можно найти и у другихъ Славянъ.

Наконецъ, Любичъ говоритъ о государственномъ устройствѣ хорватской земли до подчиненія ея Коломану, опредѣляетъ значеніе и устройство задругъ, общинъ, жупъ (жупаній) и наконецъ цѣлой хорватской земли. Задруга устроилась вообще по типу общины (территориальной). *Domasin* — задружный старшина — избирался задругой на томъ же основаніи, какъ и община избирала своего старшину. Жупа — союзъ нѣсколькихъ общинъ, съ однимъ общимъ главой (жупаномъ). Во главѣ цѣлой земли стоялъ великій жупанъ, князь, позже король.

Великіе жупаны и крали избирались народомъ на общихъ вѣчахъ. При Крезимирѣ Великомъ утвердилось начало наследованія королевской власти. Наслѣдникъ назывался *svietli vojvodas* (*dux illustris*). Дворъ хорватскаго князя состоялъ изъ нѣсколькихъ чиновъ, отправлявшихъ при князѣ различныя должности. При Мутимирѣ (въ концѣ IX вѣка) въ составъ двора входили слѣдующія лица: *dvorski zupan* (*Palatii Juranus* или *Palatinus*, *dvornik* или *padvornik*) — княжескій наместникъ; *Capellanus Ducis*, отправлявшій также должность княжата дьяка (*kancelar*); *posteljnik dvorski* (*camerarius* или *cubicularius regis*); *peharnik* (*pinacarius juranus*); *konjusnik* (*cavallarius juranus*); *buzdovanar* или *buzdovnik*, мечникъ (*massacharius juranus*); *oružanik* или *stitonosa* (*armiger juranus*); *nadzornik manastira* (*superpositus monasteriis*). Позже дворъ усложняется. При Крезимирѣ Великомъ старшій дворскій жупанъ назывался *dvorswi knez* или *udvornik* (*curialis comes* или *comes curiae regiae*). За тѣмъ слѣдовали: *dvorski sudac* (*regalis curiae iudex* или *causidicus regis*) — главный органъ королевскаго суда; *dvorski biskup* (*regalis episcopus*), отправлявшій также должность канцлера (*aulae regiae cancellarius*), — ему подчинялись, какъ епископу, — *dvorski zupnici* (*sacellarii regio sacello praepositi*) и *kapelani*, а какъ канцлеру — *biljeznici* (*notarii*) и *pisari* (*scribae*). Четвертое мѣсто занималъ *dvorski ded* или *djad*, *nadvornik* (*majordomus*, *starosta*). Низшія должности при дворѣ занимали постельники, конюшіе, щитовоши и проч. Дворскіе чины составляли княжій совѣтъ и сокуествовали князю во время его раззѣздовъ по землѣ.

Власть княжеская была ограничена народной сходкой. Въ концѣ IX вѣка сходки раздѣлялись на *drzavno viebe* и *sabor* (*narodna skupstina*). Сходки перваго рода составляли жупаны, которые въ присутствіи князя рѣшали обыкновенныя государственныя дѣла. Болѣе важныя дѣла представлялись на соборъ, составившійся не изъ однихъ вельможъ (*velicasi*), но изъ всего народа (*ruk*). На такихъ соборахъ Хорваты избирали князей, бановъ и жупановъ; здѣсь рѣшались дѣла о войнѣ и мирѣ, составлялись законы для всей земли хорватской, разрѣшались важнѣйшія судебныя дѣла и пр. Вообще въ компетентность собора входило все, что касалось интересовъ цѣлой земли. Въ такомъ значеніи хорватскія вѣча удерживались и позже; *congregationes* XIII и слѣдующихъ вѣковъ цѣликомъ коренятся въ старыхъ вѣчахъ и соборахъ.

Въ областяхъ — жупахъ и общинахъ, были свои отдѣльныя сходки (жупскія, градскія и обкинскія или сельскія), на которыхъ разсматривались и рѣшались дѣла, касавшіяся жупъ, градовъ и общинъ. Къ областнымъ старшинамъ относились: баны, жупаны, сатники и общинные старѣйшины. По грамотамъ времени Крезимира В., банъ считается послѣ короля первымъ областнымъ главой, дѣйствуетъ въ значеніи его намѣстника. Жупаны — старшины отдѣльныхъ жупъ; имъ подчинялись *podzupani, satnici* и другія должностныя лица. Жупаны управляли своимъ жупами вообще свободно, подчинялись только народу и королю, какъ общему народному главѣ. Главной обязанностью жупановъ было отправленіе суда. Дѣла и споры меньшей важности подлежали суду общинныхъ старѣйшинъ (*obcinski staresina*). Судъ присяжныхъ (порота), по словамъ Любича, былъ «*najdragocieniji biser javnosti i sudbenosti hrvatske*».

Указанія на внутренній бытъ Хорватовъ въ различныя эпохи исторической ихъ жизни можно находить, кромѣ сочиненій, перечисленныхъ мной въ введеніи, еще въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ по хорватской исторіи и литературѣ, которыя и привожу здѣсь въ добавленіе къ сдѣланному мной перечню: *Kalancsich, De Istro* (Budae 1798; *Carrara, Chiesa di Spalato* (Spalato 1844); *Fabianich, Memorie storico-letterarie di alcuni conventi della Dalmacia* (Ven. 1845); *Bacic, Razgovor ugodni naroda Slovinskoga* (u Becu, 1836); *Kalon, Historia critica regum hungariae stirpis Arpadianae* (I — VI. Budae. 1778 — 82).

Заключу свои добавочныя замѣтки объясненіемъ нѣкоторыхъ терминовъ, встречающихся въ Винодольскихъ Законахъ и Полицкомъ Статутѣ, пользуясь въ этомъ случаѣ замѣчаніями, сообщенными мнѣ В. И. Григоровичемъ. «Улети блюеня» (въ введеніи къ Винодольскимъ Законамъ) значитъ *облечить блюденіе*. «Архипрвад» (тамъ-же) — *Archipresbyter*. «Вернез» (1 ст. Вин. Зак.) — *Währung*. «Боланач» (ib.) — *boloneso, moneta*. «Нере гда он сам пошле» (3 ст.), — *koida он сам* (епископъ) *совершаетъ обряды*, «послюеть» (священнодѣйствуетъ). «Перман» (5 ст.) — отъ *ferma, la condolla per far servigi, — parlando di soldati engagement, enrôlement*. «Мошуне» (10 ст.) — *мошна, мошенничество*. «Стихъ реди» (16 ст.) — *stigma* (помазаніе, знакъ), *ordinis*. «Бусовить» (25 ст.) — у Гундуляча *busiti — scovare, aufscheuchen, busone la trompela*; Бусовитъ Винодольскихъ Законовъ — *биричъ, герольдъ* (ср. Слово о плѣку Игоря, изд. Тихонравова — бусово, бусови). «Личба» (39 ст.) — *denunciatio publica*. «Ключар» (42 ст.) — *Beschlusser* (гадатель?). «Конобъ» (ibid) — ср. слѣд. мѣсто мнѣн. Новгородской Софійской бібліотеки, л. 13: «Конобныхъ варени и прьстомъ оутятіе и свѣштныхъ опаление терьпѣль еси»; можетъ быть, конобъ соотвѣтствуетъ *котлу* Душанова Законника и *водь* Р. Правды. «Ликуфъ» (45 ст.) — *лихва*. Раченне» (75 ст.) — *βασκανία, fascina*. «Ошастно» (33 ст.) — ср. ошъстникъ, *отшелникъ*. «Остачене» — ср. стъчъненіе, *συχηρις*. «Матене». — отъ *мытненіе* (съ перемѣной въ а, шт — въ т). «Придна кровь» (Полиц. Стат.) — *честная* кровь (убійство). Замѣчу отъ себя, что Бусовитъ, въ указанномъ значеніи, извѣстенъ крскскому статуту: «*da bude zvan (na vice) vas plk po busovici*» (Argk. II. стр. 292).

ПОПРАВКИ И ОПЕЧАТКИ.

Въ сочиненіе мое, печатавшееся слѣшкомъ мелкимъ шрифтомъ, вкралось множество опечатокъ. Укажу важнѣйшія изъ нихъ :

Стр.	Строка	Напечатано :	Слѣдуетъ читать :
I	10	(снизу) заводательствѣ	законодательствѣ
II	10	» обтинъ	оптинъ
III	1	» Curzubaе	Corculae
IV	11	» Frajo	Franjo
VI	11	(сверху) Zandru	Zadru
VI	18	» Werbosz	Werbocz
VII	16	(снизу) Jesafata	Jozafata
IX	3	(сверху) Knj'ga	Knjiga
IX	14	» drzavnoga	drzavnoga
IX	3	(снизу) feadi	feudi
X	11	» Fresne	Fresne (Du Cange)
XI	15	(сверху) Harváth	Horváth
XI	9	(снизу) Pojestnica	Povjestnica
1	13	(сверху) въкъ	въкъ
2	7	» жупана	жупана
2	10	» Sigraga	Sidraga
2	11	» Гадска	Гадка
2	26	» или Рама	и Rama
5	16	» Арбе	Раба (Arba)
6	7	(снизу) generale	generalis
8	12	» geotoris	rectores
9	3, 4, 10	(сверху) officialis, rectoris, hominis	officiales, rectores, homines
11	8	» Травы	Трогира (Trau)
12	2	» въ Утинѣ	въ Удино (Видинѣ)
12	8	» Травъ (Trohir, Traguri- um, Trau). Сборникъ законовъ Травы	Трогиру (Trogir, Tragurium, Trau). Сборникъ законовъ Трогира
12	17	(снизу) Арбе, Полю, Спалато	Раба, Полю, Силнта
21	2	(сверху) regennis	regenne
36	5	(снизу) дикан	дикан
38	8	(сверху) княдичъ	княжихъ
39	9	(снизу) вчннаться	вчннаться
40	12	» кннча	кнча
45	2	» школахъ	школахъ
48	5	(сверху) епископу	епископу
49	5	» krodziez	kradziez
52	14	(снизу) Белы	Беллы
53	10	(сверху) civis	cives
53	11	» hospitis	hospites
53	2, 5, 15	(снизу) jobadiones	jobagiones
54	1	(сверху) convocationis	convocationes
54	12	» judicis	judices
54	15	» assessoris	assessores
55	15	(снизу) cognatos	cognati
55	4	» gereде	haerede
57	7	(сверху) majoris et causae pecu- niatis	maiores et causae pecuniales.
59	11	(снизу) testis	testes
62	12	» comitis	comes
70	4	(сверху) имѣтъ	имѣють
76	3	(снизу) odgovorno	odgovorno
77	11	» себровы	себровы
80	10	(сверху) воѣломъ	воломъ
82	6	» общинъ	общихъ

Изданіе Императорскаго Новороссійскаго университета.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПЕЧАТЬ:

РУКОВОДСТВО
КЪ
ЧАСТНОЙ ФИЗИОЛОГИИ

Д-РА Н. ВЕРНШТЕЙНА.

Доцента Анатоміи и Физіологіи при Императорскомъ
новороссійскомъ университетѣ.

Руководство выйдетъ отдѣльными выпусками, которые послѣдуютъ
одинъ за другимъ съ возможно короткими промежутками.

Первый выпускъ, содержащій: *Пищевареніе, Всасываніе* и начало
Кровообращенія, выдѣтъ въ маѣ мѣсяцѣ с. г.

1. «Записки Императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдельными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждый 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлжающимъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобреніемъ факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, немецкомъ и французскомъ языкахъ.

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА
МИНИСТР. 10 ПОЛЪ 89 ВЪТР. Д.
ШКАЛЬ 76 КОРЕК. 2
Изм. № 16919 № 1

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ 5.

102126
ОДЕССА

ОДЕССА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. НЕТЧЕ.
1868.

500 111

De Jovis Lycaei natura cognominisque
hujus ratione,

C O M M E N T A T I O .

Scriptit

LADISLAUS JURGIEWICZ,

Litterarum Latinarum Magister, P. P. E. O. V. G.

IMPRIMATUR.

Auctoritate Ordinis Historicorum et Philologorum.

V. Grigorovitsch, h. t. Decanus.

Die 11 Januarii, 1867.

Praefatio.

Cum ante hos octo annos mihi aliqd agenti et occupato orationis in solemnibus anniversariis Lycei Odessani recitandae provincia data esset, deque Jove Lycaeο commentationem scriberem, materia subito collecta et velut tumultuaria in hunc usum adhibita ac plerisque necessariis librorum subsidiis destitutus, accidit, ut nec de Jove Lycaeο quaestio ad exitum suum, quemadmodum volueram, perducī, nec totum opus manifestam repentini et subitarii notam, quae ei, ut equidem arbitror, impressa est, effugere potuerit. Retractare igitur eandem rem iterumque tentare constitui, id quod tanto libentius feci, quod in recentioribus mythologiarum libris, quos inspicere mihi licuit, non secus quam in prioribus, Jovis Lycaeī vim et naturam minus accurate a VV. Doctis explanatam invenerim. Ex horum tamen numero V. Cl. Henricus Dietrichus Muellerus excipiendus, qui cum illam chthoniam fuisse dicat, proxime ad veritatem accedere videtur. Dissertatio V. Docti de Jove Lycaeο, ut ex indicibus librorum notum mihi est, Gottingae anno 1851 excusa prodiit^{a)}, sed neque quo tempore orationem scripseram, eam ad manum habui, propter librorum, quae nobis est, penuriam, neque post curavi habendam, cum ex quibusdam bonae notae auctoribus collegissem Muellerum VV. Doctis non persuasisse, unde facile haec mihi suspicio subnata est, illum aut parum idoneis argumentis usum, sententiam suam stabilire non potuisse, aut Jovis Arcadii naturam ancipitem haud perspexisse, quae licet antiquissimis temporibus, ut equidem $\lambda\alpha\zeta$ καὶ $\theta\delta\alpha\zeta$ probare contendam, ad inferos pertinuerit, at tantum abest, ut in hac proprietate semper perduraverit, ut serioribus seculis a Jovis Olympii natura non differret. Per me igitur ire meamque viam sequi satius duxi, sententiamque, quam multis ante Muellerum annis de Jove Lycaeο animo comprehenderam atque foveram, VV. Doctis aperire. Neque me a proposito abducere potuit, cum Welckeri auctoritas, ceteroquin in his rebus gravissima, cui in universum Muelleri ratio displicere videtur^{b)}, tum Baehri, qui in notis ad Herodotum^{c)} de Jove Lycaeο disputans, Prellerum potius sequi, quam Muellerum mavult, tum vero etiam aliorum e recentioribus, qui tacite diversam sententiam amplectuntur, cum viderem VV. Doctos

a) Ueber den Zeus Lykaeos.

b) Griechische Götterlehre von F. G. Welcker, 1, 422—424.

c) Vide ejus editionem Herodoti, Leipzig, 1861, lib. IV. cap. 203.

in hac quaestione illo errore laborare, ut tempora confundant atque ex seriore Jovis vi naturam ejus priscam, ipsumque cognomentum illustrare velint. Accidit nempe hic, quod saepius alias accidisse non mirabimur, si cogitemus nobis, ingenti seculorum spatio deos veterum intuentibus, ex variis viribus ac proprietatibus, quae progressu temporis singulis accessere, turbidas singulorum apparere facies, ita ut difficillimum exploratu sit, quantum proprii adventiciive quisque habeat quantaque fabulas intervalla separent, cum praesertim saepissime soleat fieri, ut fabulae antecedentes causa sequentium sint, aliae ex aliis, mutatis deorum, hominum et locorum nominibus, adiectisque variis vulgi figmentis, ortae. Huic difficultati, quam ipsa res nobis affert, accedit saepius nominum deorum difficilis ratio, quorum alia ne Graeca quidem, nec a Graecis radicibus repetenda, alia vero, quamvis de lingua graeca flexa, adeo tamen obscura sunt et inaccessa, ut vastum conjecturis campum praebent atque ad falsas etymologias mythologos abducant. Hinc factum est, ne sexcenta exempla afferam, ut Jovis Arcadii cognomen *Λυκαῖον* ab obsoleto *λύκη* (lux) derivandum esse VV. DD. statuerint, cum illud manifesto cognatum cum Apollinis cognomine, quod est *Λύκειος*, solis proprietatem denotare sibi persuasissent. Sed de his statim copiosius dicetur, ubi variorum de Jove sententias examinabimus, unde et illud spero apparebit nondum occupasse veritatem priores mythorum veterum religionisque ethnicae interpretes, ita ut aliquid ex illa etiam futuris relictum sit.

I.

§ 1. Inter varia cognomina, quae a veteribus Graecis Jovi imposita fuere, nullum fere est, in quo illustrando VV. Docti plus terere subtilitatis reperiantur, quam cognomen Λυκαῖος. Ita vocatum fuisse constat Jovem Cyrenae, teste Herodoto, qui collem Jovis Lycaei in hac urbe memorat^{a)}, et in Arcadia, ubi antiquissima hujus religionis vestigia deprehendimus. Templum habuit et aram in monte Lycaeo^{b)}, a quo nomen illum accepisse quidam volunt^{c)}, primusque Lycaon, Pelasgi filius, Arcadum rex, Cecropis aequalis sacra ludosque in honorem ejus instituisse fertur^{d)}. In Lycaeo natum atque educatum perhibebant Arcades; quin et locum, ubi lucem aspexisset, quae Cretea dicebatur, ostendebant, Nympharumque proferrebant nomina, a quibus nutritus esset, Thisoae, Hagnus et Nedae^{e)}. His fabulis, velut amplificandae admirationis causa, adjiciebant alia etiam monstruosa mendacia, quae ex vulgi sermonibus collecta servavit nobis Pausanias aliique scriptores. Ejusmodi sunt, quae de area Jovis Lycaei, de fonte sacro, de Lycaone in lupum mutato commenta leguntur. Aream nempe visentibus ostendebant, quam adire nefas putabatur, fingentes ei, qui religione sprete in illam pedem intulerit, fatale esse intra annum mori, homines insuper et animalia, si qua intra sacrum septum constiterint, nullas e corporibus umbras reddere^{f)}. Fonti item sacro miram aiebant esse naturam imbriumque ciendorum potestatem; projecto enim ramo querno in summam aquam (quod solemnī ritu, re divina antea facta, victimisque mactatis fiebat) nebulam oriri, mox nubes cogi, imbrisque arva Arcadica perfundi, atque hoc modo segetibus aritudine pereuntibus a sacerdotibus succurri^{g)}. Lycaonem tandem fabulabantur Jovi apud se hospitanti infantis mactati exta inter sacra apposuisse ac propter id facinus in lupum fuisse mutatum. Idque deinceps etiam obtinuisse, ut singulis Jovis Lycaei sacris

a) Herod. IV., 203.

b) Paus. IV, 22. 7., VIII, 38, 2, 6, 7. Plin. 4, 6, 10. Erat praeterea ara Jovis Lycaei ad laevam viae, quae a Tegea in Laconicum agrum ducebat, ubi et templi fundamenta se vidisse tradit Pausanias VIII, 53, 11.

c) Paus. ib. Aliter Augustinus C. D, 18, 17, qui appellationis causam fuisse dicit, quod homines praestigiis daemonum in lupos mutarentur. Adde Servium, qui Lycaeam τῷ τῷ Λύκῳ cognominatum ait. Serv. ad Virg. Aen. VIII, 343.

d) Paus. VIII, 2, 1, 3. Schol. Eurip. Orest. 1462.

e) Paus. VIII, 38, 3.

f) Paus. VIII, 38, 6. Cf. Theopomp. apud Polyb. 16.

g) Paus. VIII, 38. 4.

unus eorum, qui rem divinam facerent, quasi in perpetuam rei memoriam in lupum mutaretur, pristinamque figuram nisi decimo anno non recuperaret, si intra hoc spatium humana carne abstinisset^{a)}. Paulo prolixius Apollodorus^{b)}. Narrat is Lycaoni fuisse 50 filios, qui cum omnes suae aetatis homines superbia et impietate erga deos superarent, Jovem exploraturum eorum animos, assumpta operarii specie, ad eos devertisse, hospitioque exceptum, appositis sibi inter sacra extis infantis vicini cujusdam, quem hortatu majoris natu fratris Maenali mactaverant, adeo ira exarsisse, ut mensam subverterit (unde Trapezunti nomen) patremque cum filiis, uno Nyctimo excepto, fulmine percusserit. A quibus auctoribus Tzetzes^{c)} ita dissentit, ut Jovem nemini pepercisse dicat, omnesque Lycaonis filios una cum patre in lupos mutavisse.

§ 2. Hae Arcadum de Jove Lycaeo fabulae, sicut aliae plurimae, quae aliunde repetitae cum illis conferuntur, fidentius argutiusque a mythologis explicari solent, quam verius, tantumque abest, ut natura Jovis cognominisque ratio a VV. Doctis demonstretur, ut potius eorum opera in irritum cedat, nec vera Jovis aestimatio iniri queat. Cujus rei causam si quis quaerat, nullam aliam inveniet, nisi quod harum rerum interpretes, ne in levioribus laborasse videantur, nimis altos quaestionum sinus facere soleant, viamque malint tortuosam sequi quam rectam. Quod ut appareat, producam recentiorum sententias, quibus rem extra omnem controversiam constituere arbitrantur.

§ 3. Cum Λυκαῖος a Λύκος plerisque VV. Doctis optime derivari posse videatur, accedatque, ut Lycaonis nomen ejusdem sit radicis, cum praeterea de ejus in lupum mutatione fabulam respiciant, incidunt in opinionem cognomine Lycaei propriam aliquam Jovis vim denotari, atque id negotii sibi primum dari recte existimant, ut, quomodo lupi notio cum Jove connexa sit, reperiatur. Creuzerus^{d)}, vir acerrimi ingenii atque in hoc genere litterarum rarissimus, lupum in hieroglyphicis Aegyptiorum litteris lucis symbolum fuisse ait, quippe qui Horo, quem Aegyptiorum Apollinem esse constet, consecratus fuerit, contenditque apud Graecos etiam eandem lucis notionem cum lupo fuisse conjunctam. Attamen argumenta, quibus vir doctissimus ad probandum nititur, totidem quasi testes sunt, qui contra ipsum clamant. Quod enim affirmat apud Aegyptios et Graecos lupum lucis symbolum fuisse, colligit ex fabulis, in quibus lucis notio a

a) Paus. VIII, 2, 6.

b) Apollod. lib. III. cap. 8. Cf. Ovid. Met. 1, 198 ss.

c) Lycophr. 481. Mittimus alia ad idem exemplum concinnata. Sic Apud Eratosthenem scriptum est Jovi immolatum fuisse Arcadem, eundemque post ab integro in vitam restitutum. Eratosth. Catast. 8. Secundum Apollodorum, Lycaonis epulas diluvium secutum est, cui nemo praeter Nyctimum supervixit.

d) Vide versionem gallicam J. D. Guignautii, vol. II. cap. 6. p. 532. Cap. 4. p. 108. 121 et alibi.

lupo est alienissima. Id dicendum de fabula, in qua Osiris in pugna Hori cum Typhone, assumpta lupi forma, auxilium filio ex inferis dicitur tulisse^a), ubi minime dubitat Creuzerus, quin de luce sit cogitandum. Quae sententia quantum ab omni veritate remota sit, vel tantisper examinanti manifestum est. Etenim ne sub cogitationem quidem cedit, ut ex inferis unquam lux possit emergere. Nec vero plus huic rei confert fabula, in qua Latona dicitur specie lupina induta Delon venisse^b), quandoquidem nisi Latonam, contra unice veram opinionem, qua dea noctis esse putatur, deam lucis putaverimus, maxime vereor, ne aliud quid hic etiam lateat. Parum quoque adiuvat propositum etymologica vocum similitudo, quae in argumentum a V. D. advocatur, cum ei etymologia plane diversa a Hesychio opponatur. Λυκάβας, annus solaris, quem Creuzerus ἀπὸ τοῦ λύκου derivatum esse vult, ex Hesychii sententia, vocabulum suum traxit, παρὰ τὸ λυγαῶς βαίνειν, ὃ ἐστὶ σκοτεινῶς λεληθότως γὰρ ὁ χρόνος διέρχεται^c). Simili modo Apollinis cognomen Λύκειος, confusum ab antiquis interpretibus cum Λυκαίῳ, quod Creuzerus ita interpretatur, ut dicat Lucetium vertendum esse, a Hesychio adjectivo φοβερός explicatur^d). En gravissima Creuzeri argumenta, quae parum valere in rem probandam quis non viderit. Eidem opinioni favent: Klopfer^e), Stackelberg^f), Preller^g), Richter^h), Schwenckⁱ), Leontieff^k), Baehr^l), Stoll^m), Hartungⁿ).

§ 4. In diversum ivit J. G. Hug^o), qui in explicanda fabula, in qua Latona, assumpta lupae specie, Delon migrasse dicitur, lupum esse crepusculi symbolum opinatur, idque perspicere posse sibi persuadet cum ex significatione vocis λυκόφως, quod Graecis crepusculum^p), tum ex ritu Aegyptiorum sacro, cujus mentionem facit Herodotus^q). Vulgata nempe

a) Diod. Sic. 1, 88. cf. a Creuzero citata ad cap. 4. p. 121.

b) Aelian. H. An. 4, 4.

c) Hesych. s. v. Λυκάβας.

d) Hesych. s. v.

e) Paul Fr. A. Nitsch, Neues mythologisches Wörterbuch, Leipzig, 1821, s. v. Jupiter.

f) In libro qui inscribitur: Der Apollotempel zu Bassae in Arcadien. Rom, 1828, quem nomine tantum mihi notum esse fateor. Disputavit auctor, teste Guignautio, quem supra laudavi, quaedam de Jove Lycaeo, consentitque cum Creuzero, ut ex notis Guignautii apparet.

g) Lexic. Panlyi s. v. Jupiter.

h) Phantasien des Alterthums.

i) Die Mythologie der Griechen. Frankf. a. M. 1843.

k) О поклонении Зевсу въ древней Греции. Москва, 1850.

l) In notis ad Herodotum IV, 324.

m) Handbuch der Religion und Mythologie der Griechen und Römer, Leipzig. 1864.

n) Die Religion und Mythologie der Griechen. Leipzig, 1866.

o) Untersuchungen über den Mythos der berühmten Völker der alten Welt, vorzüglich der Griechen. p. 174, 175.

p) In possessionem ivit hujus sententiae Nitsch, qui in lexico mythologico mire se torquet et macerat in Latonae natura explicanda, cum probare vult Latonam crepusculi deam fuisse.

q) Herodot. lib. II, cap. 122.

erat per Aegyptum fabula, Rhampsinitum regem vivum olim ad inferos descendisse, ibique cum Cerere alea lusisse, dein rursus in lucem emer-
 sisse. Quem illius descensum celebrabant quotannis Aegyptii, relinquentes
 unum e sacerdotibus, obligatis oculis, in via, quae ad Cereris templum
 ducebat, fingebantque eum a duobus lupis in templum duci atque reduci.
 Suspiciatur V. Doctus lupos hosce medium quid indicare inter lucem et
 tenebras, nimirum crepusculum, suamque sententiam stabilire nititur iis,
 quae de luporum natura ab aliis commenta tradit, eos scilicet in Aegypto
 minoris esse ferocitatis, quam in septentrionalibus regionibus, ideoque non
 interdiu grassari, sed vesperascente die e latebris suis exire, primoque
 diluculo aufugere. Ut haec vera sint, vix tamen, ac ne vix quidem, fieri
 potuit, ut inde illa symbolica crepusculi significatio lupo adhaeserit, et-
 enim quid causae est, cur non potius feram per totam noctem discurren-
 tem pro noctis symbolo acceperint Aegyptii vel, si vis, diluculi, quemad-
 modum jam Macrobius scribit vocabulum λύκος a nonnullis explicari:
 «Ipsos quoque λύκους ἀπὸ τῆς λύκῆς, id est a prima luce appellatos quidam
 putant, quia hae ferae maxime id tempus aptum rapiendo pecori obser-
 vant?») Etiamnum et illud accedit magis ad rem pertinuisse, ut Aegyptii
 Rhampsiniti descensum ad inferos quocunque modo, vel symbolo, signifi-
 carent, quam ut horam, qua ille descendisset, stricte definirent.

§ 5. Tertia est eorum sententia, qui, servata feritatis imagine, cum
 animalibus rapacibus conjuncta, lupum symbolum fuisse censent vindictae
 divinae, acrioribus suppliciis sceleratos homines coercentis. Hanc notionem
 inesse compluribus nominibus a λύκος derivatis, ut Λυκαῖος, Λύκαιος, Λύ-
 κειος, Λυκάων, Λυκοῦργος, Λυκομήδης, idque fabulis antiquis arbitrantur com-
 probari. Stuhr^{b)}, vir in cognoscendis rebus multi studii, ex fabula de
 Lycaone in lupum mutato, qui dignas sceleris admissi poenas persolve-
 rat, colligit inditum fuisse Jovi cognomen Lycaeo, ut scelerum esse vin-
 dicem ultoremque appareret. Idem lupum Apollini sacrum nihil aliud signi-
 ficasse ait apud veteres Graecos, quam promptum ad ulciscendum animum
 dei, qui pestem, morbos, locustas aliaque mala hominibus immittere puta-
 batur; qua etiam mente positum fuisse Delphis aeneum signum lupi^{c)}, qui
 thesaurum templi furto surreptum detexerat. Hunc cum teneat V. Doctus
 significatum, minime dubitat, quin Λύκειος idem sit qui Λυκαῖος, eandemque
 exprimat notionem^{d)}. Comparari possunt, quae disputat de hac re Winckel-
 mann^{e)}, ac de Apolline Lyceo Haupt^{f)}. Haud praetereundus tandem Wehr-

a) Macr. Sat. 1, 17.

b) Allgemeine Geschichte der Religionssysteme der heidn. Völker p. 196.

c) Paus. X, 14, 7.

d) Vide in universum, quae disputavit V. D. p. 37, 140, 195, 206, 223, 279.

e) Lycurgus p. 42.

f) Cf. ejus excursus in Aeschylī Sept. contra Theb. p. 317.

mann^a), qui inimicam luci vim et contrariam lupo mēsse opinatur, eundemque symbolum fuisse ait hiemis, tempestatum ac tenebrarum. Quae lupi significatio licet impropria, propius tamen accedit ad veritatem, quam quae a Schwartzio lupo inculcatur^b), cum eum symbolum Apollinis victoris V. D. esse dicat. Ab his omnibus C. Otf. Mueller^c), vir antiquitatis diligentissimus, ne iter a multis tritum ingrediatur, ita dissentit, ut Λυκίων, non a vocabulo Λύκος repetat, verum ab obsoleto, Λύκη, cognato cum Latinorum voce lux, cujus vestigia in Λευκός, Λύχνος aliisque nominibus appareant, nec desunt, qui huic sententiae adstipulentur, ut Bothe^d), Duncker^e), Welcker^f). Qua de re Viris Doctis Macrobius praeisse videtur, cujus etymologiam vocis Λύκος supra ascripsi.

§ 6. Cum igitur Viri Docti, praeter Otf. Muellerum, quique eum sequuntur, in enodando Λυκαίου et Λυκείου etymo praesidium a lupo petentes nunc hanc nunc illam in eo reperisse opinentur notionem, eaque pro lubitu in suum usum arrepta, naturam horum deorum explicare annitantur, duae omnino diversae ortae sunt de Jove sententiae^g): 1) Deum lucis esse, quae opinio et multa est eaque jam fere pro vero recepta, 2) Terribilem deum scelerumque humanorum vindicem. Sed utrumque falsum esse persuasum habeo, quod ut appareat fabulas antiquas scriptorumque veterum testimonia operae pretium est altius considerare, quorum pravam explicationem erroris causam extitisse quivis facile intellexerit. Priusquam autem ad explananda singula accedam, liceat mihi iis quorum interest, unum veluti scrupulum injicere. Quid causae est, cur ne una quidem ex istis notionibus, quas lupo adjunctas esse volunt, ad illustrandos ritus fabulasque sufficiat, in quibus fit mentio lupi? Dum caeca expectatione pendeo, quid responsuri sint ad hanc objectionem Viri Docti, quaeramus si forte possit fieri, ut alia verisimilior notio in lupo lateat. Quid quod fabulas antiquas Aegyptiorum examinantibus ultro sese offert lupi cum inferis consociatio? In fabula, quam acceptam retuli Diodoro^h), Osiris in pugna Hori cum Typhone auxilium filio ex inferis tulisse dicitur, specie lupina indutus. Apud eundem Diodorum legimus alibiⁱ), Osirim, ut homines a fera agrestique vita ad cultum humaniorem deduceret, expeditionem

a) Wehrmann, das Wesen und Wirken des Hermes, 2. p. 19 ss. Magdeb. 1849.

b) Schwartz, de antiquissima Apollinis natura. Berolini 1843. p. 37 — 40.

c) Prolegom. p. 290. Dor. 1, p. 306.

d) Ad. Iliad. 4, 101.

e) Duncker, Geschichte des Alterthums. Tom. III. p. 23.

f) Welcker, Griechische Götterlehre, Göttingen, 1857. Tom. I. pp. 65, 210, 481 notae.

g) In Hugonis sententiam nemo, quod sciam, discessit, quae si cuipiam arrisisset, Jovem Lycaenum crepusculi deum esse probatum iret; quod vero ad Otf. Muellerum ejusque sectatores attinet, re consentire eos cum Creuzero quivis videt.

h) Diodor. 1, 88.

i) Diodor. 1, 18.

suscepisse sociosque habuisse, praeter caeteros, Anubim et Macedonem filios, quorum ille canis, hic lupi forma assumpta patrem sit comitatus, ubi lupus cum Osiride, quem ipsum diis inferis annumeratum scimus^a), conjungitur. Pertinent huc etiam, quae de Rhampsiniti descensu ad inferos, ab Aegyptiis quotannis celebrato, supra retuli. Id si teneamus, verendum fortasse erit, ne inter lupum et inferos vinculum aliquod intercedat in antiqua Aegyptiorum religione quaerendum. Suspicionem cuiusvis augere possunt antiqua Aegyptiorum monumenta. In sarcophagorum nempe mumi-
rumque picturis, ubi animarum in alteram vitam migrationem, ac veluti Tartari arcana effingi consentaneum est ut putemus^b), videre saepius est luporum formas. Fidem facere potest pulcherrimus sarcophagus Aegyptius Musei Odessani e lapide syenita affabre factus, cujus operculum feminam resupinatam exsculptam repraesentat, hieroglyphis et picturis in lapide exaratis ornatam. A lateribus figurae sunt, quarum altera capite accipitris. altera autem capite lupino praedita; in imo operculo duo canes aurei. Similem sarcophagum a Perrotio descriptum et illustratum habemus^c), hieroglyphis picturisque et ipsum ornatum, quarum una mulierem nobis sistit placentam tribus animalibus lupo, cani et arietem porrigentem. Mulierem Perrotius animam defuncti esse putat, lupum autem, canem et arietem janitores ante portas Elysii collocatos, nec dubitat, quin his animalibus Graecorum fabula de Cerbero originem debeat^d). In alia picturae parte^e) mortui jacentis corpus cernitur, cujus ante pedes duae formae humanae capitibus lupinis conspiciendae adstant, totidemque juxta caput accipitris faciem referentes. Custodes vel bona et mala inferorum daemonia cogitasse Aegyptios sub istis portentosis figuris quidni credamus? Pictorum certe figmenta haec esse, quae nullum occultum ac symbolicum sensum contineant, quis affirmaverit? Ceterum scimus accipitrem sacrum fuisse Osiridi et Apollini, bonum itaque genium vel lucidum hic repraesentare su-

a) Plutonem Aegyptiorum a nonnullis vocatum esse testis est Diodorus (Lib. 1, c. 25); alii eundem Mercurium fuisse apud Aegyptios retulerunt.

b) Verba de hac re Cl. Seyfarthi, olim professoris mei carissimi, honoris causa adscribam, qui quo loco de picturis, quibus varia antiquitatis Aegyptiacae monumenta ornata cernuntur disserit: in his, ait, tradita vidimus facta historica, ut ultionem Osiridis per filium Horum; adorationes et sacrificia deorum: agriculturae processum et negotia, judicia suprema animarum, deliberationes bene maleve factorum, ejusdemque generis alia. V. Seyfarthi Rudimenta hieroglyphices, Lipsiae, 1836. p. 41.

c) Essai sur les Momies. Histoire sacrée de l'Égypte expliquée d'après les peintures, qui ornent les sarcophages, par J. F. A. Perrot, Antiquaire. Nîmes, 1844.

d) Tab. IV. p. 28. Inter lupos Aegyptiorum Cerberumque Graecorum affinitatem quandam intercedere observavit olim Boettiger (Ideen zur Archäologie der Malerei. 1811 Dresden). Tricipitem illum fingi coepisse putat, quo primum tempore de tricipiti Hecate fabula nata sit.

e) Tab. IX.

spicamur, lupum contra malum, tenebricosum^a). In imo praeterea mumiarum margine lupos sedentes aut stantes vulgo inveniri Zoega auctor est^b), qui stantes monilia collo gestare dicit, sedentes autem flagello Osiridis armatos effingi. Accedit testimonium Hammeri, qui plerasque figuras in scelerorum sarcophagorumque picturis lupina capita habere scribit^c). Hinc illustrari posse arbitror tabulam lapideam sepulcralem Graecam ante hos 25 annos in insula maris Aegei Therasia repertam, cujus apographum nuper, cum Petropolin in Academiam ex urbe nostra mitteretur, inspicere mihi contigit. Tabula defunctum insculptum exhibet in lecto accumbentem; ad lectum tripus, ante pedes figura minuscula cernitur, ut videtur, filii defuncti; juxta pulvinar lupus sedens; in summo lapide super caput defuncti tabula, ut opinor, picta, ad parietem suspensa, ambitu orbiculato, in qua nescio quid figurarum; in imo lapide inscriptio characteribus Graecis antiquissimis. Apparet hic lupum eadem mente positum, qua illum in Aegyptiorum monumentis sepulcralibus effingi diximus, nam de lupo vel cane a defuncto dilecto ideo cogitari non potest, quod ille hac significatione ante pedes defuncti collocatus fuisset, non vero juxta pulvinar, qui locus filio potius dari debuisset. Cum igitur haec lupi cum Osiride inferisque in fabulis et monumentis consociatio non possit esse fortuita, quid est, quod dubitemus eum, injuria contraque naturam suam a plerisque Viris Doctis perpetua luce damnatum, in pristinam civitatis infernae possessionem restituere.

§ 7. Sed ne quid nimis festinanter a me dictum videatur, auxilio veniant Aegyptiorum superstitioni, Aegyptio velut errore imbutae aliarum gentium opiniones. Videbimus maximam inter eas intercedere similitudinem, ita ut probabile fiat ex eodem fonte omnes dimanasse. Pascitur enim miraculis ac praestigiis vulgus, ac nesciens veri errores per manus tradit, mutua vero inter populos commercia patefaciunt iter fabulis easque remotissimae propagant posteritati. Neque adeo morum, religionis, imperiorum immutatio obstat, quominus conserventur, cum in gremio populi lateant ac velut pretiosa hereditas ab illo foveantur. Haud omnino repudianda est sententia Diodori, qui omnes de inferis fabulas ex Aegypto in Graeciam per Orpheum traductas esse asserit^d) Ὀρφέα φασὶ τὴν τῶν ἐν ἄδου μυθοποιῶν

a) De accipitre cf. Dornedden, Pham. p. 296. Osiridis fuit symbolum (V. Zoegam de Obeliscis p. 183, 439, not 3 p. 443. not. 30) et solis, τὸν ἥλιον ἱερακόμορφον ζωγραφοῦσι. Horapollon 1. 6, p. 8. Cfr. Aelianus H. A. X, 24, qui adorari accipitrem a Tentyritis ait, propter comparisonem, quae ei cum igne sit, quod similiter atque ignis velox et violentus sit. Quae de lucido et tenebricoso genio dixi; stabiliuntur sarcophagorum picturis, quae defunctum lanci insistentem repraesentant, astantibus duobus geniis, altero capite accipitris, altero capite canis praedito. Ad iudicium animae post mortem haec referenda esse manifestum est, atque ita intelligenda, ut alterum genium bona defuncti facta appendere, alterum mala credamus. Cfr. Boettiger, Ideen zur Arch. p. 94.

b) De obelisc. p. 308—310.

c) Hammer, Fundgruben des Orients, V. p. 273 ss.

d) Diodor. 1. 1, c. 77.

ἀπενέγκασθαι. Cui Plutarchus adstipulatur^{a)}. Utrum vero Orpheus, an Aegyptii eas transtulerint coloni, directone ex Aegypto cursu, an interjacentes regiones pervagatae per Asiam minorem Thraciamque in Graeciam immigraverint, non est quod anxie inquiretur. Id potius, quod in rem praesentem facit, videamus. Apud Xenophontem^{b)}, ubi ille de solemni narrat ritu, quo foedus inter Graecos et Persas percussum est, haec leguntur: ταῦτα δ' ὄμοσαν, σφάζαντες ταῦρον καὶ λύκον καὶ κάπρον καὶ κριὸν εἰς ἀσπίδα, βίπτοντες οἱ μὲν Ἕλληνας ξίφος, οἱ δὲ βάρβαροι λόγχην^{c)} *Haec quidem jurant, mactantes super clypeo laurum, lupum, verrem et arietem ac tingentes ense Graeci, hastam autem barbari.* Qui significationem symbolicam lupo adjunctam ignorarunt, negarunt prorsus intelligi posse, cur in ejusmodi sacrificio lupo commemoretur, ut Ablancourtius a Schneidero citatus, nec non ipse Schneiderus. Huic difficultati suppetias accurrit Bornemannus^{d)}, duosque locos affert e Plutarcho et Kleukero, quibus oppido quam mea firmatur sententia. Plutarchus morem fuisse Persis scribit, ut herbam quandam, *homomi* dictam, in mortario tunderent Orcum invocantes et tenebras, eamque deinde, sanguini lupi caesi permixtam in locum opacum efferrent ac projicerent, (πάν γάρ τινα κόπτοντες, Ὅμομι καλουμένην ἐν ἔλμῳ τὸν Ἄδην ἀνακαλοῦνται καὶ τὸν σκότον, εἶτα μίξαντες αἵματι λύκου σφαγέντος εἰς τόπον ἀνήλιον ἐκφέρουσι καὶ ῥίπτουσι^{e)}). Qui mos facile intelligitur, si cogitamus apud Persas lupum Arimani filium et imaginem fuisse, ut testatur Kleukerus^{f)}. Quid enim est ipse Arimanius nisi Graecorum Pluto? Ita certe appellatum fuisse apud Persas Plutonem tradit Hesychius^{g)}. Adjice Diogenem Laertium^{h)}, qui malum deum apud Persas Orcum et Arimanium vocari dicit: Τῷ μὲν (scilicet Ἀγαθοδαίμονι) ὄνομα εἶναι Ζεὺς καὶ Ὁρομάσδης, τῷ δὲ (id est κακοδαίμονι). Ἄδης καὶ Ἀρειμάνιος. Eundem itaque fuisse patet ac Aegyptiorum Osirim, eodemque modo a superstitioso populo cum lupo conjunctum. Ex hac tanta inter Persicas et Aegyptias opiniones analogia cum satis eluceat vera ac propria lupi apud hosce populos significatio, facilius me Viris Doctis persuasurum existimo, lupum apud Graecos et Romanos inferis diis sacrum symbolumque Orci fuisse. Quam sententiam tantum abest, ut non unice veram esse putem, cum multis argumentis

a) Plutarch. in Iside et Osir.

b) Xen. Exp. Cyri, 2, 2, 9.

c) Sic haec interpungenda, non ut vulgo scribitur, commate post κριὸν positо, quam lectionem post Schneiderum et alios Bornemannus servavit. Cf. Aeschylī Sept. c. Theb. 43. Ταυροσφαγοῦντες ἐς μαλάνδετον σάκος, ubi Scholiastes: οὕτω θύοντες ἐπάνω τῶν ἀσπίδων ἐμαντεύοντο. Clypei cavo sanguinem colligebant, quare super clypeo victimas mactabant.

d) Vide ejus edit. Exp. Cyri 1825.

e) In Iside et Osir.

f) In Persicis seu appendice ad Zend-Avestam T. 2, P. 3, p. 78 et 84.

g) Hesych. s. v. Ἀρειμάνης.

h) Diog. Laert. in prooem.

possit comprobari. In gemma quadam cernitur Hecate duobus capitibus lupinis conspicua, cum quatuor manibus effigiata, duas faces tenens, duasque sicas^{a)}. Quae ista, quaeso, nisi symbolica in terribili inferorum Maniumque dea lupinorum capitum ratio? Hinc facile intelligitur, cur in magicis veneficarum ritibus, quibus praefuisse Hecaten scimus, lupus commemoretur. Sic apud Horatium Canidia et Sagana veneficae inter magica sacra lupi barbam in terram defodere dicuntur:

Singula quid memorem? quo pacto alterna loquentes
 Umbrae cum Sagana resonarent triste et acutum,
 Utque lupi barbam variae cum dente colubrae
 Abdiderint furtim terris, et imagine cerea
 Largior arserit ignis, et ut non testis inultus
 Horruerim voces furiarum et facta duarum^{b)}.

Quemadmodum autem veneficae in incantationibus lupi barba utebantur, sic magicarum artium ignari, eodem velut genere armorum ad avertendas incantationes uti necessarium esse putabant, qua de re Plinius^{c)}: «veneficiis rostrum lupi resistere inveteratum ajunt ob idque villarum portis praefigunt». Apud eundem legimus sponsas, quo fascinationem averterent, adipe lupino postes aedium unxisse, unde vocis uxor origo^{d)}. Hanc etiam ob causam veneficae induere luporum formam credebantur. Ita Propertius:^{e)}

Audax cantatae leges imponere lunae
 Et sua nocturno fallere terga lupo.

Et Virgilius^{f)}: «His ego saepe lupum fieri et se condere silvis». Easdem lupos etiam cicurare potuisse testatur Homerus^{g)}, in lupos mutasse homines Virgilius:^{h)}

Setigerique sues, atque in praesepibus ursi
 Saevire, ac formae magnorum ululare luporum:
 Quos hominum ex facie dea saeva potentibus herbis
 Induerat Circe in vultus ac terga ferarum.

§ 8. Quocirca, si notionem in lupo latentem respicimus, non amplius in spectrorum nocturnorum vocabulo, quae Graecis *μορμολυξία* dicebantur, haerebimus. Ex duobus dissimilibus formatum est, quorum primum *μορμολυξία* ἀπὸ τοῦ μορμύρειν, Lat. murmurare, derivandum, quo designantur larvae cum murmure et strepitu per noctis silentium ac tenebras incursantes. Cfr. Eustathius ad Odysseam: τὸ ἀναμορμύρειν, ἐξ οὗ καὶ ἡ μυθικὴ Μορμολυξία πλάττεται, δαιμόνιον τι φοβερὸνⁱ⁾. Quod attinet ad alteram vocis partem,

a) Catalogue raisonné d'une collection générale des pierres gravées etc. etc. moulées en pâtes par J. Tassie. Londres, 1791, No 2054.

b) Horat. lib. 1 Sat. 8, 40.

c) Plin. H. N. 28, 44.

d) Plin. H. N. 28, 9.

e) Proper. 4, 5, 13.

f) Virg. Ecl. 8, 97.

g) Hom. Odyss. K. 210.

h) Virg. Aen. VII, 18.

i) Hom. Odyss. N. 240.

minime dubito quin a λύκος sit derivata, ad designanda spectra vel larvas ex inferis prodeuntes. Certe ab ipsa Hecate immitti putabantur, ut Empusa^{a)}, carniūque esse humanarum avidae, ut apud Philostratum scriptum est: ἡ χρηστή νόμῳφ μία τῶν Ἐμπουσῶν ἔστιν, ἧς Λαμίας τε καὶ Μορμολυκίας οἱ πολλοὶ ἡγοῦνται. Ἐρῶσι δ' αὐτὰ οὐκ ἀφροδισίων μὲν, σαρκῶν δὲ, καὶ μάλιστα ἀνθρωπείων ἐρῶσιν καὶ πάλλουσι τοῖς ἀφροδισίοις, οὓς ἂν ἐθέλωσι δαίσασθαι^{b)}. *Benigna nymp̄ha est Empusarum una, quas Lamias et Mormolycias vulgus putat; non venerem illar, sed carnes amant et quidem prae ceteris humanas, pellicuntque rebus veneris, si quos velint devorare.* Hinc μορμολυκεῖα dicebantur spectrorum imagines, quae pro amuleto contra effascinationes de collo suspensa gestabantur, iisque saepenumero lupi caput insculptum invenimus^{c)}, aut ipsa amuleta in lupinam figuram formata. Sic, teste Blanchini, in agro romano inter antiqua rudera anno 1696 reperiuntur vas fictile ex argilla peregrina, nitentibus ramentis aurei coloris ac marmoreis frustulis interspersa cum inclusis amuletis hominum figuras XXXVI atque animalium diversorum paria XXI exhibentibus, ubi inter ceteras animalium figuras leones, pantheras, cervos, equos, asinos, tauros, vulpes, lupi quoque cernebantur^{d)}.

§ 9. Nec nisi hanc antiquiorem lupi significationem symbolicam respexisse videtur Hesychius^{e)}, qui, ut supra memoravi, Apollinis cognomen Λύκειον interpretatur φοβερόν. Quo sensu et virginum chorus in Aeschylī Septem contra Thebas^{f)}:

Καὶ δὴ Λύκει' ἀναξ, Λύκειος γενοῦ
Στρατῶ δαίφ, στόνων αὐτάς.

Ubi scholiastes: Λύκειος πολέμιος; et alius: Λύκει' ἀναξ' ὁ λύκον βλέσας ποτέ^{g)} et ad Λύκειος γενοῦ: φοβερὸς καὶ οἶος ἐφάνης λύκῳ ποτέ. Quae facilia explicatu sunt, modo notionem, quam in lupo reperisse mihi videor, teneamus. Quid enim Apollini, qui deus lucis esse putabatur, cum lupo, nisi hoc animal Orci symbolum, quare et tenebrarum, crederent antiqui? Quod si ita est, facile fieri potuit, ut fabulam de Apolline lupos interimente confinxerint, quo designaretur perpetuum quasi inter lucem et tenebras certamen, victoriaque solis radiis suis tenebras dissipantis, cujus sub ortum nocturna spectra evanescerent. Nec profecto alia ratio cum istiusmodi figmentorum, tum ipsius λυκεῖου cognomenti inveniri probabilius potest, si cogitamus, quanta Apollini cum Dionyso et Osiride antiquissimis tempori-

a) Schol. Apoll. Rhod. 3, 8. Cf. Aristoph. Ranae 288 Lobeck. Aglaoph. 121, 223.

b) Philostr. Vita Apoll. Tyan. 4. 25, Cf. Plato, de rep. 1. 2. t. 2, p. 381.

c) Cf. Jahn, über den Aberglauben des bösen Blicks bei den Alten, p. 57.

d) V. La storia universale provata con monumenti. Opera di Monsignor Franc. Bianchini Veronese. Roma, 1747. p. 178, Cf. Gerhardi. Etruskische Spiegel. Berlin 1843 part. 1 p. 36.

e) Hesych. s. v. λυκεῖον.

f) V. 131. 29.

bus fuerit conjunctio. Ac de hac re infra disputaturus, hic tantum annoto Apollinis, aequae ac Dionysi et Osiridis, vim ad inferos quoque pertinuisse, neque dubitandum opinor, quin Apollo Corybantis filius, a Cicerone memoratus, et Dionysus Zagreus Cretensium idem deus fuerit. Quid, quod Zagreus Orci filius ab Aeschulo vocatur^{a)}? Adde Plutarchum^{b)}: Διόνυσον δὲ καὶ Ζαγρέα καὶ Νυκτελίον καὶ Ἴσοδαίτην αὐτὸν ὀνομάζουσι. Quid Ἴσοδαίτης sibi velit a Hesychio discimus: Ἴσοδαίτης ὑπ' ἐνίων ὁ Πλούτων ὑπὸ δὲ ἄλλων ὁ Πλούτωνος υἱός. At eodem nomine et sol dictus est, ut e loco in Anecdosis Bekkeri apparet: Ἴσοδαίτης θεὸς ὁ ἥλιος, ὁ τὸν ἴσον ἐκάστῳ θάνατον διανέμων^{c)}. Sunt et alia argumenta, quibus natura chthonia dei demonstrari potest. Pertinet huc theologorum veterum opinio, qua Apollo Vulcani^{d)}, vel ipsius Dionysi^{e)} filius esse putabatur. Sed plus momenti in se habet derivatio nominis, quae est ab ἀπολλύναι, *perdere*. Haec etymologia placuit jam veteribus magnae auctoritatis viris, ut Archilocho, Hipponacti, Aeschulo, Euripidi, Ammiano^{f)}, eamque veram esse vel inde patet, quod multi Graecorum, teste Platone^{g)}, malam vim inesse nomini Apollinis crederent, adeo, ut illud ne pronuntiare quidem, eadem ratione, qua nomina Plutonis et Proserpinae, auderent. Quare minime audiendi sunt Viri Docti, qui his testimoniis non contenti, Apollinem ab ἀπέλλειν, ἀπείργειν derivari volunt, tanquam si ille quoad significationem idem plane sit, qui Ἀλεξίκακος, Ἀποτροπαῖος, *Averruncus*^{h)}. Nam quod ab iis praetenditur Apello fuisse antiquissimam nominis formam, eamque in quibusdam monumentis reperiri, ut in inscriptione Megaricaⁱ⁾, in Cadmi vase, quod Berolini asservatur, et in vase Vulcino, quodque adjicitur ita etiam apud veteres Romanos Apollinem vocatum^{k)}, mensemque apud Macedones Ἀπελλαῖον dictum, non protinus in causa est, cur eorum sententiae acquiescamus, cum Herodianus formam participii ἀπέλλων Doricam esse dicat^{l)}. Quod vero arbitrantur malam vim Apollini postea tribui coepisse, fidem non habet, quia deorum ethnicorum natura temporis progressu in melius potius, quam in pejus mutari solet. Accedit, quod ab Apolline pestis, morbi, locustae aliaque mala immitti credebantur, atque illum, ut deum chthonium, victimis humanis Iones placabant. Scimus enim morem fuisse Atheniensibus, ut Thargeliorum die festo duos homines coronis ceu victimas ornatos ad portas

a) In Sisyphe. Etym. Gud. p. 227. apud Lobeck. Aglaoph. 1, 621.

b) Plut. de El cap. IX, 228.

c) Anecd. Bekk. p. 267. Lobeck Agl. 1, 621.

d) Cic. N. D. III. 21.

e) Herod. II, 156.

f) a Welckero citati o. c. 1. p. 461.

g) Plato Crit. p. 403.

h) K. Otf. Mueller Dor. 1, 301; Schoemann Opusc. 1, 339; Welcker o. c. ib.

i) Boeckh. C. 1. No 1065.

k) Festus.

l) π. μόν. Αξ. p. 12.

urbis ducerent et cum imprecationibus de rupe praecipitarent^a). Simile quid in Leucade usu venisse docet Strabo^b). Nec praetereundus Scholiastes Euripidis^c), qui originem proverbii: Θέσσαλον σφίσμα, *Thessalum commentum*, explicaturus, narrat Diotimum quendam Thessalum, cum oraculum Apollinis consulisset et ab eo monitus fuisset, ut caveret, ne inimici votis suis eum vincerent, hecatomben virorum Apollini promississe, nec tamen postea voto se exsolvisse, cujus exemplum secutos Thessalos quotannis tale sacrificium deo polliceri, sed numquam exsequi. Ex hoc Thessalorum more, si ejus originem missam faciamus, facile possumus suspicari Apollinem revera sanguine humano fuisse placatum. Quid tandem innuunt illa nocturna, orgiastica Dionysi et Apollinis sacra ab Atticis et Delphicis mulieribus^d) in summo Parnassi jugo celebrata^e), qui locus nostris etiam temporibus, a Graecis illam regionem inhabitantibus τὸ Διαβρολάλωνο vel Δαμιονάλωνο (Diaboli abies) appellatur^f). Ex quo manifestum fit, cur Servius triplicem dicat esse Apollinis potestatem, eundemque esse solem apud superos, Liberum patrem in terris, Apollinem apud inferos, unde etiam sagittis, quae inter cetera insignia Apollini tribuantur, deum noxium et infernalem significari^g). Ejusdem notae sunt, quae leguntur de Dionyso apud Ausonium^h):

Ἄιγύπτου μὲν Ὅσιρις ἐγὼ, Μουσῶν δὲ Φανάκης,
Βάχχος ἐνὶ ζωῶσιν, ἐνὶ φθιμένοις Ἄιδωνεύς,
Πυρογενῆςⁱ), δίκερως, τιτανολέτης Διόνυσος.

Unde Apollinem deprecantes terram petebant, ut tradit Servius, quandoquidem ipse et sol esse putabatur et Liber pater, qui inferos petiit^k). Nec immerito Apollo a Romanis cum Vejove est confusus, ut ex Gellio discimus^l), cujus verba ascribere placet». Simulacrum igitur dei Vejovis, quod est in aede, de qua supra dixi, sagittas tenet, quae sunt videlicet paratae ad nocendum. Quapropter eum deum plerique Apollinem esse dixerunt. Immolaturque illi ritu humano capra, ejusque animalis figmentum juxta simulacrum stat. Propterea Vergilium quoque ajunt multae antiquitatis hominem sine ostentationis odio peritum, numina laeva in Georgicis

a) Hippon. et Ananii fr. Gottingae, 1817, p. 68—71.

b) Str. 10, 452.

c) in Phoeniss. 1416.

d) Thyades, quas a Thya, Castalii filia, nomen accepisse dicit Pausanias (X, 6, 2), Dionysi et Apollinis sacrificulae (Paus. X. 22, 5). Eisdem Hesychius vocat θεωρῆδας, τὰς περὶ Διόνυσον γυναῖκας.

e) Paus. X, 4, 1.

f) Ulrichs Reisen und Forschungen in Griechenland 1, p. 119 ss.

g) Serv. Ad Ecl. 5, 66.

h) Epigr. XXVIII.

i) Ut Apollo, Vulcani filius.

k) Serv. Aen. III, 93.

l) Gell. N. A. V. cap. XII.

deprecari, significantem quandam vim esse hujusmodi deorum in laedendo magis, quam in juvando potentem. Versus Vergilii hi sunt:

In tenui labor, at tenuis non gloria, si quem
Numina laeva sinunt, auditque vocatus Apollo.“

§ 10. Ex his omnibus colligitur et eos Viros Doctos falli, qui praemeditata opinione ducti lupo lucis significationem inculcare volunt, et eos, qui etymologiam cognominis Λυκείου ab obsoleto λύκη praeferendam esse sibi persuadent. Et probassent forsitan, nisi lupo tam arcte in religione vetere cum Apolline esset conjunctus, ut ab illo divelli sine maxima vi et injuria nequiret. Cujus rei argumenta cum ex ritibus sacris, tum ex fabulis monumentisque deprompta haec sunt. Lupis praecipuum honorem fuisse Delphis Aelianus auctor est^{a)}. Stabat ibi ante templum Apollinis prope aram maximam lupo aeneo, dedicatus ab incolis in memoriam lupi, qui instinctu, ut creditum est, dei pecuniam templi sacrilegio ablatam absconditamque indicaverat^{b)}. Fuit enim lupo dilectus Apollini, teste Plutarcho^{c)}. Quam apparet fuisse causam, cur Argis Apollini Lycio lupi immolarentur^{d)}, nam diis ea potissimum immolari solebant quae iis accepta erant et convenientia, id quod expresse docet idem Plutarchus.^{e)} Accedunt et illa, quae de antiquissimo apud Argivos Apollinis Lycii cultu prodita sunt memoriae. Erat Argis Pausaniae tempore templum Apollinis celeberrimum, quod a Danao Aegyptio dedicatum olim fuisse cum statua dei credebatur. Ac hujus quidem dedicationis causam hanc tradit Pausanias. Cum Danaus Argos venisset, certamen illi fuit de regno cum Gelanore Sthenelae filio, cumque populus dubitaret, utrum alteri anteferret, accidit, ut lupo in boum gregem pro muris pascentium impetu facto, taurum gregis ducem adortus prostraverit. Quod signum esse voluntatis divinae rati Argivi, imperium Danao adjudicavere, ille autem, quod lupo ab Apolline immissum putaret, Λυκείου id est Lupini aedem excitavit. Visebatur utique adhuc Pausaniae aetate pro aede solium, in quo incisa erat lupi et tauri pugna^{f)}. Erat praeterea Argis forum nomine Lycium et ibidem lupi effigies^{g)}. Non praetermittendum, quod Athenis quoque juxta Lyceum, quod antiquitus templum Apollinis Lycii fuisse perhibebatur, a quodam Lyco aedificatum, lupi signum stetisse a Pausania comperimus^{h)}. Eandem Apollinis

a) H. A. 12, 40.

b) Paus. X, III, 7.

c) Pyth. orac. 12.

d) Schol. Soph. El. 6.

e) Plutarchus, edit. Xylandri, 1570. T. II. Q. R. p. 284. Non audiendus itaque mihi videtur Welckerus, qui lupos in sacrificiis immolandi morem ita explicat, ut dicat lupos infestos fuisse gregibus et propterea ipsi Apollini.

f) Paus. II, 19, 4. II, 19, 7.

g) Eustath. ad Iliad. p. 354, 18. 443, 1.

h) Paus. 1, 19, 8.

cum lupo conjunctionem animadvertere etiam est ex nummis Argolicis, Phocensibus, aliarumque urbium, in quibus lupo nunc dimidius, nunc totus, vel nonnumquam caput tantum lupinum cernitur, cum a parte antica saepius Apollinis caput aut solis facies inveniatur^{a)}.

§ 11. Similiter explicari potest, cur Marti lupo fuerit consecratus^{b)}; non quia animal cruentum et rapax proprium esse videretur ad significandas bellorum strages, sed quod dei, qui innumeras Orco mactaret victimas, et ipse non multum temporibus antiquissimis a ceteris diis inferis differret, aptissimum esset insigne. De natura hujus dei quid sentire debeamus, per multa colligitur. Quid, quod ei etiam litare humanis hostiis mos fuit Lacedaemoniis^{c)}? Idem fecisse Thraces ex Ammiano scimus^{d)}. Contra vero Cares immolasse ei canes proditum est, animalia Hecatae sacra, quorum in sacrificiis deorum superum nullus fuit usus, auctore Plutarcho^{e)}. Huc pertinet testimonium Hellanici, qui fontem prope Thebas memorat, a dracone, filio Martis et Erinnyos, custoditum^{f)}. Hunc cum Cadmus interemisset, octo annos Marti servire piaculi gratia coactus est, unde patet Martem cum Plutone in fabula confundi^{g)}. In alia aequae narratione apud Homerum^{h)}, cum Mars inclusus fuisse dicatur ab Aloidis Oto et Ephialte in aeneum carcerem, de inferis est intelligendumⁱ⁾. Adde his, quod Romanorum Mars a lupa nutritus esse fertur, eique sacra in luco Robiginis ove et cane fiebant. Non igitur sine causa Julianus Apostata in oratione εἰς τὸν βασιλέα Ἥλιον, lupo Marti sacrum in inferis collocat.

§ 12. Nec alia ratio est Scyllae, monstri ex diversorum animalium

a) Mionnet, T. II, p. 229. Pl. 46, *M* 1. Eckhel D. N. 286 ss. Cfr. Welckerus o. c. 1, p. 479, 480, qui in nummis urbis Hadriae ejusque coloniae Tuderis lupum cubantem juxtaque eum citharam a parte postica, Apollinis caput imberbe a parte antica impressa inveniri (e Lanzi S. Etr. T. III. p. 643, tav. 2, 7) docet, recensetque aliarum urbium nummos huc pertinentes.

b) Unde Martialis dicitur Horatio Od. 1, 17, 9, Martius Virgilio Aen. 9, 566, et ipsum Martem lupo armatum vocat Lycophro (937, 1410). Eodem fere sensu intelligendus Ἄρης Λυκάρης Homeri, quod cognomen Boeckhio ex λύκος et ἔργω vel ὄργη conflatum videtur. C. 1. Gr. *M* 52. Aliter Welckerus, qui Λυκοῦργον lucem arcentem significare in Iliade vult, i. e. hiemem, utpote qui ibi Dionysus seu Baccho opponatur, alteram vero significationem, quae est lupo arcens, per paronomasiam ortam putat. o. c. 1, 416. Ne multis contra V. D. argumentis utar, hoc tantum annoto, Lycurgum quem contra deos pugnasse ex Homero notum est, quique Dionysum in summas angustias adduxisse dicitur, ita ut ille fugiens in mare sese praecipitaverit, nihil aliud fuisse, nisi Typhonem, ex Aegyptiorum fabulis notum, cujus vim cum ad inferos pertinere sciamus, Boeckhii conjectura a λύκος et ἔργω unice vera est. Cf. Hom. Il. Z. 130. Schol. Soph. Antig. 955 ss. Apollod. III, 5. Paus. 1, 20, 4.

c) Apollodor. apud Porphy. de Abst. II, 55.

d) Ammian. 27, 11.

e) Plut. Q. R. II, p. 290.

f) Apud Welck. o. c. I, p. 416.

g) Hartung, o. c. II, p. 81.

h) Hom. Il., E., 385.

i) Cf. Hartung III, 175. In alia sententia est Welck. o. c. 1, 421.

membris compositi, quod uterum lupi habere veteres commenti sunt, cum de natura ejus daemoniaca cogitarent.

Prima hominis facies et pulcro pectore virgo
 Pube tenus, postrema immani corpore pistrix,
 Delphinum caudas utero commissa luporum a).

Quid enim est, cur non existimemus ejusmodi figmenta cum inferis cohaerere, cum sciamus Scyllam Hecates filiam fuisse^{b)}, magicisque incantationibus ac venenis in hanc formam versam. Alii eam in latrantes canes ab inferiori parte mutatam fuisse prodiderunt^{c)}, quod fere ad idem redit, quantum ad vim symbolicam pertinet^{d)}, et ad vocis etymologiam propius accedit, ut recte docet Hartung^{e)}, qui Scyllae nomen canem significare ait, formamque primitivam vocis κύων fuisse σκύων, ut ex derivatis σκύλαξ et σκύμνος (catulus) elucet, quae a σκύλλω veniunt, unde et σκύλον, spoliū. Idem in συλᾶν literam x excidisse putat, ut in κύων σ.

§ 13. Hactenus de veteribus, nunc ad recentiores populos veniamus, quorum ex fabulis eadem symbolica lupi vis elucebit. Mala inferorum daemonia luporum formam induere credebat olim superstitiosum Slavorum vulgus, idcirco omnia tribuebat lupis, quae daemoniorum perniciose vi fieri arbitrabatur. Ex quo intelligimus, cur, cum videret solem aut lunam nubibus obrui, hoc tenebrarum cum luce velut proelium ita explicaret, ut lupos invadere solem aut lunam diceret. In occidentalium Slavorum fabulis sol pugnare dicitur cum malo daemone, qui eum adoritur lupi formam indutus. Hodie etiamnum filicti herbam, quae in igneum florem emicare creditur, fama apud Chorutanos est tum florere, cum sol nigrum vincat lupum, ideoque daemonia summa vi obluctari, ne floreat, sed frustra. Eandem ob causam herbam, cui ad abigenda daemonia maxima vis inesse creditur, praeterquam quod vulgo Cupalo, Volcoboī etiam nominatur, Latine *Lupicidam* dicas. In Institutionum veterum Rossicarum libro, qui inscribitur Cormtschaia, locus est, ubi haec leguntur: siquando interit luna aut sol, lupos dicunt lunam aut solem devorasse. Huc etiam pertinent Chronicorum verba de solis defectu, ubi ille similiter devorari dicitur. Illud aequè inter annotanda ponas licet, quod veneficas, quas cum daemoniis commercia habere putet vulgus, lupis alatis vehi in fabulis inveniamus. Unde nec magicorum medicaminum compositiones sine lupi cordē a veneficis fieri putantur. Ex eodem fonte fluxerunt nonnulli ritus sacri. Coladae festum celebrantes Slavos in Polonia lupi vel tauri imaginem circumduxisse olim proditum est, quacum ante domos subsistentes carmina cecinisse ludosque

a) Virg. Aen. III, 427.

b) Schol. Odyss. M. 85.

c) Propert. 4, 4, 37.

d) Vide infra de symbolica canis significatione.

e) Hartung o. c. III, 210.

celebrasse^a). Quam analoga haec sint cum veterum idololatrarum fabulis ritibusque magicis, ex iis, quae a me supra allata sunt, patet.

§ 14. Non aliena ab his sunt, quae de Germanis leguntur. Nomen ipsum lupi, recte observante J. Grimm^b); cum in lingua vetere Germanica varg audiat, comparari potest cum Slav. Vrag (hostis), quod in dialectis quibusdam Slavicis daemonium malum significat. Eadem vocis significatio fuit apud priscos Anglosaxones, qui sicarios, periuros et adulteros in Nāströnd diu a torrentibus rapidis jactatos denique a lupo (vargr) et serpente (nidhöggr) lacerari persuasum habuere^c). Adjice nunc, quod vetulas in silvis degentes (easdem sagas esse puta) lupos a venatoribus exagitatos in casis suis occultare credunt rustici, ideoque luporum matres (Wolfmütter) eas indigetant, quod praeterea in magicis incantationibus, quoties veneficae conjuges novos perdere constituerint, lupi corde eas uti putat vulgus, quo in viam projecto perterrefactos equos per devia locorum curram rapere atque frangere. Quae quamvis ejusmodi sint, ut non amplius de lupi apud Germanos significatione ambigi queat, verumtamen unum adhuc sublegere placet e Scandinavorum fabulis sententiae meae firmamentum. En mundi interitus ex eorum opinione descriptionem^d): solem et lunam continuo insectari dicuntur duo lupi e Phenridis genere, summaque vi niti, ut his astris potiantur. Phenris nomen lupi est ab immundo daemone Loca oriundi. Huic tres filii fuere Lupus, Serpens et Gela (Mors). Dii nutrivere lupum, verum admoniti imminere sibi ab illo exitium, catena compescendum eum statuere, quam cum saepius rupisset, magica tandem catena ab ipsis fabricata, cujus firmitudo formidabili lupi robori resistere posset, rupi eum alligavere. Ante mundi interitum omnia mala ad exitium generis humani incumbent. Per triennium hiems erit, acerbissimumque frigus, gelidissimique venti, ipseque sol pristina benefica vi sua privabitur. Hoc temporis spatium in Edda lupinum appellatur. Hoc etiam proeliorum caediumque tempus erit infernique daemones, vinculis soluti, contra deorum superum opera conjunctis viribus irruent. Calamitatem exceptura est calamitas, nec erit longa mora exitii. Luporum unus devorabit solem, alius potietur luna eamque terribili afficiet damno, sidera a firmamento avulsa decident, terra crebris concutietur motibus, libertatemque suam Phenris diu coërcitus recuperabit. Immenso rictu diducet ille rostrum, cujus pars superior attinget coelum, inferior terram. Aëre tandem et mari incensis, coeloque fracto, Phenris devorabit Odinum.

a) Athanasiev, de zoomorphicis diis apud Slavos commentatio, in Ephemeridibus patriis, Petropoli, 1852.

b) Deutsche Mythologie II, 948, ss.

c) Völuspá 35. Cf. Ettmüller, Beowulf, Heldengedicht des achten Jahrhunderts, Zürich, 1840. not. ad vers. 594, p. 89, 90.

d) Grimm II, 774 ss. 11,263. 1, 224.

§ 15. Plura ad eandem rem probandam congerere taediosum foret^{a)}, tantumque abest, ut exercere verba videri velim. Quomodo autem factum sit quaerentibus, ut ejusmodi symbolica significatio lupo accesserit, sententiam meam aperire haud detrecto. Animos vulgi superstitione imbutos vanis terroribus obnoxios esse quotusquisque est qui nesciat? Quodnam vero tempus magis ad terrorem augendum aptum est, quam nox, quae proinde, juxta poetarum descriptionem, Erebi filia, Furiarum mater, somni et Mortis nutrix appellabatur. Quapropter, simulac tenebrae terras oppresserint, obversari spectra, insidias struere daemonia, sagasque nefanda peragere ministeria, sicut hodie, ita etiam antiquissimis temporibus credidisse rude vulgus consentaneum est, ut putemus. Quod cum ita est, facile fieri potuit, ut lupum, feram saevissimam, quae potissimum per noctem grassari soleret, ululatibusque rumpere noctis silentia, cujus in tenebris igne micantes oculi^{b)} tanto majorem incuterent terrorem, pro symbolo tenebrarum, maximique noctis Arbitri, umbrarumque potentis Orci, ut verbis Claudiani utar^{c)}, acciperent. Haud parum quoque valuit ad istam opinionem magna lupi cum cane similitudo, quam consecrationis illius fuisse causam opinabantur jam Aegyptiorum nonnulli, teste Diodoro^{d)}. Canem certe diis inferis sacrum fuisse non ambigitur. Hecates Furiarumque eum comitem vocatum scimus diisque inferis immolatum^{e)}. Cujus rei cum alii, tum Plutarchus testis est, qui fere omnes Graecos cane in piaculis usos esse ait, istumque morem in suam usque aetatem perdurasse, ut nonnulli eo utantur pro piaculari hostia, Hecataeque inter alia purgamenta etiam catulos offerant, expiandosque catulis tangant. Quam februationem lingua Graeca περισχυλακισμόν vocari. Idem addit apud Boeotos publicum esse sacrificium, quo, cane in duas discisso partes, per earum medium lustrantes sese transeant. Nec ulli coelitum umquam canem immolatum fuisse, utpote qui non usque quaque mundus ab antiquis judicatus sit. Quapropter et Romae lege vetitum esse, Flaminem Dialem cum tangere eum tum nominare, et apud Graecos eum arce Atheniensium insulaque Delo prohiberi^{f)}. Ceterum, quae a Plutarcho de immunditia canis hic dicuntur,

a) Quam late medio aevo per Europam disseminata fuerit opinio de hominum in bestias et praesertim lupos transmutatione, quae fieri credebatur daemonum vi praestigiosa, multis docet Rud. Leubuscher in Dissert. de Lycanthropia medio aevo, Berlin 1850. Vide etiam Welckerum, qui hujus superstitionis originem ab antiquissimis temporibus repetit. Kleine Schr. 3, 160; Mythol. 1, p. 212. Multas quoque congescit fabulas septentrionalium populorum Lobeck. Akad. Reden. p. 119 ss., cui λύκος cum λύσσα cognatum rabiem significare videtur.

b) Sunt, qui hanc proprietatem oculorum in causa fuisse dicant, cur lupo symbolica lucis significatio accesserit, quorum manifestum errorem demonstrare nec libet, nec vacat.

c) Rapt. proserp. 1, 55.

d) Diod. L. 1. c. 88.

e) Cf. Heind. ad Hor. Sat. 1, 8, 35.

f) Plut. Q. R. p. 280, 290.

levia sunt, nec ad rem pertinent, cum alioquin ejus cum Orco diisque Manibus conjunctio nota sit, qui

Orci janitor,
Ossa super recubans antro semesa cruento,
Aeternum latrans exsanguis territat umbras.

Hinc et custos Manium ac veluti libitinarius a Horapolline appellatur: ἐνταφιαστῆς εἰδώλων ὑπ' αὐτοῦ κηδευομένων^{a)}. Similis Persarum veterum opinio fuit, qui functorum animas a deo vultu canino praedito ad inferos deduci credebant^{b)}. Cujus opinionis fons haud scio an apud Indos sit quaerendus, cum in eorum Vedis via tenebris obsita, quae ad Elysium ducit, duarum canum custodiae commissa esse dicatur^{c)}. Communis quidem haec omnium populorum superstitio est, unde et Larum apud Romanos caninis pellibus amiciendorum morem illustrari posse arbitror ex magna, quae illis fuit, cum Manibus necessitudine, nec dubito, quin Larum cultus e Manium religione sit derivandus. Id quod ex Appuleji verbis elucet. *Est, ait ille, et secundo significatu species daemonum, animus humanus, emeritis stipendiis vitae, corpore suo abjurans. Hunc vetere lingua reperio Lemurem dictitatum. Ex hisce ergo Lemuribus, qui posteriorum suorum curam sortitus, placato et quieto numine domum possidet, Lar dicitur familiaris; qui vero ob adversa vitae merita, nullis bonis sedibus, incerta vagatione, ceu quodam exsilio, punitur, inane terriculamentum bonis hominibus, ceterum noxium malis; id genus plerique Larvas perhibent. Cum vero incertum est, quae cuique eorum sortitio evenerit, utrum Lar sit, an Larva, nomine Manem deum nuncupant^{d)}*. Haec canis cum Orco diisque Manibus conjunctio usque in hunc diem in vulgi nostri opinionibus durat. Quid, quod canis ululatu rustici mortem aegris portendi credunt?

§ 16. Cum igitur de lupi significatione apud veteres Graecos dubitari nequeat, causa quaerenda est, cur eam Graeci ignoraverint. Oblitteratam enim et velut extinctam apud eos invenimus, quippe quam auctores nusquam ne verbo quidem memoravere. Hoc dicendum jam de Pausaniae tempore; neque enim, quo loco de Jove Lycaeum narravit, eam silentio praeteriisset, si quicquam ex sacerdotum aut vulgi traditionibus comperitum haberet. Quin anteriorum Pausania auctorum nemo, quod sciam, ne Diodorus quidem, qui consecrationis lupi apud Aegyptios causas explicare studuit, de ea retulit. Similiter Scholiastae ignorasse eam prorsus videntur, quamvis de sacrificiis, quae apud Argivos Apollini Lycio lupis mactatis fiebant, prodiderint, fabulisque mythicis explicandis operam navarint. Apparet hinc eos aut naturam deorum priscam illustrari nefas putasse, aut opiniones de diis priscas adeo a recentioribus diversas fuisse, ut ne ex-

a) Hieroglyph. 1, 39.

b) Hartung. o. c. II, p. 85.

c) Id. ib.

d) Appul. de Deo Socr. Cf. August C. D. 9, 11.

plicari quidem potuerint. Quae auctorum ignorantia adducit me, ut ritus fabulasque, in quibus lupi mentio fit, reliquias esse antiquissimae religionis situ ac senio obsitas fidenter asseram.

§ 17. Primum praecipuumque illius religionis elementum deorum inferorum (θεῶν χθονίων) cultus fuisse videtur, utpote qui cum hominum agrestium rudiumque ingeniis vel maxime congruat^a). Homo agrestis, ignorantiaque rerum rudis, cujus tota vita nihil aliud erat, nisi continua luctatio cum validis naturae viribus, cum omnem vim divinam in natura sitam esse arbitraretur, vix ac ne vix quidem poterat aliam in animo informare notionem deorum, nisi eos terribiles esse ac metuendos. Terrore certe attonitus prius fuisse, quam magnitudinem utilitatum, quas naturae beneficio perciperet, intellexisset, existimandus est; neque beneficam cunctisque vitam praebentem solis vim aut foecunditatem terrarum, ceteraque commoda ad informandas deorum notiones aequae valere potuisse ac tonitruum fragorem, fulminum ictus, terrarum tremorem, subterraneorum ignium eruptiones, incendiorum ruinas subito lapsu procidentes, aquarum molem terras quassantem, vastitatemque secum ferentes nimbis nivibus grandinibusque gravidas tempestates. Harum rerum contemplationem^b) causam fuisse, cur dii esse crederentur, putarunt jam veteres^c). Ad has physicas rationes accessit mortis timor. Cum enim videret mortem ubique superesse ac undique imminere, exemplumque eorum recognosceret, qui fluviorum altis voraginibus hausti, aut in montium barathris conditi, aut in silvis a feris lacerati, aut quocumque modo uspiam exanimati interierint: terrore percussus atque stupens rem ita explicabat, ut ubique locorum vitae humanae insidiantes deos sibi fingeret. Ex hac δαισιδαμονία (daemoniorum metu) nata sunt monstra effera et humano cruore gaudentia, longaque fabularum animos vulgi territantium series. Sed nescio an plurimum momenti ad hanc illius persuasionem mortuorum sepulturae attulerint, ut observat Baeumleinus. Summum enim jus summamque terrae esse sentiebat in homines potestatem, omnesque ejus praedam fieri tantum non quotidianis exemplis edocebatur. Corporibus humo tectis, cum ita mortuos in gremium ditionemque terrae traderet, in imis ejus recessibus numina putabat esse, a quorum arbitrio penderet, quae sibi carissima esset vita. Quapropter jam antiquissimi Graeci terram Matrem Deum et πρεσβυτάτην θεῶν indigetabant^d). Ea fuit religionis origo apud omnes idololatrias, cui

a) Cf. Bäumlein, Pelasgischer Glaube und Homers Verhältnisse zu demselben, in Zimmermanni Ephemeridibus 1839 p. 1185.

b) Quas *coeli minas* vocant Romani, *rpoza Russi*.

c) Ut Cleanthes apud Cic. de N. D. 2, 5. Non abluunt hinc ista Petronii in fragm. primus in orbe Deos fecit timor. Cf. Stat. Theb. 3, 661. Nec nisi sapientibus, qui causas rerum inquirebant, manifestum esse coepit nihil horum deos facere. Cf. Sen. N. Q. 10, 3.

d) Hom. Hymn. 13. Procl. in Plat. Tim. Hesiod. Deor. gener. 453—457 Apollod. 1, 4.

priscae illae opiniones propriam et singularem notam impressere. Eorum dii sub terris habitantes vitaeque hominum inhiantes, sanguine ut plurimum humano erant placandi, in terrae specubus, per noctis tenebras, cum pio terrore animique consternatione. Quemadmodum enim nulla res est, quae non ejus, a quo nascitur notas reddat, ita et dii tales fuere initio, quales homines ipsi, qui eos sibi finxere: truces ipsi, truces atque cruore gaudentes dii, qui nisi caedibus tristibusque supplicationibus non poterant propitiari. Verumenimvero procedente tempore opiniones immutatae: ex quo homines a fera agrestique vita ad humanum cultum deducti coeperunt utilitates cuncta versantibus diis acceptas referre et simul bonum a malo in semetipsis discernentes, de honorum praemiis, malorum poenis cogitare, novae vires diis sunt attributae novaque numina nata, aut plerisque, terribilibus ante et noxiis, benefica vis accessit, ita ut in sceleratos tantum saevire crederentur. In montium jugis, unde despiciebant res humanas, erectae arae, mollior mos ritusque sacrorum introductus. Ex quo perspicuum est, cur non antiquissimi tantum dii, sed plerique eorum, qui recentiores putantur, duplicem naturam habeant, ita ut, si poetarum commenta, fabulasque vulgi, ritusque sacros respiciamus, ad deos inferos et superos simul pertinere videantur. Quae quorundam deorum naturae diversitas magnum plerisque interpretibus facessere solet negotium, nec pauci fuere, qui, cum sibi praesto esset tanta veterum fabularum farrago, recentiores cum antiquissimis, haud perspecta earum indole omnique discrimine sublato, confuderint, omnemque figmentorum copiam ad unum velut religionis systema redegerint. Hi non attendisse animum mihi videntur, quantum inter fabulas, pro temporibus et locis, discrimen soleat intercedere, nec dispexisse intervalla, quibus singulae distant, quarum multas ex ore vulgi collectas non ad tempus, quo collectae sint, pertinere, aut si quae pertinent, non ejusmodi esse, ut ex iis de religione possit judicari. Exemplo sint mirae vulgi nostri fabulae, quas religionis partem constituere quotusquisque est, qui dixerit?

II.

§ 1. His praemissis ad Jovis naturam adumbrandam accedamus, de qua liquere nobis non posse judico, nisi eam ad formulam generalem, modo a me de diis veterum constitutam, exigamus. Nec existimo quidem diu nos haesituros, an credamus Jovem duplicem prae se ferre faciem, si fabulas Arcadum huc spectantes excusserimus, personamque illi, qua inquireribus velut indutus apparet, detraxerimus. Opiniones utique de illo seriores ab antiquissimis sedulo distinguendas esse manifestum est, nec temere miscenda omnia, quae a Pausania ceterisque scriptoribus de illius in Arcadia cultu relata leguntur. Jupiter enim, quem Pausaniae aetate Arcades coluere, non amplius, quantum ad naturam ipsius, priscus ille Jupiter Lycaeus fuit victimis humanis gaudens atque noxius, qualem eum olim fuisse fabula de Lycaone ejusque filiis satis superque declarat, licet Porphyrius morem hominibus in sacris Lycaeis litandi multis seculis post obtinuisse tradat^a). Cui quominus credamus, obstat Pausanias. Etenim non ille tam efferum morem, postquam victimae humanae in tota Graecia jam dudum erant abolitae, si etiam tum durasset, silentio praetermisisset, qui, cum sacra Jovis in operto (ἐν ἀπορρήτῳ) fieri dicat^b) et mox subjungat se noluisse ritus curiose inquirere, non ita est intelligendus, quasi ob eorum atrocitatem ab inquirendo abstinuisset. Platonis verba Min. p. 315 c., ubi sacra Lycaea non communi apud Graecos more fieri dicuntur, nihil probant. Imo Pausanias ipse alio loco rem extra omnem dubitationis aleam ponit. In colle urbis Pallantii fanum esse deorum narrat, qui Καθαροί, id est Puri, appellantur, atque hujus appellationis causam fuisse conjicit, quod illis Pallas, Lycaonis filius, non eodem ritu sacrum fecerit, quo pater ejus Jovi Lycaeo^c). Accedunt et alia testimonia, e quibus colligimus Jovem ex Arcadum illius aetatis opinione summum fuisse deorum, scelerum vindicem, in benemeritos autem beneficum. Hinc cum Arcades Aristocratem Messeniorum tyrannum lapidibus obruissent, in columna, quam in Lycaei templo erexerant, hos versus incidi jusserunt:

Πάντως ὁ χρόνος εὔρε δίκην ἀδίκῳ βασιλῆϊ.
Εὔρε δὲ Μεσσήνης σὺν Διὶ τὸν προδότην
Ῥηιδίος· χαλεπὸν δὲ λαθεῖν θεὸν ἐπίορκον.
Χαῖρε Ζεῦ βασιλεῦ, καὶ σάω Ἀρκαδίαν^d).

a) Porphyr. de Abst. 2, 27.

b) Paus. VIII, 38, 5.

c) Paus. VIII, 44, 3.

d) Paus. IV, 22, 7.

At idem ille Jupiter colebatur in quodam Arcadiae vico sub titulo Boni dei^{a)} et clemens facilisque erat in hominum precibus audiendis, si quando segetes Arcadicae siccitate arescebant, imbrisque eas recreabat^{b)}. Verumtamen, quod proprium divinae majestatis est, non sine noxa et piaculo aream ei consecratam adire licuit, ita ut, si quis loci religione contempta introisset, intra annum e vita excederet^{c)}. Hanc majestatem dei cum sacerdotes magis augere vellent aciemque colentium praestringere, addebant et alias prodigiosas narrationes. Homines aiebant et bestias, quae forte intra illius loci ambitum stetissent, nullas e corporibus umbras projicere^{d)}. Occultum hujus fabulae sensum ita explicat Schwenck^{e)}, ut dicat perspicuum esse ibi non posse de umbra cogitari, ubi dei lucidi sedes sit, nec improbabilis V. Docti interpretatio est, si cogitamus Jovis vim illa aetate ad coelestia pertinuisse, ut ex fabula de attracta ab ejus sacerdotibus tempore siccitatis pluvia, colligimus; sed maxime vereor, ne sub hujus figmenti involucro is sensus lateat, quod homines et bestiae in illa area ἀόρατοι seu invisibiles fiebant. Id colligo ex Plutarcho^{f)}, qui eos, qui in area stetissent, ἐλάφους id est cervos vocatos ait, atque hoc vocabulum inde ortum puto, quod Graeci verbum ἐλεφαίρειν, ad nihilum redigere, in animo habuerint. Similis causa fuit, ut recte observat Hartung^{g)}, cur Homerus somnia vera per Portam corneam, inania vero et vana per eburneam exire dixerit, nam adjectivum κεράτινος de substantivo κέρας flexum est, quod ad verbum κραίνειν respicere nos cogit, contra ἐλεφάντινος, ab ἐλέφας derivatum, facile verbum ἐλεφαίρειν nobis sistit.

§ 2. Cum igitur vis Jovis Lycaeii tempore historico longe ab illa antiquissima recessisset, facile intelligitur, cur Pausanias eum non a λύκος ita appellatum dixerit, verum a monte Lycaeo. Eadem causa est, cur in nullo, quotquot habemus antiqua monumenta, juxta Jovis effigiem lupus conspiciatur, quem certe in nummis Arcadiis, si animal ei sacrum fuisset, inveniremus^{h)}. At contra Pausaniae tempore duae aquilae pervetusti operis ante aram Jovis in montis Lycaeii cacumine positae visebantur et ipse

a) Paus. VIII, 36, 5.

b) De hoc Jove Pluvio infra erit dicendi locus. Fabulam ipsam pag. 5 retuli. Ceterum communis hic error est rudis vulgi, ut credat imbres et atrahi posse incantationibus et repelli. Cfr. Seneca N. Q. IV, 6.

c) Paus. VIII, 38, 6.

d) Paus. ib.

e) Mythol. 1, p. 18. Eadem est sententia Muelleri. Dor. T. II, p. 306.

f) Plut. Q. G. 390.

g) Mythol. 1, 137. 1, 155. Aliter Lobeck Agl. 1, p. 895.

h) In nummis Arcadicis Jupiter stans effingitur, hastam aut sceptrum sinistra gerens, aquilam dextra sustinens. Eckhel., 2, 293. Etenim nummi, quorum pars antica caput barbatus exhibet, aversa autem lupum dimidium capite radiato, certe non Jovis caput repraesentant, quemadmodum videtur Havercampio (ad Oros. p. 20) sed Apollinis, qui interdum barbatus in nummis Aesae et Mileti, effingi solet. Welcker, o. c. 1, p. 480.

mons ab Arcadibus Olympus dicebatur^{a)}), unde minime dubium est, quin Jovem Lycaëum non secus ac Olympium, ex communi illius aetatis Graecorum opinione, Arcades coluerint.

§ 3. Quae cum ita sint, nequaquam tamen idcirco sequitur, ut cognomen Lycaei, quod ad naturam Jovis illustrandam plurimum valere Viri Docti existimant, *Lucetium* significet, cum ne Apollinis quidem Λουχείου cognomen ex veterum sententia ita explicari posse sciamus. Nec perperam huc trahenda fabula de Lycaone ejusque filiis ceteraeque ejusdem generis, ubi luporum mentio fit, quae remotissimam redolent antiquitatem atque ejusmodi sunt, ut ex iis nisi de natura Jovis antiquissima omninoque diversa judicari nequeat. Sed hoc procedente disputatione planius ostendam, ubi de cultus origine dicturus sum, nunc illud annoto fabulam de Lycaone, cujus nomen tam arcte cum Lycaei cognomine ejusque cultu copulatum est, cum inferis conjunctionem manifestam habere. Quid, quod Lycaonis filius, qui Terrae rogatu servatus fuisse fertur, cum Jupiter ceteros fulmine percussisset^{b)}), vocatur Nyctimus, id est Nocturnus? Similiter Lycus Labdaci et Laji tutor fratrem habuit Nycteam^{c)}). Hos filios Spartae chthonii dicit Apollodorus^{d)}). Scimus praeterea Plutonis equum nomen habuisse Nyctei^{e)}). Numquid fortuitam hanc esse nominum consociationem quis dixerit? Non secus et Lycoro Lycorae urbis conditori, Apollinis filio Pausanias neptem fuisse narrat Κελαινὸν nomine, id est Nigram, e qua Delphum Apollinem suscepisse, eandemque ab aliis vocari Μελαίνην Nigram^{f)}); conferantur Plutonis nomina μελάμπος, μελάνιππος. Adjice nunc quod Lycus, qui in insulas beatorum missus fuisse in fabulis dicitur, filius Neptuni et Plejadae Celenus fuit^{g)}). Numquid fortuita haec sint, iterum iterumque a Viris Doctis lupo lucis significatum tribuentibus quaero, et annon potius ex cognomine Lycaei, fabulisque de lupis, quae Jovi Arcadio sunt adjunctae, de cultu chthonio sit statuendum?

§ 4. Jam, quo id manifestius fiat, quaeramus, si fieri poterit, unde cultus Jovis Lycaei origo repeti debeat, quo simul et fabularum Arcadicarum fons cognoscatur. Haud levia quidem habemus hujus rei indicia in fabulis, quas de Jovis in Arcadia ortu nobis servavit Pausanias. In monte Lycaeo natum illum asserebant Arcades ibique a Nymphis Thisoa, Hagno et Neda educatum, et quo magis Cretenses Jovem sibi vindicantes erroris

a) Paus. VIII, 38, 2.

b) Paus. VIII, 3, 1.

c) Paus. II, 6, 2. IX, 5, 5.

d) Apollod. III, 5, 5.

e) Claud. Rapt. Proserp. 1, 283.

f) Paus. X, 6, 3, 4.

g) Apollodor. III, 10, 1.

convincerent, locum ubi natus fuisset, ostendebant, quae Cretea dicebatur^a). Hoc commentum nihil aliud docet praeterquam, quod opinio de Jovis in Creta natalibus antiquior fuit et in Graecia vulgatissima, alioquin minime opus fuisset, ut nominis similitudine certarent; unde et illud perspicuum est cultum ex Creta in Arcadiam fuisse propagatum. Neque alia fuit causa, cur inter nymphas, quas Tegeae insculptas arae Athenae se vidisse tradit Pausanias, nomen Idae, montis in Creta insula Jovis natalibus clari, confinxerint^b). Rheam et Oenoam insculptas ibi fuisse discimus Jovem parvulum tenentes, atque utrinque adstantes nymphas. Ab una parte fuit Glauce, Neda, Thisoa et Anthracia; ab altera Ida, Hagno, Alcinoe et Phrixa. Sunt qui quaerant an quid ex hisce nympharum nominibus ad naturam Jovis illustrandam erui possit, sed lubrica res est, tum ob difficillimam quorundam etymologiam, tum vero etiam, quod pleraque varias propter causas conficta esse videantur. Cujusmodi sunt, quae attulimus, Thisoae, Hagnus et Nedae nomina, quorum istud a Thisoa urbe vel pago Megalopolitano, illud a Hagno fonte, hoc a Neda flumine tractum fuisse probabile est. Ceterum Creuzerus, vir in hisce rebus scrutandis sagacissimus atque unus ex iis, qui plurimum mythologiae contulerunt, e Megalopolitanorum monumentis, a Pausania descriptis, aliquid colligi posse arbitratur. Erat Megalopoli juxta Cereris et Proserpinae aedem Herculis statua et ante eam mensa, in qua duae Horae stantes erant effictae, Pan fistula, Apollo cithara canens. In mensa illa Nymphae: Neda Jovem infantulum gremio ferens, Anthracia facem, Hagno manu altera hydriam, phialam altera, Anchirhoe et Myrtoessa hydrias effluente aqua praeferentes^c). Anthraciam Creuzerus ignem significare vult, Nedam et Hagno aquam lustralem. Haec ille; at si monumentum illud probe consideramus, invenientur fortasse, quae Virum Doctum effugere. Qui enim fieri poterat, ut Apollo, qui Jovis filius a plerisque veteribus theologis dicitur, Jovi recens nato cithara cecinerit? At plures Apollines memorantur, quorum duo non Jove nati, sed alter Vulcani filius, quem antiquissimum vocat Cicero, alter Corybantis, natus in Creta^d). Uter igitur horum Jove antiquior? An Vulcani? At Vulcanus ipse Jovis filius esse putabatur. Igitur Corybantis, cui certamen cum Jove fuisse de possessione insulae Cretae apud Ciceronem legimus. De hoc Apolline mihi quaerenti illud occurrit, unde fortasse Jovis Arcadii naturae, atque cultus ejus origini major lux affulserit, Quid, si quis Corybantis filium eundem esse Apollinem Ἀπόλλων τοῦ Κόρυβαντος et cum Magnae Matris cultu e Phrygia in Cretam ac deinde in Arcadiam venisse putet?

a) Paus. VIII, 38, 2.

b) Paus. VIII, 47, 3.

c) Paus. VII, 31, 4.

d) Cic. N. D. III, cap. 23. Cf. Tzetzes ad Hes. Opp., V. 1, p. 25. Ἀπόλλων τοῦ Κόρυβαντος.

§ 5. Haud enim parvi pendenda est illa insulae Cretae cum Phrygia conjunctio, quae vel inde emergit, quod Jovis cunabula alii in Phrygio, alii in Cretensi monte Ida collocavere, quodque Jovem parvulum a Corybantibus, Matris Idaeae, seu Cybeles, sacerdotibus educatum fabulati sunt. Quo etiam pertinent, quae de Minoe II, rege Cretensium traduntur, qui filius Lycasti et Idae Corybantis filiae dicitur^{a)}. Nec credendus Demetrius^{b)}, qui Rheam inter deas a Cretensibus cultas numerandam esse negat, alioquin nec Diodori testimonium, qui fundamenta templi Rheae antiquissimi in agro urbis Gnossi sua adhuc aetate extitisse narrat^{c)}, nec Apollinis a Corybante in Creta ortus ejusque cum Jove de insula certamen explicari possent. Jam ipse Corybas quomodo a Cybele separari queat non reperio, cum et filius esse hujus deae a Cicerone dicatur^{d)} et nomen suum traxisse illum a Corybantibus aperta res sit. Cum Cybele atque simul cum Creta et cum Arcadia arcte eum cohaerere aliunde etiam discimus. Deorum Samothracum mysteria, quae in honorem Rheae celebrata fuisse affirmat Diodorus^{e)} aliique^{f)}, et inter quae et Phrygia mysteria nullum fuisse discrimen docet Strabo^{g)}, cum a nonnullis a Corybante instituta esse tradantur^{h)}, ab aliis tum ex Arcadia, tum ex Creta in Phrygiam migrasse dicunturⁱ⁾. Ex his satis elucet jam antiquissimis temporibus Phrygias religiones in Cretam penetrasse. Quod si cogitamus, quanta inter Sabazium Phrygum Dionysumque Cretensium, Apollinem et Pana necessitudo intercesserit, quid ni credamus Pana Lycaeam, cui antiquitus communia cum Jove certamina Lycaea Lycaon instituisse fertur, et Apollinem Λύκειον eundem deum fuisse atque illius religionem multum ad Jovis Lycaeii vim naturamque attulisse momenti? Sed ne a summis labris haec venisse existimes, Panos naturam excutere proderit, quo colligas eum ab Apolline

a) Diod. IV, 62.

b) Demetr. apud Strab. p. 472.

c) Diod. V, 66.

d) N. D. ib. Cf. Serv. ad Aen. III, 111. Quidam Corybantas dictos putant ἀπὸ τῆς Κόρης, Corybas enim Proserpinâ, quae Κόρη dicitur, sine patre natus. Lobeck Corybantum nomen illic natum putat, ubi Corybation et Corybissa fuit, in Troade scil. quam religionum Phrygiarum propriam sedem fuisse dicit. Aglaoph. II, p. 1140.

e) Diod. V, 51.

f) Schol. Arist. p. 106. Strab. Exc. lib. VII, 24, p. 134. Lucian. D. Syr. VX, 97. Pherecydes, qui Corybantas cum Rhea Samothraciam venisse ait, Stesimbrotus ceterique, qui Dardanum sacra instituisse Samothraciae et in Phrygia volunt. Cf. Lobeck, Agl. p. 1225.

g) Strabo l. c.

h) Diodorus (l. c.) Harmoniam Jasonis sororem, cum Cadmo nupsisset, Magnae Matris Deum sacra a matre sua accepisse ait, dedisseque Corybanti, qui ea in Phrygiam attulit.

i) Dionys. A. R. 1, 68, Dardanum scribit cum fratre Jasione sororeque Harmonia, Palladio ex templo Palladis sumpto, ex Arcadia Samothraciam ad Cadmum regem venisse, atque in amicitiam ab eo receptum ad Teucrum in Troadem missum. Dardanum hunc alii Cretensem, alii ex Asia oriundum volunt. Serv. ad Virg. Aen. III, 161, Steph. Byz. s. v. Δάρδανος. De Jasione inter veteres Logographos non convenit, quandoquidem sunt, qui eum ex Arcadia, sunt vero etiam, qui ex Creta deducant. Cf. Paus. X, 28.

non differre, ejusque cultus origines perspicias. Et quidem ut ex Creta eum oriundum asseram, cogit me manifestum necessitudinis vinculum, quo ille cum Rhea Corybantibusque in mythologia copulatus est. Constat enim illum ad comitatum Magnae Deae, quemadmodum Corybantes, pertinuisse^{a)}. Hinc intelligitur, cur Rhea apparuisse dicatur Pindaro, qui Panos religionem in Boeotia propagavit^{b)}. Similis Arcadum opinio fuit, nisi quod illi Rheam cum Cerere confuderint, apud quos de Cereris Nigrae prope Phigaliam antro, praeter cetera memoratu digna, fama vulgatum erat, sese illuc Cererem olim abdidisse, atque diu latitasse, cumque homines fame laborarent, ceteris diis latebras deae ignorantibus, Pana inter venandum casu eam invenisse^{c)}. Eandem ob causam eum *μεγάλας θεοῦ χύνα παντοδαπὸν* apud superos vocari ait Pindarus^{d)}, unde statim ejus cum Apolline cognatio elucet, nam et Apollo *Κύννιος* Athenis cultus est (cujus sacerdotes Cynnidae vocabantur^{e)}, aliisque locis ut Corinthi^{f)} et in Temno^{g)}. Nec dubitari potest quin isthoc nominis Apollini adhaeserit ob illius cum Rhea conjunctionem, quatenus Corybantis filius esse credebatur. Age nunc ceteras utriusque dei vires proprietatesque videamus.

§ 6. Pan pastorum pecorisque deus fuit, hinc et *νόμιος* dictus, quemadmodum Apollinem quoque vocatum constat, cui et alia nomina ab eadem re desumpta adhaesere, ut *ποιρνιος*, *ἀρνοκόμης*, *μαλόεις*, *καρνείος*, *γαλάξιος*, *ναπαῖος*^{h)}. Commune item utrisque nomen fuit *ἀγραίου*, *venatoris*, quorum omnium fons in vita pastoricia est quaerendusⁱ⁾. Accedit, quod utrique vaticinandi periti esse censebantur, hinc et sua habuisse eos oracula notum est, et quidem Pana in Maenatio monte, prope urbem Acacesium, ubi priscis temporibus Erato nympham responsa reddidisse fama obtinuit^{k)}. Quod si meminerimus eodem nomine et Musam vocari cantuum, chorearumque praesidem, musarum autem ducem Apollinem fuisse (*μουσαγέτης*), nonne inde Panos et Apollinis elucebit cognatio? Pertinet huc, quod Pan disposuisse choreas dicitur, unde choragus deorum a Sophocle appellatur^{l)}, ipseque libenter indulsisse tum aliis, tum Gnessiis

a) Hartung o. c. II, p. 198. Duncker, *Gesch. d. Alt.* 1, p. 246.

b) Schol. Pyth. III, 137.

c) Paus. VIII, 42, 2.

d) Pind. *Fragm.* 71—74.

e) Hesych. Suid. *Etym. M.* Quam appellationem a canicula stella ductam arbitrantur, qua post solstitium aestivum exoriente, maximi calores fiunt.

f) Boeckh, *C. 1* № 1102.

g) Polyb. 32, 25, 12.

h) Cf. Welck. o. c. 1, 470.

i) Id quod ipsum nomen Panos significare videtur Hartungo, qui illud a *πάομαι favore, fovere, pascere* vult derivari (Hart. o. c. II, 196), nec parvum VV. DD. agmen est, qui idem jam ante eum senserint; sed nescio an verum videat Welckerus, cui Pan et *Φάων*, *Φάν* idem est. o. c. 1, 454.

k) Paus. VIII, 37, 11.

l) Soph. *Ajax*, 653.

choreis, quas Cretenses et Corybantias interpretatur Scholiastes Sophoclis^{a)}. Cantu quoque delectabatur ac in Maenatio monte fistula eum canentem saepius se audisse illius loci affirmabant accolae^{b)}, fistulaeque inventionem ei tribuebant Arcades, sicut Apollini citharae^{c)}. Hinc et vicus Μέλπεια in montibus Nomiis, a Panos pastionibus sic appellatis, id nominis duxisse dicitur ab eo, quod ibi fistulae modi primum a Pane inventi fuissent. Eandem ob causam testudines ad lyras compingendas accomodatissimae in saltu Parthenio, in Arcadia, Pani erant sacrae^{d)}.

§ 7. A manifestis transeamus nunc ad ea, quae licet paulo remotiora videantur, ejusmodi tamen sunt, ut ex iis aequae appareat Pana et Apollinem non disparis naturae ac proprietatis fuisse. Quo quidem pertinet Panos caprina species, qua a veteribus pingi eum solitum scimus. Pingebatur nempe cornuto capite, auribus stantibus, facie rubente, barba proluxa, inferiore corporis parte hirsuta, pedibusque caprinis, unde Ovidio semicaper vocatur^{e)}. Occurreret mihi hoc loco, non cadere ista in Apollinem, quem nusquam in hanc formam figuratum invenimus, at non ideo sequitur, ut ne in Arcadia quidem ille a priscis rudibusque pastoribus ita figuratus fuerit, praesertim cum ratio probabilis reperiri possit, cur illi in istam opinionem venerint. Probabile utique est ejus rei causam in ipso Apollinis cognomine Καρνείου, id est *Caprini* esse quaerendam, cujus cultus late per totam Graeciam propagatus atque antiquissimus fuit. Ab Aegidis (Caprariis) Thebis Amyclas illatum fuisse ac mox in Theram insulam Cyrenenque Pindari aetate advectum ab ipso edocemur^{f)}. In plerisque Laconicae et Messeniae civitatibus Apollinis Carnei templa, luci, statuae, festum κρνεΐα, unde et mensis καρνεῖος, memorantur a Pausania^{g)}. Argis quoque, Corinthi, Agrigenti, Syracusis, Tauromenii, Gelae, Nisyri et apud Sybaritas cultus vestigia deprehendimus^{h)}. Ideoque in nummis Elyri et Tylissi, in Creta, Apollo caput caprinum manu gestans effingitur, nec desunt nummi, qui eum currui a capris tracto insidentem exhibeantⁱ⁾. Eandem ob causam Κερεάτης (Cornutus) in Aegyptide (Capraria) terra, in Arcadia dicebatur, ubi ejus templum fuit prope Carnionis seu Caprini amnis fontes^{k)}. Τράγιον quoque eum in Naxo vocatum constat^{l)}, et Θόρναχα Laconibus, teste

a) Shol. ib.

b) Paus. VIII, 36, 8.

c) Paus. VIII, 38, 11.

d) Paus. VIII, 44, 7.

e) Ovid. Met. 14, 516.

f) Pind. Pyth. 5, 70—75.

g) Thuc. 5, 54; Paus. III, 24, 5, 8; III, 26, 3; IV, 31, 1; III, 26, 5; IV, 31, 2; IV, 33, 5. Cf. Wachsmuth. Hell. Alt. II, p. 171; Welck. o. c. 1, 470.

h) Cf. Welck. ib.

i) Rasche 4, 2, 1045, Welck. o. c. 1, 471.

k) Paus. VIII, 34, 5.

l) Steph. B. s. v. Τράγισα.

Hesychio, aut Θοράϊον, auctore Lycophrone^{a)}), praeterea Θοράτην Locris^{b)}), quod nomen Panos proprium fuisse scimus, qui et ipse Θοράτης et Αιγιάτης vocabatur, id est Inuus et salax ἀπό τοῦ συνουσιάζειν^{c)}), sive Ἄφροδισιαστῆς, nam θορεῖν est ὀχεῦσαι: θόρος, βάτης, ἀφροδισιαστῆς apud Scholiastam Lycophronis, ἐμβατεύων apud Hesychium. Hinc et ὁ Ἐφιάλτης (Incubus) ὁ αὐτὸς τῷ Πανί νενόμισται^{d)}). Ex quo intelligitur, cur in Panos delubro ignis perpetuus arserit^{e)}), nam et Apollini Carneo ignem perpetuum servatum fuisse Callimachus testis est^{f)}), sicut Apollini Lycio, cuius templum Argis a Danao conditum memorat Pausanias^{g)}), nec non Apollini Delphico^{h)}) et Ismenioⁱ⁾).

§ 8. His argumentis acquiescere possim, ni me ipsa materia invitet, ut de una adhuc Apollinis proprietate disseram, quae quin communis ei cum Pane fuerit, nullus dubito. Notum est Apollini apud Lycios praeter cetera fuisse cognomen Ἐρεθύμιος^{k)}), quod par est Graeco Rhodiorum Ἐρυθίβι^{l)}). ita dicto ab uredine seu robigine, quae Graecis ἐρυθίβη vel ἐρυσίβη, quod ille eam frugibus immittere crederetur. Id cognominis habuisse Apollinem Argis et in Cypro scimus^{m)}). Patet quidem hunc Ἐρυθίβιον nihil differre a Romanorum deo Robigo, sic dicto a satorum robigine, cui Numa sacra dicitur instituisse, sed, alucinor an verum video, cultus hic non tunc primum Romam advectus fuit, nec ad Numam est referendus, cui pleraque omnia ad religionem veterem pertinentia sine ullo delectu accepta referre soliti sunt Romani, verum a temporibus priscis repetendus, quibus Panos cultus ex Arcadia Romam penetraverat. Accidit nimirum hic, quod saepius factum apud veteres ethnicos constat, ut singulae unius dei proprietates progressu temporis seorsim, ceu totidem diversi dii, colerentur. Sic enim ex Pane Satyrus Silenusque Graecorum et Faunus et Sylvanus et Pales Romanorum nati sunt. Neque alia fortasse fuit causa, cur veteres Pana facie rubente pinxerint, nisi quod eum ἐρυθίβιον esse crediderint atque hac proprietate signare voluerint. Nihil enim moror, quod alii id ad ignem aetherium referant. Quid, quod Robigalibus aequae ac Lupercalibus cane Romani litavere, morbumque, obscoenae libidinis vitium, quam Graeci σατυρίασιν, *robiginem* appellavere?

a) 352.

b) Hesych.

c) Varro, R. R. II, 7. Plin. H. N., X, 63, 83.

d) Artem. II, 37.

e) Paus. VII, 37, 11.

f) Callim. Hymn. in Apoll. 82.

g) Paus. II, 19, 5.

h) Aesch. Choeph. 1033. Plut. N. 9.

i) Plin. XIV, 31, 8.

k) Hesych.

l) Strabo 13, 912.

m) Ptolem. Heph. 7.

§ 9. Accedunt quae de cultu Panos Lycaeï in Arcadia a Pausania aliisque relata accepimus. Ad antiquissimos Arcadum deos pertinebat oraculumque habebat et templum, ubi ignis ei perpetuus alebatur^{a)}. Haec quidem naturam ejus chthoniam et cum Apolline chthonio cognationem satis superque ostendunt^{b)}. Constat etenim nec oracula, ex opinione veterum, sine instinctu deorum inferorum fundi potuisse^{c)}, nec ignem nisi diis chthoniis dicatum fuisse^{d)}. Hinc intelligitur, cur a multis cum Osiride Aegyptiorum, qui Pluto a plerisque Graecorum vocatus est^{e)}, non secus quam Apollo, confusus fuerit, Mercuriique filius habitus. Unde viarum custos (ἐνὸδιος) vocabatur. Dementia quoque aliaque mala immittere eum credebant, ut nervorum distentiones, quae proinde Πανὸς βργή appellabantur. Hanc etiam ob causam saepius de eo sic locuti sunt, ut cum Hecate conjunxerint^{f)}. Quo pertinet, quod eum noctu cubantes insilire eosque praefocare credebant. Illud quoque non leve momentum in se habet, quod de Panos religione apud Romanos auctores tradidere, cujus cultus cum ex Arcadia originem duxisse dicatur, sacris quippe ab Evandro institutis, sequitur, ut multa retinuerit, quae priscis Arcadibus in hujus dei caerimoniis observata fuere. Quid, quod Lupercalibus canis immolabatur lustrandae urbis causa, ut tradit Plutarchus. Nam et Lupercalia celebrari dicit mense Februario, quem ita ab expiando seu expurgando vocatum esse, et ipsum diem appellari februatum^{g)}. At apud eundem legimus alio loco testimonium gravissimum, canem nisi diis inferis non immolari^{h)}, ex

a) Paus. VIII, 37, 11.

b) De Apollinis natura chthonia supra diximus.

c) Cf. Cic. Div. 1, 50. *Credo etiam anhelitus quosdam fuisse terrarum, quibus inflatae mentes oracula funderent.* Hinc prisca oracula in ditione et potestate telluris (γῆς) fuisse dicuntur, draconumque custodiae commissa esse credebantur, veluti Olympicum (Paus. V, 15, 8) et Delphicum (Paus. X, 5, 3) antequam illud Jovis, hoc autem Apollinis oraculum factum est. Sed et post Pythicum oraculum vocatur μαντιῶν χθόνιον. Eurip. Iph. T. v. 1249.

d) Ignem aeternum custoditum fuisse praeterea scimus in templis Vestae, Platonis uxoris, Vulcani, Cereris et Proserpinae (Paus. VIII, 9, 2), quos deos chthonios esse non ambigitur. Attamen Welckerus, qui Pana solem esse docet, inter alia argumenta et ignem ponit, nec sine causa Athenienses in festo Panos cursum cum facibus instituisse ait, ideoque in nummis juxta Panos effigiem facem inveniri, aut ipsum Pana facem manu tenentem effingi. Qui hoc dicit, necesse est recipiat, et memoratos a me deos et Hecaten et Furias, quae faces manu gestantes exprimuntur, ad deos superos pertinuisse. At nisi maxime fallor non haec symbolica vis ignis fuit, qui in mysteriis quoque et mortuorum exsequiis magicisque ritibus adhibebatur. Cum enim praeter ceteros ejus in vita humana usus is etiam maximus sit, ut ejus ope tenebrae discutiantur, facile subnata est illa significatio, ut ignis indicium esset deorum inferorum vel daemonum in tenebris degentium. Accessit illud quoque, quod de igne subterraneo in ejusmodi figmentis cogitarunt, unde intelligitur cur diis chthoniis ignem adjunxerint.

e) Diodor. 1, 25.

f) Cf. Eur. Hipp. 135. οὐ τ' ἄρ' ἐθέεις ἃ κόρα, εἶτ' ἐκ Πανὸς εἶτ' Ἐκάτας ἢ σεμνῶν Κορυβαίντων φοιτᾶς ἢ Ματρὸς ὄρελας. Artemidorus II, 34. Ἐκάτη καὶ Πάν καὶ Ἐπιόλης (Incubus).

g) Plut. Q. R. p. 280.

h) Cf. quae supra a me dicta sunt de canis symbolica significatione.

quo vis chthonia dei perspicitur. Nec dubitaverim hinc explicare vanos nocturnosque terrores (πανικούς), qui a Pane immitti credebantur. Qua de re Valerius Flaccus^{a)}:

Deus ancipitem lymphaverat urbem,
 Mygdoniae Pan iussa ferens saevissima Matris,
 Pan nemorum bellique potens, quem lucis ad horas
 Antra tenent: patet ad medias per devia noctes.
 Setigerum latus, et torvae coma sibila frontis:
 Vox omnes super una tubas, qua conus, et enses,
 Qua trepidis auriga rotis, nocturna que muris
 Claustra cadunt: talesque metus non Martia cassis,
 Eumenidumque comae, non tristis ab aethere Gorgon
 Sparserit, aut tantis aciem raptaverit umbris.
 Ludus et ille Deo, pavidum praesepibus aufert
 Cum pecus, et profugi sternunt dumeta juvencl.

Belli potens a poeta vocatur, quae vis Apollinis propria fuit, qui Homero λαοσόος^{b)} et θεῶν ὄριστος^{c)} dicitur et παῖν, quo nomine et hymnus, qui in victoria canebatur, dictus est.

§ 10. Si igitur inter nos de hoc convenit, Pana ab Apolline diversum deum non esse et cum Magnae Matris religione cohaerere, sequitur, ut de illo quoque conveniat eum et Apollinem Corybantis filium eundem esse atque ab Apolline Lycio non differre. Consentire in hoc Viri Docti vel inviti debent, alioquin quotusquisque est, qui expediat cum varias hujus dei proprietates, quae deum Asiaticum redolent^{d)}, tum ejusdem cum Cybele et cum Osiride conjunctionem, tum vero etiam de lupis fabulas, hominumque locorum et urbium in Arcadia vocabula, quae cum Λυκίου nomine sunt cognata? Vidimus passim supra Apollinem Lycium, ubicunque apparuerat, non sine luporum comitatu, ut hac imagine utar, sedes suas occupasse. Argivorum Delphorumque et Atheniensium, aliarumque urbium de lupis fabulas, luporum signa nummosque lupos exhibentes jam in prioribus retuli. His adjicere et illa ejusdem notae placet, quae nondum a me commemorata sunt. Urbem Lycoream prope Delphos, in Parnasso, nomen accepisse narrat Pausanias^{e)} a lupis, quorum ululatum incolae vetustissimae Delphorum urbis secuti sint, cum illam aquis submersam Deucalionis tempore reliquissent, novas sibi sedes quaesituri. Idem et aliam subjungit fabulam: Apollini ex Corycia nympa natum Lycorum, a quo urbem appellatam Lycoream, antro vero a Corycia nympa inditum nomen Co-

a) Val. Flac. 3, 46.

b) Hom. II. Ψ, 79.

c) Ib. T., 412.

d) Formam caprinam quin a Dionyso acceperit vix dubitandum, quem Ἰριφον vel εἰραφιώτην vocatum constat. Hinc et Bacchi socium et in ejus exercitu ducem fuisse narrat Polyaeus (Strat. 1, 2) atque inde Panicos terrores originem sumpsisse. Choreas quoque disponendi ars communis ei cum Dionyso fuit. Ceterum Dionysum cum Apolline maximam habere similitudinem, ita ut saepius confundantur, notum est. Vide infra.

e) Paus. X, 6, 2.

rycii; sacrum illud fuisse Pani et omnium maximum atque celeberrimum^{a)}. Obiter advertendum et hic Pana cum Apolline confundi, qui Lycoreus dicitur Callimacho^{b)}. Quod si meminerimus Delphis in maximo honore fuisse lupum, ut animal Apollini gratum, non erit dubitationi locus, quin ejusmodi fabularum nominumque fons in Apollinis Lycii cultu sit quaerendus. Similiter Sicyonii, apud quos Apollinis Λυκείου aedem vetustate jam collapsam memorat Pausanias, fabulam commenti sunt, quo originem hujus cognominis illustrarent. Lupos, narrabant, olim ovilia eorum infestasse adeo, ut nullus ex iis fructus percipi posset, Apollinemque tandem lignum indicasse, cujus cortice carnibus permisto, lupisque objecto, illos extemplo fuisse interemptos^{c)}. Nec profecto secus in Arcadia sese res habuit, ubi Apollinem Λύκειον sub Panos Λυκαίου persona latere exploratissimum mihi est. Quid, quod Apollo et ipse Λύκαος vocabatur in insula Chryse, ubi fons Λύκιος κρήνη^{d)}? Ex quo emergit horum nominum cognatio, quare fortasse recte Welckerus cognomentum Jovis, quod alii Λυκαῖος, scribit Λύκαος^{e)}. Ceterum non ante illud adhaesisse Jovi, quam cultus Apollinis in Arcadiam penetrasset, pro certo est statuendum. Simile quid Cyrenae etiam accidisse constat, quam urbem oraculi Delphici monitu a colonis ex insula Thera conditam in Libya scimus, ubi cum incolae praecipue Apollinem colerent, qui eorum Ἀρχαγέτας a Pindaro vocatur^{f)}, Jovis Lycaei collem memorat Herodotus^{g)}. Ad illam antiquissimam aetatem fabulas quoque Arcadicas de Jove Lycaeo, supra a me relatas, pertinere, res adeo clara est, ut non argumentis multis egeat, nec audaciore conjectura opus est, ut eas ex Apollinis cultu fluxisse demonstratur. Jam ipse Lycaon, qui Jovi sacra instituit, urbemque Lycosuram condidit, quomodo cum Apolline cohaereat, fabula de ejus ortu satis luculenter declarat. Quamquam enim de patre matreque ejus varii varie tradiderunt, ad Pelasgum originem ejus, ut plurimum, referentes, fuere tamen, qui eum Titani e Terrae filium fuisse dixerint^{h)}. Atqui Titanum pro Apolline accipiⁱ⁾, Terram autem eandem Rheam esse notum est. Ex quo cum cultus Jovis origo, tum ejusdem natura elucet. Quis enim est, qui non videat illam per Rheam Apollinemque Corybantis filium cum Creta cohaerere ac proinde opiniones mysticas cum Rheae cultu conjunctas multum ad illam valuisse. Eandem ob causam Lycaonis filius, ut jam ante observavimus,

a) Paus. X, 32, 2, 3.

b) Call. hymn. in Apoll. 19.

c) Paus. II, 9, 7.

d) Hesych. Schol. Soph. Phil. 146.

e) Welck. o. c. 1, 479.

f) Pind. Pyth. 5, 60.

g) Herod. 4, 203.

h) Lex. Forc. s. v. Lycaon.

i) Orph. hymn. XI, 1. Argonaut. 510. Orph. hymn. VII, 2.

vocatur Nyctimus sive Nocturnus isque Terrae precibus servatus fuisse dicitur. Hinc etiam de infante a Lycaone mactato, deque Jovis ira commentum natum est, quae e Cretensium, ut mox videbimus, fabula de Dionysio Zagreo mutuata simul declarant religionem novam, victimisque humanis sacrificandi morem e Creta venisse. An vero ex Jovis ira, qui Lycaonem fulmine percussisse dicitur, de contentione inter duos cultus veterem et novum statui oporteat, in medio relinquo. Certe simile quid in Creta accidisse ex Ciceronis testimonio, qui Apollini Corybantis filio certamen fuisse dicit de possessione insulae cum Jove, colligimus. Longinquitati temporum imputandum, quod nihil de illo certamine memoria exceptum sit, at illud constat a remotissimis usque temporibus Asiaticae et Aegyptiae superstitioni viam in Graeciam patuisse eamque non semel, sed creberrime in varias Graeciae regiones penetrasse, praesertim cum coloniae in maritimam oram Asiae a Graecis deductae, mutuaque commercia aperuissent aditum in Graeciam fabulis, mysteriis, ritibusque sacris, diisque peregrinis antea ignotis. Quae tamen de his rebus ab auctoribus antiquis prodita leguntur, adeo perplexa obscuraque sunt, ut nobis non nisi conjectura ire in occulta liceat et quidem saepius non cum fiducia inveniendi.

§ 11. De tempore itaque, quo cultus Apollinis in Creta propagatus sit, nihil certi habemus, videtur tamen ille ad ipsa Cretensium incunabula pertinere. Id quod ex fabula de Minoe rege Lycasti et Idae Corybantis filio, qui filiam solis et Perseidos, Aetiae et Circes sororem Pasiphaen uxorem duxisse dicitur^{a)}, nescio an colligi possit. Quorsum enim hoc figmentum nisi ad cultum spectat? Mecum facit et nota illa de Pasiphae fabula, quae tauri amore capta Minotaurum peperisse fertur, monstrum capite taurino reliqua parte humana, a Theseo in labyrintho Cretensi interfectum^{b)}. Cum enim dubitari nequeat, quin ejusmodi figmento signum tauri vel hominis capite taurino praediti, a Minoe in labyrintho positum, occasionem praebuerit, rursus in idem revolvor, ut dicam ad cultum Apollinis ista esse referenda. Boves certe cum Apolline in fabulis conjungi res nota est, quem Laomedontis et Admeti armenta pavisse scimus, quam ob causam et Nomii cognomentum ei adhaesit, si fides Callimacho^{c)}. Hinc in Patrensi urbe, ut scriptum est apud Pausaniam^{d)}, in Apollinis templo nudum visebatur adhuc illius aetate ex aere signum dei pedibus tantum calceatis, eorum altero bovis calvae insistentis. Idem narrat apud Alcaeam in hymno in Mercurium de bobus a Mercurio Apollini surreptis scriptum inveniri. De armentorum gregibus soli sacris, qui Gortynae pascebantur,

a) Apollod. III, 1, 3.

b) Serv. ad Aen. VI, 14.

c) Callim. in Apoll. 47. Hom. II. B. 448.

d) Paus. VII, 20, 3.

memorat Servius^a), de duodecim tauris candidis Theocritus^b). Nec praetereundi trecenti tauri candidi in insula Cea, quorum meminit Virgilius^c). Adde quod et Apollo Carneus et Sol taurina specie nonnumquam repraesentantur^d). Asiaticas has esse opiniones ab Aegyptiorum superstitione repetendas non est quod dubitemus, cum et Bel-Molochum Chananaeorum et Sabazium Phrygum et Zagream seu Dionysum Cretensium in tauri formam figurari solitos constet et apud Aegyptios Apis, bos Osiridi consecratus, numinis vice cultus fuerit. Dionysum a Graecis hac forma effingi testis est Plutarchus^e), eundemque a mulieribus in Elide invocari, adjecta precatione, ut bubulo gressu (βοεῖω ποδί) ad eas veniat, atque ab Argivis tauro genitum appellari^f). Accedit testimonium Macrobii^g), qui Bacchum a Neapolitanis forma taurina, capite vero humano, adoratum scribit, nec desunt nummi in Magna Graecia atque Sicilia reperti, qui ejus verbis fidem faciant. Confusos fuisse hos deos jam antiquissimis temporibus ex fabulis mysteriisque inter se collatis liquet. Notum est responsum oraculi Delphici apud Eusebium^h). Apollo nempe, cum ex eo quaereretur quis esset, respondit:

Ἥλιος, Ὀρος, Ὀσιρις, ἀναξ Διόνυσος, Ἀπόλλων
 ὠρῶν καὶ καιρῶν ταμίης, ἀνέμων τε καὶ θυβρῶν,
 ἡοῦς καὶ νυκτὸς πολυαστέροϋ ἡνία νωμῶν,
 ζαφλεγέων ἀστρῶν βασιλεὺς ἡδ' ἀθάνατον πῦρ.

Satin' tibi videtur Pythia αἰγυπτίζειν? Sed videamus fabulam de Dionysio Cretico a Firmico enarratamⁱ), quam ad propositum meum multum conducere arbitror. *Liber Jovis fuit filius regis Cretici; hic cum fuisset adullera matre progenitus, nutriebatur apud patrem studiosius, quam decebat. Uxor Jovis, cui Junoni fuit nomen, novercalis animi furore commota, ad necem infantis omnifariam parabat insidias. Proficiscens peregre pater, quia indignationes tacitas sentiebat uxoris, idoneis custodibus tutelam credidit filii. Tunc Juno opportunum insidiarum tempus nacta et ex hoc fortius inflammata, quia proficiscens pater et solium regni puero tradiderat et sceptrum, custodes primum muneribus corruptit, deinde satellites suos, qui Titanes voca-*

a) Ecl. VI. 60.

b) 11, 8.

c) Georg. 1, 14.

d) Cf. Welck. o. c. 1, 454.

e) De Iside et Osir. c. 35.

f) Quo pertinet et illud Nonni de dilaceratione Dionysi a Titanibus (Expos. in Gregor. Or. IV, 530): Καὶ ψυχῆς προμάχισεν ἕως. ζηλήμονι λαμψῷ Τρηγαλέον μύκημα δι' ἥρος ἔβρεμεν Ἥρη. Καὶ θρασὺς ἄλασε ταῦρος, ἀμοιβαῖοι δὲ φονῆς Ταυροφυῆ Διόνυσον ἐμιστυλλοντο μαχαίρη.

g) Sat. 1, 88.

h) Euseb. Pr. III, 15, 125. D.

i) Astronom. Aglaoph. 1, 570.

bantur, in interioribus regiae locat partibus et crepundiis ac speculo affabre facto animos ita pueriles allexit, ut desertis regis sedibus ad insidiarum locum duceretur. Hic interceptus trucidatur . . membra conscissa satellitum sibi dividit turba. Tunc — decocta pueri membra consumunt; cor divisum sibi soror servat, cui Minerva fuit nomen — Haec reverso Jovi ordinem facinoris exponit; tunc pater — Titanes necat; et quia dolor ex orbitate veniens nullis solatiis mitigabatur, imaginem ejus ex gypso plastico opere perfecit et cor, ex quo facinus sorore deferente delectum, in ea parte plastae collocant, qua pectoris fuerant lineamenta formata. Cretenses ut furentis tyranni saevitiam mitigarent, festos funebres dies statuunt et annum sacrum trieterica consecratione componunt, omnia per ordinem facientes, quae puer moriens aut fecit aut passus est, vivum laniant dentibus laurum et per secreta siloarum dissonis clamoribus ejulantes fingunt animi furentis insaniam. Praefertur cista, in qua cor soror abscondiderat; tibiarum cantu et cymbalorum tinnitu crepundia, quibus puer deceptus fuerat, mentiuntur. Ceteras fabulas huc spectantes vide apud Lobeckium, qui eas e sacris Phrygiis derivatas esse Clementis loco demonstrat^{a)}: Διώνυσον Μαινάλην ὀργιάζουσι Βάχχοι, ὠμοφαγία τὴν ἱερομανίαν ἀγοντες, καὶ τελίσκουσι τὰς κρεωνομίας τῶν φόνων ἐστεμμένοι τοῖς ὕφεσιν, ὀλολύζοντες Εὐάν — Δῆώ δὲ καὶ Κόρη δράμα τῆδε ἐγενέσθην μυστικόν, καὶ τὴν πλάνην καὶ τὴν ἀρπαγὴν αὐταῖν Ἑλευσις δαδουχεῖ — Ὅλοιτο οὖν ὁ τῆςδε ἀρξας τῆς ἀπάτης, εἴτε Δάρδανος ὁ Μητρὸς θεῶν καταδείξας τὰ μυστήρια, εἴτε Ἡετίων ὁ τὰ Σαμοθράκια ὄργια καὶ τελετὰς ὑποστησάμενος, εἴτε ὁ Φρύξ ἐκεῖνος ὁ Μίδας, ὁ παρὰ τοῦ Ὀδρύσου μαθὼν — Δηοῦς μυστήρια καὶ (pro quo Lobeckius legendum putat a)) Διὸς πρὸς μητέρα Δήμητρα ἀφροδίσιο συμπλοκαὶ καὶ μῆνης τῆς Δηοῦς, ἧς δὴ χάριν Βριμῶ προσαγορευθῆναι λέγεται — ἱετηρίαὶ Διὸς καὶ πόμα χολῆς καὶ καρδιουλικαί καὶ ἀρρητουργαί. Ταῦτα οἱ Φρύγες τελίσκουσιν Ἄττιδι καὶ Κυβέλῃ καὶ Κορύβτσι — Τεθρυλλήκασι δὲ, ὡς ἄρα ἀποσπάσας ὁ Ζεὺς τοῦ κριοῦ τοὺς διδύμους ἐν μέσοις ἔρριψε τοῖς κόλποις τῆς Δηοῦς, τιμωρίαν ψευδῆ τῆς βιαίας συμπλοκῆς ἐκτινύων, ὡς ἑαυτὸν δῆθεν ἐκτεμών. — Κύει μὲν ἡ Δημήτηρ, ἀνατρέφεται δὲ ἡ Κόρη, μίγνυται δ' αὐθις ὁ γεννήσας τῇ Φεβρέφαττῇ δράκων γενόμενος. Σαβαζίων γοῦν μυστηρίων σύμβολον ὁ διὰ κόλπου θεὸς δράκων δ' ἐστὶν οὗτος διελόχμενος τοῦ κόλπου τῶν τελουμένων. Κύει καὶ ἡ Φεβρέφαττα παῖδα ταυρόμορφον; ἀμέλει φησί τις ποιητῆς εἰδωλικός „Ταῦρος δράκοντος καὶ δράκων ταύρου πατήρ, ἐν ὄρει^{b)} τὸ κρύφιον βουκόλος τὸ κέντρον.“

§ 12. Ex quo colligimus fabulas istas cum Rheae seu Cyboles Sabazique superstitione in Cretam penetrasse, quibuscum si contulerimus fabulam de Minoe ejusque uxore Pasiphae supra relatam, atque in me-

a) ib. p. 587.

b) pro ἐν ὄρει τὸ Lobeckius proponit ἐνερπίδει.

moriam reduxerimus, quanta Apollini cum Corybantibus^{a)} fuerit necessitudo, non amplius ambigi poterit de cultus Apollinis in Creta antiquitate, simulque apparebit nec illum initio a cultu Dionysi diversum fuisse, nec temere ab eodem divellendum. Ut ita prorsus existimem cogunt me, quae de Apollinis natura chthonia in superioribus retuli, quae quin communis ei fuerit cum Dionyso chthonio nequaquam negari potest. Neque obstat, quod Elidenses in mysticis doctrinis id discriminis inter utrumque deum statuerint, ut Apollinem Solem esse in hemisphaerio diei, Dionysum autem in hemisphaerio noctis perhibuerint^{b)}, nam hoc manifesto senioris temporis commentum est, ab unius dei natura duplici profectum. Quandoquidem et Phryges credidisse constat Dionysum per hiemem somno sopitum aestate expergefieri, atque dei tum somnum, tum expergefactionem sacris orgiasticis celebrasse, et Paphlagonos affirmasse illum, tempore hiberno vitum et inclusum, veris adventu vinculis suis solvi^{c)}. Quid, quod Apollinem hunc chthonium *Αύκειον* fuisse certa indicia habemus? Succurrit nota de Lyco Pandionis filio fabula, qui Magnarum dearum mysteria Thebis, Athenis et Messenae ordinasse dicitur, Cabirorumque initia Thebis instituisse^{d)}. Hic Lycomedea quoque carmina, quae in hisce mysteriis canebantur composuisse videtur^{e)}, atque cum diu, imperio cum fratribus Aegeo, Niso et Pallante diviso, regnasset, ab Aegeo tandem expulsus, in Asiam ad Termilorum gentem fugit, eorumque regioni Lyciae nomen dedit^{f)}. De Termilis ex Herodoto notum est eos ex Creta cum Sarpedone Minois fratre in Milyorum regionem, quae postea Lycia dicta est venisse^{g)}. Hinc Lycios Cretensium consanguineos vocat Pausanias^{h)}. Accedit testimonium Diodori, qui Lycum hunc unum Telchinorum fuisse ait (at Telchini Cretici notissimi), eumque ante diluvium in Lycia sedes occupasse atque ibi templum Apollinis Lycii celeberrimum aedificasseⁱ⁾. An non aperte ista indi-

a) Corybantis filium a nonnullis vocatum esse supra vidimus. Alii contra Corybantes ipsos ab eo natos esse prodidere, ut Pherecydes: *ἔξ Ἀπόλλωνος καὶ Ῥυτίας Κυρύβαντας ἐνεία* (Fr. XXXI, 152). Quare et Scholiastes Lycophr. Curetes, quos cum Corybantibus confundi constat, filios Apollinis et Danaidis nymphae Creticae fuisse asserit (Schol. Lyc. 77). Quo pertinet glossa Gr. Lat. *Κούρητες οἱ περὶ τὸν Παυῖνα, indigetes, Corybantes* (Lobeck. Agl. II, 1116); tum locus Strabonis de Praeis, perhibentibus *ὡς εἶεν Κυρύβαντες δαίμονες τιτες, Ἀθηναῖς καὶ Ἥλιου παῖδες*. Strabo p. 202. Quibus adde Juliani verba (Or. V. 166). *Κορύβας ὁ μέγας ἕλιος ὁ σύνθερος τῆ Μητρὶ*.

b) Macr. Sat. 1, 18.

c) Plut. de Is. et Os. 69.

d) Paus. IV, 1, 2.

e) Paus. IV, 1, 7. Cf. Menander de Enc. II, 30.

f) Apollod. III, 15, 6. Herod. 1, 173. Paus. 1, 19. Strabo XII, p. 858, 983.

g) Herod. 1, 173. VII, 92.

h) Paus. VII, 3, 7.

i) Diod. V, 56. Senioris notae videtur esse fabula, quae antiquissimis temporibus in Argolide, ubi *Λυκίω* praecipuos honores fuisse scimus, circumferebatur, de Cyclopius Lyciis, quorum opera Proetus arcem Tirynthiam aedificavit, cum a fratre Acrisio expulsus,

cant tum Apollinis Lycii cum Cybeles religionibus conjunctionem tum ipsius cultus Creticam originem? Ceterum nolim praetermissum et illum ex fabula de Lyco Pandionis filio modo memorata involutum sensum extricari posse, ut varios cultus, qui eodem tempore Athenis viguere, nominibus ipsis denotari credamus. Certe non aliter intelligendam arbitror regni inter quatuor fratres Lycum, Aegeum, Nisum et Pallantem divisionem, nisi de religionibus Apollinis Lycii. Carnei (καρῶν τὴν αἶγα Κρηῖτες Hesych.) Dionysi (Νῆσα, Νῦσα, Cf. II. B. 508, Hyg. 131, 167, 179, Dionysi sedes, unde ipse Nyseus Metam. IV, 13) et Palladis accipiantur. De Lyco quidem constat illum Apollinis Lycii templum Athenis condidisse, quod postea Lyceum dictum est, juxta posita lupi effigie insignitum^{a)}. Monumentum vero Nisi sepulcrum visebatur adhuc Pausaniae tempore pone Lyceum, quae res de cultus Apollinis Lycii et Dionysi communione cogitare nos cogit, cum sciamus Delphis etiam juxta Apollinis templum Dionysi sepulcrum fuisse^{b)}.

§ 13. Quibus expositis, res postulat, ut ad Delphos paululum devertamus, quo Apollinis Lycii^{c)} cum Dionyso necessitudo demonstretur. Veterem fuisse apud Delphos Dionysi religionem credit ipsa antiquitas. Cujus rei argumentum ex solempni Pythiae precatione in Aeschyli Eumenidibus affert Lobeck^{d)}.

Βρόμιος δ' ἔχει τὸν χῶρον, οὐδ' ἀμνημονῶ,
Ἐξ οὔτε Βάχχαις ἔστρατήγησεν θεός.

Quin etiam fuere, qui Oraculum Delphicum ante Pythonem tenuisse Dionysum dixerint^{e)}. Mysteriorum quoque Bacchicorum, quae in Apollinis Delphici templo fieri solebant, haud spernendi testes extant^{f)}, a quibus comperimus, Thyiades dei mortem et in Orcum descensum, ejusdemque ad vitam reditum statis temporibus sacris caerimoniis celebrasse, id quod apud Phryges etiam et Cretenses usu venisse proditum. Ad caerimonias istas tauri quoque dilacerationem pertinuisse ex Cassandrae vaticinatione colligimus^{g)}:

ὦ ποτ' ἐν μυχοῖς
Δελφινίου παρ' ἀντρα κερδῶου θεοῦ
ταύρω κρυφίας χέρνιβος κατάρζεται.

Lyciorum regis Amphianactis auxilio, cujus filiam Antheam uxorem duxerat, in Argolidem revertisset. Paus. II, 25. Schol. Or. Eurip. 936. Idem statuendum de fabula de Oleno Lycio, quem Lycomediorum carminum auctorem fuisse quidam prodidere.

a) Paus. I, 19, 8.

b) Joan. Malela Chron. II, p. 17. Cedren. Comp. T. I, p. 24.

c) Apollinis Lycii apud Delphos cultum de lupis fabulae, quas in superioribus attuli, luporumque consecratio attestatur.

d) Agl. I, 617.

e) Arg. Pind. Pyth.

f) Cf. Lobeck. Agl. I, 618; Welck. o. c. 1, 430.

g) Lyc. v. 206. Agl. I, 618.

Hinc et quatuor menses hiberni Dionyso apud Delphos erant consecrati^{a)}. Adde, quod plerique fabulabantur Dionysum Delphis mortuum et sepultum fuisse sepulcrumque dei juxta Apollinem aureum visentibus ostendebatur^{b)}. Quin adeo communis Apollini et Dionyso apud Delphos vis naturaque putabatur, ut hos deos plane confunderent, Dionysumque Apollinis nomine indigetarent^{c)}, idquod et alias saepius factum esse scimus. Ita enim Rhodii Apollinem, Solem et Dionysum eosdem deos esse credebant^{d)} atque in eorum nummis Solem radiatum hedera coronatum videre est^{e)} quemadmodum in nummis Mytilenaeis Solem cum Dionyso invenimus. Non secus apud Elidenses Sol idem putabatur esse qui Dionysus^{f)}. Adjice nunc testimonium Macrobiani^{g)}, qui ut Apollinem et Liberum unum eundemque deum esse demonstrat, Aeschyli versum ascribit: Ὡ Κισσεὺς Ἀπολλῶνα Ἀβαῖος^{h)} ὁ μάντις, et Euripidis: Δέσποτα φιλόδαφνε Βάκχε, Παιδὴν Ἀπολλῶνα εὐλύρε, unde videmus singula unicuique deo propria cognomenta promiscue illis a poetis adjungi; nam Apollini per excellentiam laurus, Dionyso autem hedera sacra fuit. Neque haec tantum communia utrique deo fuere, sed et tripus, lyra, tibia, σὺριγγίς, cerva, serpens inter adjuncta eorum saepius inveniunturⁱ⁾. Quam horum deorum cognationem necessitudinemque monumenta etiam declarant. Quo pertinet pictura in cratero pulcherrimo, anno 1860, Panticapaei, in tumulo sepulchrali, reperto, a Cl. V. L. Stephani illustrata^{k)}, Apollinem et Dionysum exhibens junctis dextris juxta palmae arborem stantes, comitantibus Silenis et Thyiadibus vel Maenadibus. Ex umbilico et tripode, qui ibi cernuntur, manifestum est rem Delphis agi. Picturae sensum ita explicat Stephani, ut ad Paridem, qui in altero crateris latere expressus est, notam illam litem inter tres deas dirimentem, referat et sententiam ab eo latam ab utroque deo confirmari censeat. Aliiter L. Weniger^{l)}, qui pictorem fabulam de Apollinis ad Hyperboreos tempore hiberno discessu, deque ejusdem aestate reditu in animo habuisse vult, quae sententia magis arridet. Id certum esse videtur cultus utriusque dei communionem hac pictura significari. Idem indicant vasa, quorum ex altera parte Apollo, ex altera Dionysus, cum suo quisque comitatu picti

a) Plut de El 9.

b) Joan. Malela Chr. II, p. 17. Cedren. Comp. T. 1. p. 24.

c) Menander, Rhet. IX, p. 329. Δελφοὶ δὲ διπλῆ προσηγορίᾳ τιμῶσιν, Ἀπόλλωνα καὶ Διόνυσον λέγοντες.

d) Dio Rhod. p. 570.

e) Welck. o. c. 1, 411.

f) Etym. M. s. v. Διόνυσος.

g) Macr. S. 1, 18.

h) Ita legendum putat Lobeck pro Καβαῖος. Not. ac Ajac. p. 332.

i) Stephani. Отчетъ Имп. арх. комм. за 1866. г. p. 56.

k) In opere citato.

l) Archäologische Zeit. Jahrg. XXIV, № 211, p. 191. Berl. 1866.

cernuntur^{a)}. Id dicendum etiam de sculpturis, quibus duae frontes templi Delphici, ut tradit Pausanias^{b)}, erant ornatae, altera Apollinem, altera Dionysum cum suis comitibus exhibente. Sed de his hactenus; non enim pluribus argumentis res eget, ut Apollinis Lycii cum Dionysso necessitudo perspici possit.

§ 14. Nihil itaque mirum, si cum Apollinis religionibus antiquissimis, quas cum Panos Lycaei cultu in Arcadiam illatas fuisse supra docui, fabulis etiam de Dionysso in illam regionem apertus est introitus. Id quod revera accidisse perspicuum est ac ultro sese offert fabulam de Lycaone quamvis leviter examinantibus. Quid enim est aliud Lycaon, Titanis filius, qui Jovi apud se hospitanti infantis mactati exta apposuisse fingitur, nisi ipse Titan personata facie? Quid ejus filii, qui, ut alii narrant, cum cruentas epulas Jovi instruxissent, pro talibus ausis fulminibus Jovis enecti sunt, nisi Titanes, quos Dionysum discerpisse vidimus, membraque pueri decocta comedis, et ipsi fulminibus Jovis interempti. Ne illud quidem obscurum est, cur Lycaonis filii majoris natu fratris Maenali suasu tantum facinus perpetrasse dicantur, si cogitamus Maenalum a verbo *μαίνωμαι*, *furere* derivatum esse, unde *μαινώλης furibundus, furens*, quod Dionysi etiam cognomentum est, et *Μαινάδες*, mulieres Bacchi furore percitae orgiaque ejus celebrantes. Hinc et mons Maenalius in Arcadia, et urbs Maenalus, regioque Maenalia^{c)} cultum Dionysi in Arcadia late fuisse propagatum declarant. Quocirca et barbara illa sacra a Lycaone Jovi Lycaeo instituta ex eodem cultu pullulasse facile colligitur. Constat enim morem hominibus Dionysso litandi in plerisque Graeciae locis antiquitus obtinuisse. Sic in insula Chio, ubi Dionysso Crudivoro (*Ἐμμάδιος*, alias *Ἐμηστής*, *Ἐμοφάγος*) sacra homine fiebant, quem sacrificuli in partes discerpebant^{d)}, in memoriam Dionysi a Titanibus discerpti. Idem mos Lesbii fuit, ut docent Anticlides et Dosiadas^{e)}. Potniis item in Boeotia, ubi olim sacerdotem ipsum rem divinam Baccho facientem occisum fuisse narrat Pausanias, mox oraculi Delphici monitu puerum sacrificari solitum, ad postremum vero capellam^{f)}. Sed plus ad rem nostram faciunt quae de sacrificiis, quae in insula Tenedo fieri solebant, apud Aelianum scripta sunt^{g)}. *Τενέδοι δὲ τῶ πάλαι ἀν ἀρίστην Διονύσω ἔτρεφον χύουσαν βοῦν, τεκοῦσαν δὲ ἀρα αὐτὴν οἰαδήπου λεχῶ θεραπεύουσι· τὸ δὲ ἀρτιγενὲς βρέφος καταθύ-*

a) Stephani ib. p. 61.

b) Paus. X, 19, 4.

c) Paus. VIII, 36, 7 et 8. VIII, 3, 4. VIII, 36, 8. III, 2, 7. VI, 7, 9.

d) Porph. Abst. 2, 55. Eus. Pr. ev. IV, 16.

e) Clem. Protr. 3, p. 36. Porph. Abst. 2, 25. Cyrill. c. Tull. l. 4, p. 128. Cf. Welck. 1, 444.

f) Paus. IX, 8 2.

g) Ael. H. A. XII, 44.

ουσιν, ὑποδήσαντες κοθόρνους· ὄγε μὴν πατάξας αὐτὸ τῷ πελέκει λίθοις βάλ-
λεται τῇ ὀσίᾳ, καὶ ἔστε ἐπὶ τὴν θάλατταν φεύγει. Ex quo colligimus
fabulam de sacerdotum in lupos mutatione ex ritu sacro hic memorato,
sacerdotum scilicet sacra peragentium persecutione, cujus et alibi mentio
fit, profectam esse. Jam et monumentum illud Megalopolitanum, quod Jo-
vem recens natum Apollinemque citharā canentem repraesentare supra
vidimus, nescio an ex fabula de Dionyso-Zagreō lucem accipiat, quem
infantem Jupiter, ne Junonis circumiretur insidiis, Apollinis Corybantumque
custodiae tutelaeque commisit^a). Patet enim hic Jovem cum Dionyso
Arcades confudisse. Huc tandem referenda est vis ac proprietas Jovis
Lycaei, quam ad nubes cogendas Arcades pertinere crediderunt. Neque
enim dubitari potest, quin illa in Jovem derivata fuerit a Dionyso, qui
Ἵτης, Ἰεύς (Pluvius) saepius dicitur, nutricesque ejus Ἰάδες, et mater
Semele eademque Ἰία, quorum nominum ratio in Sabazii cultu quaerenda
est, quandoquidem et ipsum Pluvium dictum esse scimus^b).

§ 15. Cum igitur inter Jovem Lycaeam et Apollinem Lycium seu
Dionysum chthonium summae conjunctionis vinculum intercedat in Asia-
ticis religionibus quaerendum, illud datum mihi iri spero et nominis Λυ-
καίου rationem et fabularum de lupis originem et vim naturamque dei anti-
quissimam a cultu chthonio esse repetendas. Nec profecto quis rem secus
sese habere sibi persuaserit, si lupi symbolicam significationem, quam supra
illustravi, tenere fabulasque veterum altius excutere voluerit. Jam quan-
tum ad istas opiniones Aegyptiorum superstitio momentum attulerit, paucis
dicendum est, ut communis erroris fons cognosci possit. Aegyptiorum de
lupis commenta vidimus; restat ut eorum deum Osirin cum Dionyso Grae-
corum componamus, quibus utrisque communem vim fuisse colligitur in
tantum, ut alter ad formam similitudinemque alterius expressus esse vi-
deatur. De utriusque sane cum natalibus, tum vita, tum morte eadem
fere, si varia additamenta differentiasque ex locorum, temporum morumque
diversitate ortas, omittimus, fabulantur veteres. Ambo Jove nati esse di-
cuntur, plurimaque beneficia in genus humanum contulisse, cum et agro-
rum culturam et vitium serendarum rationem vinique usum mortales do-
cuissent. Uterque item, ut homines ab agresti vita ad cultum humaniorem
deduceret, collecto exercitu, varias peragravit terras easque debellavit.
Uterque tandem eodem modo e vita excessit, nam Osiris a Typhone
dilanatus, Dionysus a Titanibus discerptus periisse fertur. De Dionysi
taurina specie, Osiridisque symbolo tauro in superioribus dictum est. Sed
magis etiam horum deorum elucet similitudo ex utriusque vi ac potestate,

a) Proculus Alcib. p. 83. Idem in Theolog. V. 35; 322.

b) Lobeck Agl. 1, 647. II, 1046.

quam ad solem annique vices pertinuisse constat^{a)}. Quemadmodum enim Aegyptii Osiridis morte extinctam solis vim rerumque naturam emortuam significabant atque in mysteriis lugentes corpus dei quaerebant, quo invento solis conversionem (Copernici pace istoc verbo uti liceat) ac velut ad vitam reditum exprimerent, ita et Graeci, cum Dionysum a Titanibus laceratum fingerent ejusque in Orcum ἀναγωγήν et ἀνάκλησιν celebrarent^{b)}, ad solem ista referebant. Nam Phryges etiam eodem sensu Dionysum per hiemem somno sopitum aestate expergefieri ajebant, ut a me supra dictum est. Hinc et illa utriusque dei vis explicanda, quae iis chthoniorum deorum notam proprietatemque impressit. Facile enim factum est, ut homines agrestes mortis, quae in rerum natura observatur, similitudinem cum humana morte secuti ista proprietate deos hos signaverint. Quae fuit causa, cur Osiris in inferis regnare atque mortuorum umbras judicare crederetur, non secus ac Dionysus, qui Χθόνιος et Ἴσοδαίτης a veteribus appellatus est, quod nomen Plutonem significare ait Plutarchus, vel, ut in Anecdosis Bekkeri legimus, solem unicuique aequaliter mortem distribuentem. Hinc lucem accipere puto versum oraculi, supra a me citatum, quo Apollinis responsum quibusdam de ejus potestate sciscitantibus editum continetur:

Ἥλιος, Ὀρος, Ὀσιρις, ἀναξ Διόνυσος, Ἀπόλλων
 ὠρῶν καὶ καιρῶν ταμίης, ἀνέμων τε καὶ ὄμβρων,
 ἡοῦς καὶ νυκτὸς πολυαστέρος ἠνία νωμῶν,
 ζαφλεγέων ἀστρων βασιλεὺς ἢ δ' ἀθάνατον πῦρ.

His finitima sunt, quae apud Martianum Capellam leguntur^{c)}:

Solem te Latium vocat
 Te Serapim Nilus, Memphis veneratur Osirin,
 Dissona sacra Mitram, Ditemque ferumque Typhonem
 Atys pulcher item, curvi et puer almus aratri,
 Ammon et arentis Libyes et Byblius Adon.

Nec obscura indicia sunt tum de inferis fabulas, tum mysteria Cereris Liberique, quos inferorum deos esse Graeci crediderunt^{d)}, originem ab Aegyptiis traxisse. Quo quidem pertinet testimonium Diodori^{e)}: Ὀρφέα φασὶ τῶν μυστικῶν τελετῶν τὰ πλείστα καὶ τὰ περὶ τὴν ἑαυτοῦ πλάνην ὀργιζόμενα, καὶ τὴν τῶν ἐν ἅδου μυθοποιῆσαν ἀπενέγκασθαι. Τὴν μὲν γὰρ Ὀσίριδος τελετὴν τῇ Διονύσου τὴν αὐτὴν εἶναι, τὴν δὲ τῆς Ἴσιδος τῇ τῆς Δήμητρος ὁμοιοτάτην ὑπάρχειν, τῶν ὀνομάτων μόνον ἐνηλλαγμένων· τὰς δὲ τῶν ἀσεβῶν ἐν ἅδου τιμωρίας, καὶ τοὺς τῶν εὐσεβῶν λειμῶνας καὶ τὰς παρὰ τοῖς

a) Cf. Creuzer Symbolik. Hefter die Religion der Gr. und Röm. Brandenb. 1848.

b) Plut. Qu. Rom. XII, 383. Cf. Hymn. Orph. in Semelen XL, IV.

c) Lib. II, p. 43.

d) Artemidor. II, 35. Cf. Lobeck Agl. 1, 241.

e) Diod. 1, 96.

πολλοὺς εἰδωλοποιίας ἀναπεπλασμένας παρεισαγαγεῖν, μιμησάμενον τὰ περι τὰς ταφάς, τὰς κατ' Αἴγυπτον. Τὸν μὲν γὰρ ψυχοπομπὸν Ἑρμῆν κατὰ τὸ παλαιὸν νόμιμον παρ' Αἴγυπτίους, ἀναγαγόντα τοῦ Ἄπιδος τὸ σῶμα μέχρι τινός, παραδίδοναι τῷ περικεμένῳ τὴν τοῦ Κερβέρου προτομήν^{a)}). Et alio loco^{b)} ubi ex Aegyptiorum sacerdotum opinione de phalli apud Graecos culta tradit: τοὺς Ἕλληνας (φασί), ἐξ Αἰγύπτου παρεληφότας τὰ περι τοὺς ὀργασμοὺς καὶ τὰς Διονυσιακὰς ἑορτάς, τιμᾶν τοῦτο τὸ μῦθον ἐν τε τοῖς μυστηρίοις καὶ ταῖς τοῦ θεοῦ τούτου τελεταῖς τε καὶ θυσίαις. Idem colligimus ex Eusebio^{c)}: φασὶ πρῶτον Ὀρφέα μεταστησάμενον τὰ παρ' Αἰγυπτίων Ἕλλησι παραδοῦναι μυστήρια. Fidem facere his possunt monumenta Graecorum prisca, quorum meminit Pausanias. Narrat is de signo ligneo antiquissimo apud Argivos, in templo Apollinis Lycii celeberrimo, a Danao Aegyptio olim dedicato, additque in Graecia temporibus priscis signa omnia e ligno fuisse, praesertim vero ab Aegyptiis fabricata^{d)}). Apud eundem legimus Megaris, in Apollinis aede, quae ab Adriano fuit restituta, Apollinis Pythii et Decumani simulacra ad Aegyptiorum signorum similitudinem fuisse elaborata^{e)}). Idem in Herculis templo apud Erythraeos, ob vetustatem suam spectando, signum dei memorat, quod neque cum Aegineticis, neque cum Atticis antiquissimis similitudinem habere censet, sed si ullum aliud, prorsus Aegyptium esse ait^{f)}). Accedit Apollinis Pythii in Samo insula simulacrum, cujus dimidiam partem in longitudinem Telecles Samius in patria sua, dimidiam alteram Theodorus Ephesi fabricasse dicitur, uterque Aegyptiorum artem imitatus, partium proportione servata in tantum, ut altera alteri appositae atque adaptatae mirum in modum inter se congruerent, atque ab uno artifice factae esse viderentur. Simulacrum illud exemplo institutoque Aegyptiorum exporrectis manibus cruribusque divaricatis illos fecisse Diodorus auctor est^{g)}): Τὸ δ' ἐν τῇ Σάμῳ ξόανον, συμφώνως τῇ τῶν Αἰγυπτίων φιλοτεχνία, κατὰ τὴν κορυφὴν διχοτομούμενον, διορίζειν τοῦ ζώου τὸ μέσον μέχρι τῶν αἰδοίων, ἰσάζον ὁμοίως ἑαυτῷ πάντοθεν εἶναι δ' αὐτὸ λέγουσι κατὰ τὸ πλεῖστον παρεμφερές τοῖς Αἰγυπτίοις, ὡς ἂν τὰς μὲν χεῖρας ἔχον παρατεταμένας, τὰ δὲ σκέλη διαβεβηκότα. Obiter advertendum Apollinis Lycii et Pythii, quem eundem Lycium fuisse

a) Cf. Diod. 1, 22.

b) Diod. 1, 23.

c) Euseb. Praep. Ev. 1, 6, 17.

d) Paus. II, 19 3. Ἀργείοις δὲ τῶν ἐν τῇ πόλει τὸ ἐπιφανέστατον ἐστὶν Ἀπόλλωνος ἱερὸν Λυκείου. Τὸ μὲν οὖν ἄγαλμα τὸ ἐφ' ἡμῶν Ἀττάλου ποίημα ἦν Ἀθηναίου, τὸ δὲ ἐξ ἀρχῆς Δαναοῦ καὶ ὁ ναὸς καὶ τὸ ξόανον ἀνάθημα ἦν. ξόανα γὰρ δὴ τότε εἶναι κείθωμαι πάντα, καὶ μάλιστα τὰ Αἰγύπτου α.

e) Paus. 1, 42, 5.

f) Paus. VII, 5, 5. Τὸ δὲ ἄγαλμα οὔτε τοῖς καλουμένοις Αἰγυπτίοις οὔτε τῶν Ἀττικῶν τοῖς ἀρχαιοτάτοις ἴμπερὲς, εἰ δὲ τι καὶ ἄλλο ἀκριβοῦς ἐστὶν Αἰγύπτου.

g) Diod. 1, 98.

in superioribus docui, simulacra hic memorari, unde horum deorum cum Aegypto conjunctio elucet. Quae cum ita sint, non amplius dubitandum esse arbitror nec de symbolica luporum significatione, quos in fabulis monumentisque Aegyptiorum sepulcratibus reperiri vidimus, nec de cognomento Jovi, Apollini et Pani indito, quorum religiones arctissime inter se atque cum Dionysi et Osiridis cultu conjunctas esse satis mihi demonstrasse videor. Atque hoc propositum meum fuit, quod quomodo executus sim, Viri Docti sine offensa et sine gratia judicent.

Исслѣдованіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ.

§ 1.

Въ теоріи наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ интеграловъ, за окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ отысканіи тѣхъ дифференціальныхъ уравненій, которыя, происходя отъ приравниванія нулю первой варіаціи опредѣленнаго интеграла, служатъ къ опредѣленію неизвѣстныхъ функцій, обращающихъ интегралъ въ максимумъ или минимумъ, — слѣдовалъ вопросъ объ отысканіи тѣхъ условий, при которыхъ вторая варіація опредѣленнаго интеграла будетъ положительною въ случаѣ минимумъ и отрицательною въ случаѣ максимумъ. Лежандръ — первый занимался этимъ вопросомъ *) и предложилъ свой способъ для простыхъ интеграловъ. Но способъ Лежандра, кромѣ рѣшенія тѣхъ дифференціальныхъ уравненій, которыя служатъ къ опредѣленію неизвѣстныхъ функцій, обращающихъ интегралъ въ максимумъ или минимумъ, требуетъ рѣшенія еще новыхъ дифференціальныхъ уравненій, и притомъ не линейныхъ. Отысканіе рѣшенія этихъ дифференціальныхъ уравненій, чрезъ приведеніе ихъ къ линейнымъ, привело Кёнигсбергскаго Геометра Якоби, къ открытію способа, который былъ обнародованъ самимъ Якоби въ 1837 году въ XVII томѣ математическаго журнала Креля — безъ доказательства и который служитъ къ различенію максимумъ и минимумъ простыхъ интеграловъ въ томъ только случаѣ, когда подынтегральная функція содержитъ одну только неизвѣстную функцію, обращающую интегралъ въ максимумъ или минимумъ. Найденное нашимъ математикомъ Соколовымъ въ томъ-же 1837 году, доказательство способа Якоби послужило предметомъ его диссертации, защищенной имъ въ 1839 году въ Ст.-Петербургскомъ университетѣ на степень доктора математическихъ наукъ,

*) Legendre. Sur la manière de distinguer les maxima des minima dans le calcul des variations. Mémoire de l'Académie des sciences 1786, p. 7.

но въ печати доказательство Соколова появилось только въ 1842 году, въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ вариационному исчисленію*. Въ 1841 году Бертранъ въ 28 тетради журнала Политехнической школы, Делоне и Лебекъ, въ VI томѣ математическаго журнала Лиувилля, а послѣ и другіе доказали способъ Якоби, ограничиваясь случаемъ одной только неизвѣстной функціи, т. е. тѣмъ случаемъ, къ которому собственно и относится способъ Якоби.

Распространеніе способа Якоби на самый общій случай простыхъ интеграловъ, т. е. когда подынтегральная функція простаго интеграла содержитъ въ себѣ, не только порядокъ производныхъ неизвѣстныхъ функцій — какой угодно, но и число этихъ послѣднихъ также произвольное, — сдѣлано въ первый разъ нашимъ математикомъ Соколовымъ въ томъ-же самомъ его сочиненіи, которое было нами вышеупомянуто; до 1842 года не было ни одного сочиненія, трактовавшаго о распространеніи способа Якоби на общій случай простыхъ интеграловъ.

Послѣ того, какъ способъ Якоби былъ доказанъ для простыхъ интеграловъ въ общемъ видѣ, — для окончательнаго рѣшенія вопроса объ отысканіи условій, при которыхъ вторая вариация опредѣленнаго интеграла будетъ положительною въ случаѣ *минимум* и отрицательною въ случаѣ *максимум*, — оставалось только рѣшить такой вопросъ: распространяется ли способъ Якоби и на многократные интегралы и какими образомъ? Въ своемъ разсужденіи: объ условіяхъ, служащихъ къ отысканію и различенію *максимум* и *минимум* двойныхъ интеграловъ, мы сдѣлали распространеніе способа Якоби на двойной интегралъ, подынтегральная функція котораго содержитъ одну только неизвѣстную функцію и ея частныя производныя — только перваго порядка.

Предметъ предлагаемаго теперь разсужденія состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ способъ Якоби распространяется на многократный интегралъ, въ подынтегральную функцію котораго входятъ только перваго порядка частныя производныя неизвѣстныхъ функцій, число-же этихъ послѣднихъ — совершенно произвольное.

Пусть

$$W = \int V dx_1 \dots dx_i$$

будетъ такой опредѣленный многократный интегралъ, который распространяется на всѣ значенія переменныхъ независимыхъ $x_1, x_2 \dots x_i$, удовлетворяющія неравенству:

$$L < 0$$

гдѣ L есть данная функція отъ $x_1, x_2 \dots x_i$.

Если предѣлы интеграла W означимъ: верхніе чрезъ $x_1'' x_2'' \dots x_1'$ и нижніе чрезъ $x_1' x_2' \dots x_1'$ то можемъ сказать, что эти предѣльные значенія $x_1'' x_2'' \dots x_1''$ и $x_1' \dots x_1'$, найдутся изъ уравненія:

$$L = 0.$$

Кромѣ того, если интегрированіе совершается сперва по x_1 потомъ по $x_2 \dots$ и т. д., по $x_1'' x_1'$ будутъ функціи отъ $x_2 \dots x_1$, $x_2'' x_2'$ — будутъ функціи отъ $x_3 \dots x_1$ и т. д. Подъинтегральная функція

$$(2) V = f(x_1, y_s, p_{s,i})$$

содержитъ въ себѣ какъ переменныя независимыя $x_1 x_2 \dots x_1$, такъ ихъ функціи $y_1 y_2 \dots y_s$ и частныя производныя сихъ послѣднихъ — только перваго порядка по каждой изъ переменныхъ независимыхъ $x_1 x_2 \dots x_1$

$$(3) p_{s,i} = \frac{dy_s}{dx_i}$$

Но прежде, нежели приступимъ къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса: разпространить способъ Якоби на многократный интеграль W , мы выведемъ вариацию δW и тѣ уравненія, которыя, происходя отъ приравниванія δW нулю, будутъ намъ нужны для нашего вопроса.

Какъ наибольшее, такъ и наименьшее значеніе опредѣленнаго многократнаго интеграла W между его данными предѣлами, опредѣляется функціями $y_1 y_2 \dots y_s$; каждамы значеніямъ $y_1 \dots y_s$ — будетъ отвѣчать соотвѣтствующее имъ значеніе интеграла W , такъ что вопросъ о maximum и minimum интеграла W , между его данными предѣлами, можетъ быть выраженъ такъ: найти такія $y_1 y_2 \dots y_s$, при которыхъ интеграль W имѣлъ-бы maximum или minimum между его данными предѣлами?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, возьмемъ другой интеграль

$$W_t = \int V_t dx_1 dx_2 \dots dx_1$$

котораго предѣлы тѣ-же самыя, какъ и предѣлы интеграла W . Подъинтегральная функція V_t относительно $x_1 x_2 \dots x_1$, ихъ функцій $Y_1 Y_2 \dots Y_s$ и частныхъ производныхъ этихъ послѣднихъ по $x_1 x_2 \dots x_1$ имѣетъ точно такой-же составъ, какъ и подъинтегральная функція V относительно $x_1 x_2 \dots x_1$, ихъ функцій $y_1 y_2 \dots y_s$ и частныхъ производныхъ этихъ послѣднихъ по $x_1 x_2 \dots x_1$. Переменныя зависимыя $Y_1 Y_2 \dots Y_s$ суть совершенно произвольныя функціи отъ $x_1 x_2 \dots x_1$ и произвольнаго постояннаго t — такія, что при $t = t_0$ непрерывны и дѣлаются соотвѣтственно равными $y_1 y_2 \dots y_s$, тѣмъ самымъ, которыя обращаютъ интеграль W въ maximum или minimum.

Сообразно съ сказаннымъ свойствомъ интеграла W_t , онъ можетъ быть рассматриваемъ, какъ функція отъ t , и всѣ значенія W_t , при различныхъ величинахъ произвольной постоянной t , исчерпываютъ всѣ значенія, которыя будетъ принимать данный интегралъ W , когда въ него вѣсто y_1, y_2, \dots, y_n , будемъ подставлять различныя функціи отъ x_1, x_2, \dots, x_n ; — такимъ образомъ вопросъ о наибольшемъ и наименьшемъ значеніяхъ интеграла W равнозначущъ съ слѣдующимъ: найти такое t , при которомъ W_t , какъ функція отъ t , имѣла-бы maximum или minimum? Пусть t_0 — будетъ искомое значеніе t ; это значитъ, что при $t = t_0$ функціи Y_1, Y_2, \dots, Y_n , обращающіяся въ y_1, y_2, \dots, y_n , — такія функціи отъ x_1, x_2, \dots, x_n , которыя дають интегралу W maximum или minimum. Но чтобы W_t при $t = t_0$ имѣла-бы maximum или minimum, какъ известно изъ дифференціального исчисления, необходимо, чтобы первая производная W_t по t равнялась-бы нулю; а вторая производная W_t по t , при томъ-же t_0 значеніи t сохраняла-бы одинъ и тотъ-же знакъ, который и послужитъ къ различенію maximum и minimum интеграла W . Принимая во вниманіе все сказанное и имѣя въ виду опредѣленіе варіаціи по способу Эйлера, заключаемъ, что функціи y_1, y_2, \dots, y_n , обращающія интегралъ W въ maximum или minimum, найдутся изъ уравненія $\delta W = 0$, а знакъ $\delta^2 W$ послужитъ къ различенію maximum и minimum интеграла W .

Варіація δW , по способу Эйлера, получится весьма просто; — стоитъ только взять производную W_t по t

$$\frac{dW_t}{dt} = \int \frac{dV_t}{dt} dx_1 \dots dx_n$$

и въ этой производной положить t равнымъ t_0 ; тогда при $t = t_0$

$$\frac{dW_t}{dt} = \delta W, V_t = V, \frac{dV_t}{dt} = \delta V.$$

Варіація δV состоитъ изъ двухъ частей. Обѣ эти части происходятъ: — первая отъ приращенія ω_s , — усѣченной варіаціи y_s , вторая отъ приращенія $\frac{d\omega_s}{dx_1}$. Усѣченная варіація ω_s — по способу Эйлера, получится, если возьмемъ производную Y_s по t и положимъ въ этой производной $\frac{dY_s}{dt}$ произвольную постоянную t равную t_0 .

Первая часть δV равна $\sum_s N_s \omega_s$, гдѣ

$$(4) N_s = \frac{dV}{dy_s}$$

Вторая часть δV равна $\sum_s \sum_i P_{s,i} \frac{d\omega_s}{dx_i}$ гдѣ

$$(5) P_{s,i} = \frac{dV}{dp_{s,i}}$$

Такимъ образомъ

$$\delta V = \sum_s N_s \omega_s + \sum_s \sum_i P_{s,i} \frac{d\omega_s}{dx_i}$$

Вторая часть послѣдняго равенства обыкновенно обозначается чрезъ Ω_1 , — и мы введемъ это обозначеніе, какъ болѣе удобное; обозначимъ δV чрезъ Ω_1 , тогда

$$(6) \delta W = \int \Omega_1 dx_1 \dots dx_i$$

а

$$(7) \Omega_1 = \sum_s N_s \omega_s + \sum_s \sum_i P_{s,i} \frac{d\omega_s}{dx_i}$$

Выраженіе Ω_1 можетъ быть представлено такъ:

$$\Omega_1 = \sum_s \sum_i \frac{d(P_{s,i} \omega_s)}{dx_i} + \sum_s \left(N_s - \sum_i \frac{dP_{s,i}}{dx_i} \right) \omega_s \quad (8)$$

Сообразно съ этимъ

$$\begin{aligned} \delta W = & \int \left[\sum_s \sum_i \frac{d(P_{s,i} \omega_s)}{dx_i} \right] dx_1 \dots dx_i + \\ & + \int \left[\sum_s \left(N_s - \sum_i \frac{dP_{s,i}}{dx_i} \right) \omega_s \right] dx_1 \dots dx_i \end{aligned} \quad (9)$$

Выведемъ теперь уравненія, вытекающія изъ приравниванія нулю двухъ интеграловъ второй части послѣдняго равенства.

Такъ какъ второй i - кратный интегралъ не можетъ быть сведень на $(i-1)^n$, и такъ какъ подъинтегральная функція этого втораго интеграла содержитъ въ себѣ произвольнаго множителя ω_s , то коэффициентъ при каждомъ ω_s долженъ быть равенъ нулю; въ слѣдствіе чего мы будемъ имѣть слѣдующія 3 уравненій

$$N_1 - \sum_i \frac{dP_{1,i}}{dx_i} = 0 \quad N_2 - \sum_i \frac{dP_{2,i}}{dx_i} = 0 \quad \dots \quad N_s - \sum_i \frac{dP_{s,i}}{dx_i} = 0 \quad (10)$$

которыя распространяются на всѣ такія-же значенія x_1, x_2, \dots, x_i , какъ и интегралъ W . Эти уравненія (10) суть дифференціальныя уравненія въ частныхъ производныхъ 2-го порядка, а потому каждая изъ функцій y_1, y_2, \dots, y_s , удовлетворяющихъ уравненіямъ (10) содержитъ въ себѣ, говоря вообще, 2s произвольныхъ функцій $\xi_1, \xi_2, \dots, \xi_{2s}$.

Преобразуемъ первый i — кратный интегралъ второй части равенства (9) въ $(i-1)^a$ посредствомъ той формулы нашего академика Остроградскаго, которая въ его мемуарѣ: *sur le calcul des variations des integrales multiples **), находится на страницѣ 17 подъ литерою (C). Для удобства въ письмѣ воспользуемся знакомъ подстановки I , который предложенъ французскимъ математикомъ Коши **). Этотъ знакъ подстановки I ставится впереди функціи, къ нему приписывается на подобіе предѣловъ $I^{x''}$ то частное значеніе x'' , которое должна принимать переменная x . Тотъ-же знакъ $I^{x'}$ съ двумя предѣлами, нисшимъ x' и высшимъ x'' выражаетъ разность двухъ послѣдовательныхъ подстановокъ $x = x'$ и $x = x''$ въ той функціи, при которой стоитъ знакъ $I^{x'}$.

Замѣняя въ сейчасъ упомянутой нами формулѣ Остроградскаго переменныя независимыя x, y, z, \dots соответственно на x_1, x_2, \dots, x_i и подставляя вмѣсто функцій P, Q, R — соответственно $P_{1,1}, P_{1,2}, P_{1,3}, \dots$ и замѣчая, что на основаніи даннаго условія относительно предѣльныхъ

значеній $x_1'' x_2'' \dots x_i''$, $x_1' x_2' \dots x_i'$ — количество $\frac{dL}{dx_1} / \sqrt{\left(\frac{dL}{dx_1}\right)^2}$

есть величина положительная для $x_1 = x_1''$ и величина отрицательная для $x_1 = x_1'$, мы получимъ, что, преобразованный нами по формулѣ Остроградскаго, первый i кратный интегралъ второй части равенства (9), помощію знака подстановки $I^{x''}$, представится такъ:

$$\int \left[\sum_i \sum_i \frac{d(P_{1,i} \omega_i)}{dx_i} \right] dx_1 dx_2 \dots dx_i = \int \left[\sum_i \frac{I^{x_1''}}{I^{x_1'}} \sum_i P_{1,i} \frac{\frac{dL}{dx_1}}{\frac{dL}{dx_1}} \omega_i \right] dx_2 \dots dx_i$$

Приравнивая нулю коэффициентъ при каждомъ ω_i въ подынтегральной функціи интеграла второй части послѣдняго равенства, получимъ предѣльныя уравненія:

$$\frac{I^{x_1''}}{\left(\sum_i P_{1,i} \frac{\frac{dL}{dx_1}}{\frac{dL}{dx_1}} \right)} = 0 \dots \dots \dots \frac{I^{x_1''}}{\left(\sum_i P_{1,i} \frac{\frac{dL}{dx_1}}{\frac{dL}{dx_1}} \right)} = 0$$

*) Mémoires de l'Académie de St-Petersbourg. T. 24, 1834.

**) Exercices d'Analyse et de Physique Mathématique T III. 1841, p. 50.

$$(11) \quad \frac{x_1''}{\left(\sum_i P_{1,i} \frac{dL}{dx_1}\right)} = 0 \dots \dots \dots \frac{x_1'}{\left(\sum_i P_{2,i} \frac{dL}{dx_1}\right)} = 0$$

которыхъ числомъ $2s$ и которыя служатъ къ опредѣленію произвольныхъ функций ξ_1, ξ_2, \dots

Уравненія (10) и (11) суть тѣ самыя, которыя, происходя отъ приравниванія $\delta W = 0$, намъ нужны для рѣшенія занимающаго насъ вопроса: распространить способъ Якоби на многократный интегралъ W .

§ 2.

Вторая вариация $\delta^2 W$, которой знакъ опредѣляетъ условія, служащія для различенія максимум и минимум интеграла W , сообразно съ равенствами (6) и (7) будетъ такая:

$$\delta^2 W = \int \Omega_2 dx_1 \dots dx_1 \tag{12}$$

гдѣ
$$\Omega_2 = \sum_s \frac{d\Omega_1}{dy_s} \omega_s + \sum_s \sum_i \frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \frac{d\omega_s}{dx_i} \tag{13}$$

или
$$\Omega_2 = \sum_s \sum_i \frac{d \left[\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \omega_s \right]}{dx_i} + \sum_s \left(\frac{d\Omega_1}{dy_s} - \sum_i \frac{d \left(\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \right)}{dx_i} \right) \omega_s \tag{14}$$

Такимъ образомъ

$$\delta^2 W = \int \left\{ \sum_s \sum_i \frac{\left(\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \omega_s \right)}{dx_i} + \sum_s \left[\frac{d\Omega_1}{dy_s} - \sum_i \frac{d \left(\frac{d\Omega_1}{dp_{s,i}} \right)}{dx_i} \right] \omega_s \right\} dx_1 \dots dx_1 \tag{15}$$

и намъ нужно вывести тѣ условія, которыя вытекаютъ изъ того, что интегралъ второй части равенства (15) сохраняетъ знакъ $+$ въ случаѣ минимум и $-$ въ случаѣ максимум интеграла W .

При вставленіи въ равенство (15) вмѣсто Ω_1 равнаго ему выраженія изъ равенства (7) намъ придется дѣлать двойное суммирование какъ по однѣмъ и тѣмъ-же, такъ и по различнымъ y и ихъ частнымъ производнымъ; потому при вставленіи въ равенство (15) вмѣсто Ω_1 , равнаго ему выраженія изъ равенства (7) необходимо:

Въ 1-хъ) отличать другъ отъ друга различныя y и ихъ частныя производныя; для чего условимся одни y означать чрезъ y_s — другіе чрезъ y_σ ; сообразно съ этимъ

$$P_{s,i} = \frac{dy_s}{dx_i}, P_{\sigma,i} = \frac{dy_\sigma}{dx_i}, N_s = \frac{dV}{dy_s}, N_\sigma = \frac{dV}{dy_\sigma}$$

$$P_{s,i} = \frac{dV}{dp_{s,i}}, P_{\sigma,i} = \frac{dV}{dp_{\sigma,i}}, \delta y_s = \omega_s, \delta y_\sigma = \omega_\sigma$$

какъ и такъ и σ имѣютъ всѣ цѣлыя численныя значенія отъ 1 до числа, равнаго числу искомымъ функций y_1, y_2, \dots, y_s .

Во 2-хъ) различать переменныя независимыя между собою и частныя производныя, по нимъ взятыя; для чего одни переменныя независимыя будемъ означать чрезъ x_i , другія чрезъ x_j , сообразно съ этимъ:

$$P_{s,i} = \frac{dy_s}{dx_i}, P_{s,j} = \frac{dy_s}{dx_j}, P_{\sigma,i} = \frac{dy_\sigma}{dx_i}, dp_{\sigma,j} = \frac{dy_\sigma}{dx_j}$$

$$P_{s,i} = \frac{dV}{dp_{s,i}}, P_{s,j} = \frac{dV}{dp_{s,j}}, P_{\sigma,i} = \frac{dV}{dp_{\sigma,i}}, P_{\sigma,j} = \frac{dV}{dp_{\sigma,j}}$$

При вставленіи въ равенство (15) вмѣсто Ω_1 равнаго ему выраженія изъ равенства (7), сообразно съ сказанными обозначеніями, $\delta^2 W$ представится въ такомъ видѣ:

$$\delta^2 W = \int \left\{ \sum_s \sum_\sigma \sum_i d \left[\frac{\left(\frac{dP_{s,i}}{dy_\sigma} \omega_\sigma \right) \omega_s}{dx_i} \right] \right\} dx_1 \dots dx_i +$$

$$+ \int \left\{ \sum_s \sum_\sigma \sum_i d \left[\frac{\sum_j \left(\frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} \right) \omega_s}{dx_i} \right] \right\} dx_1 \dots dx_i +$$

$$+ \int \left\{ \sum_s \sum_\sigma \left[\frac{dN_s}{dy_\sigma} \omega_\sigma + \sum_i \frac{dN_s}{dp_{\sigma,i}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left(\frac{dP_{s,i}}{dy_\sigma} \omega_\sigma \right)}{dx_i} - \right. \right.$$

$$\left. - \sum_i \frac{d \left(\sum_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} \right)}{dx_i} \right] \omega_s \right\} dx_1 dx_2 \dots dx_i$$

Уравненіе (22) показываетъ, что количества ряда (20 или 21) суть ничто иное, какъ рѣшенія уравненій (22) подобныхъ тѣмъ, которыхъ рѣшенія *), какъ нами было сказано вначалѣ, даны были геометромъ Якоби въ XVII томѣ журнала Креля.

Во 2-хъ) возьмемъ s^2 функций k , которыхъ опредѣлитель D не равенъ нулю и которыми мы можемъ располагать по нашему произволу; эти функции k мы будемъ различать помощью такихъ-же указателей ρ и σ , μ и ν , какіе находятся при количествахъ ряда (20 или 21) т. е. эти функции k будутъ обозначаться нами такъ:

$$(23) \left\{ \begin{array}{l} k_{1,\rho} \quad k_{1,\sigma} \quad \dots \quad k_{1,\nu} \\ k_{2,\rho} \quad k_{2,\sigma} \quad \dots \quad k_{2,\nu} \\ \text{---} \quad \text{---} \quad \text{---} \quad \text{---} \\ k_{s,\rho} \quad k_{s,\sigma} \quad \dots \quad k_{s,\nu} \end{array} \right.$$

или тѣ-же самыя функции ряда (23) будутъ нами обозначаться еще и такъ:

$$(24) \left\{ \begin{array}{l} k_{1,\rho} \quad k_{1,\sigma} \quad \dots \quad k_{1,\nu} \\ k_{2,\rho} \quad k_{2,\sigma} \quad \dots \quad k_{2,\nu} \\ \text{---} \quad \text{---} \quad \text{---} \quad \text{---} \\ k_{s,\rho} \quad k_{s,\sigma} \quad \dots \quad k_{s,\nu} \end{array} \right.$$

Изъ $\omega_1, \omega_2, \dots, \omega_s$ и изъ функций ряда (23 или 24) составимъ слѣдующія s линейныхъ выраженій:

$$(25) \left\{ \begin{array}{l} t_1 = k_{1,\rho} \omega_1 + k_{1,\sigma} \omega_2 + \dots + k_{s,\rho} \omega_s \\ t_2 = k_{2,\rho} \omega_1 + k_{2,\sigma} \omega_2 + \dots + k_{s,\sigma} \omega_s \\ \text{---} \quad \text{---} \quad \text{---} \quad \text{---} \\ t_n = k_{1,\nu} \omega_1 + k_{2,\nu} \omega_2 + \dots + k_{s,\nu} \omega_s \end{array} \right.$$

или тѣ-же самыя выраженія (25) будутъ изображаться нами еще и такъ:

*) Этими рѣшеніями, какъ также было сказано нами, устраняются тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при преобразованіи второй варіаціи простаго интеграла по способу Лежандра.

$$(26) \left\{ \begin{array}{l} t_1 = k_{1,1} \omega_1 + k_{2,1} \omega_2 \dots + k_{\sigma,1} \omega_{\sigma} \\ t_2 = k_{1,2} \omega_1 + k_{2,2} \omega_2 + \dots + k_{\sigma,2} \omega_{\sigma} \\ \text{-----} \\ t_v = k_{1,v} \omega_1 + k_{2,v} \omega_2 + \dots + k_{\sigma,v} \omega_{\sigma} \end{array} \right.$$

Изъ уравненій (25) имѣемъ:

$$(27) \quad \omega_1 = \sum_n \frac{dD}{dk_{n,1}} t_n$$

а изъ уравненій (26) находимъ

$$(28) \quad \omega_{\sigma} = \sum_v \frac{dD}{dk_{\sigma,v}} t_v$$

гдѣ D , какъ сказано, есть алгебраическій опредѣлитель коэффиціентовъ при $\omega_1 \omega_2 \dots$ въ уравненіяхъ (25 или 26) или все равно опредѣлитель функцій ряда (23 или 24).

Такъ какъ функціями ряда (23 или 24) мы можемъ располагать по нашему произволу, и число ихъ равно s^2 , то ихъ мы подчиняемъ тому условію, чтобы онѣ удовлетворяли слѣдующимъ s^2 уравненіямъ:

$$\begin{array}{l} \frac{dD}{dk_{1,1}} = R_{1,1} \quad \frac{dD}{dk_{1,2}} = R_{1,2} \dots \quad \frac{dD}{dk_{1,n}} = R_{1,n} \\ \frac{dD}{dk_{2,1}} = R_{2,1} \quad \frac{dD}{dk_{2,2}} = R_{2,2} \dots \quad \frac{dD}{dk_{2,n}} = R_{2,n} \\ \text{-----} \\ \frac{dD}{dk_{s,1}} = R_{s,1} \quad \frac{dD}{dk_{s,2}} = R_{s,2} \dots \quad \frac{dD}{dk_{s,n}} = R_{s,n} \end{array} \quad (29)$$

или все равно такимъ s^2 уравненіямъ, которыя тождественны съ уравненіями (29) а именно:

$$\frac{dD}{dk_{1,1}} = R_{1,1} \quad \frac{dD}{dk_{1,2}} = R_{1,2} \dots \frac{dD}{dk_{1,v}} = R_{1,v}$$

$$\frac{dD}{dk_{2,1}} = R_{2,1} \quad \frac{dD}{dk_{2,2}} = R_{2,2} \dots \frac{dD}{dk_{2,v}} = R_{2,v}$$

— — — — —

$$\frac{dD}{dk_{\sigma,1}} = R_{\sigma,1} \quad \frac{dD}{dk_{\sigma,2}} = R_{\sigma,2} \dots \frac{dD}{dk_{\sigma,v}} = R_{\sigma,v}$$
(30)

Равенства (27 или 28) вмѣстѣ съ уравненіями (29 или 30) даютъ слѣдующія выраженія для ω , или ω_{σ} , а именно:

(31) $\omega = \sum_n R_{n,n} t_n$

или

(32) $\omega_{\sigma} = \sum_v R_{\sigma,v} t_v$

Помощію выраженій ω, ω_2, \dots , определяемыхъ равенствами (31 или 32) мы преобразуемъ интеграль В (рав. 18).

Если вставимъ въ интеграль В (рав. 18) вмѣсто ω , и ω_{σ} равныя имъ выраженія изъ равенствъ (31 и 32) и если положимъ

(33)
$$h_{s,\sigma}^{(v)} = \frac{dN_s}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} t_v + \sum_i \frac{dN_s}{dp_{\sigma,i}} \frac{d(R_{\sigma,v} t_v)}{dx_i} -$$

$$- \sum_i \frac{\left(\frac{dP_{s,i}}{dy_{\sigma}} R_{\sigma,v} t_v \right)}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left[\sum_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v} t_v)}{dx_j} \right]}{dx_i}$$

то интеграль В выразится такъ:

(34)
$$B = \int \left\{ \sum_n \sum_v \sum_i \sum_{\sigma} h_{s,\sigma}^{(v)} R_{n,n} t_n \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Въ слѣдующемъ § мы покажемъ, какъ вторая часть равенства (34) приводится къ такому виду, что интеграль В вмѣстѣ съ интеграломъ А принимаетъ именно то выраженіе, изъ котораго мы прямо найдемъ условія достаточныя и необходимыя для различенія maximum и minimum интеграла W.

§ 3.

Если каждому изъ количествъ t_1, t_2, \dots, t_n или все равно t_1, t_2, \dots, t_n дадимъ какое нибудь частное значеніе, напр. положимъ каждое изъ этихъ количествъ равнымъ единицѣ, то соответственно этому положенію, частныя значенія $\omega_1, \omega_2, \dots, \omega_n$ или ω_σ по равенствамъ (31 и 32) будутъ такіа:

$\Sigma_n R_{1,n}, \Sigma_n R_{2,n}, \dots, \Sigma_n R_{n,n}$ или $\Sigma_\nu R_{1,\nu}, \Sigma_\nu R_{2,\nu}, \dots, \Sigma_\nu R_{\sigma,\nu}$
Свойство выраженія $h_{\sigma,\nu}^{\nu}$ (рав. 33) таково, что если въ немъ t_ν положимъ равнымъ единицѣ, то въ слѣдствіе уравненія (22), $\Sigma_\sigma h_{\sigma,\nu}^{\nu}$ обратится въ нуль. На основаніи такого свойства выраженія $h_{\sigma,\nu}^{\nu}$, докажемъ слѣдующее равенство:

$$\Sigma_\sigma R_{\sigma,n} h_{\sigma,\nu}^{\nu} = - \Sigma_\sigma \Sigma_i d \left(\frac{\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,\nu} \frac{dt_\nu}{dx_j}}{dx_i} \right) + \quad (35)$$

$$+ \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{dt_\nu}{dx_i} \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,n} + \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,n})}{dx_j} \right) R_{\sigma,\nu} - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,\nu} + \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,\nu})}{dx_j} \right) R_{\sigma,n} \right]$$

Дѣйствительно:

$$R_{\sigma,n} h_{\sigma,\nu}^{\nu} = R_{\sigma,n} R_{\sigma,\nu} t_\nu \frac{dN_\sigma}{dy_\sigma} + \Sigma_i R_{\sigma,n} \frac{dN_\sigma}{dp_{\sigma,i}} \frac{d(R_{\sigma,\nu} t_\nu)}{dx_i} - \Sigma_i R_{\sigma,n} \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,\nu} t_\nu \right)}{dx_i} \quad (36)$$

$$- \Sigma_i R_{\sigma,n} \frac{d \left[\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,\nu} t_\nu)}{dx_j} \right]}{dx_i} = R_{\sigma,n} t_\nu \left\{ \frac{dN_\sigma}{dy_\sigma} R_{\sigma,\nu} + \Sigma_i \frac{dN_\sigma}{dp_{\sigma,i}} \frac{d(R_{\sigma,\nu})}{dx_i} - \Sigma_i \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,\nu} \right)}{dx_i} - \Sigma_i \frac{d \left[\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d R_{\sigma,\nu}}{dx_j} \right]}{dx_i} \right\} + \Sigma_i \frac{dN_\sigma}{dp_{\sigma,i}} R_{\sigma,n} R_{\sigma,\nu} \frac{dt_\nu}{dx_i} -$$

$$- \Sigma_i \frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} R_{\sigma,n} R_{\sigma,\nu} \frac{dt_\nu}{dx_i} - \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,n} \frac{d(R_{\sigma,\nu})}{dx_j} \frac{dt_\nu}{dx_i} -$$

$$- \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma_j i}}{dx_i} \right)}{dx_i} R_{\sigma_j n} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} R_{\sigma_j n} \frac{d \left(R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i}$$

но

$$- \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma_j i}}{dx_i} \right)}{dx_i} R_{\sigma_j n} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} R_{\sigma_j n} \frac{d \left(R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} =$$

$$= - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma_j i} R_{\sigma_j n}}{dx_i} \right)}{dx_i} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} R_{\sigma_j n} \frac{d \left(R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} +$$

$$+ \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} \frac{dR_{\sigma_j n}}{dx_i} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} =$$

$$= - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma_j i} R_{\sigma_j n} R_{\sigma_j v}}{dx_i} \right)}{dx_i} + \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} \frac{dR_{\sigma_j n}}{dx_i} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} =$$

$$= - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma_j i} R_{\sigma_j n} R_{\sigma_j v}}{dx_i} \right)}{dx_i} + \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} \frac{dR_{\sigma_j n}}{dx_i} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} =$$

потому что $\frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} = \frac{dP_{\sigma_j j}}{dp_{\sigma_j}}$

По такъ какъ i и j имѣютъ однѣ и тѣ-же цѣлыя численныя значенія, то

$$\sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} \frac{dt_v}{dx_j} \frac{d(R_{\sigma_j n})}{dx_i} R_{\sigma_j v} = \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} \frac{d(R_{\sigma_j n})}{dx_j} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_i}$$

потому

$$- \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} \right)}{dx_i} R_{\sigma_j n} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} - \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} R_{\sigma_j n} \frac{d \left(R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} =$$

$$= - \sum_i \sum_j \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma_j i} R_{\sigma_j n} R_{\sigma_j v}}{dx_i} \right)}{dx_i} + \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma_j i}}{dp_{\sigma_j}} \frac{dR_{\sigma_j n}}{dx_j} R_{\sigma_j v} \frac{dt_v}{dx_i}$$

Поставляя въ выраженіе $R_{s,n} h_{s,\sigma}^{(v)}$ (рав. 36) вѣсто первой части послѣдняго равенства его вторую часть и замѣчая, что $\frac{dN_s}{dp_{\sigma,i}} = \frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s}$, получимъ, что

$$R_{s,n} h_{s,\sigma}^{(v)} = R_{s,n} t_v \left[\frac{dN_s}{dy_s} R_{\sigma,v} + \sum_i \frac{dN_s}{dp_{\sigma,i}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{\sigma,v} \right)}{dx_i} - \sum_j \frac{d \left(\sum_i \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_i} \right)}{dx_j} - \sum_i \frac{d \left(\sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{s,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right)}{dx_i} + \sum_i \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{s,n} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{s,n}}{dx_j} \right) R_{\sigma,v} - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{\sigma,v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right) R_{s,n} \right] \frac{dt_v}{dx_i} \right]$$

Суммируя послѣднее равенство по σ , имѣемъ

$$\sum_{\sigma} R_{s,n} h_{s,\sigma}^{(v)} = R_{s,n} t_v \left\{ \sum_{\sigma} \left[\frac{dN_s}{dy_s} R_{\sigma,v} + \sum_i \frac{dN_s}{dp_{\sigma,i}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_i} - \sum_i \frac{d \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{\sigma,v} \right)}{dx_i} - \sum_j \frac{d \left(\sum_i \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(R_{\sigma,v})}{dx_i} \right)}{dx_j} \right] - \sum_{\sigma} \sum_i \frac{d \left[\sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{s,n} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \right]}{dx_i} + \sum_{\sigma} \sum_i \frac{dt_v}{dx_i} \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{s,n} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{s,n}}{dx_j} \right) R_{\sigma,v} - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{\sigma,v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right) R_{s,n} \right] \right\}$$

но въ слѣдствіе уравненія (22) коэффициентъ при $R_{s,n} t_v$ равенъ нулю, потому выраженіе $\sum_{\sigma} R_{s,n} h_{s,\sigma}^{(v)}$ дѣйствительно равно выраженію второй части равенства (35).

Умножимъ обѣ части равенства (35) на t_n и сдѣлаемъ суммированіе по σ , μ и ν ; тогда, если положимъ

$$C = \sum_{\sigma} \sum_{\mu} \sum_{\nu} \sum_i \sum_j t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left[\left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{s,n} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{s,n}}{dx_j} \right) R_{\sigma,v} - \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_s} R_{\sigma,v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma,i}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dR_{\sigma,v}}{dx_j} \right) R_{s,n} \right] \quad (37)$$

$$G = - \sum_n \sum_v \sum_s \sum_\sigma \sum_i d \left[\frac{\left(\sum_j \frac{dP_{sji}}{dp_{\sigma j}} R_{\tau, v} \frac{dt_v}{dx_j} \right) R_{s, n} t_n}{dx_i} \right] +$$

$$+ \sum_n \sum_v \sum_s \sum_\sigma \sum_i \sum_j \frac{dP_{sji}}{dp_{\sigma j}} R_{\sigma, v} \frac{dt_v}{dx_j} R_{\sigma, v} \frac{dt_n}{dx_i} \quad (38)$$

то

$$\sum_n \sum_v \sum_s \sum_\sigma h_{s, \sigma}^{(v)} R_{s, n} = G + C \quad (39)$$

Докажемъ, что $C = 0$; для чего стоитъ только выраженіе C (рав. 37) разложить на три части: 1-я часть пусть будетъ та, которая относится къ однѣмъ и тѣмъ-же s и σ ; 2-я часть пусть будетъ та, которая относится къ различнымъ s и σ и представляетъ суммирование по s и σ такое, въ которомъ указатели s и σ идутъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ одна за другой буквы при обыкновенномъ ихъ сочетаніи по двѣ; пусть такое суммирование выражаетъ знакъ $\sum_{s, \sigma}$; 3-я часть пусть будетъ та, которая, относясь также къ различнымъ s и σ , представляетъ суммирование по s и σ такое, въ которомъ указатели s и σ идутъ въ порядкѣ, обратномъ вышесказанному; такое суммирование можетъ выразить тотъ-же знакъ $\sum_{s, \sigma}$, если только въ предъидущемъ суммированіи перемѣнимъ s на σ и обратно. Тогда

$$C = \sum_s \sum_i \left\{ \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{sji}}{dy_s} R_{s, n} + \sum_j \frac{dP_{sji}}{dp_{\sigma j}} \frac{dR_{s, n}}{dx_j} \right) R_{s, v} - \right.$$

$$\left. - \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{sji}}{dy_s} R_{s, v} + \sum_j \frac{dP_{sji}}{dp_{\sigma j}} \frac{dR_{s, v}}{dx_j} \right) R_{s, n} \right\} +$$

$$+ \sum_{s, \sigma} \sum_i \left\{ \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{\sigma ji}}{dy_s} R_{s, n} + \sum_j \frac{dP_{\sigma ji}}{dp_{\sigma j}} \frac{dR_{s, n}}{dx_j} \right) R_{\sigma, v} - \right.$$

$$\left. - \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{\sigma ji}}{dy_\sigma} R_{\sigma, v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma ji}}{dp_{\sigma j}} \frac{d(R_{\sigma, v})}{dx_j} \right) R_{s, n} + \right.$$

$$+ \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{sji}}{dy_\sigma} R_{\sigma, n} + \sum_j \frac{dP_{sji}}{dp_{\sigma j}} \frac{d(R_{\sigma, n})}{dx_j} \right) R_{s, v} -$$

$$\left. - \sum_n \sum_v t_n \frac{dt_v}{dx_i} \left(\frac{dP_{\sigma ji}}{dy_s} R_{s, v} + \sum_j \frac{dP_{\sigma ji}}{dp_{\sigma j}} \frac{d(R_{s, v})}{dx_j} \right) R_{\sigma, n} \right\}$$

Такъ какъ въ второй части послѣднаго равенства, въ каждомъ изъ шести многочленовъ, размѣщенныхъ по строкамъ, указатели μ и ν имѣютъ однѣ и тѣ-же численные значенія, то, сообразно съ самымъ составомъ количества ряда (20 и 21), два многочлена въ первыхъ двухъ строкахъ взаимно уничтожаются, а остальные четыре многочлена въ послѣднихъ четырехъ строкахъ уничтожаются: первый съ четвертымъ, а второй съ третьимъ.

Если-же $C = 0$, то равенства (38) и (39) приводятъ къ слѣдующему:

$$(40) \quad \sum_n \sum_\nu \sum_\sigma \sum_\sigma h_{\nu\sigma}^{(\nu)} R_{\nu,n} t_n = - \sum_n \sum_\nu \sum_\sigma \sum_\sigma \sum_1 \frac{d \left[\left(\sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,\nu} \frac{dt_\nu}{dx_j} \right) R_{\nu,n} t_n \right]}{dx_1} + \\ + \sum_n \sum_\nu \sum_\sigma \sum_\sigma \sum_1 \sum_1 \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,\nu} \frac{dt_\nu}{dx_j} R_{\nu,n} \frac{dt_n}{dx_1}$$

Умножимъ обѣ части послѣднаго равенства на $dx_1 \dots dx_1$ и возьмемъ интегралы, тогда получимъ равенство, котораго первая часть будетъ равна интегралу B (рав. 34), и если положимъ

$$(41) \quad E = - \int \left\{ \sum_n \sum_\nu \sum_\sigma \sum_\sigma \sum_1 \frac{d \left[\left(\sum_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,\nu} \frac{dt_\nu}{dx_j} \right) R_{\nu,n} t_n \right]}{dx_1} \right\} dx_1 \dots dx_1$$

$$(42) \quad F = \int \left\{ \sum_n \sum_\nu \sum_\sigma \sum_\sigma \sum_1 \sum_1 \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,\nu} \frac{dt_\nu}{dx_j} R_{\nu,n} \frac{dt_n}{dx_1} \right\} dx_1 \dots dx_1$$

то полученное равенство будетъ такое:

$$B = E + F.$$

Сравнивая это послѣднее равенство съ (19) находимъ слѣдующее:

$$(43) \quad \delta^2 W = A + E + F.$$

Докажемъ, что $A + E = 0$.

Интегралъ E можетъ быть представленъ такъ :

$$E = \int \left\{ \Sigma_n \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(B_{\sigma,v})}{dx_j} \right) B_{\sigma,n} t_n \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

$$- \int \left\{ \Sigma_n \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(B_{\sigma,v}, t_v)}{dx_j} \right) B_{\sigma,n} t_n \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Изъ такого выраженія интеграла E слѣдуетъ, что, на основаніи равенствъ (31) и (32) интегралъ E принимаетъ такое выраженіе :

$$E = \int \left\{ \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d(B_{\sigma,v})}{dx_j} \right) \cdot t_v \omega_\sigma \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

(44)

$$- \int \left\{ \Sigma_n \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left(\Sigma_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{d\omega_\sigma}{dx_j} \right) \omega_\sigma \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Второй интегралъ выраженія (E) рав. (44) съ вторымъ интеграломъ выраженія A (рав. 17) взаимно уничтожаются; а если первый интегралъ, выраженія (A) рав. (17) соединимъ съ первымъ интеграломъ выраженія E рав. (44), то замѣняя въ первомъ интегралѣ выраженія A ω_σ равнымъ ему количеству изъ рав. (32), получимъ, что

$$A + E = \int \left\{ \Sigma_v \Sigma_\sigma \Sigma_i \frac{d \left[\left\{ \Sigma_\sigma \left(\frac{dP_{\sigma,i}}{dy_\sigma} B_{\sigma,v} + \Sigma_j \frac{dP_{\sigma,j}}{dp_{\sigma,j}} \frac{dB_{\sigma,v}}{dx_j} \right) \right\} t_v \omega_\sigma \right]}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

(45)

Преобразуя i — кратный интегралъ второй части послѣдняго равенства (45) въ (i-1)^н по формулѣ нашего академика Островскаго *), придемъ къ заключенію, что подынтегральная функція преобразованнаго

*) Mémoire sur le calcul des variations des integrales multiples. Формула подъ литерою (C) на стр. 17.

($i-1$)^{то} интеграла равна нулю, потому что коэффициент при каждом ω_i равен нулю, как производная какого либо одного из предельных дифференциальных уравнений (41) по постоянным количествам a_1, a_2, \dots , а потому $A + E = 0$; тогда из равенств (43) и (42) следует, что

$$(46) \quad \delta^2 W = F = \int \left\{ \Sigma_n \Sigma_v \Sigma_s \Sigma_\sigma \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_i} R_{s,n} \frac{dt_n}{dx_i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Вторая часть последнего равенства (46) и представляет собою то выражение $\delta^2 W$, которое дает возможность — вывести прямо условия достаточныя и необходимыя для различения максимум и минимум интеграла W ; для этого стоит только подынтегральную функцию интеграла F представить въ видъ однородной функции 2-го порядка относительно нѣсколькихъ переменныхъ; что, вмѣстѣ съ самымъ выводомъ исконыхъ условий и составитъ предметъ слѣдующаго §.

§ 4.

Если сдѣлаемъ слѣдующія обозначенія:

$$(47) \quad \begin{aligned} \tau_{s,i} &= \Sigma_n R_{s,n} \frac{dt_n}{dx_i}, \quad \tau_{s,j} = \Sigma_n R_{s,n} \frac{dt_n}{dx_j} \\ \tau_{\sigma,i} &= \Sigma_v \Sigma_s \frac{dt_v}{dx_i}, \quad \tau_{\sigma,j} = \Sigma_v R_{\sigma,v} \frac{dt_v}{dx_j} \end{aligned}$$

то равенство (46) замѣнится такимъ:

$$(48) \quad \delta^2 W = \int \left\{ \Sigma_s \Sigma_\sigma \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{s,i}}{dp_{\sigma,j}} \tau_{\sigma,j} \tau_{s,i} \right\} dx_1 \dots dx_i$$

Разложимъ интегралъ второй части последнего равенства (47) на три интеграла: 1-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функция относится къ однимъ и тѣмъ-же s и σ ; 2-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функция относится къ различнымъ s и σ и представляетъ такое суммирование по s и σ , въ которомъ указатели s и σ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ

идутъ буквы при обыкновенномъ ихъ сочетаніи по двѣ; пусть такое суммирование выражаетъ знакъ $\Sigma_{s, \sigma}$; 3-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція, относясь также къ различнымъ s и σ , представляетъ такое суммирование по s и σ , въ которомъ указатели s и σ идутъ въ порядкѣ, обратномъ сейчасъ сказанному; такое суммирование можетъ выражать тотъ-же знакъ $\Sigma_{s, \sigma}$, если въ предыдущемъ суммированіи перемѣнимъ s на σ и обратно. Тогда

$$\begin{aligned} \delta^2 W = & \int \left\{ \Sigma_s \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{sji}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right\} dx_1 \dots dx_i + \\ & + \int \left\{ \Sigma_{s,\sigma} \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{sji}}{dp_{\sigma,j}} \tau_{s,i} \tau_{\sigma,j} \right\} dx_1 \dots dx_i \\ & + \int \left\{ \Sigma_{s,\sigma} \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{\sigma ji}}{dp_{s,j}} \tau_{\sigma,i} \tau_{s,j} \right\} dx_1 \dots dx_i \end{aligned}$$

каждый изъ интеграловъ второй части послѣдняго равенства разлагаемъ на три такіе: 1-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція относится къ однимъ и тѣмъ-же i и j ; 2-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція относится къ различнымъ i и j и представляетъ такое суммирование по i и j , въ которомъ указатели i и j слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ идутъ буквы при обыкновенномъ ихъ сочетаніи по двѣ; пусть такое суммирование выражаетъ знакъ $\Sigma_{i,j}$; 3-й интегралъ пусть будетъ тотъ, котораго подынтегральная функція, относясь также къ различнымъ i и j , представляетъ такое суммирование по i и j , въ которомъ указатели i и j идутъ въ порядкѣ, обратномъ сейчасъ сказанному; такое суммирование можетъ выражать знакъ тотъ-же $\Sigma_{i,j}$, если въ предыдущемъ суммированіи замѣнимъ i на j и обратно. Тогда:

$$\begin{aligned} \int \left(\Sigma_s \Sigma_i \Sigma_j \frac{dP_{sji}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) dx_1 \dots dx_i = & \int \left\{ \Sigma_s \Sigma_i \frac{dP_{sji}}{dp_{s,i}} \left(\tau_{s,i} \right)^2 \right\} dx_1 \dots dx_i + \\ + \int \left(\Sigma_s \Sigma_{i,j} \frac{dP_{sji}}{dp_{s,j}} \tau_{s,i} \tau_{s,j} \right) dx_1 \dots dx_i + & \int \left(\Sigma_s \Sigma_{i,j} \frac{dP_{sji}}{dp_{s,j}} \tau_{s,j} \tau_{s,i} \right) dx_1 \dots dx_i \end{aligned}$$

$$\int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_i \sum_j \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, j}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, j} \right) dx_1 \dots dx_i = \int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_i \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, i}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, i} \right) dx_1 \dots dx_i +$$

$$+ \int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, j}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, j} \right) dx_1 \dots dx_i + \int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, i}} \tau_{\sigma, j} \tau_{\sigma, i} \right) dx_1 \dots dx_i$$

$$\int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, j}} \tau_{\sigma, j} \tau_{\sigma, j} \right) dx_1 \dots dx_i = \int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, i}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, j} \right) dx_1 \dots dx_i +$$

$$+ \int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, j}} \tau_{\sigma, j} \tau_{\sigma, i} \right) dx_1 \dots dx_i + \int \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, i}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, j} \right) dx_1 \dots dx_i$$

ТАКЪ КАКЪ

$$\frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, j}} = \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, i}}, \quad \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, i}} = \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, j}}, \quad \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, i}} = \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, j}}, \quad \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, j}} = \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, i}}$$

ТО
(49)

$$\delta^2 W = \int \left[\left\{ \sum_{\sigma, \sigma} \sum_i \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, i}} (\tau_{\sigma, i})^2 \right\} dx_1 \dots dx_i + \right.$$

$$+ 2 \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, j}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, j} \right) + 2 \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_i \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, i}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, j} \right) +$$

$$\left. + 2 \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, i}}{dp_{\sigma, j}} \tau_{\sigma, i} \tau_{\sigma, j} \right) + 2 \left(\sum_{\sigma, \sigma} \sum_{i, j} \frac{dP_{\sigma, j}}{dp_{\sigma, i}} \tau_{\sigma, j} \tau_{\sigma, i} \right) \right] dx_1 \dots dx_i$$

Выраженія $\tau_{\sigma, i}$, $\tau_{\sigma, j}$, $\tau_{\sigma, i}$, $\tau_{\sigma, j}$ (рав. 47) на основаніи равенствъ (31) и (32) могутъ быть представлены такъ:

$$\tau_{\sigma, i} = \frac{d\omega_{\sigma}}{dx_i} - \sum_n t_n \frac{dR_{\sigma, n}}{dx_i}, \quad \tau_{\sigma, j} = \frac{d\omega_{\sigma}}{dx_j} - \sum_n t_n \frac{dR_{\sigma, n}}{dx_j}$$

$$\tau_{\sigma, i} = \frac{d\omega_{\sigma}}{dx_i} - \sum_v t_v \frac{dR_{\sigma, v}}{dx_i}, \quad \tau_{\sigma, j} = \frac{d\omega_{\sigma}}{dx_j} - \sum_v t_v \frac{dR_{\sigma, v}}{dx_j}$$
(50)

Изъ равенствъ (50) слѣдуетъ, что количества $\tau_{\sigma, i}$, $\tau_{\sigma, j}$, $\tau_{\sigma, i}$, $\tau_{\sigma, j}$ не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла W , если количества

ряда (20 или 21) не обратятся ни въ ∞ ни въ 0, а ихъ частныя производныя по $x_1 \dots x_2$ не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла W и если опредѣлитель количествъ ряда (20 или 21) не равенъ нулю. Дѣйствительно, если опредѣлитель количествъ ряда (20 или 21) не равенъ нулю, или все равно если количества ряда (20 или 21) будутъ между собою независимы, и если онѣ не обратятся ни въ нуль ни въ ∞ между предѣлами интеграла W , то всегда можемъ выбрать z^2 функций ряда (23 или 24) такія, которыя, удовлетворяя z^2 уравненіямъ (29 или 30), не обратятся ни въ 0 ни въ ∞ между предѣлами интеграла W и опредѣлитель ихъ не будетъ равенъ нулю; а въ такомъ случаѣ и выраженія ряда (25 или 26) также не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла; а при такихъ выраженіяхъ ряда (25 или 26) и притомъ условіи, что частныя производныя количествъ ряда (20 или 21) также не обращаются въ ∞ между предѣлами интеграла W , изъ равенствъ (50) слѣдуетъ, что и $\tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j} \tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j}$ также не обратятся въ ∞ между предѣлами интеграла W ; а потому, если притомъ и данныя дифференціальныя коэффициенты Ω_2 не обращаются въ ∞ между предѣлами интеграла W , то и подынтегральная функция интеграла второй части равенства (49) не сдѣлается безконечно большимъ количествомъ для всѣхъ $x_1 x_2 \dots x_i$ между предѣлами интеграла W . Кроме того, какъ показываютъ равенства (50), выраженія $\tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j} \tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j}$ могутъ быть разсматриваемы, какъ произвольныя, другъ отъ друга независимыя количества, числомъ si ; и подынтегральная функция интеграла второй части равенства (49), какъ однородная функция 2-го порядка относительно этихъ si независимыхъ переменныхъ. Въ слѣдствіе чего изслѣдованіе максимумъ и минимумъ интеграла W приводится къ изслѣдованію дифференціального исчисленія, ра сматривающему условія, при которыхъ такая функция, какъ та, которая стоитъ подъ знакомъ \int во второй части равенства (49), остается или положительною или отрицательною, каковы-бы ни были величины выраженій $\tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j} \tau_{\sigma,i} \tau_{\sigma,j}$. Какъ извѣстно, для того, чтобы подынтегральная функция интеграла второй части равенства (49) сохраняла-бы знакъ, необходимо, чтобы имѣли мѣсто слѣдующія неравенства:

$$\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,1}} \cdot \frac{dP_{1,2}}{dp_{1,2}} - \left(\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,2}}\right)^2 > 0 \quad \frac{dP_{1,1}}{dp_{1,1}} \cdot \frac{dP_{1,3}}{dp_{1,3}} - \left(\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,3}}\right)^2 > 0 \quad (51)$$

$$\frac{dP_{1,2}}{dp_{1,2}} \cdot \frac{dP_{1,3}}{dp_{1,3}} - \left(\frac{dP_{1,2}}{dp_{1,3}}\right)^2 > 0 \dots \dots \dots$$

Если неравенства (51) выполняются для всехъ x_1, x_2, \dots, x_i между предѣлами интеграла W при дифференціальныхъ коэффициентахъ Ω_2 , не обращающихся въ ∞ ; если притомъ опредѣлитель количествъ ряда (20 или 21) не равенъ нулю и если сами эти количества не обращаются ни въ ∞ ни въ нуль, а частныя производныя количествъ ряда (20 или 21) по x_1, \dots, x_i не обращаются въ ∞ между предѣлами интеграла W ; тогда интегралъ W будетъ имѣть minimum, если $\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,1}}$ будетъ положительная, и — maximum если $\frac{dP_{1,1}}{dp_{1,1}}$ — отрицательная для всехъ x_1, x_2, \dots, x_i между предѣлами интеграла W .

1. «Записки Императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдельными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждые 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлежащимъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобренія факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

18

-51939

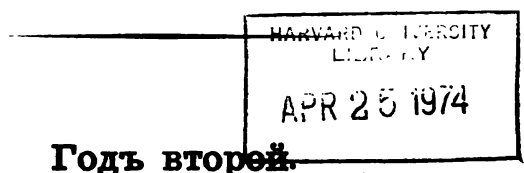
БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
 СТАТИСТИЧ. КОМИТЕТА
 УМСТР. 10 ИЮЛЬ 89 СМТР. Д
 ШКАФЪ 96 ЛОЖКА 4.
 Инв. № 16.912 М-1

70
3

ЗАПИСКИ L Soc 3985. 151

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

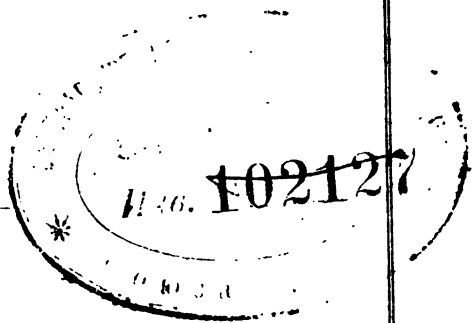

Годъ второй.

74*2

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ 6.

ОДЕССА,
 ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. НЕТЧЕ.
 1868.

~~4804 MO~~

0.000000

ОТЧЕТЪ О КОМАНДИРОВКѢ ЗА ГРАНИЦУ

Доцента Н. Вернштейна.

11104

Главною цѣлю своей поѣздки за границу я поставилъ себѣ: познакомиться, во первыхъ, съ новѣйшими способами физиологическаго изслѣдованія и съ усовершенствованнымъ устройствомъ употребляемыхъ для этого приборовъ, во вторыхъ, со способомъ преподаванія физиологiи, принятымъ въ германскихъ университетахъ. Итъя на это всего немного болѣе трехъ мѣсяцевъ и не желая дробить и тратить времени перѣздами, я рѣшилсѣ ограничиться однимъ Берлинскимъ университетомъ, гдѣ провелъ весь такъ называемый лѣтній семестръ, отъ начала мая до начала августа.

Съ первую цѣлю я занимался производствомъ физиологическихъ опытовъ и изученiемъ аппаратовъ въ физиологической лабораторiи подъ руководствомъ проф. Дюбуа-Реймона и ассистента его д-ра Розенталя. Преимущественно мое вниманiе было обращено на способы изслѣдованія животнаго электричества, раздражительности нервовъ и мышечной сократительности, — отдѣлы физиологiи, которые, какъ извѣстно, отчасти созданы вновъ, отчасти совершенно переработаны въ последнее время, и въ которыхъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по справедливости признается Дюбуа-Реймонъ. Хотя я при этихъ опытахъ имѣлъ въ виду не столько результаты ихъ, сколько производство ихъ и устройство снарядовъ и не могъ долго останавливаться на какомъ нибудь одномъ ряду опытовъ, однакожъ я получалъ нѣкоторые результаты, которые, можетъ быть, не лишены значенiя, и которые потому сообщаю въ приложенiи.

Для второй цѣли я посѣщалъ курсы проф. Дюбуа «о нервной физиологiи» и «о диффузи», чтенiя д-ра Розенталя объ отравленiяхъ нервныхъ центровъ и курсъ экспериментальной физиологiи, читанный также д-ромъ Розенталемъ, для небольшого круга слушателей — по большей части русскихъ. Не говоря о послѣднемъ изъ этихъ курсовъ, который былъ въ сущности демонстративный и состоялъ изъ однихъ опытовъ съ необходимыми поясненiями, опыты занимали важное мѣсто и въ курсахъ, не обозначенныхъ названiемъ *экспериментальной*. Послѣ признаннаго научнаго значенiя преподавателей, это обстоятельство составляетъ главное достоинство преподаванiя физиологiи въ Берлинскомъ университетѣ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что преподаванiе, сопровождаемое опытами имѣетъ большое преимущество предъ голословнымъ изложенiемъ фактовъ. Студентъ изъ слушателя

превращается въ очевидца, изъ очевидца въ участника опыта. Присутствуя при производствѣ опыта и видя не одинъ только результатъ его, но и всѣ приготовления къ нему, предосторожности принимаемыя въ виду возможныхъ неудачъ или ошибокъ, слушатель получаетъ понятіе о приемахъ научнаго изслѣдованія и приучается смотрѣть на истины выработанныя наукою, какъ на выраженіе фактовъ. Нечего и говорить о томъ, что опыты, производимые предъ глазами слушателей, даютъ имъ болѣе вѣрное понятіе о дѣлѣ, чѣмъ тѣже опыты, рассказываемые только на словахъ, и что факты, узнаваемые такимъ образомъ, запечатлѣваются въ памяти лучше чѣмъ факты, узнаваемые по преданію. Физиологія, какъ наука эмпирическая, въ этомъ отношеніи на отдѣляется отъ физики и химіи.

Не всѣ опыты однакожь могутъ быть производимы предъ глазами слушателей. Иные слишкомъ тонки, чтобы быть доступны цѣлой аудиторіи, другіе требуютъ слишкомъ много времени, однимъ сложнымъ случаемъ для другихъ условий, которыхъ нельзя найти въ аудиторіяхъ. Въ этихъ случаяхъ слушатели должны вѣрить на слово преподавателю. Но чтобы не лишить ихъ другихъ выгодъ наглядности, весьма полезными оказываются модели и крупныя стѣнные изображенія. Послѣднія представляютъ еще ту выгоду, что остаются на глазахъ слушателей и послѣ лекцій, такъ что могутъ служить для справокъ, могутъ быть срисованы и списаны. Въ этомъ отношеніи изображенія опытовъ даже полезнѣе самыхъ опытовъ и потому не теряютъ своего значенія и тогда, когда изображаютъ опыты видѣнные слушателями на самомъ дѣлѣ. Изображенія представляютъ не только приборы и все расположеніе опытовъ, но и результаты ихъ и даже общіе выводы, такъ называемые законы, послѣдніе въ видѣ легко понятныхъ геометрическихъ построеній по графическому способу, принятому въ послѣднее время и во всѣхъ учебникахъ и сочиненіяхъ по физиологіи. Изображенія избавляютъ преподавателя отъ скучнаго речеванія на доскѣ, которое отнимаетъ гораздо больше времени, чѣмъ объясненіе готовыхъ уже рисунковъ. Кромѣ того импровизованныя рисунки преподавателя не могутъ имѣть ни требуемой ясности, когда дѣло идетъ объ устройствѣ сварядовъ и о расположеніи сложныхъ опытовъ, ни требуемой точности, когда дѣло идетъ о выведенныхъ законахъ, и никогда не могутъ сравниться въ красотѣ и въ изысканности со тщательно отдѣланными рисунками.

Берлинская физиологическая аудиторія имѣетъ слишкомъ 350 такихъ стѣнныхъ изображеній, къ которымъ по мѣрѣ надобности прибавляются постоянно новыя. Рисунки не роскошны, безъ тѣней, не раскрашены или для ясности отчасти раскрашены яркими красками. Изготовленіе ихъ не требуетъ ни большаго искусства, ни большихъ средствъ.

Кромѣ этихъ занятій по физиологіи, я занимался систематически нормальною гистологіей, при чемъ обращалъ особенное вниманіе на изслѣдованіе различныхъ тканей помощью азотнокислаго серебра и осміевои кислоты. По любезному предложенію профессора Рейхерта, я посѣщалъ состоящій въ его вѣдѣніи богатый зоотомическій музей и слѣдилъ за лекціями этого знаменитаго эмбриолога «о развитіи зародыша позвоночныхъ животныхъ».

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ объ одномъ, по моему мнѣнію, весьма полезномъ обычаѣ нѣкоторыхъ германскихъ профессоровъ, а именно, выбирать себя изъ среды студентовъ одного или болѣе помощниковъ, такъ называемыхъ „*Assistenten*“.

ныхъ фамулусовъ. Фамулусъ заботится вмѣстѣ съ ассистентомъ о приготовленіяхъ для лекцій, между прочимъ о приготовленіи опытовъ и помогаетъ профессору при производствѣ послѣднихъ. Фамулусъ однакожъ не есть просто помощникъ профессора, онъ студентъ — спеціалистъ. По возможности не отвлекаясь отъ другихъ занятій, онъ посвящаетъ себя преимущественно избранной наукѣ, слѣдитъ за всѣми лекціями своего профессора во все время своего пребыванія въ университетѣ, участвуетъ не только при опытахъ производимыхъ въ аудиторіи, но и при производствѣ кабинетныхъ опытовъ и работъ и занимается также самостоятельно въ аудиторіи подъ руководствомъ профессора и его ассистентовъ. Такіе фамулусы имѣютъ болѣе другихъ студентовъ возможность знакомиться съ технической стороною естествоиспытанія и, при хорошихъ способностяхъ и любви къ наукѣ, часто дѣлаются естествоиспытателями еще, такъ сказать, на школьной скамьѣ.

Н. Бернштейнъ.

12-го Декабря 1866 г.

1. *Suppose that the number of children in a family is a random variable with the following probability distribution:*
 0 children: 0.1
 1 child: 0.2
 2 children: 0.3
 3 children: 0.2
 4 children: 0.1
 5 children: 0.05
 6 children: 0.05

a. *What is the probability that a family has at least 2 children?*
 b. *What is the probability that a family has at most 3 children?*
 c. *What is the probability that a family has exactly 2 children?*
 d. *What is the probability that a family has at least 1 child?*
 e. *What is the probability that a family has at most 1 child?*
 f. *What is the probability that a family has exactly 1 child?*
 g. *What is the probability that a family has at least 4 children?*
 h. *What is the probability that a family has at most 4 children?*
 i. *What is the probability that a family has exactly 4 children?*
 j. *What is the probability that a family has at least 5 children?*
 k. *What is the probability that a family has at most 5 children?*
 l. *What is the probability that a family has exactly 5 children?*
 m. *What is the probability that a family has at least 6 children?*
 n. *What is the probability that a family has at most 6 children?*
 o. *What is the probability that a family has exactly 6 children?*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1) О мышечном столбнякѣ.

Мышечный столбнякѣ, давно уже известный изъ патологии, въ прежнее время считался одиночнымъ сокращеніемъ мышцы, отличающимся отъ обыкновеннаго сокращенія только большею продолжительностію. Точно также и на произвольное продолжительное сокращеніе мышецъ смотрѣли какъ на простое, пока не было повода иначе смотрѣть на то или на другое. Съ тѣхъ поръ какъ Маттеучи, Эд. Веберъ и въ особенности Дюбуа-Реймондъ нашли способъ вызывать въ мышцѣ столбнякѣ быстро прерывающимися или извращающимися электрическими токами, физиологи смотрять на всякій столбнякѣ, какъ на рядъ одиночныхъ сокращеній, которыя такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что въ промежуткахъ мышца не успѣваетъ приходить въ покой, такъ что одиночныя мгновенныя сокращенія суммируются въ одно продолжительное. Это представленіе о столбнякѣ утвердилось еще тѣмъ, что и другія раздраженія, очевидно прерывистыя вызываютъ продолжительное сокращеніе мышцы. Дюбуа вызывалъ тетанусъ, быстро отрублявая одинъ кусокъ нерва за другимъ, и въ тетаномоторѣ Гейденчайна мы имѣемъ средство вызывать столбнякѣ быстрыми ударами молоточка на одну и ту же точку нерва. Очевидно въ этихъ случаяхъ происходитъ суммирование мгновенныхъ сокращеній; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что *всякое* продолжительное сокращеніе, — *всякій* столбнякѣ, — составлено изъ суммы одиночныхъ? Доказано-ли, что возвращеніе прежнихъ физиологовъ на продолжительное мышечное сокращеніе невѣрно во *всякихъ* случаяхъ, въ которыхъ наблюдается такое сокращеніе?

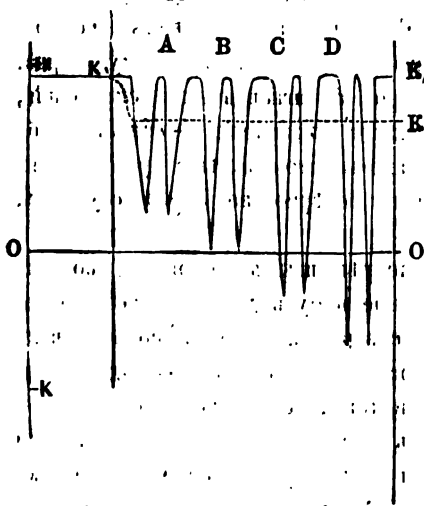
Дюбуа-Реймондъ оставилъ этотъ вопросъ не рѣшеннымъ на опытѣ, но высказываетъ сомнѣніе, существуетъ ли вообще какое нибудь дѣйствительно постоянное сокращеніе мышцы *). Это сомнѣніе было совершенно законно, пока не знали возможности вызывать электрической столбнякѣ постояннымъ токомъ. Убѣжденіе, что нервъ возбуждается только быстрыми колебаніями тока, ведетъ по необходимости къ заключенію, что эти колебанія существуютъ вездѣ, гдѣ есть сокращеніе, и продолжаются, пока продолжается сокращеніе. Съ тѣхъ поръ однакожъ, какъ Пелюгеръ показалъ, что столбнякѣ вызывается и постояннымъ токомъ при отсутствіи всякаго колебанія, является возможность допустить, что продолжительное сокращеніе мышцы можетъ быть постояннымъ и при дѣйствіи другихъ постоянныхъ возбужденій.

Всякое мгновенное сокращеніе мышцы сопровождается такимъ-же мгновеннымъ колебаніемъ мышечнаго тока. Стрѣлка мультипликатора слишкомъ глупа, чтобы обнаружить такое быстрое колебаніе, но послѣднее легко обнаруживается физиологическимъ реоскопомъ — лягушечьей лапкою, неложною своимъ нервомъ на

*) E. du Bois-Reymond, Untersuch. über thier. Electr. 3 Abschn. Kap. IV § IV.

сокращающуюся мышцу. Когда же сокращения мышцы быстро следуют одно за другим, мультипликатор суммирует мгновенныя колебания мышечнаго тока, и сумма колебаний обнаруживается возвратомъ стрѣлки — отрицательнымъ колебаниемъ. Следовательно отрицательное колебание также мало можетъ служить для рѣшенія нашего вопроса, какъ и само сокращеніе мышцы. Какъ послѣднее можетъ быть суммой одиночныхъ сокращеній, такъ и первое можетъ быть суммой одиночныхъ колебаний. Вопросъ только въ томъ, всегда-ли оно такъ? Для насъ следовательно важно знать, во первыхъ, существуетъ ли отрицательное колебание, и, во вторыхъ, какими образомъ оно происходитъ. Въ первомъ отношеніи изслѣдованія Дюбуа-Реймонда *) не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія: положительно доказано, что отрицательное колебание сопровождается электрическимъ, механическимъ, химическимъ, термическимъ столбнякомъ, Риттеровскимъ столбнякомъ и даже продолжительное произвольное сокращеніе мышцъ. Во второмъ отношеніи Дюбуа подробно разобралъ только электрический столбнякъ, и пришелъ къ заключенію, что отрицательное колебание при этомъ столбнякѣ есть выраженіе суммы цѣлаго ряда положительныхъ и отрицательныхъ колебаний, которыя довольно часты и довольно глубоки для того, чтобы въ свою очередь тетанизировать нервъ. Неопровержимое доказательство этого заключенія — есть вторичный тетанусъ, т. е. столбнякъ вызванный въ одной мышцѣ колебаниями тока, сопровождающими столбнякъ другой мышцы.

Согласно съ этимъ отрицательное колебание представляется уже не въ видѣ простой прямой или кривой линіи, а въ видѣ зигзага, котораго одна часть находится выше, другая ниже этой линіи, какъ показываетъ приложенный схематическій рисунокъ, заимствованный у Дюбуа. Въ этомъ рисунокѣ кривая K, K'' обозначающая ослабленный токъ сокращенной мышцы, сводится на тетанусъ K, K''' , котораго зубцы могутъ имѣть различную длину A, B, C, D ,

но всегда большую чѣмъ отрицательное колебание K, K''' . Эти зубцы суть ничто иное какъ изображеніе глубокихъ и рѣзкихъ колебаний тока, могущихъ вызвать вторичныя сокращенія. Каждый зубецъ соответствуетъ одному быстрому отрицательному колебанию, но такъ какъ эти одиночныя колебания следуютъ весьма быстро одно за другимъ, то мультипликаторъ суммируетъ ихъ и даетъ только результирующее отрицательное колебание $K''' K''$.

Если мышца неспособна къ продолжительному сокращенію, а всякое такое сокращеніе складается изъ мгновенныхъ, то и сопровождающее его отрицательное колебание складается изъ колебаний похожихъ на представленные въ рисунокѣ. Мы следовательно вправе ожидать, что отрицательное колебание вызоветъ всегда въ испытываемомъ мышечно-нервномъ препаратѣ столбнякъ. Гдѣ такой вторичный столбнякъ не долучается, позволено сомнѣваться, состоитъ ли первичный столбнякъ изъ суммы одиночныхъ сокращеній и состоитъ ли сопровождающее его отри-

*) Н. к. З. Absehn Kap. IV. § III.

цательное колебаніе изъ суммы мгновенныхъ одиночныхъ колебаній мышечнаго тока. Это сомнѣніе тѣмъ позволительнѣе, что и раздраженія, вызывающія столбнякъ, какъ электрическія такъ и не электрическія, могутъ быть двоякаго рода: одни состоятъ изъ ряда быстро слѣдующихъ другъ за другомъ возбужденій, другія дѣйствуютъ непрерывно. Когда мы тетанизируемъ нервъ прерывающимися индукціонными токами или ударами тетаномотора, раздраженіе очевидно прерывисто; но когда мы производимъ столбнякъ постояннымъ токомъ, или поваренною солью, раздраженіе само по себѣ дѣйствуетъ непрерывно. А ригоріи нѣтъ никакой достаточной причины предполагать, что во второмъ случаѣ, по какимъ то особеннымъ свойствамъ нерва, безпрерывное раздраженіе становится прерывистымъ.

И такъ я обратился за рѣшеніемъ занимавшаго меня вопроса ко вторичному столбняку. Относящіяся сюда опыты большею частію произведены мною вмѣстѣ съ г. Сыцяно, доцентомъ при Харьковскомъ университетѣ. Я привожу здѣсь его иимі, хотя не увѣренъ въ томъ, согласенъ ли онъ съ моими выводами, да и самъ не выдаю этихъ выводовъ за окончательные и намѣренъ съ наступленіемъ лѣта позаняться продолженіемъ начатыхъ опытовъ.

Испытанію подвержены слѣдующіе роды мышечнаго столбняка: 1) электрическій столбнякъ; 2) механическій столбнякъ; 3) химическій столбнякъ; 4) Риттеровскій столбнякъ; 5) рефлексивный столбнякъ.

1) Электрическій столбнякъ, который лучше всего производится прерывающимися индуктивными токами помощью индукціоннаго аппарата Дюбуа, всего легче даетъ вторичный столбнякъ. Этотъ опытъ принадлежитъ къ ежедневнымъ опытамъ нервной физиологіи и почти всегда удается. Изъ него-то Дюбуа вывелъ вышензображенную кривую отрицательнаго колебанія. Этотъ вторичный столбнякъ слѣдовательно составляетъ типъ, съ которымъ должно сравнивать то, что получается при другихъ видахъ столбняка. Характеристика его та, что онъ начинается и кончается вмѣстѣ съ первичнымъ столбнякомъ и съ рѣдкими колебаніями продолжается все время, пока продолжается первичный столбнякъ.

2) Механическій столбнякъ. Подложивъ нервъ препарованной лягушечей лапки подъ молоточекъ тетаномотора, я клалъ нервъ другой лапки на *gastrocnemius* или на разгибающія мышцы первой въ возможно дѣятельномъ расположеніи, т. е. параллельно мышечнымъ волокнамъ и такъ чтобы одна часть его лежала на сухожиліи а другая на естественномъ продольномъ разрѣзѣ (на брюшкѣ). Для большаго удобства наблюденія я въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользовался мышечнымъ телеграфомъ Дюбуа, при чемъ бралъ для испытанія вторичнаго столбняка вмѣсто цѣлой лапки только *m. gastrocnemius*, препарованный съ нервомъ и съ кускомъ бедра. Когда я приводилъ въ движеніе тетаномоторъ, то вмѣстѣ съ первичнымъ столбнякомъ наблюдалъ, хотя не всегда, болѣе или менѣ сильный и безпрерывный вторичный столбнякъ.

3) Для испытанія рефлексивнаго столбняка лягушка была отравлена введеніемъ азотнокислаго стрихнина въ желудокъ или подъ кожу. Одна лапка обнажена и оставлена въ связи съ спиннымъ мозгомъ посредствомъ сѣдалищнаго нерва, а другая отдѣлена отъ тѣла, отпрепарована и нервъ ея наложенъ надлежащимъ образомъ на одну изъ мышцъ бедра или голени. Въ большей части случаевъ при появляющемся столбнякѣ отрѣзанная лапка оставалась въ покоѣ; иногда появлялись

одиночныя вторичныя сокращенія при началѣ, при концѣ или всрединѣ первичнаго столбняка; ни разу я не наблюдалъ дѣйствительнаго вторичнаго столбняка.

4) Для вызванія химическаго столбняка я клалъ на нервъ каплю крѣпкаго раствора или нѣсколько кристалликовъ поваренной соли. Возбужденіе нерва этимъ способомъ иные объясняютъ не химическимъ, а осмотическимъ дѣйствіемъ соли, извлеченіемъ воды, и сравниваютъ его съ возбужденіемъ нерва при высыханіи *); во всякомъ случаѣ оно дѣйствуетъ непрерывно. Обнаживъ оба бедренныя нерва до позвоночника, я на одинъ изъ нихъ клалъ растворъ или кристаллы соли и по прошествіи двухъ-трехъ минутъ, когда уже ожидалъ появленія столбняка, отрѣзалъ другой нервъ возлѣ самаго позвоночника и оперировалъ его до колыннаго сгиба, такъ чтобы его можно было переложить на любую изъ мышцъ возбужденной лапки. Кромѣ одиночнаго сокращенія (отъ мышечнаго тока) при наложеніи нерва, я наблюдалъ еще вторичное сокращеніе, совпадавшее съ быстрымъ прекращеніемъ столбняка отъ перерѣзанія возбужденнаго нерва ниже мѣста возбужденія. Вторичнаго столбняка не было и тогда, когда нервъ лежалъ одной частію на свѣжемъ искусственномъ поперечномъ разрѣзѣ вмѣсто сухожилія. Тотъ-же результатъ получался, когда одна или обѣ ножки были предварительно отдѣлены отъ тѣла или когда я вмѣсто цѣлой ножки бралъ только крайней мускулы съ его нервомъ. Только въ послѣднемъ случаѣ трудно уберечь испытывающій нервъ отъ высыханія, которое можетъ произвести сокращенія независимо отъ столбняка испытываемой мышцы.

5) Риттеровскій столбнякъ, какъ извѣстно, происходитъ по прекращеніи поляризующаго постояннаго тока вслѣдствіе положительной модификаціи въ области бывшаго анэлектротона; въ причинахъ, производящихъ его нѣтъ слѣдовательно ничего прерывистаго. Такъ какъ поляризующій токъ долженъ продолжаться нѣсколько минутъ, то вторая мышца приготовлялась только по замыканіи поляризующаго тока. Непосредственно предъ размыканіемъ послѣдняго, она была вправлена въ мышечный телеграфъ и нервъ наложенъ надлежащимъ образомъ на одну изъ мышцъ поляризуемой лапки. Всегда получалось вторичное сокращеніе въ моментъ размыканія тока и въ моментъ, когда столбнякъ прекращался перерѣзаніемъ нерва (при нисходящемъ токѣ). Только въ одномъ случаѣ произошелъ столбнякъ испытываемой мышцы, совпавшій съ столбнякомъ испытываемой; во всѣхъ прочихъ случаяхъ первая во все время столбняка оставалась въ покоѣ или давала неправильныя сокращенія, зависѣвшія по всей вѣроятности отъ неравномѣрнаго высыханія нерва. Можетъ быть, и въ единственномъ случаѣ, въ которомъ получился столбнякъ, послѣдній былъ не вторичный, а зависѣлъ также отъ высыханія нерва. Я потому пока не придаю всѣмъ относящимся сюда опытамъ никакого значенія и намѣренъ повторить ихъ во влажной камерѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ послѣдній случай, нельзя незамѣтить, что ясный вторичный столбнякъ получается только въ тѣхъ случаяхъ, когда первичный столбнякъ произведенъ рядомъ прерывающихся раздраженій — въ первомъ случаѣ рядомъ индукціонныхъ, во второмъ рядомъ механическихъ ударовъ. Для этихъ случаевъ мы слѣдовательно имѣемъ доказательство, что тоническое сокращеніе состоитъ изъ ряда мгновенныхъ, изъ которыхъ каждое сопровождается измѣненіемъ мышечнаго тока. Но для рефлективнаго и для химическаго столбняка какъ и для произвольнаго со-

*) См. Eckhard, Experimentalphysiologie d. Nerven-systems 1866 § 117.

кращенія должно искать другихъ доказательствъ и, пока ихъ нѣтъ, нельзя считать всякое тоническое сокращеніе состоящимъ изъ ряда одиночныхъ. Звукъ издаваемый мышцами при сокращеніи недавно подверженный Гельмгольцомъ точнѣйшему наслѣдованію не можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ, потому что происходитъ и при сокращеніяхъ очевидно не сложныхъ, напр. при сокращеніяхъ сердца. Въ послѣднее время еще Марэй *) занимался вопросомъ, слѣдуетъ ли сокращеніе сердечной мышцы разсматривать какъ содраганіе (*secousse*) или какъ сокращеніе (*contraction*), разумѣя подъ первымъ одиночное сокращеніе, а подъ вторымъ — сокращеніе состоящее изъ ряда одиночныхъ содраганій. Для рѣшенія этого вопроса онъ прибѣгнулъ также ко вторичному сокращенію. Не получивъ отъ сердца продолжительныхъ вторичныхъ сокращеній, а только мгновенныя вторичныя содраганія, онъ заключаетъ, что и самое сокращеніе сердца есть одиночное, хотя оно продолжается гораздо больше одиночнаго сокращенія другихъ поперечнополосатыхъ мышцъ. Это мнѣніе едва ли можетъ быть оспариваемо и, собственно говоря, было принято и прежде всѣми физиологами. И опытъ Марэя не новъ, **) потому что и прежде извѣстно было, что отъ сердца можно получать не только вторичное, но и третичное сокращеніе и даже сокращенія еще высшихъ порядковъ. Только никто не пользовался этимъ опытомъ для доказыванія истины, которая казалась ненуждающейся въ доказательствѣ. Тѣмъ не мѣнѣе положеніе, что всякое бѣненіе сердца есть одиночное сокращеніе также нуждалось въ положительныхъ доказательствахъ, какъ другое противорѣчающее ему и все-таки принимаемое всѣми физиологами, что всякое тетаническое сокращеніе есть сумма простыхъ содраганій.

Должно однакожъ прибавить, что для рефлективнаго столбняка и для произвольнаго сокращенія это предположеніе дѣлается, хотя безъ доказательствъ, но не безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ въ этихъ двухъ случаяхъ возбужденіе исходитъ изъ нервныхъ центровъ, которымъ и по другимъ причинамъ приписывается свойство прерывистой дѣятельности. Нервные центры представляютъ распространенію возбужденія извѣстное препятствіе; чтобы превозмочь это препятствіе и перейти на нервъ, возбужденіе должно нарости до извѣстной высоты; для этого наростанія требуется промежутокъ времени, въ который нервъ остается въ покоѣ. Лучшій примѣръ этого представляетъ именно сердце. Нервные центры его находятся въ немъ самомъ, и вотъ почему нельзя вызвать тетаническаго сокращенія сердца никакими средствами дѣйствующими не на самое сердце, а на его нервы. Что сердечная мышца, такъ-же какъ всякая другая, способна къ тетаническому сокращенію видно изъ того, что послѣднее можно вызвать, дѣйствуя на самое сердце прерывистыми индукціонными токами. Чтобы произвести химическій столбнякъ сердца, я смачивалъ его на живой лягушкѣ разведеннымъ амміакомъ: сердце тотчасъ сжималось, поблѣднѣло и опустѣло, чтобы болѣе уже не расширяться и не наполняться кровію; только предсердія рѣдко и слабо сокращались, и отъ времени до времени маленькая капля крови пробиралась чрезъ сжатый желудочекъ. Слѣд. амміакъ не убивалъ сердца, а только тетанизировалъ его.

*) Journal de l'Anatomie et de la Physiologie. 1866. Juillet et Août. Marey, Etudes graphiques sur la nature de la contraction musculaire.

**) См. И. Сѣченовъ, о животномъ электричествѣ 1862 стр. 115.

2) Нервныйъ электротонъ при раздвоеніи поляризующаго тока.

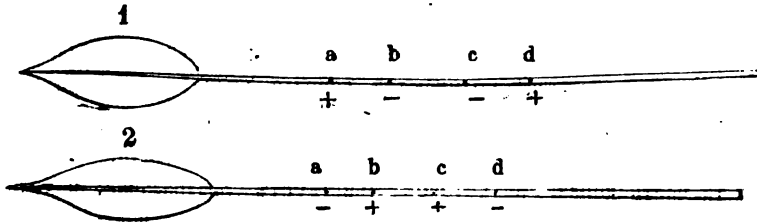
Извѣстно, что явленія измѣненной раздражительности нерва въ электротоническомъ состояніи часто затемняются другимъ измѣненіемъ, также зависящимъ отъ электротона, а именно, измѣненіемъ проводящей способности нерва. Если бы оба эти измѣненія шли параллельно, т. е. если бы раздражительность нерва увеличивалась ровно на столько, на сколько уменьшается его проводность, то не было бы возможности отдѣлить одно измѣненіе отъ другаго. Только благодаря тому, что слабѣе токи измѣняютъ болѣе раздражительность чѣмъ проводящую способность нерва, Пфлюгеру удалось открыть общій законъ: что во время прохожденія постоянного тока по нерву раздражительность увеличена въ области катода (катэлектротонъ) и уменьшена въ области анода (анэлектротонъ). При сколько нибудь сильномъ поляризующемъ токѣ законъ этотъ повидимому не вполне оправдывается: именно, когда токъ восходящій, раздраженіе катэлектротоническаго пространства менѣе дѣйствительно, чѣмъ при естественномъ состояніи нерва. Это противорѣчіе только кажущееся и объясняется тѣмъ, что сильный электротонъ (въ особенности анэлектротонъ) составляетъ препятствіе распространенію раздраженія.

Границы, въ которыхъ увеличеніе препятствія не мѣшаетъ проявленію катэлектротона, весьма тѣсны. Начиная съ самыхъ слабыхъ восходящихъ токовъ, при которыхъ замыканіе едва даетъ сокращеніе, и усиливая токъ, мы очень скоро доходимъ до тока, при которомъ сокращенія получаютъ какъ замыканіемъ такъ и размыканіемъ цѣпи. Это средней токъ; по сильнѣе его токъ, хотя самъ по себѣ слабый, для нерва есть уже сильный и не даетъ уже замыкательнаго сокращенія, потому что катэлектротонъ встрѣчаетъ на пути къ мышцѣ довольно сильное препятствіе своему распространенію — въ анэлектротонъ. При этой силѣ поляризующаго тока и всякое другое раздраженіе, дѣйствующее на катэлектротоническое пространство или на точки нерва выше лежащія, окажется менѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ безъ поляризующаго тока. Токъ одной даніелевой пары при обыкновенной раздражительности нерва довольно силенъ, чтобы препятствовать распространенію своего собственнаго катэлектротона, и для надлежащаго ослабленія этого тока необходимо бываетъ ввести то побочное замыканіе — реохордъ. Среднимъ токкомъ считается токъ равный мышечному, т. е. приблизительно въ 7 разъ ослабленный токъ даніелева элемента.

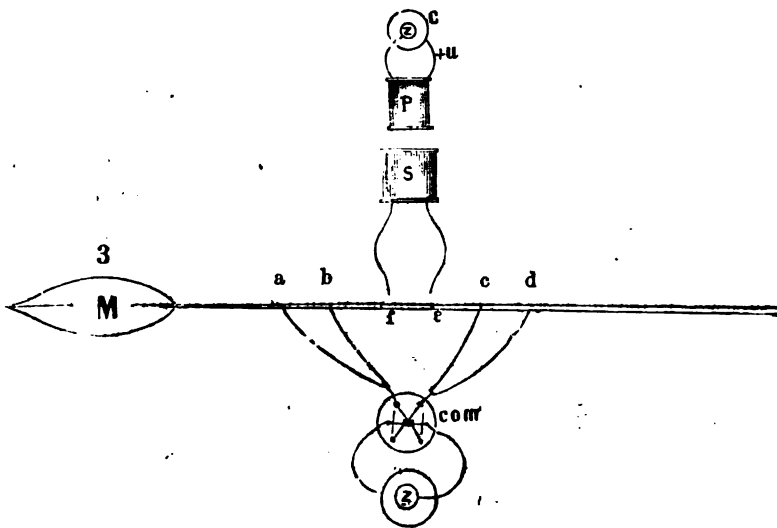
Производя опыты надъ электротономъ, мнѣ показалось желательнымъ расширить границы средняго тока. Это можетъ съ перваго взгляда показаться несбыточнымъ, такъ какъ съ усиленіемъ тока препятствіе растеть вмѣстѣ съ раздражительностью и анэлектротоническое пространство увеличивается въ то время какъ катэлектротоническое пространство между полюсами напротивъ уменьшается. Задача состоятъ слѣд. въ томъ, чтобы усилить катэлектротонъ, не усиливая въ то же время анэлектротона. Этого я достигаю слѣдующимъ образомъ:

Я раздѣляю поляризующій токъ (даніелевой пары) на двѣ вѣтви, употребляя вмѣсто простыхъ электродовъ двойные электроды, и эти двойные электроды привожу въ соприкосновеніе съ нервомъ, такъ чтобы одноименные полуэлектроды приходились посрединѣ, а другіе, также одноименные по краямъ. Такой полари-

зующій токъ можно назвать *сходящимся*, когда въ среднѣ находятся отрицательные электроды (1), а *расходящимся*, когда положительные электроды находятся между отрицательными (2).

Расположеніе опыта слѣдующее: лягушечья лапка готовится такъ, чтобы нервъ ея нѣтъ возможно большую длину. Нервъ этотъ кладется на шести изолированныхъ другъ отъ друга проволокахъ a, b, f, e, c, d, расположенныхъ на равныхъ разстояніяхъ. Двѣ среднія проволоки f и e соединяются съ приводами саннаго аппарата; изъ 4-хъ остальныхъ проволокъ, двѣ крайнія a и d соединяются съ однимъ приводомъ, двѣ среднія b и c съ другимъ приводомъ даніелевой пары посредствомъ

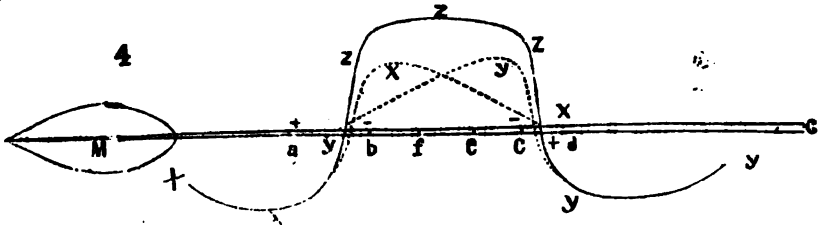
коммутатора, такъ чтобы можно было получать то сходящійся, то расходящійся токъ. Приводы e и f служатъ для раздраженія нерва индукціонными ударами получаемыми отъ прерыванія тока первичной спирали въ u, и удары эти могутъ быть ослаблены и усилены удаленіемъ или сближеніемъ спиралей; самое меньшее удаленіе спиралей, при которомъ получается еще сокращеніе, можетъ служить мѣрою раздражительности нерва въ точкахъ ef.

Выгоды этого расположенія очевидны. Во первыхъ самый нервъ, именно часть его cd, замѣняетъ собою реохордъ и ослабляетъ токъ ab. Во вторыхъ — и это главная выгода — вѣтвь тока cd сама служитъ для усиленія электротоническаго измѣненія раздражительности въ смыслѣ тока ab. Дѣйствіе электродовъ b и c сум-

ируется, между тѣмъ какъ дѣйствіе электродовъ а и d остается раздѣльнымъ. При сходящемся токъ катэлектротонъ между b и c растетъ быстрее чѣмъ электрононъ въ а и d; при расходящемся токъ, наоборотъ, анаэлектротонъ преобладаетъ надъ катэлектротономъ.

При такомъ расположеніи опытовъ всѣ явленія измѣненія раздражительности во внѣполосномъ электрононѣ получаются гораздо рѣзче, чѣмъ при употребленіи простыхъ электродовъ и реохорда. Какъ и можно было ожидать, сходящійся токъ дѣйствуетъ какъ восходящій, а расходящійся какъ нисходящій. Все различіе въ томъ, что та часть нерва, на которое дѣйствуетъ раздраженіе, находится подъ вліяніемъ двухъ одноименныхъ полюсовъ, между тѣмъ какъ часть нерва, по которому раздраженіе распространяется, находится подъ вліяніемъ только одного полюса.

Схематическая фигура 4 показываетъ это весьма ясно. Часть нерва а b поляризуется сильнымъ восходящимъ токомъ. Кривая х х х х изображаетъ проис-

ходящее отъ этого измѣненіе раздражительности, — нижняя часть — уменьшеніе ея въ анаэлектротонѣ, а часть, лежащая надъ обсписсою, — увеличеніе ея въ катэлектротонѣ; первое преобладаетъ и препятствуетъ распространенію раздраженія отъ fe къ мышцѣ. Если заставимъ теперь дѣйствовать на cd токъ такой же силы, но противнаго направленія, то онъ съ своей стороны произведетъ такое же измѣненіе раздражительности, изображаемое кривою у у у у, которой верхняя часть падаетъ между тѣми же точками между которыми находится и положительная часть кривой х х х х. Отъ сложенія обѣихъ кривыхъ мы получимъ новую кривую х х z z y u u, которой положительная часть обнимаетъ пространство вдвое больше положительной половины х х х х между тѣмъ какъ нижняя часть х х осталась при прежней величинѣ: катэлектротонъ преобладаетъ надъ анаэлектротономъ, увеличеніе раздражительности больше чѣмъ увеличеніе препятствія.

Такъ какъ побочное замыканіе с d замѣняетъ побочное замыканіе реохорда, то пространствомъ с d можно пользоваться для усиленія и ослабленія тока въ пространствѣ а b. Для этого стоитъ только удалять или сближать между собою проволоки с и d. При значительномъ сопротивленіи, которое нервъ представляетъ гальваническому току, незначительное сближеніе электродовъ с и d произведетъ значительное усиленіе тока между этими точками и соответственное ослабленіе его между точками а и b; раздвиганіе с и d будетъ имѣть противоположное дѣйствіе. Далѣе можно расположить проволоки b, f, e и c въ болѣе близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, что должно оказаться еще дѣйствительнѣе. Но и при описанномъ расположеніи опытовъ достигается уже то, что раздвоенный токъ ланглева элемента остается еще въ предѣлахъ средняго тока.

Н. Бернштейнъ.

О ТЕПЛОВЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ

ОБНАРУЖИВАЮЩИХСЯ ПРИ СОЕДИНЕНІИ ЖИДКОСТЕЙ.

І. Критическій обзоръ изслѣдованій по термохиміи жидкостей.

При самомъ основаніи новѣйшей химіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, уже извѣстно было, что всякое химическое соединеніе сопровождается тепловыми измѣненіями; но первымъ замѣчательнымъ трудомъ въ этой области должно безспорно считаться изслѣдованіе Лавуазье и Лапласа ¹⁾.

Посредствомъ своего ледянаго калориметра они опредѣлили теплоемкость нѣсколькихъ жидкостей, въ томъ числѣ сѣрной кислоты и нѣсколькихъ соединеній ея съ водою, и количество тепла, отдѣляющагося при образованіи этихъ соединеній. Употребленіемъ ледянаго калориметра они въ значительной степени избѣжали ошибокъ, которыя въ ихъ время непременно были бы внесены въ результатъ употребленіемъ термометра, который былъ тогда еще очень несовершенъ; термометръ служилъ имъ только для опредѣленія *начальной* температуры нагрѣтой жидкости, т. е. самой большой изъ термометрическихъ данныхъ, входящихъ въ опредѣленіе теплоемкости; кромѣ того они брали огромныя массы жидкостей, 2 — 3 фунта. При опредѣленіи количествъ тепла, отдѣляемыхъ соединеніемъ двухъ тѣлъ, термометръ вовсе былъ исключенъ: опыты производились при 0° и количество тепла измѣрялось количествомъ растаявшаго льда. Результаты тѣхъ и другихъ опредѣленій, при такихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, были близки къ истинѣ, но тогда еще не были извѣстны способы приготовленія тѣлъ въ чистомъ видѣ и, по удѣльнымъ вѣсамъ кислотъ, употребленныхъ Лавуазье и Лапласомъ видно, что это не были чистыя, опредѣленнаго состава, тѣла; поэтому сравненіе ихъ термическихъ результатовъ съ новѣйшими — невозможно. Но еще замѣчательнѣе чѣмъ точность ихъ экспериментальныхъ методовъ, идеи, которыя руководили этими двумя великими изслѣдователями. Я подробно изложу ихъ ниже.

Слѣдующій за тѣмъ по времени трудъ принадлежитъ Гадолину ²⁾. Трудъ этотъ, предпринятый совершенно съ той же точки зрѣнія какъ и предшлющій, замѣчательнъ по своему плану. Авторъ опредѣлилъ теплоемкость сѣрной кислоты

¹⁾ Mem. de l'acad. pour 1780, издан. въ 1784.

²⁾ Crell's Chem. Ann. t. 1. 1786.

и теплоемкости шести соединений ея съ водою; затѣмъ онъ опредѣлилъ возвышеніе температуры, происходящее при образованіи этихъ шести соединений. Но съ экспериментальной точки зрѣнія трудъ этотъ неудовлетворителенъ: поправокъ на охлажденіе не производилось, хотя возвышеніе температуры доходило иногда до 100° и выше; опыты производились въ стекляныхъ и фарфоровыхъ посудахъ, наконецъ термометрическія наблюденія очень грубы.

Шмидтъ ¹⁾ наблюдалъ измѣненія температуры и измѣненія объема при смѣшиваніи воды со спиртомъ удѣльнаго вѣса 0,889, съ нордгаузенской сѣрной кислотой, крѣпкой азотной и крѣпкой сѣрной кислотой, съ цѣлю объяснить отдѣленіе теплоты измѣненіемъ объема; но его опыты очень грубы и его взглядъ на вопросъ гораздо менѣе правиленъ: отдѣленіе тепла онъ приписываетъ одной изъ двухъ соединяющихся жидкостей. Кроме того онъ беретъ вмѣсто чистыхъ и опредѣленныхъ химическихъ соединений, жидкости сложнаго состава, какъ напр. нордгаузенскую сѣрную кислоту, крѣпкій, но не безводный спиртъ и т. д.

Съ открытіемъ закона кратныхъ пропорцій, въ началѣ текущаго столѣтія, термохимическія изслѣдованія были совершенно оставлены; всѣ наличныя силы обратились на изученіе этого важнаго закона, вездѣ стали искать его проявленій, даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать ихъ; это случилось и въ области разсматриваемыхъ нами явленій.

Гессъ ²⁾, смѣшивая различныя гидраты сѣрной кислоты, составленныя въ эквивалентныхъ пропорціяхъ, съ избыткомъ воды, нашелъ, что количества теплоты, которыя при этомъ отдѣляются, если ихъ отнести къ единицѣ кислоты, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

Это заключеніе до такой степени обратило на себя вниманіе химиковъ, что съ него въ исторіи термохиміи начинается новая эпоха. Прежніе взгляды на предметъ, прежніе способы располагать опыты и представлять ихъ результаты *независимо отъ всякихъ предположеній*, были совершенно оставлены: всѣ усилія обратились на то, чтобы доказать вѣрность или невѣрность закона, открытаго Гессомъ. Это имѣло чрезвычайно вредное вліяніе на развитіе этой части науки. Вмѣсто того чтобы изслѣдовать явленіе во всемъ его объемѣ, стали изучать только небольшую долю его; вмѣсто того чтобы опредѣлять всю кривую, представляющую количества тепла, отдѣляющіяся при смѣшиваніи двухъ жидкостей, обратились къ изученію нѣсколькихъ точекъ этой кривой, составляющихъ одну сторону ея; другія явленія, сопровождающія въ этомъ случаѣ тепловыя проявленія, совершенно упущены изъ виду.

При дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ, Гессъ опредѣлялъ количества тепла, отдѣляющіяся при смѣшеніи моногидратовъ сѣрной и азотной кислотъ съ различными эквивалентными количествами воды, онъ нашелъ, что и здѣсь количества отдѣляемаго тепла, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

Что касается до экспериментальной стороны работъ Гесса, то она очень слаба. Онъ употреблялъ для своихъ опредѣленій мѣдный вызолоченный внутри сосудъ, плотно заправшійся и погруженный въ другой мѣдный сосудъ, наполненный

¹⁾ Green Neu Journ. t. 1. 1796.

²⁾ Bullet. de St. Pétersbourg 1837, Pogg. t. 47.

воду. Кислота и вода помещались во внутренний сосуд; термометръ, погруженный въ наружный сосуд, показывалъ возвышеніе температуры прибора послѣ смѣшенія. Гессъ говоритъ, что на его термометръ можно было считывать десятые доли градуса, но не даетъ никакихъ подробностей относительно того, производилось ли считываніе вооруженнымъ или невооруженнымъ глазомъ; должно предполагать последнее, въ такомъ случаѣ $0,1^{\circ}$ есть вѣроятная ошибка считыванія, а при большей части его опытовъ возвышенія температуры были отъ 2° — 10° и поправки на охлажденіе не производились. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣроятная ошибка въ опредѣленіи измѣненія температуры не менѣе $\frac{1}{20}$ всей опредѣляемой величины; но измѣненіе температуры входитъ въ составъ опредѣляемыхъ количествъ тепла какъ множитель, слѣдовательно и эти количества должны заключать въ себѣ такую же ошибку. Уже изъ этого видно, что числа, полученные Гессомъ, могутъ представлять лишь довольно грубое приближеніе. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивая числа, полученные имъ при повтореніи одного и того же опыта; такъ напр. для величины термической единицы, для соединенія сѣрной кислоты SO_3HO съ водою, Гессъ нашелъ слѣдующія цифры:

1 рядъ ¹⁾ .	2 рядъ ²⁾ .
38,88.	43,89.
38,28.	42,90.
38,09.	43,46.
38,83.	47,20.
39,23.	46,60.
39,23.	40,00.
	45,80.
	41,00.

Числа каждаго ряда получены совершенно одинаковымъ способомъ и однако же отличаются одно отъ другаго иногда на $\frac{1}{10}$ всей своей величины.

При всѣхъ приведенныхъ выше опредѣленіяхъ термическаго эквивалента сѣрной кислоты относительно воды, Гессъ допустилъ кромѣ того предположеніе, въ высшей степени невѣроятное ³⁾. Въместо того, чтобы брать прямо моногидратъ, онъ беретъ кислоту произвольнаго состава съ большимъ содержаніемъ воды и вычисляетъ термическій эквивалентъ X моногидрата по формулѣ

$$X = \frac{yt}{ya + zb}$$

гдѣ a и b выражаютъ количества обонхъ гидратовъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, изъ смѣси которыхъ состоитъ взятая кислота, y и z — числа пропорцій тепла, соответствующихъ для каждаго изъ гидратовъ, количеству прибавленной воды. Это какъ видно заключаетъ въ себѣ *implicite* предположеніе, что при смѣшиваніи съ водою смѣси двухъ опредѣленныхъ гидратовъ, отдѣляющееся количество тепла есть средняя арифметическая между тѣми количествами, которыя отдѣлялъ бы каждый изъ гидратовъ отдѣльно при смѣшиваніи съ даннымъ количествомъ воды.

¹⁾ Pogg. Ann. t. 53, § 88.

²⁾ Id. t. 56, § 102.

³⁾ Id. § 88 и § 103.

Предположеніе совершенно произвольное и невѣроятное. Если бы Гессъ сообщилъ вполнѣ подлинныя результаты опытовъ, то по всей вѣроятности изъ нихъ и можно было бы усмотрѣть ошибочность этого предположенія; но онъ даетъ лишь конечныя, поправленныя на основаніи этого предположенія, числа. Сколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ еще не обратилъ вниманія на эту капитальную ошибку, внесенную Гессомъ въ его послѣднія и лучшія термохимическія опредѣленія, а между тѣмъ она вполнѣ подрываетъ ихъ достоинство.

Слѣдующій по времени трудъ принадлежитъ Грэмму ¹⁾. Этотъ ученый смѣшивалъ различныя гидраты кислотъ съ *неопредѣленно большимъ* количествомъ воды. Я покажу ниже, что опыты такого рода не могутъ дать точныхъ результатовъ. Кроме того, съ экспериментальной стороны, изслѣдованіе Грэмма представляетъ тѣ же недостатки, какъ и опыты Гесса.

Тѣмъ не менѣе нельзя оставить безъ вниманія одинъ изъ выводовъ Грэмма, который, если бы былъ вѣренъ, составилъ бы фактъ чрезвычайной важности. Смѣшивая съ большимъ количествомъ воды гидратъ $\text{SO}_3 \cdot \text{HO} + 25 \text{ а.г.}$ Грэмъ получилъ возвышеніе температуры $0^{\circ},15$, гидратъ сохранялся три дня, прежде чѣмъ былъ употребленъ для опыта; дадѣе, тотъ часъ же по приготовленіи, говоритъ онъ, этотъ же гидратъ отдѣлялъ при смѣшиваніи съ водою гораздо меньшее количество тепла, такъ при одномъ опытѣ получилось $0,06$. Кислота $\text{SO}_3 \cdot \text{HO} + 49 \text{ а.г.}$ при смѣшиваніи съ водою чрезъ три часа по приготовленіи произвела возвышеніе температуры $0^{\circ},08$. Смѣшеніе того же гидрата съ водою чрезъ 24 часа по приготовленіи дало возвышеніе температуры $0^{\circ},13$. Я покажу ниже, что эти разницы основаны на ошибкахъ наблюденія.

Трудъ Абрія ²⁾ о количествахъ тепла, отдѣляющихся при смѣшиваніи воды съ моногидратомъ сѣрной кислоты, есть безспорно самый замѣчательный въ нашей области. Приборъ, который онъ употреблялъ, можно считать вполнѣ удовлетворительнымъ; онъ состоялъ изъ мѣднаго вызолоченнаго сосуда, въ которомъ помѣщались отдѣльно вода и кислота и который герметически зашпирался; этотъ сосудъ помѣщался въ другомъ сосудѣ, наполненномъ водою, нагрѣваніе которой вслѣдствіе смѣшиванія жидкостей внутренняго сосуда, давало мѣру количества отдѣленнаго тепла. Термометры были построены самимъ Абріа и наблюдались посредствомъ зрительной трубки; можно слѣдовательно было рассчитывать на точность сотыхъ долей градуса. Поправка на охлажденіе производилась обыкновеннымъ образомъ, прямымъ наблюденіемъ. Наконецъ, для большей части своихъ опытовъ Абрія сообщаетъ не только конечныя результаты, но и непосредственныя результаты наблюденія, такъ что есть возможность повѣрить и точность вычисленія и судить вполнѣ о степени точности опыта. Наибольшія разности въ результатахъ при повтореніи одного и того же опыта, за исключеніемъ двухъ случаевъ, гдѣ онѣ доходятъ до $\frac{1}{80}$, вообще говоря не превосходятъ $0,01$ всей опредѣляемой величины. Вообще это изслѣдованіе не только самое лучшее въ области нашихъ явленій, но и вообще можетъ быть названо превосходнымъ. Этотъ трудъ безъ сравненія лучше всѣхъ тѣхъ, которые явились позже его. Единственное обстоятельство, допускающее нѣсколько сомнѣніе,

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 8.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 13. 1844.

это — чистота кислоты. Абриа говоритъ, что приготовлялъ свою кислоту перегонкою и затѣмъ выпариваніемъ продажной кислоты до трехъ четвертей первоначальнаго объема; онъ прибавляетъ, что въ большей части случаевъ удостовѣрился посредствомъ анализа или опредѣленія удѣльнаго вѣса, что его кислота есть моногидратъ; но въ настоящее время изъ опытовъ Мариньяка ¹⁾ извѣстно, что выпариваніемъ нельзя получить моногидратъ. Я подвергну ниже подробному обсужденію результаты его труда, теперь же замѣчу, что возвышеніе температуры калориметра было всегда 3° — 4°, слѣдовательно вѣроятная ошибка термометрической данной должна быть немногимъ болѣе $\frac{1}{200}$, и такова же приблизительно должна быть ошибка конечнаго результата, такъ какъ всѣ другія количества, входящія въ составъ его, какъ напр. вѣсъ воды, калориметра, кислоты и т. д. могутъ быть опредѣляемы съ гораздо болѣею точностію.

Фавръ и Зильберманъ ²⁾ посвятили часть обширнаго труда своего, получившаго премію Парижской академіи наукъ, изученію тепловыхъ явленій, происходящихъ при смѣшиваніи кислотъ съ водою. Они употребили для этой части своего труда особенный ртутный калориметръ, посредствомъ котораго опыты производятся очень быстро и требуютъ очень малаго количества матеріала. Описаніе этого калориметра находится теперь во всѣхъ трактатахъ химіи и потому я не считаю нужнымъ распространяться объ его устройствѣ, а разсмотрю только степень точности, которой можно отъ него ожидать.

Показанія ртутнаго калориметра выражаются, какъ извѣстно, прямо въ единицахъ теплоты. Для того чтобы опредѣлить какому числу единицъ тепла соответствуетъ передвиженіе указательнаго столбика калориметра на одно дѣленіе, Фавръ и Зильберманъ вносятъ въ муфель калориметра извѣстное количество воды, нагрѣтой до кипѣнія. Для этого воду нагрѣваютъ въ стеклянной пипетѣ особой формы вставивъ предварительно кончикъ ея въ муфель и за тѣмъ поворачивая пипетку, производятъ выливаніе изъ нея жидкости. Ясно, что при этомъ часть жидкости попадаетъ въ муфель въ видѣ паровъ, количество которыхъ при каждомъ опытѣ будетъ различно, смотря потому, какъ производилась манипуляція. Для доказательства точности этого способа опредѣлять калориметрическую единицу прибора, Фавръ и Зильберманъ приводятъ слѣдующія числа, полученные для ихъ калориметра при совершенно одинаковыхъ условіяхъ:

Калориметрическая величина 1⁰

0, 29776.

0, 30230.

0, 29441.

0, 30685.

Средн. 0, 30033.

Какъ видно, результаты отдѣльныхъ опытовъ отличаются другъ отъ друга на $\frac{1}{200}$ всей своей величинѣ и это при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, что никакъ нельзя считать удовлетворительнымъ.

¹⁾ Handwörterbuch t. 7.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 3 v. t. 36, 37.

Кромѣ того, для того чтобы показанія ртутнаго калориметра были вѣрны необходимое условіе то, чтобы всѣ части калориметра и оба тѣла въ моментъ соединенія имѣли *одинаковую температуру*, потому что если температура одного изъ тѣлъ, или обонхъ, выше напр. нежели температура калориметра, то эта разность явится въ конечномъ результатѣ какъ тепло, отдѣлившееся при реакціи, и влияние этой разницы въ тѣхъ случаяхъ, когда все опредѣляемое количество тепла невелико, можетъ быть значительно. Между тѣмъ не представляется никакихъ средствъ знать температуру различныхъ частей прибора и даже температуру обѣихъ жидкостей въ моментъ ихъ смѣшиванія. Единственная данная, дающая нѣкоторое указаніе относительно этого — неподвижность указательнаго столбика калориметра; но и ею почти невозможно пользоваться на практикѣ, потому что послѣ каждаго *перваго* опыта калориметръ очевидно уже не находится въ равновѣсіи, а такъ какъ возстановленія равновѣсія пришлось бы ждать очень долго, Фавръ и Зильберманъ производили опытъ, не дожидаясь наступленія равновѣсія, а опредѣливъ только ходъ указательнаго столбика и потомъ дѣлали поправку. Какимъ образомъ производилась эта поправка, у нихъ не показано и очевидно, что она должна была заключать много произвольнаго, такъ какъ ходъ измѣненной температуры въ приборѣ, составленномъ изъ нѣсколькихъ слоевъ стекла, ртути и металла (муфель) можетъ быть очень различенъ, смотря по обстоятельствамъ.

Изъ этого видно, что показаніе ртутнаго калориметра не только не точны, но и, что еще важнѣе, невозможно опредѣлить даже приблизительно величину вѣроятной погрѣшности каждаго наблюденія. Сравнивая числа, полученные посредствомъ ртутнаго калориметра при повторенія одного и того же опыта, легко замѣтить ихъ неточность. Такъ, при соединеніи 1 грамма SO_2 HO съ водою, Фавръ и Зильберманъ получили:

Съ однимъ эквивалент. воды	64,7.
» » »	63,8.
» » »	65,6.
Съ семью эквивалент. воды	141,0.
» » »	142,6.
Съ осмью эквивалент. воды	144,6.
» » »	145,7.

Наибольшая разность первыхъ трехъ опредѣленій доходить почти до $\frac{1}{80}$ всей ихъ величины; для 7 эквив. воды разность обонхъ опредѣленій 1,6, а разность между среднею для 7 эквив. воды и среднею для 8 эквив. 3,3, т. е. всего вавое больше разности отдѣльнаго опредѣленія для одного и того же случая. Очевидно на такихъ результатахъ нельзя основывать никакихъ выводовъ.

Я считаю поэтому бесполезнымъ разбирать вполнѣ самыя числа, полученные посредствомъ этого прибора, тѣмъ болѣе, что относительно чистоты употребленныхъ веществъ, авторы не сообщаютъ никакихъ данныхъ, а для сѣрной кислоты напр. это, какъ я уже упомянулъ, вопросъ весьма важный и затруднительный.

Томсенъ ¹⁾ въ своемъ «опытѣ термохимической системы» представляетъ

¹⁾ Pogg. Ann. t. 88, 90, 91 и 92.

длинный ряд определений количества тепла, отделяющихся при смешивании различных кислот с водою. При всех своих опытах Томсенъ смешивалъ различные кислоты съ очень большимъ количествомъ воды (около 500 эквив. воды на 1 эквив. кислоты). Я уже упоминалъ, что такимъ образомъ расположенные опыты не могутъ дать точныхъ результатовъ и представляю ниже доказательства этого положенія; что же касается до самаго метода определений количества тепла, употребленнаго Томсеномъ, то онъ весьма неудовлетворителенъ. Приборъ состоялъ изъ двухъ стеклянныхъ сосудовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ; нижній содержалъ воду, отъ 1000 до 2000 граммовъ, верхній гидратъ кислоты отъ 10 до 25 граммовъ; термометръ, погруженный въ каждый сосудъ, указывалъ въ немъ температуру жидкости, которой равновѣрность достигалась посредствомъ взбалтыванія; открывая клапанъ верхняго сосуда, жидкость его переводилась въ нижній, содержащій воду и происшедшее отъ того измѣненіе температуры наблюдалось. Величина этого измѣненія была обыкновенно около 1° . Теплоемкость кислотъ, служившихъ для опыта, не была извѣстна, и потому чтобы исключить ея вліяніе, Томсенъ располагалъ опытъ такимъ образомъ, чтобы температура смѣси была равна температурѣ взятаго гидрата. Это какъ видно предполагаетъ, что гидратъ даже въ смѣси съ водою сохраняетъ свою теплоемкость. Впрочемъ неточность этого предположенія не можетъ имѣть значительнаго вліянія на результатъ; гораздо важнѣе слѣдующее: Томсенъ даетъ при своихъ числахъ сотыя и даже тысячныя доли градуса, а между тѣмъ ни слова не говоритъ о томъ, каковы были его термометры и какія предосторожности онъ употреблялъ для полученія столь точныхъ результатовъ, какъ будто бы дѣло шло о такомъ простомъ измѣрительномъ приѣмѣ, какъ напр. взвѣшиваніе. Между тѣмъ всякому, кто занимался точными термометрическими опредѣленіями извѣстно, что для того чтобы опредѣлять температуры съ точностію до $0^{\circ},1$ нужно имѣть термометры хорошо вывѣренные и принимать много предосторожностей; чтобы рассчитывать на ошибку не болѣеую $0^{\circ},01$, необходимо имѣть термометры, которыхъ внутренній коллибръ тщательно провѣренъ послѣ градуированія, т. е. термометры съ произвольной скалой, необходимо послѣ каждаго опыта провѣрять положеніе точки 0° . Кромѣ того если термометръ такъ чувствителенъ, что позволяетъ наблюдать $0^{\circ},01$, его показанія даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ постоянства такъ быстро измѣняются, что совершенно невозможно привести жидкость, въ которую онъ погруженъ, къ какой либо напередъ опредѣленной температурѣ и съ точностію опредѣлить ее, а необходимо наблюдать тѣ температуры, которыя всего удобнѣе для наблюденія, т. е. максіма и мініма напр., и довольствоваться приближеніемъ къ желаемой температурѣ, производя потомъ поправку. Все это повидимому было совершенно неизвѣстно Томсену. Онъ не упоминаетъ также ни слова о томъ, какимъ образомъ онъ получалъ чистыя опредѣленнаго состава гидраты, что тоже дѣло не легкое. Я думаю поэтому, что результаты, полученные съ такою неосмотрительностію не заслуживаютъ вниманія, не смотря на роскошь десятичныхъ знаковъ. Вѣроятная ошибка термометрическихъ данныхъ Томсена, если онъ употреблялъ существующіе въ продажѣ такъ называемые тонкіе термометры, должна быть не менѣе $0^{\circ},1$, а такъ какъ измѣненія температуры при смешиваніи были въ его опытѣ около 1° , то въ конечномъ результатѣ должны быть ошибки, доходящія до $0,1$ всей опредѣляемой величины и больше. Я считаю поэтому бесполезнымъ

разбирать способъ вычисленія результатовъ, который употребляетъ Томсентъ, и сама числа, замѣчу только, что конечный результатъ получался посредствомъ сложной формулы, произвольно составленной и для повѣрки которой Томсентъ произволилъ особенные опыты, наливая въ верхній сосудъ теплую воду — способъ, противъ котораго также весьма многое можно возразить.

Что касается до жидкостей, которыя вовсе не могутъ образовать между собою соединеній въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, то первыя наблюденія относительно тепловыхъ измѣненій, происходящихъ при ихъ смѣшиваніи — принадлежатъ имъ.

Я показалъ ¹⁾, что въ моментъ образованія такихъ смѣсей иногда происходитъ значительныя повышенія температуры (иногда до 9°); между прочимъ особенно замѣчательны тотъ фактъ, что при смѣшиваніи нѣкоторыхъ жидкостей, каковы напр. эфиръ и терпентинное масло, искусный эфиръ и спиртъ, происходитъ значительное пониженіе температуры, т. е. поглощеніе тепла, которое не можетъ быть приписано, какъ въ другихъ прежде извѣстныхъ этого рода случаяхъ (раствореніе солей, разбавленіе соляныхъ растворовъ) переходу одного изъ соединяющихся тѣлъ изъ твердаго состоянія въ жидкое.

Сентъ Клеръ Девиль ²⁾ напечаталъ только краткое извлеченіе изъ большаго труда, предпринятаго имъ для изученія занимающихъ насъ явленій. Онъ опредѣлялъ, говорить онъ, теплоемкость и удѣльный вѣсъ значительнаго числа смѣсей жидкостей, и количества тепла, отдающіяся при ихъ образованіи, но онъ представилъ лишь очень небольшое число числовыхъ данныхъ и только вкратцѣ упоминаетъ о своихъ методахъ; о достоинствѣ полученныхъ имъ результатовъ поэтому судить невозможно.

Фавръ и Куальяръ ³⁾ представили также нѣсколько таблицъ результатовъ, полученныхъ ими при изученіи количествъ тепла, отдающагося при смѣшиваніи воды съ сѣрной кислотой, искусною кислотой и нѣкоторыми солями. Эти результаты получены посредствомъ ртутнаго калориметра и потому представляютъ тѣ-же недостатки, какъ и результаты Фавра и Зильбермана. Такъ напр., прибавляя воду послѣдовательно къ 49 граммамъ сѣрной кислоты и прибавляя ее за разъ въ другомъ опытѣ, Фавръ и Куальяръ получили:

Для 1-го эквивалента воды :	
Прибав. по частямъ . . .	3187,9. едйн. тепл.
» за разъ . . .	3256,4. " "
Для 2-хъ эквивалентовъ воды :	
Прибав. по частямъ . . .	1590,3. " "
» за разъ . . .	1622,0. " "

Еслибы опыты были точны, то первыя два числа были бы тождественны и вторыя два также.

Нѣсколько позже Фавръ напечаталъ еще мемуаръ о томъ же предметѣ ⁴⁾, въ которомъ представилъ количества тепла, проявляющіяся при соединеніи воды и искусной кислоты со спиртомъ и глицериномъ, полученные тѣмъ же способомъ.

¹⁾ Bullet. de la Soc. de Moscou 1857. № 3.

²⁾ Comp. Rend. t. 50 p. 1860.

³⁾ Comp. Rend. t. 50 p. 1160.

⁴⁾ Comp. Rend. t. 51 p. 316, 1860.

Замѣчанія, высказанныя мною по поводу прежнихъ результатовъ Фавра и Зильбермана, относятся повтому вполне и ко всѣмъ этимъ новымъ результатамъ.

Бюсси и Бюинье ¹⁾, по поводу изслѣдованія синильной кислоты, обратили вниманіе и на тепловыя явленія, происходящія при соединеніи этого тѣла съ водою. Позже они напечатали особый трудъ, имѣющій предметомъ этого рода явленія, обнаруживающіяся при смѣшиваніи различныхъ углеродистыхъ жидкостей ²⁾. При всѣхъ своихъ опытахъ Бюсси и Бюинье наблюдали только измѣненія температуры; опыты надъ синильною кислотою и водою производились въ трубкѣ, вмѣшавшей около 12 куб. сант. смѣси, въ которую былъ погруженъ термометръ и налита одна изъ жидкостей; другая жидкость помѣщалась въ подобной трубкѣ и имѣла также термометръ. Когда оба термометра показывали одинаковую температуру, жидкости смѣшивались и наблюдалась температура смѣси. При опытахъ своихъ надъ другими жидкостями, Бюсси и Бюинье употребляли приборъ большаго, размѣра состоявшій изъ двухъ тонкихъ стеклянныхъ сосудовъ, расположенныхъ другъ надъ другомъ; верхній сосудъ сообщался съ нижнимъ посредствомъ тонкой трубки, на которой былъ кранъ; въ оба сосуда погружались термометры и въ каждый наливалась одна изъ жидкостей; когда термометры показывали тождественную температуру, кранъ открывался и жидкость верхняго сосуда переходила въ нижній; послѣ легкаго взбалтыванія прибора рукою, наблюдалась температура смѣси. Количество смѣси было различное: для синильной кислоты и воды около 12 куб. сант., для другихъ жидкостей иногда около 100 куб. сант., иногда и гораздо меньшее, вслѣдствіе того, что авторы старались брать эквивалентныя количества веществъ.

Наибольшее пониженіе температуры, которое они наблюдали, доходить до 10° (синильная кислота и вода) наибольшее повышеніе до 14° (эфиръ и хлороформъ). Они нашли также, и это самый значительный и новый результатъ ихъ труда, что если опыты производились при различныхъ температурахъ, то повышенія и пониженія температуры тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше температура, при которой производится опытъ, такъ, что напр. получаютъ при смѣшиваніи:

	при 0°	при 14°
Синильной кислоты и воды	6°,4	— 9°,7
	при 0°	при 21°,9
Сѣрнистаго углерода и спирта	3,0	— 5,6.

Бюсси и Бюинье произвели также значительное число опредѣленій плотности смѣсей, а именно смѣсей синильной кислоты и воды, алкооля и сѣрнистаго углерода, хлороформа и алкооля, эфира и сѣрнистаго углерода (числа, относящіяся къ двумъ послѣднимъ смѣсямъ не представлены). Они заключили изъ этихъ опредѣленій, что между измѣненіемъ температуры и измѣненіемъ объема въ моментъ смѣшенія нѣтъ прямого отношенія, такъ какъ иногда происходитъ сжатіе и поглощеніе тепла, иногда сжатіе и отдѣленіе тепла.

Опыты Бюсси и Бюинье, какъ видно, имѣютъ совершенно характеръ предварительнаго изслѣдованія, имѣютъ значеніе какъ качественныя указанія, такъ какъ они вездѣ даютъ лишь измѣненія температуры, а не количества тепла, отдѣляемаго

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 4 s. t. III p. 231. 1864.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 4 s. .: IV p. 5. 1865.

и поглощаемыя при смѣшиваніи жидкостей, которыя одни могутъ быть сравниваемы между собою для открытія истинныхъ законовъ явленія. Нѣтъ надобности поэтому подвергать ихъ подробному обсужденію.

Изложивъ исторію фактической разработки нашего предмета, я обращаюсь теперь къ изученію идей, которыми руководились различные изслѣдователи, и теоретическихъ выводовъ къ которымъ они были приведены.

Идеи, которыми руководились первые изслѣдователи тепловыхъ явленій, сопровождающихъ химическое соединеніе, совершенно отличны отъ тѣхъ, подъ влияніемъ которыхъ произведены новѣйшія изслѣдованія, и притомъ весьма замѣчательны. Самое полное и ясное изложеніе ихъ, мы встрѣчаемъ въ первомъ трудѣ по нашему предмету, именно въ мемуарѣ Лавуазье и Лапласа ¹⁾. Я представлю здѣсь подробное изложеніе ихъ разсужденія объ опредѣленіи температуры абсолютнаго нуля термометра, такъ какъ оно заключаетъ полное изложеніе ихъ взгляда и на нашъ предметъ.

Упомянувъ о двухъ способахъ представлять себѣ причину тепловыхъ явленій, какъ особую жидкость и какъ движеніе частицъ, великіе эти изслѣдователи замѣчаютъ, что относительно настоящаго вопроса объ гипотезы тождественны и что для того чтобы перейти отъ одной къ другой, стоитъ только замѣнить выраженія: свободная теплота, поглощеніе теплоты, отдѣленіе теплоты, выраженіями: живая сила, потеря живой силы, увеличеніе живой силы.

Всѣ тѣла при 0°, продолжаютъ далѣе авторы, очевидно содержать еще весьма значительное количество тепла; весьма важно было бы знать на сколько градусовъ ниже 0° надобно охладить тѣла, для того чтобы они вовсе не содержали тепла. Теплота, отдѣляющаяся при соединеніи двухъ тѣлъ, не будучи слѣдствіемъ неравенства температуръ, можетъ послужить, быть можетъ, къ отысканію абсолютнаго 0°. Если означить чрезъ

m и n вѣсовыя количества двухъ тѣлъ

a и b отношенія абсолютныхъ количествъ тепла, заключающіяся въ единицѣ вѣса каждаго изъ нихъ при 0° къ абсолютному количеству тепла въ водѣ при 0°,

c ту же величину для соединенія обоихъ тѣлъ.

g все количество тепла, которое отдѣляется при ихъ соединеніи, при температурѣ 0°,

u количество тепла, произведенное собственно химическимъ дѣйствіемъ

x разстояніе отъ 0° термометра до абсолютнаго нуля, выраженное въ градусахъ термометра

тогда ma и nb будутъ представлять абсолютныя количества тепла, содержаемаго обоими тѣлами, а $(ma + nb) x + u$ будетъ выраженіе абсолютнаго количества тепла, содержащагося въ смѣси тѣлъ въ моментъ ея образованія; $(m + n) cx + g$ будетъ другое выраженіе этого количества, слѣдовательно будетъ

$$(ma + nb) x + u = (mc + nc) x + g, \text{ откуда}$$

$$X = \frac{g - u}{m(a - c) + n(b - c)}.$$

¹⁾ Mem. de l'Académ. pour 1780.

Для того чтобы получить изъ этого выраженія величину x ; надобно знать y , a , b , c ; чрезвычайно замѣчательнъ способъ, какимъ Лавуазье и Лапласъ выражаются относительно этого предмета :

«При нѣкоторыхъ попыткахъ, которыя были сдѣланы для того чтобы установить теорію теплоты, говорятъ они, предположили, что абсолютное количество свободной теплоты, до соединенія и послѣ него — одно и то же ¹⁾, предположили также, что теплоемкости тѣлъ представляютъ отношенія абсолютныхъ количествъ тепла въ нихъ заключающихся; при этихъ двухъ гипотезахъ, самыхъ простыхъ, какія только можно сдѣлать, $y = 0$ и вмѣсто a , b , c , можно взять теплоемкости».

Вводя въ эту формулу свои экспериментальныя данныя, Лавуазье и Лапласъ получаютъ для x слѣдующія величины :

Для соединенія известъ съ водою	1537, 8.
” ” сѣрной кислоты и воды въ пропорціи 3 : 4	3244, 9.
” ” сѣрной кислоты и воды въ пропорціи 4 : 5	1169, 1.
” ” азотной кислоты и извести	$\frac{1889}{- 0, 0178}$
Изъ сравненія теплоемкости воды и льда	600.

«Разногласіе между этими пятью величинами X , повидному совершенно опровергаетъ теорію, основанную на двухъ изложенныхъ выше гипотезахъ, прибавляютъ они но надобно замѣтить, что небольшое измѣненіе, не больше какъ на $\frac{1}{40}$ въ величинахъ теплоемкостей было бы достаточно для того, чтобы привести всѣ величины x къ тождеству, а мы не можемъ ручаться за отсутствіе такой малой погрѣшности въ нашихъ числахъ». Далѣе, говоря о другихъ опытахъ Лавуазье и Лапласъ замѣчаютъ : разбирая эти результаты нельзя не признать, что или абсолютное количество тепла въ обоихъ тѣлахъ до смѣшенія и послѣ него неодинаково ²⁾, или что теплоемкости тѣлъ непропорціональны абсолютнымъ количествамъ тепла въ нихъ заключающагося.

Нельзя не быть пораженнымъ шириною взгляда и осторожностію въ обсужденіи предмета, если сравнивать эти идеи съ тѣми, которыя господствовали гораздо позже и даже господствуютъ отчасти и теперь.

Какъ видно, Лавуазье и Лапласъ отдѣленіе тепла приписываютъ преимущественно измѣненію теплоемкости, на образованіе же тепла вслѣдствіе собственно химическаго дѣйствія смотрятъ какъ на фактъ возможный, но мало вѣроятный, и этотъ взглядъ, хотя въ менѣ совершенной формѣ, выражается и у всѣхъ прежнихъ изслѣдователей : Гадолина, Шмидта и др.

Совершенный переворотъ въ идеяхъ начинается съ работъ Гесса. Въ 1839 году напечаталъ онъ первую свою замѣтку: «объ отдѣленіи тепла въ постоянныхъ пропорціяхъ» ³⁾. Смѣшавъ сѣрную кислоту, содержащую 1, 2, 3... эквивалента воды, съ избыткомъ воды, Гессъ нашелъ, что количества теплоты при этомъ отдѣляющіяся, если ихъ отнести къ одному эквиваленту употребленнаго гидрата, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

¹⁾ То есть предположили, что вслѣдствіе собственно химическаго дѣйствія не происходитъ отдѣленія или поглощенія тепла.

²⁾ То есть происходитъ тепло вслѣдствіе собственно химическаго дѣйствія; g не равно 0.

³⁾ Bullet. de St. Pétersbourg.

Приступая къ полному изложению своихъ результатовъ, ¹⁾ Гессъ даетъ сначала общее выраженіе этого закона для всякихъ паръ жидкостей и затѣмъ приводитъ еще слѣдующіе законы, также какъ результаты прямыхъ опытовъ:

1) Количества тепла, отдѣляющіяся при смѣшиваніи эквивалентныхъ количествъ различныхъ гидратовъ сѣрной кислоты (моно-би-три гидрата и т. д.) съ однимъ эквивалентомъ воды, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

2) Если какое либо соединеніе образуется за разъ или въ нѣсколько приѣмовъ, послѣдовательно, то количество тепла, отдѣляемое въ первомъ случаѣ, равно суммѣ количествъ тепла отдѣленныхъ во второмъ.

Изъ этихъ двухъ частныхъ законовъ и третьяго, представленнаго выше, вытекаетъ слѣдующій общій законъ, заключающій въ себѣ всѣ предъидущіе.

Количества тепла, отдѣляющіяся при соединеніи двухъ тѣлъ въ различныхъ эквивалентныхъ отношеніяхъ, находятся между собою въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ.

Мы имѣемъ положительныя доказательства вѣрности этого закона для нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ тѣла могутъ соединиться только въ определенныхъ пропорціяхъ; было бы чрезвычайно важно, если бы удалось доказать его и для того случая, когда соединяются двѣ жидкости, способныя смѣшиваться во всѣхъ пропорціяхъ. Я подвергну поэтому выводъ Гесса подробному обсужденію.

Прежде всего замѣчу, что всѣ опыты, при которыхъ кислота смѣшивалась съ очень большимъ количествомъ воды, должны быть оставлены въ сторонѣ. Для того чтобы этимъ способомъ получить для разныхъ гидратовъ кислоты числа, которые могли бы быть сравниваемы, необходимо, собственно говоря, чтобы количества воды были всегда безконечно велики; но чѣмъ болѣе экспериментаторъ приближается къ этому условію, тѣмъ меньше дѣлаются наблюдаемыя измѣненія температуры т. е. тѣмъ съ меньшею точностію можетъ быть измѣряемъ именно тотъ элементъ вопроса, котораго наблюденіе всего затруднительнѣе. Поэтому во всѣхъ опредѣленіяхъ этого рода, полученные числа или не точны, или не сравнимы. Такова часть результатовъ Гесса, результаты Грѣма и Томсена. Я показалъ уже, что они кромя того неудовлетворительны съ экспериментальной стороны, а поэтому ихъ надобно оставить безъ вниманія. Изъ опытовъ, сдѣланныхъ надъ соединеніями въ определенныхъ и болѣе выгодныхъ пропорціяхъ, мы имѣемъ опыты Гесса, Абрія, Фавра и Зильбермана, и Фавра и Куальера. Первые, какъ я уже показалъ, основаны на предположеніи очевидно ложномъ, и поэтому не могутъ служить; я воспользуюсь поэтому для повѣрки закона Гесса лишь опытами послѣднихъ трехъ рядовъ и въ особенности опытами Абрія, которые представляютъ наиболѣе гарантію точности. Чтобы съ точностію произвести эту повѣрку, я произвелъ графическое построеніе результатовъ Абрія. Слѣдующая таблица показываетъ количества тепла, которыя отдѣляетъ одинъ граммъ моногидрата сѣрной кислоты при смѣшиваніи съ различными эквивалентными количествами воды. Въ первомъ столбцѣ показано число эквив. воды, прибавленныхъ къ 1 грамму моногидрата, въ остальныхъ количества тепла, отдѣляемыя однимъ граммомъ моногидрата при соединеніи его съ показаннымъ въ первомъ столбцѣ количествомъ воды, и именно:

¹⁾ Pogg. t. 50.

- Во 2-мъ столбцѣ помѣщены результаты графическаго построения чиселъ Абріа.
 Въ 3-мъ — среднія, выведенныя самимъ Абріа.
 Въ 4-мъ — результаты Фавра и Зильбермана.
 Въ 5-мъ — Фавра и Куальера.

Эквив.	Граф. постр.	Абріа.	Фав. и Зильб.	Фав. и Куал.
1	64, 6.	64, 25.	64, 7.	66, 4.
2	94, 8.	94, 69.	94, 6.	108, 1.
3	112, 8.	113, 06.	111, 9.	126, 9.
4	124, 5.	124, 4.	122, 2.	138, 9.
5	131, 8.	131, 6.	130, 7.	147, 3.
6	138, 2.	137, 7.	136, 2.	156, 4.
7	143, 6.	143, 0.	141, 8.	162, 4.
8	147, 4.	147, 5.	145, 1.	167, 2.
9	149, 9.	149, 8.	148, 5.	—
10	151, 8.	151, 8.	148, 4.	—

Сравнивая среднія выведенныя Абріа изъ его опытовъ съ результатами графическаго построения, тотчасъ бросается въ глаза то обстоятельство, что первыя то больше, то меньше вторыхъ; а такъ какъ эти послѣднія лежатъ на, одной правильно и постепенно изгибающейся линіи, то изъ этого слѣдуетъ, что линія, проведенная чрезъ среднія выводы Абріа была бы извилистая, что недопустимо; изъ этого слѣдуетъ, что способъ, который употреблялъ Абріа для вывода среднихъ (и который онъ не описалъ) неудовлетворителенъ; разница впрочемъ небольшая. Числа Фавра и Зильбермана вообще меньше, и разность увеличивается по мѣрѣ увеличенія числа эквивалентовъ воды; это безъ сомнѣнія происходитъ отъ постоянной ошибки метода ихъ опредѣленій.

Числа Фавра и Куальера столь значительно отличаются отъ всѣхъ другихъ, что ихъ сравнивать невозможно. Открыть причину этого разногласія можно будетъ только тогда, когда ихъ трудъ будетъ напечатанъ вполнѣ. Повидимому разница происходитъ отъ ошибки въ опредѣленіи калориметрической единицы прибора; въ самомъ дѣлѣ эта разность увеличивается почти пропорціонально увеличенію числа единицъ тепла, отдѣленнаго при опытѣ. Поэтому для всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній я буду пользоваться результатами графическаго построения опытовъ Абріа.

Слѣдующая таблица представляетъ возможность произвести повѣрку закона Гесса. 1-й столбецъ ея показываетъ число эквивалентовъ воды, прибавленныхъ къ 1 грамму моногидрата сѣрной кислоты. 2-й столбецъ — количество тепла при этомъ отдѣленное. 3-й столбецъ — даетъ тѣ простыя и кратныя числа, которыя наиболѣе приближаются къ результатамъ опыта. 4-й столбецъ — точное

число единицъ тепла, соответствующее числамъ третьяго столбца. 5-й даетъ абсолютную разность между числами четвертаго столбца и числами втораго. 6-й столбецъ — величину относительной разности.

1.	2.	3.	4.	5.	6.
1	64, 6.	4.	63, 6.	+ 1, 1.	0, 017.
2	94, 8.	6.	95, 4.	— 0, 6.	0, 006.
3	112, 8.	7.	111, 3.	+ 1, 5.	0, 013.
4	124, 5.	8.	127, 2.	— 2, 7.	0, 022.
5	131, 8.	8, 3.			
6	138, 2.	8, 7.			
7	143, 6.	9.			
8	147, 4.	9, 3.			
9	149, 9.	9, 4.			
10	151, 8.	9, 5.			

Пятый столбецъ этой таблицы показываетъ, что для первыхъ трехъ эквивалентовъ количества тепла таковы, что при надлежащемъ выборѣ единицы они могутъ быть представлены въ видѣ простыхъ и кратныхъ чиселъ, и отклоненія этихъ кратныхъ величинъ отъ прямыхъ данныхъ опыта на столько малы, что объясняются ошибками опыта; для четвертаго эквивалента воды отклоненіе свыше $\frac{1}{50}$, что уже значительно превосходитъ возможную ошибку опыта; для большаго числа эквивалентовъ воды, количества отдѣляемаго тепла выражаются рѣшительно дробными числами, какъ показываетъ 3-й столбецъ нашей таблицы.

И такъ законъ Гесса оказывается согласнымъ съ результатами опыта только для количествъ тепла, отдѣляемыхъ прибавленіемъ первыхъ трехъ эквивалентовъ воды къ одному эквиваленту моногидрата сѣрной кислоты. Не трудно убѣдиться впрочемъ, что и это совпаденіе нисколько не доказательно. Въ самомъ дѣлѣ, можно построить очень большое число кривыхъ, которыя подобно нашей кривой представляютъ то свойство, что величины трехъ или четырехъ ординатъ, равно отстоящихъ одна отъ другой, будутъ находиться между собою *приблизительно* въ простыхъ и кратныхъ отношеніяхъ. Это свойство, слѣдовательно, нисколько не составляетъ особенности нашей кривой. Мало того, разсматриваемая законообразность нашей кривой нисколько не связана съ величиною эквивалентовъ воды и сѣрной кислоты.

Относительно 1-го грамма кислоты состава $SO_3 \cdot HO$, вѣсъ одного пая воды 0,1837. Возьмемъ количества тепла, соответствующія прибавленію къ одному грамму кислоты кратныхъ количествъ воды, которыхъ постоянный фактъ имѣетъ сложное и дробное отношеніе къ величинѣ пая сѣрной кислоты, напр. 0,16 гр. воды относительно 1 гр. кислоты.

Графическое построение результатов Абра дает для этого предположения числа представленные въ следующей таблицѣ.

1.	2.	3.	4.	5.	6.
1	58, 5.	4.	59, 6.	— 1, 1.	0, 019.
2	89, 0.	6.	89, 4.	— 0, 4.	0, 005.
3	107, 0.	7.	104, 3.	+ 2, 7.	0, 025.
4	119, 1.	8.	119, 2.	— 0, 1.	0, 001.

Какъ видно, и при этомъ предположеніи, весьма далеко отъ истины, наблюдаются такія же отношенія между количествами тепла и съ такою же, даже нѣсколько большею, степенью точности. Это самымъ положительнымъ образомъ доказываетъ, что законъ Гесса есть не болѣе какъ иллюзія. Мало того, если бы такой законъ и существовалъ въ дѣйствительности, то всего труднѣе было бы доказать его изученіемъ количествъ тепла, отдѣляющихся при соединеніи сѣрной кислоты съ водою. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно ошибиться на $\frac{1}{2}\%$ въ опредѣленіи количества прибавленной воды, для того чтобы въ конечномъ результатѣ оказалась иногда разниа на $\frac{1}{50}$ всей его величины, а одного переливанія сѣрной кислоты изъ одного сосуда въ другой достаточно, чтобы составъ ея замѣтно измѣнился поглощеніемъ влаги изъ воздуха.

Мы не имѣемъ ни одной пары жидкостей, для которой существовали бы такія точныя опредѣленія термическихъ результатовъ соединенія, какъ для воды и сѣрной кислоты и по этому дальнѣйшая повѣрка предположеній Гесса невозможна, и, мнѣ кажется, была бы и бесполезна.

Дангбергъ ¹⁾, отыскивая эмпирическую форму для выраженія удѣльнаго вѣса соединеній воды съ сѣрною кислотю, пришелъ къ очень простой формулѣ, которая, какъ онъ замѣтилъ, хорошо представляетъ также количества тепла, отдѣляемыя при образованіи этихъ соединеній. Дангбергъ, бравъ для сравненія результаты Гесса, которыя, какъ я показалъ, весьма ошибочны, а потому и выводъ Дангберга не можетъ быть точнымъ.

Томсенъ ²⁾ представилъ въ своихъ термохимическихъ изслѣдованіяхъ совершенно новую и въ высшей степени заманчивую теорію термическихъ явленій, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей. Томсенъ выходитъ отъ чисто механическихъ положеній; онъ предполагаетъ, что молекулы каждой жидкости находятся постоянно въ колебательномъ состояніи, описывая круговыя колебанія, что радиусъ движенія и угловая скорость его для каждой жидкости различны и что при смѣшиваніи двухъ жидкостей частицы ихъ принимаютъ одинаковую угловую скорость,

¹⁾ Karsten's Fortschritte der Phys. t. 5, заключаетъ лишь краткое извлеченіе изъ мемуара Дангберга, котораго оригиналъ на шведскомъ языкѣ мнѣ не былъ доступенъ; я не могъ по этому составить себѣ точное понятіе о его результатахъ.

²⁾ Pogg. t. 90.

сохраняя свои первоначальные радіусы колебанія; наконецъ онъ предполагаетъ, что потеря живой силы, вслѣдствіе уравниванія угловыхъ скоростей частицъ при смѣшиваніи двухъ жидкостей, пропорциональна количеству отдѣленнаго при этомъ тепла.

Всѣ эти предположенія совершенно произвольны, а относительно послѣдняго изъ нихъ надобно еще замѣтить, что при смѣшиваніи двухъ жидкостей иногда происходитъ не отдѣленіе, а напротивъ — поглощеніе тепла, — обстоятельство, котораго Томсенъ по видимому вовсе не имѣлъ въ виду. Тѣмъ не менѣе, если бы на основаніи этихъ предположеній можно было вывести числовые законы термохимическихъ явленій, то это было бы въ высшей степени бластательное приобрѣтеніе для науки.

Съ перваго взгляда это такъ и кажется. На основаніи законовъ механики и при помощи высшаго анализа, Томсенъ выводитъ изъ своихъ предположеній очень сложную формулу, выражающую законъ явленія; но для повѣрки этой формулы по результатамъ опыта она измѣняется такимъ образомъ, что *всѣ теоретическіе факторы введенные въ нее, сливаются въ две константы, опредѣляемыя изъ опыта*, т. е. формула совершенно теряетъ свой теоретическій характеръ и получаетъ характеръ простой интерполяціонной формулы. Она получаетъ такой видъ

$$W_a = \frac{a}{a + n} C.$$

W_a количество тепла, отдѣляемое a паями воды при смѣшиваніи съ 1 паями другого гидрата (сѣрной кислоты напр.), a число паявыхъ прибавленій воды. C и n постоянныя величины опредѣляемыя изъ опытовъ.

Понятно что эта формула довольно хорошо представляетъ результаты опытовъ, но это никакъ не можетъ служить доказательствомъ вѣрности основныхъ положеній изъ которыхъ она выведена, такъ какъ она не сохраняетъ ни малѣйшихъ признаковъ своего теоретическаго происхожденія.

Даже Томсенъ изъ подобнаго же механическаго предположенія выводитъ формулу, въ которую входятъ три константы; одна изъ нихъ, n , также, что и въ предъидущей формулѣ, другія двѣ представляютъ кубическіе корни изъ эквивалентъ объемовъ воды и сѣрной кислоты. Эта формула должна представлять измѣненія объема, происходящія въ моментъ соединенія сѣрной кислоты съ водою.

Вставляя въ эту формулу величины соответствующія эквивалентъ объемамъ воды и сѣрной кислоты, Томсенъ получаетъ изъ нея для n величину очень близкую къ той, которая удовлетворяетъ формулѣ термическаго дѣйствія. Это сближеніе между двумя различными явленіями, постоянно сопровождающими другъ друга, представляло бы чрезвычайный интересъ, если бы важность его не уничтожалась тѣми недостатками, которые отнимаютъ всякое теоретическое значеніе у формулы термическихъ явленій, выведенной Томсеномъ. Чтобы видѣть до какой степени эти два явленія представляютъ сходство въ своемъ теченіи, я произвелъ графическое построеніе результатовъ Бино ¹⁾ для измѣненія объема, и результатовъ Абріа для количества тепла; для того чтобы возможно было ихъ сравнивать, я перечислилъ

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 2 v. t. 24.

результаты Абра, относя количества отдѣленного тепла не къ 1 гр. моногидрата, а къ одному грамму соединенія, точно такъ какъ это всегда дѣлается для чиселъ, представляющихъ измѣненія свойства суммы двухъ тѣлъ въ моментъ ихъ соединенія. Получились двѣ кривыя, не совпадающія, но представляющія много сходнаго. Обѣ онѣ параболы не равностороннія относительно оси ординатъ, наклонены въ одну и ту же сторону и вершины повидимому соответствуютъ одной и той же ординатѣ. Но расположеніе точекъ кривой количество тепла таково, что кривая эта определяется не достаточно рѣзко, что происходитъ отъ неточности результатовъ опыта. Вслѣдствіе этого невозможно опредѣлить съ надлежащею точностію взаимныя отношенія этихъ двухъ явленій.

Кромѣ механической теоріи термическихъ явленій, сопровождающихъ соединеніе сѣрной кислоты съ водою, Томсенъ представляетъ въ первой части своего труда *) изложеніе общихъ теоретическихъ положеній, которыми онъ руководствовался.

Гипотезы изъ которыхъ Томсенъ старается вывести всѣ законы термохиміи, суть слѣдующія:

а) все количество тепла, развитое при химической реакціи, составляетъ мѣру проявившейся при этомъ силы.

б) Каждое тѣло обладаетъ извѣстнымъ количествомъ химической силы; все количество химической силы, которымъ обладаетъ одинъ эквивалентъ тѣла, выраженное въ единицахъ тепла, называетъ Томсенъ *термодинамическимъ эквивалентомъ* тѣла.

с) Величина тепловаго измѣненія, происходящаго въ моментъ образованія какаго нибудь соединенія, равна разности термодинамическихъ эквивалентовъ составныхъ частей и термодинамическаго эквивалента соединенія.

Изъ этихъ предположеній Томсенъ выводитъ, какъ необходимыя слѣдствія многіе законы, которые уже прежде были получены экспериментальнымъ путемъ, какъ напр., тотъ законъ, что при распаденіи сложнаго тѣла поглощается столько же тепла, сколько отдѣлилось при его образованіи; тотъ, что отдѣляется одинаковое количество тепла, образуется ли соединеніе за разъ или въ нѣсколько приемовъ; законы Гесса и Андревса относительно соединенія кислотъ съ основаниями и т. д.

Повидимому вѣрность всѣхъ этихъ заключеній вполне доказываетъ вѣрность тѣхъ положеній, изъ которыхъ они выведены; но въ дѣйствительности оказывается совсемъ иное.

Прежде всего надобно замѣтить, что для вывода упомянутыхъ выше законовъ, кромѣ основныхъ положеній Томсена, необходимо еще принять въ расчетъ извѣстный механическій принципъ — сохраненія живыхъ силъ, а если обратиться къ этому несомнѣнному принципу, то изъ него одного можно вывести всѣ заключенія, формулированныя Томсеномъ (какъ это показалъ Бертелло); слѣдовательно гипотезы Томсена бесполезны. Но онѣ не только не нужны, онѣ положительно недопустимы. Все количество тепла, которое отдѣляется при соединеніи двухъ тѣлъ, есть величина сложная: это сумма всѣхъ тепловыхъ измѣненій, происходящихъ въ моментъ соединенія, какъ вслѣдствіе самаго акта, такъ и вслѣдствіе физическихъ измѣненій,

*) Pogg. t. 88.

сопровождающихъ химическое дѣйствіе; следовательно во всякомъ случаѣ не все количество отдѣленнаго тепла, а только часть его, зависящая отъ химическаго дѣйствія, можетъ служить мѣрою химической силы, произведшей соединеніе. Второе и третье доложенія также весьма мало вѣроятны. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли допустить чтобы явленія столь разнообразныя объяснялись однимъ столь простымъ закономъ, какъ законъ разности термодинамическихъ эквивалентовъ? Попытка приложить этотъ законъ къ тѣмъ случаямъ, когда три или большее число тѣлъ попарно соединяются между собою, безъ сомнѣнія тотъ-часъ показала бы его несостоятельность, но другіе недостатки термохимической системы Томсона дѣлаютъ излишнюю эту повѣрку.

Персонъ ¹⁾ при своихъ изслѣдованіяхъ о теплоемкости соляныхъ растворовъ, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что при разбавленіи водою раствора, обыкновенно происходитъ пониженіе температуры даже для тѣхъ солей, которыя растворяясь въ водѣ производятъ повышеніе температуры; онъ высказалъ по поводу этого предположеніе, что это есть слѣдствіе особаго явленія, *разбавленія* (dilution), которое всегда производитъ поглощеніе тепла, между тѣмъ какъ собственно химическое дѣйствіе всегда сопровождается отдѣленіемъ тепла. Бюсси и Бюнье повторяютъ эту мысль, называя диффузіей причину пониженій температуры, которыя они наблюдали при смѣшиваніи нѣкоторыхъ жидкостей; наконецъ, Сеитъ-Клеръ-Девиль также разделяетъ этотъ взглядъ. Но мнѣ кажется противнымъ истинному методу науки это допущеніе новой причины (новой силы), когда вовсе недоказана еще невозможность объяснить явленіе безъ допущенія новаго предположенія.

Теоретическія представленія Сеитъ-Клеръ-Девиль известны лишь по короткому предварительному сообщенію ²⁾. Онъ предполагаетъ, что тепло, отдѣляющееся при соединеніи двухъ жидкостей, есть часть содержаемаго ими при данной температурѣ тепла ³⁾. Онъ выражаетъ результаты не въ количествахъ тепла, но въ *температурахъ*, рассматривая произведенныя возвышенія температуры какъ величины, пропорціональныя количествамъ живыхъ силъ, освобождающихся при образованіи соединенія. Онъ вводитъ въ свои соображенія измѣненіе объема смѣсей въ моментъ смѣшенія и ихъ коэффициентъ разширенія, но сколько можно судить по оченъ неполному его сообщенію, не имѣетъ въ виду измѣненій теплоемкости смѣси какъ непосредственной причины тепловыхъ измѣненій, происходящихъ при смѣшиваніи.

Впрочемъ его мемуаръ изложенъ лишь въ извлеченіи и такъ не ясно, что чрезвычайно трудно составить себѣ отчетливое понятіе объ идеяхъ, которыми руководился авторъ.

Послѣдній трудъ, который слѣдуетъ рассмотреть, принадлежитъ Бертело ⁴⁾; трудъ этотъ не относится прямо къ термохиміи жидкостей, — но въ первой части его авторъ сообщаетъ общіе взгляды, которыми онъ руководствуется и эти взгляды отличаются такою шириною, ясностію и строгостію, что ихъ можно рассматривать какъ наилучшее изложеніе современнаго состоянія термохимическаго ученія. Идеи Бертело рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи отъ теоретическихъ взглядовъ всѣхъ его предшественниковъ и одни могутъ быть поставлены на равнѣ съ идеями, выска-

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 v. t. 33.

²⁾ C. R. t. 50.

³⁾ Это предположеніе Лавуазье и Лавласа.

⁴⁾ Ann. Ch. Ph. 4 v. t. 7, 1865.

занными 70 лѣтъ тому назадъ Лавуазье и Лапласомъ. До нѣкоторой степени идеи Бертелло суть даже воспроизведеніе нѣкоторыхъ положеній великихъ изслѣдователей прошлаго столѣтія; но, воспользовавшись пріобрѣтеніями науки за цѣлыя 70 лѣтъ, Бертелло получилъ возможность дать имъ такое развитіе, которое невозможно было въ концѣ прошлаго столѣтія.

Тепло, отдѣляющееся при соединеніи двухъ тѣлъ, можно разсматривать, говорить Бертелло, какъ слѣдствіе потери живой силы, происходящей оттого, что частицы соединяющихся тѣлъ быстро устремляются одна къ другой въ моментъ соединенія и теряютъ пріобрѣтенную скорость, когда соединеніе совершилось.

Прилагая къ этому положенію принципъ сохраненія живыхъ силъ, изъ него выводятся слѣдствія уже подтвержденныя опытомъ, а именно:

1) Количество тепла, отдѣляющееся при образованіи соединенія равно тому, которое поглощается при его распаденіи.

2) Количество тепла, отдѣляемое или поглощаемое при нѣсколькихъ послѣдовательныхъ реакціяхъ, происходящихъ вдругъ, одновременно, равно суммѣ количествъ отдѣленныхъ и поглощенныхъ при каждой изъ этихъ реакцій порознь.

3) Если произвести рядъ химическихъ реакцій $A + B + C + D$ и другой рядъ $B + C + D$, то количество тепла, отдѣляемое въ этомъ послѣднемъ случаѣ будетъ равно тому, которое отдѣлено въ первомъ минусъ количество тепла, соответствующее реакціи A .

4) Положимъ, что при соединеніи двухъ тѣлъ A и B отдѣлится количество тепла X и при соединеніи тѣла A съ тѣломъ C — количество тепла y . Если тѣло C способно отнимать тѣло A изъ соединенія AB , то количество тепла, которое при этомъ отдѣлится будетъ равно $y - x$.

Далѣе Бертелло разсматриваетъ вліяніе физическихъ условій, при которыхъ происходитъ химическая реакція и физическихъ явленій ее сопровождающихъ на термическій результатъ реакціи; онъ обращаетъ при этомъ особенное вниманіе на слѣдующіе три фактора:

1) Измѣненіе молекулярнаго состоянія. Ясно само собою, что если въ моментъ соединенія одно изъ тѣлъ измѣняетъ свое молекулярное состояніе, если оно напр. жидко, а соединеніе въ которое оно вошло имѣетъ при тѣхъ же условіяхъ твердое состояніе, то къ термическому результату собственно химическаго дѣйствія присоединится еще все количество скрытаго тепла плавленія тѣла.

2) Вліяніе внѣшнихъ механическихъ дѣйствій. Это вліяніе особенно замѣтно для газовъ; термическій результатъ соединенія двухъ газовъ будетъ весьма различенъ, смотря по тому, можетъ ли часть тепла, отдѣляемаго при соединеніи, производить механическое дѣйствіе на внѣшніе предметы или нѣтъ.

3) Вліяніе температуры. Разсматривая отношенія, существующія между количествами тепла, которыя могутъ отдѣлить два тѣла, соединяясь между собою при двухъ различныхъ температурахъ, Бертелло находитъ, что они должны быть связаны слѣдующимъ выраженіемъ:

$$Q_T = Q_t + U - V.$$

гдѣ

Q_T — количество тепла, отдѣляемаго при температурѣ T .

Q_t — количество тепла, отдѣляемаго при температурѣ t , низшей нежели T .

U — количество тепла, которое должны получить обѣ составныя части разсматриваемаго соединенія чтобы перейти отъ температуры t къ T .

V — колич. тепла, которое должно отдать соединеніе, чтобы перейти отъ температуры T къ t .

Величины U и V состоятъ каждая изъ величинъ двухъ родовъ:

1) Тепла, поглощаемаго тѣлами вслѣдствіе перехода изъ одного состоянія въ другое (скрытое тепло плавленія, улетучиванія).

2) Тепла, поглощаемаго тѣлами вслѣдствіе измѣненія температуры и пропорціональнаго для каждаго тѣла его теплоемкости.

Для того болѣе простаго случая, когда разсматривается интервалъ температуръ $T - t$, въ которомъ оба соединяющихся тѣла и ихъ соединеніе имѣютъ одно и тоже молекулярное состояніе, напр. жидки или тверды, эта общая формула принимаетъ болѣе простой видъ:

$$Q_T = Q_t + (\Sigma c - \Sigma c') (T - t)$$

гдѣ Σc сумма теплоемкостей составныхъ частей, $\Sigma c'$ теплоемкость соединенія, отнесенныя къ ихъ атомамъ. Изъ этой формулы очень хорошо видно вліяніе температуры на величину термическаго результата реакціи. Въ самомъ дѣлѣ очевидно, что если величина $\Sigma c - \Sigma c'$ положительная, то Q_T будетъ возрастать съ температурою, если $\Sigma c - \Sigma c'$ величина отрицательная, то на оборотъ Q_T будетъ уменьшаться съ температурою. Бертелло показываетъ, что напр. для воды въ жидкомъ состояніи Q_T должно уменьшаться съ возвышеніемъ температуры; напротивъ для воды въ твердомъ и газообразномъ состояніи $\Sigma c - \Sigma c'$ величина положительная и поэтому Q_T должно увеличиваться съ температурою. Ясно, что для такихъ условий, при которыхъ $\Sigma c - \Sigma c' = 0$, величина Q_T будетъ постоянною и независимою отъ температуры; взятую при такихъ условияхъ Бертелло называетъ эту величину Q , независимую отъ температуры, *атомическомъ тепломъ соединенія*; такія только величины могутъ, по его мнѣнію, быть между собою сравнимаемы. Условія, при которыхъ наступаетъ это состояніе суть тѣ, при которыхъ всѣ составныя части тѣла и ихъ соединеніе или совершенныя газы или совершенно твердыя тѣла; въ самомъ дѣлѣ для газовъ и для твердыхъ тѣлъ существуетъ тотъ законъ, что теплоемкость соединенія равна суммѣ теплоемкостей составныхъ частей. Газы достигаютъ этого состоянія при различныхъ, болѣе или менѣе высокихъ температурахъ; для твердыхъ тѣлъ это состояніе наступаетъ при температурѣ абсолютнаго нуля. Наконецъ Бертелло замѣчаетъ, что и кромѣ этихъ двухъ состояній, для тѣлъ сходныхъ между собою могутъ быть найдены условія, при которыхъ ихъ термическія проявленія сравнимы между собою, такъ напр. для гидратовъ то состояніе, когда они разбавлены большимъ количествомъ воды.

Я не нахожу ничего, что можно было бы возразить противъ этой совокупности взглядовъ на термохимию, я замѣчу только, что они не только составляютъ развитіе идей Лавуазье и Лапласа о томъ же предметѣ, но что даже и формула, выражающая зависимость термическаго результата соединенія отъ температуры, данная Бертелло, можетъ быть, посредствомъ простыхъ алгебраическихъ преобразованій, выведена изъ формулы Лавуазье и Лапласа, приведенной выше ¹⁾, къ которой она относится какъ частный случай.

¹⁾ Стр. 22; тамъ-же показано значеніе буквъ.

Въ самомъ дѣлѣ Лавуазье и Лапласъ, для количества тепла, от дѣляемаго соединеніемъ двухъ тѣлъ при 0° даютъ слѣдующее выраженіе:

$$g = (ma + nb) x - (mc + nc) x + y :$$

для температуръ T и t это выраженіе приметъ слѣдующій видъ:

$$Q_T = (ma + nb) (x + T) - (mc + nc) (x + T) + y.$$

$$Q_t = (ma + nb) (x + t) - (mc + nc) (x + t) + y$$

откуда получаемъ

$$Q_T = Q_t + ((ma + nb) - (mc + nc)) (T - t).$$

въ этой формулѣ a и b означаютъ теплоемкости обѣихъ составныхъ частей, m и n, ихъ количества, c теплоемкость соединенія, m + n его количество, слѣдовательно

$$ma + nb = \Sigma c \text{ и } (m + n) c = \Sigma c'$$

что превращаетъ нашу формулу въ ту, которую употребилъ для своихъ соображеній Бертелло.

Формула Лавуазье и Лапласа имѣетъ впрочемъ предъ этой послѣдней то преимущество, что она гораздо общее и позволяетъ повтому такіе выводы, которые невозможны при болѣе частномъ выраженіи.

Формула эта указываетъ на ту связь, которая должна существовать между измѣненіями средней теплоемкости двухъ жидкостей въ моментъ ихъ соединенія и термическимъ результатомъ, происходящимъ при соединеніи. Опыты, которые Лавуазье и Лапласъ сами произвели, недостаточны для того, чтобы подвергнуть ихъ формулу экспериментальной повѣркѣ, какъ они сами признали это; я хотѣлъ произвести эту повѣрку посредствомъ результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій. Самыя точныя термохимическія опредѣленія имѣемъ мы для соединеній сѣрной кислоты съ водою; Персонъ ¹⁾ даетъ нѣсколько опредѣленій теплоемкости различныхъ гидратовъ сѣрной кислоты. Къ несчастію, при внимательномъ изученіи его чиселъ, оказывается слѣдующее: мемуаръ Персона даетъ теплоемкости моногидрата и трехъ его соединеній съ водою; для этихъ послѣднихъ Персонъ вычислилъ также среднія арифметическія по формулѣ:

$$\frac{k + p}{1 + p} = 1$$

въ второй k теплоемкость моногидрата сѣрной кислоты; p количество моногидрата сѣрной кислоты на 1 воды въ соединеніи; l теплоемкость соединенія средняя арифметическая.

Числовые результаты Персона слѣдующіе:

	<i>опытъ</i>	<i>сред. арифм.</i>
Моногидратъ	0,3095	—
Соединеніе 1 ч. моногидрата и 0,1796 воды	0,4330	0,4315.
“ 1 ч. “	0,3158	0,4534
“ 1 ч. “	0,9608	1,5851
		0,6580.

Вычисляя снова по приведенной выше формулѣ среднія арифметическія теплоемкости всѣхъ трехъ соединеній, я получилъ числа совершенно отличныя отъ среднихъ арифметическихъ Персона, а именно:

Для перваго соединенія . . .	0,4146.
“ втораго “ . . .	0,4751.
“ третьяго “ . . .	0,6478.

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 et t. 33.

Вычисляя по той же формулѣ теплоемкость моногидрата изъ теплоемкостей среднихъ арифметическихъ Персона, получаются слѣдующія величины:

Изъ перваго соединенія . . .	0,3294.
» втораго » . . .	0,3346.
» третьяго » . . .	0,3295.

Изъ этого сравненія видно, что числа Персона заключаютъ ошибку и по всей вѣроятности ошибочно число, данное имъ для моногидрата; оно кажется должно быть замѣнено числомъ 0,3295, въ такомъ случаѣ число, представляющее среднюю арифметическую теплоемкость втораго соединенія также ошибочно. Къ несчастію въ таблицѣ экспериментальныхъ данныхъ не сообщенъ одинъ изъ элементовъ — масса воды въ калориметрѣ (М), вслѣдствіе чего невозможна повѣрка окончательныхъ результатовъ. Поэтому числами Персона воспользоваться невозможно; другихъ опредѣлений теплоемкости гидратовъ сѣрной кислоты мы не имѣемъ и потому экспериментальная повѣрка формулы Лавуазье и Лапласа не возможна въ настоящее время.

Если теперь бросить общій взглядъ на ходъ развитія термохиміи жидкостей, то представляется результатъ въ высшей степени замѣчательный: въ теоретическомъ отношеніи прогрессъ заключается въ возвращеніи къ идеямъ конца прошлаго столѣтія, въ опытномъ отношеніи — въ пріобрѣтеніи множества числовыхъ данныхъ, столь не полныхъ и большею частію столь не точныхъ, что ни одно теоретическое предположеніе не можетъ быть посредствомъ ихъ подвергнуто повѣркѣ опыта.

II. Методы количественныхъ опредѣленій, употребленные при опытахъ.

Измѣреніе температуръ. При всѣхъ опредѣленіяхъ количествъ тепла, измѣреніе температуръ составляетъ самую затруднительную сторону вопроса; по этому я считаю нужнымъ представить нѣкоторыя подробности относительно монхъ термометровъ. Всѣ они съ произвольною скалою и построены мною самимъ ¹⁾).

Какъ матеріалъ для устройства термометровъ, поташное стекло выгоднѣе нежели хрусталь, потому что его коэффициентъ расширенія меньше, правильнѣе измѣняется съ температурою, и матеріалъ этотъ доставляетъ, повидимому, термометры менѣе измѣнчивые; но съ другой стороны всѣ термометры Реньо сдѣланы изъ хрустала, а такъ какъ посредствомъ этихъ термометровъ получено громадное множество и самыхъ точныхъ числовыхъ данныхъ, то я предпочелъ взять хрусталь для того чтобы имѣть данныя по возможности болѣе приближающіяся къ даннымъ термометровъ Реньо. Концы каждой трубки тотчасъ по изготовленіи ея на фабрикѣ были запаяны; это необходимо для того чтобы предотвратить возможность засоренія трубокъ пылью или сыростию. Промывать азотною кислотой, какъ это совѣтуетъ Пьеръ, можно лишь трубки очень крупнаго діаметра, такого, что ихъ можно употреблять для спиртовыхъ термометровъ, но не для ртутныхъ. Величина внутренняго діаметра термометрической трубки дѣло весьма важное. Если брать трубки очень широкія (напр. въ 1 миллиметръ и болѣе въ діаметрѣ), то шарики выходятъ очень большіе и термометры медленны въ своихъ показаніяхъ, т. е. не скоро принимаютъ температуру окружающей среды и кромѣ того неудобны для обращенія съ ними; если діаметръ слишкомъ узокъ, встрѣчается неудобство другаго рода — при измѣненіи температуры движеніе въ такихъ термометрахъ не равномернo, а скачками, потому что столбъ ртути испытываетъ замѣтное сопротивленіе движенію вслѣдствіе узкости канала, въ которомъ находится. Это обстоятельство можетъ сдѣлаться источникомъ замѣтныхъ ошибокъ, особенно при употребленіи способа постоянныхъ температуръ: термометръ съ очень узкою трубою можетъ нѣсколько времени оставаться неподвижнымъ вслѣдствіе тренія, испытываемаго ртутнымъ столбомъ въ узкой трубкѣ, между тѣмъ какъ температура окружающей его среды замѣтно измѣняется.

¹⁾ Въ оланческой лабораторіи Реньо въ Collège de France въ 1861 году.

Изъ массы трубокъ выбираютъ сначала хорошія; для этого вводятъ въ каждую трубку столбъ ртути длиною около 50 миллиметровъ, и проводя этотъ столбъ по всей длинѣ трубки измѣряютъ его длину въ разныхъ частяхъ ея. Это измѣреніе, какъ уже упомянуто, служитъ для выбора трубки и потому не требуетъ большой точности; оно производится посредствомъ линейки, раздѣленной на миллиметры и считываніе можетъ заключать ошибки до 0,2 и 0,3 миллиметра: необходимо чтобы дѣло шло быстро, потому что надобно перепробовать десятковъ трубокъ, чтобы найти часть трубки годную на одинъ термометръ. Если длина столбика при передвиженіи въ трубкѣ отъ одного конца къ другому измѣняется неправильно, т. е. то увеличивается, то уменьшается, или, если измѣненія правильны, но значительны, напр. столбикъ въ какой нибудь части трубки на цѣлый миллиметръ длиннѣе или короче, чѣмъ въ непосредственно предшествовавшей ей части, то такая трубка не годна; разниа въ 0,5 миллиметра еще допустима.

Выбранная такимъ образомъ трубка подвергается калиброванію.

Ренью производятъ эту операцію посредствомъ винта дѣлительной машины. Трубка, въ которую предварительно введенъ столбикъ ртути, около двадцати миллиметровъ длиною, кладется на неподвижную доску дѣлительной машины; къ гайкѣ, которая приводится въ движеніе винтомъ машины, прикрѣпленъ микроскопъ съ перекрестными нитями; одна изъ нитей наводится на одинъ конецъ ртутнаго столбика, потомъ движеніемъ винта микроскопъ переводится на другой конецъ этого столба, такъ чтобы нить приходилась прямо на вершину его; число оборотовъ винта и число частей оборота, измѣряемое посредствомъ дѣлений, находящихся на головкѣ винта даетъ длину столба ртути. Столбикъ передвигается дальше и длина его измѣряется такимъ же образомъ. Этотъ способъ калиброванія очень точенъ, но за то беретъ много времени, тѣмъ болѣе, что каждое измѣреніе длины ртутнаго столбика нужно повѣрить еще разъ, чтобы быть увѣреннымъ, что не произошло ошибки. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на горизонтальность трубки на доскѣ машины и всѣ предосторожности, столбикъ ртути могъ бы въ продолженіе того времени когда микроскопъ передвигался отъ одного конца его до другого, самъ нѣсколько передвинуться, вслѣдствіе чего измѣреніе оказалось бы не вѣрнымъ. Чтобы избѣжать этого, какъ уже упомянуто, измѣреніе повторяютъ. Когда столбикъ измѣренъ отиѣчаютъ краскою на трубкѣ положеніе его концовъ и передвигаютъ его такъ, чтобы правый его конецъ занялъ мѣсто, которое прежде занималъ лѣвый. Сдѣлать это съ точностію почти невозможно, потому что для передвиженія необходимо снять трубку съ мѣста; постукивая деревяшкой въ тотъ конецъ трубки, къ которому хотять приблизять ртутный столбикъ, легко удается при помощи мѣтки, поставленной на трубкѣ краскою, передвинуть столбикъ *приблизительно* куда нужно, тогда снова измѣряется длина столбика какъ прежде и снова повторяются тѣже операціи до конца трубки. Дальше я покажу, что ошибка, которая происходитъ отъ того, что лѣвый конецъ ртутнаго столба въ новомъ его положеніи не вполне совпадаетъ съ положеніемъ праваго конца того же столба при предшествовавшемъ измѣреніи его — незамѣтна.

Чтобы облегчить операцію калиброванія, я построилъ приборъ, который вполне оказался удовлетворительнымъ для этой цѣли ¹⁾. Этотъ приборъ имѣетъ сходство

¹⁾ Приборъ этотъ былъ построенъ въ Парижѣ въ 1861 году механикомъ L. Golaz.

съ тѣмъ, который служить для повѣрки раздѣленныхъ уже трубокъ и можетъ вполне замѣнить его и для этой цѣли. Онъ состоитъ (фиг. 1) изъ двухъ микроскоповъ, прикрѣпленныхъ къ подставкамъ, могущимъ двигаться въ одною и тою же пазу. Микроскопъ А приводится въ движеніе микрометрическимъ винтомъ п, другой-же микроскопъ В свободно передвигается рукою; подъ микроскопами лежитъ линейка с с, раздѣленная на миллиметры; ея край, носящій дѣленія, къ низу скошенъ такъ, что если приложить къ нему термометрическую трубку ff, въ которую введенъ столбикъ ртути, то столбикъ этотъ въ микроскопъ кажется касающимся раздѣленного края линейки. Дѣленія на линейкѣ (миллиметры) сдѣланы чрезвычайно тонко, ихъ 0 находится въ полѣ зрѣнія микроскопа А и по другую сторону отъ 0 есть еще одинъ миллиметръ, раздѣленный на 10 частей; линейка можетъ быть приводима въ движеніе микрометрическимъ винтомъ к; наконецъ существуетъ особое приспособленіе, чтобы держать трубку у скошеннаго края линейки, позволяющее по произволу передвигать ее.

Вводя въ трубку столбикъ ртути, прикладываютъ ее плотно къ краю раздѣленной линейки такимъ образомъ, чтобы лѣвый конецъ ртутнаго столба ровно совпадалъ съ однимъ изъ дѣленій линейки, а правый въ тоже время падалъ между дѣленіями миллиметра, раздѣленнаго на десятыя доли, чего легко достигнуть, такъ какъ линейка имѣетъ микрометрическое движеніе, а трубку легко привести въ надлежащее положеніе просто рукою. Микроскопы при этомъ устанавливаются такимъ образомъ, чтобы одна изъ нитей каждаго микроскопа была параллельна чертамъ дѣленій масштаба и притомъ такъ, что нить микроскопа В должна покрывать одно изъ дѣленій масштаба и въ то же время касаться конца столба ртути, а перекрестная нить микроскопа А, касаясь вершины другаго конца ртутнаго столба, должна при этомъ падать гдѣ либо между дѣленіями миллиметра раздѣленнаго на 10 частей; микроскопъ А имѣетъ микрометрическое движеніе и потому его легко привести такое въ положеніе. На фиг. 2 видно, какъ представляется взаимное отношеніе различныхъ частей прибора въ моментъ считыванія: посредствомъ микроскопа В считывается число миллиметровъ, посредствомъ микроскопа А считывается число десятыхъ долей миллиметра, и опредѣняется на глазъ число сотыхъ долей, дополняющихъ длину ртутнаго столба; эта оцѣнка сотыхъ долей можетъ быть сдѣлана съ точностію, такъ какъ микроскопы увеличиваютъ въ 8 — 10 разъ, а нить микроскопа А, касающаяся верхушки ртутнаго столба въ тоже время падаетъ между дѣленіями той части масштаба, которая раздѣлена на десятыя доли миллиметра. Произведя считываніе, передвигаютъ столбикъ ртути въ трубку и продолжаютъ операцію. Лѣвый микроскопъ остается неподвижнымъ въ теченіи всей работы надъ одною и тою же трубкою, масштабъ приходится передвинуть разъ или два на одинъ цѣлый миллиметръ, а правый микроскопъ приходится передвигать каждый разъ на одну или на двѣ десятыхъ доли миллиметра и потому понятно, что операція идетъ чрезвычайно быстро. Ошибки зависящей отъ передвиганія столба ртути, какъ при калиброваніи посредствомъ дѣлительной машины, тутъ опасаться нельзя, такъ какъ оба конца столба ртути наблюдаются въ одно время, степень же точности болѣе чѣмъ достаточна, какъ сейчасъ будетъ показано. Когда калиброваніе окончено, равные по объему интервалы, которыхъ длина записана, дѣлятся каждый на равное число частей *равной длины*.

Я представлю здѣсь числа, полученныя посредствомъ моего прибора при калиброваніи одного изъ моихъ термометровъ.

А — длина калибровочнаго столба въ разныхъ частяхъ трубки въ миллиметрахъ.

В — число дѣленій головки винта, соответствующее одному дѣленію термометра въ разныхъ калибровочныхъ интервалахъ ¹⁾.

№	А.	В.
1	28,37	649
2	28,48	652
3	28,65	656
4	28,80	659
5	28,88	661
6	29,02	664
7	29,14	667
8	29,21	668
9	29,32	671
10	29,44	674
11	29,45	674
12	29,46	674
13	29,46	674
14	29,47	674
15	29,44	673
16	29,43	673
17	29,37	672
18	29,34	672
19	29,28	670

Изъ этихъ чиселъ видно, что предполагая въроятную ошибку калиброванія въ 0,02 миллиметра каждый разъ, методъ болѣе чѣмъ удовлетворителенъ. Въ самомъ дѣлѣ наименьшая разность величинъ, которую можно отложить посредствомъ машины которую я пользовался есть 1^D , то есть $\frac{1}{801}$ миллиметра, слѣдовательно наименьшая разность въ величинѣ двухъ интерваловъ, которую можно отложить, предполагая 35 дѣлений въ каждомъ интервалѣ, есть 35 дѣлений головки винта, т. е. почти 0,04 миллиметра. Вотъ почему, какъ видно изъ таблицы, когда длины столбовъ различаются между собою на 0,02 миллиметра и меньше, приходится откладывать дѣленія одинаковой длины.

Другое обстоятельство, которое наглядно представляетъ приведенная таблица то, что если при передвиженіи столба ртути, лѣвый конецъ его не упадетъ въ ту точку гдѣ прежде былъ правый, какъ слѣдовало бы, а упадетъ нѣсколько ближе или дальше ея, то оттого не можетъ произойти замѣтной ошибки. Въ самомъ дѣлѣ, если отъ передвиженія столба ртути на пространство равное всей его длинѣ, длина эта замѣняется положимъ на 0,3 миллиметра, то ясно, что отъ передвиженія того же столба на 1 миллиметръ, длина его должна замѣниться на $\frac{1}{30}$ (приблиз-

¹⁾ На дѣлительной машинѣ физической лабораторіи Collège de France, которую я пользовался, длина 1 миллиметра равняется двумъ оборотамъ винта и одному дѣленію головки; головка винта имѣла 400 дѣлений. Въ настоящемъ случаѣ каждой изъ калибровочныхъ интерваловъ раздѣленъ на 35 дѣлений.

тельно) этой величины, т. е. на 0,01 миллиметра или немного больше, т. е. величину, которой влияние при делении не замѣтно.

Наконецъ, приведенная выше таблица можетъ послужить также для опредѣленія степени точности, которой можно достигнуть посредствомъ разсматриваемаго способа калибровки. Для того чтобы получить трубку, абсолютно вѣрно раздѣленную, слѣдовало бы интервалы опредѣленные калиброваніемъ дѣлить также не на части равной длины, но на части равной емкости. Практически это не исполнимо, а потому надобно опредѣлить какъ велика можетъ быть ошибка, происходящая отъ того, что интервалы равной емкости раздѣлены на части равной длины. Ясно, что наибольшая погрѣшность будетъ имѣть мѣсто посрединѣ интервала и легко опредѣлить ее величину при данныхъ условіяхъ. Предположимъ, что разсматриваемая трубка правильный конусъ и при томъ такой, что столбъ ртути 28,65 миллиметровъ длины, передвинутый 28,65 миллиметра будетъ имѣть длину 28,80 миллиметра (интервалы 3 и 4 въ таблицѣ). Ясно, что если интервалъ 28,65 миллим. раздѣлить на двѣ части равныя по объему, то длины ихъ будутъ относиться между собою какъ 28 65 : 28,80, т. е. длина первой половины будетъ 14,287 миллим., длина второй 14,363 миллим. Но при нашемъ способѣ дѣленія трубки вѣсто половинъ интервала 28,65 по объему, откладывается половина его по длинѣ; слѣдовательно при этомъ дѣлается ошибка, которой величина въ настоящемъ случаѣ будетъ 0,038 миллим.

И такъ даже при самомъ совершенномъ способѣ калиброванія, раздѣленная трубка, уже по принципу, должна представлять (за исключеніемъ нѣкоторыхъ точекъ) погрѣшности, которыхъ величину можно опредѣлить, зная условія калибровки, и которыя обыкновенно доходятъ до 0,05 миллиметра; изъ этого слѣдуетъ, что употребленіе сильно увеличивающихъ зрительныхъ инструментовъ для наблюденія объема жидкости при калиброванныхъ трубкахъ, съ цѣлью считать сотыя или даже пятидесятые доли дѣленія, — не имѣетъ цѣли: послѣднія цифры величинъ, такимъ образомъ получаемыхъ, меньше нежели вѣроятная ошибка калибра ¹⁾.

Но самая главная выгода термометровъ съ произвольной шкалой заключается въ полной возможности повѣрки калибра трубки *послѣ того какъ дѣленія уже нанесены* на нее; такимъ образомъ открываются всѣ ошибки, которыя могли быть сдѣланы при калиброваніи и при нанесеніи дѣленій. Для этого въ трубку вводятъ столбъ ртути приблизительно миллиметровъ въ 30 и опредѣляютъ его длину въ различныхъ частяхъ трубки посредствомъ дѣленій самой трубки; если дѣленія вѣрны, то ясно, что во всѣхъ частяхъ столбъ ртути будетъ занимать одно и тоже число дѣленій. Необходимо прогнать такимъ образомъ одинъ и тотъ же столбъ два раза

¹⁾ Само собою разумѣется, что все это и еще въ гораздо большей степени относится къ термометрамъ съ опредѣленной шкалой. Раздѣлить трубку *между двумя* известными точками на известное число частей *равной емкости* (какъ то требуется при термометрахъ съ опредѣленной шкалой) есть задача несравненно болѣе сложная и трудная чѣмъ раздѣлить *произвольную* часть трубки на *произвольное* число частей, *произвольной*, но *равной* емкости. Механики, занимающіеся построениемъ термометровъ обыкновенно довольствуются простыми и грубыми графическими построениемъ на бумагѣ, которое посредствомъ циркуля переносить потомъ на шкалу термометра

устанавливая въ первый разъ вершины его тамъ, гдѣ они находились при калиброваніи, а во второй посреднѣ интерваловъ. Это необходимо во первыхъ, для того чтобы не могло оставаться пространство, которыя вовсе не были проверены, во вторыхъ для того, чтобы еще разъ убѣдиться, что ошибка, сдѣланная при той степени коничности трубки и той длинѣ калибровочнаго столба, которые допущены, незначительна. Обыкновенно при такой проверкѣ замѣчаются небольшія погрѣшности, ихъ отмѣчаютъ и составляютъ по нимъ таблицу поправокъ. Для того чтобы еще болѣе обезпечить себя, дѣлаютъ еще проверку, посредствомъ длиннаго столба.

Для всѣхъ этихъ проверокъ очень удобенъ приборъ, описанный выше и названный для калиброванія трубокъ. Микроскопы этого прибора имѣютъ слабое увеличеніе 7 — 8 разъ и устроены такимъ образомъ, что фокусное разстояніе у нихъ очень велико, что необходимо для того, чтобы можно было въ одно и то же время ясно видѣть дѣленія на трубкѣ и конецъ столба ртути, лежащій 2 — 1½ миллиметра дальше отъ микроскопа, чѣмъ поверхность трубки, носящая дѣленія.

Для примѣра я привожу здѣсь вполнѣ числа, полученные при проверкѣ термометра № 5.

Первый рядъ.

0,5	35,5	35,0
30,75	65,75	35,0
60,15	95,15	35,0
90,4	125,4	35,0
130,5	165,5	35,0
160,4	175,4	35,0
190,9	225,9	35,0
220,3	255,25	34,95
250,4	286,35	35,95 ¹⁾
280,2	315,15	34,95
310,1	345,1	35,0
340,7	375,65	39,95
370,35	405,35	35,0
400,8	435,8	35,0
430,35	465,35	35,0
460,65	495,65	35,0
490,7	525,7	35,0
520,35	555,35	35,0
550,4	585,4	35,0
580,7	615,7	35,0
610,6	645,6	35,0

Второй рядъ:

15,7	50,7	35,0
44,8	79,8	35,0

¹⁾ Это ошибка въ счетѣ дѣлений: между 260 и 265 сдѣлано по ошибкѣ только четыре дѣленія вмѣсто пяти.

74,4	109,4	35,0
115,65	150,65	35,0
145,1	180,15	35,05
175,5	210,5	35,0
205,25	240,25	35,0
235,0	271,0	36,0 ¹⁾
265,1	300,1	35,0
295,4	330,4	35,0
325,3	360,3	35,0
355,5	390,55	35,05
385,25	420,25	35,0
415,3	450,3	35,0
445,25	480,25	35,0
475,4	510,4	35,0
505,6	540,5	34,9
535,6	570,6	35,0
565,7	600,7	35,0
595,7	630,7	35,0

Третий ряд:

0	114,7	114,7
100	214,7	114,7
200	315,7	115,7
300	414,75	114,75
400	514,75	114,95
500	614,7	114,7

Четвертый ряд:

0	333,3	333,3
100	433,35	333,35
200	533,35	333,35
300	632,4	332,4

Эти числа ясно показывают, какую степень доверия могут заслуживать показания термометра, построенного из трубки, к которой они относятся. Все разности в длине столбов, как видно, не превосходят одной двадцатой доли одного деления и только во второй половине трубки можно ясно заметить разность доходящую до 0,01.

Съ первого взгляда кажется, что можно бы достигнуть большей точности, употребивъ для повѣрки микроскопы съ болѣе сильнымъ увеличеніемъ, но въ дѣйствительности это такъ затруднительно, что почти можетъ считаться неисполнимымъ: малѣйшее измѣненіе температуры, малѣйшая неточность въ установкѣ глаза (все таки возможная, не смотря на перекрестныя нити и узкое отверстіе, чрезъ которое смотрять глазъ), приобрѣтаютъ въ такомъ случаѣ весьма замѣтное вліяніе, поэтому я рѣшился допустить для моихъ термометровъ одну десятую долю одного деленія, какъ наибольшую возможную ошибку, зависящую отъ калибра.

¹⁾ Ошибка въ счетъ деленій какъ уже сказано.

Я нѣсколько разъ опредѣлялъ кардинальныя точки моихъ термометровъ. Наибольше затрудненій представляеть опредѣленіе точки кипѣнія; я употреблялъ для этой цѣли приборъ, совершенно подобный тому, который употребляетъ Реньо и въ которомъ водяной паръ двойной оболочкой окружаетъ термометръ на всемъ пространствѣ его, занятомъ ртутью. Барометръ, которымъ я пользовался, былъ предварительно тщательно проверенъ мною. Посредствомъ катетометра ¹⁾ я измѣрилъ сначала его скѣлу отъ нижней точки до точки 760 и нашелъ ее немного вытянутою, какъ это обыкновенно бываетъ съ барометрами, у которыхъ вся тяжесть виситъ на мѣдной оправѣ, на которой начерчена скѣла. Затѣмъ я позаботился проверить вполнѣ ли сохранилъ барометръ пустое пространство. Для этой цѣли я сдѣлалъ нѣсколько послѣдовательныхъ наблюдений высоты барометра, то оставляя пустоту нормальной величины, то уменьшая ее въ десять или пятнадцать разъ, что легко произвести посредствомъ нижняго винта барометра; измѣреніе же высоты его въ этомъ случаѣ я производилъ посредствомъ катетометра. Наконецъ я принялъ во вниманіе небольшую поправку, зависящую отъ капиллярности ²⁾.

Не смотря на всѣ эти предосторожности, я не всегда получалъ результаты совершенно тождественныя; — слѣдующая таблица представляетъ результаты полученные для нѣкоторыхъ изъ моихъ термометровъ первый столбецъ даетъ № термометровъ, въ каждомъ изъ слѣдующихъ трехъ подъ литерою *a* показано сколько дѣленій произвольной скѣлы равняется интервалъ 100 градусовъ Цельсія; подъ литерою *b* положеніе 0° на скѣлѣ термометра, опредѣленное тотчасъ послѣ опредѣленія точки кипѣнія. Эти опредѣленія 0° служили впрочемъ только для опредѣленія величины интервала въ 100°, при опытахъ же 0° градусовъ опредѣлялся каждый разъ особенно, такъ какъ извѣстно, что въ термометрѣ, подвергнутомъ нѣсколько времени температурѣ 100° точка нуля немного перемѣщается.

		1-е опредѣленіе.		2-е опредѣленіе.		3-е опредѣленіе.	
		<i>a</i>	<i>b</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>a</i>	<i>b</i>
Термом.	№ 1. —	512,4	99,5	512,2	99,5	512,3	99,8
»	№ 8. —	576,1	43,7	576,0	44,0	576,6	42,2
»	№ 10. —	600,5	41,0	600,6	41,0	601,0	41,4
»	№ 11. —	507,6	65,4	507,5	65,5	507,6	66,0.

Различныя опредѣленія даютъ, какъ видно изъ чиселъ этой таблицы, величины замѣтно различныя для числа дѣленій, соответствующаго интервалу 100° одного и того же термометра; особенно третье опредѣленіе дало для термометровъ №№ 8 и 10, числа, которыхъ разности съ прежними опредѣленіями превосходятъ возможныя наибольшія ошибки, зависящія отъ калибра и считыванія; эта разность простирается для каждаго изъ нихъ до 0,08°.

¹⁾ Катетометръ, принадлежащій химической лабораторіи Университета св. Владимира, работы механика Реггеахъ въ Парижѣ; онъ былъ мною сравненъ съ однимъ изъ катетометровъ Реньо.

²⁾ Для приведенія барометра къ 0° и для опредѣленія по высотѣ его точекъ кипѣнія я употреблялъ таблицы, вычисленныя Изарномъ (Mill. et Reis. Annuaire de Chimie 1848).

Впрочемъ Пьеръ ¹⁾ получилъ при своихъ опытахъ разности еще гораздо большія и которыя иногда доходили до 0°,4, и даже до 0°,475

Рекнагель ²⁾ въ таблицѣ на стр. 137 и 138 даетъ кардинальныя точки своихъ термометровъ; различныя опредѣленія для одного и того же термометра даютъ интервалъ 100° различнымъ на 0°,2 и болѣе. Наконецъ въ таблицѣ стр. 227 мемуара Реньо „объ измѣреніи температуръ“ ³⁾ помѣщены показанія термометровъ, находящихся въ одной ваннѣ при температурѣ близкой къ 100°; эти показанія должны бы были быть тождественны, но они разнятся иногда до 0°,1.

Это доказываетъ, что хотя точка кипѣнія и точка таянія льда температуры по принципу совершенно постоянныя, но тѣмъ не менѣе достигнуть этого постоянства въ дѣйствительности не совсѣмъ легко, если требуется большая точность.

Всѣ мои термометрическія наблюденія и вообще всѣ считыванія производились посредствомъ горизонтальной зрительной трубки, движущейся по вертикальной колоннѣ и снабженной уровнемъ.

При всѣхъ точныхъ термометрическихъ наблюденіяхъ необходимо дѣлать поправку, зависящую отъ того, что часть столба термометрической жидкости имѣетъ температуру отличную отъ той, которую имѣетъ шарикъ термометра. Я употреблялъ для вычисленія этой поправки обыкновенную формулу:

$$\varphi = \frac{1}{x} (t - n) (t - t')$$

гдѣ

t температура наблюдаемая.

t' температура непогруженной части термометра.

n — точка, до которой погруженъ термометръ, выраженная въ градусахъ.

$\frac{1}{x}$ — кажущійся коэффициентъ разширенія термометрической жидкости.

Для того чтобы съ точностію установить поправку, необходимо знать коэффициентъ разширенія стекла, изъ котораго сдѣланы термометры. Мои сдѣланы изъ хрустала и изъ той же массы сдѣлано было нѣсколько сосудовъ для опредѣленія удѣльнаго вѣса жидкостей по способу Реньо. Я опредѣлялъ посредствомъ ртути кажущійся коэффициентъ разширенія между 0° и 100° для этихъ сосудовъ и получилъ слѣдующія цифры:

	Δ_{100}
Для сосуда № 4	0,0154
Для сосуда № 11	0,0154
” ” № 12	0,0153.
<hr style="width: 50%; margin: 0 auto;"/>	
	Средняя 0,0154.

Коппъ ⁴⁾ прямыми опытами показалъ, что если ввести въ поправку величину $\frac{1}{x}$ — такъ какъ даетъ ее прямое опредѣленіе, то результатъ получается не

¹⁾ Pierre, sur la marche comparative des thermomètres à mercure formés par des verres différents. Ann. Ch. Ph. 3 v. t. b.

²⁾ Pogg. Ann. t. 123. 1865. Thermometrische Untersuch.

³⁾ Mém. de l'académ. t. 21.

⁴⁾ Pogg. Ann. t. 72.

совсѣмъ точный, потому что столбъ ртути въ термометръ всегда имѣетъ температуру нѣсколько иную, чѣмъ температура окружающаго воздуха, которая при этомъ случаѣ принимается за температуру ртутнаго столба. Онъ нашелъ, что величину $\frac{1}{x}$ такъ какъ даетъ ее прямое опредѣленіе, надобно замѣнить величиною $\frac{1 + \frac{1}{8}}{x}$. Такимъ образомъ вводилъ я этотъ факторъ въ вычисленіе поправки φ .

Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ что показанія моихъ термометровъ представляютъ достаточную степень точности, я сравнилъ ихъ между собою. Сравненіе это было производимо при температурахъ maxima и minima въ большой ваннѣ, которой вода постоянно взбалтывалась. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого сравненія.

Т. 1.	Т. 8.	Т. 10.	Т. 11.
13,17	13,19	13,10	13,10
14,15	14,15	14,04	14,07
17,27	17,26	17,07	17,04
24,11	24,10	23,98	23,96
31,84	31,84	31,67	31,88
31,53	31,53	31,37	31,60
41,60	41,62	41,46	41,48
40,96	40,93	40,80	40,81
47,65	47,64	47,40	47,45
55,44	55,47	55,28	55,32
61,68	61,71	61,54	61,57.

Термометры № 1 и № 8 построены мною самимъ; термометры № 10 и № 11 получены отъ механика Фастре. Какъ видно, показанія моихъ термометровъ чрезвычайно согласны; разница не превосходитъ $0^{\circ},03$, т. е. отклоненіе отъ средней арифметической не болѣе $0^{\circ},015$, слѣдовательно меньше $0^{\circ},1$. Напротивъ показанія термометровъ Фастре значительно различаются и между собою и съ показаніями моихъ термометровъ; разница доходитъ до $0^{\circ},2$ и даже дальше. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что это несогласіе должно быть приписано ошибкамъ калибра.

Опредѣленіе теплоемкостей. Въ настоящее время двѣ метода могутъ быть употреблены для этой цѣли: метода охлажденія и метода смѣшеній.

Метода охлажденія представляетъ много выгодъ; но это метода косвенная и при томъ основанная на началахъ, которыя весьма сомнительны, какъ показалъ Реньо ¹⁾. При томъ производство опредѣленій по этой методѣ требуетъ приборовъ чрезвычайно тщательно построенныхъ.

Метода смѣшеній, наиболѣе разработанная и вполнѣ прямая, подвергалась многочисленнымъ измѣненіямъ.

Первые свои опыты надъ жидкостями Реньо производилъ по методѣ смѣшеній такимъ образомъ, что занавалъ ихъ въ трубки и нагревалъ въ паровой ваннѣ своего аппарата точно такъ, какъ твердыя тѣла. Этотъ способъ затруднителенъ,

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 9.

требует особой паровой ванны, для жидкостей имѣющих слабую теплоемкость невыгоднѣе тѣмъ, что теплоемкость трубки имѣетъ слишкомъ большое влияние и наконецъ тѣмъ, что максимум не скоро наступаетъ и поправка охлажденія вслѣдствіе того велика.

Андревскій ¹⁾ погружалъ въ изслѣдуемую жидкость нагрѣтый ртутный термометръ, котораго шарикъ имѣлъ около 50 мм. длины и около 13 мм. въ діаметръ и заключалъ до 80 грамм. ртути. Термометръ этотъ имѣлъ вблизи резервуара черту, и предварительными опытами было опредѣлено при какой температурѣ ртуть въ термометръ стоитъ на этой чертѣ; нагрѣвъ термометръ выше этой температуры, его вынимаютъ изъ ванны и ждутъ пока ртуть дойдетъ до черты; въ этотъ моментъ термометръ погружается въ испытуемую жидкость, находящуюся въ калориметрѣ и наблюдается максимумъ повышенія ея температуры. Такимъ образомъ получается калориметрическое значеніе термометра въ единицахъ испытуемой жидкости и, сдѣлавъ предварительно такое же опредѣленіе для воды, можно изъ этихъ данныхъ вычислить теплоемкость изучаемой жидкости. Этотъ способъ представляетъ нѣкоторыя удобства, но онъ не приложимъ для жидкостей очень летучихъ или способныхъ быстро поглощать влагу и при этомъ нагрѣваться.

Персонъ ²⁾ при своихъ опредѣленіяхъ теплоемкости соляныхъ растворовъ, погружалъ въ изслѣдуемый растворъ, налитый въ калориметръ, мѣдную бутылочку, содержащую чистую воду предварительно нагрѣтую, съ погруженнымъ въ нее термометромъ. Онъ употребилъ для этихъ опредѣленій изобрѣтенный имъ калориметръ, въ которомъ потеря теплоты во время опыта уничтожалась посредствомъ особаго рода компенсаціи. Сравненіе конечныхъ результатовъ полученныхъ Персономъ показываетъ, что разности при повтореніи одного и того же опыта простирались не свыше 0,007, а средняя разность меньше 0,004; при двухъ только опытахъ разность оказалась около $\frac{1}{60}$ такъ что оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній случай, методу можно считать вполне удовлетворительною съ точки зрѣнія точности, но она затруднительна для исполненія: способъ компенсаціи Персона требуетъ особаго наблюдателя; при томъ же метода не приложима при изученіи летучихъ жидкостей.

Фавръ и Зильберманъ ²⁾ произвели посредствомъ изобрѣтеннаго ими ртутнаго калориметра нѣсколько опредѣленій теплоемкости и указываютъ на этотъ приборъ какъ на особенно удобный для такихъ опредѣленій; но съ этимъ невозможно согласиться. Для опредѣленія теплоемкости жидкости, нѣсколько граммъ ея (2—3) они нагрѣваютъ до кипѣнія и выбрасываютъ въ муфель своего калориметра. При вычисленіи теплоемкости предполагаютъ, что температура жидкости вливаемой въ муфель есть ея температура кипѣнія. Но извѣстно какъ легко и значительно измѣняется температура кипѣнія подъ влияніемъ стѣнокъ сосуда, способа нагрѣванія и т. п.; такой способъ опредѣленія температуры на маломъ количествѣ жидкости очень не надеженъ. Притомъ часть жидкости попадаетъ въ муфель въ видѣ пара, что еще увеличиваетъ ошибку; наконецъ и самое опредѣленіе калориметрическаго значенія дѣленій градуированной трубки прибора подвержено

¹⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 14.

²⁾ Ann. Ch. Ph. 3 s. t. 37.

тѣмъ же ошибкамъ. Не удивительно поэтому, что теплоемкости, полученныя этимъ способомъ при повтореніи опыта оказываются различными на $\frac{1}{50}$ и даже иногда на $\frac{1}{25}$ всей своей величины. Еще гораздо больше разниця чиселъ Фавра и Зильбермана съ числами полученными Реньо: послѣдніе всегда больше на $\frac{1}{10}$ и даже иногда на $\frac{1}{5}$. Изъ этого видно, что для опредѣленія теплоемкостей, ртутный калориметръ вовсе не можетъ служить.

Сенъ-Клеръ-Девиль ¹⁾ по поводу своихъ изслѣдованій, упомянутыхъ выше, сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о новомъ, и какъ онъ говоритъ — очень удобномъ и точномъ способѣ опредѣленія теплоемкости жидкостей имъ изобрѣтенномъ. Способъ этотъ заключается въ томъ, чтобы вливать въ изучаемую жидкость, имѣющую температуру окружающей атмосферы, большую массу ртути нагрѣтой или охлажденной до извѣстной температуры. При взбалтываніи ртуть раздѣляется на мелкія капли и смѣсь очень быстро принимаетъ среднюю температуру, вслѣдствіе чего поправка охлажденія ничтожна. Сенъ-Клеръ-Девиль прибавляетъ, что даже при опытахъ надъ сѣрною и уксусною кислотою онъ никогда не могъ открыть признаковъ растворенной ртути въ кислотѣ; тѣмъ не менѣе можно противъ этого способа сдѣлать другое возраженіе: Нулье, какъ извѣстно, показалъ, что всегда, когда жидкости проникаютъ мелко раздробленныя тѣла, происходитъ отдѣленіе тепла; болѣе чѣмъ вѣроятно, что тоже самое происходитъ и при прохожденіи мелко раздробленной ртути сквозь жидкость. Притомъ способъ не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ; поправка на охлажденіе всегда очень мала и можетъ быть сдѣлана съ большою точностію, слѣдовательно нѣтъ цѣли избѣгать ее, когда этимъ вносится вѣроятность новой очень большой погрѣшности.

Предлагали также для опредѣленія теплоемкости жидкостей погружать въ нихъ металлическій цилиндръ или шаръ, предварительно нагрѣтый или охлажденный, но этотъ способъ представляетъ тѣ же самыя невыгоды, какъ и способъ Андревса, кромѣ того здѣсь представляется еще затрудненіе относительно точнаго опредѣленія температуры погружаемаго куска металла.

Наконецъ Реньо ²⁾ въ послѣднемъ томѣ своихъ изслѣдованій описалъ приборъ, посредствомъ котораго онъ опредѣлялъ теплоемкость значительнаго числа жидкостей; при этомъ приборѣ изучаемая жидкость предварительно нагрѣтая или охлажденная вбрасывается въ калориметръ имѣющій для пріятія ея особый сосудъ, окруженный водою, которой нагрѣваніе наблюдается. Такимъ образомъ испробованы были можно сказать всѣ возможныя измѣненія методы смѣшеній; изъ всѣхъ этихъ видоизмѣненій хорошихъ результатовъ можно ожидать при опредѣленіи теплоемкости летучихъ жидкостей отъ двухъ методъ: отъ метода Реньо, которая изобрѣтена специально для этого случая и отъ метода Персона, если только употребить ее въ обратномъ видѣ, т. е. наливать въ калориметръ воду а въ бутылочку изучаемую жидкость. Въ самомъ дѣлѣ при способѣ Реньо, изучаемая жидкость только въ моментъ вбрасыванія сообщается съ воздухомъ, но и то посредствомъ особаго прибора недопускающаго ея улетучиванія; по методѣ же Персона, измѣненной какъ выше сказано, жидкость во время всего опыта остается въ закрытомъ сосудѣ; я счелъ поэтому нужнымъ подвергнуть обѣ эти методы внимательному изученію.

¹⁾ Comp. Rend. t. 50.

²⁾ Mém. de l'acad. t. 26.

Безъ всякаго сомнѣнія Реньо подвергнулъ свою методу тщательному изученію, прежде нежели употребилъ ее для окончательныхъ опредѣленій, но въ мемуарѣ его нѣтъ никакихъ данныхъ относительно результатовъ этого изученія и потому о степени точности метода можно судить только по степени согласія между результатами опредѣленій сдѣланныхъ въ одинаковыхъ обстоятельствахъ. Реньо даетъ въ своемъ мемуарѣ для каждаго отдѣльнаго опыта не среднія теплоемкости C , а количества тепла Q , которыя отдаетъ или беретъ 1 граммъ жидкости, переходя отъ температуры T къ температурѣ t ; средняя теплоемкость получится, если Q разделить на $T - t$; слѣдующая таблица представляетъ возможность произвести сравненіе результатовъ опредѣленій, произведенныхъ для однихъ и тѣхъ же интерваловъ температуръ ¹⁾.

Алкооль.						
	III	IV	V	VI	VIII	IX
T	42,55	42,20	40,55	41,00	66,37	66,02
t	11,28	11,27	8,38	8,17	10,85	10,43
C	0,606	0,621	0,610	0,603	0,648	0,642

Хлороформъ.			Сѣрнист. углеродъ.		
	III	IV	V	III	IV
T	53,82	61,15	5,31	39,46	39,53
t	4,93	6,65	6,62	5,85	6,33
C	0,235	0,234	0,236	0,238	0,240

Изъ этихъ таблицъ видно, что для опредѣленій сдѣланныхъ для интерваловъ температуръ почти совершенно тождественныхъ, разности оказываются для алкооля (если оставить въ сторонѣ опр. IV, которое очень значительно отличается отъ другихъ) отъ 0,005 до 0,01, для хлороформа и сѣрнистаго углерода разности тѣ же самыя. Изъ этого видно, что 0,005 должна быть разсматриваема какъ вѣроятная случайная ошибка отдѣльнаго опыта по методу Реньо.

Я представлю теперь результаты опытовъ, которыя я произвелъ для того чтобы изучить эту методу. Я не буду описывать здѣсь приборъ Реньо, такъ какъ онъ весьма извѣстенъ; я упомяну только о тѣхъ обстоятельствахъ опыта, о которыхъ ничего не сказано у Реньо или относительно которыхъ мои опыты представляютъ особенность. Метода, какъ извѣстно заключается въ томъ, что изучаемую жидкость нагреваютъ въ особомъ сосудѣ, сообщающемся съ калориметромъ посредствомъ тонкой трубки и крана; при открываніи этого крана, нагрѣтая жидкость переходитъ въ калориметръ. Калориметръ состоитъ изъ наружнаго сосуда, наполненнаго водою и погруженнаго въ него внутренняго сосуда, въ который и вливается нагрѣтая жидкость. Изъ этого видно, что внутренній сосудъ калориметра долженъ герметически сообщаться съ трубкой нагрѣвательнаго сосуда. Реньо не упоминаетъ о томъ, какимъ образомъ устроено было это сообщеніе въ его приборѣ; я употребилъ для этого маленькую пробку. Реньо не упоминаетъ также о томъ, какимъ образомъ опредѣлялось количество нагрѣтой жидкости, вброшенной въ калориметръ; я опредѣлялъ его взвѣшиваніемъ всего калориметра до и послѣ опыта; особые опыты показали мнѣ какое количество

¹⁾ Римскія цифры обозначаютъ номера опытовъ, подъ которыми они приведены въ мемуарѣ Реньо.

воды теряется испареніемъ во время опыта и я принималъ его въ расчетъ. Кроме того, для того чтобы опытъ былъ удаченъ, необходимо вбросить известное (приблизительно) количество нагрѣтой жидкости въ калориметръ. такое, чтобы внутренній сосудъ калориметра былъ наполненъ или почти наполненъ, а въ верхнемъ его прибавкѣ, назначенномъ сгущать пары, которые могли бы образоваться въ самомъ калориметрѣ, жидкости не было или было очень мало. Я достигалъ этой цѣли слѣдующимъ образомъ: въ нагрѣвательной сосудъ вливалось количество жидкости большее чѣмъ то, которое нужно вбросить въ калориметръ и притомъ такое, что нагрѣвательный сосудъ былъ почти совершенно наполненъ: это дѣлалось для того, чтобы жидкость, состоящая изъ двухъ тѣлъ различной летучести, не могла измѣнять своего состава во время нагрѣванія вслѣдствіе не равнаго испаренія обѣихъ составныхъ частей. Посредствомъ предварительныхъ опытовъ, я опредѣлялъ число секундъ, въ теченіи котораго при тѣхъ условіяхъ давленія, при которыхъ находился приборъ, вытекаетъ изъ него надлежащее количество жидкости; затѣмъ я опредѣлялъ каждый разъ количество вбрасываемой жидкости, отворяя край лишь на известное время (5 секундъ). Этотъ способъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ. По окончаніи опыта, я отнималъ калориметръ отъ трубки нагрѣвательнаго сосуда, закрывалъ отверстія его пробочками и ставилъ на вѣсы въ полномъ его составѣ.

Самое наблюденіе производилось совершенно такъ, какъ оно описано у Реньо: сначала опредѣлялось измѣненіе температуры калориметра въ теченіи десяти минутъ до вбрасыванія жидкости, подъ вліяніемъ нагрѣвательнаго сосуда и вообще вышнихъ условій (начальный періодъ), потомъ производилось наблюденіе температуры калориметра и нагрѣваемой жидкости и вбрасываніе ея въ калориметръ; за тѣмъ температура калориметра наблюдалась ежеминутно до тѣхъ поръ, пока максимумъ нагрѣванія было пройдено и охлажденіе получало правильный ходъ, — это средний періодъ наблюденій; наконецъ дѣлалось еще два наблюденія температуры калориметра на разстояніи 10 минутъ одно отъ другаго — это конечный періодъ. Вместе съ тѣмъ наблюдалась температура воздуха.

Относительно способа вычисленія опытовъ, Реньо не даетъ въ своемъ мемуарѣ никакихъ указаній; но въ мемуарѣ о теплоемкости газовъ, помѣщенномъ въ томъ же томѣ *Mem. de l'Acad. des Sci.* онъ излагаетъ подробно весь ходъ вычисленія результатовъ опыта. Его способъ опредѣленія теплоемкости жидкостей основанъ совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и его способъ опредѣленія теплоемкости газовъ, а потому очевидно и вычисленіе результатовъ должно производиться такимъ же образомъ.

Въ основаніе вычисленія теплоемкости берется не абсолютное максимумъ измѣненія температуры калориметра, а температура, которую Реньо называетъ конечнымъ максимумомъ θ' . Это температура, которая очень мало отличается отъ абсолютнаго максимума (на нѣсколько сотыхъ долей градуса) и начиная съ которой охлажденіе калориметра принимаетъ правильный ходъ, т. е. въ равные промежутки времени температура понижается на равную долю градуса. Эта правильность охлажденія доказываетъ, что всѣ части калориметра приняли одинаковую температуру; въ самомъ дѣлѣ очевидно, что пока вброшенная жидкость теплѣе нежели вода калориметра, охлажденіе всей массы его будетъ происходить медленнѣе нежели тогда когда температуры всѣхъ его частей выравниются, а это послѣднее обстоятельство

имѣеть особенную важность для точности результата ¹⁾. Введеніе въ вычисленіе теплоемкости абсолютнаго тахішум не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ, а между тѣмъ абсолютное тахішум всегда наступаетъ въ такое время, когда температура вброшенной жидкости и температура воды въ калориметръ еще не сравнялись.

Количество тепла, теряемое калориметромъ въ каждую минуту отъ момента вбрасыванія жидкости до момента конечнаго тахішум опредѣляется формулою:

$$\Delta \theta = A (\theta - t) - K.$$

въ которой:

- $\Delta \theta$ — количество тепла, пріобрѣтеннаго или потеряннаго калориметромъ въ 1' данное прямымъ наблюденіемъ.
- θ — средняя температура калориметра въ теченіи одной минуты.
- t — средняя температура воздуха въ теченіе этой минуты.
- K — количество тепла, пріобрѣтаемое калориметромъ отъ ванны, вслѣдствіе проводимости въ теченіи одной минуты.
- A — постоянный коэффициентъ охлажденія.

Одинъ рядъ величинъ $\Delta \theta$, θ и t даетъ начальный періодъ наблюденій (до вбрасыванія жидкости) другой — конечный періодъ (послѣ наступленія конечнаго тахішум). Такимъ образомъ для каждаго опыта получаютъ два уравненія съ двумя неизвѣстными A и K , изъ которыхъ и вычисляются величины этихъ двухъ константъ; затѣмъ при помощи этихъ константъ вычисляется для каждой минуты, начиная съ момента θ и идя назадъ до момента вбрасыванія жидкости, количество тепла, которое пріобрѣтаетъ и теряетъ калориметръ, на основаніи извѣстнаго закона пропорціонности потерь разностямъ между температурою охлаждающагося тѣла и окружающей среды. Сумма этихъ количествъ составляетъ всю поправку охлажденія. Реньо убѣдился прямыми опытами въ точности этого способа производить означенную поправку, но онъ очень длиненъ и потому я нѣсколько упростилъ его; именно вмѣсто того, чтобы опредѣлять величины A и K разрѣшеніемъ приведенныхъ выше уравненій я опредѣлялъ ихъ изъ тѣхъ же данныхъ посредствомъ методы послѣдовательныхъ приближеній. Этотъ приемъ тѣмъ болѣе допустимъ, что коэффициентъ K при моемъ приборѣ былъ чрезвычайно малъ.

Слѣдующая таблица представляетъ числовыя данныя моего калориметра, общія для всѣхъ опытовъ:

	<i>Въ единицахъ воды.</i>	
Вѣсъ мѣдныхъ частей калорим.	262,4	24,67
Вѣсъ ртути терм. (№ 5)	18,02	0,40
Вѣсъ погруженной части стекла термометра	5,16	1,02
Вѣсъ воды въ калориметръ	405,48	405,05
Полная масса калориметра въ единицахъ воды	<u>431,80</u>	

¹⁾ Собственно говоря правильность охлажденія калориметра не есть еще доказательство того, что всѣ его части приняли одинаковую температуру; эта правильность доказываетъ только, что вода калориметра теряетъ въ единицу времени столько же тепла охла-

Чтобы убедиться въ томъ, что мой приборъ и способъ вычисленія удовлетворительны, я сдѣлалъ нѣсколько повѣрочныхъ опытовъ съ водою. Привожу здѣсь результаты нѣкоторыхъ изъ этихъ опытовъ. Буквы въ слѣдующей таблицѣ, какъ и во всѣхъ помѣщенныхъ ниже таблицѣхъ, заключающихъ результаты опредѣленій теплоемкости, имѣютъ слѣдующее значеніе.

P — вѣсъ нагрѣтой жидкости, брошенной въ калориметръ.

T — ея температура въ моментъ вбрасыванія.

t — температура максимум калориметра послѣ вбрасыванія нагрѣтой жидкости, поправленная.

Δt — измѣненіе температуры калориметра, поправленное.

M — масса калориметра.

C — средняя теплоемкость изучаемой жидкости между температурами T и t .

C вычислялось по обыкновенной формулѣ :

$$C = \frac{M \Delta t}{P(T-t)}$$

Для воды я получилъ слѣдующія числа :

	P	T	$T-t$	Δt	C
I	100,6	41,97	15,929	3,956	0,998
II	104,1	47,10	25,85	6,927	1,005
III	97,5	0,06	19,17	4,33	0,999
IV	86,4	0,06	18,33	3,68	1,002

Эти числа показываютъ, что метода, въ томъ видѣ какъ я употреблялъ ее, и способъ вычисленія вполне удовлетворительны.

Что касается до метода Персона, то я сохранилъ только принципъ одного изъ приемовъ ея и то въ обратномъ видѣ: вмѣсто того, чтобы вливать изучаемую жидкость въ калориметръ и вносить въ него сосудъ, наполненный нагрѣтой водою, я нагрѣвалъ изучаемую жидкость въ закрытомъ сосудѣ и вносилъ его въ калориметръ наполненный водою, подобно тому, какъ Персонъ это дѣлалъ для опредѣленія теплоемкости расплавленныхъ солей. Впрочемъ приборъ построенный мною на этомъ принципѣ, способъ производить опыты и вычислять ихъ совершенно отличаются отъ Персоновыхъ и всего болѣе приближается къ методу Реньо для опредѣленія теплоемкости твердыхъ тѣлъ.

Мой приборъ представленъ на фиг. 3; A составляетъ калориметръ, BB — приборъ въ которомъ нагрѣвается жидкость для производства опыта. Приборъ этотъ состоитъ изъ мѣднаго цилиндра BB , прикрѣпленнаго къ деревянному стативу GG ; цилиндръ BB имѣетъ крышку, къ которой припаивъ другой меньшій цилиндръ CC . Въ этотъ цилиндръ входитъ сосудъ D изъ тонкой мѣди, въ который вливается

денежъ, сколько приобретаетъ его отъ находящагося въ калориметрѣ нагрѣтаго тѣла, такъ что разность температуры обонхъ — постоянна. Въ настоящемъ случаѣ эта разность незначительна, но я покажу ниже, что при другихъ размѣрахъ и другомъ устройствѣ калориметра эта разность можетъ быть весьма замѣтна и притомъ дѣйствительно постоянна начиная съ момента θ' .

изучаемой жидкости. Сосуд D вмещает около 120 куб. сант. жидкости; онъ оканчивается сверху трубкою около 15 миллиметровъ въ діаметръ, къ которую посредствомъ пробочки вставляется термометръ. Шарикъ этого термометра имѣетъ длину такую, что занимаетъ всю высоту резервуара сосуда D а нагрѣтая жидкость наполняетъ весь резервуаръ до основанія трубки, наконецъ стативъ GG покоится на трехъ катушкахъ *о о*, на которыхъ легко и равномерно можетъ быть передвигаемъ и цилиндръ ВВ окруженъ оболочкою замедляющею его охлажденіе. Калориметръ А состоитъ изъ цилиндрическаго сосуда изъ тощей меди, около 400 куб. сант. емкостью; внутри его припаяны вертикально, отъ дна до верхняго края три тонкія проволоочки *е, е, е*, назначенныя удерживать на мѣстѣ сосудъ D, когда онъ внесется въ калориметръ; коротенькая проволоочка *ж* припаянная къ дну калориметра въ центрѣ его, окончательно опредѣляетъ положеніе сосуда D, не дозволяя ему коснуться дна; кольцеобразная мѣшалка *g g* движется между проволоочками *е о* и стѣнками калориметра. Калориметръ имѣетъ оболочку, состоящую изъ мѣднаго цилиндра ББ; къ дну этого цилиндра прикрѣплены три деревянные шпательки *г г*, поддерживающія калориметръ, котораго они касаются лишь нѣсколькими точками.

Подставка К, на которой стоитъ калориметръ можетъ быть установлена горизонтально посредствомъ трехъ винтовъ; къ ней прикрѣпленъ стативчикъ S держащій термометръ калориметра; наконецъ снарядъ F, посредствомъ котораго приводится въ движеніе мѣшалка, дополняетъ приборъ. Устройство снаряда F достаточно видно изъ рисунка; я прибавлю только; что мѣдная трубка *ll*, къ которой прикрѣплена посредствомъ пробочки вертикальная проволоочка мѣшалки, свободно движется внутри другой мѣдной трубки, прикрѣпленной къ оболочкѣ калориметра и опредѣляющей движеніе мѣшалки; мѣшалка приводится въ движеніе посредствомъ часоваго механизма, который тянетъ за конецъ сиурка *н*. ¹⁾

Опытъ производится слѣдующимъ образомъ. Установивъ всѣ части прибора и вливъ въ калориметръ опредѣленное количество воды, а въ сосудъ D надлежащее количество изучаемой жидкости, отверстіе его затыкаютъ пробочкою въ которую продѣтъ термометръ и взвѣшиваютъ; опредѣливъ вѣсъ этого сосуда вмѣстѣ съ термометромъ до наполненія его жидкостью, получаютъ вѣсъ жидкости взятой для опыта. Затѣмъ сосудъ D помѣщаютъ внутри цилиндра С, наполнивъ предварительно сосудъ ВВ водою нагрѣтою до надлежащей степени; отверстіе цилиндра С закрывается ватою, мѣшалка *kk* приводится въ движеніе и черезъ каждыя пять минутъ считываются показанія термометра Т. Сначала измѣненія его температуры очень быстры, потомъ они замедляются, и тогда наблюдаютъ температуру каждыя двѣ минуты, наконецъ приходитъ время, когда термометръ Т въ теченіи 2 минутъ измѣняется лишь на $0^{\text{D}}, 1$ т. е. на $0^{\text{D}}, 02$; это значитъ максимум достигнуто и, предварительные опыты показали, что, при тѣхъ условіяхъ при которыхъ я работалъ, максимумъ длится вѣскольکو минутъ. Еще прежде наступленія этого максимумъ

¹⁾ Это устройство прибора двигающаго мѣшалку оказалось весьма удобно; движеніе происходитъ чрезвычайно мягко, безъ тренія и нѣтъ опасности чтобы мѣшалка вышла изъ воды.

считываются нѣсколько разъ, при постоянномъ взбалтываніи, температура калориметра и температура воздуха; эти наблюденія даютъ начальную температуру калориметра, воздуха и нагрѣтой жидкости и заключаютъ собою начальный періодъ опыта. Затѣмъ пускается въ ходъ секундомѣръ, нагрѣвательный приборъ приближается къ калориметру и въ тотъ моментъ, когда секундомѣръ бьетъ 0', сосудъ D быстро вынимается изъ нагрѣвательнаго прибора и погружается въ калориметръ; нагрѣвательный приборъ удаляется, пускается въ ходъ механизмъ двигающій иголку и начинаются наблюденія второго періода опыта. Температура термометра калориметра считывается ежеминутно, начиная съ момента погруженія сосуда D; температура показываемая термометромъ этого сосуда считывается послѣ первыхъ 4—5 минутъ также ежеминутно, но $\frac{1}{2}$ минутою позже чѣмъ считываніе термометра калориметра; наконецъ наблюденіе термометра воздуха производится лишь иногда, такъ-какъ она мало измѣняется въ теченіи всего опыта. Всѣ эти наблюденія не представляютъ затрудненія, если имѣется особая зрительная трубка для каждаго термометра. Абсолютное максимумъ вступало при моихъ опытахъ всегда послѣ 6 — 7 минутъ, а по прошествіи 25 — 30 минутъ наблюденія прекращались.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ наблюденій передъ погруженіемъ сосуда D въ калориметръ считывалось показаніе термометра t' помѣщеннаго надъ нагрѣвательнымъ сосудомъ и дающаго температуру непогруженной части термометра T. Наконецъ сосудъ D вынимался обсушивался и взвѣшивался, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что не произошло потери жидкости во время опыта испареніемъ черезъ пробку; опытъ показалъ, что если жидкость не касается пробки, то даже при самыхъ летучихъ жидкостяхъ потеря эта ничтожна.

Теплоемкость вычислялась изъ этихъ опытовъ по формулѣ.

$$C = \frac{M \Delta t}{P(T - T')} - \frac{m}{P}.$$

въ которой m означаетъ массу сосуда D съ термометромъ въ единицахъ воды T' конечн. темп. нагрѣтой жидк. а прочія буквы имѣютъ значеніе показанное на стр. 6.

Слѣдующая таблица представляетъ данныя моихъ калориметрическихъ приборовъ.

	Калориметр. А		В	
	Всѣ	Въ един. воды.	Всѣ	Въ един. воды.
Мѣдныя части	91,63	8,61	56,00	5,25
Ртуть термометра	6,10	0,20	6,10	0,20
Стекло термом.	2,61	0,50	2,61	0,50
Вода	271,20	271,20	284,15	284,15
Полная масса калориметра	$M = 280,51$		$M = 290,11$	

При нѣкоторыхъ опытахъ M была менше иная вслѣдствіе замѣны одного термометра другимъ.

	Сосудъ D. I		II	
	Въсь	Въ един. воды.	Въсь	Въ един. воды.
Мѣдныя части	39,55	3,71	23,52	2,21
Ртуть	9,30	0,31	9,30	0,31
Стекло.	3,22	0,63	3,22	0,63

Полная масса D въ един. воды $m = 4,65$ $m = 3,15$

Таковы были величины M и m; опредѣленіе величинъ P, Δt и T — T' потребовало особыхъ опытовъ и потому я считаю необходимымъ изложить приемы, которые я употреблялъ для этой цѣли.

Величина P опредѣляется разностью взвѣшиваній сосуда D пустаго и наполненнаго жидкостью до опыта; опасаясь потери жидкости во время опыта вслѣдствіе испаренія, я всегда почти повторялъ взвѣшиваніе послѣ опыта, но я никогда не находилъ замѣтной разницы.

Величина Δt такъ какъ даетъ ее опытъ всегда слишкомъ мала, такъ какъ часть тепла полученнаго калориметромъ теряется подъ вліяніемъ окружающей среды. Поправка охлажденія которую вслѣдствіе этого приходится дѣлать, производилась различными наблюдателями различно. Метода компенсаціи предложенная Румфордомъ употреблялась и въ новѣйшее время многими изслѣдователями, но она можетъ давать результаты удовлетворительныя лишь тогда, когда нагрѣтое тѣло погружаемое въ калориметръ имѣетъ очень малую теплоемкость и очень большую теплопроводимость. Въ самомъ дѣлѣ метода эта предполагаетъ 1) что коэффициентъ охлажденія калориметра равенъ его коэффициенту нагрѣванія при одинаковыхъ условіяхъ, что, какъ я покажу ниже, совершенно ошибочно; 2) что перьодъ въ продолженіи котораго калориметръ получаетъ тепло отъ окружающей среды и перьодъ въ теченіи котораго теряетъ его между собою равны; для хорошихъ проводниковъ тепла это предположеніе очень близко къ истинѣ но для дурныхъ проводниковъ оно совершенно невѣрно.

Другая метода производить поправку охлажденія заключается въ томъ, чтобы опредѣливъ коэффициентъ охлажденія калориметра прямыми опытами вычислять при каждомъ опредѣленіи теплоемкости количество тепла потерянное калориметромъ и вводить его какъ поправку. Я принялъ эту послѣднюю методу, какъ болѣе прямую и свободную отъ всякихъ предположеній.

Я представлю сначала результаты опытовъ произведенныхъ мною для опредѣленія степени точности, какую можно ожидать отъ метода Румфорда.

Слѣдующія таблицы представляютъ результаты опытовъ надъ охлажденіемъ и нагрѣваніемъ калориметра наполненнаго водою; они произведены при постоянномъ движеніи мѣшала и вообще совершенно при тѣхъ условіяхъ при которыхъ производились опредѣленія теплоемкости. Послѣдній столбецъ означенный A_{10}' представляетъ коэффициентъ охлажденія калориметра для 10' перьодовъ т. е. количество теплоты которое теряетъ калориметръ въ 10 минутъ, когда разность между температурою его и окружающей среды равна 1° . Количество это, также какъ и потеря выражены въ дѣленіяхъ произвольной скалы термометра; я переводилъ на градусы, только среднія выводы величины A_{10}

1 Рядъ (охлаждение)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	18°,63	14°,67	3°,96	3°,3	0°,833
10 — 20	18,29	14,65	3,64	2,8	0,769
20 — 30	17,99	14,65	3,34	2,8	0,838
30 — 40	17,72	14,68	3,04	2,4	0,790
40 — 50	17,48	14,73	2,75	2,2	0,800
50 — 60	17,22	14,73	2,49	2,2	0,883

Средняя $0°,82 = 0°,091$.

2 Рядъ (охлаждение)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	25,28	14,36	10°,92	9°,8	0°,90
10 — 20	24,31	14,46	9,76	8,5	0,87
20 — 30	23,46	14,48	8,96	7,6	0,85
30 — 40	22,80	14,50	8,30	6,8	0,82
40 — 50	22,10	14,50	7,60	6,3	0,83
50 — 60	21,40	14,48	6,92	5,6	0,71

Средняя $0°,85 = 0°,094$

3 Рядъ (нагревание)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	11°,63	15,11	3°,48	0,9	0°,26
10 — 20	11,72	15,14	3,42	0,8	0,23
20 — 30	11,81	15,12	3,31	0,8	0,24
30 — 40	11,90	15,11	3,21	0,8	0,25
40 — 50	11,97	15,09	3,12	0,8	0,32

Средняя $0°,26 = 0°,034$

4 Рядъ (нагревание)

Периодъ	Сред. т. калор.	Сред. т. возд.	Разность	Потеря	A_{10}'
0 — 10	11°,56	16,16	4,60	1°,6	0°,35
10 — 20	11,71	16,13	4,42	1,3	0,29
20 — 30	11,85	16,11	4,26	1,2	0,28
30 — 40	11,98	16,09	4,11	1,1	0,27
40 — 50	12,09	16,07	3,99	1,1	0,28

Средняя $0°,29 = 0°,031$

Эти таблицы самымъ внимательнымъ образомъ показываютъ, что коэффициентъ охлаждения калориметра не только не равенъ его коэффициенту нагреванія но даже почти въ 3 раза больше его. Отчетливость результатовъ представленнаго опыта

таблицами не допускает возможности сомнѣнія относительно вѣрности этого вывода и можно объяснить себѣ причины этого различія. Я укажу ихъ ниже.

Во всякомъ случаѣ, эти опыты несомнѣнно доказываютъ, что метода компенсаціи Румфорта должна быть окончательно оставлена.

Метода поправокъ была прилагаема двоякимъ образомъ; во первыхъ можно опредѣлять особыми предварительными опытами коэффициентъ охлажденія калориметра не заключающаго нагрѣтаго тѣла и затѣмъ употреблять этотъ коэффициентъ при вычисленіи всѣхъ опредѣленій теплоемкости.

Этотъ способъ употреблялъ Реньо при своихъ прежнихъ опредѣленіяхъ теплоемкости твердыхъ тѣлъ.

Второй способъ предложилъ также Реньо и употребилъ его при вычисленіи опредѣленій теплоемкости известковаго шпата, сдѣланныхъ имъ для того, чтобы доказать точность своей методы ¹⁾. Онъ заключается въ томъ, чтобы по окончаніи каждаго опредѣленія теплоемкости, наблюдать еще въ теченіи нѣкотораго времени охлажденіе калориметра и изъ этого наблюденія вычислять коэффициентъ охлажденія его. Формула дающая теплоемкость тѣла получаетъ въ такомъ случаѣ слѣдующій видъ.

$$C = \frac{M (\Delta t + \alpha')}{P (T - T' - \alpha')} - \frac{m}{P}$$

гдѣ α' есть поправка опредѣленная посредствомъ наблюденія охлажденія калориметра содержащаго изучаемое дѣло.

Эта метода представляетъ ту выгоду, что даетъ коэффициентъ охлажденія для тѣхъ именно условій при которыхъ сдѣлано опредѣленіе теплоемкости, поэтому я отдаю ему предпочтеніе.

При опредѣленіи поправки охлажденія вычисляютъ ее на основаніи закона Ньютона, т. е. предполагаютъ, что количества тепла теряемыя калориметромъ въ единицу времени пропорціональны разностямъ температуръ калориметра и окружающей среды; но если анализировать тѣ факторы изъ которыхъ слагается наблюдаемый коэффициентъ охлажденія, то не трудно усмотрѣть, что это предположеніе не можетъ быть совершенно точно. Охлажденіе калориметра происходитъ вслѣдствіе трехъ главныхъ причинъ, а именно 1) лучеиспусканіе теплоты 2) испаренія воды въ калориметрѣ 3) потеря тепла посредствомъ проводимости чрезъ воздухъ и части прибора которыхъ касается калориметръ. Вліяніе первой изъ этихъ причинъ при малыхъ разностяхъ температуръ (не свыше 4° — 5°) какъ показываетъ теорія и прямой опытъ пропорціонально этимъ разностямъ (законъ Ньютона). Вліяніе испаренія напротивъ не зависитъ отъ разности между температурою калориметра и температурою окружающей среды, но зависитъ отъ устройства калориметра и тѣшалаки, скорости взбалтыванія, гигрометрическаго состоянія атмосферы и состоянія покоя или движенія воздуха надъ калориметромъ. Наконецъ законы по которымъ происходитъ потеря тепла вслѣдствіе проводимости вовсе не могутъ быть опредѣ-

¹⁾ Pogg. t. 120.

лены. Изъ этого анализа вліянія среды на калориметръ вытекають слѣдующіе выводы :

1) коэффициентъ охлажденія и коэффициентъ нагреванія калориметра не могутъ быть равны между собою, такъ какъ въ первомъ случаѣ оба главныя вліянія среды на калориметръ дѣйствуютъ въ одну сторону, оба производятъ охлажденіе, напротивъ во второмъ случаѣ лучеспусканіе вслѣдствіе разности температуръ производитъ нагреваніе, а испареніе производитъ охлажденіе. Таблицы приведенныя на стр. 54 показываютъ, что оно дѣйствительно такъ и есть, но разность между коэффициентами охлажденія и нагреванія, которая даетъ опытъ слишкомъ велика для того чтобы можно было объяснить ее однимъ испареніемъ; по всей вѣроятности въ первые моменты охлажденія осаждается на наружныя стѣнки калориметра нѣкоторое количество паровъ воды, которыя испаряясь потомъ, понижаютъ коэффициентъ нагреванія.

2) Такъ какъ только одна изъ причинъ производящихъ охлажденіе калориметра (лучеспусканіе) слѣдуетъ закону пропорціональности разностямъ температуръ, другая же (испареніе) независима отъ этихъ разностей, то ясно, что формула

$$\Delta \theta = A (t - t')$$

гдѣ t средняя температура калориметра, а t' средняя температура окружающей среды, посредствомъ которой вычисляется поправка охлажденія не можетъ вѣрно представлять ея въ зависимость отъ $t - t'$; гораздо вѣрнѣе будетъ представлять ее формула

$$\Delta \theta = A (t - t') + K$$

гдѣ K постоянная величина зависящая главнымъ образомъ отъ испаренія, а A постоянный коэффициентъ охлажденія. Впрочемъ если измѣненія температуры всегда приблизительно одинаковы и не велики, какъ было при моихъ опытахъ, и если коэффициентъ A опредѣленъ для тѣхъ же разностей температуръ, то употребленіе одночленной формы совершенно точно, какъ то доказываютъ приведенныя выше таблицы.

Наконецъ для того чтобы съ точностію знать температуру калориметра, считается полезнымъ, чтобы шарикъ термометра занималъ всю высоту столба воды въ немъ. При моемъ приборѣ это было невозможно, потому, что при погруженіи сосуда D въ калориметръ, уровень воды въ немъ поднимался на одну треть всей своей величины, слѣдовательно если до нагруженія шарикъ термометра занималъ всю высоту столба воды въ калориметрѣ, то послѣ нагруженія онъ занималъ лишь нижнія двѣ трети его. Можно было опасаться, что показанія термометра будутъ при этомъ не совсѣмъ точно представлять среднюю температуру калориметра; но слѣдующій рядъ наблюденій показываетъ, что это опасеніе не можетъ имѣть мѣста. Я погрузилъ въ калориметръ два термометра совершенно согласныхъ и очень точныхъ, такъ что одинъ изъ нихъ занималъ нижнюю часть калориметра, а другой верхнюю. Погрузивъ въ калориметръ сосудъ D съ нагрѣтою водою, я привелъ въ движеніе мѣшалку и считывалъ черезъ $\frac{1}{2}$ минуты одинъ послѣ другаго показанія обоихъ термометровъ. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого опыта;

столбецъ заключающій показанія нижняго термометра, представляетъ непосредственныя данныя опыта, столбецъ, заключающій показанія верхняго термометра, представляетъ среднiя изъ двухъ послѣдовательныхъ наблюдений и даетъ такимъ образомъ температуру верхней части калориметра для тѣхъ же моментовъ, для которыхъ числа перваго столбца даютъ температуру нижней его части.

Время	Нижн. тер.	Верхн. тер.	Разн.
0	12,43	—	—
5	17,18	17,24	0,06
6	17,27	17,30	0,03
7	17,28	17,31	0,03
8	17,28	17,30	0,02
9	17,26	17,29	0,03
10	17,24	17,25	0,01
11	17,22	17,23	0,01
12	17,19	17,20	0,01
13	17,17	17,18	0,01
14	17,14	17,15	0,01
15	17,11	17,12	0,01
16	17,08	17,09	0,01
17	17,05	17,05	0,00
18	17,03	17,03	0,00
19	17,00	17,01	0,01
20	16,97	16,97	0,00

Какъ видно, начиная съ 10-й минуты разность между показанiями обоихъ термометровъ дѣлается нечувствительною; надобно замѣтить при томъ, что верхнiй термометръ вообще нѣсколько быстрее принимаетъ температуру окружающей среды, потому что масса его меньше и стѣнки резервуара тоньше.

Опредѣленiе величины $T - T'$ также потребовало предварительныхъ опытовъ и поправокъ.

Во первыхъ можно было полагать, что термометръ погруженный въ сосудъ D не совсѣмъ точно даетъ среднюю температуру жидкости въ немъ заключающейся, такъ какъ жидкость эта не взбалтывается. Я произвелъ особыя наблюдения для того чтобы изучить распредѣленiе температуры въ жидкости сосуда D. Для этого былъ сдѣланъ сосудъ совершенно подобный сосуду D, изъ того же матерьяла и тѣхъ же размѣровъ, но кромѣ одной трубки въ центрѣ, имѣлъ еще другую на разстоянiи 5 м м отъ окружности. Наполнивъ этотъ сосудъ водою, погруживъ въ обѣ трубки по термометру и помѣстивъ этотъ новый сосудъ D въ нагревательный приборъ я наблюдалъ одновременно оба термометра, между тѣмъ какъ сосудъ D нагревался, какъ это дѣлалось обыкновенно при опредѣленiяхъ теплосиности для полученiя максимум. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого опыта.

Время	Центр. терм.	Боков. т.	Разность
0	18°,84	18°,80	+ 0°,04
10	21,19	21,13	+ 0,06
20	22,72	22,68	+ 0,04
30	23,71	23,67	+ 0,04
40	24,20	24,21	— 0,01
45	24,36	24,38	— 0,02
50	24,50	24,52	— 0,02
55	24,58	24,59	— 0,01
60	24,63	24,64	— 0,01
65	24,65	24,66	— 0,01

Какъ видно еще задолго до достиженія максимумъ, показанія обоихъ термометровъ дѣлаются тождественными.

Я сдѣлалъ такой же точно рядъ наблюденій погрузивъ сосудъ D съ нагрѣтою водою и обоими термометрами въ калориметръ содержащей обычное количество воды; при постоянномъ взбалтываніи я считывалъ показанія обоихъ термометровъ на разстояніи $\frac{1}{2}$ минуты одинъ послѣ другаго. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этого опыта; второй столбецъ даетъ какъ и въ таблицѣ вѣ стр. 57 среднія двухъ послѣдовательныхъ наблюденій.

Время	Центр. терм.	Боков. т.	Разность
5	18°,82	—	—
6	18,65	18°,58	+ 0°,07
7	18,51	18,47	0,04
8	18,41	18,38	0,03
9	18,37	18,31	0,06
10	18,29	18,27	0,02
11	18,23	18,23	0,00
12	18,19	18,18	0,01
13	18,17	18,16	0,01
14	18,15	18,13	0,02
15	18,13	18,11	0,02
16	18,10	18,08	0,02
17	18,08	18,04	0,04
18	18,04	18,01	0,03
19	18,02	17,99	0,03
20	18,00	17,97	0,03

Эти числа показываютъ, что начиная съ 10-й минуты послѣ погруженія сосуда D въ калориметръ температура жидкости въ немъ заключенной дѣлается однородною и показанія термометра помѣщеннаго въ немъ даютъ эту температуру съ достаточною точностію. Это по всей вѣроятности происходитъ отъ того, что охлажденіе сосуда D происходитъ равномерно со всѣхъ сторонъ и что шарикъ термометра дающаго его температуру занимаетъ всю высоту столба жидкости въ немъ.

На этомъ основаніи я принималъ за конечную температуру нагрѣтой жидко-

сти въ моментъ абсолютнаго maximum T' — температуру термометра погруженнаго въ сосудъ D.

Обыкновенно эту температуру не опредѣляютъ прямо, а считаютъ ее тождественною съ температурою калориметра, но числа слѣдующихъ таблицъ взятыя изъ двухъ опредѣлений теплоемкости доказываютъ что для моего прибора предположеніе это совершенно ошибочно.

1. Сосудъ D съ водою.

Время	Сосудъ D	Калорим.	Разность	Нагрѣв. и охлаж. калор.
0	25°,10	12°,11	12°,89	—
1	—	14,69	—	2,58
2	—	15,53	—	0,84
3	—	15,87	—	0,34
4	—	16,08	—	0,21
5	—	16,18	—	0,10
6	—	16,22	—	0,04
7	—	16,23	—	0,01
8	16,49	16,23	0,26	0,00
9	16,41	16,22	0,19	0,01
10	16,36	16,21	0,15	0,01
11	16,34	16,19	0,15	0,02
12	16,31	16,17	0,14	0,02
13	16,27	16,15	0,12	0,02
14	16,25	16,12	0,13	0,03
15	16,22	16,09	0,13	0,03
16	16,19	16,07	0,12	0,02
17	16,16	16,05	0,11	0,02

2. Сосудъ D съ хлороф.

Время	Сосудъ D	Калорим.	Разность	Нагрѣв. и охлаж. калор.
0	31°,37	12°,80	18°,57	—
1	—	14,43	—	1,73
2	—	15,04	—	0,61
3	—	15,23	—	0,19
4	—	15,32	—	0,00
5	—	15,34	—	0,02
6	15,71	15,35	0,36	0,01
7	15,61	15,34	0,27	0,01
8	15,52	15,32	0,20	0,02
9	15,48	15,30	0,18	0,02
10	15,44	15,28	0,16	0,02
11	15,41	15,27	0,14	0,01
12	15,38	15,25	0,13	0,02
13	15,35	15,24	0,11	0,01

14	15,32	15,22	0,10	0,02
15	15,29	15,20	0,09	0,02
16	15,26	15,18	0,08	0,02
17	15,24	15,16	0,07	0,02
18	15,24	15,14	0,10	0,02

Эти двѣ таблицы приведены мною только какъ примѣръ; каждое опредѣленіе теплоемкости представляетъ такую же таблицу и ходъ температуръ всегда оказывался почти совершенно одинаковымъ. Многія характеристическія особенности опыта видны изъ этихъ таблицъ.

1) Абсолютное maximum наступаетъ всегда 6 — 7 минутъ послѣ погруженія сосуда D въ калориметръ.

2) Половина всей величины измѣненія температуры калориметра достигается менѣе нежели въ одну минуту, остальная половина требуетъ 5 — 6 минутъ времени; это новое доказательство невѣрности метода компенсаціи Румфорда, который предполагаетъ, что обѣ половины измѣненія температуры требуютъ равныхъ перьодовъ времени. Надобно замѣтить также, что ошибочность какъ этого предположенія, такъ и того, что коэффициенты охлажденія и нагрѣванія калориметра равны, дѣйствуютъ въ одну сторону, ихъ вліянія складываются, и стремятся понизить величину Δt . Не трудно убѣдиться сравненіемъ числовыхъ величинъ, что вліяніе этой погрѣшности можетъ доходить до нѣсколькихъ сотыхъ долей въ конечномъ результатѣ опредѣленія теплоемкости; метода компенсаціи Румфорда должна-бы повтому быть совершенно оставлена наблюдателями.

3) Приведенныя таблицы показываютъ, что, согласно съ теоріей, показанія термометра сосуда D и термометра калориметра, начиная съ известнаго момента, (около 12') представляютъ разности почти не измѣняющіяся при продолженіи наблюдений; несмотря на то, охлажденіе калориметра уже съ 10-й минуты получаетъ правильный ходъ, т. е. въ одинаковые промежутки времени калориметръ теряетъ одинаковое количество тепла. Это доказываетъ, что правильность охлажденія вовсе не есть доказательство того что температура всѣхъ частей калориметра тождественна, какъ я уже упомянулъ выше.

При такомъ положеніи дѣлъ самое лучшее, что можно сдѣлать, это прямо опредѣлять конечную температуру T' нагрѣтой жидкости въ калориметрѣ. Я такъ и дѣлалъ, и возможность съ точностію опредѣлять эту величину T' есть одна изъ причинъ заставившихъ меня отдать прибору употребленному мною предпочтеніе предъ всѣми другими.

Одну изъ очень важныхъ выгодъ моего прибора и метода вычислять опыты представляетъ между прочимъ чрезвычайное *постоянство* результата каждаго опыта; въ самомъ дѣлѣ, можно брать за конечное maximum наблюденіе какаго угодно момента послѣ того какъ охлажденіе калориметра получило правильный ходъ — результатъ получается всегда одинаковый: я нѣсколько разъ вычислялъ Δt и T' для 12-й, 18, 25 и 30-й минуты одного и того же опыта и всегда получалъ величины почти тождественныя.

При перенесеніи сосуда D съ нагрѣтою жидкостію изъ нагрѣвательнаго прибора въ калориметръ, сосудъ D очевидно теряетъ нѣкоторое количество тепла; я старался опредѣлить прямыми опытами эту потерю. Для этого я наблюдалъ во первыхъ охлажденіе сосуда D наполненнаго нагрѣтою жидкостію въ состояніи покоя, во вторыхъ охлажденіе его при движеніи въ воздухѣ. Слѣдующія таблицы представляютъ результаты этихъ наблюденій; наблюденіе охлажденія при движеніи производилось такимъ образомъ, что сосудъ перемѣщался съ такою же скоростію и на такое же пространство, какъ и во время настоящаго опыта, считывалась температура его термометра, затѣмъ послѣ нѣ котораго числа перемѣщенной температура его считывалась снова. Опытъ показалъ что операція перенесенія сосуда D изъ нагрѣвательнаго прибора въ калориметръ требуетъ 2".

Охлажденіе сосуда D съ водою.

Въ покоѣ.

Вр.	Ср. т. D.	Ср. т. возд.	Разность	Потеря
1	28°,9	22°,1	6°,8	0 ^p ,3
2	28,8	22,1	6,7	0,3
3	28,8	22,1	6,7	0,4
4	28,7	22,1	6,6	0,2
5	28,7	22,2	6,5	0,3

Средн. 0,3.

Въ движеніи.

Средняя разность температуры сосуда D и воздуха	6°,2
Охлажденіе сосуда D въ 20"	0 ^p ,4
Охлажденіе въ теченіи новыхъ 20"	0,4

Охлажденіе сосуда D съ хлорофор.

Въ покоѣ.

Вр.	Ср. т. D.	Ср. т. возд.	Разность	Потеря
1	35°,7	15°,6	20°,1	2 ^p ,8
2	35,2	15,6	19,6	2,7
3	34,6	15,6	19,0	2,5
4	34,1	15,6	18,5	2,6
5	33,6	15,6	18,0	2,4

Средн. 2,6

Въ движеніи.

Средняя разность температуры сосуда D и воздуха	18°,4
Охлажденіе сосуда D въ 50"	4 ^p ,0
Охлажденіе сосуда D съ 80"	4 ^p ,8

Изъ этихъ таблицъ слѣдуетъ, что сосудъ D съ водою теряетъ при перенесеніи 0^p,04 = 0°,01; въ состояніи покоя онъ терялъ бы еще гораздо меньше. Для хлороформа эта потеря больше, именно 0^p,13 = 0°,03 для всѣхъ другихъ

жидкостей, которыхъ теплоемкости среднія я принималъ потерю въ 0°,02. Поправка эта во всякомъ случаѣ весьма незначительна.

Слѣдующая таблица представляетъ результаты нѣсколькихъ опредѣленій теплоемкости воды сдѣланныхъ описаннымъ способомъ, для повѣрки его.

№	P	T	T—T'	Δt	M	C
I	133,8	24°,91	6°,93	3°,42	281,5	1,003
II	133,7	26,19	9,17	4,51	281,5	0,999
III	133,6	25,05	8,85	3,90	180,5	0,999
IV	133,3	27,16	5,20	2,86	281,5	0,999

Эти числа показываютъ, что метода, въ томъ видѣ какъ она у меня работалась вполне удовлетворительна; и такъ какъ исполненіе опытовъ по этой методѣ легче нежели по методѣ Реньо и приборъ проще, то я и отдаю ей предпочтеніе при всѣхъ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ теплоемкости.

Опредѣленіе количества тепла, поглощаемыхъ и отдѣляемыхъ при смѣшиваніи жидкостей. Приборъ, который я построилъ для этой цѣли ф. 4 состоитъ изъ двухъ мѣдныхъ резервуаровъ *A* и *B*, расположенныхъ одинъ надъ другимъ. Резервуаръ *B* сверху закрытъ пробкою, сквозь которую проходитъ термометръ и ручка мѣшалки *l*; снизу онъ имѣетъ длинную изогнутую трубку, снабженную краномъ и проводящую жидкость изъ него въ нижній резервуаръ. Этотъ послѣдній сдѣланъ изъ очень тонкой мѣди и сверху на него напаяна крышка, имѣющая три трубки *a*, *b*, *c*; трубка *a* посредствомъ маленькой пробочки соединена съ приводящей трубкой резервуара *B*.; сквозь трубку *b* проходитъ термометръ; сквозь трубку *c* проходитъ ручка мѣшалки *gg*. Устройство мѣшалки при этомъ приборѣ представляло нѣкоторыя затрудненія; жидкости, надъ которыми мнѣ приходилось работать, такъ летучи, что при взбалтываніи ихъ въ неплотно закрытомъ сосудѣ, ихъ температура замѣтно понижается; между тѣмъ взбалтываніе необходимо для того, чтобы съ точностію знать температуру. Слѣдующее устройство оказалось вполне удовлетворительнымъ. Мѣшалка, состоящая изъ тонкой горизонтальной пластинки *gg*, съ вырѣзкою для пропуска термометра, и припаянной къ ней вертикальной проволоки *d*, вкладывается въ сосудъ *A*, когда крышка его еще не припаяна. Проволка *d* прикрѣпляется верхнимъ концомъ своимъ посредствомъ маленькой пробочки къ стеклянной трубкѣ *ll* одинаковаго діаметра съ трубкою *c*, а на эту послѣднюю надѣвается трубка *kk* такого діаметра, чтобы трубка *ll* могла свободно скользить въ ней. Къ верхнему концу трубки *ll* прикрѣпленъ шнурокъ, который переброшенъ черезъ блокъ *C* прибора для приведенія въ движеніе мѣшалки, описаннаго выше.

При этомъ устройствѣ мѣшалки, взбалтываніе происходитъ вполне удовлетворительно и однако же раздѣвъ воздуха происходитъ лишь въ трубкѣ *kk*; при томъ вертикальная проволока мѣшалки, смоченная жидкостію, никогда не касается стѣнокъ трубки; повявно поэтому, что испареніе, какъ показано будетъ ниже — слабо.

Калориметръ помѣщается внутри мѣднаго цилиндра *E*, *E*, котораго діаметръ на 2 сантиметра больше нежели діаметръ калориметра и на днѣ котораго прикрѣплены три деревянные штучки *r*, *r*, на которыхъ покоится калориметръ. Сверху

цилиндръ *Е, Е*, закрыть крышкой имѣющею три отверстія: они соотвѣтствуютъ тремъ трубкамъ калориметра которыхъ верхніе концы близко подходятъ къ крышкѣ не касаясь однако ея; сквозь среднее отверстіе проходитъ пробка термометра *Т*, совершенно закрывая это отверстіе; другіе два закрыты точно также пробками сидящими на трубкахъ входящихъ въ эти отверстія.

Опытъ производится слѣдующимъ образомъ: Для того чтобы калориметръ всегда былъ наполненъ до самой крышки и чтобы въ то же время жидкость не поднималась замѣтно въ трубкахъ *a b c*, объемъ его предварительно измѣренъ и въ него вливается извѣстное количество жидкости, отмѣренное пипеткою; точно также въ верхній резервуаръ отмѣривается количество другой жидкости, такое, чтобы вмѣстѣ съ жидкостью влитой въ калориметръ наполнить его. Это отмѣриваніе, впрочемъ, только и служитъ для показанной цѣли: для того чтобы знать точный составъ соединенія послѣ опыта, калориметръ въ полномъ его составѣ взвѣшивается сначала пустой, потомъ съ наливою въ него жидкостью; при этомъ отверстіе трубки *a* закрывается пробкою. Затѣмъ калориметръ и резервуаръ *В* устанавливаются на мѣстахъ и считывается температура ихъ термометровъ при частомъ взбалтываніи. Когда она оказывается неизмѣнною въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, открываютъ край резервуара *В* и пускаютъ въ ходъ секундомѣръ, считывая, при постоянномъ болтаніи, показанія термометра калориметра ежеминутно, пока максимумъ измѣненія температуры будетъ пройдено и нагреваніе или охлажденіе получить правильный ходъ. Тогда производится еще конечный періодъ наблюденій въ теченіи 3 минутъ. Въ то же время наблюдается температура воздуха. Наконецъ, въ заключеніе опыта, калориметръ снова взвѣшивается. Однимъ словомъ опытъ производится совершенно такъ какъ при опредѣленіи теплоемкости. Я только уменьшилъ значительно конечный періодъ для того, чтобы уменьшить потерю жидкости испареніемъ; при моихъ опытахъ абсолютное максимумъ всегда наступало чрезъ $1 - \frac{1}{2}$ минуты по открытіи крана, а конечное максимумъ минутою позже; такъ что поправка, зависящая отъ вліянія окружающей среды всегда была очень мала. Я вычислялъ эту поправку совершенно также какъ и при опредѣленіи теплоемкостей и за исходную точку для опредѣленія измѣненія температуры бралъ также конечное максимумъ θ .

Вычисленіе конечныхъ результатовъ самыхъ опытовъ производилось слѣдующимъ образомъ: если означить чрезъ

- P* — вѣсъ жидкости, влитой въ калориметръ;
- t* — ея температуру въ моментъ смѣшиванія;
- P'* — вѣсъ жидкости прилитой изъ резервуара *В.*;
- t'* — ея температуру въ моментъ прилітія;
- c'* — ея теплоемкость;

Δt — измѣненіе температуры калориметра послѣ смѣшиванія, поправленное относительно вліянія окружающей среды;

M — массу калориметра въ единицахъ воды;

C — теплоемкость образовавшагося соединенія;

Q — количество тепла, отдѣленное или поглощенное при смѣшиваніи обѣихъ жидкостей, то очевидно будетъ:

$$Q = \Delta t (M + C (P + P'))$$

если предположить, что $t = t'$. Но такъ какъ въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ и t всегда, хотя и очень мало, отличается отъ t' , то это обстоятельство вынуждаетъ вводить поправку. Эта поправка всегда очень маленькая, выражается формулою $P' (t - t') c'$.

Такимъ образомъ полное выраженіе количества тепла отдѣленного или поглощенного при смѣшиваніи будетъ

$$Q = \Delta t (M + (P + P') C) + P' (t - t') c'.$$

Различные элементы входящіе въ составъ этого выраженія вычислялись слѣдующимъ образомъ.

Величина P опредѣляется взвѣшиваніемъ калориметра до опыта; но прежде нежели произойдетъ соединеніе, можетъ потеряться нѣкоторая часть жидкости чрезъ испареніе; при томъ устройствѣ шкалки, которое описано выше потеря эта весьма незначительна, такъ какъ взбалтываніе передъ смѣшиваніемъ продолжается лишь нѣсколько мгновений; тѣмъ не менѣе я сдѣлалъ особый опытъ для опредѣленія величины этой потери. Этотъ опытъ показалъ, что при взбалтываніи калориметра до половины наполненнаго хлороформомъ въ 10' теряется около 0,3 гр.; это даетъ для настоящаго опыта поправку меньшую 0,001 всей величины P .

Величина P' есть разность взвѣшиваній калориметра до опыта и послѣ опыта; послѣ пріятія жидкости изъ верхняго резервуара, очевидно теряется нѣкоторая часть обѣихъ жидкостей чрезъ испареніе впродолженіи взбалтываній необходимыхъ для полученія конечнаго шахимш и коэффиціента охлажденія. Эту потерю я также опредѣлялъ особыми опытами, наблюдая потерю которую претерпѣваетъ при взбалтываніи въ данныхъ условіяхъ изучаемое соединеніе. Опытъ показалъ, что эта потеря не свыше 0,2 гр. въ 5', что составляетъ въ самомъ неблагоприятномъ случаѣ около 0,01 всей величины P' .

Величина t' считается, когда приливаемая жидкость находится еще въ верхнемъ резервуарѣ; во время переливанія изъ верхняго резервуара въ нижній, она можетъ нѣсколько охладиться чрезъ испареніе; я произвелъ особые опыты для того чтобы опредѣлить вліяніе этого обстоятельства. Для этой цѣли въ калориметръ и въ верхній резервуаръ я наливалъ одну и ту же жидкость (хлороформъ) и считавъ t и t' смѣшивалъ и наблюдалъ Δt , какъ при настоящемъ опредѣленіи количества тепла, разность между полученною температурою θ' и средней арифметической t и t' представляетъ охлажденіе жидкости при переходѣ изъ верхняго резервуара въ нижній. Опытъ показалъ что охлажденіе вслѣдствіе испаренія въ этомъ случаѣ всегда меньше 0°,01, и такъ какъ $t - t'$ входитъ лишь въ составъ малой поправки, то я оставлялъ эту потерю безъ вниманія.

Наконецъ величина Δt вычислялась совершенно также какъ при опредѣленіи теплоемкости; коэффиціентъ A давало наблюденія 3 послѣднихъ минутъ и вся поправка обыкновенно не превосходила 0°,03 — 0°,04.

Слѣдующая таблица представляетъ данныя калориметра употребленнаго при моихъ опытахъ.

	Въсь	Въ един. воды.
Мѣдныя части калориметра	57,15	5,37
Рруть термометра	6,06	0,20
Стекло термометра	6,22	1,23

Масса калориметра въ един. воды (М) 6,08

Что касается до степени точности описаннаго метода то онъ, къ сожалѣнiю не допускаетъ такой строгой и прямой повѣрки, какая возможна для способовъ опредѣленiя теплоемкости; но это способъ совершенно прямой и какъ мнѣ кажется не заключающiй никакой причины которая могла бы вводить въ результатъ постоянную погрѣшность; что же касается до случайныхъ погрѣшностей допускаемыхъ методомъ, то о нихъ можно судить по степени согласiя конечныхъ результатовъ. Самая слабая сторона методы — опредѣленiе величины Δt ; степень точности этой данной опредѣляется точностию, которую допускаютъ показанiя термометра а эта точность не идетъ, какъ выше показано дальше $0^{\circ},01$; поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда Δt меньше 1° результаты уже не представляютъ достаточной точности. Вслѣдствiе этого я избѣгалъ такихъ пропорцiй при соединенiи жидкостей даетъ Δt значительно меньшую 1° и предпочиталъ выводить для этихъ пропорцiй искомую величину изъ опытовъ сдѣланныхъ при болѣе благоприятныхъ условiяхъ посредствомъ интерполяцiи, какъ видно будетъ ниже.

Мнѣ остается теперь описать еще приборъ который я употреблялъ для храненiя и отиѣриванiя желаемыхъ количествъ жидкостей для опытовъ.

Жидкости надъ которыми мнѣ приходилось работать летучи, а одна изъ нихъ кромѣ того сильно притягиваетъ влагу изъ воздуха; необходимо было устроить такъ, чтобы можно было съ удобствомъ производить отиѣриванiе не приводя отиѣриваемой жидкости въ прикосновенiе съ сырмъ воздухомъ. послѣ многихъ попытокъ, я остановился на приборѣ изображенномъ на фигурѣ 5, который оказался во всѣхъ отношенiяхъ вполне удовлетворительнымъ. Устройство этого прибора достаточно видно изъ рисунка, трубка *l* сообщается съ сосудомъ, въ которомъ можетъ быть сжатъ воздухъ посредствомъ приливанiя воды; давленiе такимъ образомъ произведенное передается въ сосудъ *C*., котораго большая часть наполнена кусками хлористаго кальцiя. Если затѣмъ открыть кранъ *b*, то давленiе это передается чрезъ посредство изогнутой трубки, наполненной хлористымъ кальцiемъ въ сосудъ *B* и заставляетъ его жидкость входить въ пипету *p*, какъ скоро нажимной кранъ ея будетъ открытъ; когда жидкость въ пипетѣ достигла черты опредѣляющей ея объемъ, нажимной кранъ пипеты закрывается, кранъ *b* также и нажимной кранъ *c* открываются; избытокъ давленiя въ сосудѣ *B* тотчасъ исчезаетъ и пипета *p* можетъ быть вынута вмѣстѣ съ ея пробкою, для перелитiя куда слѣдуетъ ея жидкости, отверстие же трубки *a* тотчасъ закрывается пробкою. Изъ этого видно, что въ сосудѣ *B* проникаетъ лишь совершенно сухой воздухъ; атмосферный воздухъ сообщается лишь съ трубкой *e*, въ которой объемъ его незначителенъ и въ которой по причинѣ ея длинны и узкости возможенъ лишь весьма слабый развiвъ воздуха именно при введенiи въ нее пипетъ и при выниманiи ихъ. Нажимной кранъ *e* остается открытымъ во время храненiя жидкости. и разность давленiя въ сосудѣ *B* происходящая вслѣдствiе измѣненiя температуры,

такимъ образомъ приходитъ въ равновѣсіе съ наружнымъ воздухомъ посредствомъ трубки наполненной хлористымъ кальціемъ. Я покажу ниже, что даже абсолютный алкоголь при такомъ способѣ хранения и отиѣриванія не измѣняется замѣтно до самаго конца.

Способъ наполненія пипетъ вдавливаніемъ вообще гораздо выгоднѣе нежели наполненіе ихъ всасываніемъ; во первыхъ потому, что пипета, при этомъ способѣ совершенно свободна и легко можетъ быть отнята отъ прибора; во вторыхъ при всасываніи летучихъ жидкостей образуется значительное количество паровъ ихъ, вслѣдствіе чего атмосфера въ верхней части пипеты, состоящая изъ паровъ жидкости, быстро измѣняетъ свое давленіе при незначительномъ нагрѣваніи или охлажденіи, и производитъ, то вытекание жидкости изъ пипеты, то вхожденіе въ нее воздуха, что весьма затрудняетъ отиѣриваніе.

Всѣ части этого прибора были самымъ тщательнымъ образомъ высушены прежде чѣмъ приборъ былъ собранъ, пробки въ склянкахъ А и В, предварительно замастикованы гипсомъ на клеевой водѣ, наконецъ для окончательнаго высушиванія въ обѣ склянки было влито нѣсколько абсолютнаго алкоголя и послѣ того, какъ онъ пробылъ въ нихъ около 10 дней, онъ былъ вылитъ, обѣ склянки были высушены при сильномъ нагрѣваніи и вдуваніи воздуха и горячія еще соединены съ трубками наполненными хлористымъ кальціемъ. Наполненіе склянокъ А и В жидкостію было произведено посредствомъ сифона, котораго одна вѣтвь вставлялась въ трубку е, а другая въ сосудъ съ жидкостію, воздухъ входившій въ этотъ послѣдній долженъ былъ проходить предварительно сквозь трубу съ хлористымъ кальціемъ. Наконецъ пипеты передъ отиѣриваніемъ каждый разъ промывались абсолютнымъ алкоголемъ и просушивались при сильномъ нагрѣваніи и вытягиваніи сухаго воздуха; я устроилъ особую сушилку для того чтобы съ удобствомъ производить эти просушиванія.

III. Предварительные опыты.

Когда я предпринялъ эту часть моего труда, о тепловых измѣненіяхъ могущихъ происходить при смѣшиваніи жидкостей, которыя я имѣлъ въ виду, почти ничего не было извѣстно *). Необходимо было поэтому сдѣлать большой рядъ опытовъ хотя и приблизительныхъ, но которые могли бы дать понятіе объ общемъ ходѣ явленій. Вслѣдствіе этого я остановился на способѣ, который не представляя большой точности позволялъ производить опыты очень быстро и требовалъ очень мало матеріала.

Приборъ употребленный для этой цѣли весьма похожъ на описанный выше, но гораздо меньше; онъ состоялъ изъ двухъ сосудовъ расположенныхъ другъ надъ другомъ; верхній стеклянный имѣлъ внизу отверстіе, которое закрывалось пробочкою, сидѣвшею на длинномъ штифтѣ, посредствомъ котораго можно было вынимать ее. Нижний сосудъ былъ изъ тонкой мѣди. Въ каждомъ сосудѣ находилось по термометру и по вѣшалкѣ, посредствомъ чего можно было съ точностію знать температуру жидкостей въ обоихъ. Считавъ показанія обоихъ термометровъ я открывалъ нижнее отверстіе верхняго сосуда, его жидкость переходила въ нижній сосудъ и послѣ нѣсколькихъ секундъ взбалтыванія вѣшалкою получалось наибольшее измѣненіе температуры. Количества жидкостей нужныя для опыта отмѣривались посредствомъ пипетъ и были таковы, что при всѣхъ опытахъ объемъ смѣси былъ 50 куб. сантиметровъ. Каждый градусъ обоихъ термометровъ былъ раздѣленъ на 5 частей; они были предварительно тщательно свѣрены и ихъ показанія наблюдались посредствомъ горизонтальной зрительной трубки. Я не старался достигнуть того, чтобы температуры жидкостей въ моментъ смѣшиванія были тождественны; обыкновенно онѣ различались на $0,1 - 0,2$; зная теплоемкость объѣмныхъ жидкостей легко сдѣлать поправку зависящую отъ этого неравенства температуръ, предполагая теплоемкость смѣси равную средней арифметической теплоемкости обѣихъ составныхъ частей: поправка всегда такъ незначительна, что ошибочность этого предположенія не имѣетъ вліянія на результатъ.

Я прилагаю большое стараніе для полученія чистыхъ жидкостей для моихъ опытовъ и удѣльные вѣсы ихъ приведенные ниже показываютъ что онѣ были вообще говоря очень чисты.

*) Значительная часть опытовъ, результаты которыхъ заключаются въ этой главѣ произведена мною въ 1857 и 1860 годахъ. Такъ какъ большая часть этихъ результатовъ имѣетъ характеръ лишь предварительнаго изслѣдованія, то я и не считалъ нужнымъ публиковать ихъ отдѣльно. Между тѣмъ въ 1864 году появился трудъ (Бюсси и Бюнье) представляющій результаты совершенно такого же рода. Такъ какъ мои результаты однако гораздо многочисленнѣе и относятся большею частію къ другимъ тѣламъ чѣмъ тѣ, которые изслѣдованы Бюсси и Бюнье, то я считаю нужнымъ при этомъ случаѣ представить ихъ вполне. Независимость моего труда, доказывается впрочемъ уже и тѣмъ, что часть моихъ результатовъ была напечатана еще въ 1857 году въ *Bullet. de la Soc. des Natur. de Moscou* № 7.

Измѣненіе температуры происходящія при смѣшиваніи двухъ жидкостей въ равныхъ объемахъ;

при температурѣ 15° — 20°.

	Ангинъ	Меелов. спиртъ	Бутирн. спиртъ	Уксусн. спиртъ	Хлороф. этиленъ	Хлороф. этиленъ	Ангинъ	Терпен. масло	Бензинъ	Старинст. углеродъ
Ангинъ.	—	+4,6	—0,4	—	+2,3	+3,0	+0,1	—1,6	—	—4,2
Меелов. спиртъ.	+4,6	—	—1,7	+1,2	—1,0	—2,0	+8,0	—0,1	—	—4,2
Алкоголь	—0,4	—1,7	—	—1,6	—2,4	—2,1	+2,2	—5,6	—2,3	—1,9
Бутир. кислота	—	+1,2	—1,6	—	+0,5	+2,0	+4,0	—1,0	—	—0,5
Уксусный спиртъ	+2,3	—1,0	—2,4	+0,5	—	—0,9	+9,3	—0,1	—	—3,1
Эфиръ об.	+3,0	—2,0	—2,1	+0,2	—0,9	—	+12,3	+2,5	—1,2	—0,5
Хлороформъ.	+0,1	+8,0	—2,2	+4,0	+9,3	+12,3	—	+0,6	—2,1	—0,5
Хлористый этиленъ.	—1,6	—0,1	—5,6	—1,0	—0,1	+2,5	+0,6	—	—6,2	—5,5
Ангинъ	—	—	—2,3	—	—	—1,2	—2,1	—6,2	—	+0,1
Терпен. масло.	—4,2	—4,2	—1,9	—0,5	—3,1	—0,5	—0,5	—5,5	+0,1	—
Бензинъ.	—	—	—2,1	—	—4,3	+0,6	+2,8	—	—	—
Старинст. углеродъ	—6,0	—8,0	—4,1	+5,1	—6,2	—2,6	—4,2	—8,9	—4,0	—0,5

Слѣдующія таблицы представляютъ результаты опытовъ, при которыхъ жидкости смѣшивались въ различныхъ пропорціяхъ ;

Отношеніе объема 1-й жидк. къ об. 2-й	Хлороформ. и эфиръ об.		Хлороформ. и уксусн. эфиръ		Хлороформ. и алькооль терпент. м.		Сѣрнист. угл. и алькооль сусн. эфиръ	
	1	7	+ 5 ^o ,6	+ 3 ^o ,5	+ 2,8	- 0,2	- 1,9	- 3,1
2	6	+ 9,2	+ 6,0	+ 3,7	- 0,4	- 3,2	- 4,8	
4	4	+ 12,3	+ 9,3	+ 2,2	- 0,5	- 4,1	- 6,2	
6	2	+ 8,2	+ 6,5	- 0,7	- 0,3	- 4,0	- 5,0	
7	1	+ 4,6	+ 4,0	- 1,9	- 0,2	- 3,3	- 3,5	

Отношеніе объема 1-й жидк. къ об. 2-й	Терпент. м. и алькооль		Терпент. м. и уксусн. эфиръ		Терпент. м. и эфиръ об.		Эфиръ об. и уксусн. эфиръ		Алькооль и уксусн. кислота		Вода и уксусн. кислота	
	1	7	- 0 ^o ,7	- 1 ^o ,2	- 0 ^o ,1	- 0 ^o ,2	- 0 ^o ,1	- 1,0				
2	6	- 1,6	- 2,0	- 0,2	- 0,6	- 0,2	- 1,0					
4	4	- 1,9	- 3,1	- 0,5	- 0,9	+ 0,3	- 0,0					
6	2	- 1,8	- 3,1	- 0,1	- 0,6	+ 0,4	+ 0,6					
7	1	- 1,3	- 1,3	- 0,1	- 0,4	+ 0,2	+ 0,6					

Я сдѣлалъ также рядъ опытовъ съ цѣлью опредѣлить, какія измѣненія объема сопровождаютъ тепловыя явленія обнаруживающіяся при соединеніи жидкостей.

Для этого я опредѣлилъ удѣльный вѣсъ нѣсколькихъ соединеній жидкостей. Въ небольшомъ стеклянномъ сосудѣ, плотно закрывавшемся стекляною пробкою, я отвѣшивалъ нѣкоторое количество одной жидкости, за тѣмъ прибавлялъ желаемое количество другой и снова взвѣшивалъ ; такимъ образомъ опредѣлялся составъ смѣси. За тѣмъ я опредѣлялъ ея удѣльный вѣсъ и удѣльный вѣсъ каждой изъ составныхъ частей въ отдельности при температурахъ очень близкихъ одна къ другой. Опредѣленія эти производились посредствомъ маленькихъ стклянокъ, подобныхъ тѣмъ, которыя употребляетъ для этой цѣли Коппъ ; для приведенія жидкости въ стклянкахъ къ чертѣ на ея шейкѣ стклянка погружалась въ сосудъ съ водою рядомъ съ термометромъ и послѣ продолжительнаго взбалтыванія воды производилось наблюденіе. Слѣдующая таблица заключаетъ результаты этихъ опытовъ. Количества жидкости показаны въ граммахъ ; при вычисленіи удѣльныхъ вѣсовъ вездѣ сдѣлана поправка на потерю вѣса въ воздухѣ. Всѣ удѣльные вѣсы отнесены къ водѣ при 0°.

1 смѣсь

Эфиръ обкновенный	2,724.
Хлороформъ	5,164.
Удѣльный вѣсъ смѣси при 15 ^o ,6	: 1,1087.

2 смѣсь

Уксусный эфиръ	3,227.
Сѣрнистый углеродъ	4,685.
Удѣльный вѣсъ смѣси при 16 ^o ,8	: 1,0662.

	<i>3 смесь.</i>		
Хлороформъ		5,802	
Сѣрный углеродъ		4,768	
Удельный вѣсъ смеси при 15°,0			1,3775
	<i>4 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный		2,818	
Сѣрный углеродъ		4,262	
Удельный вѣсъ смеси при 14°,9			0,9733
	<i>5 смесь</i>		
Уксусный эфиръ		3,274	
Хлороформъ		5,645	
Удельный вѣсъ смеси при 15,6			1,2003
	<i>6 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный		2,815	
Эфиръ уксусный		3,288	
Удельный вѣсъ смеси при 15,8			0,8075
	<i>7 смесь</i>		
Терпентинное масло		3,058	
Хлороформъ		5,656	
Удельный вѣсъ смеси при 18°,0			1,2087
	<i>8 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный		1,470	
Хлороформъ		8,398	
Удельный вѣсъ смеси при 16°,6			1,2983
	<i>9 смесь</i>		
Эфиръ обыкновенный		4,126	
Хлороформъ		2,627	
Удельный вѣсъ смеси при 17°,0			0,9222

Слѣдующая таблица представляетъ удѣльные вѣсы жидкостей вошедшихъ въ составъ изслѣдованныхъ смѣсей; для большей точности сравненія, эти удѣльные вѣсы опредѣлены при температурѣ очень близкихъ къ тѣмъ, при которыхъ взяты плотности самыхъ смѣсей и при томъ совершенно тѣмъ же способомъ.

Эфиръ обыкновенный	0,7188	при 16,6°
Уксусный эфиръ	0,8937	— 15,9
Сѣрный углеродъ	1,2690	— 15,9
Терпентинное масло	0,8976	— 18,0
Хлороформъ	1,4975	— 15,5
Хлороформъ	1,4936	— 18,0

На основаніи этихъ данныхъ вычислены результаты слѣдующей таблицы:

Въ первомъ столбцѣ показано количество обѣихъ жидкостей въ смѣси въ процентахъ по вѣсу.

Во второмъ столбцѣ помѣщенъ объемъ одного грамма смѣси средней ариѳметической V.

Въ третьемъ — объемъ 1 грамма смѣси действительный V'.

Въ четвертомъ — разность объемовъ V' — V.

Въ пятомъ — показано сжатіе $\frac{V' - V}{V}$

Въ шестомъ столбцѣ, наконецъ, измѣненіе температуры происходящее въ моментъ образованія данной смѣси. $T' - T$.

Небольшія поправки, нужныя для приведенія удѣльных вѣсовъ отдѣльныхъ жидкостей къ температурѣ при которой опредѣленъ удѣльный вѣсъ смѣси произведены при помощи таблицъ разширенія жидкостей Коппа.

	V	V'	V'-V	$\frac{V' - V}{V}$	T' - T
1. Эфиръ обыкновенный 34,53 Хлороформъ 65,47	0,9157	0,9020	+0,0137	+0,0149	+ 12°,3
2. Уксусный эфиръ . . 40,89 Сѣрный углеродъ 59,21	0,9239	0,9379	-0,0140	-0,0152	- 6,2.
3. Хлороформъ 54,89 Сѣрный углеродъ 45,11	0,7214	0,7260	-0,0046	-0,0064	- 4°,2
4. Эфиръ обыкновенный 40,06 Сѣрный углеродъ 59,94	1,0260	1,0274	-0,0014	-0,0014	- 2,6
5. Уксусный эфиръ . . 36,71 Хлороформъ 63,29	0,8332	0,8331	+0,0001	+0,0001	+ 9,3
6. Эфиръ обыкновенный 46,13 Уксусный эфиръ . . 53,87	1,2420	1,2383	+0,0037	+0,0030	- 0,9
7. Терпентинное масло . 35,09 Хлороформъ 64,91	0,8256	0,8273	-0,0017	-0,0021	- 0,5
8. Эфиръ обыкновенный 14,89 Хлороформъ 85,11	0,7757	0,7703	+0,0054	-0,0070	+ 8,2
9. Эфиръ обыкновенн. . . 61,10 Хлороформъ 38,90	1,1085	1,0844	+0,0241	+0,0217	+ 9°,2

Знаки + означаетъ сжатіе, знакъ — разширеніе въ 4-мъ и 5-мъ столбцѣ; въ шестомъ столбцѣ + показываетъ отдѣленіе тепла, — поглощеніе.

Какъ видно, нѣтъ прямого отношенія между измѣненіями температуры и измѣненіями объема при соединеніи двухъ жидкостей.

Приведенная таблица представляетъ всевозможныя комбинаціи этихъ двухъ явленій: сжатіе и отдѣленіе тепла, сжатіе и поглощеніе тепла и наоборотъ разширеніе и отдѣленіе тепла, разширеніе и поглощеніе тепла. Первый и второй опытъ даютъ значительное сжатіе, но въ первомъ случаѣ происходитъ значительное отдѣленіе тепла, во второмъ значительное поглощеніе его; при пятомъ опытѣ измѣненіе объема равно нулю, а между тѣмъ происходитъ значительное отдѣленіе тепла. Изъ всего этого нельзя заключать, однако что измѣненія объема не имѣютъ слѣдствіемъ тепловыхъ измѣненій въ моментъ образованія соединенія; напротивъ, механическая теорія тепла показываетъ намъ, что всякое измѣненіе объема должно имѣть слѣдствіемъ отдѣленіе или поглощеніе тепла; поэтому приведенная выше таблица доказываетъ только то, что, кромѣ измѣненій объема есть еще другія болѣе могущественныя источники тепловыхъ измѣненій, обнаруживающія свое вліяніе при соединеніи жидкости.

Я сдѣлалъ также рядъ опытовъ для того чтобы повѣрить наблюденіе Греэма, о вліяніи времени на тепловыя измѣненія при смѣшиваніи сѣрной кислоты съ водою.

Разницы которыя замѣтилъ Греэмъ, смѣшивая разбавленную сѣрную кислоту съ водою тотъ-часъ послѣ разбавленія ея и чрезъ нѣсколько часовъ, весьма незначительны и находятся совершенно въ предѣлахъ ошибокъ наблюденія, но такъ какъ онъ положительно высказалъ мнѣніе, что время имѣетъ вліяніе на величину тепловаго измѣненія въ этомъ случаѣ и такъ какъ самый фактъ представляетъ чрезвычайную важность, я счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько опытовъ для того чтобы окончательнѣе рѣшить этотъ вопросъ ¹⁾.

Смѣшиваніе производилось въ тонкомъ стеклянномъ сосудѣ вмѣщавшемъ до 600 граммовъ воды; вода и слабая сѣрная кислота брались всегда въ равныхъ объемахъ по 300 куб. сант. каждый; температуры наблюдались посредствомъ термометровъ съ произвольной скалой нѣвшихъ около 10^D на 1°; мѣшалки дополняли приборъ. Объ жидкости нѣтъ обыкновенно температуру на 0°,1 — 0°,2 различную и сообразно тому производилась поправка, при помощи теплоемкостей слабой сѣрной кислоты опредѣленныхъ Персономъ. Слѣдующая таблица представляетъ результаты этихъ опытовъ ¹⁾.

1 рядъ

Составъ кислоты:

Крѣпкой сѣрной кислоты	24,0 по вѣсу
Воды	76,0 по вѣсу

Возвышеніе температуры при смѣшиваніи съ водою:

Чрезъ 1 часъ по образованію соединенія *Чрезъ 24 часа.*

1 опытъ	0,72	0,69
2 "	0,71	0,71
3 "	0,72	
	<u>0,716</u>		<u>0,70</u>

2 рядъ

Сдставъ кислоты:

Крѣпкой сѣрной кислоты	31,0%	по вѣсу
Воды	69,0	—

Чрезъ 1 часъ *Чрезъ 24 часа* *Чрезъ 48 часовъ.*

1 опытъ	1,14	1,17	1,18
2 "	1,16	1,16	1,15
3 "	1,17	1,18	
	<u>1,16</u>		<u>1,17</u>		<u>1,16</u>

Полученныя разницы такъ малы что очевидно должны быть приписаны ошибкамъ наблюденій; заключеніе Греэма рѣшительно ошибочно.

¹⁾ Составъ кислоты при этихъ опытахъ опредѣлялся лишь приближительно такъ какъ для предположенной цѣли нѣтъ надобности съ точностію знать его.

IV. Отношеніе между измѣненіями средней теплоемкости при образованіи соединеній безъ опредѣленныхъ пропорцій и тепловыми явленіями обнаруживающимися при томъ.

Тепловые явленія, обнаруживающіяся при соединеніи жидкостей безъ опредѣленныхъ пропорцій, отличаются отъ тѣхъ, которыя наблюдаются при образованіи соединеній въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, многими весьма характерными особенностями; первыя, вообще говоря, гораздо слабѣ послѣднихъ и кромѣ того представляютъ еще ту въ высшей степени замѣчательную особенность, что имѣютъ иногда положительный иногда отрицательный знакъ, т. е. иногда происходитъ отдѣленіе тепла, а иногда поглощеніе тепла. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, я пришелъ къ тому заключенію, что для этихъ соединеній можетъ быть окажется вѣрнымъ предположеніе Лавуазье и Лапласа, приведенное на стр. 11.

Означивъ черезъ

Q и Q' — количества тепла отдѣляема или поглощаема при образованіи двухъ соединеній мы получаемъ по формулѣ Лавуазье и Лапласа

$$\begin{aligned} Q &= (ma + nb)(x + t) - (mc + nc)(x + t) + y \\ Q' &= (m'a' + n'b')(x + t) - (m'c' + n'c')(x + t) + y' \end{aligned}$$

Предполагая какъ на стр. 11, что $y = 0$ и $y' = 0$ и относя Q и Q' въ одному и потому же количеству соединенія p , такъ что

$$\begin{aligned} ma + nb &= p \text{ и} \\ m'a' + n'b' &= p' \end{aligned}$$

означая кромѣ того, чрезъ

Z и Z' — абсолютныя количества тепла заключающіяся въ p количествахъ перваго и втораго сочетанія жидкостей до соединенія, вслѣдствіе чего будетъ

$$\begin{aligned} ma + nb &= pZ \text{ и} \\ m'a' + n'b' &= p'Z' \end{aligned}$$

Получимъ отношеніе

$$\frac{Q}{Q'} = \frac{Z - c}{Z' - c'}$$

Если предположить, что $Z - c$ и $Z' - c'$ относятся между собою также какъ

разности теплоемкостей средней арифметической и действительной этихъ соединеній, то изъ этого вытекало бы то заключеніе, что тепловые измѣненія при соединеніи двухъ жидкостей были бы пропорціональны измѣненіямъ средней теплоемкости соединенія въ моментъ его образованія.

Но предположенія высказанныя выше не могутъ быть совершенно вѣрны, потому что теплоемкости жидкостей значительно и весьма различно измѣняются съ температурою; можно однакоже съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что если взять для опредѣленія Q и Q' двѣ комбинаціи однихъ и тѣхъ же двухъ жидкостей, то не смотря на значительную и различную измѣняемость ихъ теплоемкостей, разности теплоемкостей действительной и средней арифметической для каждой комбинаціи, все таки, хотя на столько будутъ приблизительно пропорціональны $Z - c$ и $Z' - c'$, что знаменн соответствующихъ разностей будутъ одна и тѣ же т. е. что отдѣленіе тепла при соединеніи двухъ жидкостей будетъ всегда сопровождаться уменьшеніемъ средней теплоемкости обѣихъ жидкостей въ моментъ соединенія, а поглощеніе тепла ея увеличеніемъ.

Я изобразилъ соединенія хлороформа съ алькоолемъ для повѣрки этого предположенія; первое изъ этихъ тѣлъ трудно получить въ чистомъ видѣ, а второе сильно притягиваетъ влагу, что весьма затрудняетъ опыты, но съ точки зрѣнія моей задачи это сочетаніе тѣлъ представляетъ весьма важныя выгоды.

1) При соединеніи 1 об. хлороформа съ 3 объемами алькоола происходитъ поглощеніе тепла, а при соединеніи 1 об. алькоола съ 3 об. хлороформа, напротивъ отдѣленіе тепла, слѣд., чтобы удовлетворить высказанному предположенію, и измѣненія теплоемкости въ обѣихъ случаяхъ должны бы были обратныя относительно другъ друга, т. е. въ первомъ должно бы оказалось увеличеніе, а во второмъ уменьшеніе средней теплоемкости.

2) Разность между теплоемкостію алькоола и теплоемкостію хлороформа весьма значительна, послѣдняя почти въ $2\frac{1}{2}$ раза менѣе первой, вслѣдствіе чего и измѣненіе этой разности можетъ быть опредѣлено съ достаточною точностію.

Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе имѣетъ важности, что можно было сомнѣваться, что измѣненія средней теплоемкости, въ моментъ соединенія вообще окажутся столь незначительными что ихъ нельзя будетъ измѣрить съ достаточною точностію; только опытъ могъ разрѣшить это сомнѣніе, которое во всякомъ случаѣ требовало, чтобы опредѣленія теплоемкостей имѣли наибольшую точность, какая возможна при современномъ состояніи экспериментальнаго искусства. Это-то обстоятельство принудило меня предпринять подробное изученіе методовъ для опредѣленія теплоемкостей, результаты котораго изложены выше.

Для разрѣшенія поставленнаго выше вопроса, я опредѣлилъ теплоемкость моего хлороформа, много алькоола и двухъ соединеній этихъ тѣлъ между собою.

Хлороформъ. Препаратъ употребленный мною полученъ отъ Г. Троммсдорфа изъ Эрурта; онъ не имѣлъ никакой реакціи ни кислой ни щелочной; прокаленный мѣдный купоросъ въ немъ не окислялся даже при очень долгомъ стояніи; удѣльный вѣсъ его при

0° оказался 1,5333

Определения теплоемкости дали следующий результат.

№	P	T	T - T'	Δt	M	m	C
I	198,4	37°,38	17°,35	3°,05	281,5	4,65	0,2260
II	189,8	31,43	15,81	2,67	281,5	4,65	0,2263
III	190,4	35,53	18,11	3,04	281,5	4,65	0,2234
IV	189,6	33,34	18,06	3,01	281,5	4,65	0,2233

Средняя . . . 0,2250

По опытам Рецьо средняя теплоемкость хлороформа при температурѣ около 20° 0,234; разница велика; по всей вѣроятности она происходитъ отъ того, что мой хлороформъ имѣлъ иной составъ чѣмъ препаратъ Рецьо: известно какъ трудно получить это тѣло въ чистомъ видѣ.

Алкооль полученъ также отъ Г. Троммдорфа; удѣльный вѣсъ при 0° оказался

до начала опытовъ . . . 0,81335
до окончанія опытовъ . . . 0,81371

Изъ этого видно, что въ продолженіи опытовъ алкооль почти не поглотилъ воды. По таблицамъ Г. Мендѣева, алкооль такого удѣльнаго вѣса содержитъ около 2% воды.

Определения теплоемкости дали слѣдующій результатъ.

№	P	T	T - T'	Δt	M	m	C
I	91,6	24°,78	9°,42	1°,98	281,5	4,65	0,5860
II	91,5	36,00	17,93	4,65	281,5	4,65	0,5961
III	91,5	31,20	14,47	3,01	281,5	4,65	0,5900
IV	81,7	35,20	18,62	3,28	290,1	3,15	0,5860

Средняя . . . 0,5895

По опытамъ Рецьо теплоемкость абсолютнаго алкооля (удѣльный вѣсъ не доказанъ)

при 20° 0,5951

разность слѣдовательно не выше 0°,01 всей величины теплоемкости.

1. Соединеніе хлороформа и алкооля.

Составъ: хлороформа 37,23
„ алкооля 62,77

Теплоемкость.

M = 290,1

m = 3,15

№	P	T	T - T'	Δt	C
I	100,0	34°,25	13°,00	2°,46	0,5174
II	100,0	37°,50	15,47	2,89	0,5100
III	100,0	38,36	16,01	3,00	0,5120
IV	100,0	36,38	14,52	2,73	0,5140

Средняя . . . 0,5134

2. Соединеніе хлороформа съ алкооламъ.

Составъ: хлороформа . . . 85,55
 „ алкоола 14,45

Теплоемкость.

$M = 290,1$

$m = 3,15$

	C	T	T - T'	Δt	C
I	137,0	35°,28	11°,50	1°,90	0,3273
II	137,0	35°,53	12,50	2,08	0,3295
III	136,7	34,58	12,01	1,96	0,3240
IV	136,6	34,04	13,26	2,18	0,3267

Средняя 0,3273

Слѣдующая таблица представляетъ измѣненія теплоемкостей при образованіи обоихъ соединеній выведенныя изъ представленныхъ таблицъ; въ ней

C — означаетъ теплоемкость соединенія среднюю арифметическую.

C' — теплоемкость определенную опытомъ.

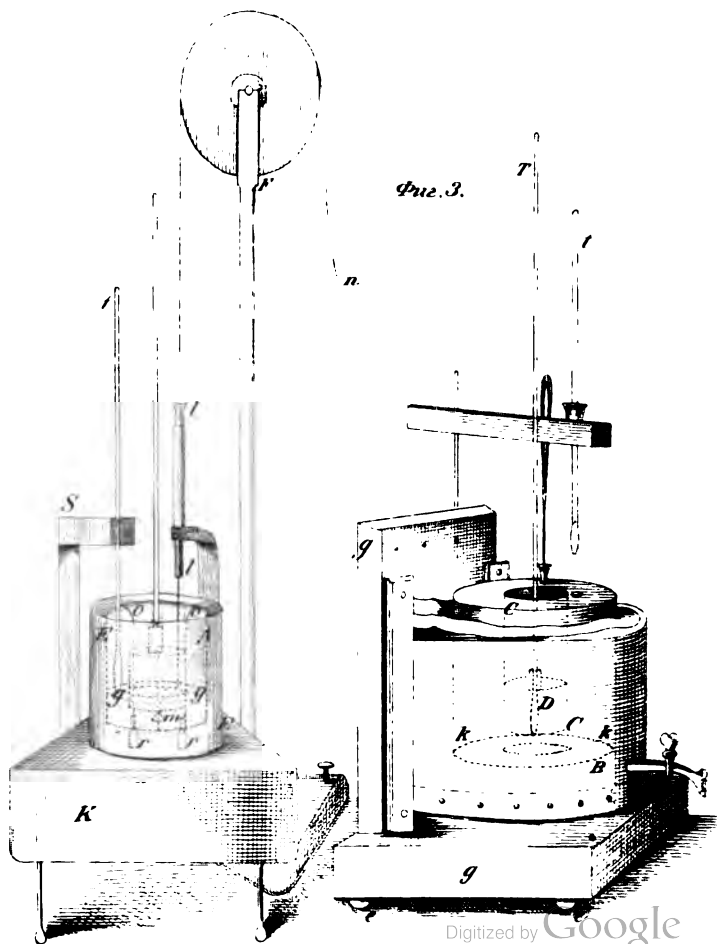
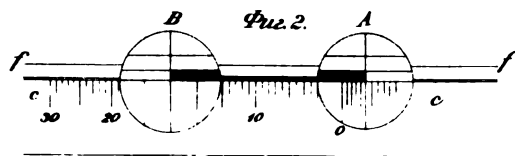
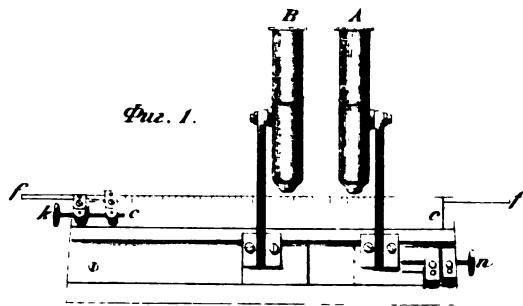
T' — T — измѣненіе температуры при образованіи этого соединенія.

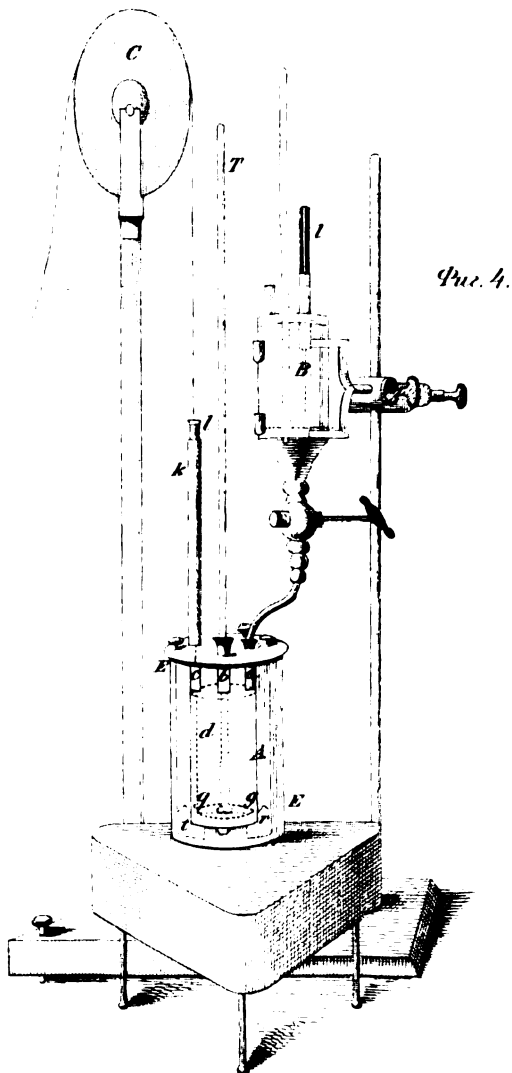
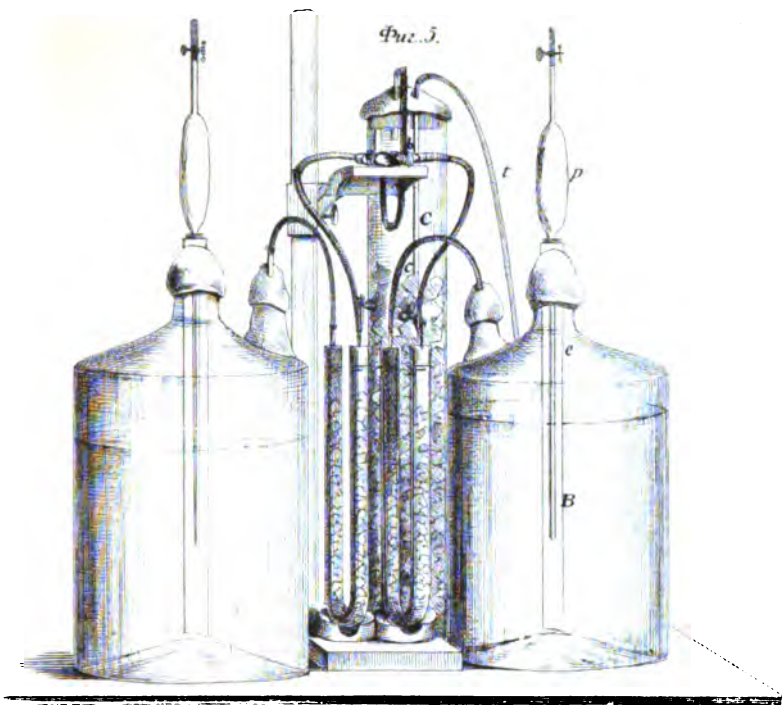
	C	C'	C - C'	$\frac{C - C'}{C}$	T' - T
I	0,454	0,513	0,059	0,132	- 2°,1
II	0,278	0,327	0,049	0,176	+ 2,3

Цифры этой таблицы приводятъ къ нѣсколькимъ весьма важнымъ заключеніямъ.

Во первыхъ, какъ видно, измѣненія средней теплоемкости въ моментъ соединенія весьма значительны; для перваго соединенія, это измѣненіе больше $\frac{1}{10}$ для втораго немного меньше $\frac{1}{5}$ всей величины средней теплоемкости. Никакъ нельзя было ожидать, что измѣненія эти будутъ столь значительны, но числа приведенныя выше несомнѣнно доказываютъ это. Строгое изученіе всѣхъ подробностей метода определеній теплоемкости и повѣрочные опыты съ водою не позволяютъ предположить, что методъ заключаетъ какую либо причину значительной постоянной погрѣшности, а согласіе результатовъ полученныхъ при повтореніи одного и того же опыта, доказываетъ, что и случайныя ошибки метода весьма малы; я убѣдился также въ томъ, что не было произведено ошибки при определеніи состава соединеній. Это определеніе производилось такимъ образомъ что посредствомъ пипеты съ тонкой шейкой и чертой на ней, отбиралось и вливалось въ сосудъ D нѣкоторое количество одной изъ жидкостей, сосудъ D закрывался пробкою и взвѣшивался; затѣмъ определялось такимъ же образомъ количество другой жидкости. Получивъ неожиданный результатъ представленный выше, я снова повѣрялъ емкость моихъ пипетъ, определявъ взвѣшиваніемъ количество хлороформа и алкоола, которое выливается изъ каждой изъ нихъ: я получилъ такимъ образомъ для состава обоихъ соединеній числа чрезвычайно близкія къ тѣмъ которыя дали настоящіе опыты; такимъ образомъ нѣтъ возможности усомниться въ точности результата даннаго этими опытами.

Далѣе, сравнивая измѣненія теплоемкости съ измѣненіями температуры происходящими при образованіи каждаго соединенія, мы видимъ, что никакого прямого отношенія между этими двумя явленіями не существуетъ. Опыты произведенные мною⁶ позволили подѣргнуть формулу Лавуазье и Лапласа, представляющую отношенія⁷ между измѣненіемъ средней теплоемкости и тепловымъ явленіемъ происходящими при соединеніи двухъ тѣлъ, контролю гораздо болѣе строгому нежели ихъ собственные опыты; предположенія допущенныя мною для того чтобы сдѣлать возможною эту повѣрку гораздо ограниченнѣе нежели тѣ, которыя допущены были этими двумя⁸ великими изслѣдователями; при моихъ опытахъ вліяніе измѣненій молекулярнаго состоянія не имѣло мѣста, такъ какъ обѣ составныя части и ихъ соединенія жидки; я не предполагалъ, что абсолютныя количества тепла въ тѣлахъ пропорціональны ихъ теплоемкостямъ; вмѣсто этого я предположилъ только что для двухъ соединеній составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же составныхъ частей только въ различныхъ пропорціяхъ, разности теплоемкостей дѣйствительной и средней арифметической, измѣняются съ температурою по закону приблизительно сходному въ обонхъ соединеніяхъ. Не смотря на то, результаты опыта, даже и при этихъ гораздо болѣе тѣсныхъ предположеніяхъ, какъ видно — противорѣчатъ выводамъ изъ основныхъ положеній Лавуазье и Лапласа. Изъ этого слѣдуетъ, что или даже и тѣ ограниченныя предположенія, которыя допущены мною, невѣрны, или, что еще вѣроятнѣе, слѣдуетъ полагать, что изучаемыя явленія несравненно сложнѣе, чѣмъ какъ представляетъ ихъ формула Лавуазье и Лапласа.

1. «Записки Императорскаго новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдельными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждые 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлежащимъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобренія факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

2.1.1
The following are the

Widener Library

3 2044 092 553 965